This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

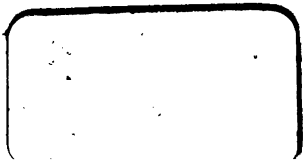
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PS1a0 475.65

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

У1
1895

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

14

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

№ 1. ЯНВАРЬ.

Саратов. Областная
БИБЛІОТЕКА
Периодика.

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
FEB 15 1974

74*2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близъ Невскаго просп.) № д. 11.
1895.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

Digitized by Google

PSlav 475.65 (No. 1 1895-1)

Печатаются и въ непродолжительномъ времени поступятъ въ продажу изданія редакціи:

I.

Князь В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ

Литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями. *А. П. Пятковскаго.* Изданіе второе, съ приложеніемъ портрета кн. Одоевскаго и писемъ къ автору отъ современниковъ князя: *барона А. Г. Жомини* и *княгини М. А. Вяземской.*

Первое изданіе внесено въ «Каталогъ ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства народнаго просвѣщенія». (Спб. 1880 г., № 1874).

FEB 15 1974
74 Н. * 2

ПО ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ВОПРОСАМЪ

Сборникъ публицистическихъ статей и этюдовъ. *Его же.* (Сюда войдутъ нѣкоторыя статьи изъ книги: «Живые вопросы», уже давно не имѣющейся въ продажѣ).

74 III. * 2

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БЕЦКІЙ И ЕГО ВРЕМЯ

Историческая монографія въ двухъ частяхъ: 1) Біографическій очеркъ Бецкаго, съ изложеніемъ его педагогической системы; 2) С.-Петербургскій Воспитательный Домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго (по документамъ нѣсколькихъ казенныхъ архивовъ вѣдомства Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи). *Его же.* Къ книгѣ будетъ приложенъ портретъ Бецкаго.

При выпискѣ этихъ книгъ изъ Главной Конторы, подписчики «Наблюдателя» будутъ пользоваться значительною уступкою.

88114

ГОСУД... ПУБЛИ...
Кирг. ... им. Н. Г. ЧЕРНЫШ...

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1895 Г. ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

ГОДЪ XIV „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ ГОДЪ XIV

Выходитъ ежемѣсячно 1-го числа, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

Вступая **въ 14-й годъ** изданія нашего журнала, мы будемъ вести его въ томъ же твердо установившемся направленіи, съ которымъ хорошо знакомы наши постоянные читатели. «**НАБЛЮДАТЕЛЬ**», прежде всего, стремился быть журналомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появлявшихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, пріютившихся подъ одною обложкою, *но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія* [1]). Общее же направленіе нашего журнала,—насколько намъ удалось выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики,—мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*. Всегда и во всемъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для русской свободной печати, мы стояли *за прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни—въ сторону свѣта, правды, нравственнаго и экономическаго благосостоянія*—съ сохраненіемъ, притомъ, всѣхъ заслуживающихъ уваженія историческихъ основъ нашего національнаго быта. Мы отрицали и аракчеевщину, идущую сверху, и пугачевщину, поднимающуюся снизу. Слѣдуя этому пути, мы отходили оди-

[1]) «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 до 1894 года) приложенъ къ декабрьской книгѣ прошлаго года.

Digitized by Google

наково-далеко и отъ дикаго обскурантизма нашей якобы «консервативной» прессы, и отъ буржуазно-космополитическаго «либерализма», весьма преклоннаго къ еврейству и защищающаго, главнымъ образомъ, его интересы. Изъ нашей прогрессивной программы мы навсегда и рѣшительно исключили фальшиво-гуманныя еврейскія симпатіи, которыя вторгнулись въ русскую прессу 60-хъ годовъ подъ либеральнымъ флагомъ «религіозной терпимости», благодаря тогдашнему полному невѣжеству относительно настоящаго — антисоціальнаго, а вовсе не религіознаго—смысла еврейскаго ученія; теперь же поддерживаются у насъ однимъ давленіемъ еврейскаго капитала. Разъясненію подлиннаго смысла талмуда и шулханъ-аруха—этихъ *гражданскихъ* и *политическихъ* кодексовъ еврейства—мы посвятили цѣлый рядъ изслѣдованій и этюдовъ: проф. *Ѳ. И. Леонтовича*, *А. П. Пятковскаго*, *М. В. Неручева*, *А. А. Быкова*, *А. Н. Котельникова*, *Н. Тембе*, *С. Трушко* и др. Своими документальными—историческими и статистическими—данными эти изслѣдованія значительно разогнали напущенный евреями туманъ и поставили, такъ называемый, «еврейскій вопросъ» на принадлежащую ему политико-экономическую почву [1]).

Этого *прогрессивно-національнаго направленія* мы намѣрены держаться неуклонно и на будущее время, не смотря на все тайное и явное противодѣйствіе небезкорыстныхъ служителей якобы «гонимаго племени».

Въ 1894 г., въ журналѣ были напечатаны: 1) **Горный ручей**, романъ *І. І. Ясинскаго*; 2) **Желѣзомъ и кровью**, историческій романъ изъ временъ завоеванія Кавказа при Ермоловѣ, *Д. Л. Мордовцева;* 3) **Съ добрымъ сердцемъ**, повѣсть *А. А. Виницкой*; 4) **Весною**, очерки *Ф. Д. Нефедова*; 5) **Неудача генерала Постромкова**, повѣсть *Н. Д. Маслова* (автора романа: «Изъяны воли»); 6) **Золоченая богема**, романъ *В. Свѣтлова*; 7) **Жизнь съизнова**, романъ *Н. Ѳ. Бажина;* 8) **Жертва иллюзіи**, романъ *К. В. Назарьевой*; 9) **Свѣтъ клиномъ сошелся**, повѣсть *В. А. Рышкова;* 10) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова;* 11) **Повѣсть честнаго гражданина** (по поводу «Дневника» Никитенка) *К. П. Медвѣдскаго*; 12) **Памиры и памирскій вопросъ**, *В. Острогорова*; 13) **Военное воздухоплаваніе**, *М. И. Венюкова*; 14) **Крестьянское хозяйство и народное продовольствіе**, *И. О. Фесенко*; 15) **О задачахъ городскаго самоуправленія**, *А. Н. Котельникова*; 16) **Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны**, *В. В. Птицына*; 17) **Казенный раввинатъ**, *Н. Тембе*; 18) **За-**

[1]) См. «*Наблюдатель*» 1882 г. №№ 2, 5 и 6; 1883 г. № 9; 1891 г. №№ 4, 5 и 6; 1892 г. №№ 2, 5 и 11; 1893 г. №№ 5 и 11; 1894 г. №№ 1 и 2; 1895 г. № 1.

дачи женскаго образованія, *Н. Цакни*; 19) **Къ вопросу о народной переписи**, *Статистика;* 20) **Падшіе ангелы** (изъ жизни «отдаленныхъ мѣстъ») *С. Ф. Годлевскаго*; 21) **Изъ американской жизни**, *В. Святловскаго*; 22) **Кавказскія минеральныя воды въ 1893 г.**, *Н. Щирскаго;* 23) **Законность управленія и кодификація права**, *Н. П. Дружинина*; 24) **Д. В. Григоровичъ**, *К. Говорова*; 25) **Чехи на Волыни**, *А. П. Липранди*; 26) **Работа, какъ наказаніе**, *А. О. Дукмасова*; 27) **Наша драматическая труппа**, *В. Свѣтлова*; 28) **На трехъ выставкахъ**, *И—а*; 29) **Первые шаги въ устройствѣ русской церкви въ Прагѣ**, *гр. П. А. Кутузова*; 30) **Наша журналистика**, *К—скаго*; 31) **Министерство земледѣлія**, *В. Г. Швецова*; 32) **Теорія Броунъ-Секара и ея примѣненіе**, *Его же;* 33) **Двѣ системы средняго образованія**, *Одного изъ родителей*; 34) **Путь къ Берлинскому трактату**, *Б. К. П.*; 35) **Наша музыкальная жизнь**, *В. С. Баскина;* 36) **Юліанъ Отступникъ**, историч. романъ *Феликса Дана*; 37) **Рабъ свѣта**, политическій романъ (съ англ.) *Генри Сетона Мерримена*; 38) **Лурдъ**, романъ *Эмиля Золя*; 39) **Заслуженный успѣхъ** (по поводу книги Диминскаго: «Евреи и ихъ вѣроученіе») *А. П. Пятковскаго*; 40) **И смѣхъ, и горе**, фельетоны *Ефима Простосердова* и пр., и пр.

Въ 1895 г., кромѣ вышеименованныхъ беллетристовъ, въ журналѣ снова примутъ участіе: **А. К. Шеллеръ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Д. И. Стахѣевъ, В. Л. Марковъ, И. Д. Ахшарумовъ** и мн. др.

Воспоминанія **А. П. ПЯТКОВСКАГО** (**«Изъ моего прошлаго»**), обѣщанныя читателямъ въ прошломъ году, отложены, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, до 1895 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Безъ доставки	12 р.	6 р.—к.	3 р.—к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	13 »	6 » 50 »	3 » 50 »
» пересылкою въ другія мѣста Россіи . . .	14 »	7 » — »	3 » 50 »
» » за границу	17 »	9 » — »	5 » — »

Полугодовая и трехмѣсячная подписка, съ доставкой и пересылкой внутри Россіи, разсчитана въ равныхъ доляхъ съ годовой, безъ надбавки.

Digitized by Google

Всѣ подписчики „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ (годовые, полугодовые и трехмѣсячные), желающіе получить ВТОРОЕ, дополненное, изданіе монографій А. П. Пятковскаго въ 2-хъ частяхъ: «ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ», приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 р. Къ оставшимся, въ небольшомъ количествѣ, экземплярамъ приложенъ портретъ автора.

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годоваго экземпляра. Гг. служащимъ—разсрочка (мѣсячная или по третямъ) за поручительствомъ гг. казначеевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Пушкинская ул., близъ Невскаго пр., № 11), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 38), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; въ Москвѣ,—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета). Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала.

Digitized by Google

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ „НАБЛЮДАТЕЛЯ".

Въ Главной Конторѣ, изъ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія «Наблюдателя», полные экземпляры журнала имѣются въ небольшомъ количествѣ только за 1893 и 1892 г.г.

Содержаніе журнала за 1893 г.

1) **Совѣсть зазрила**, романъ *А. Михайлова*; 2) **Лицемѣры**, романъ *І. І. Ясинскаго*; 3) **Ночь**, романъ *Н. Ѳ. Бажина*; 4) **Волчья яма**, романъ *П. Лѣтнева*; 5) **Надорванныя силы**, романъ *К. В. Назарьевой*; 6) **Къ чему?** романъ *И. Д. Ахшарумова*; 7) **Призраки минувшаго**, романъ *В. Свѣтлова*; 8) **Изъ любопытства**, разсказъ *А. А. Виницкой*; 9) **Что дѣлается въ деревнѣ?** разсказы *В. А. Рышкова*; 10) **Изъ воспоминаній**, *В. Р. Зотова*; 11) **Очерки иностранной литературы**, *Его же*; 12) **Борьба съ холерою**, *Н. П. Дружинина*; 13) **Эрнестъ Ренанъ** (по поводу его смерти) *В. В. Чуйко*; 14) **Неурожаи прошлаго вѣка** (по архивнымъ матеріаламъ) *П. В. Безобразова*; 15) **Артемій Петровичъ Волынскій**, историческая характеристика, *К. В. Ярошa*; 16) **Къ вопросу о преобразованіи государственнаго банка**, *Л. Н. Нисселовича*; 17) **О задачахъ искусства**, *К. Говорова*. 18) **Послѣдній могиканъ идейной поэзіи** (по поводу «Стихотвореній А. М. Жемчужникова») *Его же*; 19) **А. Н. Энгельгардтъ и его значеніе для русской культуры и науки**, *С. Ѳ. Шарапова*; 20) **Глинка и его Русланъ**, *В. С. Баскина*; 21) **Гуно и Чайковскій**, *Его же*; 22) **Иллинойсъ и Чикаго**, *М. И. Венюкова*; 23) **Ирландія въ 1893 г.** *Его же*; 24) **Народъ по еврейскому законодательству, древнему и новому**, *Н. Тембе*; 25) **Галаха и Агада** (къ еврейскому вопросу) *Его же*; 26) **Уѣздныя письма**, *Ѳ. Э. Ромера;* 27) **Изъ жизни французскаго резервиста**, *Ж. де-Кервильи;* 28) **Парижскія письма**, *Его же;* 29) **Условія правильнаго классическаго воспитанія и его нынѣшняя постановка**, *Одного изъ родителей;* 30) **Панамскій каналъ и его исторія**, *И. П.;* 31) **Философія права, какъ самостоятельный предметъ юридическаго факультета**, *А. Н. Котельникова;* 32) **Тяжелый годъ** (по поводу голодовки) *В. Бирюковича*; 33) **Тамбовскій оригиналъ и полемистъ** (по архивнымъ источникамъ) *И. И. Дубасова*; 34) **Школа жизни**, *М. Слобожанина;* 35) **Наша драматическая сцена подъ новымъ управленіемъ**, *В. Свѣтлова*; 36) **Михайловскій театръ**, *В. И.*; 37) **Бетховенъ, какъ человѣкъ и музыкантъ**, *В. Е. Чешихина;* 38) **Судъ и жизнь**, *А. О. Дукмасова;* 39) **Земельная неурядица въ Уфимской губерніи**, *А. Якимова*; 40) **По дорогѣ въ Корсику и на островѣ**, *М. В.;* 41) **Наташа** (былъ изъ станичной жизни) *Н. Затонскаго*;

42) **Наша журналистика**, *К-скаго;* 43) **Изнанка сцены** (театральный очеркъ) *В. Свѣтлова;* 44) **Студенческіе годы**, *Бывшаго студента;* 45) **Общественные идеалы Фридриха Нитцше**, *В. В. Чуйко;* 46) **Нужды нашего сельскаго хозяйства**, *В. Бирюковича;* 47) **Изъ жизни въ деревнѣ**, *И. Васина;* 48) **По цѣлебному предгорью Кавказа**, *М. Слобожанина;* 49) **Гимнъ торжествующей толпы** (произведенія гр. Л. Н. Толстаго) *К. П. Медвѣдскаго;* 50) **Докторъ Паскаль**, романъ *Эмиля Золя;* 51) **Партизаны**, романъ *Ганса Гофмана;* 52) **Американскій претендентъ**, романъ *Марка Твена* (съ англ.); 53) **Призракъ**, повѣсть *Перѣса Гальдоса* (съ испанскаго); 54) **Бѣлое братство**, романъ *А. Конанъ-Дойля* (съ англ.); 55) **Новая система**, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, *Бьёрнстерна-Бьёрнсона* (съ норвежск.); 56) **Разсказы Матильды Серао** (съ итальянск.) переводъ *П. Лѣтнева;* 57) **Мой пріятель Мюссаръ**, разсказъ *Л. Галеви* и пр., и пр.

Фельетоны *Ефима Простосердова*: **«И смѣхъ, и горе»** помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра **10** р. съ перес.; за полгода—**5** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

Содержаніе журнала за 1892 г.

1) **Изъ трясины на дорогу**, романъ *А. Михайлова (А. К. Шеллера);* 2) **Петербургскіе туманы**, романъ *І. І. Ясинскаго;* 3) **Итоги**, романъ *Н. Ѳ. Бажина;* 4) **Священный огонь**, романъ *Г. Таранскаго;* 5) **Вмѣсто хлѣба—камень**, романъ *П. Лѣтнева;* 6) **Ораторы**, романъ *К. В. Назарьевой;* 7) **По призванію**, романъ *В. Свѣтлова;* 8) **Лукавый попуталъ**, разсказъ *Ф. Д. Нефедова;* 9) **Карьера**, разсказъ *І. І. Ясинскаго;* 10) **Событіе** (картины изъ обыденной жизни) *А. А. Виницкой;* 11) **За что погибъ человѣкъ?** разсказъ *П. Добротворскаго;* 12) **Безъ цѣли**, повѣсть *кн. Б. А. Щетинина;* 13) **Желѣзнодорожный царекъ**, разсказъ *А. Молотова;* 14) **Что дѣлается въ деревнѣ?** *В. Рышкова;* 15) **Голодовки и способы ихъ предупрежденія**, *М. И. Венюкова;* 16) **Эволюція въ исторіи уголовнаго права**, проф. *Бѣлогриць-Котляревскаго;* 17) **Послѣднія произведенія гр. Толстаго**, *В. В. Чуйко;* 18) **Крестьянскій судъ въ его послѣднемъ фазисѣ**, *Н. П. Дружинина;* 19) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова;* 20) **Тамбовскіе дипломаты XVIII вѣка**, *И. И. Дубасова;* 21) **Художественныя выставки Рѣпина и Шишкина**, *В. В. Чуйко;* 22) **Любовь въ мірѣ животныхъ**, *П. В. Безобразова;* 23) **Религіозное движеніе въ Англіи**, *В. Флурансова;* 24) **Евреи въ Одессѣ**, *Л. М.;* 25) **Евреи вокругъ Одессы**, *В. Трушко;* 26) **Четырехсотлѣтіе открытія Америки**, *М. И. Венюкова;* 27) **Первая выставка народныхъ картинъ въ Петербургѣ**, *В. П. Воленса;* 28) **Можно ли поднять нашу земледѣльческую промышленность?** *А. К. Гриневскаго;* 29) **Очеркъ этическихъ ученій въ современномъ обществѣ**, *В. В. Чуйко;* 30) **Колумбовская всемірная выставка**, *М. И. Венюкова;* 31) **Научныя новости**, *Его же;* 32) **Наши театры**, *В. В. Чуйко;* 33) **Альфредъ Теннисонъ** (литер.-біографич. очеркъ) *Его же;* 34) **Шелли** (опытъ литературной характеристики) *Его же;* 35) **Оклеветанный геній** (А. С. Пушкинъ) *К. Го-*

ворова; 36) **Торжествующій разночинецъ,** *Его же*; 37) **Англійскій публицистъ XVII в.** (Даніэль Дефовъ) *А. С. Залшупина*; 38) **Генрихъ Гейне,** *В. В. Чуйко*; 39) **Опытъ литературной фальсификаціи** (по поводу книги г. Песковскаго: «Роковое недоразумѣніе») *А. П. Пятковскаго;* 40) **Какою должна быть крестьянская школа?** *Г. Яковлева;* 41) **Современное русское міросозерцаніе и его отраженіе въ литературѣ,** *К. П. Медвѣдскаго*; 42) **Профессіональные союзы во Франціи,** *Г.;* 43) **Позитивизмъ передъ судомъ научной критики,** *В. В. Чуйко*; 44) **О международномъ правительствѣ,** *В. А. Бѣлинскаго;* 45) **Курьезы талмудической мудрости,** *Н. Тембе;* 46) **Музыкально-театральная выставка въ Вѣнѣ,** *В. С. Баскина;* 47) **Наши театры,** *В. В. Чуйко;* 48) **Парижскія письма,** *Ж. де-Кервильи;* 49) **Разгромъ,** романъ *Эмиля Золя*; 50) **По тернистой дорогѣ,** романъ *Георга Эберса;* 51) **Ксантиппа,** историческій романъ *Франца Маутнера*; 52) **Народный учитель,** повѣсть *Эдмонда де-Амичиса;* 53) **Отверженный,** разсказъ *Матильды Серао*; 54) **Наша журналистика,** *К—скаго* и пр.

Фельетоны **Ефима Простосердова: «И смѣхъ, и горе»** помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра съ пересылкою: **8** р.; за полгода—**4** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

КРОМѢ ТОГО, ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

I.

„Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія",

монографіи и критическія статьи А. П. Пятковскаго, въ 2-хъ частяхъ, *второе*, **дополненное, изданіе. СПб., 1888 г. (около 40 печатн. листовъ).**

Содержаніе 1-й части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и другихъ предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-й части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I до Александра I-го); 2) Журнальный тріумвиратъ (изъ исторіи русской журналистики 30-хъ годовъ: Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) Князь В. Ѳ. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ, въ связи съ личными воспоминаніями; 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

Отзывы объ обоихъ изданіяхъ: въ «Голосѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Дѣлѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Недѣлѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Всемірной Иллюстраціи» и пр.

Digitized by Google

Къ оставшимся экземплярамъ втораго изданія приложенъ портретъ автора. **Цѣна 3 р. съ перес.** *Подписчики «Наблюдателя» (годовые, полугодовые и разсроченные) приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 р.*

II.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА.

изданіе (3-е) подъ редакціею **А. П. Пятковскаго.** Съ приложеніемъ портрета автора, факсимиле и статьи о его жизни и сочиненіяхъ.

С.-Петербургъ. 1862 г.

Цѣна **1** р. **25** к. съ пересылкою.

Изданіе одобрено ученымъ комитетомъ Министерства народнаго просвѣщенія, Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній и бывшимъ IV-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Во избѣжаніе излишней переписки и возвращенія денегъ, Главная Контора считаетъ необходимымъ предупредить, что изданные редакціею въ разное время: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**; 2) **Сераписъ**, историческій романъ *Георга Эберса*; 3) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Шпильгагена*; 4) **Князь В. Ѳ. Одоевскій**, литературно-біографическій очеркъ, *А. П. Пятковскаго*; 5) **Живые вопросы**, критическіе очерки и этюды изъ современной жизни, *Его-же*, 6) **Утѣха жизни**, романъ *Эмиля Золя* и 7) **Гражданскіе мотивы**, сборникъ стихотвореній—уже распроданы.

Digitized by Google

Изъ разсказовъ: „Концы и начала".

(„Пріютъ для престарѣлыхъ и убогихъ вдовъ и дѣвицъ".)

I.

Стоялъ ясный и морозный зимній полдень... Въ широкихъ и довольно свѣтлыхъ коридорахъ и кухняхъ большаго каменнаго зданія «Пріюта для престарѣлыхъ и убогихъ вдовъ и дѣвицъ», среди сотни старухъ и калѣкъ, одѣтыхъ въ форменныя холстинковыя платья рыжеватаго цвѣта, шла суматоха, какъ въ пчелиномъ ульѣ или муравьиной кучкѣ во время неожиданнаго переполоха. Правда, и каждый день, въ полдень, обыкновенно все приходило въ движеніе въ «пріютѣ», такъ какъ это часъ раздачи обѣда: старухи и приставленная къ нимъ прислуга снуютъ по коридорамъ со своими мисочками, чашками и плошками, толпятся въ кухняхъ каждаго этажа, спорятъ изъза кусковъ раздаваемаго надзирательницами, уже раздѣленнаго поваромъ на порціи, мяса; попрекаютъ одна другую, говорятъ другъ другу колкости. Но на этотъ разъ волненіе носило какой-то иной характеръ, чѣмъ ежедневное волненіе голодныхъ при дѣлежѣ и дачѣ корма. Никто не ехидничалъ, никто не огрызался. Всѣ сновали теперь изъ угла въ уголъ, всѣ говорили разомъ, всѣ сливались въ одинъ согласный хоръ, не споря, не ссорясь, а радуясь и ликуя. «Пансіонерки», то есть женщины, платящія за свое содержаніе деньги изъ своихъ собственныхъ средствъ, и «призрѣнницы», т. е. женщины, содержимыя на казенный счетъ, были одинаково радостно взволнованы сенсаціоннымъ извѣстіемъ, что въ «пріютѣ» открыта кража, и воры понесли заслуженную кару. Вездѣ слышались восклицанія:

— Наконецъ-то прозрѣли!

Digitized by Google

— Слава богу, давно бы пора!

— Достаточно дали нагрѣть ворамъ руки!

Какая-то старушонка изъ «призрѣнницъ», въ умиленіи отъ восторга, твердила совсѣмъ безсмысленныя фразы:

— Господи, Царица Небесная, Владычица Матушка... Не попустилъ, не попустилъ... Въ милосердіи своемъ призрѣлъ сиротъ и взыскалъ...

Не умилиться было невозможно: уже цѣлыхъ трое сутокъ ее, и вообще всѣхъ живущихъ въ «пріютѣ», кормили свѣжей провизіей, кормили, какъ на убой...

Новостью для старухъ былъ не самый фактъ кражи, а только обнаруженіе и признаніе этого факта высшимъ начальствомъ «пріюта». Всѣ давно говорили шопотомъ, сокрушительно вздыхая и охая, во всѣхъ углахъ, коридорахъ и закоулкахъ пріюта, что и Иванъ Петровичъ, смотритель пріюта, и Петръ Ивановичъ, экономъ пріюта, и болѣе мелкія сошки, въ родѣ вахтера, «у котораго жена въ шляпкахъ съ перьями щеголяетъ», и пріютскаго повара, «у котораго дѣти въ гимназіи учатся»,— однимъ словомъ, всѣ воруютъ вокругъ, «какъ разбойники на большой дорогѣ». «И у кого воруютъ? — говорили старушонки,—у нищихъ! Послѣднюю суму отнимаютъ». Не говорить объ этомъ пріютскимъ старухамъ и калѣкамъ было невозможно, потому что всѣ онѣ голодали изъ года въ годъ, изо дня въ день, получая, кромѣ отсыпныхъ фунта сахару и трехъ четвертей фунта кофе въ мѣсяцъ, только въ двѣнадцать часовъ ежедневный обѣдъ, состоявшій сперва, до «неурожая», изъ трехъ блюдъ, а потомъ, со времени неурожайныхъ мѣсяцевъ, низведенный до двухъ блюдъ, изъ которыхъ одно походило на грязную, тепловатую воду, именовавшуюся супомъ, а въ другомъ непремѣнно было или прогорькое масло, или что нибудь въ родѣ слѣдовъ, оставляемыхъ въ провизіи мышами. Надо замѣтить, что неурожай совпалъ какъ нарочно съ юбилеемъ одного изъ высокопоставленныхъ пріютскихъ покровителей, которому пріютскимъ начальствомъ, отъ имени всѣхъ живущихъ въ «пріютѣ», былъ сдѣланъ дорогой подарокъ. Еслибы сами старухи даже рѣшились не говорить объ этой «злобѣ дня», то о ней напоминали бы имъ ежедневно ихъ пустые желудки. Во всеуслышаніе, правда, объ этомъ никто не говорилъ. Напротивъ того, всѣ заявили, что онѣ всѣмъ довольны, когда высо-

Digitized by Google

копоставленный юбиляръ, принимая отъ нищихъ старухъ цѣнный подарокъ, благодушно спросилъ передъ лицомъ всего ихъ начальства, хорошо ли имъ жить въ пріютѣ. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ послышались торопливыя восклицанія:

— Батюшка, да чего же лучше?

— Какъ у Христа за пазухой живемъ!

— Намъ, старушкамъ, немного и надо...

И юбиляръ, и начальство остались довольны этими громкими, безъ всякаго принужденія высказанными, заявленіями, что все обстоитъ благополучно. Изъ разговоровъ же шопотомъ въ укромныхъ уголкахъ, конечно, не могло ничего выйти... И вдругъ всѣхъ облетаетъ вѣсть, что кража открыта, что воры найдены, что и Иванъ Петровичъ, и Петръ Ивановичъ, и вахтеръ, «у котораго жена въ шляпкахъ съ перьями щеголяетъ», и поваръ, «у котораго дѣти въ гимназіи учатся»,—всѣ полетѣли съ мѣстъ...

И какъ просто открылось повальное воровство!.. Въ первыхъ числахъ октября, умеръ одинъ изъ важныхъ и чиновныхъ попечителей «пріюта», а уже въ концѣ того же октября его новый, такой же важный и чиновный преемникъ,—числившійся генераломъ, какъ и первый, только не по статской, а по военной службѣ,—открылъ, что въ «пріютѣ» недостаетъ громадныхъ суммъ, что къ покойному попечителю въ имѣніе посылались для деревенскихъ продуктовъ холщевые мѣшки изъ-подъ муки и изъ-подъ крупъ, шедшіе прежде въ продажу ради улучшенія пріютской пищи; что къ тому же покойному попечителю отправлялись на кормъ его скота объѣдки и корки хлѣба, отъ продажи которыхъ прежде выручались деньги на отдѣлку пріютскаго сада; что по слѣдамъ умершаго попечителя шли уже безъ всякаго страха и экономъ, и смотритель, и вахтеръ, жена котораго своими перьями на шляпкахъ не давала покоя пріютскимъ старухамъ, и поваръ, который, какъ казалось тѣмъ же старухамъ, потому и моритъ всѣхъ голодомъ, что его дѣти учатся въ гимназіи... Всѣ эти злоупотребленія были открыты сразу новымъ попечителемъ, и онъ поступилъ по военному,—сразу же истребилъ всю непріятельскую армію... Про него, какъ про Гаруна-аль-Рашида, уже разсказывались легенды, какъ онъ ночью является въ «пріютъ», чтобы раннимъ утромъ «накрыть» принимающихъ провизію; что онъ подсы-

Digitized by Google

ıаетъ переодѣтыхъ людей разузнавать «со стороны», какъ кор-
ıятъ старухъ. Было очевидно изо всего этого, какъ сильно
'олодали въ «пріютѣ» и какъ всѣмъ хотѣлось вѣрить въ то,
ıто въ будущемъ ихъ будутъ кормить...

— Нѣтъ, нѣтъ, а какова Меленша-то? Она-то хороша!— ıа весь коридоръ горячилась окруженная старухами высокая ɔостомъ дѣвушка, исхудавшая, какъ скелетъ, обтянутый ко-кею, и уже довольно пожилая.

О томъ, что это не вдова, не чья нибудь разведенная жена, ı именно старая дѣвушка, легко было догадаться уже потому, ıто среди окружавшихъ ее старухъ она была безъ чепца и ɕаже безъ какого нибудь «фаншона» на облѣзлыхъ сѣдыхъ во-ɔосахъ.

— Черезъ нее, матушка Ольга Андреевна, все и шло, всѣ эти продѣлки-то! Она и была главная заводчица всему!—вста-вила свое слово одна изъ окружавшихъ ее старухъ, крошечное и юркое созданье изъ тѣхъ, которыя все знаютъ, все смекаютъ ɕаже и въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя ничего ни узнать, ни смекнуть.

— Да, да,—безсознательно согласилась Ольга Андреевна, ɕаже не разобравъ хорошенько словъ собесѣдницы. —Теперь ужь ясно, что она была любовницей покойнаго Кедрово-Со-кольскаго, черезъ нее онъ все и могъ обдѣлывать, живя въ своемъ имѣніи. Я давно это всѣмъ говорила, такъ мнѣ вѣрить не хотѣли. Лебезили всѣ передъ нею. Какъ же, человѣкъ въ случаѣ, власть имущій!.. И развѣ смѣла бы она поднимать носъ, еслибы за ея спиной не стоялъ Кедрово-Сокольскій? Про-стая кассирша изъ мѣщанокъ, а всѣмъ вертѣла. И Иванъ Пе-тровичъ, и Петръ Ивановичъ передъ ней въ струнку вытяги-вались.

— Да, ужь нечего сказать, мать-командиршу разыгрывала,— вставила опять свое замѣчаніе та же старуха.

— Ну, вотъ и шлепнулась въ грязь,—продолжала горя-читься ораторствовавшая старая дѣва.—Теперь ее вымажутъ всею этою грязью тѣ самые люди, которые пресмыкались пе-редъ нею; мѣстечка чистаго не оставятъ, за свое униженіе от-плачивая. И подѣлѡмъ, и подѣлѡмъ! Низкая душа!

Она перевела духъ и съ горечью произнесла:

— Нѣтъ, вотъ мы съ мамулей десять лѣтъ завѣдывали дѣт-

Digitized by Google

скимъ пріютомъ графини Озерецкой-Дашкевичъ, такъ только свое послѣднее состояніе прожили, что̀ послѣ освобожденія крестьянъ осталось, а не разжились, какъ эта дрянь. Честь да совѣсть была...

— Говорятъ, какъ стали провѣрять все, свои пять тысячъ внесла, только бы ее къ суду не потянули,—опять вставила свое замѣчаніе маленькая старушонка, пропуская мимо ушей послѣднія слова Ольги Андреевны, какъ не относящіяся къ интересовавшему всѣхъ событію.

— Ей что? Не пять тысячъ наворовала!—отвѣтила Ольга Андреевна.

— Ужь, должно быть, что больше,—согласилась собесѣдница.—На дняхъ встрѣтилась со мной, подняла носъ и фыркаетъ: хочу за границу съѣздить, отдохнуть хоть съ мѣсяцъ.

— Подлая! подлая!—вспылила Ольга Андреевна.—А еще считалась ученой и эмансипированной дѣвицей, на всѣхъ неучей да невѣждъ съ презрѣньемъ смотрѣла; всѣхъ насъ за старую, негодную ветошь считала, а оказалась на дѣлѣ простой воровкой и чужемужней содержанкой. Мразь, право, мразь! Всякое чистое да святое дѣло такія-то мѣщанскія души испакостятъ. И училась-то, чтобы ловчѣе умѣть воровать, да концы прятать, и эмансипацію-то защищала, чтобы вольнѣе на содержаніи жить, не просто отъ развращенности нрава, а по принципу свободной любви...

— А вы, Ольга Андреевна, кажется, болѣе всего рады не тому, что голодать не будутъ пансіонерки, а тому, что именно Наталья Францовна оказалась причастной къ разнымъ упущеніямъ,—нѣсколько язвительно и ядовито, но въ то же время ласковымъ и мягкимъ тономъ проговорила, приблизившаяся къ другимъ разговаривающимъ, слащаво улыбающаяся дама.

Эта кругленькая, подвижная и вѣчно предупредительная по манерамъ женщина, занимавшая должность надзирательницы втораго отдѣленія «пріюта», отличалась отъ всѣхъ прочихъ по своей внѣшности только тѣмъ, что на ней было надѣто не «казенное», а «свое» платье, то есть платье, сшитое не изъ той рыжеватой холстинки, которая выдавалась всѣмъ живущимъ въ пріютѣ старухамъ.

Ольга Андреевна быстро обернулась въ сторону подошедшей, и по ея лицу скользнуло выраженіе враждебности.

Digitized by Google

— Ну да, этому я и рада, Марья Васильевна, именно этому!— озлобленнымъ голосомъ отвѣтила она, уловивъ язвительность и ядовитость въ мягко и ласково произнесенныхъ словахъ. — А вы думаете, что слѣдуетъ радоваться тому только, что мы на нѣкоторое время не станемъ голодать, а будемъ жить только впроголодь, пока не истреплются и новыя метлы? Нѣтъ-съ, не этому слѣдуетъ радоваться, а тому, что подлецы, да притомъ поднимающіе носъ подлецы, гибнутъ. Я всегда, всегда рада, когда подлость и мерзость гибнутъ! Дышется вольнѣе, когда знаешь, что ихъ ждетъ наказаніе, что, можетъ быть, иной и побоится идти по ихъ стопамъ. Нынче-то вѣдь на совѣсть людей нечего полагаться, а хоть бы изъ страха подлостей не дѣлали...

Она, почти задыхаясь, выкрикивала эти желчныя фразы передъ снисходительно улыбающейся, своею застывшею улыбкой, Марьей Васильевной. Было сразу ясно, что Ольга Андреевна много настрадалась въ жизни и въ конецъ озлобилась. Слушая ее, однѣ со вздохомъ, молча, соглашались съ нею; другія, качая головами, говорили между собою, что очень ужь зла она. Съ ней теперь вообще было трудно ладить: она долголѣтними лишеніями и невзгодами какъ бы купила себѣ право обличать всѣхъ и за все,—однихъ за грабежъ, другихъ за низкопоклонство, совершенно игнорируя, что это право обличенія вовсе не къ мѣсту въ какомъ нибудь «пріютѣ» или въ какой нибудь «богадѣльнѣ»; что оно тутъ также не у мѣста, какъ золотыя украшенія на рубищѣ нищаго. Въ «пріютѣ» или въ «богадѣльнѣ» прежде всего нужны кротость и смиреніе или, вѣрнѣе сказать, кромѣ кротости и смиренія, ничего и не нужно.

Приходъ Марьи Васильевны почти обрадовалъ немного струсившихъ отъ рѣзкихъ фразъ Ольги Андреевны и смущенныхъ ею слушательницъ, напомнивъ имъ, что всѣ онѣ шли въ кухню, гдѣ сейчасъ должна была начаться желанная раздача обѣда. Говорить съ Ольгой Андреевной даже объ интересовавшей всѣхъ злобѣ дня было несовсѣмъ удобно: правда, теперь можно было бранить изгнанное начальство, но она не только бранила его, а и сомнѣвалась въ достоинствахъ новаго, постоянно говоря, что «метла хорошо мететъ, пока только нова», что «цыплятъ нужно по осени считать» и тому подобное. Всѣ такія фразы огорчаютъ умиленныя сердца во время всеобщаго

Digitized by Google

ликованія, отравляютъ наполняющую всѣ кроткія и смиренныя души радость, и притомъ у кого же въ «пріютѣ» можетъ быть настолько храбрости, чтобы отдѣлаться отъ тревожныхъ вопросовъ: «а что, если новое-то начальство услышитъ»?

Черезъ минуту, старухи уже сокрушительно шептались между собою въ кухнѣ:

— Охъ, ужь эта Ольга Андреевна! И откуда у нея столько злобы? Всѣхъ-то бранить готова! Ничѣмъ не довольна, когда только бы благодарить Бога нужно...

— Старая дѣва!—мягко и сострадательно повторяла Марья Васильевна въ отвѣтъ на эти какъ бы заискивающіе и оправдывающіе въ чемъ-то возгласы трусливыхъ старухъ.

Она любила прощать и примирять людей...

88114

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
Кирг. ССР. им. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Въ просторной комнатѣ, раздѣленной на части двумя драпировками изъ полосатаго тика и освѣщенной однимъ небольшимъ окномъ, царствовала полнѣйшая тишина, едва нарушаемая только чьимъ-то ровнымъ, крайне слабымъ дыханьемъ. Въ комнатѣ, не смотря на то, что въ ней все было безукоризненно чисто и заботливо прибрано, стоялъ невообразимо спертый и тяжелый воздухъ: пахло постельнымъ бѣльемъ, постоянно просушиваемымъ здѣсь за драпировкою у печки, разными мазями и лѣкарствами, ждановской жидкостью и благовонными куреніями, намекавшими на упорныя, но тщетныя попытки очистить воздухъ. Около одной изъ драпировокъ, на большой постели, лежала непомѣрно тучная фигура женщины, повернувшейся лицомъ къ стѣнѣ. На ней было надѣто поразительно бѣлое бѣлье; ея ноги прикрывались такимъ же бѣлымъ пикейнымъ одѣяломъ; въ ея лицѣ, въ обнаженныхъ плечахъ и рукахъ, казалось, не было ни кровинки; ея волосы походили на совершенно бѣлое блестящее серебро. Ее можно было бы счесть за мраморное изваяніе на гробницѣ, еслибы не слабое, ровное дыханіе, слегка колебавшее ея грудь, да не движеніе толстаго и короткаго указательнаго пальца ея правой руки, безсознательно чертившаго какіе-то узоры на выкрашенной сѣрою краской стѣнѣ. Это не былъ сонъ, это не было бодрствованіе.

Это было какое-то полузабытье съ безсознательными движеніями, гримасами, улыбками, капризами, смѣхомъ...

— Мамуля, не спишь? — послышался около нея вопросъ, сдѣланный такъ громко, какъ обыкновенно говорятъ съ плохо слышащими людьми.

Это говорила Ольга Андреевна, только что вернувшаяся изъ коридора, гдѣ только что обсуждался вкривь и вкось важный пріютскій вопросъ о паденіи пріютскаго министерства, поднявшій на ноги всѣхъ старухъ.

— Это ты, Оля? — спросила въ свою очередь, вмѣсто отвѣта, лежавшая на постели старуха и, не поворачиваясь, непріятно скосила правый глазъ, силясь увидать, кто съ ней говоритъ, стоя за ея спиной.

Лѣвый глазъ у нея былъ почти постоянно закрытъ.

— Я, мамуля!—отвѣтила дочь, заботливо поправляя на ней одѣяло.

— Теперь вечеръ?—спросила больная.

— Нѣтъ, утро; сейчасъ двѣнадцать пробило... Обѣдъ стали раздавать... Дарья пошла за нимъ...

— Не хочу, не хочу... Обѣда не хочу... дрызготню даютъ, ополоски... Кофе хочу,—капризно и рѣшительно заявила больная.

Ольга Андреевна слегка покачала головой и попробовала осторожно убѣдить мать:

— Обѣдъ испортишь, мамуля... а сегодня котлеты рубленыя изъ свѣжаго мяса... новое начальство...

— Кофе хочу, кофе хочу!—настаивала уже раздражительно мать, ударяя указательнымъ пальцемъ по стѣнѣ,—со сливками, съ пѣнками хочу...

Ольга Андреевна едва слышно вздохнула. Старухѣ нельзя было ни отказывать, ни противорѣчить, какъ тяжко больному ребенку. Всякое раздраженіе дѣйствовало губительно на ея здоровье.

— Хорошо, хорошо, я сейчасъ, — поторопилась успокоить ее дочь и, позвавъ старуху, пояснила:—Кофе мама хочетъ, Дарьюшка.

Это была ихъ прежняя дворовая. Вмѣстѣ съ господами, какъ вѣрный песъ, пережила она всѣ превратности ихъ судьбы и заканчивала теперь свой вѣкъ, какъ и онѣ, въ «пріютѣ», на общей половинѣ.

Digitized by Google

— Сейчасъ, сейчасъ,—отвѣтила худенькая и приземистая Дарья, уже давно привыкшая къ тому, что больная нерѣдко требуетъ во время обѣда кофе, а обѣдаетъ иногда вечеромъ; порой среди ночи просыпается и проситъ то кислой капусты, то каши, то солененькихъ грибовъ.

Для больной давно уже не существовало ни дня, ни ночи, а длилось только какое-то полусознательное существованіе. Паралличное состояніе ногъ и всей нижней части туловища лишило ее возможности ходить, сидѣть, ворочаться на постели. Находясь постоянно въ лежачемъ положеніи, ворочаемая при помощи простынь на постели, она, тучнѣя съ каждымъ днемъ, провела почти неподвижно уже цѣлыхъ три года. Бывали дни, когда докторъ былъ убѣжденъ, что ея дни и даже часы уже сочтены, но тяжелые кризисы мучительныхъ болей и страданій проходили, и она опять продолжала лежать въ прежнемъ положеніи, какимъ-то живымъ трупомъ. Стоило нечеловѣческихъ усилій двумъ старымъ, исхудалымъ и истощеннымъ женщинамъ, дочери и служанкѣ, чтобы содержать въ чистотѣ, чтобы спасать отъ пролежней, чтобы оберегать отъ лишеній этотъ живой трупъ. «И на что живетъ?—говорили въ «пріютѣ» про больную.—И себѣ въ тягость, и другихъ мучитъ». Кто-то метко сравнилъ больную старуху и ея дочь съ двумя колодниками, скованными одной цѣпью.

— У насъ, мамуля, новость: Меленшу, Ивана Петровича, Петра Ивановича, вахтера и повара, всѣхъ разомъ вчера смѣнили за кражи, — разсказывала ей дочь, присѣвъ у ея постели.

Полуоткрытый глазъ старухи, какъ-то рѣзко и непріятно блестя, зорко-искоса глядѣлъ на дочь.

— Мой глазъ вѣренъ, я всегда говорила, что они воры,— твердо проговорила старуха.—Воры и вышли! Ну, и погнали. Туда и дорога. Теперь другіе красть станутъ...

— Выгнать-то выгнали, да жаль только, что по міру не пойдутъ. Накрасть успѣли много,—озлобленно замѣтила дочь.— По міру честные люди идутъ, а ворамъ и въ Сибири хорошо. Справедливость тоже!..

— Кто честные-то? И про меня вонъ говорили, что краду!— равнодушно проговорила старуха.—Тоже воровка...

Ольга Андреевна заволновалась. Большей обиды для нея не

Digitized by Google

было, чѣмъ отнять у нихъ право гордиться своей честностью. Что же у нихъ останется, если отнять это право считаться честными?

— Еслибы ты-то крала, не были бы мы здѣсь въ богадѣльнѣ,—съ горечью произнесла она.—Не гибли бы впроголодь въ этой норѣ... ни свѣту, ни воздуху, ни людей. Кругомъ холопки какія-то, по душѣ холопки... шопотомъ проклинать готовы, а громко только и произносятъ, что благословенія... Меленшѣ руки лизать были готовы, пока она держалась въ силѣ; теперь загрызли бы ее, еслибы ей пришлось, какъ намъ, жить здѣсь Христа ради... И какъ это люди жить могутъ, когда на свѣтѣ ни правды, ни справедливости, ничего нѣтъ?..

Старуха оставалась по прежнему равнодушной къ тому, что говорила дочь, и продолжала выводить на стѣнѣ пальцемъ невидимые узоры.

— Кофе, кофе хочу! — вѣроятно, соскучившись слушать дочь, начала она повторять капризнымъ тономъ и уже снова стуча указательнымъ пальцемъ по стѣнѣ, точно выбивая тактъ.

— Сейчасъ, сейчасъ!—отвѣтила вернувшаяся въ комнату Дарья, придвигая круглый столикъ къ постели и ставя на него кофейникъ и чашки.

Она съ помощью «барышни»,—какъ называла Ольгу Андреевну,—начала съ усильемъ поворачивать грузное тѣло старухи-барыни на спину, въ то же время ловко подкладывая ей подъ голову и подъ спину подушки. Съ обѣихъ женщинъ — и съ барышни, и со служанки—катился градомъ потъ отъ непомѣрныхъ усилій. Больная же лежала, какъ бревно, не помогая имъ ни малѣйшимъ движеніемъ справиться съ нею, не дѣлая даже попытокъ двинуть хоть однимъ членомъ, и по ея широкому, болѣзненно-одутлому лицу блуждала какъ бы насмѣшливая улыбка, точно ей было смѣшно, что онѣ выбиваются изъ силъ и все таки не могутъ справиться съ нею. Эта улыбка за послѣднее время часто появлялась на ея лицѣ и немало смущала, даже возмущала постороннихъ, какъ безсердечная насмѣшка надъ ухаживающими за нею людьми; также смущалъ ея прищуренный лѣвый глазъ своимъ лукавымъ выраженіемъ, какъ бы подмигивающій съ ироніей людямъ. Только знавшіе

ее хорошо сознавали, что и эта насмѣшливая улыбка, и это мнимое лукавство въ выраженіи глазъ были слѣдствіемъ уже угасающаго въ ней сознанія, чѣмъ-то мимовольно и случайно застывшимъ на этомъ лицѣ.

— Разсказывай, Даша, сказки,—приказала больная старой служанкѣ, потягивая, какъ ребенокъ, вытянутыми и оттопыренными губами, съ блюдечка кофе, налитый и немного остуженный ея дочерью.

— Да, матушка-барыня, что же я буду разсказывать; я уже больше никакихъ новыхъ сказокъ не знаю, — отвѣчала Дарья,—а старыя вы всѣ переслушали...

— А ты старыя и разсказывай, старыя и разсказывай,— твердила барыня.—Я ихъ переслушала, а ты пересказывай...

Дочь налила, между тѣмъ, еще кофе изъ чашки на блюдечко и снова стала поить больную. Дарья, качая головой и усѣвшись у постели, стала разсказывать про Бову-королевича.

— Не такъ, не такъ!.. Пропустила, пропустила... Зачѣмъ пропускаешь?—остановила ее старая барыня, когда служанка, ради желанія сократить повѣствованіе, сдѣлала пропускъ въ сказкѣ.—Говори по порядку, какъ сказано въ сказкѣ. Не ты складывала сказки, не тебѣ и пропускать слова изъ нихъ...

Она снова стала втягивать съ блюдечка кофе.

— Меня не обманешь, я все помню,—говорила больная.— Молоды еще, чтобы меня обманывать. Тебѣ сколько лѣтъ?

— Пятьдесятъ пятый пошелъ, — со вздохомъ отвѣтила Дарья.

— А тебѣ, Оля?—обратилась больная къ дочери.

— Я на годъ старше Дарьи,—отвѣтила Ольга Андреевна.

— Вотъ то-то и есть, а мнѣ семьдесятъ девять,—сказала больная, подмигивая глазомъ.—Значитъ и не доросли до меня... а я все лучше васъ помню...

Что-то захватывающее за душу было въ этомъ полубессмысленномъ лепетѣ. И дочь больной, и служанка слушали ее, скорбно поникнувъ головами.

— А теперь спать, спать, спать... Стору спустить и спать,— заговорила поспѣшно больная.

— Мамуля, а ночью опять будешь мучиться безсонницей,— осторожно замѣтила ей дочь.

Digitized by Google

— Спать, спать хочу... Стору спустите, — настаивала больная.

Дочь и Дарья, разобравъ изъ-подъ спины больной подушки и уложивъ ее снова, поспѣшили спустить темную стору у окна. Потомъ въ полутьмѣ убрали посуду, стараясь не шумѣть и ходить на цыпочкахъ около засыпавшей больной. Минутъ черезъ пять, въ комнатѣ послышалось ея ровное и слабое дыханіе. Ольга Андреевна не спѣшно вышла на нѣсколько минутъ въ широкій коридоръ, чтобы вздохнуть болѣе свѣжимъ воздухомъ. На ней теперь, что называется, лица не было: блѣдная, худая, съ заострившимся носомъ и подбородкомъ, со ввалившимися глазами, она походила на покойницу.

III.

Наступали уже раннія сумерки, а Ольга Андреевна продолжала сидѣть все на той же скамьѣ въ коридорѣ, только навѣдываясь отъ времени до времени, не проснулась ли старуха-мать. Та на этотъ разъ заспалась не на шутку сладкимъ, крѣпкимъ сномъ, что̀ сулило впереди тревожную, безсонную ночь...

Ольгою Андреевною снова овладѣли тяжелыя думы о судьбѣ матери, о своей судьбѣ, о Меленшѣ... Эта дѣвушка была у Меленши, какъ бѣльмо на глазу, съ самаго перваго дня ея поступленія въ «пріютъ».

Удивительнаго тутъ не было ничего: Ольга Андреевна Бичунская и Наталья Францовна Меленъ (*Меленшей* ее звали только жительницы «пріюта», которымъ она на каждомъ шагу дѣлала дерзости) были двумя крайними противоположностями по рожденію, по воспитанію, по прирожденнымъ характернымъ чертамъ, по принадлежности къ разнымъ поколѣніямъ и разнымъ слоямъ общества. Ольга Андреевна выросла и получила домашнее воспитаніе подъ крыломъ матери, въ глухой небольшой деревнѣ, во времена крѣпостнаго права, не хлопоча ни о какихъ дипломахъ, не воображая никогда, что они ей понадобятся, что, можетъ быть, ей придется быть гувернанткой. Небогатая, некрасивая собой, она рано привыкла къ мысли, что ей придется весь вѣкъ скоротать въ дѣвушкахъ и, не отличаясь пылкимъ темпераментомъ, не особенно печалилась этимъ,

довольная тихой жизнью въ родной деревнѣ, гдѣ ее всѣ знали, всѣ любили, потому что «ужь она-то никому зла не дѣлаетъ». Съ нея было достаточно ея пассивныхъ добродѣтелей, ея немного вялыхъ радостей, ея нѣсколько затхлаго и заплѣсневѣвшаго роднаго угла съ немного одичалой природой, съ немного одичавшими людьми. «У насъ здѣсь тихо»! Этой фразой и характеризовалась ея жизнь, и выражалась высшая похвала этой жизни. Она, казалось, и не требовала ничего больше, привыкнувъ быть покорной дочерью, сознавая, что окружающіе ее любятъ, находя утѣшеніе въ молитвѣ, тихой, спокойной, безъ порывовъ къ чему-то еще неиспытанному, безъ пламенныхъ просьбъ о чемъ-то недостающемъ. Впрочемъ, еслибы она и вздумала сѣтовать на свою долю, то ей не позволила бы ея мать, Софья Зиновьевна. Это была довольно энергичная, здоровая русская натура. Она умѣла самостоятельно управлять своей деревней, оставшись рано вдовой, и, не притѣсняя замѣтно крестьянъ, сводила концы съ концами. Это была вполнѣ «матушка-барыня», какъ величали ее крестьяне, своего рода владѣтельная особа, гордившаяся умѣньемъ управлять своими подданными и видѣть, что они и ей даютъ жить, и живутъ сами. Глубокихъ вопросовъ о томъ, насколько справедливо и нравственно сидѣть на шеѣ крестьянъ, она не задавала себѣ и была увѣрена, что крестьяне ея до тѣхъ поръ и благоденствуютъ, пока ими управляетъ она. «Дай имъ волю—сейчасъ же запьютъ». Для нея это была такая же истина, какъ дважды два — четыре. Эмансипація крестьянъ свалилась на нее, какъ снѣгъ на голову, перевернула вверхъ дномъ всѣ ея понятія, всѣ ея соображенія, всѣ ея привычки: оказалось, что она умѣла хозяйничать «на готовомъ», при даровыхъ слугахъ, и вовсе не умѣла сводить концы съ концами, когда надо было купить каждую тряпку, торгуясь изъ-за гроша, слѣдя, чтобы ее не обокрали чужіе люди; оказалось, что въ сущности не она опекала крестьянъ, а они опекали ее, принося ей во-время и деньги, и холсты, и свои услуги. Въ какія нибудь десять лѣтъ она сдѣлалась чуть не нищей и, только благодаря старымъ знакомымъ, успѣла пристроиться въ небольшой дѣтскій пріютъ, основанный на широкую руку княгиней Озерецкой-Дашкевичъ въ память покойной княжны Озерецкой-Дашкевичъ, неожиданно умершей вслѣдствіе того, что

Digitized by Google

кому-то не позволили жениться на ней, или, наоборотъ, ей не позволили за кого-то выйти замужъ, — однимъ словомъ, вслѣдствіе трогательнаго романа. Какъ неожиданна была смерть молодой княжны, такъ неожиданно было и основаніе пріюта: онъ былъ основанъ сгоряча, «въ пику» кому-то, послужившему причиной смерти княжны, и уже черезъ годъ или черезъ два скуповатая княгиня стала раскаиваться за свою дорого стоившую затѣю. Пріютъ хотя и содержался не на одни ея средства, хотя въ его дѣлахъ и принималъ участіе цѣлый комитетъ, тѣмъ не менѣе львиная часть расходовъ падала на княгиню... Впервые въ это время ясно увидала Ольга Андреевна Бичунская, что ея распорядительная и хозяйственная мать, оторванная отъ земли, отъ кормильцевъ-крестьянъ, была въ сущности совсѣмъ неумѣлымъ человѣкомъ. Княгиня, а еще чаще ея приспѣшница, какая-то перезрѣлая дѣва, бывшая гувернантка ея дѣтей, Марья Даниловна Сирахъ, не разъ желчно замѣчала, что какимъ-то уличнымъ ребятишкамъ можно давать и черствыя булки, такъ какъ онѣ на копѣйку дешевле, и что имъ можно покупать на бѣлье и погрубѣе холстину, изъ какой дѣлаютъ половики, но Софья Зиновьевна возставала:

— Да гдѣ же у крошечныхъ дѣтей зубы для черствыхъ булокъ и корокъ, а насчетъ дерюги я скажу, что у меня и Дарья, дѣвка простая, никогда не нашивала бѣлья изъ холста, предназначеннаго на половики.

— Но вѣдь вы должны помнить, что комитетъ передержекъ не приметъ на свой счетъ,—поясняла визгливо и желчно дѣвица Сирахъ, ворочавшая и княгиней Озерецкой-Дашкевичъ, и еще болѣе—благотворительнымъ комитетомъ дѣтскаго пріюта.

Этотъ комитетъ, тронутый неожиданной смертью княжны, рѣшилъ въ память ея и въ честь предсѣдательницы комитета, княгини-матери, отдѣлить извѣстныя суммы на убѣжище для дѣтей, но это было сдѣлано сгоряча, и Марьѣ Даниловнѣ Сирахъ не нужно было дѣлать много усилій, чтобы ловко выяснить всѣмъ, кого это касалось, что дѣло сдѣлано было не только сгоряча, но и сдуру.

— Я все же не стану урѣзывать во всемъ содержаніе дѣтей и морить ихъ съ голоду; они и безъ того всѣ золотушныя и

Digitized by Google

малокровныя,—отвѣчала Софья Зиновьевна на всѣ замѣчанія о томъ, что она слишкомъ роскошничаетъ изъ чужаго.

И, по удаленіи начальства, чуть не по цѣлымъ днямъ ворчала:

— Варвары эдакіе, право, варвары!.. Дѣти и безъ того худосочныя да золотушныя, а они еще голодомъ изводить хотятъ... Да у насъ, у мужиковъ деревенскихъ, дѣти не въ примѣръ здоровѣе были...

Въ это время она впервые начала рѣзко замѣчать дочери на ея робкія соображенія объ ихъ положеніи:

— Что ты мнѣ говоришь, Оля, что мы и такъ все перезаложили! Что жь, не прикажешь ли нищихъ обирать и морить ихъ голодомъ? Нечего сказать, по благородному, по дворянски это будетъ! Старой-то этой дѣвкѣ хорошо говорить, какъ въ ней душонка мѣщанская — сапожника какого-то, да и то изъ жидовъ—дочь, а ужь мнѣ, матушка, отъ своихъ привычекъ на старости лѣтъ не отучаться. Совѣсть-то я не на базарѣ по случаю купила, такъ ее, какъ стоптанный башмакъ, изъ души не выкинешь. Звали матушкой-барыней и помру съ этимъ именемъ,—крохоборкой не буду.

Ольга Андреевна прониклась еще бо́льшимъ уваженіемъ къ матери и въ то же время терзалась мыслью о томъ, что́ будетъ, когда онѣ окончательно останутся нищими? Покуда все только закладывалось, а потомъ—нужно будетъ и продавать заложенное. Дѣтскій же пріютъ все уменьшался: отъ двадцати пяти дѣвочекъ осталось шестнадцать, отъ шестнадцати восемь, отъ восьми четыре,—вакансій не замѣщали, такъ какъ, по словамъ Марьи Даниловны Сирахъ, было бы всего цѣлесообразнѣе закрыть совсѣмъ это воспитательное заведеніе. По мѣрѣ того какъ уменьшалось число призрѣваемыхъ дѣтей, сводить концы съ концами по содержанію ихъ было все труднѣе и труднѣе, и когда въ пріютѣ осталось всего двѣ дѣвочки и было рѣшено поселить ихъ въ одной изъ «патріотическихъ школъ», — старухѣ Бичунской пришлось обратиться съ просьбой къ княгинѣ Озерецкой-Дашкевичъ пристроить и ее съ дочерью въ какой-нибудь благотворительный пріютъ для престарѣлыхъ женщинъ: у нея уже не было ни силъ для работы, ни средствъ для существованія. Княгиня Озерецкая-Дашкевичъ поручила какъ нибудь уладить это дѣло Марьѣ Даниловнѣ Сирахъ, и та дала почувствовать Бичунской, что́ значитъ зависѣть отъ нея, отъ

Digitized by Google

«дочери какого-то сапожника, да и то еще изъ жидовъ». Горькіе дни пережила и за себя, и за мать Ольга Андреевна, когда ей объявили, что за нее и за ея мать могутъ платить только половину того, что̀ требуется за пансіонерокъ въ «пріютѣ для престарѣлыхъ и убогихъ вдовъ и дѣвицъ». Пришлось искать благодѣтелей среди старыхъ знакомыхъ, которые согласились бы вносить другую половину требуемой суммы.

— Правду говорятъ, что отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся,—говорила старуха Бичунская.—Вотъ и сбылось: Христа ради существовать приходится. Да еще, можетъ быть, и не найдется добрыхъ людей, которые стали бы поддерживать насъ...

Добрые люди однако нашлись, и три семьи поручились за взносъ въ «пріютъ» недостававшихъ ста восьмидесяти рублей въ годъ. Но этихъ испытаній было еще мало: приходилось затѣмъ подавать просьбу попечителю Кедрово-Сокольскому, подвергаться осмотру доктора, достаточно ли больны и стары мать и дочь, чтобы быть принятыми въ пріютъ, и, кромѣ того, вести переговоры съ правой рукой Кедрово-Сокольскаго, Натальей Францовной Меленъ.

Ольгѣ Андреевнѣ, хлопотавшей за больную мать, впервые пришлось столкнуться лицомъ къ лицу съ невиданнымъ еще ею типомъ,—съ дѣвушкой-чиновникомъ, съ дѣвушкой-дѣльцомъ, и она почувствовала къ ней непреодолимую ненависть съ первой же встрѣчи.

Наталья Францовна выросла въ подвальномъ этажѣ громаднаго каменнаго зданія, среди столичной сутолки изъ-за куска хлѣба, подъ одинъ, сопровождаемый пинками и колотушками, припѣвъ матери-писарши, попавшей въ чиновницы:

— Что ты сидишь-то, сложа руки? Или приданое тебѣ припасено отцомъ? Отецъ-то самъ дрожитъ, какъ бы за штатомъ его не оставили, да подъ судъ не упекли? Замужъ-то безъ рубашки тебя никто не возьметъ; дураковъ теперь поубавилось; а ты учись своимъ горбомъ зарабатывать хлѣбъ: по міру нашляешься, если не научишься работать. Другіе-то могутъ сложа руки сидѣть, коли у нихъ карманы толсты, коли отцы накрасть успѣли, а у тебя-то шишъ въ карманѣ—вотъ и все твое богатство. Само оно къ тебѣ не явится, если не съумѣешь горбъ гнуть...

Digitized by Google

Этотъ припѣвъ, въ сопровожденіи тумаковъ и затрещинъ, заставилъ молоденькую дѣвочку проклинать ученье и трудъ, и въ то же время со скрежетомъ зубовнымъ шлепать по грязи въ дождь и снѣгъ на уроки, трудиться до поту лица безъ чужой помощи и зарабатывать горбомъ изо всѣхъ силъ медали и похвальные листы. Этотъ припѣвъ заставилъ ее сдѣлаться самостоятельной, эмансипированной барышней, хотя въ сущности она отдала бы все за то, чтобы какой нибудь «дуракъ» взялъ ее, уже порядочно исхудавшую и отощавшую въ гоньбѣ за медалями и похвальными листами,—взялъ бы на хлѣба въ качествѣ жены, которую не только кормилъ бы при жизни, но и послѣ смерти оставилъ бы съ пенсіей. Этотъ припѣвъ заставилъ ее ненавидѣть въ душѣ то время, въ которое отцы, подобные ея отцу, чиновнику стараго закала, дрожали, чтобы не остаться за штатомъ и не попасть подъ судъ, и въ которое стали выводиться «дураки», понявшіе, что становится все труднѣе и труднѣе жить на крестьянскій счетъ, на взяточничество, на казнокрадство, а слѣдовательно и слѣдуетъ избѣгать необходимости брать себѣ на шею «обузу», то есть жену и дѣтей. Этотъ припѣвъ толкнулъ ее въ среду тѣхъ восторженныхъ проповѣдниковъ труда и самостоятельности, безкорыстныхъ людей, которыхъ она презирала въ душѣ, какъ взбалмошныхъ идеалистовъ, какъ бѣсящихся съ жиру дворянчиковъ, какъ непрошеныхъ выскочекъ, и которымъ она явно волей-неволей поддакивала и льстила, чтобы черезъ нихъ получать работу, чтобы имѣть въ нихъ поддержку, такъ какъ большинство изъ нихъ было готово «сдуру» отдать послѣднюю рубашку нуждающемуся ближнему и распинаться за этого ближняго, ища ему работы, мѣста, поддержки. Нечего и говорить о томъ, какъ она смотрѣла вообще на богадѣленскихъ «старушонокъ», которымъ «умирать пора» и которыя «даромъ жрутъ чужой хлѣбъ», и какъ она взглянула въ особенности на Ольгу Андреевну, которая, по ея мнѣнію, какъ истая дармоѣдка изъ помѣщицъ, сперва «жирѣла» на счетъ крѣпостныхъ, а теперь будетъ «жирѣть» на счетъ общества и благодѣтелей, не стукнувъ пальцемъ о палецъ.

— Мы, несчастныя труженицы, никогда не имѣвшія ни кола, ни двора, ни рабовъ, должны весь вѣкъ гнуть горбъ, а

Digitized by Google

эти бѣлоручки весь вѣкъ дармоѣдничаютъ,—разсуждала она.—Имъ счастье!

И Ольга Андреевна, безъ всякихъ объясненій, съ первой же встрѣчи почувствовала, какое мнѣніе о ней сложилось у Натальи Францовны. Обѣ дѣвушки сразу сдѣлались врагами. Сколько обидъ за послѣдніе четыре года перенесла Ольга Андреевна отъ Натальи Францовны!

— А что ваша мать все по прежнему лежитъ?—спрашивала Меленъ у Бичунской, встрѣчая ее въ пріемной комнатѣ «конторы».

— Да,—отвѣчала Ольга Андреевна.

— Вотъ ужь истинное наказаніе божіе!—замѣчала Меленъ.

— Я не ропщу,—говорила Бичунская.

— Да, *вы* не ропщете, но каково *другимъ-то* платить за васъ,—говорила Наталья Францовна. — Не будь ея, вы бы могли еще пойти куда нибудь служить... въ экономки, въ няни...

О, какъ хотѣлось иногда Ольгѣ Андреевнѣ дать пощечину этой женщинѣ, а между тѣмъ нужно было молчать, сносить все. Женщины бываютъ порою жестоки, какъ самыя безсмысленныя дѣти, не понимающія иногда даже слова «жестокость». Наталья Францовна, вслѣдствіе невыгодно сложившихся житейскихъ обстоятельствъ, принадлежала къ числу именно такихъ жестокихъ женщинъ. Она съ умысломъ или безъ умысла, сознательно или безсознательно, давала людямъ понять, насколько выше ихъ стоитъ она, насколько ея жизнь полезнѣе ихъ жизни, какъ много должна она работать, тогда какъ они дармоѣдничаютъ. Не мудрено, что всѣхъ обрадовало паденіе этой личности и, конечно, болѣе всѣхъ радовалась Ольга Андреевна, какъ человѣкъ болѣе чуткій, болѣе воспріимчивый...

— Да, а все таки она припрятала, вѣрно, немало! — рѣшила мысленно Ольга Андреевна, вспомнивъ о всѣхъ обидахъ, перенесенныхъ отъ Меленши.—Ограбила нищихъ и совѣсть спокойна, и будущность не пугаетъ, за границу вонъ ѣдетъ; ни думать, ни заботиться не о комъ, благо сердца нѣтъ... А у насъ, съ мамулей, гроша за душой не имѣется! Какъ еще тянемъ день за днемъ,—одному Богу извѣстно! И что же будетъ дальше? Гдѣ силы, чтобы терпѣть еще? Гдѣ правда-то? Гдѣ справедливость?.. Видно, ворами надо быть...

Digitized by Google

Ея умъ все чаще и чаще останавливался на этихъ вопросахъ и, ожесточаясь, начиналъ мутиться. Гдѣ же божья правда, гдѣ же Его помощь? Нѣтъ, нѣтъ ничего... Она уже не могла вспомнить, когда въ послѣдній разъ молилась.

IV.

— Что, вѣрно, мамаша спитъ, что въ коридоръ отдохнуть вышли?—окликнула Ольгу Андреевну какая-то изъ сосѣдокъ, прерывая ея тяжелыя думы. — Воздухъ-то у васъ — хоть топоръ вѣшай!

— Воздухъ, какъ воздухъ,—рѣзко сказала Ольга Андреевна, не терпѣвшая даже намековъ на то, что ее что нибудь тяготитъ дома.

— Ну, ужь гдѣ же! Извѣстно, больной человѣкъ въ комнатѣ. Однѣхъ простынь сколько въ день приходится перемѣнить. Кромѣ того, мази да спирты разные... Нѣтъ, я бы на вашемъ мѣстѣ положила мамашу въ лазаретъ, — посовѣтовала сосѣдка.

— Въ лазаретъ? Мать отправить въ лазаретъ? — воскликнула Ольга Андреевна почти съ ужасомъ.

— Ну, да, а то вы и сами изведетесь, ходя за ней. Еще, храни Господи, раніше ея умрете, — сообразила простоватая сосѣдка.

— Ступайте, ступайте!—внѣ себя крикнула Ольга Андреевна.—Не выводите вы меня изъ терпѣнія... Кому моя мать мѣшаетъ? Кому я жалуюсь на свою судьбу? Вы слышали отъ меня жалобы? слышали?

Она точно обезумѣла, точно ей нанесли кровную обиду. Эти минуты, когда она почти теряла сознаніе, повторялись все чаще и чаще. Послѣ нихъ, ей становилось обидно и совѣстно за себя, за свои нервныя вспышки, а въ головѣ, какъ удары молота, певторялся одинъ и тотъ же вопросъ: «Но что же будетъ дальше»?

— Да никто и не говоритъ этого,—начала оправдываться, смущенная окрикомъ Бичунской, сосѣдка.

— Что жь вы всѣ ко мнѣ съ совѣтами лѣзете? Одинъ то, другой другое совѣтуетъ! Вѣдь эдакъ жить нельзя, жить нельзя! Или руки намъ на себя наложить? — почти со слезами уже,

упавшимъ голосомъ, проговорила Ольга Андреевна, отвернувшись въ сторону.

— Ахъ, нервы-то, нервы-то какъ у васъ разстроены! — вздохнула съ сожалѣніемъ сосѣдка.—Другіе-то рады, коли къ нимъ съ участьемъ отнесутся, а вы... точно кто обижать васъ желаетъ...

Она, оскорбленная и негодующая, отошла, качая сострадательно головой, отъ Бичунской и встрѣтилась въ коридорѣ съ новымъ экономомъ, вѣжливымъ и сдержаннымъ въ обращеніи, прямымъ, какъ палка, нѣмцемъ.

— Вы у Бичунской были?—спросилъ онъ.

— Да, говорила сейчасъ съ Ольгой Андреевной,—отвѣтила словоохотливая старушка.—Въ коридорѣ она сидитъ, въ комнатѣ-то у нихъ не продохнешь. Вотъ-то у нея нервы разстроены... хоть не подходи къ ней — сейчасъ облаять готова всякаго...

— Разстроятся, когда три года около умирающей провести придется,—серьезно замѣтилъ экономъ.—Я слышалъ, что она всю себя посвятила уходу за матерью...

— Да вѣдь что же ей больше и дѣлать?—замѣтила не безъ ехидства старушка.—Еще слава богу, что та жива, а то куда бы она дѣлась: скелетъ скелетомъ: ни работать, ни служить такой-то...

— А теперь вотъ еще,—продолжалъ въ раздумьѣ экономъ,—не знаю, какъ и сказать... одинъ изъ ихъ поручителей извѣщаетъ, что онъ вслѣдствіе измѣнившихся денежныхъ обстоятельствъ не можетъ болѣе вносить шестидесяти рублей въ годъ за нее и за ея мать.

— Такъ какъ же? дѣлать-то что онѣ будутъ?—заговорила уже съ любопытствомъ старуха.

— Не знаю ужь, право,—сказалъ задумчиво экономъ.—Надо будетъ подумать... рѣшить на чемъ нибудь...

Онъ неспѣшной походкой пошелъ по направленію къ Ольгѣ Андреевнѣ, а старушка торопливо направилась въ общую кухню сообщить сенсаціонную пріютскую новость: ужь не рѣшится ли пріютское начальство держать Бичунскихъ за двадцать пять рублей вмѣсто тридцати? Тогда, пожалуй, еще хуже кормить будутъ: вѣдь если тутъ пять рублей, да тамъ пять рублей наверстать надо, то обѣдъ-то и станутъ дѣлать поплоше.

Digitized by Google

И безъ того немало въ пріютѣ даровыхъ нахлѣбницъ: пріѣдутъ погостить, начальство разрѣшитъ, ну, и гостятъ по недѣлямъ даромъ у матерей да у бабушекъ, а имъ изъ милости порціи даютъ, у пансіонерокъ ѣду утягиваютъ. А тоже изъ какихъ это средствъ пятерымъ слабымъ и больнымъ молоко ежедневно даютъ? конечно, изъ той же платы, которую пансіонерки за себя платятъ?.. Старухи не могли не интересоваться такими важными вопросами, такъ какъ отъ того или другаго рѣшенія этихъ вопросовъ зависѣли и качество, и количество отпускаемой имъ ѣды. Эта ѣда и безъ того была плоха и скудна, и чѣмъ хуже была она, тѣмъ жостче и безсердечнѣе относились онѣ ко всякимъ распоряженіямъ начальства, касавшимся дозволенія какой нибудь дочери погостить въ пріютѣ при умирающей матери или разрѣшенія давать какой нибудь больной ежедневно порцію молока. Именно здѣсь можно было лучше всего наблюдать, до какого безсердечія можетъ дойти человѣкъ, когда дѣло идетъ о его послѣднемъ кускѣ хлѣба... Извѣстіе, сообщенное пріютскимъ старухамъ сосѣдкой Бичунской, было именно такого рода новостью, которая могла заинтересовать и взволновать всѣхъ.

Не взволновалась, повидимому, только сама Ольга Андреевна, когда экономъ сообщилъ о непріятности, постигшей ее. Она выслушала сообщенное имъ извѣстіе, точно окаменѣвъ, не проронивъ ни слова, не выронивъ ни слезы...

— Что же вы думаете дѣлать?—спросилъ онъ, немного погодя, удивленный кажущимся спокойствіемъ слушательницы.

— Что?—безсмысленно повторила она и замолчала, тупо смотря въ пространство.

«Несовсѣмъ еще добилъ!»—пронеслось въ ея головѣ, и ея лицо приняло выраженіе какого-то ожесточенія. Потомъ она проговорила, какъ бы размышляя вслухъ:

— А если отпускаемое на насъ бѣлье не выдавать намъ?.. Бѣлья и такъ довольно покуда... чаще стирать придется, вотъ и все... Тоже мою порцію обѣда и кофе не выдавать?

Онъ смотрѣлъ на нее, не понимая; на минуту ему показалось, что она сама не сознаётъ, что говоритъ.

— Да какъ же вы-то безъ ѣды останетесь?—спросилъ онъ наконецъ.—Порціи и такъ не велики... всего въ обрѣзъ.

— Ахъ, что я! что это всѣ обо мнѣ говорятъ, точно сго-

ворились! Что я? что я? Мамуля жила бы!—воскликнула она, повидимому, не сознавая вполнѣ того, что̀ говоритъ.

— Нѣтъ, такъ не годится... объ этомъ надо серьезно подумать,—проговорилъ онъ, поднимаясь съ мѣста.

Онъ пошелъ отъ нея, сказавъ еще разъ, что онъ подумаетъ, и сознавая, что она просто невмѣняема, что она, пожалуй, умретъ раньше матери. Это было бы страшнымъ несчастіемъ для старухи... Онъ безсознательно оглянулся на ходу и въ темнѣющемъ воздухѣ увидалъ еще разъ смутное очертаніе фигуры Ольги Андреевны. Худая, похожая на остовъ, обтянутый кожей, съ сѣдыми, какъ серебро, волосами, она сидѣла неподвижно, уронивъ руки на колѣни, похожая на темный призракъ, окутанный вечерними сумерками.

— Барышня, барышня,—окликнула ее торопливо Дарья,—барыня сѣсть хотятъ...

Это была самая тяжелая пытка для Ольги Андреевны—усаживать больную: приходилось звать на помощь казенную здоровую, молоденькую дѣвушку изъ «воспитонокъ» и втроемъ, съ непомѣрными усиліями, поднимать отяжелѣвшую неподвижную больную, обкладывая ее кругомъ подушками, чтобы она не свалилась.

— Оля, Оля! сидѣть хочу!—послышался голосъ больной, какъ только вошла къ ней въ комнату дочь.—Устала лежать, сидѣть хочу....

— Сейчасъ, мамуля, Дарья только Настю приведетъ,—отвѣтила Ольга Андреевна.

Въ ожиданіи прихода казенной дѣвушки, Ольга Андреевна остановилась у кровати матери. Въ ея головѣ мелькали странныя, отрывочныя мысли: «Меленша правду говорила, что другимъ не легко поддерживать насъ, вотъ одни и отказали уже въ поддержкѣ. Другіе тоже откажутъ... Что жь, оно и понятно. Дармоѣдки мы съ матерью... Всегда были дармоѣдками. Приканчивать такихъ-то надо... Приканчивать?.. Господи, что̀ за мысли идутъ въ голову!.. Грѣхъ одинъ... Что жь, ну да, грѣхъ, грѣхъ, а кто навелъ на грѣхъ? Самъ Богъ оставилъ... Самъ Онъ забылъ. Ну, и уповать перестала, и ропщу, и въ церковь не хожу болѣе... окаянная, совсѣмъ окаянная, силъ нѣтъ молиться... Злодѣи благоденствуютъ, воры ликуютъ, а мы... Что̀ мы сдѣлали, чтобы насъ мучить, чтобы насъ казнить? Что̀»?..

— А что?—съ суровымъ взглядомъ, обращеннымъ къ переднему углу, спросила она вслухъ.

Въ этомъ мрачномъ взглядѣ была безумная злоба, ненависть, ожесточеніе.

— Мамашу посадить пришли мы съ Настей,—послышался голосъ Дарьи, полагавшей, что Ольга Андреевна обращается съ вопросомъ къ ней.

Ольга Андреевна очнулась: ее охватилъ ужасъ; ей казалось, что на мгновеніе она потеряла разсудокъ...

Минутъ черезъ пять, три женщины уже возились около больной, поднимая ее.

— Ты пѣть умѣешь?—спрашивала между тѣмъ больная у краснощекой Насти, улыбаясь своей загадочной, насмѣшливой улыбкой и щуря лукаво лѣвый глазъ.

— Умѣю, Софья Зиновьевна,—отвѣтила Настя, съ трудомъ переводя духъ отъ возни и отирая съ лица потъ.

— Ну, вотъ и пой. У меня въ деревнѣ дѣвушки всегда пѣли за работой... веселыя были всѣ. Помнишь, Оля? Плетутъ кружево и поютъ... ягоды собираютъ и поютъ. У насъ все свое было: и кружева, и холстъ, и грибы, и ягоды. Много всего было... Въ церковь ходили, молиться ходили... теперь не ходимъ... На постели меня, что ли, носить?..

Она засмѣялась и продолжала:

— А Оля у меня безбожницей стала... Говоритъ: за что Богъ наказываетъ, за что? Да, ишь какая любопытная стала... чего захотѣла узнать. А ты вотъ поди, спроси у Бога-то... Тоже всѣ бы рады узнать, за что, хорошо бы узнать. А? Хорошо было бы?.. Хорошо бы вѣдь, Оля?

Больная опять засмѣялась беззвучнымъ смѣхомъ, словно издѣваясь надъ кѣмъ-то.

— Отвѣчать не хочетъ, сердится,—закончила она, видя, что дочь ей не отвѣчаетъ, и неожиданно снова приказала:

— Ну, пой же, Настя... пой... пой... Хочу, чтобы пѣли... чтобы пѣли хоровую...

Ольга Андреевна, у которой щемило сердце и мутилось въ головѣ, молящимъ тономъ шепнула Настѣ:

— Спой, голубушка!

Настя, сперва конфузясь и немного ломаясь, сказала:

— Что [illegible] пѣть, барышня?

Саратовская Областная БИБЛИОТЕКА Периодика.

Digitized by Google

А потомъ затянула тихо заунывную пѣсню и сама, незамѣтно для себя, расчувствовалась, подперевъ щеку рукою... Старуха продолжала насмѣшливо улыбаться и щурить лукаво лѣвый глазъ, все глубже и глубже опускаясь въ окружавшія ее подушки.

— Барышня!.. а барышня!—боязливымъ шопотомъ окликнула, наконецъ, Дарья Ольгу Андреевну.

Та словно очнулась отъ тяжелаго сна.

— Что?—тихо отозвалась она.

— Барыня-то... барыня-то... смотрите!—указала въ ужасѣ служанка на старую барыню.

Ольга Андреевна только вскрикнула, взглянувъ на мать, совсѣмъ опустившуюся на постели среди подушекъ всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ, съ безпомощно упавшей на грудь сѣдою головою...

V.

— Да какъ же такъ? когда же?—волновались опять въ пріютскихъ коридорахъ всѣ старухи, собравшись, рано поутру, въ кучки.—Теперь только бы жить да жить, отдыхая отъ столькихъ трудовъ, а она...

— Да когда же это? Ночью, вѣрно? И съ чего?.. Письма нешто никакого не оставила?

— Ну да, кому было писать? Никого вѣдь не осталось. Чужіе, что ли, тужить станутъ? Увидали бы кровь, содрогнулись бы, а то письма... Нужны имъ чьи нибудь письма!..

— Да, но все же...

— Крестъ надѣла на шею на новой тесемкѣ, все бѣлье чистое надѣла на себя, и бухъ черезъ форточку,—разсказывали женщины, знающія всю подноготную.—Подъ утро, въ пять часовъ, слышали, какъ что-то мягкое на дворѣ шлепнулось... дрова это стали носить дворники... поглядѣли, а это она... лежитъ и трепещется...

— Жива, значитъ, еще была?

— Жива не жива, а такъ какъ бы въ предсмертномъ трепетаніи находилась...

— Самогитова еще вчера вечеромъ видѣла ее, послѣ того какъ мать-то умерла... говорятъ, ровно не въ своемъ умѣ

Digitized by Google

была,—дополнялись подробности разсказа.—Да и экономъ вчера замѣтилъ, что она не въ своемъ умѣ... говорилъ онъ съ ней, когда еще мать жива была, а она несуразное все такое ему въ отвѣтъ... «Мнѣ — говорила —ничего не надо, ни одежды, ни ѣды... чего обо мнѣ заботятся»? Обижалась даже, что ей же добра желаютъ...

— Была бы въ своемъ умѣ, не сдѣлала бы этого... только бы теперь отдыхать, а она—нà-вотъ, поди... Три года ходила-ходила за больной, ни днемъ, ни ночью отдыха не знала, а теперь вольною птицей стала—живи не тужи, какъ у Христа за пазухой... Нѣтъ, ужь извѣстно, что не въ своемъ умѣ была! — обсуждали сосѣдки вопросъ о самоубійствѣ Ольги Андреевны.

Она, послѣ смерти матери, рано утромъ выбросилась въ окно изъ коридора на пріютскій дворъ...

А. Михайловъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

Два стихотворенія.

I.

Какъ птички раннею весной,
Щебечутъ дѣти за стѣной...
Ихъ тѣшатъ, развлекаютъ сказки,
И матери любимой ласки
Оберегаютъ ихъ покой.

Я это счастье также зналъ,
Меня—ребенка—согрѣвалъ
Лучъ нѣжной материнской ласки...
Я вѣрилъ всей душою въ сказки,
Тоскливыхъ мукъ не понималъ.

И вотъ теперь, въ тяжелый часъ,
Когда я гордыхъ силъ запасъ
Истратилъ, счастье—стало сказкой;
Тотъ лучъ меня согрѣлъ бы лаской,
Но онъ давно уже погасъ!

Digitized by Google

II.

Бываютъ дни—меня отчаянье объемлетъ,
Какъ Каинъ, мѣста я себѣ не нахожу,
Напрасно я слова святыхъ молитвъ творжу,
Душа не молится и тѣмъ словамъ не внемлетъ.

Я чувствую—растетъ отчаянье въ груди,
Окутывая все передо мной туманомъ...
Прошедшее полно мучительнымъ обманомъ,
И счастья свѣтлаго не видно впереди.

Такъ дольше жить нельзя! Такъ жить нѣтъ больше силы!
Душа, какъ пыткою, истерзана тоской,
И жаждетъ отдыха, и нуженъ ей покой,
Хотя бы это былъ покой самой могилы!

А. Кругловъ.

Digitized by Google

ЕВРОПА ВО ВСЕОРУЖІИ.

Странное, удивительное явленіе представляетъ современная намъ Европа!

Со всѣхъ сторонъ ея слышатся мирныя увѣренія, миръ считается высшимъ благомъ человѣчества, его прославляютъ всѣ и, повидимому, дорожатъ имъ, какъ зеницей ока. Тѣ горячія чувства, которыя вызвала во всей Европѣ кончина въ Бозѣ почившаго нашего Царя-Миротворца, какъ нельзя ярче свидѣтельствуютъ о тѣхъ всеобщихъ симпатіяхъ, какими пользуется въ наше время идея всеобщаго мира. Но ей не только симпатизируютъ, ее восхваляютъ и устно, и—особенно—печатно; для пропаганды ея въ различныхъ городахъ западной Европы ежегодно собираются, такъ называемые, «конгрессы мира», въ которыхъ участвуютъ выдающіеся общественные и даже государственные дѣятели, депутаты парламентовъ, писатели, ученые и всѣ вообще друзья мира, имѣющіе вліяніе на политику или пользующіеся вліяніемъ въ обществѣ. На конгрессахъ этихъ, хотя и имѣющихъ вполнѣ частный характеръ, но привлекающихъ все бо́льшее число членовъ и бо́льшее сочувствіе европейскаго общества, обсуждаются вопросы всеобщаго мира, пропагандируется разоруженіе европейскихъ государствъ и развивается идея замѣны войнъ третейскими судами. И гуманная идея эта находитъ себѣ почву въ современной Европѣ: въ послѣдніе годы было уже нѣсколько случаевъ разрѣшенія международныхъ несогласій путемъ третейскаго суда.

Словомъ, по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ, въ Европѣ господствуетъ безусловно мирное настроеніе и, кажется, нѣтъ въ ней ни одного человѣка, который рѣшился бы нарушить это настроеніе, взявъ на себя отвѣтственность за послѣдствія такого нарушенія. Напротивъ, общія стремленія сводятся, повидимому, къ поддержанію этого мирнаго настроенія; войны никто въ Европѣ не желаетъ, ее считаютъ величайшимъ бѣдствіемъ, котораго не только страшатся, но избѣгаютъ даже говорить о немъ открыто. Возникающія время отъ времени международныя несогласія, различные инциденты и политическіе конфликты, изъ-за которыхъ въ другое время обяза-

Digitized by Google

тельно возгорѣлась бы война,—въ наше время не имѣютъ серьезнаго значенія, благодаря чему они не принимаютъ слишкомъ остраго характера и улаживаются дипломатическимъ путемъ. Изъ устъ монарховъ, политическихъ дѣятелей и парламентскихъ ораторовъ безпрестанно раздаются мирныя увѣренія и вся европейская печать всегда съ восторгомъ привѣтствуетъ ихъ, зная, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ общему настроенію современной Европы. По замѣчанію баронессы Зутнеръ (извѣстной пропагандистки мира, редактора-издательницы журнала «Waffen nieder») «идея мирнаго разрѣшенія международныхъ вопросовъ до такой степени вошла въ понятія всѣхъ образованныхъ людей, что война считается теперь анахронизмомъ» [1]). И, дѣйствительно, агитація противъ войны охватила нынѣ уже всю Европу; не только въ Англіи и во Франціи, но даже въ Германіи—этой странѣ «желѣза и крови», заразившей своимъ милитаризмомъ всѣ государства,—пропаганда мира получаетъ все болѣе широкую организацію; десятки «ферейновъ мира» уже существуютъ во всѣхъ германскихъ государствахъ.

При такихъ, повидимому, прочныхъ устояхъ мира, казалось бы, европейскимъ народамъ остается только наслаждаться благами его, всецѣло отдавшись мирному развитію по пути прогресса и цивилизаціи. Миръ обезпеченъ, войны — этого ужаснѣйшаго бича благосостоянія народовъ—не предвидится, по крайней мѣрѣ, въ не столь отдаленномъ будущемъ,—слѣдовательно, ничто не мѣшаетъ внутреннему преуспѣянію европейскихъ государствъ и народовъ, и росту ихъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ.

Что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Не смотря на всѣ мирныя увѣренія, не смотря на абсолютный миръ и общее нежеланіе войны, Европа находится *на военномъ положеніи*, представляя собою колоссальный вооруженный лагерь! Европейскіе народы не наслаждаются благами мира; нравственныя и матеріальныя силы ихъ не растутъ, а, напротивъ, падаютъ, и иныя государства (напримѣръ, Италія) дошли уже до полнаго финансоваго разстройства, отъ котораго до государственнаго банкротства всего одинъ шагъ. Милліоны рабочихъ рукъ отняты отъ дѣла, милліоны семей разорены, налоги утроились,—развѣ при такихъ условіяхъ миръ можетъ считаться благомъ и развѣ при такомъ мирѣ можетъ правильно развиваться экономическое благосостояніе государствъ и народовъ?

Не странно ли и не удивительно ли, въ самомъ дѣлѣ, слѣдующее явленіе: всѣ въ Европѣ говорятъ о мирѣ, война страшитъ всѣхъ, а между тѣмъ всѣ государства находятся въ боевомъ положеніи,

[1]) См. рѣчь ея на послѣднемъ международномъ «конгрессѣ мира», состоявшемся въ августѣ 1894 года, въ Антверпенѣ.

Digitized by Google

готовыя тотчасъ же начать драку; всѣ находятъ чрезвычайно тягостными расходы на вооруженія и содержаніе милліонныхъ армій, а между тѣмъ всѣ государства продолжаютъ вооружаться, ежегодно увеличивая численный составъ своихъ армій; наконецъ, всѣ восхваляютъ миръ, всѣ дорожатъ имъ на словахъ, видя въ немъ залогъ общаго блага, а въ то же самое время всѣ тяготятся этимъ вооруженнымъ миромъ, далеко не считая его благомъ...

Не смотря на абсолютный миръ и общее мирное настроеніе, Европа всегда находится въ страхѣ, ежеминутно ожидая, что разразится страшная гроза, гроза, которая, по общему убѣжденію, должна залить всю Европу потоками человѣческой крови, ослѣпить ее блескомъ стали и огня, и оглушить пушечнымъ грохотомъ. Все это, весьма естественно, порождаетъ общее безпокойство; повсюду чувствуется нервное напряженіе, принимающее все болѣе и болѣе острый характеръ,—и, въ концѣ концовъ, среди европейскаго общества начинаетъ уже находить себѣ приверженцевъ мысль, что война, какой бы она ни была, во всякомъ случаѣ лучше нынѣшняго «вооруженнаго мира», который уже второе десятилѣтіе держитъ и неизвѣстно сколько еще можетъ продержать Европу въ боевомъ положеніи, требующемъ все бо́льшаго и бо́льшаго напряженія и вызывающемъ непосильныя затраты.

Мысль эту можно, конечно, не раздѣлять и позволительно сомнѣваться, чтобы она восторжествовала когда нибудь, такъ какъ нѣтъ положительно никакой гарантіи въ томъ, что послѣ ужаснѣйшей всеевропейской войны,—которая будетъ стоить милліоновъ человѣческихъ жизней и неисчислимыхъ матеріальныхъ жертвъ,—Европа разоружится и вооруженный миръ не будетъ продолжаться. Напротивъ, скорѣе слѣдуетъ полагать, что послѣ войны, въ которой, конечно, одни явятся побѣдителями, а другіе побѣжденными, отношенія между государствами (которымъ удастся уцѣлѣть) еще болѣе обострятся и, слѣдовательно, вооруженный миръ не только будетъ продолжаться, но и потребуетъ еще бо́льшаго напряженія. Жизнь Европы въ настоящее время уподобляется жаркому лѣтнему дню, когда, среди солнечнаго блеска и ласкающаго щебетанья птицъ, на небосклонѣ виднѣются темно-свинцовыя грозовыя тучи, изъ которыхъ поминутно падаютъ молніи и слышатся отдаленные раскаты грома. Повидимому, онѣ идутъ стороной, нисколько не угрожая вамъ, но тѣмъ не менѣе вы уже находитесь въ страхѣ, ежеминутно оборачиваясь въ ихъ сторону, такъ какъ знаете, что достаточно малѣйшаго измѣненія вѣтра, чтобы онѣ быстро надвинулись на васъ; чудное «сіянье голубаго дня», которымъ вы наслаждаетесь, въ одну минуту можетъ смѣниться зловѣщей тьмой, забушуетъ природа и

Digitized by Google

надъ самой головой вашей разразится страшная гроза. Быть можетъ, все и обойдется благополучно, гроза васъ не задѣнетъ, но, сознавая свое безсиліе предотвратить бѣду, вы уже не можете оставаться покойнымъ, пока на горизонтѣ виднѣются зловѣщія тучи.

Точно въ такомъ же положеніи находится въ послѣднее десятилѣтіе Европа. Небо ея чисто и ничто, повидимому, не предвѣщаетъ бури, но на горизонтѣ ея все время виднѣются темныя, зловѣщія тучи и слышатся отдаленные раскаты грома. Тучи заволокли кругомъ весь небосклонъ и, хотя не подымаются высоко, но въ то же время и не скрываются за горизонтъ, какъ бы ожидая только попутнаго вѣтра, чтобы въ одинъ мигъ окутать всю Европу. При такомъ положеніи, конечно, европейское общество не можетъ оставаться спокойнымъ; оно постоянно наблюдаетъ за положеніемъ виднѣющихся тучъ, зорко слѣдитъ за движеніемъ вѣтра и, ожидая каждую минуту неблагопріятнаго измѣненія его, весьма естественно готовится, чтобы гроза не застала его врасплохъ. Такое состояніе, продолжающееся къ тому же долгіе годы, конечно, порождаетъ нервное напряженіе, усиливающееся еще тѣмъ обстоятельствомъ, что направленіе вѣтра измѣняется поминутно, такъ что гроза можетъ нагрянуть внезапно.

Правда, никто въ Европѣ не хочетъ допускать даже и мысли объ этомъ; въ послѣднее время все чаще и настойчивѣе заводится даже рѣчь о всеобщемъ разоруженіи. «Я надѣюсь—сказалъ недавно старѣйшій изъ европейскихъ монарховъ, уважаемый датскій король Христіанъ IX,—что прожилъ достаточно времени для того, чтобъ увидѣть Европу вступившею на путь сокращенія военныхъ расходовъ, а европейскихъ государей—принимающими мѣры для охраны управляемыхъ ими народовъ противъ постоянно усиливающихся тягостей вооруженій. Въ Петербургѣ, гдѣ считаютъ своею миссіей сохраненіе мира, уже вполнѣ готовы вступить на этотъ путь, а мой добрый другъ, императоръ австрійскій, не менѣе расположенъ сдѣлать все возможное для этой цѣли. Мнѣ никогда не случалось говорить объ этомъ съ германскимъ императоромъ, потому что всякій молодой государь мечтаетъ о новыхъ лаврахъ; но я увѣренъ, что король итальянскій не сталъ бы возражать противъ обсужденія вопроса о сокращеніи тягостей военныхъ расходовъ... Я увѣренъ поэтому, что Россія, Австрія, Испанія и даже Италія, одинаково желаютъ долгаго періода мира и освобожденія всѣхъ европейскихъ народовъ хотя бы отъ части тягостей, налагаемыхъ на нихъ вооруженіями».

Несомнѣнно, что всѣ желаютъ этого, мало того—всѣ надѣются на это, всѣ стремятся къ этому. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ въ без-

Digitized by Google

молвиномъ согласіи признаютъ невозможность разоруженія и «освобожденія всѣхъ европейскихъ народовъ хотя бы отъ части тягостей, налагаемыхъ на нихъ вооруженіями». Мало того—никто не желаетъ даже серьезно думать объ этомъ, такъ какъ, повидимому, всѣ согласны съ мнѣніемъ князя Бисмарка, что «еслибы сохраненіе европейскаго мира зависѣло отъ мирныхъ увѣреній монарховъ могущественныхъ державъ и ихъ руководящихъ министровъ, то трудно себѣ представить, почему могъ бы наступить конецъ мирному положенію, господствующему въ настоящее время. *Но обстоятельства часто сильнѣе людей*»...

Вотъ эти-то «обстоятельства», которыхъ невозможно предвидѣть и которыя «сильнѣе людей», и побуждаютъ, должно быть, европейскія государства быть всегда наготовѣ, все усиливая свои вооруженія и жертвуя для нихъ всѣмъ своимъ достояніемъ.

II.

Вооруженныя силы Европы въ настоящее *мирное* время достигаютъ такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какихъ онѣ не достигали ранѣе никогда и нигдѣ, даже во времена безпрерывныхъ войнъ. И по количеству штыковъ, и по качеству боевыхъ вооруженій, прежнія, даже недавнія еще войны являются дѣтской игрой въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ будетъ война въ наши дни. Въ случаѣ возникновенія теперь войны въ Европѣ, она будетъ по истинѣ ужасной, и невозможно составить себѣ даже приблизительнаго понятія о всѣхъ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыми она должна сопровождаться. Это будетъ не война, а *борьба народовъ*, борьба, какъ говорится, не на животъ, а на смерть,—борьба, въ которой будутъ участвовать десятки милліоновъ людей, обученныхъ военному дѣлу, въ которой будутъ пущены въ дѣйствіе самыя усовершенствованныя орудія человѣкоистребленія и которая должна повергнуть въ ужасъ все человѣчество! Вся Европа обратится въ поле сраженія; убійственное дѣйствіе усовершенствованныхъ вооруженій образуетъ цѣлые потоки человѣческой крови, а вопли осиротѣвшихъ женъ, матерей и дѣтей заглушатъ громы орудій и воинственные крики боевыхъ полчищъ. Не мудрено, что войны такъ избѣгаютъ всѣ и такъ ее боятся...

Всего во всѣхъ (двадцати) европейскихъ государствахъ подъ ружьемъ въ настоящее время, по мирному составу, находится, не считая флота, *3 мил. 474 тысячи* человѣкъ, образующихъ собою 4,665 баталіоновъ, 2,690 эскадроновъ и 2,726 батарей, при 15,844 орудіяхъ. По боевому же составу, эта численность европейскихъ

Digitized by Google

армій можетъ быть minimum учетверена, т. е. доведена *до 14 милліоновъ* человѣкъ,—и эта цифра лучше всего говоритъ о тѣхъ ужасахъ, какіе должна явить собою война въ наше время. На содержаніе всѣхъ армій европейскія государства въ общей сложности ежегодно тратятъ (безъ флота) *1.097,5 милліоновъ рублей*,—цифра отчасти указывающая на то, какимъ тяжелымъ бременемъ ложится на народы нынѣшній вооруженный миръ Европы. Говоримъ: *отчасти*, такъ какъ, чтобы опредѣлить тягость вооруженнаго мира вполнѣ, необходимо еще принять въ соображеніе и тѣ огромныя потери, которыя влечетъ за собою отнятіе отъ дѣла 6.948 тысячъ наиболѣе сильныхъ и здоровыхъ рабочихъ рукъ.

При пространствѣ Европы въ 177,841 кв. милю и народонаселеніи въ 370 милліоновъ человѣкъ, мы видимъ, что въ настоящее время въ Европѣ на каждую квадратную милю пространства приходится въ среднемъ около *двадцати солдатъ* (по мирному составу) и одинъ солдатъ на каждые *106 человѣкъ* народонаселенія. Если разложить военные расходы европейскихъ государствъ на все народонаселеніе Европы, то окажется, что на каждаго жителя ея приходится военныхъ расходовъ около *трехъ рублей*.

Первое мѣсто въ отношеніи абсолютной численности арміи, какъ и военнаго бюджета, въ Европѣ принадлежитъ, конечно, Россіи, съ которой ни по пространству, ни по численности народонаселенія, ни, наконецъ, по протяженію границъ, требующихъ охраны, не можетъ даже сравниваться ни одно изъ европейскихъ государствъ. Вся Россія болѣе всей Европы, и поэтому ничего не было бы удивительнаго даже въ томъ случаѣ, еслибы численность русской арміи превышала численность всѣхъ прочихъ европейскихъ армій, вмѣстѣ взятыхъ. Но на самомъ дѣлѣ этого далеко нѣтъ и численность арміи *всей* Россіи (т. е. европейской и азіатской) составляетъ менѣе третьей части общей численности всѣхъ европейскихъ армій.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ, составленной по позднѣйшимъ даннымъ [1]), показана въ нисходящемъ порядкѣ численность армій (по

[1]) Мы пользовались, при составленіи цифровыхъ данныхъ, многими источниками, а именно: «Militaer Wochenblatt», октябрь 1892 г. (статья «Будущая война и общественное мнѣніе»); «Economiste Europeen», сентябрь 1893 г.; «Revue du Cercle Militaire», ноябрь 1893 г.; рѣчи графа Каприви, произнесенныя въ рейхстагѣ, во время обсужденія послѣдняго военнаго законопроэкта; рѣчь майора Геде тамъ же и тогда же; докладъ итальянскаго военнаго министра Пеллу, представленный въ палату въ ноябрѣ 1893 г.; различныя газетныя и журнальныя сообщенія и статьи (въ «Revue Britannique», «Tägliche Rundschau», «Indépendance Belge», «Kölnische Zeitung», «Nation», «Русскій Инвалидъ», «Правительственный Вѣстникъ», «Московскія Вѣдомости», «Новое Время» и др.); разныя справочныя изданія. Въ виду, однако, разнорѣчивости многихъ данныхъ, мы брали среднія цифры.

Digitized by Google

мирному составу) всѣхъ двадцати европейскихъ государствъ, ихъ военные бюджеты и составъ армій по роду оружія:

Государства.	Численность сухопутныхъ войскъ (въ тысячахъ).	Военный бюджетъ (въ милліон. руб.).	Составъ армій по роду оружія. Батальоновъ.	Эскадроновъ.	Батарей.	Орудій.
Россія	928	235	1048	644	464	2890
Франція	540	209	830	405	490	2980
Германія	493	210	800	477	484	2725
Австро-Венгрія	342	102	478	302	261	1876
Италія	278	93	376	144	210	1278
Англія	221	78	165	108	100	425
Турція	194	56	266	175	191	988
Испанія	98	40	115	112	84	504
Румынія	60	14	114	78	72	358
Швеція Норвегія	56	9	73	56	49	305
Бельгія	49	12	65	40	62	204
Болгарія	45	7	55	23	38	172
Швейцарія	44	6	72	36	84	280
Португалія	33	8	78	30	27	248
Греція	29	5	41	12	20	122
Сербія	28	5	24	15	32	240
Нидерланды	27	6	49	17	26	130
Данія	7	2	22	16	22	72
Черногорія	2	0,5	4	—	4	48
Итого	3.474	1.097,5	4665	2690	2720	15,844

Цифры громадныя, но ими еще не исчерпываются всѣ наличныя вооруженныя силы Европы. Это только сухопутныя войска, кромѣ которыхъ у большей части европейскихъ государствъ (у пятнадцати изъ двадцати) имѣется еще военный флотъ, въ общемъ составляющій громаднѣйшую вооруженную силу и ежегодно поглощающій огромные капиталы, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

Государства.	Число судовъ всѣхъ наименованій. Броненосныхъ.	Неброненосныхъ.	Всего.	Численность флотскаго экипажа (въ тысячахъ).	Морской бюджетъ (въ милліон. рублей).
Англія [1]	79	351	430	44	104
Франція	48	368	416	55	68
Италія	44	192	236	20	24
Германія	32	180	212	18	30
Россія [2]	51	108	159	27	48

[1]) Не считая индійскихъ и австралійскихъ судовъ.

[2]) Безъ сибирской и каспійской флотилій.

Digitized by Google

Испанія	14	110	124	11	9
Нидерланды [1])	26	91	117	7	8
Австро-Венгрія	17	98	115	10	19
Швеція Норвегія	22	76	98	8	7
Турція	20	62	82	14	7
Греція	5	52	57	3	1,5
Данія	11	39	50	3	3
Португалія	2	40	42	5	5
Румынія	2	17	19	2	2
Итого	373	1784	2157	227	335,5

Такимъ образомъ, всѣ наличныя вооруженныя силы—сухопутныя и морскія—Европы въ настоящее время составляютъ 3701 тыс. человѣкъ или 4665 баталіоновъ пѣхоты, 2690 эскадроновъ кавалеріи, 2720 батарей артиллеріи и 2157 судовъ военнаго флота. Содержаніе всѣхъ этихъ полчищъ обходится европейскимъ государствамъ ежегодно въ 1,433 милліона рублей, что составляетъ около 3 руб. 80 коп. на каждаго жителя. Одинъ солдатъ въ общемъ итогѣ приходится на каждые 100 человѣкъ народонаселенія Европы обоего пола (21 солдатъ на каждую квадратную милю пространства), т. е. нынѣшній «мирный» составъ европейскихъ вооруженныхъ силъ составляетъ 1% всего народонаселенія страны, а по отношенію только къ мужскому населенію ея, которое всецѣло несетъ на себѣ военныя тягости,—2%. Если же исключить еще стариковъ и дѣтей, не несущихъ воинской повинности, то получится еще болѣе внушительная пропорція, а именно—около 2,5%.

Никогда и нигдѣ еще вооруженія не принимали столь чудовищныхъ размѣровъ...

III.

Эта общая картина современнаго *мирнаго* вооруженія Европы, сколь ни ярка она сама по себѣ, тѣмъ не менѣе далеко еще не даетъ точнаго понятія о вооруженіи каждаго государства въ отдѣльности и о тѣхъ тягостяхъ, которыя налагаетъ этотъ вооруженный миръ на европейскіе народы. Обѣ таблицы показываютъ только наличный составъ вооруженныхъ силъ государствъ и ихъ военные бюджеты, но совсѣмъ еще не даютъ понятія о томъ напряженіи силъ, какое вызываетъ нынѣшній вооруженный миръ, и о томъ тяжеломъ бремени, какое налагаетъ онъ на европейскія государства и народы. Притомъ же изъ нихъ и не видно совсѣмъ, которое изъ государствъ болѣе и которое менѣе напрягаетъ свои силы на воору-

[1]) Безъ остъ-индскаго флота.

Digitized by Google

женія и вообще, гдѣ наиболѣе углубились корни милитаризма и кому его бремя болѣе или менѣе тяжело. Абсолютныя цифры ничего этого сказать не могутъ и, чтобы понять значеніе и смыслъ ихъ и получить полную и точную картину «мирнаго» вооруженія Европы,—необходимо сдѣлать нѣкоторыя сопоставленія, разсмотрѣвъ ихъ относительно: 1) народонаселенія и 2) пространства каждаго изъ государствъ, что и найдутъ читатели въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Государства.	Территорія (кв. килом.).	Народонаселеніе (въ миліонахъ).	Общая числен. войскъ арміи и флота (въ тыс.).	Бюджетъ арміи и флота (въ мил. руб.).	Каждому жителю обходится содержаніе арміи.		Одинъ солдатъ.	
					Р.	К.	На квадр. килом.	На человѣкъ.
Россія [1])	18,479,208	112	955	283	2	50	19,3	117
Франція	528,855	39	595	277	6	80	0,9	67
Германія	540,525	50	511	240	4	80	1,1	98
Австро-Венгрія	676,646	43	352	121	2	75	2	122
Италія	286,588	31	298	117	3	75	1	104
Англія	314,628	39	265	182	4	60	1,9	147
Турція [2])	2,065,090	18	208	63	3	50	9,8	76
Испанія	507,036	17	109	49	2	90	4,6	156
Румынія	129,947	6	62	16	2	65	2,1	97
Швеція Норвегія	775,997	7	64	16	2	30	12,1	109
Бельгія	29,457	6	49	12	2	—	0,7	122
Болгарія	96,873	3	45	7	2	35	2,2	67
Швейцарія	41,346	3	44	6	2	—	0,9	68
Португалія	89,143	5	38	13	2	60	2,3	132
Греція	64,688	2	32	6,5	3	25	2	63
Сербія	48,586	2	28	5	2	50	1,7	71
Нидерланды	32,999	5	34	14	2	80	1	147
Данія	38,302	3	10	5	1	65	3,8	300
Черногорія	9,030	0,3	2	0,5	1	65	4,5	150

Изъ таблицы этой видно, что по части вооруженій первое мѣсто какъ по относительной численности войскъ, такъ и по расходамъ на нихъ, занимаетъ Франція, гдѣ «мирный» составъ арміи составляетъ 1,5% населенія государства, гдѣ на каждыхъ 34 человѣка мужскаго населенія приходится одинъ солдатъ и гдѣ, говоря образно, на каждыхъ девяти квадратныхъ километрахъ пространства стоитъ десять солдатъ. Затѣмъ, изъ числа великихъ державъ слѣдуютъ Германія и Италія (которая въ послѣднее время тоже стала причисляться къ числу великихъ европейскихъ державъ), гдѣ воору-

[1]) Безъ средне-азіатскихъ владѣній.

[2]) Съ Малой Азіей.

Digitized by Google

женія также доведены до крайней степени, достигая просто чудовищныхъ размѣровъ. Въ Германіи «мирная» численность арміи составляетъ 1%, а въ Италіи 0,9% ихъ народонаселенія; одинъ солдатъ приходится въ Германіи на каждые 50, а въ Италіи на каждые 52 человѣка мужскаго населенія, причемъ въ обоихъ союзныхъ государствахъ на каждомъ квадратномъ километрѣ поставлено по одному солдату (Италія въ этомъ отношеніи перещеголяла даже Германію)! Нѣсколько скромнѣе, сравнительно, кажутся на первый взглядъ цифры Австро-Венгріи, но и онѣ тѣмъ не менѣе не могутъ не поражать свою громадностью. Такъ, численность арміи составляетъ здѣсь 0,8% всего народонаселенія, одинъ солдатъ приходится на 62 человѣка мужскаго населенія, причемъ на каждыхъ двухъ кв. километрахъ стоитъ по солдату.

Даже Англія, совершенно изолированная отъ континента Европы и, въ силу своего счастливаго географическаго положенія, вовсе не причастная къ его политикѣ «желѣза и крови»,—и она по части вооруженій не хочетъ отстать отъ него, доводя ихъ до общей нормы. Мирный составъ британской арміи уже составляетъ 0,7% народонаселенія соединеннаго королевства, въ которомъ на каждые девятнадцать кв. километровъ пространства приходится въ среднемъ десять солдатъ (болѣе чѣмъ въ Австро-Венгріи) и одинъ солдатъ на каждые 74 человѣка мужскаго населенія. Такимъ образомъ, хотя, по силѣ вещей, всѣ интересы Англіи и сосредоточиваются на ея громаднѣйшихъ внѣевропейскихъ владѣніяхъ, однако она, повидимому, не исключаетъ и континента Европы изъ сферы своихъ пресловутыхъ «англійскихъ интересовъ», готовясь, при случаѣ, постоять за нихъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе производятъ цифры Россіи. Какъ извѣстно, на западѣ насъ очень часто обвиняютъ въ воинственныхъ замыслахъ и въ угрожающихъ вооруженіяхъ. Въ западной печати то и дѣло раздаются предостереженія насчетъ опасности, какая якобы грозитъ западной Европѣ со стороны Россіи, которая-де, увеличивая безконечно свои вооруженныя силы, довела ихъ уже до столь грозныхъ размѣровъ, что Европѣ нужно держать ухо востро, т. е. энергично продолжать свои вооруженія, дабы не быть застигнутой врасплохъ нашествіемъ сѣверныхъ «варваровъ». Каждый разъ, что сосѣднія намъ западныя государства увеличиваютъ численный составъ своихъ армій (что происходитъ чуть ли не ежегодно), дабы оправдать чѣмъ нибудь предъ изнывающимъ народомъ эти увеличенія и, сваливъ вину съ больной головы на здоровую, замаскировать истинныя побудительныя причины безконечныхъ вооруженій,—официозною печатью распускаются всевозможныя бредни

Digitized by Google

о чудовищныхъ вооруженіяхъ Россіи и объ ея воинственныхъ замыслахъ, требующихъ и съ ихъ стороны напряженія всѣхъ силъ. Объ этомъ оповѣщаютъ періодически міръ не только различныя «цейтунги», «блаты» и «прéссы», но также парламентскіе ораторы и даже высшіе государственные сановники, до канцлеровъ включительно. Не мудрено, что въ Европѣ составилось мнѣніе, что Россія—самое вооруженное государство въ Европѣ и что она болѣе всѣхъ тратитъ на свои вооруженія, заставляя и другихъ выбиваться изъ силъ, чтобы не отстать отъ нея. Странно сказать, но даже и у насъ многіе держатся этого мнѣнія, нелѣпость и тенденціозность котораго, полагаемъ, становится очевидной изъ приведенныхъ въ третьей таблицѣ цифръ. Таблица эта наглядно показываетъ, что по части вооруженій Россія стоитъ позади всѣхъ великихъ европейскихъ державъ и, слѣдовательно, насъ никакъ нельзя упрекнуть въ томъ, что, вооружаясь безконечно, мы заставляемъ тѣмъ и сосѣдей своихъ, что̀ называется, изъ кожи лѣзть, дабы поддержать въ «интересахъ мира» (!) равновѣсіе силъ (не будетъ ли вѣрнѣе обратное положеніе?).

Въ Россіи мирный численный составъ арміи составляетъ едва 0,8% народонаселенія ея (въ Европѣ и Азіи), т. е. вдвое менѣе, чѣмъ во Франціи, значительно менѣе, чѣмъ въ Германіи и Италіи, и столько же, сколько въ Австро-Венгріи. Одинъ солдатъ въ Россіи приходится на 59 человѣкъ мужскаго населенія, т. е. почти вдвое болѣе, чѣмъ во Франціи, и значительно болѣе, чѣмъ въ Германіи, Италіи и Австро-Венгріи. Затѣмъ, въ то время, когда во всѣхъ прочихъ великихъ державахъ, говоря образно, на каждомъ кв. километрѣ стоитъ по солдату (только въ Англіи и Австро-Венгріи на каждыхъ двухъ километрахъ), — въ Россіи одинъ солдатъ приходится на слишкомъ девятнадцать кв. километровъ пространства, т. е. въ девятнадцать разъ болѣе, чѣмъ во Франціи, Германіи и Италіи, и въ десять разъ болѣе, чѣмъ въ Англіи и Австро-Венгріи. Даже еслибы вся русская армія (европейская и азіатская) помѣщалась въ одной только европейской Россіи, то и тогда у насъ пришелся бы одинъ солдатъ на 5,8 кв. километровъ пространства, т. е. въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ государствахъ, даже болѣе чѣмъ въ Бельгіи, Болгаріи, Швейцаріи, Греціи, Сербіи и другихъ незначительныхъ государствахъ, которыя, желая казаться «большими», также истощаются на вооруженія. То же видимъ и въ отношеніи расходовъ на военныя надобности, которыхъ въ Россіи на каждаго жителя приходится въ слишкомъ два съ половиною раза менѣе, чѣмъ во Франціи, почти вдвое менѣе, чѣмъ въ Германіи и Англіи; въ полтора раза менѣе, чѣмъ въ Ита-

Digitized by Google

лія, и значительно менѣе, чѣмъ въ Австро-Венгріи, Турціи, Испаніи, Румыніи и другихъ государствахъ.

Какъ видно изъ приведенныхъ въ третьей таблицѣ цифръ, болѣе всѣхъ тратитъ на вооруженія Франція, а менѣе всѣхъ Россія. Разница эта выразится нѣсколько иначе, если принять въ соображеніе экономическія условія государствъ: Англія — самая богатая страна въ мірѣ и ей, конечно, не представляетъ большихъ трудностей тратить ежегодно 182 мил. руб. на армію и флотъ; къ тому же и бремя налоговъ въ ней менѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и поэтому 4 руб. 60 коп., требуемые на содержаніе вооруженныхъ силъ, для англичанина не составляютъ большой тягости. Но, напримѣръ, Италіи, — одному изъ бѣднѣйшихъ европейскихъ государствъ,—тратить ежегодно 117 милліоновъ рублей на армію—составляетъ непосильную тягость и не мудрено поэтому, что она довела себя своей игрой «въ великодержавіе» почти до банкротства; бремя налоговъ въ Италіи вообще столь велико, что давать еще 3 руб. 75 коп. на вооруженія (вызываемыя союзомъ съ Германіей) для итальянца составляетъ гораздо болѣе, чѣмъ для англичанина 4 руб. 60 коп., а для француза 6 руб. 80 коп. Поэтому едва ли будетъ ошибочно заключить, что Италія болѣе всѣхъ тратитъ на свои вооруженія и что на ней болѣе всего тяготѣетъ бремя нынѣшняго вооруженнаго мира; затѣмъ слѣдуютъ Франція, Германія, Австро-Венгрія, Англія и, наконецъ, Россія.

Очевидно такимъ образомъ, что Россію никоимъ образомъ нельзя обвинить въ чрезмѣрныхъ вооруженіяхъ, хотя, конечно, она и далѣе будетъ увеличивать свои вооруженныя силы, по мѣрѣ увеличенія ихъ въ сосѣднихъ западныхъ государствахъ.

IV.

Сопоставимъ теперь силы важнѣйшихъ европейскихъ государствъ, имѣя въ виду настоящее политическое положеніе Европы.

Какъ извѣстно, въ политическомъ отношеніи, Европа въ наше время дѣлится на два лагеря; съ одной стороны мы видимъ союзъ двухъ срединныхъ европейскихъ державъ: Германіи и Австро-Венгріи съ южной ихъ сосѣдкой, Италіей, союзъ, искусственно созданный дипломатіей и представляющій собою вѣчную угрозу европейскому миру; а съ другой — союзъ двухъ крайнихъ — восточной и западной—европейскихъ державъ: Россіи и Франціи, союзъ, возникшій на почвѣ общихъ интересовъ и принциповъ въ международной политикѣ, а также и исконныхъ взаимныхъ народныхъ сим-

Digitized by Google

патій, и составляющій естественный и необходимый, въ интересахъ мира, противовѣсъ среднеевропейскому тройственному союзу. Съ возникновеніемъ франко-русскаго союза, возстановилось европейское равновѣсіе; тройственный союзъ долженъ былъ оставить свои претензіи командовать старымъ свѣтомъ и, переставъ быть пугаломъ, силою вещей превратился въ «лигу мира». Это возвращеніе къ statu quo ante значительно увеличило гарантіи мира, но призракъ войны все еще не можетъ скрыться съ глазъ,—онъ сдѣлался даже еще страшнѣе, такъ какъ хотя и уменьшились шансы войны, но стало очевидно, что война нынѣ, если будетъ, то будетъ всеевропейской, — войной ужасной по своимъ размѣрамъ и бѣдствіямъ и страшной по своимъ результатамъ. Участвовать въ ней будутъ minimum пять величайшихъ европейскихъ государствъ: съ одной стороны—Германія, Австро-Венгрія и Италія, а съ другой—Россія и Франція,—наличныя вооруженныя силы которыхъ даже по мирному положенію составляютъ въ общей сложности 2 мил. 581 тысяча штыковъ и 11,749 орудій!

Какъ же распредѣляются эти силы и на чьей сторонѣ ихъ численный перевѣсъ, имѣющій столь важное значеніе въ войнѣ (какъ это показала франко-прусская война 1870—71 гг.)?

Вотъ что говорятъ объ этомъ цифры:

	Батальоновъ.	Эскадронъ.	Батарей.	Орудій.	Общая числ. войскъ (въ тысячахъ).
Тройственный союзъ	1654	923	955	5879	1.113
Россія и Франція	1878	1049	954	5870	1.468

Такимъ образомъ, хотя артиллерія Россіи и Франціи не многочисленнѣе артиллеріи тройственнаго союза, но зато франко-русскій союзъ вмѣстѣ располагаетъ 224 батальонами и 126 эскадронами болѣе пѣхоты и кавалеріи тройственнаго союза, причемъ общая численность войскъ (мирнаго состава) Россіи и Франціи на 351 тысячу человѣкъ превышаетъ численность войскъ тройственнаго союза.

Было бы, конечно, верхомъ наивности предсказывать, на основаніи этого, результаты возможнаго столкновенія европейскихъ народовъ, такъ какъ одна только численность войскъ далеко еще не можетъ считаться вѣрной гарантіей успѣха. Тѣмъ не менѣе, однако, это имѣетъ важное значеніе, такъ какъ — кто знаетъ?—быть можетъ, именно этому обстоятельству мы обязаны, если не всецѣло, то въ значительной степени, сохраненіемъ европейскаго мира, не смотря на общую готовность къ войнѣ.

Digitized by Google

Предположимъ, что на сторонѣ тройственнаго союза окажутся (что̀ хотя и сомнительно, но, судя по послѣднимъ событіямъ, пожалуй, возможно) Румынія, Болгарія и Сербія (объ Англіи мы не говоримъ, такъ какъ врядъ ли она приметъ активное участіе въ борьбѣ). Тогда на сторонѣ Россіи и Франціи нужно предположить Данію,—и вотъ какъ распредѣлятся тогда силы:

	Баталіоновъ.	Эскадрон.	Батарей.	Орудій.	Общая числ. войскъ (въ тысячахъ).
Тройственный союзъ съ Румыніей, Болгаріей и Сербіей . .	1847	1039	1097	6649	1.246
Россія, Франція и Данія . . .	1900	1065	976	5942	1.475

Такимъ образомъ, даже и въ этомъ — неблагопріятномъ для насъ — случаѣ, на сторонѣ нашихъ противниковъ будетъ преобладаніе на 121 батарею и на 707 орудій—только одной артиллеріи, на нашей же сторонѣ будетъ преобладаніе на 53 баталіона и 26 эскадроновъ пѣхоты и кавалеріи, причемъ общая численность войскъ у насъ на 229 тысячъ человѣкъ все таки будетъ превышать численность ихъ у противниковъ. Только Англія можетъ уравновѣсить силы нашихъ противниковъ; но, повторяемъ, врядъ ли она приметъ активное участіе въ континентальной войнѣ. Несомнѣнно, симпатіи ея (не смотря на всѣ послѣднія заигрыванія съ нами) будутъ на сторонѣ нашихъ противниковъ; она даже окажетъ имъ матеріальную поддержку, будетъ поставлять провіантъ и пр., но дальше едва ли пойдетъ. Впрочемъ, если даже и Англія въ рѣшительную минуту примкнетъ къ тройственному союзу, то и тогда силы противниковъ едва только *уравновѣсятся съ нашими* [1]).

V.

До сихъ поръ мы разсматривали лишь наличныя вооруженныя силы европейскихъ государствъ, т. е. силы, находящіяся на лицо въ мирное время. Но, какъ извѣстно, силы эти составляютъ только небольшую часть тѣхъ огромныхъ полчищъ, которыя, какъ обученныя уже военному дѣлу, будутъ мобилизованы тотчасъ же по объявленіи войны и двинуты въ дѣло.

Каковы же будутъ эти *боевыя* силы европейскихъ государствъ, т. е. силы, которымъ, въ случаѣ войны, придется помѣряться на полѣ брани?

[1]) На нашей сторонѣ даже все таки останется численный перевѣсъ на 8 тыс. чел. (1.475—1.467 тыс.).

Digitized by Google

Россія, если того потребуютъ обстоятельства, можетъ выставить до 5 мил. человѣкъ, вполнѣ обученныхъ уже военному дѣлу, что составитъ 4,1% всего нашего народонаселенія и 8% мужскаго населенія. Во Франціи число обученныхъ военному дѣлу людей достигаетъ 3 мил. 900 тысячъ человѣкъ, т. е. десятой части всѣхъ жителей государства, или около 20% мужскаго населенія его. Говоря образно, въ случаѣ войны, все способное къ труду мужское населеніе Франціи пойдетъ бить нѣмцевъ.

Въ Германіи, благодаря послѣдней военной реформѣ, численность арміи можетъ быть доведена до 4 мил. человѣкъ (а чрезъ десять лѣтъ даже до 4 мил. 400 тыс. человѣкъ) что составляетъ 8,8% всего народонаселенія ея, или 17,5%, т. е. болѣе шестой части всѣхъ жителей мужскаго пола.

Австро-Венгрія въ этомъ отношеніи далеко уступаетъ Франціи и Германіи; она всегда весьма неохотно отзывается на требованія своей старшей союзницы, Германіи, объ увеличеніи арміи, больше ея сознавая, что эти безконечныя увеличенія ничего, кромѣ экономическаго разоренія, ей не принесутъ. Поэтому и численность ея боевой арміи гораздо скромнѣе не только Германіи, но даже и бѣдной Италіи. Австро-Венгрія, въ случаѣ войны, можетъ выставить всего 1 мил. 900 тыс. и съ натяжкой 2 мил. человѣкъ, что составитъ 4,6% ея народонаселенія, или 9,2%, т. е. менѣе десятой части мужскаго населенія.

Италія, сдѣлавшаяся вдругъ великой державой и изо всѣхъ силъ тянущаяся, дабы не отстать отъ своей «благодѣтельницы»—Германіи, удостоившей принять ее въ союзъ, въ послѣднее десятилѣтіе довела численность своей арміи до огромной для нея цифры—2 мил. 900 тыс. человѣкъ, вполнѣ обученныхъ уже военному дѣлу и готовыхъ стать въ ряды арміи—увы!—если только у правительства найдутся деньги обмундировать и прокормить ихъ (для чего придется содрать вторую шкуру съ несчастнаго, обнищавшаго, итальянскаго народа). Это составляетъ почти десятую часть (9,4%) населенія королевства, или безъ малаго пятую часть (около 19%) его жителей мужскаго пола. Такимъ образомъ, по численности обученныхъ военному дѣлу, Италія превзошла не только Австро-Венгрію (мы не говоримъ уже о Россіи, которая и въ этомъ отношеніи стоитъ позади всѣхъ европейскихъ государствъ) но даже и учительницу свою—Германію.

Скромнѣе всѣхъ цифры Англіи, но это и совершенно понятно, принимая во вниманіе ея географическое положеніе. Можно даже, напротивъ, удивляться, что Англія, совершенно изолированная отъ континента и ни откуда, ни отъ кого не подвергающаяся ника-

Digitized by Google

кой опасности, имѣетъ таки наготовѣ 900 тысячъ обученныхъ солдатъ, что составляетъ 2,3% всѣхъ ея жителей, или 4,6% мужскаго населенія.

Такимъ образомъ, всѣ шесть такъ называемыхъ «великихъ» европейскихъ державъ имѣютъ наготовѣ, на случай войны, въ общей сложности армію въ 18.700,000 человѣкъ! Цифра колоссальная!

Подводя итоги приведеннымъ цифрамъ, видимъ, что тройственный союзъ можетъ выставить въ случаѣ войны 8 мил. 800 тысячъ солдатъ, а Россія и Франція вмѣстѣ 8 мил. 900 тысячъ, — слѣдовательно обѣ стороны численно будутъ обладать, можно сказать, одинаковыми силами. Численное превосходство наши противники получатъ только въ томъ случаѣ, если къ нимъ примкнутъ,—какъ мы уже допускали съ оговоркой выше,—Румынія, Болгарія и Сербія. Тогда этотъ шестерной союзъ будетъ обладать въ общей сложности арміею [1]) въ 9 мил. 290 тыс. человѣкъ, а Россія, Франція и Данія всего 9 мил., т. е. превосходство численныхъ силъ противника составитъ 290 тыс. чел. Даже если прибавить еще силы Греціи (100 тыс. чел.) и Черногоріи (50 тыс. чел.), то и тогда все таки численное превосходство (на 140 тыс. чел.) останется на сторонѣ противника.

Конечно, это еще не можетъ предрѣшать результатовъ возможной борьбы европейскихъ народовъ. Но, имѣя въ виду громаднѣйшую численность вооруженныхъ полчищъ съ обѣихъ сторонъ, несомнѣнно, что развязка борьбы будетъ ужасная и можно заранѣе предсказать, что побѣжденная сторона подвергнется страшному, безпримѣрному въ исторіи, военному, политическому и финансовому разгрому. «*Горе побѣжденнымъ*» — эту историческую фразу придется припомнить съ грустью многимъ милліонамъ народа.

Замѣтимъ еще, что цифра всѣхъ обученныхъ военному дѣлу людей во всѣхъ двадцати европейскихъ государствахъ достигаетъ въ настоящее время 21 мил. 300 тыс. человѣкъ [2]),—населеніе цѣлаго большаго государства! За послѣднее десятилѣтіе (1883—1893 гг.) Европою израсходовано на милитарныя цѣли свыше *двѣнадцати милліардовъ* рублей,—разумѣется, въ ущербъ другимъ нуждамъ, не говоря уже объ отягощеніи населенія налогами и экономическомъ истощеніи страны.

---

[1]) Румынія можетъ выставить 180 тыс. чел., Болгарія—160 тыс. и Сербія—150 тыс. Данія можетъ выставить 100 тыс. чел.

[2]) Въ Турціи 600 тыс. чел., въ Испаніи—400 тыс., въ Швеціи и Норвегіи—300 тыс., Бельгіи—220 тыс., Швейцаріи—200 тыс., Португаліи—150 тыс. и въ Нидерландахъ—100 тыс. Цифры остальныхъ восьми государствъ приведены въ текстѣ.

Digitized by Google

Вотъ какъ быстро возрастали расходы на вооруженія въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ:

	Военные бюджеты (въ мил. рублей).			%% увеличенія съ 1880 года.
	1880г.	1888г.	1894г.	
Италія	59	85	117	98
Германія	130	145	240	85
Австро-Венгрія	78	86	121	55
Россія	218	254	283	29
Франція	252	230	277	10
Англія	175	225	182	4
Итого	912	1,025	1,220	34

Удивительно ли послѣ этого, что идея разоруженія въ послѣднее время все чаще и чаще становится темою для сужденій и толковъ европейской печати, все болѣе и болѣе проникая въ общественное сознаніе? Европейское общество видимо желаетъ мира; но, конечно, не нынѣшняго вооруженнаго мира, который не только мѣшаетъ внутреннему преуспѣянію страны и подъему ея нравственныхъ и матеріальныхъ силъ, но и является еще столь тяжкимъ бременемъ, что иные начинаютъ утверждать, что война теперь *выгоднѣе* мира.

Съ этимъ нельзя, конечно, согласиться, такъ какъ, повторяемъ, нѣтъ никакихъ данныхъ полагать, что послѣ бѣдственной войны, которая, по остроумному выраженію одного западнаго дипломата, будетъ «генеральнымъ европейскимъ кровопусканіемъ», вооружённый миръ не будетъ продолжаться. Трудно, поэтому, разсчитывать, чтобы идея всеобщаго разоруженія восторжествовала надъ принципомъ вооруженнаго мира, на которомъ зиждется современная европейская политика. Въ то же время нельзя не признать, что теченіе государственной жизни большинства европейскихъ державъ столь неправильно, а финансовое и экономическое положеніе государствъ, привлеченныхъ къ вооруженному миру, столь ненормально, что государственные люди ихъ не могутъ не подумывать о томъ или другомъ исходѣ изъ нынѣшняго, до крайности напряженнаго, положенія.

Удастся ли только кому нибудь развязать этотъ гордіевъ узелъ современной европейской политики?..

А. Липранди.

Digitized by Google

Разлука.

Въ дымкѣ вечера терялась
Даль безмолвнаго пути...
Въ сердцѣ стономъ отзывалось
Холодѣвшее «прости»!

Передъ ужасомъ разлуки,
Предъ безумiемъ тоски—
Даже слезы, даже муки
Мнѣ казались такъ легки!

Колыхались въ пестрой смѣнѣ
Думы въ памяти моей,
Словно спутанныя тѣни
Раскачавшихся вѣтвей.

Сердце въ страхѣ холодѣло,
Уповая на любовь —
То надѣялось несмѣло,
То отчаивалось вновь!

Какъ невинный передъ казнью,
Ждущiй милости суда,
Мысль, смущенная боязнью,
Повторяла: «любитъ?.. да»?..

Ночь молчала, какъ угроза...
Все темнѣла даль пути...
«Не забудь»! шептала грёза,
А уста: «прости!.. прости»!..

Мих. Гербановскiй.

Digitized by Google

СВѢТУ БОЛЬШЕ!

Историческій романъ.

I.

— А ты самъ-отъ, Ермилушка-свѣтъ, доходилъ до пресвѣтлаго рая?

— Доходилъ, матушка-царица, божіимъ изволеніемъ.

— А въ рай самый вступалъ?

— Нѣту, матушка-царица, не удостоился оной благодати, понеже врата райскія отъ востока, гдѣ солнышко восходитъ, поставлены божіимъ промысломъ, а я, грѣшный, дошелъ токмо до западной стѣны.

— А каковы стѣны райскія, Ермилушка?

— Адамантовы, матушка-царица,—зѣло крѣпки и зѣло высоки.

— А птица перелетитъ ихъ?

— Не всяка птичка, царевичъ-свѣтъ: есть махоньки райски птички,—ну, тѣ прелетаютъ—сподобилъ Богъ.

— А трудно дойти до рая, Ермилушка?

— Трудно, царевичъ-свѣтикъ: понеже облежатъ оный пресвѣтлый рай горы великія и чащи лѣсныя, а подлѣ оныхъ лѣсовъ—великія поля, широты и долготы презѣльныя, и на тѣхъ поляхъ много превеликихъ драконовъ и иныхъ лютыхъ звѣрей.

— И ты ихъ не боялся?

— А крестъ-отъ на что? Коли я крестомъ да вѣрою ограждусь себя, дакъ меня ни единъ драконъ не тронетъ. Сказано въ писаніи: аще вѣру имѣтъ и повелитъ горѣ двигнутися—и двигнется. Шалишь!

— И ты двигалъ горами, Ермилушка?

Digitized by Google

— Двигалъ, двигалъ, царевичъ-свѣтикъ: сподобилъ Господь грѣшнаго.

Разговоръ этотъ вели въ кремлевскомъ дворцѣ, въ Москвѣ, въ покояхъ царицы Евдокіи Ѳедоровны—сама царица и царевичъ Алексѣй Петровичъ съ благочестивымъ «странникомъ» Ермилушкою. Это было въ августѣ 1698 года. Царь Петръ Алексѣевичъ находился въ это время «за̀ моремъ», какъ тогда говорили, хотя изъ-за моря, изъ Англіи, онъ уже воротился и пребывалъ въ Вѣнѣ, намѣреваясь ѣхать въ Венецію. Въ его отсутствіе, люди старой московской закваски, юродивые да разные «странники» и «страннички», безбоязненно пробирались во дворецъ и приводили въ умиленіе, а иногда и въ ужасъ, дворскихъ постельницъ и сѣнныхъ дѣвушекъ разсказами о своихъ странствіяхъ, о небывалыхъ чудесахъ, о томъ, что иная «странница» сидѣла на «пупѣ земли», а другая доходила до «адовыхъ вратъ» и слышала собственными ушами, какъ въ аду стонутъ грѣшники, большею частью «табашники» да «скобленыя рыла»—бритыя. Въ числѣ такихъ «странниковъ» былъ и Ермилушка, пользовавшійся особою популярностью у прекраснаго пола, потому что былъ грамотѣй и великій мастеръ плести всякую благочестивую чепуху. Этотъ ловкій плутъ былъ вхожъ, по протекціи царицыныхъ постельницъ, и къ самой Евдокіи Ѳедоровнѣ, которая жадно слушала его розсказни о раѣ и адѣ, о страшныхъ «гогахъ и магогахъ», о «трехъ китахъ» и т. п.:—таковы были знанія тогдашней московской женщины даже самаго высшаго круга. Царица Евдокія, пользуясь отсутствіемъ державнаго супруга, не любившаго ни «странничковъ», ни «юродивыхъ», позволила даже Ермилушкѣ просвѣщать юнаго восьмилѣтняго царевича Алексѣя Петровича и сама заслушивалась его сказаній о хожденіи къ святымъ мѣстамъ и даже до адамантовыхъ стѣнъ самаго рая. И вотъ Ермилушка уже нѣсколько мѣсяцевъ преподаетъ юному царевичу книжную премудрость по старописной книгѣ, глаголемой «Златый Бисеръ».

Приведенный выше разговоръ о раѣ происходилъ утромъ 26-го августа. Царевичъ сидѣлъ за столомъ съ красивою указкой въ рукѣ. Верхъ указки украшенъ былъ золотымъ двуглавымъ орломъ. Ермилушка, съ сѣдою косичкой и жидкою бороденкой, въ длинномъ кафтанѣ на подобіе подрясника, сидѣлъ

Digitized by Google

супротивъ царевича и держалъ въ рукѣ знаменитый «Бисеръ». Царица сидѣла у окна, у пялецъ, и усердно вышивала «воздухи». Возлѣ нея дремала старая «мамушка» съ чулкомъ въ рукѣ и, поминутно спуская петли, набожно крестилась.

— Ну, свѣтикъ-царевичъ,—спросилъ Ермилушка,—вытвердилъ ты свои уркѝ, что̀ я тебя задалъ?

— Вытвердилъ,—бойко отвѣчалъ юный студентъ.

— А отъ кѣхъ и до кѣхъ?

— Отъ «въ той индійской землѣ» до «яко рыба на сушѣ».

— Добро-ста... А ну-ка-сь, съ божьей помощью, благовѣсти.

— «Въ той индійской землѣ,—началъ царевичъ скороговоркой, какъ читаютъ въ церкви дьячки,—человѣцы есть, высотою дву локтей, бьются съ журавлями. Жоны ихъ рождаютъ дѣтей токмо три лѣта и не живутъ болѣе осьми лѣтъ. Тѣ люди садятъ перецъ, и егда растетъ, тогда бѣлъ. А та земля наполнена змiевъ малыхъ. И егда прiидетъ время той перецъ собирать, и тѣ люди зѣло хитро устрояютъ нѣкiимъ дымомъ, и тѣмъ змiевъ отъ себе прогоняютъ. И отъ того дыма очернѣваетъ перецъ».

— Дакъ вотъ отчего черенъ перецъ живетъ,—замѣтила царица.

— Оттого точно, матушка,—кивнулъ головою Ермилушка.—Ну-ка-сь, соловушка-царевичъ, щебечи, щебечи далѣ, что̀ есть въ другой Индѣѣ.

— «Въ другой Индiи есть люди,—продолжалъ царевичъ,—зовомые макровiи, высотою двѣнадцати локтей, и борются съ нагуи, или—рещи—съ ѳрiалы. Тотъ звѣрь подобiемъ яко левъ, имѣетъ крылѣ и когти, яко орли. Близь тоя страны есть люди, нарицаемые рахманы агроти. Тѣ люди имѣютъ у себя нѣкiй огнь, и что̀ пожелаютъ—имъ истребляютъ».

— Господи, чего-то на свѣтѣ нѣтъ!—набожно вздохнула царица, отклоняясь отъ работы.

— Владычица, котору ужь петлю спущаю!—пробормотала мамушка и, сладко позѣвывая, перекрестила ротъ.

— А ты, Ермилушка, видѣлъ тѣхъ рахмановъ?—полюбопытствовалъ царевичъ, играя указкой.

— Видалъ, солнышко, видалъ... Чего я, старый песъ, не видалъ!

— А тебя они не сожгли?

Digitized by Google

— А крестъ на что? Я ихъ, темноликихъ, крестомъ-отъ взàшей, взàшей... Ну, солнышко, свѣти намъ далѣ свѣтомъ премудрости:—сказывай свои уркѝ.

Царевичъ замялся было и сталъ водить указкой по книгѣ; но профессоръ подшепнулъ:—«Тамо же есть люди»...

— «Тамо же есть люди,—зачастилъ юный студентъ и даже закрылъ глаза:—сами убиваютъ сродниковъ своихъ состарѣвшихся, и егда отцовъ и матерей ядятъ, тогда радостный пиръ сотворяютъ; а кто званый не пріидетъ, того имѣютъ за злаго человѣка».

— Господи Боже, какѝ страсти!—съ ужасомъ воскликнула Евдокія Ѳедоровна:—родителей своихъ жрутъ!

— Жрутъ, матушка, жрутъ, и руками радостно плещутъ... А ты только послушай, какѝ еще человѣцы въ той Индѣѣ живутъ... Ну-ка-ся, солнышко, свѣти намъ—про песьи тѣ головы... Ну, ну, свѣти, ягодка.

— Ну, что̀ тàмъ еще за песьи головы, Алешенька?—интересовалась царица, а мамушка перестала даже чулокъ свой вязать.

Маленькому царевичу видимо льстило это общее вниманіе, и онъ опять началъ выкладывать чудеса изъ «Златаго Бисера».

— «Тамо же есть человѣцы, имъ же пàты превращены, и ходятъ тыломъ впередъ и имѣютъ по осьми перстовъ у рукъ и у ногъ, а главы песіи, ноги кривы и велицы, ими же бьются со звѣрьми и лаютъ, аки пси».

— Ахъ, грѣхъ какой!—не вытерпѣла мамушка.

— А ты не перебивай, мамка,—остановилъ ее царевичъ, и продолжалъ:—«Тамо близь ихъ есть нѣкія жоны, егда рождаютъ аще дѣтей, тогда сивы, а егда состарѣются, тогда будутъ черны и вельми стары. Тамо же есть жоны, иже рождаютъ во едино время по пятинадесяти дѣтей».

— Словно бы кошки,—укоризненно покачала сѣдою головой мамушка.—Чтобъ имъ пусто было!

Ермилушка самодовольно улыбался, какъ бы говоря:—«а ты, старая, послушай, что̀ дальше будетъ»; царевичъ продолжалъ:

— «Тамо же есть люди, именуемые сиклопеси (циклопы):—имѣютъ только по единой ногѣ и рыщутъ борзѣе птицына летанія, а егда сядетъ или ляжетъ, то тою ногою отъ зноя и

Digitized by Google

отъ дождя закрывается. Тамо же есть люди безглавніи, имъ же есть очи на плечахъ, и вмѣсто устъ и носа имѣютъ на персѣхъ по двѣ диры»...

— Чѣмъ же они жрутъ, окаянные!—не вытерпѣла мамушка, которую все болѣе и болѣе заинтересовывало слышанное, такъ что она даже перестала обращать вниманіе на спущенныя петли.

Царица же Евдокія Ѳедоровна только повторяла въ какомъ-то блаженномъ смущеніи: — «Господи, Господи! Владычица усердная»!

— А вотъ еще одинъ стихъ—и конецъ уркѹ,—самодовольно проговорилъ царевичъ, гордый сознаніемъ, что онъ такъ поразилъ своею премудростью и мать, и старую «мамуху».

— Ну, ну, солнышко-царевичъ, послушаемъ,—съ неменьшимъ самодовольствіемъ улыбался Ермилушка-профессоръ.

Царевичъ всталъ и, махая въ воздухѣ указкой, заговорилъ, захлебываясь отъ торопливости и довольный тѣмъ, что не ударилъ лицомъ въ грязь ни передъ учителемъ, ни передъ благосклонными слушательницами.

— «Тамо же есть люди—лепеталъ онъ—на велицѣй рѣцѣ Ганги, иже изъ рая течетъ:—тѣ люди имѣютъ овощіе, иже изъ рая пловутъ, и отъ тѣхъ овощевъ питаются живыми ядрами, а иныя пищи не требуютъ, и тѣ овощи осторожно вельми у себя блюдутъ, того ради, понеже они зѣло боятся злосмраднаго всякаго обонянія, и тѣми овощами защищаютъ животъ свой. Аще ли который изъ нихъ обоняетъ какую злосмрадную воню, а тѣхъ вышепомянутыхъ овощевъ при себѣ имѣть не будетъ, то вскорѣ умираетъ и живъ быти не можетъ, яко рыба на сушѣ».

— Все!—радостно вздохнулъ царевичъ, и въ хорошенькихъ глазкахъ его блеснуло торжество.

Царица, пораженная всѣмъ слышаннымъ и слѣпо вѣря чудовищнымъ бреднямъ, серьезно разсказываемымъ авторомъ «Златаго Бисера», смущенно и съ какою-то дѣтскою боязнью смотрѣла на «святаго странничка».

— И ты все это видѣлъ, Ермилушка?—съ ужасомъ спрашивала она.

— Видѣлъ, свѣтъ матушка-царица, видѣлъ, — говорилъ плутъ, корча благочестивую рожу.

Digitized by Google

— Когда жь это было, Ермилушко?

— А какъ я на бѣсѣ въ Ерусалимъ-градъ ѣздилъ.

— На бѣсѣ? Владычица!

— На бѣсѣ, матушка... Лихой конекъ... Только же и хитеръ, бестія: — все норовилъ занести меня въ Муринскую землю... Дакъ я его, пса, крестомъ-то святымъ по холкѣ, по холкѣ... А какъ летѣли мы, матушка-царица, черезъ акіянъ-море, дакъ я видѣлъ кита-рыбу, что̀ землю на себѣ доржитъ... Плавникомъ эдакъ ворочалъ китъ—маленько эдакъ ворочалъ, дакъ и то земля тряслась—трусъ велій былъ...

— Ахъ, Ермилушко,—и ты не упалъ съ бѣса?—испуганно спросилъ царевичъ.

— Зачѣмъ, солнышко, падать? А рожки у бѣса на что? Я за рожки держался лѣвой рукой, а въ правой у меня крестъ животворящій... Дакъ я бѣса-то крестомъ, крестомъ!—страхъ не любитъ.

— А опослѣ отпустилъ бѣса? — полюбопытствовала мамушка.

— Отпустилъ, отпустилъ...

— Для-че? Ты бъ ево, окаяннаго, заперъ гдѣ ни на есть...

— Да онъ мнѣ поклялся сорокъ годковъ людей не смущать—ни ни!—ни Боже мой!—ну, и отпустилъ—пущай попостится малость.

Въ это время, въ дверяхъ показалась старая постельница царицы. На ней, что̀ называется, лица не было.

— Что̀ съ тобой, Оленушка? али не можется? — спросила участливо Евдокія Ѳедоровна.

— Ахъ, матушка-царица!.. Самъ-отъ государь изъ-за моря въ Москвѣ объявился... О-охъ!—простонала постельница.

— Давно?—чуть слышно, блѣднѣя, спросила царица.

— Вчерась еще... Вечоръ, сказываютъ, у Анки видѣли, у Монсихи...

— А ко мнѣ и къ сыну и не показался,—все болѣе и болѣе блѣднѣя, прошептала бѣдная царственная женщина.

— А нонѣ, матушка, съ утра въ Преображенскіимъ, самъ княземъ и боярамъ бороды стрижетъ... гнѣвенъ, лютуетъ...

— Бороды стрижетъ!—съ ужасомъ повторили всѣ, точно надъ ихъ головами разразился ударъ грома.—Брады святыя!..

Digitized by Google

— Охъ! конецъ свѣту, конецъ!.. свѣту перестàвленье,— тихо мотала головой постельница, словно отъ нестерпимой зубной боли.

Ермилушка, схвативъ дрожащими руками «Златый Бисеръ», юркнулъ въ выходную дверь съ видомъ побитой собаки.

II.

Дѣйствительно, въ тѣ самые часы, когда въ кремлевскомъ дворцѣ, въ покояхъ царицы Евдокіи Ѳедоровны, типичнѣйшій представитель древней Руси, духовный авторитетъ невѣжественныхъ массъ, благочестивый странничекъ Ермилушка просвѣщалъ довѣрчивую, ничему, кромѣ шитья и вышиванья «воздухóвъ» и пеленъ, не учившуюся царицу и ребенка-царевича изъ книги, «глаголемой Златой Бисеръ»—книги, которая для тогдашней московской интеллигенціи была такимъ же научнымъ авторитетомъ, какимъ для насъ еще недавно былъ «Космосъ» Гумбольдта, и когда онъ же морочилъ своихъ слушателей розсказнями о ѣздѣ на бѣсѣ, о личномъ своемъ знакомствѣ съ одноногими «сиклопесами» и «безглавыми людьми», о путешествіи на бѣсѣ по Индѣѣ-странѣ вплоть до адамантовыхъ стѣнъ рая и о стучаніи своимъ посохомъ «во врата адовы»,—въ эти самые часы въ преображенскомъ дворцѣ совершилось неслыханное дѣло, такое дѣло, «какова не было, какъ и свѣтъ сталъ».—Самъ великій государь, «помазанникъ и судія земный»,—о, ужасъ, ужасъ!—стригъ бороды ближнимъ боярамъ, князьямъ и воеводамъ—«губилъ образъ, отъ Бога мужемъ дарованный», какъ выражался святѣйшій патріархъ Іоакимъ въ своемъ протестѣ—въ соборномъ посланіи ко всему синклиту и ко всему народу святорусскому.

Въ самомъ дѣлѣ—неслыханное событіе! Церковь, высшіе сановники страны, войско, народъ—все считало бороду народнымъ знаменемъ, мало того—знаменемъ православія. Брадобритіе—это «еллинскій, блудническій, гнусный обычай», по словамъ посланія патріарха. Посланіе преемника Іоакима, патріарха Адріана, обзываетъ брадобритіе «еретическимъ безобразіемъ, уподобляющимъ человѣка котамъ и псамъ»:—гдѣ—спрашиваетъ посланіе—станутъ на страшномъ судѣ бритые—

Digitized by Google

«съ праведниками ли, украшенными брадою, или съ обритыми еретиками?»

И вдругъ, самъ великій государь собственноручно у самихъ свѣтилъ земли русской, у «мужей совѣта», стрижетъ «образъ, отъ Бога мужемъ дарованный»!

Но Петръ, геніальнѣйшій и величайшій изъ государей всѣхъ вѣковъ и народовъ, зналъ, что дѣлалъ.

Въ 1698 году, на другой годъ послѣ взятія Азова, Петръ Алексѣевичъ совершилъ путешествіе за границу—въ Пруссію, въ Голландію, въ Англію, а оттуда прибылъ въ Вѣну, чтобъ потомъ, какъ сказано выше, посѣтить Венецію — тогдашнюю «царицу морей». А къ морю геніальный «кормчій» давно уже чувствовалъ слабость. Но въ Вѣнѣ дошла до него вѣсть о стрѣлецкой смутѣ. Понятно, что долженъ былъ почувствовать царь къ взбунтовавшимся бородачамъ и длиннокафтанникамъ:—въ страшномъ гнѣвѣ онъ поскакалъ въ Москву «гасить сей огнь». Онъ хорошо зналъ, откуда дымъ идетъ, съ чего начать гасить огонь:—съ бородъ!.. Пусть поймутъ тѣ, которые прячутся за «святыми брадами», что порѣшила державная воля...

— Кошку бьютъ—невѣсткѣ наметки даютъ,—лукаво шепнулъ Шеинъ «королю» Ромодановскому, когда ихъ бороды первыми упали на полъ пріемной преображенскаго дворца отъ руки «пресвѣтлаго стригача», а державныя ножницы продолжали ходить по другимъ сановнымъ бородамъ.

— А вонъ бороды Тихона Никитича да князь Михайлы Алегуковича, вишь, обошелъ,—улыбнулся «князь-кесарь» Ромодановскій.

Дѣйствительно, какъ ни былъ возбужденъ государь, но онъ не тронулъ бородъ самыхъ почтенныхъ стариковъ — Тихона Никитича Стрѣшнева и князя Михаила Алегуковича Черкасскаго. Шеинъ и Ромодановскій замѣтили это и переглянулись. Между тѣмъ царь нервно, возбужденно переходилъ отъ одного сановника къ другому и, бросая налету то шутку, то привѣтствіе, обрѣзывалъ бороду за бородою.

— Шаповаламъ будетъ нонѣ работка,—продолжалъ шутить Шеинъ:—сколько шапокъ наваляютъ изъ боярскихъ бородъ!

— Скоряе власяницъ для нѣкіихъ персонъ, — загадочно подмигнулъ «князь-кесарь».

— И то не лишнее,—согласился Шеинъ. — А Лыковъ-то

Digitized by Google

какъ хоронится за другихъ!.. Вишь, жаль ему своей красы-бороды: — во истину «брада Аароня» — на всю Москву борода.

Шеинъ указывалъ на боярина Кирила Андреевича Лыкова, который находился тутъ же въ числѣ сановниковъ, прибывшихъ во дворецъ къ царю на поклонъ, послѣ его возвращенія «изъ-за моря». У Лыкова, дѣйствительно, была роскошная борода. Золотисто-каштановая, мягкая и нѣжная, какъ шолкъ шемахинскій, густая «аки муромскій лѣсъ»,—она красивымъ опахаломъ застилала всю грудь боярина, смотрѣвшаго совсѣмъ молодымъ. Лыковъ гордился своей чудной бородой и лелѣялъ ее. Эту бороду знала вся Москва. Молодыя и не молодыя боярыни съ ума по ней сходили. Юныя боярышни, тайно заглядываясь изъ-за теремныхъ переходовъ и въ церкви на бороду Лыкова, въ сонныхъ дѣвичьихъ грезахъ ласкали и цѣловали ее. Даже смиренный Адріанъ, святѣйшій патріархъ «всеа Русіи», съ завистью посматривалъ, бывало, изъ алтаря на «лѣповидную браду» Кирила Андреевича.

— Экою красою Господь благословилъ!—шептали старческія уста святителя.

И вотъ теперь Лыковъ стоялъ въ пріемной царя, стараясь спрятаться въ заднихъ рядахъ сановниковъ, чтобъ только державныя ножницы миновали его любовно лелѣемую бороду. Онъ даже думалъ было незамѣтно скрыться изъ пріемной, когда Петръ обернулся зачѣмъ-то къ «князь-кесарю». Но напрасно! Царь, выше всѣхъ цѣлою головой и плечами, все видѣлъ черезъ сѣдыя и русыя головы бояръ, и потому движеніе Лыкова не могло скрыться отъ орлинаго взора великана.

— Бояринъ Кирило!—обернулся онъ въ сторону Лыкова:—вѣдомо тебѣ, кто былъ мой прадѣдъ?

Лыковъ замялся. Всѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на него и на царя:—всѣ припоминали: кто же, въ самомъ дѣлѣ, царевъ прадѣдъ? Не всѣ сразу сообразили.

— А кто былъ мой отецъ?—уже съ раздраженіемъ спросилъ царь.—Ты и сего не знаешь?

— Знаю, государь, — смущенно проговорилъ бояринъ.—Родителемъ твоимъ былъ блаженныя памяти государь царь Алексѣй Михайловичъ, въ Бозѣ почивающій.

— А дѣдъ?

Digitized by Google

— Блаженныя и вѣчно достойныя памяти царь государь всея Русіи Михаилъ Ѳеодоровичъ.

— А прадѣдъ?

— Блаженныя памяти святѣйшій митрополитъ Филаретъ, въ мірѣ боляринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ.

— Вспомнилъ, вижу,—проговорилъ царь.—Такъ ты, я чаю, знаешь изъ лѣтописныхъ сказаній да и по изображеніямъ моего прадѣда, что у него, когда онъ былъ еще въ міру, во младости, борода была не въ версту твоей, и былъ онъ на Москвѣ такой же щеголь, какъ и ты, а бородой его вся Москва любовалась. Такъ да будетъ всѣмъ вѣдомо, что у меня борода, прадѣдова,—обратился царь ко всему собранію сановниковъ.—А я, видите, презрѣлъ свою бороду... Чего ради? Мнѣ такъ сіе Богомъ внушено... Въ писаніи же сказано: сердце царево въ рукѣ божіей... Бояринъ Кирило! подойди ко мнѣ,—повернулся онъ къ Лыкову.

Лыковъ упалъ на колѣни.—Великій государь, смилуйся, пожалуй!—бормоталъ онъ, силясь закрыть бороду руками.

— Холопъ!—грозно крикнулъ царь.—Встань!

Лыковъ не вставалъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Глаза Петра метнули искры. Лицо его подергивалось судорогами.

— Поднять собаку!

Лыкова подняли ближайшіе къ нему бояре.

— Стригите его! Онъ не стоитъ того, чтобъ моя рука прикасалась къ нему...

И Петръ съ гнѣвомъ бросилъ ножницы.

А въ это время Ѳомушка-юродивый, извѣстный всей Москвѣ, а впослѣдствіи и Петербургу, поднялъ на ноги всѣхъ торговцевъ ножевой линіи и сосѣднихъ рядовъ. Юродивые въ древней Руси представляли собою выразителей общественнаго мнѣнія, а чаще всего—сатиру и обличеніе неправды сильныхъ. Къ ихъ голосу прислушивалась не только толпа, но даже цари, хотя бы самъ Грозный, должны были внимать ихъ словамъ, нерѣдко дерзкимъ до невозможности,—такимъ словамъ, за которыя всякій не-юродивый поплатился бы головою.

Ѳомушка, босикомъ и безъ шапки, весь обвѣшенный сумками, въ которыхъ хранились у него всевозможныя зерна для голубей и воробьевъ, скакалъ теперь по ножевой линіи вер-

Digitized by Google

хомъ на палочкѣ и подхлестывалъ ее кнутикомъ. Къ нему со всѣхъ карнизовъ и крышъ стаями слетались воробьи и голуби, а послѣдніе садились къ нему даже на плечи и на всклоченную, никогда не чесанную, сѣдую голову.

— Людцы торговые, сидѣльцы ножевые, Ѳомушкѣ прилежно внимайте, топоры и бритвы въ нарочитомъ множествѣ припасайте!—нараспѣвъ, тончайшей фистулой, выкрикивалъ онъ.—Но-но, лошадка!—живѣй къ Иванъ-Захарычу!—но-но!—попрыгивай.

Слыша знакомый голосъ, гостиннодворцы съ любопытствомъ и не безъ опасенія выскакивали изъ лавокъ, предвидя что-то неладное.

— Не спроста онъ, божій человѣкъ, Иванъ-Захарыча поминаетъ,—говорилъ старый торговецъ скобянымъ и ножевымъ товаромъ.—Охъ, не спроста!

— Топоры да бритвы припасайте—мучениковъ праведныхъ поминайте!—продолжалъ выкрикивать юродивый.

Его обступили гостиннодворцы, преграждая путь.

— Дорогу! дорогу гонцу!—торопливо говорилъ Ѳомушка, расталкивая толпу.

— Да ты скажи, божій человѣкъ, для чего тѣ топоры да бритвы?—допытывались сидѣльцы.

— Бороды брить да головки рубить, миленькіе, — былъ отвѣтъ.

Всѣ со страхомъ переглядывались, хорошо зная, что юродивый на вѣтеръ словъ не бросаетъ, и слова его—всегда зловѣщія.

— Кому же головы рубить? кому бороды брить?—допрашивали его.

— У кого двѣ головы—тому одну голову долой, а другую онъ снесетъ къ Иванъ-Захарычу... Вотъ я и скачу, чтобъ онъ поболѣ горенокъ свѣтлыхъ приготовилъ для незванныхъ, одначе желанныхъ гостей... Пропусти, братцы!—но-но!—пошевеливай!

Толпа разступилась, а юродивый, дико приплясывая, зачастилъ старческимъ скрипучомъ говоркомъ:

У Иванушки свѣтъ-Захарыча
Всѣ анделы возсѣдятъ,
Таки рѣчи говорятъ:

Digitized by Google

— Къ намъ гости идутъ,
Радость Господу несутъ:
Стрѣльцы-удальцы,
Все христовы молодцы...

— Вонъ онъ куда зачинаетъ,—покачалъ головою старый гостиннодворецъ:—стрѣльцовъ Иванъ-Захарычу сулитъ.

— А кто это будетъ Иванъ Захарычъ?—спросилъ дѣдушку молоденькій сидѣлецъ-новичокъ въ Москвѣ.

— А ты божественному писанію, паренёкъ, навыченъ? — въ свою очередь спросилъ старикъ.

— Маленько, бытто, навыченъ, дѣдушка,—отвѣчалъ паренёкъ.

— Иванъ Захарычъ будетъ сынокъ преподобныхъ Захарія и Елисаветъ:—Іоаннъ Креститель... Вонъ она какова загвоздка, паренёкъ.

Въ толпѣ смущенно, между тѣмъ, переговаривались, что наканунѣ, какъ снѣгъ на голову, нагрянулъ на Москву «изъза моря» самъ царь...

— Вотъ онъ Иванъ Захарычъ ждетъ гостей—стрѣльцовъ...

Ѳомушка скоро скрылся въ узкихъ переходахъ гостиннаго двора, продолжая выкрикивать «топоры» и «бритвы», а за нимъ по прежнему неслись стаи голубей.

На утро по Москвѣ разнеслась вѣсть, что бояринъ Лыковъ, не стерпя поруганія своей бороды, съ отчаянья утопился гдѣ-то за городомъ въ Москвѣ-рѣкѣ. Мало того—вмѣстѣ съ собою онъ утопилъ и свою единственную дочь, двѣнадцатилѣтнюю Елену, про которую въ Москвѣ говорили, что ея дѣвичья «трубчатая» коса не уступаетъ лѣпотою и длиною—до пятъ!—невиданной бородѣ батюшкиной. Боярская ферязь, зипунъ и шапка самого Лыкова, и лѣтникъ и башмаки дѣвочки были найдены на берегу рѣки у омута съ быстрою заводью, гдѣ, безъ сомнѣнія, и нашли свою могилу жертвы «презѣльнаго безчестья».

— Безъ гроба, безъ савана—безъ попа, безъ ладона,— укоризненно качали головами москвичи.

— Богу не свѣча, а чорту кочерга, — пожалъ плечами царь, когда ему доложили о трагической смерти Лыкова.— Токмо для чего было невинную отроковицу губить!..

Digitized by Google

III.

Мы въ Венеціи... Яркое августовское солнце, высоко поднявшееся на безоблачномъ голубомъ небѣ, заливаетъ свѣтомъ всю безконечную «Riva degli Schiavoni» съ причудливымъ дворцомъ дожей и гладкую, какъ паркетъ, «Піацетту», отбрасывая черныя тѣни и отъ этого дворца, и отъ высокой «кампанеллы», и отъ двухъ стройныхъ колоннъ, увѣнчанныхъ: одна крылатымъ львомъ «царицы морей», другая—статуей св. Георгія, поражающаго дракона. По гладкой поверхности историческаго канала «Grando Canale» плавно скользятъ во всѣхъ направленіяхъ длинныя гондолы съ высоко поднятыми носами, въ видѣ головы фантастическаго дракона или невиданной птицы—однѣ черныя, точно гигантскіе гробы, другія—богато разукрашенныя, съ наметами, блестѣвшими пурпуромъ, серебромъ и золотомъ. Безконечная «Riva»—эта «набережная невольниковъ» или «славянъ» («schiavoni»)—залита разноцвѣтною толпой, двигающеюся то къ дворцу дожей и «Піацеттѣ», то къ горбатымъ мостамъ малыхъ каналовъ, прорѣзывающихъ плювучій городъ и впадающихъ въ «Grando Canale». Слышатся иногда то пѣсня гондольера, то рокотъ струнъ гитары. На зеркальной поверхности моря, нѣсколько поодаль отъ набережной, какъ бы застыли, въ своемъ грозномъ величіи, разнообразнаго типа и объема корабли всѣхъ странъ и народовъ, разноцвѣтные флаги которыхъ лѣниво полощутся въ сонномъ воздухѣ, привѣтствуя смотрящую на нихъ всѣми своими глазами «царицу морей».

— Слышалъ, Лукьянъ, что̀ давѣ сбиры говорили? Сказываютъ: изъ левантинской земли прибылъ корабль, что̀ слыветъ «Дожемъ Корнаро»; такого-де корабля не бывало у Венице́и, какъ и градъ стоитъ.

— Отъ великаго государя я слыхалъ еще въ голанской землѣ, бытто такова̀ корабля нѣту ни въ аглицкой землѣ, ни во французской, ни въ шпанской.

— Да вонъ, я мекаю, онъ и стоитъ тамъ на якорьяхъ:— эко красавецъ богатырь!

Это говорили двое молодыхъ русскихъ людей, проходившіе отъ «Піацетты» къ «Набережной невольниковъ». То были учe-

ники царя, Скляевъ и Верещагинъ, которые уже нѣсколько лѣтъ изучали морское дѣло и кораблестроеніе и въ Голландіи, и въ Англіи, а теперь находились для той же цѣли въ Венеціи. Это были очень способные «птенцы гнѣзда Петрова» и царь называлъ ихъ своими «товарищами».

— А вотъ и пропускъ на корабль отъ самовò дòги,—проговорилъ на ходу третій молодой русскій, догоняя Скляева и Верещагина.

Это былъ еще совсѣмъ юноша, безусый и безбородый, съ русыми вьющимися волосами и голубыми, нѣжными, какъ у дѣвочки, глазами.

— Молодецъ дѣвочка! — улыбнулся Скляевъ:—ишь какъ проворно, словно вокругъ пальца обернулъ.

Тотъ, котораго назвали «дѣвочкой», былъ единственный обожаемый сынъ злополучнаго боярина Лыкова. Ни молодой Лыковъ, ни Скляевъ и Верещагинъ еще ничего не знали, что творилось въ Москвѣ. Они были увѣрены, что царь все еще въ Вѣнѣ и скоро долженъ, по обѣщанію, лично прибыть въ Венецію.

— Ну, дѣвынька, кликни-ка сюда гондольщика:—ты, вѣдь, ухъ какъ гораздъ по собачьи говорить, а мы со Скляевымъ больше голански гуси, чѣмъ тальянски,—сказалъ, улыбаясь, Верещагинъ.

— Gondola, gondola!—поманилъ рукой юный Лыковъ:—presto! prestissimo, per Bacco!

Два гондольера, лѣниво и плавно покачиваясь—одинъ на кормѣ длинной и черной, какъ гробъ, гондолы, а другой у ея задорно вздернутаго металлическаго носа, шевеля въ водѣ длинными веслами, словно въ квашнѣ лопатами,—причалили къ набережной. Русскіе молодцы тотчасъ попрыгали въ гондолу, не дожидаясь подачи сходней. Лыковъ объяснилъ, куда плыть.

— Понялъ, еѳіопъ черномазый?—пояснилъ онъ по русски.

— Si-si, signore eccelenza,—улыбнулся черномазый «тальянецъ».

Гондола, ловко лавируя среди другихъ гондолъ и кораблей, скоро пристала къ борту «Дожа Корнаро», съ палубы котораго уже былъ спущенъ трапъ. Русскіе молодцы тотчасъ же поднялись на палубу «Корнаро» и предъявили свой пропускъ. Ка-

Digitized by Google

питанъ, пробѣжавъ бумагу и узнавъ изъ нея, что передъ нимъ посланцы русскаго царя, принялъ ихъ чрезвычайно любезно и предложилъ осмотрѣть со всевозможною обстоятельностью свой прекрасный корабль, которымъ онъ гордился.

Они такъ и сдѣлали. Капитанъ подробно объяснялъ все, что̀ касалось особенностей и достоинствъ его красавца-корабля, а русскіе оказались очень внимательными и понятливыми слушателями, въ особенности же Скляевъ, котораго очень цѣнилъ за его техническія знанія и быструю смѣтку его царственный учитель и товарищъ. Онъ часто дѣлалъ очень меткія замѣчанія по части корабельной техники,—и капитанъ невольно удивлялся его знаніямъ. Скляевъ то и дѣло обращался къ своимъ товарищамъ, и они обмѣнивались своими замѣчаніями по русски. Вдругъ, проходя мимо одного надпалубнаго павильона съ голубыми занавѣсками на окнахъ, они увидѣли, какъ колыхнулась одна занавѣска и изъ-за нея послышался нѣжный мелодическій возгласъ по русски:

— Владычица, что̀ я слышу?

Они съ изумленіемъ обернулись. Изъ окна павильона на нихъ глядѣло миловидное женское личико, обрамленное нѣжными прядями золотистыхъ волосъ. Большіе черные глаза смотрѣли съ невыразимымъ умиленіемъ, смѣшаннымъ съ испугомъ.

Тѣ остановились, какъ вкопанные, словно бы передъ какимъ таинственнымъ видѣніемъ.

— Кто она?—тихо спросилъ Скляевъ по голландски.—Она, должно быть, русская полонянка.

Капитанъ объяснилъ, что, возвращаясь изъ Леванта въ Венецію, онъ встрѣтилъ въ Средиземномъ морѣ разбойничій корабль алжирскихъ пиратовъ и, послѣ жаркаго боя, взялъ его. На немъ, какъ и предполагалось, оказался «человѣческій товаръ», который пираты намѣревались сбыть въ Египтѣ для гаремовъ тамошнихъ пашей. Между несчастными жертвами-невольницами оказалась и эта молоденькая полонянка, которая вмѣстѣ съ прочими была взята на корабль «Корнаро» и теперь прибыла въ Венецію подъ высокое покровительство священной республики.

Несчастная судьба юной полонянки очень заинтересовала молодыхъ русскихъ моряковъ, и они просили капитана—не позволитъ ли онъ имъ переговорить съ нею. Капитанъ любезно

Digitized by Google

согласился и прошелъ въ павильонъ. Тамъ онъ сообщилъ полонянкѣ желаніе русскихъ «синьоровъ» — онъ говорилъ по итальянски—познакомиться съ нею, и дѣвушка съ радостью выразила свое согласіе. Вмѣстѣ съ капитаномъ, она вышла изъ павильона и смущенно остановилась. Прелестное личико ея теперь было прикрыто тонкою, прозрачною чадрой, сквозь которую томно смотрѣли ея большіе черные глаза. Одѣта она была въ богатый костюмъ восточныхъ женщинъ:—зеленая чуха, обшитая позументами, блѣдно-палевыя широкія шальвары и красные сафьянные, съ загнутыми носками, чевяки свидѣтельствовали, что алжирскіе пираты очень цѣнили красоту своего «товара» и, чтобы дороже продать его на невольничьемъ рынкѣ, старались показать этотъ товаръ лицомъ. Капитанъ любезно провелъ свою хорошенькую пассажирку и русскихъ синьоровъ въ тѣнь, подъ тенту, и съ вѣжливымъ поклономъ удалился.

— Прости намъ, незнамая дѣвынька,—заговорилъ, запинаясь, Скляевъ:—мы, кажись, испужали тебя.

— Нѣту... Я таковò обрадовалась... услыхала родимую рѣчь... А ужь я и не чаяла,—сказала дѣвушка.

— Такъ повѣдай намъ, дѣвынька, кто твои родители, изъ какой ты сторонки и какое такое горе-злочастіе занесло тебя въ чужу дальню сторону?—продолжалъ Скляевъ.—Какъ твое имя-отчество?

— Звали меня, по святому крещенью, Оленушкой... Родомъ я буду орлянка—орловскаго воеводы Андрея Петровича Измайлова дочь, а нонѣ, вотъ уже шестой, не то седьмой годъ, горькою полонянкой мыкаюсь по бѣлу свѣту, по морямъ-океянамъ,—грустно отвѣчала дѣвушка, и откинула отъ лица чадру, чтобъ утереть слезы, брызнувшія изъ ея красивыхъ глазъ.

Красота ея поразила молодыхъ моряковъ. Какая громадная цѣна должна ей стоять на невольничьихъ рынкахъ!

— А кто вы будете, добрые люди, и какою неволею за море попали?—спросила дѣвушка, замѣтивъ смущеніе своихъ земляковъ.

— Мы, дѣвынька, Олена Андревна, государевы школьники,—съ улыбкой отвѣчалъ Скляевъ:—великаго государя Петра Алексѣича ученики... Посланы государемъ корабельному мастерству и навигаторству учиться,—и вотъ который годъ за морями-океянами, какъ и ты, сѣрое горе мыкаемъ...

Digitized by Google

— До сѣдыхъ, може, волосъ домыкаемся,—вставилъ съ улыбкою Верещагинъ, и взглянулъ на Лыкова, который сидѣлъ словно зачарованный прелестною полонянкой.

— Такъ разскажи же намъ, дѣвынька, Олена Андревна, все твое горе-злочастіе по порядку:—какъ и гдѣ тебѣ таковое горе приключилося?—спросилъ Скляевъ.

— Взяли меня въ полонъ ногайскіе татарове по одиннадцатому году... Съ матушкой мы изъ Орла ѣздили въ Кеивъ на богомолье, да на обратномъ пути, на степи, напала на насъ орда, небольшой загонъ... Холопей нашихъ до смерти побили, а насъ съ матушкой свели въ Крымъ, въ городъ Козлевъ... Тамъ меня на рынкѣ купилъ старый мурза-татаровинъ и свелъ въ городъ Кефу, и, поживя я малость въ томъ градѣ, свезли меня моремъ въ Анадольскую землю, а изъ Анадольской земли продали меня въ Царьгородъ турскому пашѣ, и тотъ паша подарилъ меня большому везирю...

— А съ матушкой разлучили?—тихо спросилъ Верещагинъ.

— Разлучили... И что съ ей, горемычной, было—не вѣдаю...

Она немного помолчала и отерла слезы.

— И, живучи я у большаго везиря съ его женами въ сералѣ, въ немалѣ времени была бусурманена съ неволи,—и каномъ мазана на бровяхъ и на перстахъ, и велѣли мнѣ палецъ подымать,—продолжала раздумчиво дѣвушка.—И, живучи я у большаго везиря, по средамъ и по пятницамъ и въ посты мясо и всяку скверность ѣла...

— Ну, живучи-то на чужой сторонѣ, и мы столь же бусурманены, и всяку нечисть ѣдимъ,—замѣтилъ Верещагинъ.

— А какъ жила я у большаго везиря,—продолжала дѣвушка,—и большой везирь меня, сиротку, пуще дочери родной жаловалъ и приставилъ ко мнѣ стараго арапченина, елнуха, и ходилъ тотъ елнухъ за мной по пятамъ, сказать бы нянька, чтобы на меня ни пылинка не пала, ни вѣтромъ бы на меня не пахнуло, и накрѣпко смотрѣлъ, чтобы большаго везиря жоны, по злобству на меня, какого мнѣ дурна не учинили, алибо отравнымъ зельемъ не извели со свѣту. И, живучи я у большаго везиря, турскому языку навыкла гораздо и молитвы изъ корана проказывала голосомъ, а умомъ «Богородицу» да «Оченаша» усердно твердила, памятуя батюшкову да матушкину науку.

Digitized by Google

Дѣвушка умолкла и, глядя на высившіяся надъ городомъ церкви, йстово перекрестилась.

— Ну, Олена Андревна, что же потомъ было?—спросилъ Скляевъ.

— Охъ, много чего было потомъ!—вздохнула дѣвушка.— Какъ пошелъ мнѣ четырнадцатый годъ, и послалъ турскій салтанъ большаго везйря въ фараонскую землю, къ фараонамъ, для его салтанской корысти, за ясакомъ. И снарядилъ большой везйрь великій корабль съ корабельники, и перевелъ на тотъ корабль всѣхъ жонъ своихъ и меня съ арапчениномъ-елнухомъ и со многою челядью еѳіопскою. И, пловучй моремъ немало время, приплыли мы въ землю фараонскую и вошли въ невѣдомую рѣку великую, а въ той рѣцѣ коркодилы-звѣри живутъ. И по той рѣкѣ приплыли мы къ невѣдомому нѣкоему граду великому, а около того града за рѣкою починается Сахарная пустыня, а у края той пустыни стоятъ нѣкія великія пирамидесы, сказать бы: капища фараонскія. И прожили мы въ той фараонской землѣ съ небольшимъ годъ. А какъ покинули мы фараонскую землю, и, плывучи назадъ къ Царюграду, напали на насъ шпанскаго короля воровскіе нѣмцы, и нашъ корабль погромили, и я чудомъ жива осталась...

— Горькая сиротинушка!—невольно вырвалось у молчавшаго до тѣхъ поръ Лыкова, у котораго на глазахъ стояли слезы.

Дѣвушка взглянула на него своими прекрасными, благодарными очами, и слабый румянецъ показался на ея щекахъ.

— Какъ же это случилось?—нетерпѣливо спросилъ Верещагинъ.

— Бой былъ—съизначала огненный—изъ пушекъ палили, а опосля сцѣпились въ рукопашь—саблями да ножами. И въ бою томъ убитъ былъ большой везйрь.

Дѣвушка остановилась и смахнула слезу.

— Я его, какъ отца роднаго, любила,—съ трудомъ продолжала она:—жалостливъ онъ былъ ко мнѣ въ неволѣ, въ глаза смотрѣлъ...

«Не диво — въ эдакіе-то глазки»,—улыбнулся въ душѣ Скляевъ.

— И корабельниковъ, и челядь всю побили въ бою, и корабль отгромили... Може и меня бы не стало, дакъ старый

Digitized by Google

арапченинъ-елнухъ, прикрылъ меня собою... Ему и раскроили черепъ, а меня еле живу, безъ памяти, подняли на вѣтеръ шпанскіе воровскіе нѣмцы,—и я отудобила, отошла отъ смерти.

— А жоны того везйря?—спросилъ Скляевъ:—живы остались?

— Которыя въ море со страху побросались и тамъ смерть нашли; которыя въ огненномъ бою отъ пуль пали, а достальныя, какъ и я же, въ полонъ забраны... Съ тѣмъ и въ шпанскую землю отплыли... Долго плыли—токмо небо надъ нами да подъ нами пучина морская. Много я наплакалась въ тѣ-поры—распухла, кажись, отъ слезъ. Молилась, чтобъ Богъ прибралъ къ себѣ. Да кто угадаетъ, что́ кому на роду написано?.. А вотъ я черезъ кои-то годы опять родную рѣчь услыхала.

И дѣвушка не то горько, не то сладостно заплакала.

Всѣ молчали. «Пусть выплачется»,—думалось каждому.

IV.

Дѣвушка выплакалась и облегченно вздохнула.

— Теперь ужь тебѣ, Олена Андревна, плакать нѣчего,—ласково сказалъ Скляевъ.—Богъ дастъ, и родную сторонушку увидишь... Вотъ, того и гляди, великій государь сюда нагрянетъ и тебя къ родителямъ отправитъ. Матушку твою, я чаю, давно изъ полону выкупили... Это только такихъ, какъ ты, не охота изъ полону выпущать, на кого ни доведись,—улыбнулся Скляевъ.

Лыковъ злобно посмотрѣлъ на него своими голубыми глазами, которые, казалось, такъ и говорили:—Свинья! развѣ можно съ такою шутить?

— Досказывай же, Олена Андревна, свое сказаніе, коли это не тяжело тебѣ,—ласково проговорилъ Верещагинъ.—И ты была въ шпанской землѣ?

— Была... Тѣ шпанскаго короля нѣмцы, которые отгромили насъ, были воровскаго стану разбойники, что́ полономъ торговали, и для того они не пристали къ своимъ городамъ, а вышли въ океянъ-море и, обошедъ всю шпанскую землю, пристали у города Савостьяна (это Санъ-Себастьянъ). И въ городѣ Савостьянѣ меня на рынкѣ купилъ молодой шпанскій

Digitized by Google

дука, донъ Альварецъ. И тотъ дука соблюдалъ со мною великое вѣжество, и приставилъ ко мнѣ старую монахиню папежской вѣры, которая монахиня, допрежь того живучи въ Польшѣ, въ Аршавъ-городѣ, навыкла малость черкасской рѣчи, и черкасскою рѣчью меня въ свою папежскую вѣру навращала. И, поживя малое время въ городѣ Савостьянѣ, оный дука, донъ Альварецъ, собрался въ дорогу, въ тальянскій городъ Рому...

— Въ Римъ?—спросилъ Лыковъ, замѣтно краснѣя.

— Може и Римъ,—согласилась дѣвушка.—А въ томъ городѣ Римѣ жила дукина родительница... И поѣхали тогда мы большимъ обозомъ, съ немалою челядью, съ ружьи и пищалью, и ѣхали вдоль снѣговыхъ горъ—высокихъ, превысокихъ! И дивно было мнѣ видѣть, какъ подъ горами, у нашей дороги, цвѣты расцвѣтали и золотыя яблоки на древахъ созрѣвали, и птички пѣли, а выше, на горахъ—снѣгъ бѣлый, точно зимою студеною.

— Много жь ты чего, дѣвынька, на своемъ молодомъ вѣкѹ перевидала,—замѣтилъ Скляевъ.—Мы и постарше тебя, и тоже кой-чего видывали и средь голанцевъ, и средь агличанъ, а съ твое—куды жь намъ!—далеко... Ну, и въ Римѣ была?

— Была и въ Римѣ, безъ малаго два года... Долго ѣхали мы туда,—и какихъ городовъ не видали, какихъ-какихъ чудесъ не насмотрѣлась я, какъ ѣхали мы рубежемъ моря отъ шпанской земли до города Ромы, али, бишь, Рима! Проѣзжали мы и черезъ землю французскихъ нѣмцевъ, гдѣ, куды глазомъ ни кинешь, все сады-виноградy да райскія яблоки золотыя... А я все вспоминала свой родимый Орелъ-городъ, гдѣ я махонькою бѣгала—горя не знала.

Она снова задумалась, мысленно переживая то, что̀ прошло по ея юному, но многое испытавшему сердцу.

— Ну, и что жь тотъ дука? Какъ жилось тебѣ въ Римѣ, Олена Андревна?—вывелъ ее изъ задумчивости Скляевъ.

— Въ Римѣ?—встрепенулась она.—Все было... А не пожалуюсь я ни на Бога, ни на людей... И щербатая моя доля, а пожаловаться не на кого. Всѣ меня любили, хоть я была и полонянка—горькая кукушка... Полюбила меня и мать дукина, какъ дочь родную—въ невѣстки себѣ прочила... Только и ждали, когда я въ вѣрѣ папежской укрѣплюсь. И, живучи

Digitized by Google

я у той дукиной матери, латынскій крыжъ цѣловала, и по папину велѣнью ксенжъ меня исповѣдывалъ и секраментъ мнѣ давалъ, и я, грѣшная, секраментъ бирала и въ костелъ латынскій хаживала, и латынскою святою водой крапливалася, и на папиной великой литургіи стаивала, когда самъ напежъ съ кординалы подъ варганы соборне литургисалъ... Все было.

— А самъ дука?—несмѣло спросилъ Лыковъ, когда дѣвушка примолкла, какъ бы забывъ все окружающее.

Она глянула на молодаго моряка, какъ бы не понявъ вопроса.

— Добёръ онъ былъ ко мнѣ, смирёнъ, что красная дѣвица... самъ училъ меня, какъ и што по ихнему. Всякую думушку горькую отгонялъ отъ меня, сулилъ показать мнѣ и родную мою сторонку, къ отцу-матери свозить—просить батюшкова и матушкина родительскаго благословенія... Задумаюсь ли я, часомъ пригорюнюсь ли,—везетъ, бывало, меня городъ показывать, про старину разсказываетъ: каковъ-таковъ городъ Римъ допрежъ того былъ. Любилъ онъ меня...

У разсказчицы снова на глазахъ показались слезы, но она осилила себя и продолжала:

— Да не судилъ ему Богъ счастье видѣть. Думалъ о свадьбѣ со мной... Только отъ шпанскаго короля разрѣшеніе на ту свадьбу надо было получить — дворскій онъ былъ у шпанскаго короля, дука-то, донъ Альварецъ, въ родѣ, сказать бы, нашего стольника, либо ближняго боярина...

— А самъ-отъ дука—нѣ молодъ ужь? — спросилъ Верещагинъ.

— Молоденькій паренёкъ, годовъ двадцати.

— Ну и что жь? былъ онъ у короля?

Дѣвушка опять разрыдалась. Но на этотъ разъ взрывъ накопившихся рыданій былъ такъ силенъ и продолжителенъ, что Лыковъ, встревоженный проявленіемъ этого безутѣшнаго отчаянія, поспѣшилъ къ капитану, чтобъ приказать подать воды. Руки его дрожали, когда онъ воротился съ фляжкой и стаканомъ.

— Ну, боярышня, ты все расплещешь и ее испужаешь,— сказалъ съ улыбкой Скляевъ, принимая изъ рукъ Лыкова фляжку и стаканъ.—Дака я самъ.

Онъ поднесъ стаканъ плачущей дѣвушкѣ.

Digitized by Google

— На-ка-сь, дѣвынька, хлебни водицы—отойдетъ.

Дѣвушка повиновалась. Зубы ея стучали о край стакана.

— Ну, вотъ! все была молодцомъ, и со шпанскими нѣмцами воевала, и коркодиловъ видала, а тутъ на! — ласково улыбаясь, говорилъ Скляевъ.—Теперь мы, добрые молодцы, тебя въ обиду не дадимъ, красную дѣвицу... Мы не токма шпанскихъ нѣмцевъ, а и самого чорта за рога приймемъ... Ну, полно плакынькать, дѣвонька... А ты разскажи-ка, какъ вы къ шпанскому королю ѣздили.

— Не доѣхали! — грустно покачала головой дѣвушка. — Выѣхали мы кораблемъ изъ города Лигорна (Ливорно) по веснѣ...

— Это нонѣшнюю вёсну?—спросилъ Верещагинъ.

— Нонѣшнюю.

— Это когда мы въ Сардамъ пріѣхали...

— Не переходи дороги, Лукьянъ, не твой чередъ,—остановилъ его Скляевъ.—Выѣхали вы изъ Лигорна—всѣ: и дука, и мать дукина?

— Всѣ, и съ челядью... Плыли мы благополучно немало дней, а когда выѣхали изъ города Малаги, что въ шпанской землѣ,—тутъ всѣ бѣды и стряслися надъ нами... Встала великая буря, и долго носила нашъ корабль по морю—не чаяли и живы быть... Латынскій ксенжъ, что былъ на кораблѣ—дукинъ и его матери отецъ духовный—и исповѣдывалъ насъ, и секраментъ давалъ: думали — смерть пришла, въ морѣ потопаемъ... Только Богъ спасъ—стихла буря... Да не на радость вышло наше спасенье... Занесло нашъ корабль къ басурманской землѣ, къ невѣдомому городу, не то арапскому, не то эѳіопскому... Въ этомъ городѣ, на берегу, я и видѣла въ послѣдній разъ своего жениха: всѣхъ насъ забрали въ полонъ и развели по разнымъ мѣстамъ... Что сталось потомъ съ ними, живы ли они—не вѣдаю...

— А что же съ тобой-то было, Олена Андревна? — спросилъ Верещагинъ.

— Вотъ какъ видите... Пожила я тамъ въ невѣдомомъ городѣ сколько тамъ мѣсяцевъ у моего хозяина ѳіопина, а ходили за мной его рабыни-ѳіопки, кормили-поили меня словно тёлочку на убой... Никто не обижалъ меня—пальцемъ не тронули...

Digitized by Google

— Невыгодно обижать—товарецъ-то дорогой,—улыбнулся Скляевъ:—въ цѣнѣ бы упалъ. Ну, и что жь?

— Что? Нарядили меня вотъ эдакъ-то (дѣвушка указала на свой красивый уборъ) привели на пристань, да съ другими горькими полонянками и посадили на корабль... Мы ужь знали—продавать насъ везутъ, а куда—гдѣ жь намъ знать!

— Вѣстимо, къ бусурманамъ—либо въ Турцію, либо въ Египетъ,—замѣтилъ Верещагинъ.

— Я теперь мекаю, — неожиданно разсмѣялся веселый Скляевъ:—овечки-то, я вижу, не попали на базаръ... Не поживились паши—тютю...

Лыковъ опять злобно посмотрѣлъ на него.

Вдругъ гдѣ-то вдали послышалась тихая, мелодическая запѣвка:

Какъ по-о-о морю̀, какъ по-о-о морю̀,
Какъ по морю, морю си-и-инему...

Дѣвушка въ невыразимомъ изумленіи стала прислушиваться. Прелестные, еще недавно заплаканные, глаза ея широко раскрылись, а губы не то испуганно, не то радостно шептали:

— Что это? гдѣ я? не сонъ ли, Господи!

Молодые моряки молчали, и съ улыбкой посматривали на нее. А тамъ гдѣ-то невидимые молодые, сильные голоса хоромъ подхватывали и выносили:

Плыла-а-а лебедь, плы-ла-а-а лебедь,
Плыла лебедь съ лебедя-а-а-тами...

Голоса все болѣе и болѣе сближались. Матросы «Дожа Корнаро» и другихъ кораблей повысыпали на палубы и даже взбирались на реи, чтобы посмотрѣть, откуда несется это таинственное пѣніе. Наша полонянка жадно прислушивается. На лицѣ ея—умиленіе. А оттуда мощною волной доносятся сильные, чудные голоса и слова:

Уши-и-ибъ-убилъ, уши-и-ибъ-убилъ,
Ушибъ-убилъ лебедь бѣ-э-э-лую...

Дѣвушка закрыла лицо руками и тихо-тихо плакала. Но это не были слезы горечи и отчаянія, а скорѣе сладкія слезы умиленія, слезы таявшаго сердца. Воспоминанія далекаго, счастливаго дѣтства, разбуженныя знакомою отъ колыбели ме-

Digitized by Google

лодіею, разомъ проснулись въ душѣ и разбередили ее до слезъ. А голоса все приближались, и слова пѣсни неслись по водѣ все явственнѣе:

Онъ пу-у-ухъ пустилъ, онъ пу-у-ухъ пустилъ,
Онъ пухъ пустилъ по подне-е-ебесью...

— А знатно поютъ наши «навигаторы», — сказалъ тихо Верещагинъ.

— Кто жь они? откуда?—спросила дѣвушка, вытирая мокрое личико.

— Все это наши молодые стольники да спальники, которыхъ царь выслалъ за море учиться,—отвѣчалъ Скляевъ:—это все «навигаторы», что̀ учатся здѣсь въ Венеціѣ морскому «навигаторскому» дѣлу. Ихъ нонѣ немало поразсыпано и въ аглицкой, и въ голанской землѣ.

— Скучаютъ по Москвѣ,—пояснилъ Лыковъ.

— Еще бы не скучать!—засмѣялся Скляевъ:—тамотка, въ Москвѣ, имъ всего и дѣла-то было, что дворскимъ собакамъ хвосты подвязывать, да на теремныя окошки заглядывать, а тута на-ка-сь! учись.

Въ это время гондолы съ молодыми «навигаторами» подплыли къ «Дожу Корнаро».

— А! старички почтенные!—Скляевъ, Верещака! — крикнулъ съ гондолы веселый голосъ.—Наше вамъ съ онучкой и лапоткомъ!

— Вы что̀ содомничаете, саврасы?—отозвался Скляевъ.

— Мы не содомничаемъ,—отвѣчали съ гондолы.—Вчерась былъ праздничекъ—Иванъ Постный, а нонѣ Алексашка Карандѣевъ именинничекъ,—вотъ мы и празднуемъ его тезоименитство:—всешутѣйше литургисаемъ: «Какъ по морю».

— Бражничаете, олухи царя земнаго!—нѣтъ на васъ его дубинки!—засмѣялся Скляевъ.

— Эко-ся—спохватился: царь-отъ давно въ Москву ускакалъ.

— Какъ! что вы непутевое мелете?

— Мельница мелетъ, а мы истиннымъ Богомъ свидѣтельствуемся. А можно къ вамъ на корабль?

— Безъ пропуска ни-ни!

— Какой пропускъ?

— Отъ самого свѣтлѣйшаго дòги.

Digitized by Google

Но любезный капитанъ приказалъ спустить трапъ, и московскіе шалопаи,—тогдашняя золотая молодежь,—весело стали взбираться на «диковинный корабль».

V.

Орловскій воевода Андрей Петровичъ Измайловъ, окончивъ свои утреннія служебныя занятія въ воеводской избѣ, сидѣлъ въ своей горницѣ, отдавшись грустнымъ думамъ. Когда-то у него была семья. Въ домѣ благодать: любимая, кроткая жена, прелестныя дѣти, такъ оживлявшія своимъ щебетаньемъ эту унылую усадьбу. А теперь это вымершій домъ. Самъ онъ одинокъ, какъ перстъ, какъ сухая былинка въ полѣ. Кроткая жена не пережила разлуки съ безъ вѣсти пропавшей дочкой; день ото дня таяла она послѣ возвращенія изъ крымскаго полону и погасла, словно догорѣвшая свѣча воску яраго. А дочка Оленушка точно въ воду канула—въ это безбрежное синее море. Поѣхали обѣ съ челядью въ Кіевъ на богомолье, да тамъ ихъ и слѣдъ пропалъ, словно снѣгомъ замело. Послѣ ужь дошли до него вѣсти, что челядь его найдена въ степи побитою, порубленною: хищныя птицы доклевывали трупы, да дикіе звѣри кости растаскивали. Жены и дочушки не оказалось межъ побитою челядью:—ясно, что онѣ уведены татарами въ полонъ. Такъ и оказалось потомъ. Отъ жены получена была вѣсточка, что томится она въ неволѣ у мурзы города Козлева, что въ Крыму, при берегѣ Чернаго моря. Требовался выкупъ. Онъ послалъ выкупъ съ вѣрными людьми, съ черкасами изъ Запороговъ, и жена была возвращена. Но Оленушкинъ слѣдъ пропалъ. Въ Козлевѣ ее разлучили съ матерью, увели въ городъ Кефу; оттуда—сказываютъ—малютку увезли моремъ въ Анадолію,—и тутъ нитка урвалась: — разспрашивали о ней и запорожцы, знакомые по всему Крыму, и греческіе торговые люди изъ города Синопа, искали и въ Царьградѣ на рынкахъ... Пропала Оленушка, затерялась крошка въ божьемъ мірѣ неисходномъ! Жива ли малютка, или милосердый Богъ воззвалъ къ себѣ ея чистую душеньку?

Оставалась у него одна утѣха въ печальномъ одиночествѣ—сынокъ Петрушенька, да и того великій государь услалъ съ прочими боярскими дѣтьми за море учиться навигаторскому дѣлу.

Digitized by Google

Измайловъ всталъ и безцѣльно смотрѣлъ въ окно на садъ, гдѣ медленно падали, кружась въ осеннемъ воздухѣ, желтые листья, безшумно спадавшіе съ деревьевъ. Тамъ когда-то играли дѣти, и веселый, звонкій смѣхъ ихъ оживлялъ не только этотъ унылый домъ и садъ, но и весь міръ—міръ его души... Вонъ уже и красногрудые снигири перепархиваютъ по деревьямъ—зима приближается. Высоко въ небѣ потянулись ломаною линіею дикіе гуси на теплыя воды, за синія моря, туда, гдѣ, быть можетъ, изнываетъ въ неволѣ его дѣвочка... Ужь и времена же были! вотъ времячко!..

Воевода еще не старъ, но видимо осунулся, полинялъ, какъ полиняло все у него на душѣ. Вошелъ слуга съ заспаннымъ лицомъ. Переминается.

— Ты чего, Аверьянъ?

— Государевы нави... нагатеры государевы спрошаютъ твою милость... Четверо ихъ... нагатеровъ...

— Какіе нагатеры? навигаторы, можетъ?

— Государевы, сказываютъ, изъ-за моря.

Точно внутреннимъ свѣтомъ озарилось унылое лицо воеводы.

— Изъ-за моря навигаторы?

— Точно — наватеры—они самые... въ нѣмецкихъ кафтанахъ.

Измайловъ торопливо вышелъ въ пріемную. Тамъ стояли четыре незнакомца въ европейскомъ платьѣ, со шляпами въ рукахъ и при шпагахъ. Двое изъ нихъ были такъ, лѣтъ за тридцать, а двое другихъ—юные, особенно одинъ смотрѣлъ прелестнымъ мальчикомъ. На нѣжномъ, блѣдномъ лицѣ его отражалось что-то неразгаданное, особливо въ глазахъ.

— Проѣздомъ, по государеву указу, изъ города Веницеи въ Москву черезъ Орелъ, сочли за долгъ заявиться твоей милости, господинъ воевода: великаго государя навигаторы: Скляевъ, Серещагинъ, Лыковъ и...

Скляевъ не договорилъ... Четвертый «навигаторъ», едва державшійся на ногахъ отъ волненія, съ воплемъ бросился на шею воеводѣ.

— Батюшка, родной мой, золотой! ты не спозналъ меня... Зою Оленушку!

Измайловъ затрепеталъ, чувствуя на груди своей дорогое

существо и не вѣря тому, что̀ случилось. Разумъ боялся вѣрить, но сердце замирало отъ счастья; онъ весь чувствовалъ, что къ нему льнуло что-то до безконечности дорогое, милое, и онъ самъ прильнулъ къ золотистой головкѣ, которая порывисто откинулась, а нѣжныя, горячія дѣтскія губки присосались къ его грубымъ—старческимъ пересохшимъ губамъ.

— Дѣточка моя, дѣточка моя милая!—шепталъ онъ.

Потомъ, нѣсколько отстранивъ ея головку, онъ въ порывѣ невыразимаго умиленія и счастья воскликнулъ:—«Да, это ты, ты»!—и снова заключилъ ее въ объятія.

Но скоро онъ опомнился, выпустивъ дочь изъ своихъ объятій.

— Простите, государи мои... простите отца, давно лишеннаго дочерней ласки, много лѣтъ ее оплакивавшаго, — проговорилъ онъ.—Но вы поймете чувства мои.

— Помилуйте, государь мой, мы не каменные, — отозвался Скляевъ.—Только мы теперь лишніе здѣсь.

— Нѣтъ, нѣтъ!—заволновалась дѣвушка:—вы намъ родные.

— Правда, правда, дочушка милая,—подтвердилъ Измайловъ.—Прошу садиться.

— А что̀ мама, Петруша?—спохватилась вдругъ дѣвушка.

Тѣнь и тревога мгновенно легли на лицо Измайлова.

— Опо̀слѣ, дѣточка, опо̀слѣ, — торопливо сказалъ онъ. — Первѣе всего—что ты, моя голубка?

— Я все та же, батюшка, только видишь — выросла, совсѣмъ большая стала.

— А ка̀къ тебя Богъ спасъ?

— Послѣ, родной мой... Ужь таково̀-то много придется разсказывать—повременѝ.

— А вы, государи мои дорогіе?—обратился Измайловъ съ своимъ вопросомъ къ гостямъ.

— Намъ Богъ послалъ увидѣть Олену Андревну ужь въ Веницѐ, — отвѣчалъ Верещагинъ.

— Въ благополучіи и на волѣ,—пояснилъ Скляевъ:—самъ свѣтлѣйшій до̀га венецейскій принялъ къ сердцу ея обстоятельства и пишетъ объ отправкѣ Олены Андревны въ Россію великому государю, а тебя велѣлъ поздравить съ радостью.

Измайловъ съ невыразимой нѣжностью посмотрѣлъ на дочь.

— Ахъ ты, мое солнышко!—тихо привлекъ онъ ее къ се-

Digitized by Google

бѣ.—И не узнать бы мнѣ ее—сущій паренёкъ, словно бы на масляной ряженая.

— Такъ надо было, батюшка,—какъ бы оправдывалась дѣвушка:—негоже было одной дѣвкѣ ѣхать эку даль съ ними.

— И то правда, непригоже: осудили бы люди.

— Да на заставахъ и такъ заминка случилась,—замѣтилъ Верещагинъ.

— Задерживали заставные,—пояснилъ Скляевъ,—и только когда предъявляли имъ пропускъ отъ самого дѣди веницейскаго къ его царскому величеству, дакъ рогатки раздвигались и нашъ маленькій «навигаторъ» пропущался.

Въ это время, въ комнату вошелъ старенькій священникъ, соборный протопопъ, отецъ Матвѣй.

— Миръ дому сему и сущимъ въ немъ,—проговорилъ онъ, крестясь на образа въ переднемъ углу.

— И духови твоему,—отвѣчалъ Измайловъ, и, по обычаю, подошелъ подъ благословеніе. Подошли и навигаторы.

— Православные будете?—недовѣрчиво глянулъ старикъ.

— Православные, батюшка, крещеные,—улыбнулся Скляевъ.

— То-то... А то гляжу: не нашей птицы перѣ—заморски перья.

— Да мясо-то подъ этимъ перомъ россійское, московское, батюшка,—продолжалъ улыбаться Скляевъ.

— То-то, вижу я, шустрый ты—шустеръ больно,—добродушно ворчалъ старикъ.—А мнѣ что! я и бѣса крестомъ назнаменаю, чтобъ въ тартарары провалился... Во имя Отца и Сына,—шепталъ онъ,—и благословилъ Скляева.

— Вотъ и не провалился, батюшка,—продолжалъ шутить Скляевъ.

— Вижу, вижу, егоза—ворчалъ старикъ, и благословилъ остальныхъ.

Подошла и дѣвушка, протягивая подъ благословеніе крохотную ручку съ розовыми пальчиками.

— Узнаёшь, отецъ Матвѣй, кто это?—не вытерпѣлъ Измайловъ, подмываемый радостью.

— Слѣпъ я, воевода,—не узнаю... Вижу: паренёкъ, младъ ѣло вьюношъ... въ бабки бы впору съ ребятками играть ему...

— Да это моя Оленушка, Богомъ данная.

Digitized by Google

— Что ты? что ты, воевода?

— Богомъ истиннымъ свидѣтельствуюсь!—это дочечка моя оплаканная,—серьезно сказалъ воевода со слезами въ голосѣ.

Старикъ-протопопъ былъ пораженъ.

— Господи Боже!—и впрямь Оленушка,—бормоталъ онъ, всматриваясь въ стоявшую передъ нимъ, въ радостномъ смущеніи, дѣвушку. — Я крестилъ ее, крошку, я принималъ отъ святой купели... Ахъ, Господи Боже!.. Какъ же ты, дитятко,—откуда?

— Изъ полону, батюшка.

— Отъ бусурманъ?

— Отъ бусурманъ.

— И бусурманена, поди, ягодка?

— Бусурманена, батюшка,—и каномъ мазана, и палецъ подымала съ неволи.

— Ахъ, грѣхъ какой! грѣхъ какой, Господи Боже!

— А опосля въ папежскую вѣру была совращена,—ехидно подсказалъ Скляевъ, подмигнувъ Верещагину и Лыкову.

— Въ папежскую, въ латынскую, Господи Боже!—ужасался старый попикъ. —И крестъ латынскій еретическій, поди, цѣловала?

— Цѣловала, батюшка, — смущенно отвѣчала допрашиваемая.

— И секраментъ принимала?

— Принимала, батюшка.

— Ахъ, горькая моя, горькая!.. Теперь тебя, ягодка, подъ начáлъ слѣдуетъ—на епитимью—подъ начáлъ преосвященному Митрофану воронежскому... Онъ тебя долженъ, по епитимьи, мvромъ святымъ помазать, чтобъ бусурманскую и латынскую нéчисть съ душеньки твоей снять, не инако... А нонѣ, сказываютъ,—быстро обратился старикъ къ Измайлову,—преосвященный Митрофанъ собирается бѣсовъ топить въ Воронежѣ-рѣкѣ.

— Какихъ бѣсовъ?—удивился воевода.

— Еллинскихъ... Привезли, сказываютъ, изъ-за моря бѣсовъ мѣдяныхъ для кораблей... Едины бѣсы съ трезубцами...

— Нептунусъ, богъ морской,—подсказалъ съ ехидствомъ Скляевъ.

— Ишь ты богъ! — бѣса-то богомъ величаютъ, Господи Боже!—волновался старикъ.—Да еще, сказываютъ, привезли бѣсовокъ нагихъ, мѣдяныхъ, съ рыбьими хвостами...

Digitized by Google

— Это нереиды да сирены съ нимфами,—пояснилъ Скляевъ, подмигивая товарищамъ.

— Это чертовки-то хвостаты да простоволосы!—горячился старикъ.—Всѣхъ ихъ Митрофаній перетопитъ въ Воронежѣ, всѣхъ—и бѣсовъ, и чертовокъ!

Скляевъ только лукаво переглянулся съ товарищами.

VI.

Въ тотъ же день Скляевъ и Верещагинъ выѣхали въ Москву, послѣ хорошаго обѣда и обильной выпивки у Измайлова, напутствуемые благословеніями и добрыми пожеланіями воеводы и Оленушки,—этой бѣдной птички, возвращенной, наконецъ, въ родное гнѣздышко. Скляевъ очень торопился отъѣздомъ, потому что въ карманѣ его заморскаго камзола лежало очень горячее письмо къ нему царя о томъ, чтобы Скляевъ «неукоснительно, на крилехъ меркуріевыхъ», поспѣшалъ къ нему въ Москву, «понеже знатная каша заварена, а главнаго кашевара не обрѣтается у горячаго костра»... «Главнымъ кашеваромъ» Петръ называлъ Скляева, способности котораго и знанія корабельнаго дѣла онъ цѣнилъ очень высоко, угадывая въ немъ крупное дарованіе. Со Скляевымъ царь былъ въ постоянной перепискѣ.

— Вѣрно, богъ Нептунусъ еще въ колыбели далъ его своимъ трезубцемъ,—отзывался онъ о Скляевѣ.

И вотъ Скляевъ летѣлъ въ Москву «на крилехъ меркуріевыхъ».

Но только Лыковъ не могъ съ ними ѣхать, сославшись на тяжкое недомоганье. Отчасти это недомоганье было измышлено, отчасти же и нѣтъ:—недомоганье было нравственное, сердечное, и оно угнетало духъ молодаго навигатора болѣе, чѣмъ всякая острая физическая болѣзнь. Эту душевную муку онъ ощутилъ еще въ Венеціи, и она съ каждымъ днемъ терзала его все болѣе. А ее, къ несчастью, приходилось прятать глубоко въ сердцѣ, чтобъ только она не пробилась наружу.

Это было что-то роковое въ судьбѣ молодаго моряка:—вихремъ налетѣло на него, подхватило, какъ морской штормъ захватываетъ утлую лодчонку, и увлекло въ какую-то пучину, какъ казалось его возбужденному воображенію. Онъ полюбилъ

Digitized by Google

юную полонянку, и это чувство оказалось такимъ могучимъ, что онъ видѣлъ себя совершенно порабощеннымъ. Онъ даже не предполагалъ прежде, что на землѣ можетъ совершаться что либо подобное тому, что̀ онъ теперь испытывалъ. Теперь внѣ этого чувства для него ничто не существовало. Но, кромѣ того, молодой морякъ страдалъ сознаніемъ чего-то другаго. Онъ зналъ только одно—что источникомъ этихъ страданій былъ невѣдомый ему, какой-то шпанскій дука. Въ душѣ онъ проклиналъ теперь все шпанское.

Отуманенный своею страстью, онъ не въ силахъ былъ оставить Орелъ и скакать на призывъ царя. Что̀ ему царь?—Его гнѣвъ, дубинка, пытки, князь-кесарь Ромодановскій съ его застѣнками,—не все ли ему равно!.. Онъ останется въ Орлѣ ненадолго. Отецъ Матвѣй настаиваетъ, чтобъ Оленушку немедленно везли въ Воронежъ къ преосвященному Митрофану—«для духовнаго омовенія банею пакибытія». А иначе онъ ее, оскверненную, и въ церковь не пуститъ. Оскверненную! Оленушка-то оскверненная!.. А тамъ слышно, что самъ царь скоро будетъ въ Воронежѣ для стройки кораблей. Туда къ нему Лыковъ и заявится... А поѣдетъ онъ въ Воронежъ вмѣстѣ съ Оленушкой и ея отцомъ.

Только не любитъ ли еще она этого проклятаго шпанскаго дуку?—Тогда, въ Венеціи, плакала, какъ разсказывала о немъ, и какъ плакала, надрывалась. «Мало не сомлѣла, горемычная. Надо было водой отпаивать». А съ нимъ она—добрая, ласковая. Да и со Скляевымъ была ласкова, хоть онъ и скоморошничалъ, и съ Верещагинымъ... Только съ ними не такъ... шутила иногда, дурачилась дорогой. «А со мной не то—не дурачилась... Только таковò какъ-то смотрѣла на меня, когда Скляевъ называлъ меня дѣвынькой»...

Такъ разсуждалъ самъ съ собой молодой морякъ. «Только вотъ еще что̀ я запримѣтилъ:—когда Скляевъ или Лукьянъ, бывало, пьютъ—«Ивашку Хмельницкаго» поминаютъ,—она ничего... А коли я, такъ дуется... Что̀ жь!—али и впрямь она меня красной дѣвкой считаетъ»?

Но онъ нѣсколько успокоился, вспомнивъ одну «примѣточку»... Когда послѣ обѣда Скляевъ сказалъ, что они тотчасъ должны ѣхать въ Москву, она поглядѣла на всѣхъ какъ будто испуганно и очень поблѣднѣла; а когда онъ, Лыковъ, заявилъ,

Digitized by Google

что не можетъ ѣхать, что онъ несовсѣмъ здоровъ и долженъ переждать нѣсколько дней въ Орлѣ,—она видимо сразу повеселѣла... «Ишь, точно обрадовалась, что я хворый... Ухъ! и язвы же эти дѣвки... Увертливы, тѝ цыганъ на торгу—сущіе вьюны»...

И вотъ, подъ предлогомъ недомоганья, Лыковъ оставался въ Орлѣ, пока Измайловы собирались въ путь, а потомъ выѣхали въ Воронежъ въ одинъ день.

Осень въ томъ году выдалась ясная, теплая. Пожелтѣвшая степь зеленѣла полосами яркихъ озимей. Лѣсъ, уже сбросившій съ себя часть листвы, манилъ взоръ особой осенней красотой. Въ воздухѣ тянулись бѣлыя, серебримыя солнцемъ, нити паутины. Высоко въ небѣ слышались иногда крики лебедей, которые длинными вереницами тянулись въ теплые края. Все это наполняло сердце Оленушки какою-то тихой дѣтской радостью. Сидя рядомъ съ отцомъ въ просторной дорожной брикѣ и любуясь скромными, однообразными картинами роднаго сѣвера, она уже безъ горечи, а съ теплою грустью вспоминала тѣ далекія чужія страны, гдѣ провела свое отрочество и расцвѣтъ первой молодости... Чего-чего только она не видѣла! Эти дымчатыя горы Крыма и голубое море съ кораблями—точно сонъ, промелькнувшій въ слезахъ, въ тоскѣ по дорогимъ «своимъ», потерянным навѣки... Царьградъ, роскошные сады, мечети, минареты, темныя группы кипарисовъ,—а тамъ опять безбрежное море, Египетъ, и опять моря и моря... Смерть ея добраго «большаго везѝря», ужасная смерть чернаго, добраго «елнуха»... Бѣдные! И опять моря и океаны... Городъ Савостьянъ... невольничій рынокъ...

Въ умѣ ея промелькнуло смуглое лицо съ черными глазами... Гдѣ-то онъ теперь? живъ ли? думаетъ ли о ней, скучаетъ, тоскуетъ?

Отецъ дремлетъ, убаюкиваемый ровнымъ покачиваньемъ брики и монотоннымъ звяканьемъ колокольчиковъ и бубенцовъ... Какъ онъ постарѣлъ, осунулся... «Бѣдная, бѣдная мама»! Дѣвушка оглянулась. За ихъ брикой слѣдовала брика Лыкова и подводы челяди съ вершниками. Глаза ея встрѣтились съ задумчивыми, грустными глазами молодаго моряка. Она привѣтливо улыбнулась. Его лицо вспыхнуло, и она чувствовала, что и ея щочки перекрылись румянцемъ...

Digitized by Google

— Онъ добрый, хорошій... только все смутенъ что-то... Съ чего бы?

Измайловъ проснулся, зѣвнулъ, посмотрѣлъ на солнышко, на дочь, на спины кучера и Аверьяна, сидѣвшаго на козлахъ и «удившаго рыбу».

— Не пора ли покормить, Илья?—спросилъ воевода.

— Да пора бы, бояринъ: вонъ и рѣчечка, и лѣсокъ, а перегонъ не малъ—лошадки упрѣли.

— Ладно—приворачивай къ рѣчкѣ. А ты, ягодка, не соскучилась?

— Съ чего же, батюшка? Я все смотрѣла... Вонъ гуси летятъ.

— На теплыя воды, гдѣ ты была, моя полоняночка.

— А тамъ, сказываютъ, птичій рай—Ирей называется,—обернулся Аверьянъ заспаннымъ лицомъ.

Привернули къ берегу рѣки, что̀ такъ и сверкала на солнцѣ среди пушистыхъ камышей, убѣгая къ темнѣвшему перелѣску. Воеводская брика остановилась подъ тѣнью развѣсистой липы. Остальные спутники Измайлова стали по близости. Лошади были распряжены и разсѣдланы, и, пока кучера и вершники «выводили» ихъ «для просвѣжки», Аверьянъ разостлалъ подъ липой коверъ, досталъ изъ ящика брики дорожную провизію—хлѣбъ, ветчину, жареныхъ цыплятъ и фляги съ напитками;—челядинцы же развели въ сторонкѣ костеръ, навѣсили на таганъ вмѣстительный котелокъ и стали варить себѣ кашу.

Оленушка первая выскочила изъ брики. Къ ней поспѣшилъ Лыковъ.

— Ахъ, какъ хорошо здѣсь! Только цвѣтиковъ что-то не видать,—сказала дѣвушка.

— Цвѣты должны быть тамъ—около возлѣсья,—указалъ рукой молодой морякъ.

— А мы первѣе закусимъ, а тамъ ужь и цвѣтики будутъ,—улыбнулся Измайловъ, расправляя уставшіе отъ сидѣнья члены. — Садитесь-ка по турецки на коверъ. Оленушкѣ не привыкать стать къ туречинѣ.

Дѣвушка весело разсмѣялась. У брики возилась и грызлась прислуга.

— Ахъ ты, сорока! куда запроторила соль-то?—шипѣлъ Аверьянъ на молоденькую горничную Оленушки.—Пра, сорока!

Digitized by Google

— Самъ ты сорочье пугало!—огрызнулась Даша.—Вотъ соль.

Измайловъ налилъ изъ фляги въ серебряную стопочку и поднесъ молодому моряку «посошокъ».

— Не пью, Андрей Петровичъ, — смущенно отстранился Лыковъ.

— Неправда, неправда!—лукаво улыбнулась Оленушка:—пьетъ.

— Пилъ, точно, а теперь не пью,—какъ ракъ, покраснѣлъ молодой морякъ.

— Ну, неволить не стану, — сказалъ Измайловъ и самъ выпилъ.

Оленушка радостно, сіявшими глазами, скользнула по смущенному лицу «навигатора». Глаза ихъ встрѣтились. Молодые люди поняли другъ друга, и теперь Оленушкѣ пришлось «рака испечь»:—она вся до ушей вспыхнула. — А! попалась.

Измайловъ и Аверьянъ ничего не замѣтили; но продувная Даша съ тонкой женской сообразительностью тотчасъ смекнула, въ чемъ дѣло: — женскіе глаза въ одно время и телескопы, и микроскопы...

— Попалась наша полоняночка,—мелькнуло въ умѣ у плутовки.

— Теперь и на боковую можно,—сказалъ Измайловъ, порядкомъ подкрѣпившись и запивъ все вишневкой.

А Оленушка, какъ опытный полководецъ, сразу ознакомилась съ позиціей:—Аверьянъ укладывалъ провизію обратно въ брику, а Даша у рѣчки мыла посуду... Потомъ Аверьянъ и Даша пойдутъ кашу ѣсть...

— Пойду теперь поискать цвѣтиковъ,—сказала про себя плутовка, но такъ, что чуткій слухъ «навигатора» уловилъ «сей пароль».

И «навигаторъ», какъ бы не слыхавъ ничего, пока Оленушка крестила улегшагося на коврѣ отца, якобы по собственному побужденію, направился къ перелѣску — поискать цвѣточковъ...

— Ахъ, Григорій Кирилычъ ужь ищетъ цвѣтиковъ!—удивилась Оленушка, «совершенно неожиданно» столкнувшись съ молодымъ Лыковымъ у густаго куста калины.

«Навигаторъ» опять былъ красенъ, какъ эти калиновыя кисти.

Digitized by Google

— Я... я думалъ, Олена Андревна, что ты... не пойдешь отъ батюшки по цвѣты... и хотѣлъ... нарвать ихъ для тебя,— путался несчастный.

— Батюшка уснулъ,—пролепетала дѣвушка.

И оба упорно замолчали, необыкновенно усердно разыскивая запоздалые осенніе цвѣты, въ которыхъ, впрочемъ, ни та, ни другая сторона совсѣмъ не нуждались... Молчатъ и молчатъ—вотъ исторія!—У «навигатора» даже руки дрожатъ. А что онъ скажетъ?

«Что жь онъ молчитъ»!—думаетъ и волнуется Оленушка, а самой страшно:—«вотъ заговоритъ! Владычица, я такъ и помру»...

Нѣтъ, онъ все молчитъ. Несносный!..

— Ахъ, какой хорошенькій колокольчикъ!—не вытерпѣла Оленушка, хотя голосокъ едва повиновался ей.

— Да, хорошенькій, аленькій—пробормоталъ, робко приближаясь, «навигаторъ».

— Не аленькій—лазоревый...

— Да... лазоревый...

Опять молчаніе... Это несносно!.. «Вонъ я заговорила, а онъ»...

— А того шпанскаго дуку...—заговорилъ наконецъ и онъ, неистово теребя какой-то лопухъ.

— Чего дуку?—чуть слышно спросила Оленушка, чувствуя, что ея сердце какъ будто перестаетъ биться.

— Помнишь его?

— Какъ не помнить!.. Онъ такой добрый...

— Добрыхъ много...

И снова молчаніе... О чемъ говорить, какъ заговорить?

А время все идетъ. Вонъ издали видно, что тамъ, у костра, ужь и кашу поѣли... Даша нѣтъ-нѣтъ да и глянетъ сюда... Лошадей ведутъ къ рѣчкѣ поить... Скоро запрягать станутъ...

— Олена Андревна... (Бѣдный лопухъ! его мнутъ, какъ въ застѣнкѣ).

Оленушка молчитъ, только цвѣты дрожатъ въ ея рукѣ.

«Вотъ-вотъ скажетъ... Владычица, какъ страшно!»

— Я, Олена Андревна... (Опять любуется изуродованнымъ лопухомъ).

«Господи!—что жь онъ не говоритъ? Да говори же»—волнуется про себя Оленушка, и готова заплакать.

— Олена Андревна... ты и теперь его... дуку?..

Digitized by Google

«Вонъ Аверьянъ зачѣмъ-то идетъ сюда... Вѣрно, спросить о чемъ... за нимъ Даша... Противная Дашка! Ну, что дуку?.. Надо идти... Онъ ничего не скажетъ»...

И дѣвушка, досадливо взглянувъ на нерѣшительнаго кавалера съ лопухомъ въ рукѣ, двинулась навстрѣчу Аверьяну. Лыковъ, точно его высѣкли, послѣдовалъ за ней... Оба—красные, какъ морковь.. Даша, увидавъ ихъ, фыркнула и уткнулась носомъ въ передникъ...

VII.

Царь Петръ Алексѣевичъ, покончивъ со страшными стрѣлецкими казнями и не дождавшись Скляева съ товарищами, поспѣшилъ въ Воронежъ къ своему любимому дѣлу — къ построенію новыхъ кораблей.

Въ Воронежѣ его несказанно обрадовалъ святитель Митрофанъ. Явившись прямо съ дороги на верфь, Петръ пораженъ былъ размѣрами и красотой одного уже почти готоваго корабля. Въ восторгѣ онъ остановился передъ этимъ великаномъ. Глаза его горѣли. Выразительное, подвижное лицо его нервно подергивалось. Это было живое олицетвореніе несокрушимой силы и энергіи. Но восторгъ его перешелъ въ умиленіе, когда на самой вышкѣ корабельныхъ лѣсовъ зоркій глазъ его различилъ тщедушную старческую фигурку въ черномъ клобукѣ и съ посохомъ, а рядомъ съ нимъ—молодаго человѣка въ нѣмецкомъ платьѣ. Въ старичкѣ онъ узналъ святителя Митрофана. Съ легкостью и быстротой корабельнаго юнги великанъ-царь бросился вверхъ по мосткамъ. Святитель тоже узналъ царя и шелъ къ нему навстрѣчу. Они сошлись.

— Святой отецъ! служитель Бога Вседержителя!—возбужденно проговорилъ Петръ, и опустился передъ святителемъ на колѣни.—Ты побѣдилъ царя!.. Благослови же меня, святой мужъ!

— Богъ благословитъ, Богъ благословитъ,—говорилъ свитой старецъ, крестя и силясь поднять великана.

Царь всталъ и порывисто заключилъ тщедушнаго старичка въ мощныя объятія.

— Побѣдилъ, побѣдилъ ты царя, святой отецъ! — снова сказалъ царь.—Какого красавца соорудилъ для меня.

Digitized by Google

— Для Бога, государь, и для тебя,—пояснилъ святитель.— Да будетъ имя сему кораблю «Петръ», и симъ кораблемъ да водрузитъ царь Петръ святой крестъ на Софіи, въ невѣрномъ Цареградѣ.

Глаза царя метнули искры, онъ весь затрепеталъ отъ восторга!.. Святитель проникъ своимъ пророческимъ духомъ въ сокровенную глубину его души.

— О, святитель великій!—молитвенно воскликнулъ онъ.— И это ты соорудилъ на свои средства?

— Нѣтъ, государь, на божьи,—скромно отвѣчалъ преосвященный.

Тутъ только царь замѣтилъ молодаго Лыкова.

— Григорій! ты какъ тутъ?—изумился онъ.

— По твоему указу, государь, изъ Веницéи, — отвѣчалъ Лыковъ.

— А Скляевъ и Лукьянъ?

— Они, государь, проѣхали къ тебѣ прямо въ Москву, какъ ты изволилъ приказать. Съ ними и письмо къ тебѣ отъ свѣтлѣйшаго дòги веницейскаго... А я, государь, занемогъ въ пути и, прослышавъ, что ты изволишь скоро быть въ Воронежъ, заявился сюда къ тебѣ.

На оживленное лицо царя набѣжала мрачная тѣнь.

— А отъ отца имѣешь вѣсти?—спросилъ онъ быстро.

— Нѣту, государь, давно не имѣлъ.

Лицо царя приняло прежнее свѣтлое выраженіе.

— А Скляевъ и Лукьянъ тамъ, слышно, что-то набѣдокурили,—сказалъ онъ.—У князь-кесаря сидятъ въ Преображенскомъ.

При упоминаніи князь-кесаря, этого страшнаго застѣночнаго демона Ромодановскаго и его ужасной резиденціи—преображенскаго приказа,—Лыковъ мертвенно поблѣднѣлъ. За что взяты его товарищи? не виситъ ли пытка и надъ его головой?..

— А безъ Скляева тутъ я какъ безъ рукъ,—недовольнымъ тономъ прибавилъ царь.—А ты преуспѣлъ тамъ? — спросилъ онъ Лыкова.

Святитель Митрофанъ, замѣтивъ испугъ и страшную блѣдность на лицѣ молодаго моряка, поспѣшилъ ободрить его.

— Много, много мнѣ полезенъ оказался сей юноша,—сказалъ онъ.—Безъ его руководительства, твой «Петръ», государь,

Digitized by Google

не былъ бы такъ обряженъ. Золотой глазокъ у юноши—вездѣ до всего доглядитъ.

— Да?—обрадовался царь.—Спасибо, Григорій: не тщетны, вижу, мои труды съ вами.

— Не тщетны, не тщетны, государь,—подтвердилъ святитель.

Сойдя съ лѣсовъ «Петра», они пошли осматривать другія работы. Старый святитель съ трудомъ поспѣвалъ за великаномъ.

— Огонь, огонь,—тихо шептали его безкровныя губы.

Вездѣ, по всему берегу Воронежа, кипѣла горячая работа. Строители, подрядчики, плотники, мастера, кузнецы, столяры, рѣзчики, маляры,—всѣ были при дѣлѣ; всѣ изъ кожи лѣзли, чтобъ не угодить подъ державную «дубинку». Царь былъ доволенъ, всѣхъ хвалилъ.

— Великій, великій препараторіумъ, съ божьей помощью!—радостно говорилъ онъ.—А теперь, отецъ святой, прошу ко мнѣ обѣдать.

— Благодарствую, государь; я пощусь,—поклонился святитель.

— И я пощусь вотъ уже которую недѣлю... Постъ наложилъ на себя добровольный.

— Благое дѣло, государь, благое.

— Иди и ты ко мнѣ, Григорій.

Они пошли къ скромному, наскоро сколоченному, деревянному дворцу-домику, стоявшему тутъ же по близости. У воротъ часовые отдали честь.

— Алексашка, обѣдать!—чуть вступивъ въ горницу, крикнулъ государь.—На четыре персоны подавай.

Въ дверяхъ показался «Алексашка», этотъ «Herzenskind» великаго монарха Россіи и будущій «счастья баловень безродный, полудержавный властелинъ», Александръ Даниловичъ Меншиковъ.

— Каша готова?—спросилъ царь.

— Готова, государь,—отвѣчалъ «Алексашка» (на немъ былъ бѣлый передникъ: онъ варилъ государю гречневую кашу).

— Подавай, мы проголодались... Что есть въ печи — все на столъ мечи.

Меншиковъ почтительно подошелъ подъ благословеніе владыки. Святитель благословилъ его.

Digitized by Google

Скоро Меншиковъ принесъ огромный каравай чернаго хлѣба, солонку, простой кухонный ножъ, длинный ручникъ-утиральникъ, большой жбанъ и четыре стопы; все это помѣстилъ онъ на одинъ изъ столовъ, свободный отъ книгъ, чертежей, бумагъ, плановъ и разныхъ моделей кораблей и лодокъ, которыми завалены были два другіе стола.

Святитель всталъ и благословилъ. Сѣли за столъ всѣ—и Меншиковъ, и Лыковъ. Царь взялъ каравай, перекрестилъ верхнюю его корку остріемъ ножа и сталъ кроить огромные ломти, подавая ихъ по очереди—сначала гостямъ, потомъ Меншикову, который тѣмъ временемъ наполнилъ стопы изъ жбана простою ключевою водой. Царь густо посолилъ свой ломоть и сталъ ѣсть, запивая водой изъ стопы. Примѣру его послѣдовали и остальные. Петръ Алексѣевичъ кушалъ съ большимъ апетитомъ, уплетая ломоть за ломтемъ. Зато святитель щипалъ точно воробушекъ, и даже половинки ломтя не скушалъ.

— Ну, хлѣбомъ я сытъ, да и всѣ, вижу, не хотятъ больше,—сказалъ царь, отодвигая остатокъ каравая.—А теперь, Данилычъ, подавай кашу. Упрѣла?

— Упрѣла, государь, въ самый разъ,—отвѣчалъ Меншиковъ и всталъ изъ-за стола.

Скоро онъ принесъ изъ кухни большой горшокъ на деревянномъ подносѣ и большую миску съ четырьмя деревянными ложками.

— А квасъ нѣ молодъ?—спросилъ царь.

— Нѣ молодъ, государь, впору убродился,—отвѣчалъ Данилычъ, и притащилъ жбанъ квасу, какъ говорится въ былинахъ—«въ полтретья ведра».

Царь самъ наложилъ изъ горшка полную миску каши, и роздалъ всѣмъ ложки.

— Милости прошу, владыка,—пригласилъ онъ святителя.—А ты, Данилычъ, налей въ стопы квасу.

Преосвященный Митрофанъ зачерпнулъ немножко каши, и опять кушалъ словно воробушекъ. Зачерпнулъ и царь полную ложку, а потомъ всѣ ѣли изъ одной миски и запивали квасомъ.

— А въ праздники, святой отецъ, я разрѣшаю себѣ вино и елей,—говорилъ царь, прожевывая кашу.

— Это у насъ, государь, во иночествѣ, по монастырямъ,

Digitized by Google

«утѣшеніемъ» называется, — съ улыбкой замѣтилъ святитель, медленно прожевывая кашку.—«Утѣшеніе» имѣетъ два чина по уставу: «малое утѣшеніе» и «великое»—это когда въ двунадесятые праздники и въ царскіе дни иноки «чашу величаютъ», пьютъ здравицы.

— Я, святой отецъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ чарочку анисовки выпиваю стомаха ради, а кашу тогда ѣмъ не съ квасомъ, а съ елеемъ—съ конопнымъ масломъ, что «сапожнымъ» называется—черное,—продолжалъ Петръ Алексѣевичъ, осушивъ стопу квасу и снова черпая кашу.—Это я, владыка, искусъ на себя наложилъ!

— Благое дѣло, государь, благое.

— Искусъ, владыка, съ такою мыслію: забочусь я нынѣ сочиненіемъ воинскаго устава, зѣло озабоченъ. Остановился я, владыка, надъ артикулами о продовольствіи арміи, о солдатскихъ порціонахъ, о суточномъ довольствіи. Завѣдывающіе продовольствіемъ и поставкою пищеваго продукта увѣряютъ меня, якобы для одного солдата потребно въ сутки столько-то хлѣба и столько-то крупы для каши; другіе же говорятъ инако:—столько-то и столько. А тебѣ, я чаю, владыка, вѣдомо, что до царя рѣдко доходитъ правда...

— Святая истина, государь, святая! — убѣжденно согласился преосвященный:—менѣе всего уши царя правду слышатъ.

— Такъ, такъ, святой отецъ: одни изъ лести правду предъ царемъ скрываютъ, другіе изъ страха, третьи — изъ корысти. Какъ тутъ увѣдаешь правду, когда оная сокрыта завѣсою, да не единою, а тремя:—лестію, страхомъ и корыстью? Въ семъ дѣлѣ—въ дѣлѣ продовольствія арміи—корысть господствуетъ.

— Правда, государь,—улыбнулся святитель: — на святой Руси давно гласитъ пословица о кормленіи казеннаго воробья...

— Знаю, знаю, владыка,—перебилъ его царь.—Посему я вотъ уже которую недѣлю изображаю собою «казеннаго воробья»:—я положилъ себѣ цѣлый мѣсяцъ не питаться ничѣмъ, кромѣ солдатскаго пайка—черный хлѣбъ ржаной, вода, гречневая каша и квасъ. Симъ способомъ я и высчитаю, колико потребно въ сутки человѣку, при работѣ, сихъ продуктовъ для пропитанія. Понеже я и ростомъ, и силою превосхожу всякаго

Digitized by Google

солдата, то, я чаю, колико для меня потребно пищи на мѣсяцъ и на сутки, то сего для солдата будетъ за глаза достаточно.

Глаза святителя, кроткіе и ясные, какъ у младенца, увлажились слезою умиленія.

— О, государь!—воскликнулъ онъ:—сіе твое рѣшеніе исходитъ отъ великаго ума и изъ великаго сердца!

— Аминь,—тихо проговорилъ «счастья баловень безродный».

Глаза молодаго «навигатора» свѣтились восторгомъ и гордостью за своего «учителя».

— Вотъ черезъ мѣсяцъ я и узнаю подлинно, колико потребно для суточнаго солдатскаго пайка, и тогда сіе внесу закономъ въ новый воинскій уставъ [1]),—заключилъ царь, осушая послѣднюю стопу квасу и вытирая ручникомъ губы.

Въ это время кто-то въѣхалъ на дворъ и быстро соскочилъ съ коня.

— Что тамъ?—спросилъ царь.

Меншиковъ поспѣшилъ во дворъ и тотчасъ же воротился.

— Гонецъ отъ князь-кесаря, государь, съ письмомъ къ тебѣ,—сказалъ онъ и подалъ царю пакетъ.

— Чего еще онъ? что случилось?—Царь торопливо разломилъ печать и сталъ читать. Лицо его нѣсколько омрачилось.—Пьянъ, когда я жду, когда спѣшка! Дубинки имъ мало!—говорилъ онъ какъ бы про себя.—Вотъ что пишетъ Ромодановскій про твоихъ товарищей,—глянулъ онъ на Лыкова:—«Что ты изволишь ко мнѣ писать о Лукьянѣ Верещагинѣ и о Скляевѣ, будто я ихъ задержалъ,—я ихъ не задержалъ, только у меня сутки ночевали»... Это въ Преображенскомъ-то, въ князь-кесаревой банькѣ... «Вина ихъ такая: ѣхали Покровскою слободою пьяны и задрались съ солдаты преображенскаго полку, изрубили двухъ человѣкъ солдатъ»... А! каковы ребята!.. «И по розыску явилось — обѣ стороны неправы, и я, разыскавъ, высѣкъ Скляева за его дурость, также и челобитчиковъ, съ кѣмъ ссора учинилась»... Подѣломъ вору... «И того часу отослалъ къ Ѳедору Алексѣевичу Головину. Въ томъ на меня не прогнѣвись: не обыкъ въ дуростяхъ спускать, хотя бъ и не такого чину были».

[1]) Это—историческій фактъ.

Digitized by Google

— Хорошо, что ты не былъ со Скляевымъ, — снова глянулъ царь на Лыкова, но ласково:—быть бы и тебѣ драну.

Всѣ встали изъ-за стола и помолились. Въ комнату осторожно вступилъ орловскій воевода Измайловъ. Со спѣшными дѣлами входили къ царю безъ доклада.

VIII.

— А! Андрей Петровичъ! добро пожаловать, — привѣтливо встрѣтилъ царь орловскаго воеводу.—Какъ дѣла?

— По дѣлу, государь, и пришелъ доложиться вашему царскому величеству,—отвѣчалъ Измайловъ.—Который, государь, лѣсъ для корабельнаго твоего строенія, по твоему государеву указу, я наготовилъ по орловской округѣ, и тотъ лѣсъ Сосною рѣкою съ божіимъ благословеніемъ мною спущенъ, и чаю, государь, коли Господь заморозковъ не пошлетъ, тотъ лѣсъ для твоего, государь, корабельнаго строенія скоро сюда прибудетъ.

— Спасибо, спасибо, Андрей Петровичъ,—весело сказалъ государь.—Мнѣ вѣдомо твое усердіе... Теперь мнѣ хорошій мачтовый лѣсъ дороже всего. Я не забуду твоей службы.

— Я и безъ того, государь, доволенъ твоими милостями,— поклонился Измайловъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ архіерею подъ благословеніе.

— Богъ тебя благослови... А что моя дочечка духовная?— спросилъ Митрофанъ.

— Твоими молитвами, отче святой, здравствуетъ.

При появленіи Измайлова, Петръ Алексѣевичъ замѣтилъ, что съ Лыковымъ что-то произошло:—онъ какъ-то покраснѣлъ и смутился, точно виноватый.

— А ты бы, Григорій, посмотрѣлъ вонъ тамъ на столѣ, какіе я чертежи привезъ,—сказалъ ему царь.

Но при словахъ Митрофанія—«духовная моя дочечка»— царь оставилъ Лыкова и обратился къ святителю.

— Какая такая дочечка?—спросилъ онъ.

— Да вотъ дочка Андрея Петровича—полоняночка, которую Господь изведе изъ многолѣтняго полону бусурманскаго здраву и невредиму,—отвѣчалъ Митрофаній.—И агарянство, бѣдная, извѣдала, и латынство.

Digitized by Google

— Какими же такими путями она спаслась?—заинтересовался царь.

— Божіимъ изволеніемъ, государь, послѣ многихъ мытарствъ ее отгромили у агарянъ веницейскаго дóги нѣмцы, а дóга веницейскій, по любительству своему къ тебѣ, великому государю, освободилъ оную отроковицу изъ неволи и отпустилъ въ Россію съ твоими, государь, навигаторы—со Скляевымъ съ товарищи.

— Это и съ тобою, Григорій?—вóззрился на него царь.

— И со мною, государь.

— Почему жь ты мнѣ о томъ не сказалъ?

— Когда же было, государь?

Видя, что онъ опять покраснѣлъ и нервно мялъ въ рукахъ чертежи, царь заподозрилъ тутъ «вмѣшательство купидоново».

— А сколькихъ лѣтъ будетъ сія отроковица?—спросилъ онъ Митрофана.

— По семнадцатому, либо осьмнадцатому годочку, государь. А чего только бѣдная дѣвочка не видала!—и въ Крыму, въ городѣ Кефѣ, была въ неволѣ, и въ Анадоліи, и въ Царѣградѣ святую Софію видала, и была вóжена во Египетъ, гдѣ же во время óно Богородица Дѣва съ младенцемъ Іисусомъ отъ треокаяннаго Ирода укрывалась... Была она, государь, и въ шпанской, и въ италійской землѣ... Всего бѣдное дитя испытало, и осталась голубицею чистою... Она была у меня, государь, подъ началомъ малое время, а кончивши начáлъ, исповѣдывалась у меня же, и святымъ мýромъ отъ меня помазана, и, аки банею пакибытія, отъ всякія агарянскія и латынскія скверны омылася.

Государь такъ былъ заинтересованъ разсказомъ Митрофанія, что сейчасъ же просилъ Измайлова показать ему это «чудо-полонянку».

— Боюсь, государь,—оробѣетъ дѣвочка предъ твоими свѣтлыми очами,—говорилъ Измайловъ, хотя присутствіе Митрофанія успокоивало его.

— Не оробѣетъ: кто многое видѣлъ, множае сможетъ,—рѣшилъ царь.

Измайловъ вышелъ. Митрофаній задумчиво перебиралъ зерна чотокъ. Лыковъ, въ сторонѣ, нервно шуршалъ бумагами.

— Что, Григорій, каковы чертежи и модели?—спросилъ царь.

Digitized by Google

— У меня, государь, есть чертежъ высшаго авантажу,— скромно отвѣчалъ молодой морякъ.

— Какъ!—встрепенулся царь.

— Я, государь, учинилъ чертежъ кораблю, именуемому «Дога Корнаро»:—такого корабля невидывано ни въ аглицкой, ни въ голанской землѣ.

— Гдѣ же оный корабль?

— Въ Веницѣ... На томъ кораблѣ привезена была въ Венецею и дочь орловскаго воеводы.

— Такъ она съ вами и воротилась въ Россію?

— Съ нами, государь.

— Это капуста-то съ тремя козлами?

Молодой морякъ густо покраснѣлъ. Но его выручилъ Митрофаній, задумчиво перебиравшій чотки.

— Съ нею, съ отроковицею Еленою, отпущена была изъ Венеціи другая полонянка, жена одного черкашенина,—сказалъ онъ строго.

Немного погодя, на порогѣ показался Измайловъ съ дочерью, робко слѣдовавшей за отцомъ. На этотъ разъ дѣвушка одѣта была черничкою, что еще болѣе оттѣняло ея нѣжную красоту.

Царь былъ видимо пораженъ прелестнымъ личикомъ, словно освѣтившимъ собою мракъ комнаты. Черная одежда такъ оттѣняла поразительную бѣлизну личика.

— Что вы съ нею сдѣлали?—невольно воскликнулъ онъ.— Постригли!

— Нѣту, государь,—сказалъ Митрофаній, подходя и благословляя дѣвушку.—Когда я отдалъ ее подъ началъ въ монастырь, она, по уставу монастырскому, должна была облечься въ ризы послушанія. Теперь же она—мірянка.

— Да какая же она у тебя красавица, Андрей Петровичъ, по истинѣ красавица!—сказалъ царь, подходя и цѣлуя въ лобъ дѣвушку, блѣдныя щочки которой вспыхнули заревомъ.

— Красота тѣлесная, государь, ничто же есть предъ красотою душевною сея отроковицы,—замѣтилъ святитель.

Молодой «навигаторъ», уткнувшись въ чертежи, разсматривалъ ихъ съ такимъ же глупымъ лицомъ, какъ прежде лоцухъ...

— Такъ разскажи мнѣ, красавица, про твой полонъ,—

Digitized by Google

ласково говорилъ государь, взявъ дѣвушку за руку и сажая рядомъ съ собою на лавку, покрытую ковромъ.—Долго ты пробыла въ Крыму? что видала тамъ? видала ли хана?

— Видѣла, государь, мелькомъ... Въ Крыму меня недолго держали.

— А въ Царѣградѣ?

— Въ Царѣградѣ, государь, я прожила года три.

— Много видѣла тамъ кораблей? и какіе они—больше нашихъ?

— Есть и больше, есть и поменѣ.

— Сказываютъ, ты и въ Египтѣ была и, стало быть, видѣла «mare Internum», сирѣчь Средиземное... Счастливица! А я и Чернаго не видалъ, не токмо Интерна.

— Увидишь, государь, и въ Египтѣ на своихъ корабляхъ побываешь,—показался въ дверяхъ Меншиковъ.

— Прытокъ ты, Алексашка, зѣло прытокъ, — покосился царь на своего любимца.—Добро бы хоть до Керчи добраться... А то на: Египетъ... Что жь ты въ Египтѣ видѣла, милая?—вздохнувъ, спросилъ царь.

— Пирамидесы, государь, великія видѣла.

— Пирамиды... такъ-такъ... на рубежѣ пустыни. У фараоновъ, стало быть, была. Счастливица!

— Какое, государь, счастье въ неволѣ?—покачалъ головою святитель.

— И коркодиловъ, государь, въ Великой рѣкѣ видѣла,—говорила дѣвушка уже смѣлѣе, видя простое и ласковое обращеніе съ ней царя.

— Крокодиловъ, милая,—поправилъ государь.—А какъ же ты попала въ Египетъ?

— Съ набольшимъ везиремъ... Я у него, въ сералѣ, замѣсто дочери жила... Онъ былъ такой добрый... Только насъ потомъ погромили на морѣ шпанскаго короля воровскіе нѣмцы, везиря самого и елнуха убили, а меня въ полонъ взяли...

— Бѣдная дѣвочка—сколько перенесла!—участливо замѣтилъ государь. — Это, я полагаю, испанскіе пираты. Что жь, они тебя потомъ продали?

— Продали, государь, въ городѣ Савостьянѣ.

— А— въ Санъ-Себастіанѣ. Знаю. Объ этомъ городѣ мнѣ сказывалъ князь Долгорукій, Яковъ, что въ прошлыхъ годѣхъ

Digitized by Google

посольство тамъ у короля правилъ... Кому жь тебя тамъ продали?

— Продали меня тамъ, государь, одному цпанскому большому дукѣ.

При этихъ словахъ Лыковъ, разсматривавшій въ сторонѣ модели кораблей, одну модель уронилъ.

— Легче тамъ, Григорій!—оглянулся на него царь. — Не испорти чего! А то я... Ну, и что жь дальше было? — обратился онъ снова къ дѣвушкѣ.

Но она вдругъ замолчала. Государь видѣлъ, что ее что-то стѣсняетъ:—она то краснѣла, то блѣднѣла... Царь глянулъ на Митрофанія.

— Оный дука, государь, совратилъ ее въ папежскую вѣру, хотя и съ благою цѣлію,—сказалъ святитель. — Онъ помышлялъ взять отроковицу себѣ въ супружество съ папина благословенія, на что и мать дукина дала свое согласіе.

— Вотъ какъ! — удивился государь.—За чѣмъ же дѣло стало?

— Божіимъ попущеніемъ, государь, онаго дуку арапляне въ полонъ взяли.

Царь посмотрѣлъ на дѣвушку. Она сидѣла смущенная, не поднимая глазъ.

— А у дуки-то, я вижу, губа не дура,—добродушно замѣтилъ онъ.

И ему вспомнилась другая красавица, та, что въ нѣмецкой слободѣ, на Кукуѣ. Эта, что вотъ здѣсь, много прекраснѣе:—столько дѣвственной чистоты и невинности въ выраженіи ясныхъ глазъ и всего полудѣтскаго личика. А у той—красота плотоядная, распаляющая... Если можно представить себѣ ангеловъ, то только въ видѣ вотъ этого чистаго существа... Недаромъ святитель горой стоитъ за нее...

— И ты плакала за женихомъ?—спросилъ онъ ласково.

Дѣвушка упорно молчала... Она вспомнила недавно предложенный ей вопросъ другаго:—«ты и теперь еще его»?..—вопросъ неконченный и оставшійся безъ отвѣта.

— Такъ я тебѣ нашелъ другаго жениха,—вдругъ неожиданно и какъ-то загадочно сказалъ царь.

Дѣвушка тихо вся дрогнула и поблѣднѣла. Государь украдкой глянулъ на Лыкова. Молодой «навигаторъ» тоже стоялъ

Digitized by Google

весь блѣдный съ широко-раскрытыми глазами, забывъ о чертежахъ, которые держалъ въ рукѣ.

«А! вижу, вижу, — подумалъ про себя государь: — тутъ купидоново дѣйство... уязвлены... зѣло уязвлены».

— Григорій! подойди сюди,—позвалъ онъ Лыкова.

Тотъ повиновался. На лицѣ молодаго моряка и недоумѣніе, и страхъ.

— Елена!—тихо, но твердо сказалъ царь:—погляди сюда... Скажи—любъ тебѣ этотъ молодецъ или нелюбъ?

Краска снова залила блѣдное личико дѣвушки. Но она продолжала молчать, потупившись, — только порозовѣвшія губки ея дрожали.

— Я спрашиваю тебя, Елена,—повторилъ царь: — любъ тебѣ мой ученикъ Григорій, боярскій сынъ Лыковъ, или нелюбъ?

Дѣвушка видимо страдала.

— Государь!—поспѣшилъ ей на подмогу отецъ:—дѣвка никогда не скажетъ... Это не въ дѣвичьемъ обычаѣ. Оленушка, что жь ты не отвѣчаешь великому государю?

Молчитъ—хоть бы звукъ! Только краска волнами ходитъ и переливается по лицу.

— Ну, Григорій,—обратился государь къ Лыкову:—значитъ, не судилось тебѣ, добрый молодецъ... А тебя я не спрашиваю: — на такую красавицу, вижу, у тебя давно зубы горятъ... Что жь!—не судилось—не любитъ тебя дѣвка, не любитъ... Насильно милъ не будешь. Такъ поѣзжай ты, братъ, опять за море—размыкай свое горе съ другою...

Дѣвушка вдругъ зарыдала, да такъ горько, по дѣтски, въ голосъ.

— А! сказались подъ кулакомъ ножницы на столѣ!—весело разсмѣялся царь.—Ахъ ты, хитрячка! меня не проведешь. Выдала себя...

— Соломонъ, сущій Соломонъ премудрый!—отозвался откуда-то неожиданно Меншиковъ.

— Молчи, Алексашка! Готовь лучше здравицу, — улыбнулся царь.

— И то правда, государь: Соломономъ ты разсудилъ, — отозвался Митрофаній.

А та, о которой шла рѣчь, уткнулась носомъ въ плечо

Digitized by Google

отца и продолжала всхлипывать уже отъ стыда: — поймали дѣвку! срамъ какой! сама себя выдала...

— Ну, Андрей Петровичъ, теперь я буду у тебя сватомъ,—подошелъ государь къ Измайлову.—Не побрезгуешь, я чаю, ни сватомъ, ни женихомъ.

— Великій государь! такія милости...—бормоталъ орловскій воевода.—Чѣмъ заслужилъ?

— А у тебя, тихоня, я буду посаженымъ отцомъ,—погладилъ государь золотистую головку, съ которой успѣлъ нѣсколько сползти черный монастырскій покровъ.

— Благодари же, дурочка, его царское величество,—шепталъ Измайловъ. Но «дурочка» не отнимала носа отъ отцовскаго плеча...

Д. Мордовцевъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

ДИФТЕРИТЪ И НОВОЕ СРЕДСТВО ЕГО ЛѢЧЕНІЯ.

I.

Наше общество переживаетъ періодъ нѣкотораго увлеченія побѣдою медицины надъ одною изъ тѣхъ страшныхъ болѣзней, которыя ставятся въ причинную зависимость отъ жизнедѣятельности бактерій, а именно надъ дифтеритомъ. Итоги этой побѣды были подведены на прошлогоднемъ буда-пештскомъ гигіеническомъ конгрессѣ докторомъ Ру (Roux). «Антидифтеритная сыворотка»—вотъ слова, которыя на всѣ лады повторялись за послѣдніе мѣсяцы минувшаго года и въ печати, и въ обществѣ. Какъ только сообщеніе о спасительномъ дѣйствіи сыворотки сдѣлалось общеизвѣстнымъ, раздались голоса, желавшіе скорѣйшаго примѣненія этого средства и у насъ. Общественная благотворительность не замедлила прійти на помощь въ исполненіи этого желанія. Пожертвованія на приготовленіе антидифтеритной сыворотки полились обильнымъ потокомъ. Лица разныхъ званій и состояній несли свою лепту. Въ числѣ ихъ оказались: высокопреосвященный Антоній, архіепископъ выборгскій, гр. Орловъ-Давыдовъ, супруга с.-петербургскаго вице-губернатора г-жа Косачъ—съ одной стороны, а съ другой тѣ сотни жертвователей, имена которыхъ не останавливаютъ на себѣ особеннаго вниманія общества, между прочимъ, и потому, что жертвы, ихъ каждая въ отдѣльности, являются сравнительно малыми. С.-петербургское городское самоуправленіе, поддаваясь общему теченію, предоставило достаточную сумму въ распоряженіе городскихъ врачей, которымъ, съ С. С. Боткинымъ во главѣ, и поручено произвести первые опыты приготовленія и примѣненія сыворотки. Помимо всего этого, наша столица обладаетъ, какъ извѣстно, высшимъ учрежденіемъ, которому принадлежитъ починъ въ случаяхъ, подобныхъ настоящему,—«императорскимъ институтомъ экспертиментальной медицины»,—и починъ его не замедлилъ. Щедрою рукою августѣйшаго попечителя института, принца Александра Петровича Ольденбургскаго, даны средства на приготовленіе въ достаточномъ

Digitized by Google

количествѣ антидифтеритной сыворотки. За Петербургомъ послѣдовали и другіе города. Въ Москвѣ общественная подписка на приготовленіе цѣлебной сыворотки успѣла въ первый же мѣсяцъ дать нѣсколько тысячъ. То же произошло въ Кіевѣ, въ Казани, въ Саратовѣ и другихъ городахъ. Въ этомъ случаѣ мы явились подражателями Франціи, гдѣ немедленно вслѣдъ за докладомъ д-ра Ру начались щедрыя пожертвованія на изготовленіе противодифтеритной сыворотки.

Такимъ образомъ, общество наше не только на словахъ увлеклось новымъ цѣлебнымъ средствомъ, но и реально проявило свое увлеченіе. Винить ли его въ этомъ даже a priori, не разбирая еще вопроса о дѣйствительной силѣ антидифтеритной сыворотки, которою жертвователи желаютъ снабдить всю Россію? Едва ли кто нибудь отвѣтитъ на этотъ вопросъ утвердительно, безъ всякихъ оговорокъ. Такой обвинительный отвѣтъ былъ бы отрицаніемъ желательности и необходимости благихъ порывовъ—помочь страждущему человѣчеству. Правда, въ самыхъ способахъ, осуществленію которыхъ хотятъ помогать, можетъ заключаться иной разъ извѣстная доля невѣжества. Но въ данномъ случаѣ денежныя средства отдаются въ распоряженіе людей истинной науки и вызваны именно ея свидѣтельствомъ относительно благодѣтельности того средства, о пріобрѣтеніи котораго хлопочутъ и отдѣльныя лица, и цѣлыя общественныя учрежденія. Жертвы различныхъ эпидемій въ общей суммѣ настолько велики, что ихъ нельзя сравнивать ни съ жертвами грозныхъ явленій природы, дающихъ знать о себѣ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, ни даже съ жертвами опустошительныхъ войнъ. А въ частности дифтеритныя эпидеміи, уносящія самую нѣжную часть населенія, у насъ почти никогда не прекращаются, принимая по временамъ самые ужасные размѣры. Мудрено ли, что общество является отзывчивымъ на каждую вѣсть о пріисканіи вѣрнаго средства борьбы съ заразными и особенно эпидемическими болѣзнями.

«Увлеченіе» антидифтеритною сывороткою сравниваютъ съ увлеченіемъ кохиномъ, или туберкулиномъ, который набросилъ далеко незавидную тѣнь на имя славнаго германскаго ученаго. Но между сывороткою и туберкулиномъ существуетъ глубокая разница. Туберкулинъ былъ—въ особенности на первыхъ порахъ—средствомъ, носящимъ печальное названіе «секретнаго»; эксплуатація его представляла монополію изобрѣтателя, и къ цѣлямъ научнымъ примѣшались цѣли торгашескія. Не то въ данномъ случаѣ. Каждый медикъ знаетъ, съ чѣмъ имѣетъ дѣло; знаетъ, что онъ самъ можетъ получить подлежащее испытанію средство, къ которому могутъ быть примѣнены пріемы точнаго критическаго анализа. Теорія въ дан-

Digitized by Google

номъ случаѣ покоится на фактахъ, и даже не посвященное въ медицину общество, благодаря этому, можетъ сознательно относиться къ дѣлу.

Увлеченіе можетъ заключаться въ слишкомъ поспѣшномъ примѣненіи «моднаго средства». Но мы и въ данномъ случаѣ поставлены въ сравнительно благопріятныя условія. Какъ мы увидимъ ниже, обладаніе антидифтеритною сывороткою собственнаго приготовленія требуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ предварительной работы. Въ теченіе этихъ мѣсяцевъ, на западѣ Европы, гдѣ уже имѣется достаточное для мѣстныхъ потребностей количество сыворотки, къ прежнимъ случаямъ ея примѣненія прибавится много другихъ, и къ лѣченію нашихъ дѣтей гг. медики приступятъ уже въ значительной степени умудренные опытомъ своихъ иностранныхъ коллегъ.

Дѣлая всѣ эти замѣчанія, мы, конечно, не думаемъ отрицать необходимость той благоразумной осторожности, къ которой призываютъ лучшіе представители науки и которая должна руководить каждымъ при выводахъ изъ опытовъ,—необходимость не давать обществу излишнихъ надеждъ, чтобъ не создавать затѣмъ разочарованій. На денежныя жертвы, приносимыя въ настоящій моментъ обществомъ на алтарь науки, призванной облегчать людскія страданія, мы смотримъ только какъ на желаніе помочь этой наукѣ развернуть во всю ширь свои крылья и услышать отъ нея окончательное слово о значеніи новаго способа борьбы—пока лишь съ одною изъ заразныхъ болѣзней. Пользованіе этимъ способомъ въ возможно широкихъ размѣрахъ начнется у насъ лишь съ наступившаго новаго года; въ виду этого мы нашли далеко не безполезнымъ именно теперь занять вниманіе читателей предметомъ, обозначеннымъ въ заголовкѣ нашей статьи.

II.

Причиною дифтеритнаго заболѣванія, какъ и другихъ заразныхъ болѣзней, является особая бактерія дифтерита. Эта бактерія — подобна туберкулезной по длинѣ, но вдвое толще ея и имѣетъ закругленные края. Самостоятельнаго движенія эта бактерія не проявляетъ, споръ не даетъ, отъ высыханія не погибаетъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Извѣстная всѣмъ, кто имѣлъ дѣло съ дифтеритными больными, пленка, образующаяся на слизистыхъ оболочкахъ и имѣющая бѣловато-сѣрый цвѣтъ, представляется скопленіемъ дифтеритныхъ бактерій, которымъ, однако, почти всегда сопутствуютъ и другіе микроорганизмы, къ слову сказать, увеличивающіе тяжесть

Digitized by Google

дифтеритнаго заболѣванія и обусловливающіе вообще разницу въ степеняхъ дифтеритныхъ страданій. Въ крови и во внутреннихъ органахъ дифтеритныхъ бактерій не найдено.

Первое описаніе дифтеритной бактеріи, принадлежащее Клебсу, относится къ 1883 году; изолированіе же этой бактеріи въ такъ называемыхъ чистыхъ разводкахъ составляетъ заслугу Лёфлера, который произвелъ въ 1884—85 гг. и первые опыты прививки бактеріи животнымъ, и тѣмъ доказалъ ея причинную связь съ дифтеритными заболѣваніями. На прошлогоднемъ буда-пештскомъ конгрессѣ, Loeffler также читалъ докладъ о дифтеритѣ, въ которомъ подтверждалъ, что возбудительницею этой болѣзни служитъ именно дифтеритная палочка (которой присвоено теперь названіе Klebs-Loeffler'овской). Кромѣ того, онъ указывалъ на частоту заболѣваній, похожихъ на настоящій дифтеритъ, но обусловливаемыхъ другими микроорганизмами—такъ называемыми цѣпочными кокками, гроздекокками, пнеймококками. Передача дифтерита всего чаще происходитъ чрезъ непосредственное соприкосновеніе больныхъ со здоровыми, вслѣдствіе попаданія слюны, мокроты, вслѣдствіе поцѣлуевъ, пожатія рукъ и т. д. Часто зараза можетъ передаваться и черезъ вещи, которыя больной загрязнилъ своими выдѣленіями, черезъ посуду, бѣлье, въ особенности платки и игрушки. Въ грязныхъ, темныхъ и сырыхъ жилищахъ палочки дифтерита могутъ сохраняться въ теченіе очень долгаго времени.

Къ этимъ даннымъ, на томъ же буда-пештскомъ конгрессѣ, нашъ (московскій) проф. Н. Ф. Филатовъ въ своемъ докладѣ добавилъ нѣсколько указаній относительно эпидеміи дифтерита. Считая заразительность дифтерита не подлежащею сомнѣнію, онъ доказывалъ, что и мѣры противъ распространенія этой болѣзни должны быть основаны главнымъ образомъ на ея заразительности. На распространеніе дифтерита вліяютъ времена года и мѣстныя условія. Дифтеритныя эпидеміи замѣтно усиливаются осенью и ослабѣваютъ лѣтомъ. Нѣкоторыя мѣстности совсѣмъ не поражаются дифтеритомъ.

Весьма обстоятельныя изслѣдованія дифтеритной бактеріи и ея вредоноснаго дѣйствія на организмъ человѣка принадлежатъ тому же сотруднику Пастёра—доктору Ру, имя котораго связано съ теперешнимъ «увлеченіемъ» антидифтеритною сывороткою. Онъ еще въ 1888 году, въ компаніи съ д-ромъ Versin'омъ, описалъ соотвѣтствующіе наблюденія и опыты въ «Annales de l'Institut Pasteur» подъ заглавіемъ: «Le microbe et le poison de la diphterie». Изслѣдователи констатировали, что въ культурахъ дифтеритныхъ бактерій присутствуетъ особый ядъ, который въ извѣстной дозѣ быстро убиваетъ животныхъ или вызываетъ паралитическое состояніе самъ

Digitized by Google

по себѣ, безъ введенія живыхъ микробовъ. Различіе между тѣмъ, что происходитъ при дифтеритѣ, и тѣмъ, что наблюдается при другихъ заразныхъ болѣзняхъ, можно характеризировать слѣдующимъ мѣстомъ изъ лекціи д-ра Ру, прочитанной имъ въ 1889 году въ лондонскомъ королевскомъ обществѣ, отъ имени Пастёра [1]): «Нѣкоторые микробы, напр., микробы сибирской язвы размножаются съ такою ужасающею быстротою въ организмѣ животныхъ, что во время смерти послѣднихъ кровь ихъ содержитъ больше паразитовъ, нежели кровяныхъ тѣлецъ. Бациллы могутъ случайно произвести закупореніе капилляровъ и дѣйствовать такимъ образомъ механически. Но, подобно всѣмъ живымъ клѣткамъ, онѣ имѣютъ также свои жизненные продукты и при такомъ громадномъ количествѣ бациллъ легко представить себѣ, что эти продукты существенно видоизмѣняютъ свойства окружающей среды. Бацилла сибирской язвы, которая съ особенною жадностью поглощаетъ кислородъ, береть его у кровяныхъ тѣлецъ и производитъ асфиксію тканей. Но самый главный источникъ опасности, угрожающей со стороны микробовъ, заключается въ вырабатываемыхъ ими ядовитыхъ продуктахъ. Разительное доказательство этого факта представляетъ дифтеритная бактерія: хотя она размножается не внутри тканей, а на поверхности слизистой оболочки,—слѣдовательно, такъ сказать, внѣ организма,—тѣмъ не менѣе, она причиняетъ смерть и подчасъ неимовѣрно быстро. Здѣсь мы не имѣемъ дѣла ни съ нашествіемъ микробовъ на организмъ, ни съ борьбою между клѣтками, а только лишь съ отравленіемъ продуктами весьма дѣятельнаго паразита».

Приведенныя нами сейчасъ указанія свидѣтельствуютъ, что уже въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ вопросъ о дифтеритѣ является предметомъ самаго пристальнаго вниманія французскаго изслѣдователя, имя котораго теперь произносится съ такими большими надеждами. Однако, лѣченіе дифтерита сывороткой, послужившее поводомъ къ настоящей справкѣ объ изученіи этой болѣзни, не можетъ быть приписано одному д-ру Ру. Эту славу онъ долженъ раздѣлить съ германскимъ ученымъ проф. Behring'омъ, какъ это признаётъ и самъ д-ръ Ру, упоминая о работахъ Беринга въ своемъ сообщеніи буда-пештскому конгрессу [2]). Дѣйствительно, Берингъ съ 1890 года занимался изслѣдованіями надъ сывороткою животныхъ, подвергнутыхъ дифтеритному зараженію. Но нѣтъ со-

[1]) Русскій переводъ этой лекціи «О предохранительныхъ прививкахъ» имѣется въ особой брошюрѣ подъ названіемъ: «Методъ Л. Пастёра». Москва, 1889 г.

[2]) «Semaine medicale», 5 сентября, «Revue Scientifique», 15 сентября 1894 г. Русскій подробный рефератъ—«Врачъ» № 36, отъ 8 сентября 1894 г.

Digitized by Google

нѣнія, что д-ръ Ру, свидѣтель трудовъ и успѣховъ своего славнаго учителя Пастёра, вмѣстѣ съ нимъ и Chamberland'омъ, еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ, добившійся возможности предохранять куръ отъ куриной холеры, принимавшій непосредственное участіе въ выработкѣ способа предохранительныхъ прививокъ противъ водобоязни,—и въ данномъ случаѣ дошелъ вполнѣ самостоятельно до новаго метода борьбы съ однимъ изъ ужаснѣйшихъ бичей человѣчества. До этого метода, въ борьбѣ съ дифтеритомъ прибѣгали къ средствамъ, цѣлью которыхъ было—уничтоженіе бактерій на мѣстѣ ихъ произрастанія. Таковы были всѣ практиковавшіяся до сихъ поръ, съ чисто дезинфекціонною цѣлью, смазыванія, прижиганія, полосканія — всѣ тѣ пальятивы, которыя въ сущности предоставляли организму самому бороться съ силою дифтеритнаго яда. Врачу приходилось лишь заботиться о созданіи наиболѣе благопріятныхъ условій для такой борьбы, прибѣгая къ тому или иному припадочному лѣченію. Каковъ же тотъ путь, который пришлось пройти мысли изслѣдователей, прежде чѣмъ была найдена возбудившая столь общую и столь живую радость замѣна стараго несовершеннаго и ненадежнаго способа новымъ, гораздо болѣе надежнымъ?

III.

Рядомъ съ гибельнымъ воздѣйствіемъ дифтеритной бактеріи и другихъ болѣзнетворныхъ микробовъ, приходится наблюдать, что иногда собственныхъ силъ организма животнаго или человѣка оказывается достаточно, чтобъ не подчиниться вліянію заразнаго начала: всѣ условія, благопріятствующія заболѣванію, существуютъ, а заболѣванія не происходитъ. Такая стойкость составляетъ принадлежность извѣстныхъ животныхъ и извѣстной части людей по отношенію къ извѣстнымъ же болѣзнетворнымъ микроорганизмамъ. Такъ напр., на козу не дѣйствуетъ туберкулезная бацилла, на собаку—микроорганизмъ сибирской язвы и т. д. Если же мы будемъ искать соотвѣтствующаго примѣра стойкости человѣческаго организма, то должны будемъ упомянуть, что японцы нечувствительны къ скарлатинному яду, негры не заболѣваютъ желтой лихорадкой. По отношенію къ человѣку, не могъ, далѣе, не останавливать вниманія еще и тотъ фактъ, что перенесеніе нѣкоторыхъ формъ заразныхъ болѣзней (корь, оспа, скарлатина, тифъ) гарантируетъ отъ вторичнаго заболѣванія ими на всегда или, по крайней мѣрѣ, на весьма продолжительное время. Благодаря указаннымъ наблюденіямъ и фактамъ, явилось основаніе говорить о врожденной или пріобрѣтенной *невосприимчивости* къ заразнымъ болѣзнямъ, а вслѣдъ за

Digitized by Google

этимъ, естественнымъ образомъ, явилось неослабѣвающее стремленіе похитить тайну природы и искусственнымъ путемъ добиться подобной же невоспріимчивости организма животнаго или человѣка. Это стремленіе даетъ свои плоды, прежде чѣмъ разрѣшился окончательно вопросъ о причинахъ природной или пріобрѣтаемой, путемъ болѣзни, невоспріимчивости. Какіе же способы теоретически могли считаться пригодными для подражанія природѣ, создающей стойкость животныхъ и человѣка по отношенію къ той или иной заразѣ? Первый способъ принадлежитъ великому Пастёру. Онъ состоитъ въ прививкахъ животному ослабленной извѣстнымъ образомъ живой заразы, начиная съ самой слабой и переходя затѣмъ къ болѣе и болѣе вредоносной. Способъ этотъ, практикуемый при лѣченіи бѣшенства и сводимый нѣкоторыми,—но не самимъ Пастёромъ,—къ постепенному привыканію къ заразѣ, не можетъ получить большаго распространенія, главнымъ образомъ, потому, что примѣненіе его требуетъ долгаго времени, а между тѣмъ заразныя болѣзни обыкновенно быстро приводятъ къ печальному концу. Кромѣ того, самое примѣненіе этого способа можетъ оказаться не безвреднымъ, такъ какъ требуетъ употребленія большихъ дозъ яда и, стало быть, сопряжено съ рискомъ произвести отравленіе. Второй способъ основывается на борьбѣ различныхъ микроорганизмовъ. По этому способу слѣдовало бы вводить въ организмъ микроскопическихъ чужеядныхъ, размноженіе и вся жизнедѣятельность которыхъ пріостанавливали бы развитіе болѣзнетворныхъ микробовъ. Такъ совѣтовалъ дѣлать, напр., извѣстный итальянскій медикъ проф. Cantani, пробовавшій лѣчить чахотку вдыханіями разводокъ микроба bacterium termo. Но не надо много размышлять, чтобъ признать этотъ способъ рискованнымъ и не выдерживающимъ критики. Кромѣ того, обнаружилось, что, собственно говоря, въ тѣлѣ человѣка могутъ разростаться лишь болѣзнетворные микроорганизмы, и притомъ не мѣшая другъ другу.

Третій способъ и есть то примѣненіе сыворотки, которое привлекло общее вниманіе къ вопросу о лѣченіи дифтерита. Помимо стремленія подражать природѣ, которая создаетъ внутри организма какія-то условія, мѣшающія вредоносной дѣятельности микробовъ, на этотъ способъ могли натолкнуть многочисленныя попытки найти, такъ сказать, въ лабораторномъ обиходѣ—вещества, гибельно дѣйствующія на микроорганизмы. Такихъ веществъ было найдено немало, а въ числѣ ихъ оказалась кровь и кровяная сыворотка. Констатировавъ смертоносныя свойства послѣдней по отношенію къ бактеріямъ, Buchner предложилъ называть бѣлковыя тѣла сыворотки алексинами,—названіе, которое должно говорить о защитѣ, оказы-

Digitized by Google

ваемой этими веществами противъ ядовитыхъ продуктовъ жизнедѣятельности микробовъ—токсиновъ. Названный выше, проф. Берингъ, вмѣстѣ съ другимъ ученымъ, японскимъ бактеріологомъ Kitazato, работавшимъ въ его лабараторіи, установилъ затѣмъ, что кровь и сыворотка невоспріимчивыхъ животныхъ, введенныя въ другое животное, дѣлаютъ его въ свою очередь невоспріимчивымъ. То же замѣтили въ 1891 г. итальянскіе изслѣдователи—проф. Тиццони и Каттани. Но пользованіе кровью невоспріимчивыхъ отъ природы животныхъ съ лѣчебными цѣлями оказалось не достигающимъ своего назначенія. «Кровь животныхъ, по природѣ невоспріимчивыхъ къ дифтериту, не обладаетъ ни малѣйшимъ цѣлебнымъ дѣйствіемъ противъ нея»,—такъ писалъ проф. Берингъ въ 1892 году, но тутъ же прибавлялъ, что «кровь животныхъ, сдѣланныхъ искусственно невоспріимчивыми, проявляетъ несомнѣнныя цѣлебныя свойства». Достичь же такой невоспріимчивости оказывалось возможнымъ путемъ постепеннаго введенія въ организмъ животнаго химическихъ веществъ, вырабатываемыхъ микробами. Объ этомъ сообщалъ д-ръ Ру въ упомянутой уже выше лекціи своей, въ 1889 году, добавляя, что эксперименты съ вакцинаціей, при помощи растворимыхъ веществъ безъ микробовъ, сопровождались успѣхомъ въ различныхъ болѣзняхъ, и что поэтому есть надежда на расширеніе въ будущемъ сферы примѣненія такихъ экспериментовъ. Эта надежда теперь и осуществляется, послѣ того какъ дальнѣйшіе опыты еще прочнѣе утвердили фактъ, важность котораго, по выраженію проф. Левашева, неизмѣрима [1]), — фактъ сильнаго противодѣйствія сыворотки искусственно сдѣланныхъ невоспріимчивыми особей — микробамъ, поражающимъ другихъ особей.

Опираясь на этотъ фактъ, проф. Берингъ и счелъ возможнымъ перейти къ опытамъ на людяхъ. Первые такіе опыты онъ произвелъ въ 1893 году и получилъ хорошіе результаты, но потребовалось большее, чѣмъ было у Беринга, количество опытовъ, прежде чѣмъ сыворотка была признана заслуживающею общаго вниманія. Теперь такое количество существуетъ. Д-ръ Ру сообщилъ въ своемъ докладѣ о 300 случаяхъ несомнѣнныхъ дифтеритныхъ заболѣваній, въ которыхъ примѣнялось лѣченіе сывороткой. Умершихъ оказалось 26%, тогда какъ прежде смертность отъ дифтеріи исчислялась въ 50%. Результаты лѣченія въ Берлинѣ и Парижѣ, выясненные къ ноябрю мѣсяцу и служившіе предметомъ обсужденія, вмѣстѣ съ первыми русскими случаями примѣненія сыворотки, на собраніи дѣтскихъ врачей въ Москвѣ, характеризуются слѣдующими циф-

[1]) С. В. Левашовъ. Бактеріологическіе способы лѣченія заразныхъ болѣзней. «Врачъ» 1893 г., № 37.

Digitized by Google

рами: пользовано 657, выздоровѣло 504, т. е. 76,7%. Благодѣтельное дѣйствіе сыворотки сказывается почти немедленно и непосредственно: начинаетъ падать температура, улучшается самочувствіе ребенка, исчезаетъ блѣдность и свинцовый оттѣнокъ лица, придающій больному ребенку особенно страдальческій видъ.

Кромѣ значенія цѣлебнаго, во время развившейся уже болѣзни, сыворотка имѣетъ значеніе средства предохраняющаго, какъ показалъ прежде всего д-ръ Aronson, который производилъ впрыскиванія сыворотки всѣмъ дѣтямъ въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ появлялся дифтеритный больной. (Изъ 130-ти дѣтей, которымъ было сдѣлано такое предохранительное впрыскиваніе, заболѣло только двое). По мнѣнію привать-доцента Кудревецкаго («Научное Обозрѣніе», № 46) предохранить противъ дифтерита сывороткой гораздо легче и вѣрнѣе, чѣмъ лѣчить отъ него. Однако, слѣдуетъ прибавить, что съ другой стороны есть и голоса, скептически разсуждающіе о предохраняющемъ значеніи сыворотки (д-ръ Риттеръ).

IV.

Намъ остается сказать, хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ, о томъ, какъ приготовляется и примѣняется антидифтеритная сыворотка. Прежде всего, необходимо имѣть тотъ дифтеритный ядъ, къ которому должно быть постепенно пріучаемо животное, доставляющее цѣлебную сыворотку. Такой ядъ приготовляется путемъ разводокъ дифтеритной бактеріи на бульонѣ съ растворенными бѣлками при 37° Ц. Благодаря нѣкоторому приспособленію, изобрѣтенному д-рами Ру и Версеномъ, на эту операцію уходитъ теперь не больше 3—4 недѣль. Послѣ этого срока, бульонъ съ разводками бактерій фильтруютъ (черезъ свѣчу Chamberland'a), причемъ получается прозрачная жидкость, которую держатъ затѣмъ въ наполненныхъ до-верху и закупоренныхъ сосудахъ при обыкновенной температурѣ, но внѣ дѣйствія свѣта. Дифтеритныя бактеріи даютъ не всегда одинаковое количество яда; не одинаково и качество этого яда, потому и приходится пробными опытами на животныхъ отыскивать именно тѣ бактеріи, которыя даютъ наиболѣе дѣйствительный ядъ. Единицею силы яда признаётся условно опредѣленное количество его, которое должно убить въ извѣстный срокъ опредѣленное животное.

Ядовитый фильтратъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, употребляется затѣмъ для впрыскиваній животному, которое должно быть сдѣлано невоспріимчивымъ и должно доставлять цѣлебную сыворотку. Для первыхъ впрыскиваній берутъ, однако, не чистый филь-

Digitized by Google

тратъ, а разбавленный іодомъ и тѣмъ нѣсколько ослабленный. Впрыскиванія производятся въ постепенно, но медленно увеличивающихся дозахъ, черезъ нѣсколько дней, въ теченіе многихъ недѣль, причемъ подъ конецъ употребляется уже чистый ядъ. Все время впрыскиваній животное подвергается тщательному наблюденію относительно состоянія его здоровья, съ которомъ не должно происходить большихъ перемѣнъ. Такимъ образомъ, можно сдѣлать невоспріимчивыми къ дифтеритному яду собакъ, овецъ, козъ (у послѣднихъ противоядною дѣлается не только сыворотка, но и молоко) но для цѣлей лѣченія прибѣгаютъ къ лошадямъ, такъ какъ онѣ съ одной стороны могутъ дать большія количества сыворотки, а съ другой лучше иныхъ животныхъ переносятъ дифтеритный ядъ, даже если онъ сразу впрыскивается имъ въ чистомъ видѣ. Докторъ Ру пользуется лошадьми отъ 6—9 лѣтъ, хорошо упитанными и не имѣющими никакихъ внутреннихъ страданій, въ особенности же болѣзней почекъ; кромѣ того, производится предварительно особое изслѣдованіе (путемъ впрыскиванія маллеина) чтобъ убѣдиться, что лошадь не страдаетъ сапомъ. Постепенными впрыскиваніями (у загривка или сзади тѣла) дифтеритнаго яда, начиная съ 5—10 капель и кончая 300 — 400 куб. сантиметрами, т. е. количествомъ, бо́льшимъ чайнаго стакана, достигаютъ достаточной степени невоспріимчивости лошади къ яду, и эту невоспріимчивость поддерживаютъ затѣмъ дальнѣйшими впрыскиваніями. Сыворотка такихъ невоспріимчивыхъ лошадей, т. е. жидкость блѣдно-красновато-желтаго цвѣта, отстаивающаяся въ верхней части сосуда съ ихъ кровью, и является предохранительнымъ и цѣлебнымъ средствомъ противъ дифтерита. Сыворотка очень долго сохраняется безъ измѣненія въ темномъ мѣстѣ въ особыхъ сосудахъ, а высушенная въ безвоздушномъ пространствѣ можетъ быть пересылаема на далекія разстоянія: при пользованіи такою высушенною сывороткою, ее разбавляютъ въ 8—10 объемахъ чистой воды. Чтобы испытать дѣйствительность сыворотки, ее смѣшиваютъ съ извѣстнымъ количествомъ дифтеритнаго яда; впрыскиваніе этой смѣси животнымъ, въ качествѣ контрольнаго опыта, должно оказаться для нихъ безвреднымъ. Съ другой стороны, контрольный опытъ долженъ показать, что отъ впрыскиванія полученной сыворотки въ извѣстномъ количествѣ животное дѣлается невоспріимчивымъ къ дальнѣйшему впрыскиванію дифтеритнаго яда. Кровь для полученія сыворотки добывается изъ яремной вены лошади и животное легко переноситъ эту операцію сколько угодно разъ.

Что касается до самаго механизма лѣченія антидифтеритною сывороткою, то онъ не сложенъ. Больному ребенку впрыскиваютъ

Digitized by Google

подъ кожу 20 куб. сантим. (около столовой ложки) сыворотки, а черезъ 24 часа повторяютъ такое же впрыскиваніе, и этого бываетъ достаточно, чтобъ остановить болѣзнь. Въ рѣдкихъ случаяхъ приходилось дѣлать третье впрыскиваніе. Въ среднемъ, каждый ребенокъ получалъ сыворотки не больше $^1/_{1000}$ части своего вѣса. Впрыскиванія совершенно безвредны, что̀ признается даже тѣми, кто относится къ примѣненію сыворотки съ наибольшимъ скептицизмомъ.

Въ Германіи антидифтеритная сыворотка сдѣлалась уже, къ сожалѣнію, предметомъ фабричнаго приготовленія. Соотвѣтствующая фабрика есть въ Höchst'ѣ на Майнѣ. Существуетъ и другая фабрика—Schering'a—въ Берлинѣ, приготовляющая сыворотку по рецепту д-ра Аронсона. На фабрикѣ въ Höchst'ѣ, въ особой лабораторіи, приготовляются въ большихъ количествахъ разводки дифтеритныхъ палочекъ и растворы дифтеритнаго яда, которые и впрыскиваются лошадямъ. Черезъ 4—6 мѣсяцевъ, лошади считаются способными давать цѣлебную сыворотку. Изъ ихъ яремной вены, черезъ вставленную трубочку, берется отъ 1—3 метровъ крови въ обезпложенные вымѣренные цилиндры и помѣщается на 12—14 часовъ въ ледяномъ шкафу. Послѣ этого сыворотку сливаютъ, а по испытаніи ея на животныхъ и бактеріологическомъ изслѣдованіи, разливаютъ по небольшимъ скляночкамъ для продажи. Не надо быть слишкомъ подозрительнымъ, чтобъ допустить, что при фабричномъ производствѣ сыворотки въ разныхъ отношеніяхъ практикуется гораздо менѣе щепетильная добросовѣстность, чѣмъ та, которая имѣетъ мѣсто въ лабораторіи врача.

Въ виду этого, нельзя не порадоваться, что у насъ дѣло приготовленія сыворотки передано въ компетентныя руки и что до января нынѣшняго (1895) года указанная сейчасъ фабрика въ Höchst'ѣ не могла продавать сыворотки своего приготовленія всѣмъ желающимъ. У насъ главнымъ центромъ приготовленія антидифтеритной сыворотки является институтъ экспериментальной медицины, руководимый теперь такимъ осторожнымъ ученымъ, какъ проф. Лукьяновъ, уже два года работающій, между прочимъ, и надъ вопросомъ о лѣченіи дифтерита. Разводки дифтеритныхъ бактерій уже давно были въ институтѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, начались и впрыскиванія дифтеритнаго яда лошадямъ, подвергнутымъ тщательному предварительному освидѣтельствованію и находящимся подъ неослабнымъ присмотромъ спеціалистовъ. Какъ разъ съ начала нынѣшняго года, институтъ будетъ въ состояніи предоставить противодифтеритную сыворотку въ общее пользованіе. Кромѣ того, въ Петербургѣ сыворотка приготовляется, какъ уже упомянуто выше, и при одной изъ городскихъ больницъ.

Digitized by Google

Въ Москвѣ примѣненіе сыворотки, полученной отъ д-ра Ру, (случай проф. Филатова, упомянутаго выше въ числѣ докладчиковъ о дифтеріи на буда-пештскомъ конгрессѣ) начато было раньше, чѣмъ гдѣ либо въ Россіи. Приготовленіемъ же сыворотки долженъ былъ заняться завѣдующій бактеріологической лабораторіей при пропедевтической клиникѣ приватъ доцентъ Г. Н. Габричевскій, спеціально изучавшій это приготовленіе въ Парижѣ у д-ра Ру. Въ Одессѣ, за приготовленіемъ сыворотки (на земскій счетъ) на бактеріологической станціи будетъ слѣдить цѣлая комисія врачей съ бактеріологомъ д-ромъ Бардахомъ, работавшимъ надъ дифтеритомъ давно и самостоятельно. Въ Казани наблюденіе за приготовленіемъ сыворотки взялъ на себя проф. Ланге. Изъ Кіева получались извѣстія объ устройствѣ особой бактеріологической лабораторіи; первое же приготовленіе сыворотки началось подъ руководствомъ проф. Павловскаго и Троицкаго.

На родинѣ д-ра Ру, ему возданы уже всякія почести. Самъ президентъ республики явился въ его лабораторію и лично возложилъ на него орденъ почетнаго легіона; парижскій городской совѣтъ, кромѣ торжественнаго пріема учителю д-ра Ру—Пастёру и самому д-ру Ру, постановилъ выдать послѣднему золотую медаль отъ имени города Парижа; академія нравственныхъ и политическихъ наукъ присудила выдать д-ру Ру «за его преданность наукѣ и за изслѣдованія о лѣченіи дифтерита» премію Audiffred въ 12 т. фр. Кромѣ того, д-ра Ру ожидаетъ, быть можетъ, и часть преміи St. Paul'я въ 25 т. фр. «за быстрое, вѣрное и сильное средство противъ дифтерита», хотя по праву первенства эта премія, въ случаѣ благопріятныхъ выводовъ изъ дальнѣйшихъ клиническихъ наблюденій, должна принадлежать Берингу. Такимъ образомъ, насколько дѣло касается, такъ сказать, внѣшнихъ отличій, трудъ д-ра Ру уже вполнѣ вознагражденъ. Остается пожелать, чтобъ къ этому вознагражденію присоединились благословенія родителей, дѣти которыхъ будутъ спасаемы, при помощи цѣлебной сыворотки, отъ дифтеритнаго яда. Русскіе медики съ своей стороны, конечно, сдѣлаютъ все возможное, чтобъ подобныя благословенія по адресу ихъ французскаго собрата неслись и съ русской стороны,—если только въ самомъ методѣ не окажется источника разочарованій.

В. Швецовъ.

Digitized by Google

Толпа.

Я съ толпою иду—и пою я толпѣ,
И смѣется надменно толпа мнѣ вослѣдъ:
Ты поэтъ, ты безумецъ осмѣянныхъ лѣтъ,
Не пойду за тобой по невѣрной тропѣ!
Я борьбою сильна, ты тоскою томимъ,
Я, какъ бездна, шумна, ты—всегда одинокъ.
Жизнь проходитъ, какъ ночь, сны исчезнутъ, какъ дымъ.
Духъ—скала, а толпа—мимолетный потокъ.
Пусть бушуетъ потокъ, не подломитъ утесъ,
А надломитъ его,—онъ шумящей волнѣ,
Преграждая пути, рухнетъ въ бѣшенствѣ слезъ,
Чтобъ застыть навсегда въ роковой глубинѣ.

К. Фофановъ.

Digitized by Google

РАСПЛАТА.

Романъ.

I.

Ирина Павловна вошла въ кабинетъ мужа и остановилась у порога комнаты, непріятно изумленная. Левъ Ивановичъ, ея мужъ, какъ всегда сидѣлъ на своемъ обычномъ и излюбленномъ мѣстѣ, въ покойномъ креслѣ, у письменнаго стола. Около него стояла Леля Антипова, молодая, стройная, красивая дѣвушка. Ничего необыкновеннаго не было ни въ томъ обстоятельствѣ, что они находились вмѣстѣ,—потому что Леля бывала въ домѣ Боярскихъ почти ежедневно и сошлась на «ты» съ хозяйкой дома,—ни въ ихъ позахъ, ни во внезапномъ появленіи Ирины Павловны въ комнатѣ. Но тѣмъ не менѣе было все таки нѣчто особенное, что поразило нежданную гостью. Левъ Ивановичъ сидѣлъ взволнованный, съ радостной улыбкой на губахъ, которую онъ постарался сразу подавить при входѣ жены, и это ему видимо не удавалось; правая рука его, лежавшая на ручкѣ кресла, слегка дрожала и, чтобы скрыть эту дрожь, онъ нервно постукивалъ пальцами по дереву. Въ глазахъ же Лели, сіявшихъ страннымъ блескомъ, было что-то особенное, ей не свойственное, и ея красивая высокая грудь выдавала порывистое, учащенное дыханіе. Иринѣ Павловнѣ показалось, что оба они растерялись при ея внезапномъ появленіи.

Всѣ эти мелочи не могли ускользнуть отъ ея проницательнаго взгляда, и она скорѣе чутьемъ, чѣмъ на основаніи этихъ еле уловимыхъ внѣшнихъ признаковъ, поняла, что между ея мужемъ и Лелей что-то произошло: любовное объясненіе, поцѣлуи или объятія.

— Ахъ это ты, Ігѣпе?!—вскрикнули оба въ одинъ голосъ.

Digitized by Google

Черезчуръ веселый тонъ и неестественная поспѣшность этого вопроса еще болѣе убѣдили ее въ томъ, чему она боялась повѣрить и на что охотно закрыла бы глаза, еслибъ возможно было, хотя на самомъ призрачномъ основаніи, увѣрить себя въ ошибкѣ.

— Да, это я,—просто отвѣтила она.—Я думала, что ты уже давно ушла,—обратилась она съ прежней нѣжностью въ голосѣ къ молодой дѣвушкѣ, но тутъ же съ непріятнымъ изумленіемъ почувствовала въ своей душѣ какой-то холодъ.

— Я зашла на минутку къ Льву Ивановичу и не замѣтила, какъ заболталась,—отвѣтила дѣвушка.

— Леля только что собиралась уходить, когда ты вошла, Irène,—подтвердилъ Боярскій.—А ты... что?.. По дѣлу?

— Нѣтъ... какъ всегда... зашла съ тобой попрощаться, — спокойно сказала Ирина Павловна и опять почувствовала на душѣ что-то новое и непріязненное.

— Развѣ уже такъ поздно? — вскрикнулъ онъ съ неподдѣльнымъ изумленіемъ.

— Не рано, — улыбаясь проговорила Ирина Павловна. — Около двѣнадцати.

— Не можетъ быть?!.

Ирина засмѣялась.

— Взгляни на часы,—съ непривычной сухостью сказала она.

Боярскій вынулъ часы, взглянулъ на нихъ и пожалъ изумленно плечами, высоко поднявъ брови. Жена подошла къ нему, поцѣловала его, подставила свой лобъ для поцѣлуя и пожелала спокойной ночи.

— Спокойной ночи, голубка... Ступай спать... дѣйствительно уже поздно.

— Да, поздно,—какъ эхо, повторила она.

— Вы не можете отправляться одна, Леля,—заявилъ Левъ Ивановичъ, обращаясь къ дѣвушкѣ.—Вы мнѣ позволите васъ проводить?

Она кивнула головой, а Боярская прибавила:

— Конечно, проводи ее. Прощай, Леля.

Онѣ поцѣловались и Боярская вышла. Она быстро прошла черезъ длинную анфиладу комнатъ роскошнаго дома, въ которомъ они жили. Войдя въ спальню, она съ тоской оглянулась;

Digitized by Google

ей сразу все опостылѣло; внутренняя дрожь начинала овладѣвать ею. Какъ могло все это случиться?—думалось ей, и она не находила отвѣта на свой мучительный и тягостный вопросъ. Но что же собственно случилось?—продолжала она свои думы. Строго говоря,—ничего, а въ дѣйствительности очень многое и очень важное. Лева—измѣнилъ ей. Это несомнѣнно, какъ то, что теперь ночь, и никто не могъ бы убѣдить ее въ противномъ. Измѣнилъ ей... ей, которая любила его преданно и страстно, которая преодолѣла всѣ препятствія, воздвигавшіяся передъ нею, чтобы назвать его своимъ мужемъ; ей, которая никогда за все время ихъ брачной жизни, въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ, ни въ чемъ не стѣсняла его, потому что вѣрила ему безусловно.

А теперь? Порой ей казалось, что она видѣла сонъ, дурной, страшный сонъ—и больше ничего. Но вскорѣ затѣмъ въ ея сознаніи вставалъ смущенный образъ сидящаго въ кабинетѣ мужа, а рядомъ съ нимъ взволнованной, восторженной дѣвушки, и истина выступала передъ ней во всей несомнѣнности своего реальнаго существованія. Она быстро подбѣжала къ окну. На дворѣ стояла глухая осень. Въ лужахъ, которыми были покрыты грязныя и, казалось, насквозь промокшія улицы, отражались огни фонарей. Не то мелкій дождь, не то липкій туманъ стоялъ надъ городомъ, окутывая своимъ бѣлесоватымъ покровомъ большія зданія и рѣдкихъ прохожихъ, возвращавшихся домой въ эту позднюю пору; они казались тѣнями, медленно двигавшимися по разнымъ направленіямъ, и видъ этихъ городскихъ призраковъ нагонялъ какую-то особую тоску, которую принято называть сплиномъ большихъ городовъ.

Ирина Павловна приложилась горячимъ лбомъ къ оконному стеклу, холодному и запотѣвшему отъ сырости. Прямо противъ окна, на краю тротуара, горѣлъ желтымъ, тусклымъ пламенемъ фонарь. Не смотря на темноту ночи и на мелкій дрянной дождь—все таки было достаточно свѣтло, чтобы разглядѣть выходившихъ изъ подъѣзда людей. И она узнала въ только что вышедшей парѣ своего мужа и Лелю. Лицъ ихъ она не могла видѣть. Да этого и не нужно было. Довольно было видѣть, какъ Левъ Ивановичъ нагибался къ Лелѣ и очевидно что-то говорилъ ей, горячо жестикулируя. Довольно было видѣть, какъ долго и заботливо онъ усаживалъ ее въ

Digitized by Google

колясочку, оправлялъ ея платье и укутывалъ ея шею боа изъ пѣтушьихъ перьевъ... Жена все это видѣла и во всемъ видѣнномъ поняла то, чему не хотѣла вѣрить и что казалось ей сномъ.

Колясочка рванулась, исчезла изъ освѣщеннаго фонаремъ пространства и погрузилась въ бѣлесоватую тьму ненастной осенней ночи.

Ирина Павловна отошла отъ окна; ей не хотѣлось спать и она, не раздѣваясь, прилегла на кушетку.

II.

Пока Леля одѣвалась въ передней, сходила съ лѣстницы и усаживалась въ коляску, Левъ Ивановичъ не говорилъ съ ней. Но лишь только экипажъ двинулся, между ними завязался разговоръ.

Оба были смущены и оба старались скрыть это смущеніе. Левъ Ивановичъ заговорилъ первый.

— Она все видѣла,—тихо сказалъ онъ, покосившись на Лелю и какъ бы ожидая подтвержденія или отрицанія съ ея стороны.

— Да ну?!.—отвѣтила та неопредѣленно.

— Она все видѣла,—подтвердилъ Боярскій.

— Почему вы это думаете?..

— Да по всему... по ея робкой улыбкѣ, по холодному тону ея разговора, по выраженію глазъ, по фигурѣ, по чему-то неуловимому, что̀ не замѣтно̀ для другихъ, но всегда угадывается близкимъ человѣкомъ.

— Я ничего особеннаго не замѣтила,—сказала дѣвушка.

— Ахъ, Леля... я ее достаточно изучилъ... вѣдь три года совмѣстной жизни—немало. Можно узнать человѣка... И я ее хорошо знаю...

— Да, конечно,—задумчиво произнесла Леля.

Экипажъ катился по грязнымъ улицамъ города, разбрасывая резиновыми шинами фонтаны брызгъ. Сѣдоки молчали, занятые своими думами.

— Что вы такой мрачный?—спросила Леля.

— Чему же радоваться? — отвѣтилъ Левъ Ивановичъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ въ голосѣ.—Ты думаешь, мнѣ легко?

Digitized by Google

Вѣдь какъ ни какъ—Ирина мнѣ близкій человѣкъ и такъ тяжело обманывать ее. Она мнѣ ничего дурнаго не сдѣлала и я ни въ чемъ не могу упрекнуть ее. Напротивъ, за эти три года я ничего не видѣлъ съ ея стороны, кромѣ самой нѣжной заботливости обо мнѣ, преданности, любви... ты знаешь, мы и женились по любви... И моя, и ея мать были противъ этого брака... моя матушка сватала мнѣ невѣсту изъ «нашего купеческаго званія»,—именитую купчиху съ приданымъ, каменными домами и лавками... Ея мать искала ей тоже «приличную партію» и до сихъ поръ еще не можетъ простить мнѣ купеческаго происхожденія...

— Вы мнѣ это много разъ разсказывали... я это знаю,—заявила съ неудовольствіемъ Леля.—Но я не могу понять, причемъ тутъ купеческое происхожденіе? На васъ, по крайней мѣрѣ, оно почти незамѣтно...

— Почти?

— Да, почти. Въ васъ нѣтъ этой испорченности захудалыхъ, обнищавшихъ дворянскихъ родовъ, и нѣтъ дикой грубости и самодурства русскаго купца. Вы—лучше аристократа и лучше купца. Вы съумѣли пріобрѣсти внѣшній лоскъ свѣтскаго человѣка и сохранить лучшія качества простой русской натуры...

Онъ улыбнулся.

— Какія же это?—спросилъ онъ.

— Да хоть бы, напримѣръ, способность къ раскаянью въ дурныхъ поступкахъ и стремленіе къ добродѣтельной семейной жизни.

Онъ пристально взглянулъ на нее. Онъ никогда не могъ понять: серьезно она говоритъ или иронизируетъ. Ея бѣлокурая головка, съ нѣсколько длиннымъ оваломъ лица, темными бровями и красивыми сѣрыми глазами, дѣйствовала на него увлекательно. И она была такъ хороша! Темно-зеленая фетровая круглая шапочка съ бѣлой кожаной лентой вокругъ и перомъ сбоку, боа изъ пѣтушьихъ перьевъ и плюшевая жакетка очень шли къ ней. Маленькая и худенькая, съежившаяся отъ пронизывающей сырости и холода ненастной ночи, она казалась безпомощнымъ, жалкимъ ребенкомъ, отдавшимся подъ покровительство сильнаго и сознающаго свои силы мужины. Онъ готовъ былъ обнять и расцѣловать ее, но ея за-

Digitized by Google

дорная и вызывающая улыбка дѣйствовала на него парализующимъ образомъ.

На послѣднія слова дѣвушки онъ промолчалъ и нѣкоторое время они ѣхали молча. Но онъ не могъ и не хотѣлъ оставить этихъ словъ безъ возраженія, и вдругъ заговорилъ:

— Ну, да... Ни въ раскаяньѣ, ни въ стремленіи къ добродѣтели нѣтъ ничего дурнаго... И мнѣ больно, Леля, что ты надъ этимъ смѣешься...

— Откуда вы взяли? Я и не думаю смѣяться...

— Я вижу. Слышу по твоему тону. Но согласись сама: когда живешь съ человѣкомъ душа въ душу, когда жена тебя любитъ и ты ее...

— Что же вы замолчали? Продолжайте: «и ты ее любишь»...

Онъ смутился, но, быстро оправившись, продолжалъ:

— Само собой. Я люблю Ирину. Ее нельзя не любить. Она не сдѣлала мнѣ ничего дурнаго...

— Совсѣмъ купеческое разсужденіе!.. Вотъ онъ—атавизмъ комерческяго происхожденія... Развѣ любовь можно мѣрить аршинами или на вѣсъ? Развѣ можно любить женщину за то, что она не сдѣлала ничего дурнаго, или вообще за то, либо за другое? Любишь, потому что любится... Что это за счеты и балансы въ любви?..

Повидимому, онъ не обратилъ на эти слова никакого вниманія, хотя его чуть-чуть передернуло.

— Она принесла мнѣ въ жертву сословные предразсудки, пожертвовала привязанностью матери...

— Подумаешь, сколько жертвъ сразу!—насмѣшливо возразила Леля.—И за всѣ эти жертвы она получила: красиваго и добродѣтельнаго мужа, избраннаго общественнымъ довѣріемъ на высокій постъ; каменныя палаты, лошадей, экипажи, возможность ѣздить за границу и капиталы... Ну-ка, по комерчески: что вѣситъ больше? На одной сторонѣ вѣсовъ предразсудки, привязанности, вообще что-то эфемерное, легкое, воздушное... на другой—камень, золото, вообще вещи основательныя и солидныя; первое—не поддается учету, второе можетъ быть легко выражено крупной цифрой, которая много говоритъ уму и сердцу... всякой женщины, даже такой высоконравственной, какъ ваша Ирина.

Digitized by Google

Совершенно подавленный ея циничной рѣчью, онъ убитымъ голосомъ сказалъ ей:

— Ты, значитъ, совсѣмъ не любишь Ирины?.. Ты говоришь о ней съ какимъ-то озлобленіемъ... А я считалъ васъ подругами... и что еще хуже... я знаю, она тебя искренно любитъ.

— «Мнѣ жаль тебя, ты искренно такъ любишь»...—продекламировала Леля.

— Перестань, Леля, — рѣзко остановилъ онъ ее. — Ты знаешь, я не выношу, когда ты говоришь этимъ тономъ. Ты вовсе не такая испорченная дѣвушка...

— Дѣвушка?—спросила она.

Водворилось тяжелое молчаніе. Онъ покраснѣлъ и отвернулся; она съежилась еще больше и прижалась къ нему.

— Что у тебя за страсть казаться хуже, чѣмъ ты есть?— опять началъ онъ:—это и непріятно, и неизящно, и тутъ, право, нечѣмъ бравировать.

— Что у васъ за страсть,—возразила она ему въ тонъ:— вѣчно говорить со мной о женѣ: это и не тактично и, право, не весело. Ну, вы говорите, что любите ее? Прелестно. Любите и будьте счастливы. Но причемъ же тогда я здѣсь? Миръ да воцарится въ вашей семьѣ, но тогда ужь оставьте меня въ покоѣ. Я право же не стану вамъ говорить ни о жертвахъ, ни о страданіяхъ... Можете быть покойны и ни въ чемъ не упрекать себя...

— Ахъ, Леля, Леля, легко тебѣ говорить такъ! Какая ты несдержанная... порохъ! Ты же знаешь, голубка,—продолжалъ онъ задушевнымъ голосомъ:—я люблю тебя, тебя одну, и только тебя... безъ тебя я не вижу смысла въ жизни, ни въ ея матеріальныхъ благахъ, ни въ честолюбіи, ни въ чемъ... Если я тебѣ говорилъ о любви къ Иринѣ, то вѣдь это нужно понимать, какъ оно есть. И при всемъ желаніи обмануть себя—я не въ состояніи. Я ее уважаю, какъ женщину, какъ жену, какъ человѣка, да она и достойна этого уваженія... ты не станешь, конечно, отрицать этого? Но люблю-то я ее, какъ человѣка только... Наши родные были противъ этой свадьбы и они были правы. Мы ихъ не послушались и наперекоръ всѣмъ женились. Ну, что вышло хорошаго? Прошло нѣсколько лѣтъ и я не люблю своей жены, т. е. не люблю такъ, какъ

Digitized by Google

хотѣлъ бы и долженъ былъ любить... Бываютъ дни, когда я забываю объ ея существованіи, а когда она мнѣ напомнитъ о немъ... мнѣ дѣлается жутко и тяжело, потому что я сознаю, что связанъ, связанъ, связанъ!..

Голосъ его дрогнулъ и осѣкся.

— Я не могу же дать болѣе того, что̀ въ состояніи дать,— продолжалъ онъ.—И я даю ей свое вниманіе, свою заботливость, свое уваженіе. Но у меня нѣтъ къ ней настоящей любви— нѣтъ и нѣтъ! — и я не могу ее дать, потому что не откуда взять этой любви. Но, конечно, всего этого мало... ей именно нужно то, чего у меня нѣтъ. Пока еще все шло кое-какъ... и она ничего не подозрѣвала. Но сегодня... она сразу все поняла... вѣрь мнѣ. И, конечно, мнѣ больно, мнѣ тяжело... Ты говоришь: оставить тебя въ покоѣ? Да развѣ я могу?.. Мнѣ подумать объ этомъ страшно... И тебѣ нечего ревновать, когда я говорю...

— Ревновать? Мнѣ—ревновать, Левъ Ивановичъ? О, нѣтъ, будьте благонадежны, до ревности я никогда не унижусь: это все, что̀ есть самаго постыднаго для женщины...

— Ну, такъ и не сердись же, когда я говорю, что уважаю Ирину, но не люблю ее, какъ жену, какъ женщину... а тебя...

— А меня любите, но не уважаете?

— Леля!—гнѣвно воскликнулъ онъ и хотѣлъ продолжать, но экипажъ остановился у подъѣзда. Въ горячемъ разговорѣ они и не замѣтили, какъ доѣхали до мѣста.

Левъ Ивановичъ простился съ Лелей и уѣхалъ домой, сбитый съ толку, мрачно настроенный и несчастный.

III.

Ирина Павловна сидѣла къ будуарѣ и вела оживленный разговоръ съ гостемъ.

— Я не понимаю, — говорилъ онъ: — что̀ сдѣлалось со Львомъ... Прежде,—и не такъ давно еще,—его всегда можно было застать дома... теперь — никогда. Впрочемъ, онъ всегда отличался непосѣдливостью — въ немъ какъ будто налита ртуть.

Digitized by Google

— Онъ очень занятъ теперь... Вы знаете: его выбрали на очень отвѣтственный постъ.

— Знаю, слышалъ. Но вѣдь и прежде онъ занималъ мѣста въ разныхъ комисіяхъ, подкомисіяхъ, обществахъ, собраніяхъ и пр. И все таки, въ извѣстный часъ, его всегда можно было застать: онъ сидѣлъ около своей молодой женушки и любовался ея красотой, упивался ея рѣчами...

— Что вы хотите сказать, Петръ Петровичъ? Что онъ охладѣлъ ко мнѣ, что ли?

— Боже меня сохрани! Никогда у меня въ мысляхъ этого не было. Охладѣть къ вамъ?!. Развѣ это возможно? Нѣтъ, не то... Но я очень хорошо знаю характеръ Льва. Вѣдь мы—товарищи съ дѣтства. Вмѣстѣ кончили и комерческое училище, вмѣстѣ ѣздили за границу. Въ училищѣ его всегда называли «министромъ». У него было ужасное честолюбіе, онъ любилъ всегда и вездѣ быть первымъ. Онъ хорошо учился, ему превосходно давались языки—англійскій, французскій и нѣмецкій. Въ послѣднихъ классахъ онъ очень интересовался политикой и читалъ всѣ газеты. Говорилъ съ увлеченіемъ о городскихъ и общественныхъ дѣлахъ. Быть тебѣ лордъ-мэромъ!—смѣялись мы надъ нимъ и кличку министра замѣнили кличкой лордъ-мэра. Вѣдь мы почти напророчили ему это. Онъ скоро будетъ первымъ лицомъ въ городѣ и я буду этому очень радъ. Взгляните на него: красивый, статный, представительный, воспитанный, говоритъ на четырехъ языкахъ — «какъ только они у него во рту поворачиваются», говоря словами Островскаго! Вотъ подождите три года до новыхъ выборовъ. Я увѣренъ—онъ стремится самъ къ этому, потому что честолюбивъ...

— Вы думаете?—спросила Ирина Павловна, съ наслажденіемъ вслушиваясь въ похвалы ея мужу.

— Я увѣренъ въ этомъ. И онъ умно ведетъ дѣло. Во всѣхъ этихъ комисіяхъ онъ старается занять выдающееся мѣсто, сдѣлать себя необходимымъ; онъ во все входитъ, всѣмъ руководитъ лично, говоритъ рѣчи, о которыхъ толкуютъ въ газетахъ и всячески ихъ коментируютъ. Не смотря на свое купеческое званіе, онъ не похожъ на нашихъ русскихъ дѣятелей, которые, добившись мѣста, сидятъ на немъ, какъ истуканы, а дѣла предоставляютъ вершить канцеляріямъ и секре-

Digitized by Google

тарямъ; нѣтъ, онъ—типъ западнаго, европейскаго дѣятеля. Вы увидите — о немъ будутъ много говорить и онъ многаго добьется.

— Можно подумать—вы влюблены въ него, Петръ Петровичъ...—смѣясь, сказала она.

— Влюбленъ—нѣтъ! Но я, какъ природный русскій человѣкъ, люблю справедливость и отдаю ему должное. Онъ непремѣнно хотѣлъ быть юристомъ, но покойный отецъ его рѣшительно воспротивился этому и настоялъ, чтобы онъ пошелъ по комерческой части. Лёва послушался и, какъ видите, ничего не проигралъ. Не такъ ли? Его заводъ серебряныхъ издѣлій—первый и процвѣтаетъ, какъ никогда. А почему? Потому что, рядомъ со стремленіемъ къ европеизму, въ немъ жила всегда здоровая, вѣрная сметка русскаго человѣка, считающаго за собой нѣсколько поколѣній купцовъ. Нашего купца всегда считали безнадежнымъ Китъ-Китычемъ. Кастовая замкнутость и косность, воспитанная вѣками алчность дѣлали то, что въ его среду не проникали лучи усовершенствованія. Фабрики работали прежними допотопными примитивными способами, существовавшими при нашихъ дѣдахъ и прадѣдахъ. Мы не хотѣли учиться. Зачѣмъ усовершенствованія, когда фирма благополучно существуетъ сто лѣтъ? Но въ мірѣ все совершенствуется. Это роковой законъ прогресса и эволюціи. Безъ движенія нѣтъ жизни. А наша торговля, промышленность и производство упорно стояли на мѣстѣ. Стояли, стояли, да какъ вдругъ осмотрѣлись да приглядѣлись, то и увидѣли, что крѣпко отстали. Наши неподвижныя формы торговли, наши доисторическіе способы производства одряхлѣли. Въ Европѣ все это быстро развилось; развились вмѣстѣ съ Европой и наши потребители, а товары россійскіе оказались никуда не годными. Европейскій купецъ довольствуется малымъ процентомъ на капиталъ, который у него въ вѣчномъ движеніи и оборотѣ. Нашъ не хочетъ наживать меньше, какъ рупь на рупь... эдакая алчность! Ну, и выходитъ: товары — хуже и дороже заграничныхъ. Наши капиталисты сидятъ на своихъ капиталахъ и не хотятъ ихъ трогать... А я вамъ говорю: движеніе—жизнь. И капиталъ безъ движенія—мертвый капиталъ. Я всегда говорилъ, что нашему именитому россійскому купечеству недоставало образованія. Вотъ взгляните: Льву дано это образованіе; онъ

Digitized by Google

широко воспользовался имъ и вотъ онъ уже не Китъ Китычъ, не именитый россійскій купецъ, а настоящій европейскій комерсантъ...

— Словомъ, онъ совершенство, по вашимъ словамъ,—вставила Ирина Павловна, уловивъ моментъ, когда Петръ Петровичъ на минуту замолкъ.

— Совершенство,—это, пожалуй, немножко много. Напротивъ, никто лучше меня не знаетъ его недостатковъ. Совершенныхъ людей нѣтъ на свѣтѣ, Ирина Павловна, да и быть не можетъ. Совершенство — идеалъ. Идеалъ — недостижимъ, иначе онъ не назывался бы идеаломъ. Большее или меньшее приближеніе къ нему и есть эволюція. Чѣмъ человѣкъ ближе къ идеалу, тѣмъ совершеннѣе. Это ясно. Нѣтъ, зачѣмъ же совершенство? Левъ далекъ отъ него; и у него есть свои недостатки. Но онъ отъ нихъ удивительно быстро отдѣлывается. Напримѣръ, у него былъ одинъ большой недостатокъ: увлекаться женщинами. Онъ былъ большой бабникъ. Но, вы видите, онъ и отъ этого быстро отдѣлался. «Эй, погубятъ тебя бабы», не разъ говорилъ я ему; анъ, глядь, онъ уже и женился. Ну, натурально, женившись на такой прелестной женщинѣ, какъ вы...

— О!..—удержала она его.

— Ничего, это вѣрно; это вѣдь не комплиментъ. Конечно, теперь онъ уже забылъ о всѣхъ женщинахъ въ мірѣ...

— Вы въ этомъ увѣрены? — спросила она, смѣясь, но въ тонѣ ея голоса почуялось что-то подозрительное и горькое.

— А вы—нѣтъ?—продолжалъ Петръ Петровичъ.—Напрасно! Это клевета на него. Я готовъ утверждать, что въ васъ говоритъ неосновательная ревность. Совершенно неосновательная.

— Кто же вамъ говоритъ, что я не увѣрена въ немъ или ревную?

— Тѣмъ лучше. Женщина не должна ревновать мужа, иначе своей подозрительностью она натолкнетъ его именно на то, чего у него и не было на умѣ. Ничего не можетъ быть оскорбительнѣе неосновательной ревности.

— А мужчина—женщину?

— То же самое. И я вполнѣ надѣюсь, что вы оба отъ этого свободны? Лёва...

Digitized by Google

— Конечно. Но что же вы все говорите о немъ, и только о немъ? Отчего не скажете ни слова о себѣ?

— Что же я скажу о себѣ? У Лёвы были наклонности къ юриспруденціи, у меня къ художествамъ. Но оба мы пошли по комерціи. Онъ со своимъ здравымъ смысломъ устоялъ на этой дорогѣ, я—послѣ смерти отца ликвидировалъ дѣла и уѣхалъ за границу; многому я тамъ учился и началъ съ бѣшеной страстью, которую долго сдерживали семейныя преданія и сословныя традиціи, мазать картины. Мазалъ я много и долго. Трудолюбія во мнѣ было гибель; но я поздно сталъ учиться и поэтому на мнѣ во вѣки вѣковъ останется проклятая печать диллетантизма. Но что дѣлать? Это меня все таки забавляетъ гораздо больше, чѣмъ балансы, счеты и отчеты комерческаго дѣла. Я живу за границей и малюю картины. Капитала у меня довольно для такой жизни. Пользы я никому не приношу, но по нашему времени и тотъ ужь приноситъ пользу, кто не дѣлаетъ вреда. А мои занятія и развлеченія никому вреда не приносятъ...

— Вы еще не женились?—вдругъ спросила Ирина Павловна.

Петръ Петровичъ робко взглянулъ на нее, какъ бы желая уловить тѣнь насмѣшки въ ея вопросѣ. Помолчавъ съ минуту, онъ сказалъ:

— Конечно, нѣтъ... Кто за меня пойдетъ?..

— Ну, вотъ, что за скромность?—пробовала она протестовать, но онъ ее рѣзко перебилъ:

— Полно, Ирина Павловна. Я же вамъ говорилъ, что обладаю художественнымъ вкусомъ... хотя бы и диллетантскимъ. Да вѣдь у меня есть всегда возможность взглянуть и въ зеркало. О, я очень хорошо знаю себѣ цѣну въ глазахъ женщинъ. Взгляните на меня: маленькаго роста, толстенькій человѣчекъ, съ безцвѣтными монгольскими глазами, съ рыжеватой бородкой и солидной лысиной—въ тридцать девять лѣтъ... Не правда ли, красивъ? Въ дѣтствѣ я былъ совсѣмъ уродомъ и меня называли Квазимодо. Ну, теперь, съ лѣтами, я выровнялся, что̀ и говорить, но это во всякомъ случаѣ не то, что̀ нравится женщинамъ.

— Какъ будто женщины только и обращаютъ вниманіе на физическую красоту? Есть еще другая красота...

Digitized by Google

— Нравственная? Слыхали! Что такая красота есть—это вѣрно, да вотъ бѣда: нѣтъ женщинъ, которыя бы искали ея. Именно искали... потому что внутреннюю красоту нужно отыскать и понять, а наружная сама кидается въ глаза.

— Вы очень строги къ женщинамъ.

— Не очень. Я справедливъ. Вы думаете, во мнѣ говоритъ оскорбленное самолюбіе? Увѣряю васъ, нѣтъ. Да я и не знаю, не такая же ли у меня красота внутренняя, какъ и наружная? Слѣдовательно, уязвляться мнѣ нечего...

— Все таки любили же вы когда нибудь?—приставала къ нему Ирина Павловна.

Онъ опять взглянулъ на нее. Лицо ея было серьезно и задумчиво.

— Да, любилъ,—отвѣтилъ онъ.—Вы непремѣнно хотите знать это?

— Да.

— Неужели вы никогда не знали?

— Нѣтъ,—очень искренно отвѣтила она:—никогда. Откуда вы хотите, чтобы я знала это?

Онъ помолчалъ, какъ будто соображая что-то. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ ловко умѣлъ притворяться?

— Я любилъ одну молодую дѣвушку, аристократическаго происхожденія, какъ пишутъ въ романахъ. Я даже *ухаживалъ* за ней, если нужно непремѣнно употребить это пошлое слово. Она со мной шутила, смѣялась, но, кажется, не догадывалась о тѣхъ чувствахъ, которыя волновали меня. Она очень привыкла ко мнѣ и я ей сталъ почти необходимъ, какъ товарищъ по бесѣдѣ, какъ игрушка...

— Ну, и что же?

— Да ничего. Скоро она вышла замужъ за красавца-мужчину, а я уѣхалъ. Конечно, онъ былъ достойнѣе меня, что и говорить...

— Давно это было?—спросила Ирина Павловна, отрываясь отъ работы и съ любопытствомъ вглядываясь въ него.

— Не такъ чтобы очень. Три года тому назадъ или около того...

— А!..

Оба замолчали и Ирина Павловна задумалась.

— Вы до сихъ поръ ее любите?—тихо спросила она.

Digitized by Google

— Ну, ужь это мой секретъ!—улыбаясь, отвѣтилъ Петръ Петровичъ.

— Простите.

— Не извольте безпокоиться-съ—какъ говорятъ люди нашего званія...

IV.

Въ это время, въ комнату вошла высокая и сухощавая старуха. Она была одѣта по купечески: въ темной юбкѣ и такой же кофтѣ съ огромнымъ чернымъ шолковымъ платкомъ на плечахъ, затканномъ пестрыми цвѣтами. Темно-каштановые волосы ея были гладко причесаны, съ широкимъ проборомъ посрединѣ. Въ волосахъ было уже много сѣдины. Голова ея была повязана черной косынкой съ узломъ на верхушкѣ, концы котораго торчали въ разныя стороны, въ видѣ крыльевъ бабочки. Она была, не смотря на свои весьма почтенные года, все еще достаточно моложавой; хотя глаза ея глубоко ввалились и были окружены сѣтью морщинъ, но взглядъ ихъ все еще былъ бодръ и молодъ. Высокая фигура ея была слегка наклонена впередъ, руки опирались на палку съ гуттаперчевымъ наконечникомъ.

— Чать, нашего-то все еще нѣту?—спросила она у Ирины Павловны, не замѣтивъ присутствія гостя, который всталъ при ея входѣ и принялъ выжидательную позу.

— У насъ гость, Матрена Савишна,—сказала молодая женщина, не отвѣчая на вопросъ.

Старуха вглядѣлась въ противоположный уголъ комнаты, сдѣлала рукой, не опиравшейся на палку, щитокъ надъ глазами, и громко спросила:

— Гость? Чей такой?

— Волошиновъ, Петръ Петровичъ. Только что вернулся изъ-за границы.

— Петька Волошиновъ?—воскликнула старуха, и радостная улыбка озарила ея лицо.—Да вѣдь и взаправду онъ! Что же ты не подойдешь, безпутный? Иди, иди, небось, не укушу.

— Ну, вотъ, бабушка, первое слово у васъ руготня,— сказалъ Петръ Петровичъ, подходя къ ней и цѣлуя ея руку,

Digitized by Google

которую она быстро отдернула и, обнявъ его, поцѣловала въ губы и въ лобъ.

— Полно тебѣ,—ворчала она.—Ишь всѣ басурманскія повадки принялъ! Нѣтъ ужь, братъ, давай по христіанскому обычаю трижды облобызаемся.

— Съ удовольствіемъ, бабушка, хоть четырежды...—смѣясь, говорилъ онъ.

— Ну, ужь, съ удовольствіемъ или безъ удовольствія—твое дѣло. Съ удовольствіемъ-то цѣлуютъ молодыхъ женщинъ, а не насъ старухъ.

Она усѣлась въ мягкое удобное кресло, еще разъ пристально оглядѣла Волошинова и, нѣжно ему улыбаясь, сказала:

— Все такой же!

— Что намъ дѣлается, бабушка?

— Извѣстно... молодежь. Въ ваши-то лѣта и я прыгала стрекозой...

— Ну, ужь и молодежь! Пожилая молодежь-то,—протестовалъ Волошиновъ.

— У васъ нынче всѣ старики,—обозлилась Матрена Савишна.—Вотъ намедни, ѣздила я къ дохтуру... по глазамъ который... Видѣть стала плохо. Говорю это ему, а онъ посмотрѣлъ мнѣ въ зрачки-то, пустилъ туда пукъ свѣту черезъ зеркало какое-то, да и бормочетъ чтой-то: старческое перерожденіе... «Это, говоритъ, у васъ, сударыня, отъ старости... наука, дескать, наша безъ силы»...—Какъ это, говорю, безъ силы? Какая такая старость? Какіе такіе мои года? Что ты, метрику, говорю, мою разсматривалъ, что ли?—«Метрику, говоритъ, не метрику, а по лицу вашему вижу. Новые, говоритъ, глаза не вставишь. А сколько же вамъ лѣтъ»?—Семьдесятъ третій пошелъ.—«Ну, вотъ видите»,говоритъ.—Ничего, отецъ, не вижу окромя того, что ты, стало быть, не настоящій дохтуръ, вотъ что..

— Ну, а онъ что? — хохоча, спросилъ Петръ Петровичъ.

— Ничего. «А вы, говоритъ, не настоящая паціентка. Коли вы пришли лѣчиться, такъ должны слушаться, а не ругаться». Зубастый дохтуръ-то, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ.

— Ну, и что же?—опять спросилъ гость.

— Да что ты, отецъ мой, меня понукаешь, ровно я тебѣ лошадь далась? Прописалъ онъ мнѣ какую-то дрянь, да я рецептъ-то бросила въ печку. У меня свое лѣкарство.

— Какое же такое?

Digitized by Google

— Дѣйствительное. Вотъ когда вѣтеръ подуетъ, велю я Никифору запречь лошадь, сяду въ сани, да какъ мнѣ продуетъ хорошенько глаза-то, ну, и ничего, вижу... ясно такъ, хорошо... Да ты что зубы-то скалишь, иродъ? Чему смѣешься? Чему онъ смѣется, Ариша?

— Не знаю, Матрена Савишна, спросите его самого.

— Все бы вамъ смѣшки да смѣшки, — укоризненно сказала старуха, погрозивъ Волошинову пальцемъ.—Ну, да ладно! Чего стоишъ, какъ дубъ, передо мной? Садись, гость будешь... аль ужь лыжи куда нибудь навострилъ? Пообѣдаешь съ нами,— безапеляціонно заявила она.

Волошиновъ вопросительно взглянулъ на Ирину Павловну. Та поспѣшила повторить приглашеніе.

— Конечно, оставайтесь, Петръ Петровичъ.

— До обѣда еще много времени-то. У насъ, по новомодному-то, поздно обѣдаютъ,—въ шесть часовъ. При покойникѣ-то мужѣ—царство ему небесное!—въ полудень обѣдали, а въ восемь часовъ спали... А то поди-ка, послѣ обѣда, теперича на полный желудокъ нечто уснешь? Такъ вѣдь вотъ министру-то нашему, Льву Иванычу, недосугъ вишь... Все дѣла, да дѣла... Шатается по своимъ комисіямъ. И поѣсть, вишь, ему дома-то некогда, даромъ, что молодая жена да старуха мать ждутъ... Гришка!—вдругъ зычно закричала она, и на порогѣ другой комнаты появился лакей во фракѣ.—Будетъ нынче Левъ Иванычъ обѣдать, ай нѣтъ?

— Не сказывали.

— Не сказывали! А нѣтъ того, чтобы допросить?

— Помилуйте, Матрена Савишна, нешто мы смѣемъ ихъ безпокоить?...

— Что и говорить—министръ! Ну, ступай, — прибавила она, обращаясь къ Григорію.—Чего уши-то развѣсилъ?..

Лакей исчезъ, а старуха опять напустилась на Волошинова.

— Ну, чего на дыбахъ-то стоишь? Садись, говорю, да разсказывай по порядку, гдѣ шатался? Себя, что ли, показывалъ, али народъ смотрѣлъ? Говори, говори... а я послушаю. Все, какъ есть, говори. Знаешь вѣдь мою слабость? Страсть люблю слушать про путешествія что нибудь разное, занимательное...

— Да что же я буду разсказывать? Ѣздилъ да и только. Какъ всѣ люди, такъ и я.

Digitized by Google

— Нѣтъ, братъ, врешь, не отдѣлаешься. А вотъ я никуда никогда не ѣздила и любопытно мнѣ, какъ это люди ѣздятъ? Ну, разсказывай... съ самаго начала... съ вокзала.

— О, даже съ вокзала? — сказалъ, засмѣявшись, Волошиловъ и еще разъ попробовалъ отдѣлаться: — да вѣдь Иринѣ Павловнѣ чай скучно будетъ... ужь я въ другой разъ къ вамъ забѣгу, бабушка, и тогда все, какъ есть, какъ на духу, разскажу... съ самаго вокзала.

— Нечего въ другой разъ. Говори сейчасъ. Ариша что жь? Она работаетъ, а за работой и тебя, странника, послушаетъ. Занятно онъ вретъ-то, Ариша, небось, не соскучишься.

— Да я ничего не имѣю противъ... пусть разсказываетъ, съ удовольствіемъ послушаю.

— Ну, вотъ, какъ вы меня рекомендуете, — началъ Волошиновъ.—Сейчасъ ужь и вретъ! слова не дали сказать, рта разинуть, а ужь и вретъ...

— Извѣстно врешь! Ты всегда вралъ. И въ дѣтствѣ вралъ такъ занятно, такъ неужто жь теперь-то исцѣлился?

Волошиновъ зналъ, чего хотѣла старуха. Она всегда любила слушать его юмористическую болтовню, когда онъ принимался что нибудь импровизировать. Но она никогда не сознавалась въ этой слабости къ балагурству Волошинова, и всегда дѣлала видъ, что слушаетъ его изъ снисхожденія.

— Ну, ладно,—наконецъ, усѣвшись, сказалъ онъ.—Сами просили—на себя и пеняйте. Слушайте. Такъ и быть, ужь начну сначала.

— Ужь, конечно, начинать надо сначала, а не съ конца!— засмѣявшись, остановила его Матрена Савишна и, укутавшись въ платокъ, сѣвъ глубже въ кресло и поставивъ около себя палку, приготовилась слушать. Ирина Павловна нагнулась надъ работой, а Петръ Петровичъ, закуривъ папиросу съ разрѣшенія бабушки, началъ свой разсказъ.

V.

— Ну, вотъ, дорогая бабушка, давно это было: вздумалъ я путешествовать...

— Что жь, грѣха тутъ нѣтъ,—вставила старуха.

— Извѣстно, какой же грѣхъ? Однако, вы меня не из-

Digitized by Google

вольте перебивать. Ну, для чего я вздумалъ путешествовать, я и самъ не знаю, а, впрочемъ, знаю, да вамъ не скажу.

— Что такъ?

— Да такъ ужь! Грусть-тоску захотѣлось размыкать по бѣлу-свѣту... — Петръ Петровичъ мелькомъ взглянулъ въ сторону Ирины Павловны. Его взглядъ встрѣтился съ ея взглядомъ, но она быстро отвела глаза въ сторону и еще ниже наклонила голову надъ работой.

— Ну, что врешь-то? Какая такая у тебя грусть-тоска?— остановила его бабушка.

— Да ужь такая! Красивая, съ пепельными волосами и голубыми глазами.

— А, стало быть, красная дѣвица?

— Ну, хоть и красная дѣвица, важности тутъ нѣтъ. Однимъ словомъ, вы знаете, чтобы ѣхать за границу, нужно обладать желаніемъ путешествовать и деньгами. И то, и другое у меня было. Но русскому путешественнику нужно еще обладать правоспособностью къ путешествіямъ. Эта правоспособность, бабушка, покупается въ мѣстномъ участкѣ за восьмидесяти-копѣечную марку и разрѣшеніе на поѣздку зависитъ отъ дворника.

— Врешь вѣдь ты все?—усомнилась старуха.

— Увѣряю васъ. Я явился въ участокъ самъ за отмѣткой, но меня попросили прислать дворника, который, какъ мнѣ сказали, одинъ только можетъ засвидѣтельствовать о моей политической и нравственной благонадежности.

— Поди ты, какая сила?—искренно удивилась бабушка.

— Ну, вернувшись домой, я попросилъ къ себѣ г. дворника. Такъ и такъ, молъ, есть мое непремѣнное желаніе путешествовать. Онъ изумился и зорко посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Я выдержалъ его взглядъ и бойко, скороговоркой, началъ оправдываться: просто, дескать, хочу провѣтриться, а не то, чтобы что; я, молъ, ни въ чемъ не замѣшанъ, никого не ограбилъ, почитаю память родителей, люблю щи и водку передъ обѣдомъ, а по субботамъ хожу въ баню и даже охотникъ париться вѣникомъ.

— Скажи, пожалуй, какъ строго!—изумлялась старуха.— Неужто это все нужно *ему* знать?

— *Ему* все нужно знать,—серьезно замѣтилъ Петръ Пе-

Digitized by Google

тровичъ, взглянувъ на Ирину Павловну, которая смѣялась.—Словомъ, я «открылъ ему душу»,—продолжалъ онъ,—и изложилъ ему свою политическую программу.—Ничего, можно!—сказалъ дворникъ, одобрительно мигнулъ и, зажавъ въ рукѣ желтенькую бумажку, обѣщалъ «выправить пачпортъ». И вѣдь выправилъ!! Я чуть не разорился. Дворникъ, участокъ, иностранное отдѣленіе, консульство, извощики, деньги, марки, марки, деньги. Наконецъ, я выбрался на вокзалъ. На варшавскомъ вокзалѣ, единственномъ въ Петербургѣ, съ котораго отправляются за границу, не оказалось ни карты Европы, ни расписанья поѣздовъ отъ границы. Въ виду этого я взялъ билетъ до Варшавы, думая оттуда ужь какъ нибудь добраться до заграничнаго поѣзда. Въ Варшавѣ я нанялъ извощика, чтобы осмотрѣть Лазенки; онъ взялъ съ меня полтора рубля и оказалось, что я нанялъ его для осмотра Лазенокъ въ самихъ Лазенкахъ. Вернувшись на вокзалъ, я вздумалъ закусить. Когда говорилъ дать мнѣ «шклянку кавы» или «филижанку вудки»—требованья мои исполнялись быстро, но когда я заговаривалъ по русски—весь мой польскій репертуаръ ограничивался этими двумя фразами—лица дѣлались сумрачными и надутыми, и я ждалъ часами... Ну, на вѣнскомъ вокзалѣ, въ Варшавѣ, я узналъ, что поѣздовъ въ Вѣну вовсе не существуетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по свѣдѣніямъ мѣстныхъ жителей, оказывалось, что они туда ходятъ каждый часъ. Жандармъ и его два помощника, начальникъ станціи и другіе люди въ форменныхъ шапкахъ, швейцаръ и сторожъ, пять носильщиковъ, три лакея и разные другіе господа неопредѣленныхъ профессій—словомъ человѣкъ двадцать—каждый имѣлъ свой часъ отхода. Уткнувшись съ отчаянья въ расписаніе, я надъ нимъ простоялъ часа полтора и понялъ только, что поѣзда доходятъ лишь до границы, выходя изъ Варшавы въ неопредѣленные часы, а затѣмъ куда-то проваливаются.

— Да что ты мелешь?! — вскрикнула бабушка, вопросительно глядя на Ирину Павловну.

— Истинно вамъ говорю. Извѣстно, что расписанія всегда пишутся такъ, чтобы ихъ нельзя было понять. По крайней мѣрѣ, насъ стояло трое около расписанія, догадываясь по звѣздочкамъ, точкамъ и стрѣлкамъ о времени отхода поѣзда. Я откровенно сознался въ полномъ безсиліи постигнуть эту

Digitized by Google

китайскую грамоту. Какой-то заносчивый молодой человѣкъ презрительно оглядѣлъ меня и, фыркнувъ, сказалъ: Ничего не можетъ быть легче; вамъ — куда? въ Вѣну? — Да. — Вы хотите знать, когда отходитъ поѣздъ, сколько стоитъ билетъ и въ которомъ часу вы будете въ Вѣнѣ? — Да. — Сейчасъ. — Онъ сталъ водить перстомъ по расписанію, перескакивая изъ одной клѣтки въ другую, съ одной цифры на третью. Онъ что-то бормоталъ, откашливался, складывалъ и вычиталъ цифры, обнаруживая познанія во всѣхъ четырехъ правилахъ ариѳметики; два раза звонко и съ убѣжденіемъ высморкался и разъ отставилъ ногу. Я съ изумленіемъ, благодарностью и благоговѣніемъ смотрѣлъ на него. Неужели, думалъ я, есть на свѣтѣ такіе способные люди, которые въ состояніи понять желѣзнодорожное расписаніе? Этотъ молодой человѣкъ такъ молодъ и такъ богато одаренъ! Что его ожидаетъ въ будущемъ? Пока онъ водилъ пальцемъ по расписанію, другой, пожилой, что-то записывалъ на бумажкѣ. Прошло полчаса и палецъ молодаго человѣка привелъ его, къ немалому нашему изумленію... въ Химки.—Да вамъ точно ли надо въ Вѣну?—спавшимъ съ тона голосомъ спросилъ онъ меня. Я его увѣрилъ, что мнѣ, дѣйствительно, хотѣлось бы съѣздить въ Вѣну; правда, я не ожидаю въ Вѣнѣ наслѣдства и не спѣшу туда къ умирающей матушкѣ, но все же, мнѣ скорѣе хотѣлось бы въ Вѣну, чѣмъ въ Химки. Повидимому, храбрый молодой человѣкъ остался недоволенъ моимъ отвѣтомъ, но онъ снова заёрзалъ своимъ пальцемъ по расписанію и вскорѣ, выѣхавъ изъ Варшавы на вѣнскомъ поѣздѣ, пріѣхалъ въ Тамбовъ. Между тѣмъ, пожилой господинъ не переставалъ записывать и бормотать. Цѣлыя колонны цифръ покрывали его листокъ. Обливаясь потомъ, онъ наконецъ отошелъ отъ расписанія.—Я знаю, какъ доѣхать до Вѣны,—сказалъ онъ.—Я кинулся къ нему; молодой человѣкъ, который съ своимъ пальцемъ побывалъ уже въ Динабургѣ, Малой Вишерѣ и теперь возвращался черезъ Москву въ Варшаву, подошелъ къ феноменальному господину. Такъ какъ насъ было трое и это уже походило на незаконное сборище, то къ намъ подошелъ жандармъ и спросилъ, о чемъ мы совѣщаемся. «Этотъ господинъ знаетъ, какъ доѣхать до Вѣны»,—сказалъ я. Жандармъ недовѣрчиво улыбнулся и ушелъ. Другіе путешественники, услы-

Digitized by Google

хавъ мои слова, окружили пожилаго господина. Господинъ заглянулъ въ свою бумажку и робко началъ свой докладъ.— Видите ли, нужно выѣхать въ 10 ч. 20 м. вечера... да... тогда мы будемъ на границѣ черезъ восемнадцать часовъ... да! Восемнадцать часовъ, плюсъ двадцать два, да еще полторы недѣли, итого... сейчасъ, подождите... Онъ опять заглянулъ въ бумажку:—мы будемъ въ Вѣнѣ дней черезъ двадцать безъ малаго.

— Даль-то какая!—вставила бабушка, а Ирина Павловна звонко расхохоталась.

— Ты чего?—спросила ее старуха.—Ай вретъ все?—вопросительно сказала она, глядя то на нее, то на разсказчика.—Чать, врешь ты все?..

— Ни одного слова, бабушка! Ну-съ, такъ господинъ продолжалъ разсуждать о стоимости билета:—отъ Варшавы до границы,—бормоталъ онъ,—отъ границы до Щакова, отъ Щакова до Феклабрюка... да, то есть нѣтъ... то есть да... отсюда до Вѣны... это составитъ семь рублей, сто восемь гульденовъ, еще десять гульденовъ, однимъ словомъ, около ста рублей. Ну, натурально, мы разошлись разочарованные. Я уже рѣшилъ навсегда отказаться отъ Вѣны и провести лѣто въ Варшавѣ. Въ грустномъ настроеніи подошелъ я къ буфету. Рядомъ со мной стоялъ знатнаго вида путешественникъ, который громко заявилъ носильщику, что ѣдетъ въ Вѣну. Онъ говорилъ это такъ увѣренно!.. Съ затаеннымъ злорадствомъ я сталъ выжидать и внутренно смѣялся надъ нимъ. Есть же такіе самоувѣренные люди! Ни у кого не справляется, ни надъ чѣмъ не задумывается... Мнѣ пришла мысль прослѣдить за нимъ и воспользоваться его присутствіемъ. Я рѣшилъ не выпускать его изъ виду и продѣлывать все то, что онъ будетъ дѣлать. Такимъ образомъ я, можетъ быть, и попаду въ вагонъ. Онъ подошелъ къ буфету и выпилъ три рюмки водки сразу. Чтобы не отставать отъ него, я выпилъ четыре; пока я платилъ, знатный путешественникъ ушелъ. Къ счастью, я увидѣлъ его у кассы, гдѣ онъ самымъ наглымъ образомъ спросилъ билетъ въ Вѣну и получилъ его. Я послѣдовалъ его примѣру. Потомъ онъ пошелъ бриться—я за нимъ. У меня была борода и я пришелъ въ недоумѣніе. Боясь упустить его изъ виду, я рѣшился принести послѣднюю жертву и оставить бороду въ Варшавѣ.

Digitized by Google

— Ну, и что врешь-то?—остановила его старуха:—у тебя и посейчасъ борода.

— За три года отросла, бабушка,—не задумываясь, отвѣтилъ онъ.—Мы направились въ вагоны. Какой-то господинъ на совершенно непонятномъ языкѣ прокричалъ направленіе поѣзда. И вотъ я сидѣлъ въ вагонѣ и ѣхалъ въ Вѣну!.. Ну-съ, говорить дальше или довольно? — спросилъ Петръ Петровичъ.

— Мели, мели... еще времени много, все равно нечего дѣлать. Все вретъ, поди?—обратилась старуха къ Иринѣ.

— Надо думать, что сильно преувеличиваетъ,—отозвалась та.—Но разсказываетъ интересно.

— Ужь на это онъ мастеръ... на всякій балаганъ, — подтвердила Матрена Савишна.

— Послѣ столь лестной оцѣнки, мнѣ остается только продолжать. Ну-съ... прозвучало три звонка, четыре свистка, рожокъ; еще раздалось нѣсколько неопредѣленныхъ звуковъ и поѣздъ медленно, но несомнѣнно тронулся. Онъ шелъ такъ тихо и плавно, что я подумалъ: онъ везетъ крынки съ молокомъ, которое боится расплескать. Мнѣ пришло на умъ, что, пожалуй, правъ былъ пожилой господинъ, увѣрявшій, что мы пріѣдемъ въ Вѣну черезъ двадцать дней. Сидѣть мнѣ пришлось, согнувшись и съежившись въ три погибели: не было мѣста, хотя на сосѣдней скамейкѣ, растянувшись во весь ростъ, лежалъ какой-то субъектъ въ смазныхъ сапогахъ и съ огромной сумкой; баба въ платочкѣ съ какими-то коробками занимала другую скамью. Всѣ прочія мѣста занимали другіе неопредѣленнаго вида люди. Они чувствовали себя какъ дома: ругались, плевались, толкали меня въ бокъ и ходили по ногамъ. «Ваши билеты»!—возгласилъ кондукторъ. Но настоящій билетъ былъ только у меня—купленный и вполнѣ оплаченный въ кассѣ. У нихъ же билетовъ не было, а были какія-то розовыя и зеленыя бумажки. Странное дѣло: всѣ эти люди оказывались родственниками желѣзнодорожнаго начальства и ѣхали даромъ. Ужасно много даровыхъ родственниковъ у желѣзнодорожнаго начальства! И всѣ они какъ будто созданы за тѣмъ, чтобы стѣснять платныхъ путешественниковъ. И подѣломъ! Прежде чѣмъ путешествовать, обзаведись желѣзнодорожнымъ родственникомъ. На купленный-то билетъ всякій съумѣетъ про-

Digitized by Google

ѣхать. Всѣ эти мужчины и женщины оказывались «подругами» кондуктора и говорили съ нимъ sans façon о разныхъ вещахъ. «Господинъ, потрудитесь подвинуться,—обратился ко мнѣ кондукторъ:—дамѣ нужно мѣсто». Дама въ платочкѣ захотѣла пересѣсть къ окну и шла прямо на меня, выплевывая на ходу сѣмечки мнѣ на колѣни. Я улыбнулся кондуктору, думая, что онъ мило со мной шутитъ; но лицо его носило на себѣ печать олимпійскаго величія, русскаго равнодушія и суровой строгости. Тогда, очень вѣжливо, я ему сдѣлалъ намекъ на нѣкоторые, очевидно забытые имъ, физическіе законы о непроницаемости тѣлъ. Но онъ, выпучивъ глаза, не слушалъ меня и умудрился вонзить даму между мной и двумя ступнями растянувшагося на скамьѣ путника, который довольно добродушно промычалъ, обращаясь къ кондуктору: «Легче, Кузмичевъ, вторую ночь не дрыхалъ».—Дрыхни, кто же мѣшаетъ.—Я удивился кондуктору, который по нуждѣ умѣлъ измѣнять физическіе законы, и самъ началъ сомнѣваться въ истинности закона о непроницаемости физическихъ тѣлъ. По уходѣ кондуктора, привилегированные пассажиры заговорили между собой весьма откровенно:—Вы по какому билету изволите ѣхать?—Я подъ видомъ жены Ефима Калистратыча, а вы—тоже?—То есть какъ же это: я тоже, коли ежели я мужчина? Я ѣду подъ видомъ болгарскаго эмигранта.—Тогда я понялъ окончательно, что все это не настоящіе пассажиры, а только «подъ видомъ».

VI.

Въ это время, въ комнату вошелъ Григорій и доложилъ:

— Елена Владиміровна пріѣхали.

Ирина Павловна чуть замѣтно вздрогнула и пригнулась къ работѣ. Только очень наблюдательный человѣкъ могъ бы замѣтить, какъ она слегка поблѣднѣла и губы ея сложились въ непріятную двусмысленную улыбку. Матрена Савишна рѣзко передернула плечами, какъ бы желая выразить: чего чортъ носитъ сюда эту дѣвчонку?

Волошиновъ, человѣкъ очень наблюдательный, съ изумленіемъ замѣтилъ эти неблагопріятные признаки, предшествовавшіе появленію гостьи.

Digitized by Google

Ирина Павловна не успѣла еще отвѣтить Григорію, какъ Леля уже вошла въ комнату. Она быстро подошла къ хозяйкѣ дома и съ неестественной веселостью кинулась обнимать ее и цѣловать. Волошиновъ замѣтилъ и эту неестественную веселость, и неискреннее оживленіе.

— Я къ тебѣ, Рена, — быстро затараторила Леля: — мнѣ нужно съ тобой посовѣтоваться относительно новаго платья. Здравствуйте, бабушка,—небрежно кинула она въ сторону Матрены Савишны.

— Могла бы, чать, съ людьми поздороваться, прежде чѣмъ зря болтать о тряпкахъ...—сказала Матрена Савишна.

Дѣвушка не обратила никакого вниманія на эти слова и зашептала что-то на ухо Иринѣ.

— Постой, постой, сумашедшая, — отстраняясь отъ нея, сказала та,—развѣ ты не видишь гостя. Позволь тебѣ представить Петра Петровича Волошинова.

Волошиновъ учтиво поклонился, а Леля чуть замѣтно кивнула ему головой.

— Вы развѣ не помните Лелю? — спросила его Ирина Павловна. — Вы съ ней встрѣчались у насъ до нашего отъѣзда за границу...

— Какъ же, какъ же; впрочемъ, нѣтъ, правду говоря, что-то не помню, — поправился Петръ Петровичъ, которому барышня сразу не понравилась и ему захотѣлось ей сказать что нибудь не особенно пріятное.—У васъ много людей бывало, всѣхъ не припомнишь, къ тому же я давно уже не былъ здѣсь,—прибавилъ онъ.

Ирина Павловна звонко засмѣялась; видимо эта фраза доставила ей удовольствіе.

— Нешто всѣхъ запомнишь, — одобрительно вставила бабушка.

— Это не очень лестно для Лели,—заявила Ирина Павловна.

— И не очень вѣжливо для мужчины,—поспѣшила сказать Леля, смѣривъ недружелюбнымъ взглядомъ откровеннаго гостя.

— Очень желалъ бы знать, что̀ тутъ невѣжливаго?—спросилъ ее Волошиновъ.

— Мнѣ очень жаль, что вы этого сами не понимаете; я не люблю объяснять такія простыя вещи...

Digitized by Google

— Скажите, пожалуйста, барышня, а вы меня помните?— серьезно спросилъ онъ.

— Конечно, нѣтъ!

— Вотъ видите, даже «конечно», и однако я не обижаюсь.

Леля не обратила ни малѣйшаго вниманія на эти слова и заговорила съ Ириной.

— Ты знаешь,—сказала она, — у Прянцевыхъ скоро будетъ первый вечеръ; какой мнѣ придумать костюмъ? Какъ ты думаешь, не сдѣлать ли мнѣ платье princesse? Перёдъ я отдѣлаю цѣлымъ моремъ бѣлыхъ кружевъ, въ перемежку съ кружевами, положенными на розовую подкладку. На юбкѣ три волана кружевъ и между каждымъ rouleau изъ розоваго газа; на шеѣ розовая лента, завязанная сзади бантомъ, концы котораго спущу почти до низу; рукава буффами—renaissance изъ розоваго газа—перевязанные розовыми же лентами.

Она говорила еще долго, съ увлеченіемъ, описывая всѣ мельчайшія подробности туалета, вошла въ детальное описаніе ботинокъ, перчатокъ, цвѣтовъ и пр., и не замѣчала того, что Ирина почти не слушаетъ, занятая собственными мыслями, что бабушка гнѣвно на нее смотритъ, а Волошиновъ не можетъ скрыть улыбки.

— Боже,—сказалъ онъ,—да вѣдь это цѣлое розовое облако...

— Дѣвицѣ подобаетъ скромность, а ты хочешь вырядиться экимъ чучеломъ,—замѣтила старуха.

Но Леля не удостоила ни того, ни другую отвѣтомъ.

— Скажи, тебѣ нравится?—приставала она къ Иринѣ,—не правда ли такое платье—c'est un amour?..

— Да... конечно... недурно,—отвѣтила наконецъ Ирина,—но не находишь ли ты, что это будетъ очень дорого?—И невольно подумала: «откуда она беретъ деньги»?

Эта мысль привела ее къ другой, и она спросила:

— Что же ты не скажешь, какъ здоровье твоей тети?

— Э! все по прежнему,—недовольнымъ голосомъ отвѣтила Леля.

— А братъ все еще не нашелъ мѣста?—продолжала Ирина.

— Само-собой нѣтъ,—сухо и коротко сказала дѣвушка.

Она очень не любила говорить о своихъ родственникахъ и всегда спѣшила прервать разговоръ въ самомъ началѣ. Это

Digitized by Google

ей не всегда удавалось, по крайней мѣрѣ, въ домѣ Боярскихъ, потому что Матрена Савишна, напротивъ, всегда любила распространиться и пофилософствовать на эту тему.

— Гдѣ ему найти мѣсто, ейному брату? нынче такимъ шалопаямъ мѣстовъ не припасено; чать, съ трехъ его выгнали, что ли?—обратилась она къ Лелѣ,—да и тетка твоя, прости ей Господи, не съумѣла прибрать его къ рукамъ, даромъ что покойная мать ваша завсегда говорила: держи его въ струнѣ, не потрафляй, не мирволь ему; меня не будетъ, кто за нимъ доглядитъ? А она, тетка-то, только и дѣла у ней, что о своихъ болѣстяхъ съ докторами разсуждать, да шеколады распивать, да гостей принимать; чать щи сварить не на что, а не то что роскошествовать!..

Леля густо покраснѣла и смущенно взглянула на Волошинова.

«Такъ вотъ оно что»! подумалъ онъ, но сдѣлалъ видъ, что углубился въ книгу и не слыхалъ замѣчанія старухи.

Ирина Павловна была тоже смущена и не знала, какъ выйти изъ неловкаго положенія.

Наконецъ, она нашлась.

— Не будемъ ли мы обѣдать?—сказала она:—Лёву очевидно задержали...

— Ахъ, я и забыла вѣдь тебѣ сказать,—начала Леля,—онъ сегодня не будетъ обѣдать...

— Ты почему это знаешь?—ревниво спросила Ирина.

— Развѣ я тебѣ не говорила? я его встрѣтила сегодня на улицѣ... онъ очень спѣшилъ въ комисію... то есть не въ комисію, а въ собраніе или въ совѣтъ,—путаясь и краснѣя, говорила Леля:—я ужь, право, не знаю куда, у меня нѣтъ памяти на эти вещи... Однимъ словомъ, онъ просилъ передать, чтобы обѣдали безъ него, но сейчасъ же послѣ обѣда онъ пріѣдетъ, потому что... потому что... онъ обѣщалъ ѣхать со мной въ оперу.

Говоря это, Леля старалась не смотрѣть на присутствующихъ и, не смотря на обычную бойкость, видимо была очень смущена.

— Это очень жаль...—сказалъ Волошиновъ.

— Что жаль?—спросила у него Леля.

— Что онъ обѣщалъ ѣхать съ вами въ оперу.

Digitized by Google

— Почему же это *вамъ* жаль? вы хотѣли бы быть на его мѣстѣ?—кокетливо спросила она.

— О, нѣтъ, барышня,—засмѣялся онъ,—совсѣмъ не потому, а потому, что я его, значитъ, не увижу или буду видѣть всего нѣсколько минутъ; а вѣдь мы съ нимъ цѣлую вѣчность не видались...

— Ахъ, вотъ что,—нервно засмѣявшись и закусивъ губы, поспѣшила сказать Леля.

— Могъ бы и дома посидѣть вечерокъ,—недовольнымъ голосомъ замѣтила Матрена Савишна,—могъ бы и не шататься по операмъ и по театрамъ. Неужто ему пріятнѣе въ балаганы ходить, чѣмъ съ молодой женой да съ другомъ дѣтства посидѣть? Ужь не говорю—съ старухой-матерью: со мной-то ему скучно; я вѣдь все ворчу, да брюзжу, да и не потатчица я его вольностямъ! Совсѣмъ отъ рукъ отбился съ этими самыми предсѣданіями да комисіями... я ужь забыла, каковъ онъ изъ себя выглядитъ, хоша и въ одномъ домѣ живемъ...

— Вы очень строги къ нему, Матрена Савишна,—поспѣшила оправдать мужа Ирина:—онъ человѣкъ занятой, нужно и ему отдохнуть вечеркомъ.

— Не люблю я, когда зря болтаешь!—рѣзко остановила ее старуха,—нешто въ балаганахъ его отдыхъ? Коли хочешь отдыхать, сиди дома, а коли развлекаться, болтай съ молодой женой...

— Ахъ, Боже мой,—язвительно вставила Леля,—я не знала, что это надѣлаетъ такой переполохъ; онъ бы, можетъ, и остался дома, да это я его упросила...

— Ужь, конечно, ты!—пробормотала старуха.

— Впрочемъ, я думаю, это касается одной Рены; вѣдь ты не сердишься, Рена, не ревнуешь?

Ирина Павловна вдругъ вся вспыхнула; краска залила не только ея лицо, но даже уши и шею.

— Ты говоришь глупости!—рѣзко остановила она Лелю,—я ни къ кому не ревную Лёву; къ тебѣ менѣе, чѣмъ къ кому либо другому.

— Вотъ какъ!—пробормотала Леля, но такъ, что ее слышалъ одинъ Волошиновъ.

Было уже шесть часовъ, когда всѣ отправились обѣдать; обѣдъ прошелъ очень не весело. Ирина была задумчива и ѣла

Digitized by Google

только для проформы; Матрена Савишна брюзжала и бранила Григорія за всякій пустякъ; Волошиновъ чувствовалъ себя неловко и даже Леля видимо томилась. Она пробовала раза два заговорить съ Петромъ Петровичемъ въ томъ игриво-кокетливомъ тонѣ, который она себѣ давно усвоила и который, по ея мнѣнію, всегда неотразимо дѣйствовалъ на мужчинъ; но на ея сегодняшняго собесѣдника этотъ тонъ, очевидно, не производилъ никакого впечатлѣнія или производилъ впечатлѣніе совершенно обратное тому, на которое она разсчитывала. Онъ отдѣлался двумя-тремя фразами и разговоръ самъ собою замолкъ. Обѣдъ кончился въ глубокомъ молчаніи и всѣ направились въ гостинную.

VIII.

Въ семь часовъ пріѣхалъ Левъ Ивановичъ.

Онъ былъ очень веселъ и оживленъ.

— Петя, ты?—вскрикнулъ онъ, входя въ комнату и увидѣвъ своего друга.—Родной мой, какими судьбами? Вотъ обрадовалъ-то! Надолго? Совсѣмъ? Или опять укатишь на кислыя воды, какъ выражается матушка?

Левъ Ивановичъ подошелъ къ женѣ, поцѣловалъ ея руку и сѣлъ съ ней рядомъ.

— Ты знаешь,—сказалъ онъ:—я начинаю скучать по своему дому. Эти многочисленныя обязанности мнѣ, наконецъ, не подъ силу. Цѣлыми днями не вижу тебя... А матушка... Гдѣ она? ушла къ себѣ... отдыхаетъ? Что же ты ничего не отвѣчаешь?—обратился онъ къ Волошинову.

— Да ты не далъ мнѣ времени отвѣтить. Ты всѣхъ насъ засыпалъ вопросами. Не могу же я говорить въ унисонъ. Дуэты хороши только въ оперѣ, въ которую, кстати, ты, кажется, собираешься сегодня?

— Ахъ, чортъ возьми! я и забылъ.—Онъ повернулся къ женѣ:—Ты знаешь, Ирина, я обѣщалъ Лелѣ свезти ее сегодня въ оперу. Ты ничего не имѣешь противъ?

— Конечно, нѣтъ.

— Ей очень хочется быть въ театрѣ именно сегодня. Поетъ теноръ, къ которому мы, кажется, немного неравнодушны?—улыбаясь, спросилъ онъ Лелю.

Digitized by Google

Та засмѣялась.

— Ну, ты понимаешь, не можетъ же она ѣхать одна?

— Само собой. Ты отлично сдѣлалъ, что согласился ѣхать съ нею. Да и тебѣ не мѣшаетъ развлечься. Однако, если вамъ надо ѣхать—то пора...

— Охъ, дай вздохнуть. Черезъ десять минутъ—я къ вашимъ услугамъ, Леля,—проговорилъ онъ, откидываясь на спинку дивана.

Волошиновъ съ возрастающимъ удивленіемъ смотрѣлъ и наблюдалъ эту сцену. Въ тонѣ Льва Ивановича его поразила та же неискренняя веселость и то же неестественное оживленіе, которыя онъ почувствовалъ незадолго передъ тѣмъ въ Лелѣ. Его пріятель показался ему очень измѣнившимся за эти три года. Онъ былъ все тѣмъ же красивымъ, виднымъ и представительнымъ мужчиной; но виски его начали замѣтно сѣдѣть, въ глазахъ свѣтилось какое-то утомленіе, а въ голосѣ слышались нервныя нотки. Ни въ радости, какую онъ выразилъ при встрѣчѣ съ другомъ, ни въ нѣжныхъ словахъ, обращенныхъ къ женѣ, ни въ томъ умышленномъ и подчеркнутомъ безразличіи, какое онъ обнаруживалъ при обращеніи къ Лелѣ, не видно было искренности и той чисто-русской простоты и непринужденности, которыя всегда были ему присущи и составляли прелесть его характера.

Левъ Ивановичъ въ эти десять минутъ говорилъ очень много. Онъ разсказывалъ о городскихъ дѣлахъ, о новыхъ назначеніяхъ, о провалившемся проэктѣ новаго порта, о замѣнѣ газоваго освѣщенія—электрическимъ, объ интригахъ и подвохахъ въ думѣ, о воздвигаемыхъ зданіяхъ; о грандіозной постройкѣ новаго рынка, которая пріостановилась за недостаткомъ денегъ: смѣта была, по обыкновенію, составлена неправильно и теперь не знали, что дѣлать. Десять минутъ прошло быстро въ этой болтовнѣ и онъ, повернувшись къ Лелѣ, сказалъ ей:

— Однако, пора ѣхать. Наша барышня видимо заждалась—она горитъ нетерпѣніемъ. Я вижу это по ея мимикѣ.

«До тонкости онъ изучилъ эту дѣвицу»!—подумалъ Волошиновъ.

— Ну, прощай, голубка,—сказалъ Левъ Ивановичъ, цѣлуя жену.—Не скучай. Я тебя не приглашаю ѣхать съ нами,—прибавилъ онъ, пожимая руку Волошинова.—Ты останься съ

Ириной; поболтай съ ней: ей не такъ будетъ скучно безъ насъ. Подожди насъ; мы пріѣдемъ изъ театра поужинать; правду сказать, я немножко голоденъ, потому что не успѣлъ пообѣдать...

— Нѣтъ, ужь вы меня не ждите,—заявила Леля.—Вы меня завезите домой, Левъ Ивановичъ. Тетя будетъ сердиться, если я изъ театра заѣду къ вамъ ужинать...

— Ну, какъ хоч... хотите,—отвѣтилъ Боярскій.—Такъ я съ тобой не прощаюсь. Ты остаешься?

— Если Ирина Павловна меня не прогонитъ...

— Что вы, что вы? Я очень, очень буду рада,—сказала Ирина, такъ ласково и такъ дружески, что Волошиновъ расцвѣлъ.

Они уѣхали, а хозяйка дома и гость остались вдвоемъ въ комнатѣ.

IX.

Оба первое время молчали; каждый думалъ свою думу. Ирину Павловну душила ревность, но она тщательно старалась подавить всякое наружное проявленіе ея; Петръ Петровичъ разгадывалъ тайну, которая начинала вырисовываться передъ нимъ изъ всего видѣннаго и слышаннаго.

— Кто эта дѣвица?—вдругъ спросилъ онъ у Ирины Павловны, вздрогнувшей отъ неожиданности вопроса.

Она поглядѣла ему прямо въ глаза, какъ бы желая узнать, съ какой цѣлью онъ это спрашиваетъ.

— Это очень милая дѣвушка,—отвѣтила наконецъ она.—Судьба ея очень печальна. Ея мать—вдова офицера, который много лѣтъ тому назадъ застрѣлился; почему—не знаю. Говорили, что онъ промоталъ казенныя деньги или вообще на чемъ-то былъ пойманъ. На рукахъ у бѣдной женщины остались Леля и ея братъ Степанъ...

— Это котораго бабушка ругала?..

— Тотъ самый. Мать Лели поступила въ качествѣ dame de compagnie къ моей мамѣ. Леля почти выросла со мной и вмѣстѣ воспитывалась.

— А, теперь я начинаю припоминать...

— Ну, вотъ видите. Ея мать скоро умерла и дѣти оста-

Digitized by Google

лись на рукахъ у ея сестры, тетки Лели. Это — старая дѣва, искалѣченная натура, полная какого-то дурацкаго книжнаго романтизма и воображающая до сихъ поръ, что въ нее могутъ еще влюбляться мужчины. Она вѣчно больна или представляется больною; читаетъ сантиментальные романы и любитъ всякія сласти. Живутъ они бѣдно, очень бѣдно. И у матери Лели, и у тетки ея было небольшое состояніе; первая отдала все своему безпутному мужу, который немедленно его прокутилъ, прежде чѣмъ приняться за казенный сундукъ. Нѣсколько тыщенокъ она приберегла и передъ смертью отдала ихъ теткѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми. Состояніе второй ушло на разныя глупости и нелѣпыя затѣи. Разные прожектеры пользовались ея наивнымъ добродушіемъ и выманили у нея по частямъ немало тысячъ, обѣщая ей золотыя горы, и въ концѣ концовъ чуть не разорили совсѣмъ. Теперь дай Богъ, чтобы у нея остался какой нибудь десятокъ тысячъ. Она думала, видите ли, что Леля выдетъ замужъ за графа, непремѣнно почему-то за графа, и обязательно за богача, а Степанъ получитъ мѣсто при посольствѣ...

— Почему именно при посольствѣ?

— А богъ знаетъ, почему! Вѣроятно, потому же, почему Леля должна была выйти за графа. Но ни та, ни другой не оправдали ея надеждъ. У Лели были женихи, но она—разборчивая невѣста... теперь ей уже, какъ и мнѣ, двадцать семь лѣтъ. Степанъ нигдѣ не доучился и его отовсюду выгоняли. Такимъ образомъ, мечты тетки не осуществились и она тщетно ожидала помощи отъ своихъ племянниковъ. Я знаю, они теперь очень бѣдствуютъ.

— Такъ откуда же берутся у этой Лели деньги на розовыя облака, которыя она вамъ тутъ расписывала?

Ирина Павловна на это ничего не отвѣтила и задумалась. Въ самомъ дѣлѣ: откуда она беретъ деньги?

— Я не знаю...—робко вымолвила она, стараясь не глядѣть на Волошинова.—Но оставимъ это... Вы скажите лучше, отчего вы такъ недружелюбно отнеслись къ ней съ перваго же раза?

— Я?—удивился онъ.

— Да, вы. Не притворяйтесь. Я очень наблюдательна и сразу угадала это по вашему тону...

Digitized by Google

— Ну, если хотите, вы правы. Я къ ней отнесся такъ, потому что самъ тоже наблюдательный человѣкъ. У меня, знаете, даръ угадывать людей по ихъ глазамъ. Человѣкъ, у котораго на душѣ ничего нѣтъ сквернаго и предосудительнаго, смотритъ на васъ спокойно, ясно, просто. За которымъ есть грѣшки— тотъ избѣгаетъ вашего взгляда. У него глаза бѣгаютъ и стараются увильнуть... какъ будто боятся, чтобы въ нихъ не прочли чего нибудь... эдакого... тайнаго. У нея нехорошій взглядъ... У нея на душѣ—нечисто.

Ирина Павловна засмѣялась.

— Это вы преувеличиваете, Петръ Петровичъ. Ну, что можетъ быть нечистаго на душѣ у дѣвушки? Даже если есть какіе помыслы, такъ вѣдь развѣ ужь это такое преступленіе?.. Кто же изъ дѣвушекъ не мечтаетъ о соблазнительной партіи, о любви, и такъ далѣе?.. Нужно быть очень строгимъ, чтобы за это осуждать дѣвушку...

— У нея на душѣ больше, чѣмъ помыслы, — задумчиво и серьезно произнесъ онъ. Помолчавъ, онъ прибавилъ:—И повѣрьте, не только за графа, а ни за кого она не выдетъ замужъ. Не изъ такихъ! Карьера скромной жены и хорошей матери не по ней... это слишкомъ тихо и никому не бьетъ въ носъ. Кокотки изъ такихъ барышень отличныя выходятъ,—неожиданно закончилъ онъ.

Ирина Павловна вздрогнула.

— Что это такое вы говорите, право?—возмутилась она.— За что вы ее обижаете? Я ее очень люблю, хотя сознаю ея недостатки... И, право, мнѣ больно, когда говорятъ о ней такъ.

— Говорятъ? Значитъ, не я первый? Вотъ видите, не нужно обладать и особой проницательностью, чтобы видѣть это.

— Но нужно обладать большой смѣлостью, чтобы судить такъ по первому впечатлѣнію,— строго сказала она.—Какія у васъ данныя? Откуда, изъ чего вы выводите такія заключенія?—горячо спросила она.

— Ахъ, это очень просто. Извольте, я вамъ скажу. Она кокетка... этого вы не будете оспаривать?

— Н... нѣтъ... пожалуй,—нерѣшительно согласилась Ирина Павловна.

— Вотъ видите... и не «пожалуй», а кокетка съ ногъ до головы, злостная, жестокая кокетка...

Digitized by Google

— О!

— Да ужъ съ тѣмъ возьмите! Есть женщины съ кокетствомъ врожденнымъ, естественнымъ... какъ у кошекъ. Кошка рождается уже съ плавными, мягкими, граціозными движеніями, бархатными лапками и острыми когтями. Ну, противъ этого ничего вѣдь не подѣлаешь! Есть и женщины съ такими прирожденными граціозными движеніями, съ бархатными лапками, острыми когтями, розовыми мордочками и зелеными глазами, въ которыхъ мелькаютъ таинственные огоньки... Дѣло умнаго мужчины—беречься ихъ. Но у вашей Лели не это кокетство. У нея оно дѣланное, благопріобрѣтенное, вымученное, обдуманное... но не особенно тонкое. Она знаетъ, что такой-то взглядъ при такихъ-то обстоятельствахъ даетъ такой-то результатъ и... такой-то дивидендъ въ томъ дѣлѣ, ради котораго она его пускаетъ въ ходъ. И улыбка ея, и движенія, и смѣхъ, и фраза—все это расцѣнено, распредѣлено и взвѣшено... Препротивная она ломака, вотъ что! И глупѣе всего то, что мужчины, даже умные, почти всегда попадаются въ сѣти этихъ не особенно умныхъ кривлякъ. Это глупо, но это такъ... ничего не подѣлаешь...

— Такъ вѣдь это только кокетство... — начала защищать Лелю Ирина Павловна.—Пусть это нехорошо, нечисто... пусть это даже дѣйствительно скверно, какъ вы говорите... но вѣдь это и все? Одинъ порокъ не можетъ же вовсе обезцѣнить человѣка?

— Одинъ порокъ... Благодарю покорно,—вскрикнулъ онъ.—Да у нея ихъ двадцать одинъ!..

— Вы увлекаетесь...

— Ничуть. Вы согласились со мной, что она кокетка? Да?.. Отлично. Вы, конечно, согласитесь и съ тѣмъ, что она чувствуетъ влеченіе къ роскоши? Ага!.. вотъ видите. Страсть къ роскоши—это не очень почтенная страсть. Еще: она ненавидитъ своихъ родственниковъ; ненавидитъ и стыдится ихъ. Развѣ я не замѣтилъ ея гримасы и краски стыда, когда заговорила бабушка? Хорошая дѣвушка, чистая сердцемъ, непремѣнно стала бы защищать ихъ, а эта—прикусила губы и замолчала... И еще: она неспособна къ труду...

— Къ труду?

— Ну, да. Если имъ такъ плохо живется, могла бы она

Digitized by Google

зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба... ну, уроками что ли, ну въ гувернантки бы пошла... ну, я не знаю, но какъ нибудь могла бы она облегчить положеніе тетки... и свое собственное? Но у нея нѣтъ сердца... она лишена чувства благодарности, она лжива, коварна.

— Боже мой! Да она—скопище всѣхъ пороковъ!—съ комическимъ ужасомъ произнесла Ирина Павловна.—Голубчикъ Петръ Петровичъ, да вы поэтъ! Можно ли такъ увлекаться? Можно ли такъ сразу, вдругъ возненавидѣть совершенно незнакомаго человѣка? Я думала, что это только въ романахъ пишутъ о внезапной страсти. Но если есть такая внезапная ненависть, какъ ваша, то значитъ есть и любовь такая же? И романисты правы, описывая ее? Но, Петръ Петровичъ, отъ ненависти до любви—одинъ лишь шагъ...

— И даже меньше.

— Смотрите, какъ бы это не случилось съ вами по отношенію къ Лелѣ?

— Со мной?! — съ неподдѣльнымъ испугомъ проговорилъ онъ:—съ нами крестная сила! Мнѣ влюбиться въ эту куклу... въ эту бездушную куклу? Да Христосъ съ вами, Ирина Павловна. За кого вы меня считаете? Вѣдь для этого надо быть тупымъ человѣкомъ, лишеннымъ всякаго вкуса...

Горькое, обидное чувство прошло по душѣ Ирины Павловны. При этихъ словахъ, ей вспомнился мужъ. Неужели, неужели онъ тупъ и лишенъ вкуса?—подумала невольно она въ то время, когда слова Волошинова еще звучали въ ея ушахъ. Гость не замѣтилъ этого движенія Ирины Павловны. Онъ очень былъ увлеченъ темой разговора и горячо продолжалъ.

— Нѣтъ, ужь увольте... не только въ вашу Лелю я не влюблюсь, а и вообще, должно быть, никого не полюблю. Ахъ, эти современныя женщины! Извѣрился я въ нихъ, вотъ какъ извѣрился... Я не могу понять, во что превратилась современная женщина подъ вліяніемъ культуры? Почему культура, примѣненная къ западной женщинѣ, дала хорошіе результаты, а въ примѣненіи къ русской породила такія нелѣпости и гнусности? Русская женщина прямо изъ затворническихъ теремовъ была призвана къ эмансипаціи, употребляя старинное слово, когда-то нами излюбленное. Не будемъ говорить о той

Digitized by Google

эволюціи освобожденія женщины, которую она перешла; но посмотрите, къ чему привела эта эволюція? Къ принципамъ свободной любви, гражданскаго брака, къ синимъ очкамъ, стриженымъ волосамъ и напыщенно-фальшивымъ рѣчамъ о свободѣ, равенствѣ и братствѣ... И либерализмъ, и свободная любовь, и гражданскій бракъ были поняты многими шиворотъ на выворотъ и смѣло могли бы быть переведены словами: либертинажъ, разнузданность половыхъ инстинктовъ и распущенность воображенія. Свобода, равенство и братство — только ярко-эффектныя слова безъ малѣйшихъ признаковъ содержанія. Но эти эмансипированныя женщины, не смотря на всю фальшь и на всѣ крайности ложно понятой эмансипаціи, все таки были явленіемъ болѣе желательнымъ, чѣмъ то, во что онѣ выродились впослѣдствіи. Стриженые волосы и синія очки были внѣшними крайностями, подъ которыми можно было угадать тѣнь идеи, уродливо усвоенной, глупо воспринятой, но все таки идеи. Прошло 15—20 лѣтъ и во что̀ обратилась наша «культурная дамочка»? Въ пухъ и прахъ разряженную куклу! Куда дѣвались стриженые волосы и синія очки? Куда улетѣли звонкія, трескучія фразы о свободѣ и братствѣ?.. Все это было замѣнено кафе-шантаномъ... Не слышно больше ни витіеватыхъ рѣчей, ни громкихъ фразъ о «соціальномъ переустройствѣ», о «гнетѣ и насиліи», ни туманныхъ разсужденій о политической экономіи. Одно *тру-ля-ля* раздается всюду и покрываетъ своимъ цинично-наглымъ эхомъ тѣ робкія бесѣды о матеріяхъ важныхъ, которыя сдѣлались теперь достояніемъ небольшой горсти обиженныхъ внѣшней красотой женщинъ, тѣхъ немногихъ, которыя идутъ въ сильно укороченныя и сокращенныя учебныя заведенія. Остальныя, подчиняясь общему «разброду», общему вѣянью, погнались за матеріальными благами, за мужчинами съ «именемъ» и со «средствами» и сдѣлались карьеристками, т. е., также какъ современные мужчины, всякимъ идеямъ, всякимъ высокимъ мечтамъ предпочли тепленькія мѣстечки, обезпеченное существованіе и всякіе компромиссы, ведущіе за собою комфортъ и деньги. Другія превратились въ «жрицъ искусства». Всѣ одаренныя мало-мальски смазливымъ личикомъ и хорошо развитымъ торсомъ кинулись на сцены, на эстрады, въ сады, во всевозможные балаганы и театры. Что̀ онѣ искусству и что̀ искусство для нихъ? Для искусства онѣ—

Digitized by Google

та моль, которая его подъѣдаетъ и обезцѣниваетъ; благодаря этому нахальству красивыхъ бездарностей, на искусство стали смотрѣть, какъ на нѣчто несерьезное, легкое, безсодержательное, общедоступное. Искусство для этихъ жрицъ—ни больше, ни меньше, какъ выставка красоты и наготы. При обыкновенныхъ условіяхъ, наготу можно показать одному, двумъ, тремъ лицамъ; со сцены — тысячамъ. Изъ этой тысячи всегда найдутся компетентные перворядники, театральные завсегдатаи, знатоки выставленныхъ имъ на показъ женщинъ. На кавалерійско-театральномъ жаргонѣ они быстро расцѣнятъ по статьямъ выставленную наготу, произведутъ правильную оцѣнку жрицы и вотъ—она уже котирована на биржѣ искусства. Карьера ея сдѣлана: долой скромное шерстяное платье, стоптанные башмаки и заношенныя перчатки. Теперь можно заказать платье изъ gaze d'orient или изъ satin merveilleux, купить шляпку отъ Изабеллы Паперна и перчатки отъ Кабассю. А потомъ придутъ бриллианты, парижскіе духи, резиновыя шины, ужины въ роскошномъ ресторанѣ, и начнется не житье, а масляница. Ну, а потомъ? Потомъ начинается высшая школа, полный курсъ, сдача экзамена на полупочтенный титулъ модной кокотки. А потомъ? Потомъ постепенное, но неудержимое шествіе внизъ, по наклонной плоскости къ темному прозябанію, осложненному разстроеннымъ здоровьемъ, лишеніями, голодомъ, холодомъ и поздними угрызеніями совѣсти, если она ище не вовсе вырвана съ корнемъ изъ души сценической авантюристки. И, по мѣрѣ того какъ идетъ это оголеніе въ кафе-кабакахъ, по мѣрѣ того какъ женщина начинаетъ все больше и больше обнажаться и котировать свои тѣлесныя прелести, — идетъ параллельно обнаженіе и опустошеніе души. Мало по малу карьеристка освобождается отъ всѣхъ «предразсудковъ» и «предубѣжденій»; все то, чему учили ее въ дѣтствѣ, все то хорошее, что въ ней еще есть, все это, одно за другимъ, сползаетъ съ души, въ то время какъ сползаетъ одежда, прикрывающая тѣло. Ловко придуманныя фразы прикрываютъ оголеніе души; совсѣмъ легкія мысли, вполнѣ достаточныя для душевнаго обихода, появляются на сцену... и кафе-кабацкая психопатка готова.

Петръ Петровичъ перевелъ духъ. Ирина Павловна слушала его молча и серьезно.

Digitized by Google

— А затѣмъ пошли всѣ эти половыя психопатки съ фантасмагорическимъ воображеніемъ, съ утонченной чувственностью, съ больными расшатанными нервами, съ дикими выкриками бульварно-романическихъ фразъ: «бери меня всю», «хоть часъ да мой». На устахъ эти фразы, а въ рукахъ револьверъ, ядъ, кинжалъ. И эти дикія фразы перемѣшиваются со звуками не менѣе дикой пальбы и предсмертными стонами укокошеннаго любовника или самоупразднившей себя психопатки...

— Какіе ужасы вы говорите,—прошептала Ирина Павловна.—И вы говорите объ этомъ, какъ объ общемъ правилѣ?

— Само собой. Исключенія въ счетъ нейдутъ и они только подтверждаютъ общее правило.

— Но кто же виноватъ во всемъ этомъ? Кто такъ принизилъ, искалѣчилъ женщину?—горячо спросила Ирина Павловна.

— Кто? Вотъ это вопросъ! Мужчины отвѣчаютъ, что женщины сами себя довели до этого положенія, и мало того, что сами гибнутъ, но и губятъ мужчинъ, увлекая ихъ въ своемъ паденіи. А женщины говорятъ, что ихъ мужчины довели до того, что онѣ есть.

— Но гдѣ же истина?

— Не знаю. Вѣроятно, какъ всегда, на серединѣ.

Въ сосѣдней комнатѣ раздался бой часовъ. Било двѣнадцать. Петръ Петровичъ быстро вскочилъ и сталъ прощаться. Онъ изумился, что было уже такъ поздно и что онъ не замѣтилъ, какъ прошло время. Онъ проситъ у хозяйки извиненія, но она сама виновата: заставила его разболтаться и утратить всякое чувство мѣры и благоприличія.

Ирина Павловна удерживала его и, когда онъ рѣшительно отказался остаться, взяла съ него слово, что онъ придетъ на другой день.

— Конечно, приду. Вѣдь я еще двухъ словъ не сказалъ со Львомъ.

Онъ уѣхалъ, а Ирина Павловна осталась одна съ своими невеселыми думами. Она была очень утомлена, хотя и не могла сказать, отчего именно. Не дождавшись мужа, она легла спать, и тяжелый свинцовый сонъ отрѣшилъ ее отъ невеселой дѣйствительности.

В. Свѣтловъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

ПРАВДА И ЛОЖЬ О ЕВРЕЙСКОМЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ.

I.

До послѣдней четверти прошлаго вѣка, русское правительство строго держалось политики полной нетерпимости къ евреямъ, что особенно рельефно выразилось въ извѣстныхъ резолюціяхъ императрицъ Елизаветы и Екатерины II. Лишь со времени возсоединенія бѣлорусскаго края и другихъ польско-литовскихъ областей, появляются у насъ особые законы о евреяхъ, какъ о племени признаниомъ и терпимомъ въ извѣстныхъ юго-западныхъ частяхъ государства. Затѣмъ русская государственная власть долго держалась смѣшанной политики относительно еврейскаго вопроса: то стараясь создать равное состояніе евреевъ съ остальнымъ населеніемъ, то стремясь «обуздать корыстные помыслы евреевъ», то желая, наконецъ, перевоспитать евреевъ и пріучить ихъ къ производительному земледѣльческому труду. Такъ, главной руководящей идеей положенія 1804 года было: 1) развить между евреями «полезный трудъ», путемъ устраненія невыгодныхъ для другихъ сословій послѣдствій отъ промышленной дѣятельности евреевъ, и 2) установить надъ ними административный контроль, въ видахъ улучшенія ихъ быта. Нужно замѣтить, что до 20-тыхъ годовъ настоящаго столѣтія правительство старалось дѣйствовать на евреевъ путемъ поощренія и покровительственныхъ мѣръ, и только позже, когда эти мѣры оказались недостаточными, оно стало прибѣгать къ болѣе усиленнымъ ограниченіямъ и ступило на путь строгой внутренней опеки надъ еврейскими общинами. На такомъ принципѣ строгаго подчиненія всего еврейскаго быта постоянному правительственному контролю и былъ построенъ еврейскій уставъ 1835-го года. Этотъ уставъ старался регламентировать бытъ евреевъ нерѣдко до малѣйшихъ подробностей, желая перевоспитать евреевъ развитіемъ между ними общаго образованія и распространеніемъ «полезнаго труда», а съ другой стороны, онъ имѣлъ въ виду оградить христіанское населеніе отъ вреда, наносимаго ему «незаконными» промыслами

Digitized by Google

евреевъ. Положеніе 1835 года было измѣнено новыми постановленіями о евреяхъ, причемъ многія изъ прежнихъ ограниченій правъ евреевъ исчезли, районъ еврейской осѣдлости расширился и, по крайней мѣрѣ, достаточные интеллигентные классы евреевъ получили право гражданства на всей территоріи государства. Наконецъ, законодательство Александра III-го, оставивъ путь регламентаціи и правительственной опеки надъ евреями, отвергнувъ мѣры опекунства въ видахъ перевоспитанія и пріученія цѣлаго племени къ полезному труду, озаботилось охраненіемъ кореннаго населенія отъ грубой еврейской эксплуатаціи. Имѣя въ виду старую обособленность евреевъ отъ остальнаго населенія и организованную солидарность еврейской общины, политика Александра III, поставивъ своей цѣлью охрану интересовъ цѣлаго государства, старалась уничтожить еврейское самоуправленіе и справедливо видѣла въ этомъ послѣднемъ главный источникъ еврейскаго зла. Отнынѣ не поддержаніе изолированности евреевъ отъ остальнаго населенія, не укрѣпленіе ихъ солидарности, взаимной отвѣтственности и отчужденности ставятся на первый планъ «еврейскаго вопроса», а полное устраненіе и уничтоженіе замкнутости еврейскихъ обществъ, какъ status in statu. Нельзя не привѣтствовать такой перемѣны въ общемъ характерѣ русской политики относительно евреевъ. Было время, когда замкнутый, общинно-кагальный строй еврейской жизни заботливо охранялся русскимъ правительствомъ отъ всякой возможности внутренняго разложенія и только въ царствованіе Александра III признано было, что въ этой-то самой обособленности и организованной солидарности евреевъ и лежитъ корень страшнаго зла для всего русскаго населенія. Разъ еврейскій вопросъ получилъ такую постановку, то, очевидно, исцѣленіе нашей общественной жизни отъ этого опаснаго недуга свелось къ борьбѣ съ «общиннымъ самоуправленіемъ» евреевъ, къ уничтоженію ихъ солидарности между собой и враждебности—ко всему нееврейскому міру. Вся мощь и сила еврейства, укрѣпляемая и поддерживаемая русскими законами, должна быть ими же уничтожена, такъ какъ могучая сила еврейства—ихъ кагальная организація—есть ничто иное, какъ солидарная враждебность евреевъ къ коренному населенію.

«Еврейскій вопросъ»—вопросъ вѣковой и общечеловѣческій, и уже много разъ,—не у насъ однихъ, но повсемѣстно, гдѣ только скучивалось еврейское племя,—онъ обострялся въ очень жгучей и рѣзкой формѣ. Въ настоящее время онъ выдвинутъ въ Россіи на первый планъ самой жизнью, самими потребностями общества, которое ждетъ отъ правительства помощи въ неравной борьбѣ своей съ еврействомъ. По національной обособленности и исключитель-

Digitized by Google

ности своего кагально-общиннаго союза, евреи не только составляютъ свое кагальное «государство въ государствѣ» среди остальнаго господствующаго населенія, но, будучи вѣрноподданными членами кагальной державы, оказываются очень опасными гражданами для русскаго государства и представляютъ собою «вредное сообщество», говоря юридическимъ языкомъ. Нашъ журналъ, въ теченіе всего времени своего существованія, занимается еврейскимъ вопросомъ, и всегда глубоко сожалѣлъ о томъ, что, до самаго послѣдняго времени, ни наше законодательство, ни административная практика не усвоили себѣ надлежащей точки зрѣнія на еврейство. Мы всегда старались провести въ нашемъ журналѣ ту мысль, что *борьба съ еврействомъ основывается не на религіозной нетерпимости или національной враждѣ, а на охранѣ народныхъ интересовъ отъ еврейской эксплуатаціи и всѣхъ сторонъ русской общественной жизни—отъ деморализующаго вліянія еврейства*, не какъ религіозной секты (религіи всего меньше въ шулханъ-арухѣ!) а какъ сплоченной вредной общины. Русскому народу, освобожденному великимъ законодательнымъ актомъ 1861-го года, еврейство угрожаетъ опасностью снова познакомиться съ крѣпостнымъ состояніемъ, и,—на этотъ разъ,—еще болѣе тяжкимъ! Между тѣмъ, не только отдѣльные органы печати, но *почти вся русская пресса*, взявъ еврея подъ свою защиту, старается выставить его «угнетеннымъ» и обиженнымъ. Большинство органовъ русской печати требуетъ *равноправія* для евреевъ, забывая, что еврейству уравненіе въ правахъ нужно и желательно лишь для одной цѣли—для полнаго и безграничнаго хищничества. Мы также готовы допустить надѣленіе евреевъ общероссійскими правами, но только тогда, когда будетъ *сломлена сила кагала*, когда *еврейство перестанетъ существовать, какъ вредное сообщество*, т. е., когда евреи оставятъ своеобразную національную культуру, враждебную и идущую въ разрѣзъ съ бытомъ всѣхъ остальныхъ народностей. Мы боимся, чтобы «равноправный» еврей, вѣрный вошедшимъ въ его плоть и кровь обычаямъ и воззрѣніямъ, унаслѣдованнымъ отъ замкнутаго кагальнаго быта старой еврейской общины, не явился серьезнымъ препятствіемъ къ мирному развитію русской народной жизни. Для интересовъ русскаго народа страшны не тѣ узко-эгоистическія начала, которыми проникнута дѣятельность отдѣльныхъ евреевъ, занятыхъ корчемствомъ, ростовщичествомъ, спекуляціей, барышничествомъ, а та *сплоченность, обособленность евреевъ отъ остальнаго населенія*, та ихъ *организованная солидарность*, которую мы находимъ въ еврейской общинѣ. Экономическое порабощеніе страны и ея населенія, несправедливость хозяйственныхъ отношеній создаются не бла-

Digitized by Google

годаря эксплуататорской дѣятельности *отдѣльныхъ* евреевъ, а вслѣдствіе той поддержки, которую находитъ еврей въ общинѣ, и вслѣдствіе того обстоятельства, что еврейство, находясь въ вѣчной войнѣ со всѣми окружающими его народностями, сплочено между собой въ тѣсный союзъ, именно солидарностью враждебныхъ отношеній ко всему нееврейскому міру. «Говорить и настаивать на политикѣ невмѣшательства, или, что̀ одно и то же, требовать установленія полнаго и безусловнаго «равноправія» для всей еврейской массы, съ отмѣной всяческихъ ограниченій, существующихъ нынѣ по еврейскому вопросу, значитъ, по нашему разумѣнію, завѣдомо закрывать глаза предъ фактами дѣйствительной жизни. Послѣдняя яркими данными неопровержимо доказываетъ, что если въ статьяхъ закона еврей является «неравноправнымъ» гражданиномъ своей страны, то на дѣлѣ, въ самой жизни, замѣчается нѣчто иное: «неравноправный» по закону еврей, всегда и вездѣ опирающійся на организованную силу и мощь своей общины, является «властнымъ господиномъ», нерѣдко заправляя всей судьбой приниженной и недисциплинированной массы крестьянскаго населенія». («Что намъ дѣлать съ еврейскимъ вопросомъ?» проф. Леонтовича, «*Наблюдатель*» 1882 г. № 6). Вслѣдствіе этого, нормальной политикой по еврейскому вопросу, по нашему мнѣнію, являются: лишеніе евреевъ, путемъ культурнаго воздѣйствія и законодательной дѣятельности, всѣхъ средствъ для національной обособленности; освобожденіе евреевъ отъ подчиненія кагальной власти, требованія которой, касаясь семейныхъ, имущественныхъ и общественныхъ правъ и обязанностей евреевъ, находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ законами всякаго культурнаго государства. Пока же въ полной силѣ остается организованная солидарность еврейской общины, мы, во имя любви къ народной массѣ, настаиваемъ на необходимости ограниченія правъ евреевъ и на противодѣйствіи ихъ вторженію въ «зарубежную» для нихъ Россію. Мы не боимся строгаго сужденія со стороны еврейскихъ и еврействующихъ публицистовъ, лукаво напоминающихъ завѣты Христа для разрѣшенія еврейскаго вопроса. «Люби ближняго, какъ самого себя», говорятъ они;—въ этомъ—все, что̀ необходимо для личнаго, общественнаго и государственнаго благополучія и благосостоянія. Къ величайшему прискорбію, рядъ русскихъ періодическихъ изданій, въ теченіе десяти лѣтъ уже, *учитъ ненависти и презрѣнію* къ цѣлымъ слоямъ и классамъ государственнаго населенія, *забвенію*, что они люди, и *отрицанію* у нихъ человѣческихъ правъ и потребностей». («Роковое недоразумѣніе» М. Песковскаго). «Присяжный работникъ пера и притомъ коренной русскій»,—какъ называетъ себя г. Песковскій,—сводитъ защиту гос-

Digitized by Google

подствующаго населенія Россіи отъ экономическаго гнета и деморализующаго вліянія евреевъ—къ простой проповѣди племенной вражды и розни! «Какъ лучшій (?!) изъ общественныхъ представителей, чутко и зорко слѣдящій за ходомъ печати», онъ «призываетъ ее къ порядку», заслышавъ почти единичные, а потому и слабые протесты противъ сильно расходившагося Израиля. Очень жаль только, что г. Песковскій въ своей работѣ не указываетъ, какія мѣры слѣдуетъ принять для того, чтобы *примѣненіе къ жизни завѣтовъ Христа сдѣлалось обязательнымъ и для евреевъ*, между тѣмъ какъ въ этомъ-то и заключается вся задача. Намъ ясно, что «гонимое племя» требуетъ для себя равенства и братства отъ христіанскихъ обществъ вовсе не для того, чтобы отвѣчать имъ взаимностью, но съ нескрываемою цѣлью—скорѣе и надежнѣе обратить ихъ въ своихъ рабовъ.

Бытъ еврейскаго общества, его характеръ, образъ мыслей и дѣятельность, выработанные вѣками, крайне интересны во всѣхъ отношеніяхъ, и наблюденія надъ жизнью евреевъ, безъ сомнѣнія, дали бы весьма полезные практическіе результаты. Но, при замкнутости еврейскаго общества и отчужденности его отъ всего цивилизованнаго міра, знакомство съ еврейской жизнью представляется очень затруднительнымъ. Однако и тѣхъ свѣдѣній, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, вполнѣ достаточно, чтобы признать еврейство—вреднымъ сообществомъ, только прикрывающимъ религіозною хламидою свои чисто мірскіе, притомъ же хищническіе интересы и вожделѣнія. Занимаясь ловкимъ обездоленіемъ милліоновъ трудящагося русскаго люда и отнимая всѣ результаты его тяжелаго труда, евреи вмѣстѣ съ тѣмъ не хотятъ нести никакихъ государственныхъ повинностей и стараются всевозможными незаконными способами избѣгать ихъ. Такъ, способы уклоненія евреевъ отъ важнѣйшей государственной повинности—воинской—создали уже цѣлую литературу. Мы приведемъ нѣсколько интересныхъ данныхъ, заимствованныхъ изъ труда доктора К. В. Орлова: «Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ». «У евреевъ,—говоритъ К. В. Орловъ,—какъ національности наиболѣе хитрой и во всѣхъ государствахъ составившей себѣ извѣстность своими *тонкими обманами и нежеланіемъ нести военную службу*, способы уклоненія отъ нея, мнѣ кажется, доведены до высшей степени совершенства. Всѣ другія національности, по крайней мѣрѣ, въ Россіи, въ этомъ отношеніи являются только плохими ихъ подражателями. Едва ли въ цѣломъ мірѣ найдется такой народъ, который умѣлъ бы такъ ловко *обходить законъ*, какъ евреи. Это уже всѣмъ извѣстная аксіома

Digitized by Google

Многіе законы обходятся евреями съ такимъ геніальнымъ искусствомъ, что его можно считать не иначе, какъ *результатомъ общественнаго всесторонняго обсужденія даннаго закона, а никакъ не выдумкою или хитростью одного какого либо лица.* Благодаря такому искусству, *многія правительственныя распоряженія вмѣсто стѣсненія евреевъ служатъ только поощреніемъ ихъ мошенничества*, принося самому правительству вредъ и убытки, а чиновникамъ, состоящимъ на службѣ этого правительства,—безпокойство и непріятности. Кто же у евреевъ обсуждаетъ законы и кто изыскиваетъ средства обходить ихъ? А занимаются этимъ, я думаю, тѣ, кто завѣдуетъ у евреевъ и вообще всѣми общественными дѣлами, а именно: *ихъ кагалы и раввины.* Хотя кагалы признаются юридически только сборщиками нѣкоторыхъ податей, а не правящими учрежденіями, но ихъ правительственная власть и ихъ авторитетъ среди еврейства настолько силенъ, что *передъ ними трепещутъ даже и сами евреи.* Эти учрежденія *сплачиваютъ еврейское общество и изолируютъ его интересы*, благодаря чему въ его средѣ считается преступнымъ и преслѣдуется только то, что̀ такъ или иначе *нарушаетъ общинные интересы*, а все, что̀ служитъ на пользу еврейскаго общества, хотя бы *и во вредъ всему остальному государству*, напротивъ, считается похвальнымъ и поощряется [1]). Вслѣдствіе этого, евреи, не стѣсняясь другъ друга, *цѣлымъ обществомъ могутъ обсуждать мѣры, противодѣйствующія правительству».*

Переходя затѣмъ къ различнымъ способамъ уклоненія евреевъ отъ военной службы, мы должны признать чрезвычайнымъ вредъ, наносимый государству этой недобросовѣстностью евреевъ. Кромѣ раздаванія взятокъ и членовредительства, болѣе или менѣе популярныхъ и среди другихъ національностей, евреи выработали особые способы уклоненія отъ военной службы. Еврей, какъ извѣстно каждому, разстается съ своими деньгами только при самой послѣдней крайности, а чтобы освободиться отъ военной службы, ему, при настоящихъ порядкахъ рекрутскихъ наборовъ, весьма и весьма

[1]) По своему общему смыслу и по всѣмъ детальнымъ постановленіямъ, шулханъ-арухъ укрѣпляетъ евреевъ въ мысли, что всѣ остальные люди *имъ не братья, но хуже собакъ* (Хошенъ-га-Мишпатъ, парагр. 227, стр. 1). Противъ этихъ «собакъ» разрѣшается правовѣрному еврею дѣйствовать обманомъ, эксплуатаціею, лжесвидѣтельствомъ на судѣ, клятвопреступленіемъ и пр. *Еврейской кормилицѣ запрещается кормить молокомъ дитя акума* (не-еврея), такъ какъ этимъ она поможетъ выростить вредное животное (Іоре-Деа, парагр. 81, стр. 7). Въ классификаціи животныхъ, по еврейскому кодексу, акумъ (не-еврей или, точнѣе, христіанинъ) поставленъ ниже осла и собаки. (О талмудѣ и шулханъ-арухѣ, съ подлинными изъ нихъ цитатами, см. статьи г. А. Быкова въ «Наблюдателѣ» 1891 г., №№ 4, 5 и 6).

Digitized by Google

рѣдко приходится быть въ этой крайности. «Я не имѣю,—говоритъ г. Орловъ,—подъ рукою статистики, но и безъ нея могу сказать, что только самая незначительная часть евреевъ, по крайней мѣрѣ взятыхъ изъ западнаго края (не болѣе 1/8) несетъ военную службу въ теченіе всего опредѣленнаго закономъ срока. Это зависитъ, въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ, не отъ взяточничества военныхъ, военно-медицинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ, а отъ изворотливости и мошенничества самихъ сыновъ Израиля». Однимъ изъ самыхъ распространенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ зловредныхъ въ соціальномъ отношеніи *«еврейскихъ»* способовъ уклоненія отъ военной службы является *бѣгство евреевъ отъ рекрутской повинности*. Многочисленные случаи еврейскаго бѣгства уже давно обратили на себя вниманіе нашего правительства, и оно въ 1886 году издало законъ о наложеніи штрафа въ 300 рублей на семейства бѣглецовъ и о платѣ 50 рублей за поимку бѣгущаго. Въ теоріи примѣненіе этого закона, повидимому, обѣщало хорошіе результаты, но на практикѣ оказалось противное. Евреи бѣгутъ отъ исполненія воинской повинности теперь даже больше, чѣмъ прежде, а штрафы, налагаемые за это бѣгство, какъ видно изъ правительственныхъ отчетовъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, остаются невзысканными. Кромѣ дѣйствительной бѣдности нѣкоторыхъ еврейскихъ семействъ, разумѣется, есть и другія причины этого явленія. Напримѣръ, каждому, хоть сколько нибудь знакомому съ еврейскимъ бытомъ, извѣстно, что евреи довольствуются самой скудной домашней обстановкой, вслѣдствіе чего у многихъ изъ нихъ, даже довольно состоятельныхъ (имѣющихъ капиталъ въ нѣсколько тысячъ рублей), при описи имущества не оказывается возможнымъ покрыть и третью часть штрафа. Такимъ образомъ, полную сумму его удается взыскать только съ богатыхъ (домовладѣльцевъ) да еще развѣ съ такихъ, которые по оплошности не успѣли заблаговременно скрыть свой капиталъ, что, впрочемъ, съ евреями бываетъ очень рѣдко. Слѣдовательно, для бѣдныхъ и средняго состоянія евреевъ этотъ законъ не страшенъ: они и теперь могутъ бѣжать отъ военной службы, когда имъ вздумается, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія. Пострадать отъ него могли бы только богатые, но и они не страдаютъ, потому что нашли отличный способъ обходить законъ. Сыновья богатыхъ евреевъ, чтобы не подвергать своего семейства денежному штрафу, бѣгутъ отъ военной службы не до набора, а тотчасъ послѣ него, когда штрафа за бѣгство уже не полагается. «Насколько недѣйствителенъ этотъ законъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ: въ цѣлой имперіи, за исключеніемъ Кавказа, терской и кубанской областей, въ 1891 году призывалось къ-

Digitized by Google

отбыванію воинской повинности всего 874,101 человѣкъ, изъ нихъ евреевъ 50,470. Принято въ войска 258,763; изъ нихъ евреевъ 15,837. Общій недоборъ былъ 1,237 человѣкъ, а недоборъ евреевъ—850. Изъ всего числа принятыхъ не явилось вскорѣ послѣ пріема на службу 23,536; а изъ 15,837 принятыхъ евреевъ бѣжало 7,552, т. е. 48%». (К. В. Орловъ, стр. 6). Мало того, что евреи нисколько не боятся закона о наложеніи штрафа на бѣгство (усиленнаго обѣщаніемъ платы за поимку бѣжавшаго); они даже придумали пользоваться имъ для своей наживы. «Мнѣ два раза,—говоритъ г. Орловъ,—пришлось видѣть случаи несомнѣнно притворнаго бѣгства, гдѣ *одинъ еврей ловитъ другаго—бѣднаго и горбатаго* — слѣдовательно, неспособнаго къ службѣ, *очевидно, только съ цѣлью предоставить поимщику возможность получить за это законную плату въ 50 рублей* и впослѣдствіи подѣлиться съ нимъ этими деньгами. Правда, что въ обоихъ случаяхъ премія не была выдана, но вѣдь въ сущности было поступлено противозаконно (хотя и справедливо) и, пожалуй, не вездѣ такъ поступаютъ. Мошенничество въ этихъ случаяхъ было ясно, но доказать его юридически не было никакой возможности, а слѣдовательно и покарать мошенниковъ—тоже». Денежный штрафъ въ 300 рублей, налагаемый на евреевъ за бѣгство, по закону, ничѣмъ не замѣняется, а, слѣдовательно, бѣдный и безсемейный еврей ничѣмъ не рискуетъ. Пойдетъ онъ или не пойдетъ на военную службу, ему такимъ образомъ выгодно припрятаться на нѣсколько дней во время набора, и этого онъ никогда не упуститъ сдѣлать». Другой способъ уклоненія евреевъ отъ военной службы состоитъ въ слѣдующемъ: евреи, неспособные къ этой службѣ по какимъ либо болѣзнямъ или физическимъ недостаткамъ, на первый взглядъ не очевиднымъ или трудно распознаваемымъ при настоящихъ условіяхъ освидѣтельствованія въ присутствіяхъ по воинской повинности, *стараются попасть на военную службу.* Этотъ способъ уклоненія отъ военной службы практикуется въ виду того, что, на основаніи закона, выбывшіе изъ военной службы, хотя бы и тотчасъ послѣ принятія, не замѣняются новыми по порядку жеребья, а оставшіеся за взятіемъ прямо и навсегда зачисляются въ ополченіе. Взятые со скрытыми болѣзнями или тѣлесными недостатками евреи вскорѣ же послѣ набора обнаруживаютъ ихъ и освобождаются на законномъ основаніи «особыми комисіями», послѣ чего, сдѣлавъ прогулку по россійской имперіи, на казенный счетъ возвращаются на свои прежнія мѣста жительства. Заявляя о своихъ недостаткахъ уже послѣ принятія на военную службу, евреи, неспособные къ ней, этимъ самымъ освобождаютъ способныхъ, которые, въ случаѣ обнаруженія недостатковъ у первыхъ въ уѣздныхъ

Digitized by Google

присутствіяхъ, попали бы подъ очередь и были бы приняты. Такимъ образомъ, отъ военной службы освобождаются сразу два еврея: неспособный по своей неспособности, а способный—за временнымъ принятіемъ неспособнаго. Какое именно количество евреевъ уклоняется по такому способу—сказать очень трудно, но положительно извѣстно, что вслѣдствіе одной только слабости зрѣнія (преимущественно близорукости) возвращается ихъ изъ разныхъ частей войскъ очень много. «Способъ уклоненія отъ военной службы посредствомъ утайки болѣзней можетъ практиковаться *только при такой сильной сплоченности общества, какъ еврейское*, и подъ вліяніемъ такой *авторитетной власти, какъ еврейскіе кагалы и раввины*. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы евреи всѣ вмѣстѣ не совѣщались объ уклоненіи отъ военной службы и еслибы каждый изъ нихъ во время набора заботился только о себѣ, то для чего бы имъ въ уѣздныхъ присутствіяхъ скрывать свои недостатки»? (К. В. Орловъ, 10 стр.). Намъ пришлось бы много посвятить времени и мѣста, еслибы мы задались цѣлью выяснить всѣ способы уклоненія евреевъ отъ военной службы, а потому къ сказанному выше прибавимъ только, что среди евреевъ встрѣчается масса искусныхъ притворщиковъ и поддѣлывателей болѣзней, желающихъ избѣжать повинности. Нечего и говорить, что такое мошеничество, кромѣ прямой несправедливости, еще вліяетъ деморализующимъ образомъ какъ на врачей, такъ и на общество, къ тому же доставляя первымъ много хлопотъ и непріятностей. И, въ самомъ дѣлѣ, врачъ, дѣйствующій среди еврейскаго населенія, хорошо знаетъ, что еврей во что бы то ни стало стремится уклониться отъ военной службы, а потому, имѣя дѣло съ евреемъ, онъ долженъ умѣть отличить притворнаго больнаго отъ настоящаго и поддѣльную болѣзнь отъ настоящей. Между тѣмъ количество поддѣльныхъ болѣзней такъ велико, что основательное изученіе всѣхъ ихъ для одного какого нибудь врача весьма затруднительно. Кромѣ того, въ поддѣлкѣ встрѣчается много такихъ болѣзней, объ искуственномъ производствѣ которыхъ съ перваго раза никому не придетъ и въ голову. Если же мы вспомнимъ, что въ качествѣ врача въ присутствіе по воинской повинности попадаютъ совершенно молодые и неопытные люди, отъ которыхъ законъ требуетъ умѣнія отличать поддѣльныя болѣзни, то мы поймемъ, въ какую бѣду можетъ вовлечь неопытнаго врача мошенническая поддѣлка болѣзней. Въ случаѣ принятія еврея, у котораго вскорѣ послѣ этого окажется какой нибудь недостатокъ или болѣзнь, съ членовъ уѣзднаго присутствія могутъ взять деньги за его проѣзды и во всякомъ случаѣ имъ сдѣлаютъ выговоръ за небрежное отношеніе къ дѣлу; а, въ случаѣ непринятія еврея сомнительной год-

Digitized by Google

ности, на нихъ косятся, ихъ подозрѣваютъ во взяточничествѣ и угрожаютъ судомъ. Факты счастливаго уклоненія отъ военной службы, благодаря различнымъ поддѣлкамъ болѣзней и другимъ еврейскимъ мошенническимъ способамъ, вызываютъ и у представителей другихъ національностей жажду подражанія, но такъ какъ другія національности далеко не отличаются еврейскимъ искусствомъ, то обычная неудача ихъ порождаетъ ропотъ, поводъ къ составленію доносовъ о неправильномъ увольненіи отъ службы, часто съ прибавкою клеветы на уволившихъ. Затѣмъ, весьма популярны способы уклоненія евреевъ отъ воинской повинности посредствомъ вызыванія солдатъ евреевъ изъ частей войскъ въ судъ на родину, или чрезъ замѣну одного лица другимъ въ лѣчебныхъ заведеніяхъ; посредствомъ выдергиванія зубовъ, такъ чтобы недоставало десяти зубовъ въ обѣихъ челюстяхъ; искусственнаго образованія на тѣлѣ язвъ и пр., и пр.

Вотъ каковы нравственныя черты еврейства, вотъ каковы его отношенія къ христіанскому населенію и къ государственнымъ повинностямъ! Чтобы измѣнить паразитный строй еврейскаго общежитія, наше правительство съ давнихъ поръ старалось пріучить евреевъ къ производительному труду, какъ только, вслѣдствіе присоединенія къ Россіи Малороссіи и Бѣлорусскаго края, въ составъ русскихъ подданныхъ вошло значительное число еврейскаго населенія. Эти заботы русскаго правительства о евреяхъ выразились изданіемъ въ 1804 году «Положенія о гражданскомъ устройствѣ» евреевъ. Такъ, чтобы пріохотить евреевъ къ земледѣльческому труду, «положеніе» разрѣшало бѣднымъ евреямъ, «кои ни собственныхъ земель пріобрѣсть, ни арендовать не будутъ въ состояніи», переходить въ губерніи: бѣлорусскія, малороссійскія, волынскую, минскую, подольскую, астраханскую, кавказскія, екатеринославскую, таврическую и херсонскую, на казенныя свободныя земли (ея предназначалось въ «нѣкоторыхъ губерніяхъ», на первый разъ, до 30,000 десятинъ) съ избавленіемъ желающихъ переселиться (на *новыхъ* уже мѣстахъ)—«на 10 лѣтъ отъ всѣхъ податей, исключая земскихъ повинностей», и съ правомъ «получать отъ казны на заведеніе заимообразную ссуду, которую возвратить въ извѣстное число лѣтъ, согласно правиламъ, на коихъ ссуда чинится иностраннымъ колонистамъ», т. е. въ теченіе первыхъ же 10 лѣтъ по минованіи устанавливавшихся льготъ. Чтобы евреи вѣрили въ прочность предлагавшихся будущимъ земледѣльцамъ преимуществъ, правительство ручалось въ полной ихъ личной свободѣ и въ точномъ покровительствѣ законовъ, наравнѣ со всѣми русскими подданными; а для тѣхъ, которые будутъ отличаться знаніями или важными для госу-

Digitized by Google

дарства заслугами, правительство узаконяло соразмѣрныя награды и отличія. Изъ этого видно, какъ велики были старанія нашего правительства привлечь евреевъ къ самостоятельному физическому труду! Что же далъ этотъ опытъ *искусственнаго созданія еврейскихъ земледѣльческихъ колоній*, потребовавшій отъ казны громадныхъ жертвъ, и удалось ли русскому правительству приспособить евреевъ къ земледѣлію? Этотъ опытъ правительства имѣетъ за собою въ настоящее время 90-лѣтнюю исторію, изъ которой мы постараемся почерпнуть отвѣтъ на поставленный вопросъ. При этомъ мы будемъ, главнымъ образомъ, пользоваться двумя источниками: трудомъ г. В. Никитина: «*Евреи-земледѣльцы*—историческое, законодательное, административное и бытовое положеніе колоній со времени ихъ возникновенія до нашихъ дней (1807—1887)» и книгой графа А. В. Канкрина: «Еврейскія земледѣльческія колоніи александровскаго уѣзда екатеринославской губерніи».

Имѣя въ виду тѣ льготныя условія, на которыхъ русское правительство думало заселить евреями вышеназванныя губерніи, мы смѣло могли бы предположить, что евреи тотчасъ же, послѣ изданія положенія 1804 года, массами бросятся на указанныя имъ мѣста и будутъ существовать тамъ тѣми же самыми средствами, какъ и остальное мѣстное населеніе. Однако,—по свидѣтельству В. Никитина,—евреи далеко не спѣшили сдѣлаться земледѣльцами, а именно: со времени обнародованія положенія и до 1806 года никто изъ евреевъ и ни откуда не пожелалъ переселиться въ Малороссію. Указывая на этотъ фактъ, юдофилъ г. Никитинъ объясняетъ его цѣлымъ рядомъ причинъ: нежеланіемъ евреевъ разстаться съ насиженными мѣстами, *внушеніями кагаловъ*, *боявшихся разстройства общинъ* (г. Никитинъ подтверждаетъ огромную власть кагаловъ надъ своими общинами) опасеніемъ, не изображаетъ ли собою «положеніе» ловушку(?) и, наконецъ, надеждой, что *запретъ жить и торговать въ деревняхъ отмѣнится*. Но такъ какъ эта надежда не сбывалась, а срокъ выселенія изъ деревень приближался,—такъ что многихъ стали выгонять въ мѣстечки и города, гдѣ положеніе бѣдныхъ семействъ становилось критическимъ,—то евреи встрепенулись и откликнулись на призывъ правительства. Изъ этого уже ясно видно, насколько добровольно было обращеніе евреевъ въ земледѣльцевъ.

А. Котельниковъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

ВЕНЕЦІАНКИ.

Романъ миссъ Брэддонъ.

I.

Въ приморскомъ городѣ.

Легкія золотыя облачка рѣяли высоко, какъ птицы въ розовомъ сіяніи, надъ Santa Maria della Salute; вдоль Grando Canale скользили безчисленныя гондолы, утопая въ золотомъ туманѣ, и окна дворцовъ, обращенныя на западъ, горѣли яркимъ пламенемъ въ лучахъ заката. Былъ вторникъ, время карнавала въ Венеціи. Солнце сіяло весь день надъ городомъ и лагунами. Звуки веселыхъ, радостныхъ голосовъ отдавались эхомъ со всѣхъ сторонъ, неслись къ морю, скользили по каналамъ, повторялись подъ безчисленными мостами, потому что вся Венеція, всѣ мужчины, женщины и дѣти, предавались безумному, ребяческому веселью, готовые громко смѣяться всякой шуткѣ. Старикъ, котораго тронулъ за плечо качающійся бумажный фонарь, мальчикъ, у котораго сбили шляпу съ головы — все служило пищей для веселаго смѣха въ этотъ праздничный вечеръ, между тѣмъ какъ огромная, золотая орбита погружалась въ серебро лагунъ и все небо въ сторонѣ Chioggia горѣло вечернимъ багрянцемъ, въ блескѣ котораго медленно двигались на западъ рыбачьи лодки.

Лѣстница въ отелѣ Даніели, читальня, курильная и салоны были наводнены толпой; это были, по большей части, англичане и американцы; лишь кое-гдѣ замѣчались французы и нѣмцы. Упрямые янки, стоя на ступеняхъ подъѣзда, омываемаго волнами, торговались съ гондольерами, почти такими же упрямыми. Quanto per la notte—tutta la notte, sul canale? Сегодня гондольеры могли просить какую угодно цѣну, потому

Digitized by Google

что каждый хотѣлъ кататься по Grando Canale въ гондолѣ, убранной пестрыми китайскими фонариками, и слушать, какъ поютъ гондольеры «Funiculi, funicula» — пѣснь, сдѣлавшуюся національной мелодіей Венеціи fin de siècle.

Въ просторныхъ столовыхъ отеля сегодня не находилось мѣста и для половины желающихъ. Лакеи метались, какъ угорѣлые, стараясь насытить голодную толпу обѣщаніями — «subito, subito». Но путешественники, бывавшіе въ Италіи, знали цѣну итальянскаго «subito», и не довольствовались одними обѣщаніями. Любезный синьоръ Кампи успѣвалъ быть повсюду, мелькая среди своихъ офиціантовъ и уже однимъ своимъ присутствіемъ успокоивая недовольныхъ; наконецъ, каждому нашлось мѣсто и приборъ за табльдотомъ, и изъ просторныхъ, старинныхъ залъ верхняго этажа, называвшагося «благороднымъ», стали доноситься веселые, шумные голоса.

Вездѣсущій синьоръ Кампи былъ у дверей, когда къ отелю подъѣхала гондола и двѣ леди взбѣжали по ступенькамъ, въ сопровожденіи молодаго человѣка, несомнѣнно англичанина, красиваго, высокаго, широкоплечаго, одѣтаго въ дорожный костюмъ изъ грубой сѣрой ткани, каждая складка котораго свидѣтельствовала объ искусствѣ англійскаго портнаго.

Леди были, напротивъ, несомнѣнно итальянки. Ихъ карнавальный нарядъ рѣзко отличался отъ простыхъ платьевъ веселыхъ, молодыхъ американокъ, или отъ величественныхъ шолковыхъ платьевъ англійскихъ леди. Одна изъ дамъ была одѣта въ красное плюшевое платье, трэнъ котораго волочился по мокрымъ ступенькамъ, когда она подымалась къ дверямъ. На другой былъ черный бархатный нарядъ, съ широкимъ желтымъ шарфомъ, свободно завязаннымъ вокругъ гибкаго стана. Красная леди была замаскирована; черная, бархатная леди покачивала свою кружевную маску на кончикѣ пальца и смѣло оглядывалась кругомъ на толпу большими черными глазами — глазами полными блеска и огня.

Еще не успѣли дамы переступить порога, какъ уже синьоръ Кампи былъ возлѣ англичанина.

— Сэръ, вы намѣрены обѣдать здѣсь... съ этими дамами? — спросилъ онъ на чистѣйшемъ англійскомъ языкѣ.

— Конечно. Можете отвести намъ отдѣльную комнату если хотите.

Digitized by Google

— Въ отелѣ нѣтъ теперь ни одной свободной комнаты,— отвѣчалъ синьоръ Кампи и, понизивъ голосъ, прошепталъ: — Совершенно невозможно. Эти леди не могутъ здѣсь обѣдать.

Англичанинъ безпечно засмѣялся...

— Кажется, вы не особенно жалуете своихъ соотечественницъ, синьоръ Кампи,—проговорилъ онъ, и добавилъ, обращаясь къ швейцару:—Задержите, пожалуйста, нашу гондолу.— Потомъ, повернувшись къ высокой леди въ красномъ платьѣ, которая была, вѣроятно, матерью или теткой прелестной дѣвушки въ черномъ бархатѣ, онъ сказалъ по итальянски:

— У нихъ нѣтъ ни одной свободной комнаты. Пришлось бы цѣлую вѣчность ожидать нашего обѣда. Хотите, пойдемъ въ ресторанъ?

— Да, да!—пылко вскричала дѣвушка.—Это гораздо интереснѣе. Пойдемъ въ ресторанъ «Черная шляпа». No gha megia casa per el disnar.

— А гдѣ этотъ ресторанъ?

— На Піаццѣ. Мы тамъ часто обѣдаемъ я и Ція. Не надо гондолы, туда всего пять минутъ пути.

— Долженъ я нанять гондольера на вечеръ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Вы поведете насъ въ оперу.

— Какъ прикажете.

Онъ предложилъ дѣвушкѣ руку, предоставивъ Ціѣ слѣдовать за ними, и вышелъ на набережную, камни которой были истерты, по преимуществу, ногами легкомысленныхъ туристовъ, опьяненныхъ красотой Венеціи. Они перешли мостъ; дѣвушка продолжала висѣть на рукѣ молодаго человѣка, весело болтая, и свободной рукой придерживая длинную черную юбку, подъ которой мелькали ея ноги, не имѣвшія въ себѣ ничего воздушнаго и привыкшія къ свободной обуви въ то время, когда ихъ обладательница была кружевницей на островѣ Бурано и бѣгала въ стоптанныхъ башмакахъ.

«Если вы хотите имѣть хорошій обѣдъ, — говорила дѣвушка своему кавалеру,—настоящій венеціанскій обѣдъ, — то не найдете лучшаго, какъ подъ вывѣской «Черной шляпы», и хорошее вино въ придачу».

Они повернули за уголъ, потомъ пробрались черезъ Піацду, наполненную толпой, откуда шумъ и суета изгнали священныхъ голубей. Они перешли Піацду передъ фасадомъ ма-

Digitized by Google

вританскихъ куполовъ Санъ-Марко, и вступили въ длинный проходъ подъ колоннадой, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Торре-дель-Орододжіо, съ его лазурными и золотыми часами, съ его бронзовыми гигантами, отбивающими удары часовъ. Въ концѣ длиннаго, узкаго прохода они очутились посреди комнаты съ низкимъ потолкомъ, уставленной многочисленными столиками, нагрѣтой пламенемъ газовыхъ рожковъ, продушенной апетитнымъ запахомъ приготовляемыхъ кушаній и вообще имѣвшей слишкомъ знойную температуру, чтобы доставить настоящій комфортъ.

Прислуга ресторана, повидимому, была очень предана темноглазой синьорѣ, одѣтой въ черный и желтый цвѣта, потому что ей тотчасъ же нашли мѣсто въ этой комнатѣ, переполненной народомъ. Нѣсколькихъ посѣтителей, сидѣвшихъ въ уголку у окна, заставили удалиться и, такимъ образомъ, освободилось уютное мѣстечко за маленькимъ столикомъ, гдѣ, открывъ одну половину окна, можно было дышать свѣжимъ воздухомъ—отдававшимъ, правда, сточной трубой, но все же довольно сноснымъ.

— Могу я заказать обѣдъ? — спросила темноглазая дѣвушка, улыбаясь молодому англичанину, между тѣмъ какъ Ція, повернувъ голову, разглядывала группы обѣдающихъ за столиками, позади нихъ.

Офиціантъ поставилъ на столъ огромную бутылку «Чіанти» и съ салфеткой въ рукѣ ожидалъ приказаній Фіорделизы (такъ звали темноглазую дѣвушку). Ея кавалеру казалось, что она прямо выскочила изъ книги Декамерона.

Она заказала обѣдъ, конфиденціально обсудивъ меню вмѣстѣ съ офиціантомъ. Она заказала — и кушанья появились; всѣ принялись за ѣду, не исключая Ванситарта, который былъ слишкомъ голоденъ послѣ долгаго дня,—проведеннаго на лагунахъ, на Лидо, и на Большомъ каналѣ, при закатѣ солнца,— чтобы относиться разборчиво къ пищѣ, поставленной передъ нимъ. Онъ не могъ бы отвѣтить, изъ чего состоялъ обѣдъ въ «Черной шляпѣ», и помнилъ только, что ѣлъ устрицъ, пилъ бѣлое вино, помогалъ уставить на столѣ нѣсколько бутылокъ шампанскаго—которымъ, по его приказанію, офиціантъ замѣнилъ огромную бутылку Чіанти;—что они начали съ frittura изъ рыбы, напоминавшей пискаря, и что самымъ содержатель-

Digitized by Google

нымъ блюдомъ, принесеннымъ быстроногимъ слугой, были душистыя макароны, перемѣшанныя съ кусочками мяса, ломтиками печенки и облитыя жирнымъ соусомъ. Лиза была въ отличномъ настроеніи; она ѣла съ большимъ апетитомъ, выпила нѣсколько стакановъ сверкающаго вина и разсказывала, перемѣшивая ломаный англійскій языкъ съ венеціанскимъ музыкальнымъ діалектомъ, о томъ времени, когда она работала на кружевной фабрикѣ, получая около семи сольди per diem и питаясь одной полентой.

Это было все, что̀ м-ръ Ванситартъ узналъ объ ея прошломъ, со времени ихъ знакомства, начавшагося нѣсколько часовъ назадъ въ концертной залѣ, на Лидо, гдѣ онъ пригласилъ эту молодую особу и ея тетку выпить съ нимъ кофе, и откуда онъ привезъ ихъ обратно въ Венецію на своей гондолѣ. Онъ ничего не зналъ о ней, и не интересовался знать, думая, что это карнавальное знакомство окончится въ тотъ же день, и они, вѣроятно, никогда болѣе не встрѣтятся. Онъ привезъ ихъ въ отель Даніели, не обдумавъ хорошенько благоразуміе своего поступка; ему просто хотѣлось накормить ихъ вкуснымъ обѣдомъ въ одной изъ роскошныхъ залъ отеля, выходящихъ на широкій каналъ, между Санъ-Марко и Санъ-Георгомъ. Но синьоръ Кампи отнесся къ дѣлу иначе—и вотъ они пируютъ здѣсь, въ ресторанѣ «Черная шляпа», уничтожая вкусныя макароны съ рубленой печенкой также весело и беззаботно, какъ за столомъ лучшаго отеля. Послѣ вкусныхъ блюдъ, Фіорделиза съ неменьшимъ апетитомъ принялась за пирожное. Она оперлась локтемъ о столъ, и широкій рукавъ ея бархатнаго платья откинулся назадъ, обнаживъ круглую, бѣлую руку. Мелкія кудри трепетали надъ ея чистымъ, бѣлымъ лбомъ, надъ быстрыми, живыми глазами, въ то время какъ она ѣла досыта шеколадъ, éclairs и кремъ, а Ванситартъ, глядя на нее, думалъ: какое она прелестное созданіе, и какая жалость, что нѣтъ здѣсь м-ра Бёрджеса, чтобы нарисовать ее со всѣмъ огнемъ ея измѣнчиваго лица и увѣковѣчить на полотнѣ этотъ сверкающій жизнерадостный образъ.

Ванситартъ не былъ влюбленъ въ эту случайную знакомку праздничнаго дня. Онъ только радовался, глядя на нее. Она забавляла, она очаровывала его точно также, какъ забавляла и очаровывала его чудная Венеція, всегда восхитительная, когда

Digitized by Google

бы онъ сюда ни пріѣхалъ. Ея красота производила на него такое же впечатлѣніе, какъ созерцаніе удивительныхъ картинъ венеціанской галереи. Эта яркая, реальная, чувственная красота не тронула его сердца. Ея вульгарность, ея рѣчи и жесты, совершенно простонародные, интересовали его, но онъ оставался къ ней равнодушенъ.

Онъ былъ богатъ, свободенъ, жилъ одинъ въ Венеціи, и считалъ своимъ правомъ веселиться и наслаждаться во время карнавала, какъ ему вздумается. Такимъ образомъ, благодаря приглашенію выпить кофе, завязалось это дружеское знакомство. Потомъ онъ бродилъ вмѣстѣ съ Лизой и ея теткой по зыбучимъ плоскимъ пескамъ, тѣмъ пескамъ, по которымъ столько разъ ѣздилъ верхомъ Байронъ — поэтъ, совершенно неизвѣстный Лизѣ и однако же скоротавшій много безпечныхъ часовъ въ обществѣ дѣвушекъ, подобныхъ ей. Какъ могъ онъ возвратиться въ Венецію одинъ въ своей гондолѣ, оставивъ безъ защиты эту черноглазую дѣвушку, вмѣстѣ съ ея теткой, среди толпы переполненнаго народомъ парохода? Что̀ стали бы онѣ дѣлать тамъ въ своихъ прекрасныхъ платьяхъ и бриліантахъ, на которые такъ любятъ переводить свои сбереженія венеціанки низшихъ классовъ? Совершенно естественно, что онъ предложилъ имъ мѣста̀ въ своей гондолѣ и повезъ ихъ кататься по Большому каналу. Еще естественнѣе, что, имѣя въ боковомъ карманѣ плотно застегнутаго сюртука изрядное количество англійскихъ банковыхъ билетовъ, онъ предложилъ своимъ дамамъ пообѣдать, а затѣмъ, услыхавъ о желаніи Лизы побывать въ оперѣ, тотчасъ же отправилъ итальянскаго проводника, своего стариннаго знакомаго, купить ложу на сегодняшній вечеръ.

Фіорделиза, поглощая пирожное, продолжала разсказывать о своей жизни въ Бурано. Тетка слушала невозмутимо, переполненная обѣдомъ и шампанскимъ, ничего не желая знать, кромѣ пріятной увѣренности, что ни ей, ни ея красивой племянницѣ нѣтъ надобности работать и умирать съ голоду по прежнему—по крайней мѣрѣ, въ настоящее время. Ція была не такая женщина, чтобы заглядывать въ будущее, пока настоящее давало ей хорошую квартиру и вкусный обѣдъ.

Дѣвушка говорила по венеціански и Ванситартъ, проводившій почти все свободное время въ Италіи и быстро изу-

Digitized by Google

чавшій языки, легко понималъ ее. Изрѣдка она вставляла англійскія слова и произносила ихъ лучше, чѣмъ онъ ожидалъ отъ такой невѣжественной молодой особы.

— Какъ это случилось, синьорина mia, что вы умѣете говорить по англійски, и почему вы покинули Бурано?—спросилъ онъ ее.

— По одной и той же причинѣ: меня полюбилъ молодой англійскій джентльменъ и перевезъ, вмѣстѣ съ теткой, въ Венецію. Онъ воспитываетъ меня теперь, чтобы жениться на мнѣ и увезти съ собою въ Англію.

Ванситартъ не повѣрилъ второй половинѣ объясненія, но былъ слишкомъ вѣжливъ, чтобы выказать это.

— О, такъ вы будете воспитаны по образцу нашихъ британскихъ матронъ, не такъ ли, bella mia?—сказалъ онъ ей, улыбаясь, въ то время какъ она, обтирая коралловыя губы грубой салфеткой, откинулась на спинку стула, пресыщенная сластями.—И могу я узнать, въ чемъ заключается это воспитаніе?

— Я учусь играть на мандолинѣ. Маленькій старичокъ съ разбитымъ голосомъ приходитъ къ намъ на квартиру, два раза въ недѣлю, давать мнѣ уроки, и мы поемъ дуэты: «La ci daren» и «Sul aria».

— Ахъ, мандолина! Такъ вотъ въ чемъ заключается воспитаніе, по мнѣнію вашего англійскаго друга,—замѣтилъ Ванситартъ, смѣясь.—Что же, сказать по правдѣ, мандолина нисколько не хуже греческаго языка, или латыни, или науки, за которую столько выстрадалъ Джордано Бруно въ этомъ самомъ городѣ.

Ванситартъ былъ въ Венеціи всего нѣсколько дней—дней солнечнаго блеска, прогулокъ въ гондолѣ къ тому или другому острову, чтобы въ грезахъ провести послѣполуденное время. Уже въ третій разъ былъ онъ здѣсь, и ему казалось, что онъ знаетъ каждый камень въ городѣ, каждое сарацинское окно въ фасадѣ дворцовъ, каждую полуразрушенную лѣстницу, каждую арку мостовъ, подъ которыми онъ проѣзжалъ ежедневно въ своей гондолѣ, лѣниво и медленно скользившей по теченію. Во время путешествій онъ нигдѣ не останавливался надолго, переѣзжалъ изъ одного мѣста въ другое, повинуясь лишь своимъ влеченіямъ, не стѣсняемый ничѣмъ и ни-

Digitized by Google

кѣмъ, и лишь смутно представляя себѣ то время, когда онъ не будетъ свободенъ, когда семейныя узы не позволятъ ему путешествовать съ такой легкостью и независимостью. Онъ воображалъ себя во главѣ стола, за завтракомъ, обсуждающаго вмѣстѣ съ женой лѣтнія экскурсіи, между тѣмъ какъ теща сидитъ возлѣ нихъ, вставляя по временамъ въ разговоръ супруговъ колкія замѣчанія и противорѣча зятю изъ принципа. Конечно, онъ женится когда нибудь... Это была обязанность, которую онъ принялъ на себя вмѣстѣ съ именемъ своего отца и солиднымъ доходомъ, когда ему еще не исполнилось и двадцати двухъ лѣтъ. Да, рано или поздно, это должно произойти, но онъ желаетъ, по крайней мѣрѣ, отдалить, насколько возможно, недобрый часъ, и будетъ страшно требователенъ къ той заколдованной принцессѣ, которая заставитъ его надѣть узы Гименея.

Онъ наслаждался Венеціей особенно въ этотъ третій пріѣздъ. Хотя новый годъ еще только начинался, но погода стояла необыкновенно прекрасная. Солнце, мѣсяцъ и звѣзды проливали цѣлые потоки сіянія на романтическій городъ, раскрашивая зеркальныя лагуны всѣми цвѣтами радуги, превращая и городъ, и море въ нѣчто обаятельное, неземное, неописуемо-волшебное, подобное сновидѣнію.

Окна его комнаты выходили на очаровательное море, и огромный пароходъ новѣйшей конструкціи, стоявшій между Рива и Санъ-Джорджемъ, казался какимъ-то анахронизмомъ. Все остальное дышало волшебной средневѣковой красотой. Ванситарту говорили, что пароходъ отправляется въ Александрію пополудни, но съ тѣхъ поръ миновало уже нѣсколько дней, а онъ все продолжалъ стоять на прежнемъ мѣстѣ.

— Итакъ, вы умѣете играть и пѣть съ одинаковымъ искусствомъ, Фіорделиза? — спросилъ онъ послѣ молчанія, во время котораго они всѣ трое курили сигаретки.

— Пѣть? Я думаю, что она умѣетъ пѣть!—отозвалась тетка.—Она заливается, какъ соловей. Синьоръ Зефферино, ея маэстро, говоритъ, что она должна поступить въ оперу.

Ванситартъ улыбнулся: маэстро, конечно, льстилъ своей ученицѣ—лесть ничтожнаго паразита, который знаетъ, гдѣ пахнетъ макаронами и салатомъ, плавающимъ въ маслѣ. И, однако, если только эта дѣвушка дѣйствительно поетъ, она должна

Digitized by Google

пѣть очаровательно. Эти пламенные, темные глаза выказывали артистическій темпераментъ. Звуки, выходящіе изъ этого круглаго, полнаго горла, бѣлаго, какъ слоновая кость, въ сравненіи съ чернымъ платьемъ, должны быть сильны и богаты. Онъ не сталъ разспрашивать про ея англійскаго возлюбленнаго. Будь онъ хоть немного влюбленъ въ нее, онъ, вѣроятно, заинтересовался бы. Но онъ былъ совершенно равнодушенъ къ этому дикому цвѣтку, къ этой прекрасной чужестранкѣ, съ которой онъ пилъ, ѣлъ и провелъ нѣсколько веселыхъ часовъ, и съ которой никогда больше не встрѣтится. Онъ не заботился о томъ, кто были ея родственники или поклонники, и какой образъ жизни она вела. Она была молода, свѣжа, имѣла видъ почти дѣтской невинности, не смотря на свои растрепанные волосы, вычурный нарядъ и строгое отношеніе къ ней синьора Кампи. Ея тетка—толстая, простодушная женщина—казалась добрѣйшимъ существомъ. Конечно, ей и въ голову не приходило разставлять сѣти иностранцу.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ сегодня вашъ англичанинъ?—спросилъ Ванситартъ, внезапно осѣненный мыслью, что несовсѣмъ безопасно въ такомъ городѣ, какъ Венеція, пировать съ чужой возлюбленной. — Почему онъ не провожалъ васъ на Лидо?

— Онъ уѣхалъ въ Монте Карло, двѣ недѣли назадъ,—отвѣчала Фіорделиза.—Боюсь, что онъ игрокъ.

— Богатъ онъ?

— Не такъ богатъ, какъ у васъ, англичанъ, принято смотрѣть на богатство, но богатъ для венеціанца. Онъ подарилъ мнѣ и Ціѣ по платью на рождество; я выбрала черное, Ція—красное. Немногіе венеціанцы дѣлаютъ такіе роскошные подарки. Онъ очень великодушенъ.

— Да, онъ очень великодушенъ,—вторила тетка.

— Пора идти въ оперу!—вскричала Фіорделиза.—Я хочу попасть къ самому началу.

Въ оперѣ шелъ «Донъ Джіованни», исполняемый третьестепенными артистами, но все же они пѣли настолько хорошо, что Ція сладко задремала, а Лиза была на седьмомъ небѣ отъ восторга. Сіяя отъ удовольствія, она слушала, сжавъ руки, и разжимала ихъ только для того, чтобы неистово аплодировать исполнителямъ. Театръ былъ полонъ, публика шумѣла, но

Digitized by Google

Фіорделиза вытягивала шею и, высовываясь изъ ложи, чтобы лучше слышать, упивалась каждой нотой и была, можетъ быть, единственной особой въ «Театрѣ Россини», которая слушала внимательно. Но еще до конца втораго акта жара и тѣснота въ театрѣ стали такъ невыносимы, что женщины падали въ обморокъ, и даже Фіорделиза рѣшилась покинуть театръ, не прослушавъ и половины «Дона Джіованни». Она хотѣла прогуляться на Піаццѣ, пока не закрыты лавки, не разошлась еще толпа и не перестали играть бродячіе музыканты.

На слѣдующій вечеръ, въ этомъ же самомъ театрѣ, былъ назначенъ костюмированный балъ.

— Хотите пойти на этотъ балъ, Лиза?—спросилъ Ванситартъ, когда, по выходѣ изъ душной, ярко освѣщенной залы, ихъ обняла нѣжная прохлада венеціанской ночи.

— Нѣтъ, я не люблю танцовать. Всѣ дѣвушки въ Бурано сходили съ ума отъ танцевъ, но мнѣ больше всякихъ танцевъ нравилось слушать органъ во время обѣдни.

Ванситартъ имѣлъ намѣреніе пожелать своимъ дамамъ доброй ночи, по выходѣ изъ театра. Не будь Венеція—Венеціей, онъ могъ бы тотчасъ же нанять извощика, усадить своихъ спутницъ въ экипажъ, заплатить извощику впередъ и проститься съ ними навсегда, не спрашивая даже, гдѣ онѣ живутъ. Но Венеція была романтическимъ, своеобразнымъ городомъ. Извощиковъ не существовало; покинуть женщинъ посреди улицы, предоставивъ имъ безъ провожатаго возвратиться домой, было, конечно, немыслимо.

— Въ какой сторонѣ вашъ домъ, синьора?—спросилъ онъ старшую леди.

— О, мы еще не идемъ домой!—вскричала Фіорделиза.— Мы отправимся на Піаццу. Тамъ теперь всего интереснѣе. Вы вѣдь пойдете съ нами?—спросила она, взявъ его подъ руку и смѣло завладѣвая имъ.—Скорѣе, тетя, скорѣй! мы идемъ на Піаццу.

Ея ноги такъ быстро двигались по узкимъ проходамъ, что Ванситартъ не могъ услѣдить, какими таинственными, извилистыми лабиринтами они пришли къ Бокка-ди-Піацца и прямо изъ подъ тѣни колоннадъ вышли на широкую открытую площадь, ярко освѣщенную лампами и фонарями, наполненную шумомъ безчисленной толпы, лаемъ собакъ, звуками играющихъ

Digitized by Google

рожковъ, бренчаніемъ гитаръ. Онъ съ трудомъ началъ пробираться сквозь толпу, таща на каждой рукѣ замаскированную даму. Піацца представляла зрѣлище, котораго нельзя забыть: она была полна жизни и движенія, шума, суеты, криковъ, смѣха, покрываемыхъ звуками военнаго духоваго оркестра,—громкими, воинственными, настойчивыми звуками оффенбаховской музыки. Толпа тѣснилась въ колоннадахъ, но Ванситартъ еще въ университетѣ прославился своей необычайной силой и ловкостью. Онъ раздвигалъ толпу съ такою же легкостью, какъ воду, и очень скоро успѣлъ бы достигнуть веселаго, блестящаго café, еслибы его не задерживала Фіорделиза, глядѣвшая на окна магазиновъ, давно извѣстныхъ ей, но особенно привлекательныхъ во время карнавала. Комисіонеры, стоя у дверей магазиновъ, настойчиво улыбались проходящимъ. Лиза остановилась, какъ вкопанная, передъ одной лавкой, гдѣ два негра, въ пестрыхъ восточныхъ костюмахъ, дрожали отъ холода при свѣтѣ газа. Этотъ магазинъ имѣлъ видъ базара, полу-венеціанскаго, полу-мавританскаго, и на окнѣ были выставлены ожерелья и восточные драгоцѣнные уборы. Лиза глядѣла на нихъ такимъ дѣтскимъ тоскующимъ взоромъ, что Ванситартъ былъ бы камнемъ, еслибы не предложилъ ей выбрать что нибудь изъ этой массы разноцвѣтныхъ украшеній.

Паукъ, стоявшій у двери,—юный венеціанецъ, съ огромными улыбающимися черными глазами и еврейскимъ носомъ,—любезно заманивалъ довѣрчивыхъ мухъ въ свою паутину. Это былъ самый пріятный изъ всѣхъ молодыхъ пауковъ, умолявшій синьору и синьорину только войти въ лавку и посмотрѣть. Это вовсе не обязываетъ ихъ что нибудь покупать. «За смотръ денегъ не берутъ».

Они вошли всѣ трое. У Фіорделизы глаза разбѣжались при видѣ множества серегъ, брошекъ и ожерелій. Ванситартъ заинтересовался мавританскимъ отдѣломъ—бронзовыми кубками, золотыми и красными туфлями, шитыми занавѣсями, и болѣе всего кинжалами, среди которыхъ были интересные образчики изъ дамасской стали, горѣвшей пурпурнымъ блескомъ. Пока Фіорделиза вмѣстѣ съ теткой выбирала брошки и ожерелья,—тѣ ожерелья, которыя, свернувъ на-двое, можно было носить и какъ браслетъ,—Ванситартъ пробовалъ кинжалы и, какъ молодой человѣкъ, обладающій солидными средствами, кончилъ

Digitized by Google

тѣмъ, что купилъ самый дорогой и, вѣроятно, лучшій изъ нихъ, дѣйствительно замѣчательной работы, въ красныхъ бархатныхъ ножнахъ.

Онъ уплатилъ за всѣ вещи, которыя выбрала Фіорделиза: ожерелье, эмалевая брошка, газовый, съ золотыми полосками, вуаль, пара кокетливыхъ мавританскихъ туфелекъ, которыя еле влѣзали ей на носки, оставляя самую существенную часть ноги открытой; золоченый ларчикъ для драгоцѣнностей; вѣеръ, золотой наперстокъ—для себя, и миньятюрный кофейный приборъ алжирской работы—для тетки. Всѣ эти вещи приказано было доставить на другой день утромъ въ квартиру синьоры близь Понтеди-Ріальто. Расплатившись, Ванситартъ спряталъ купленный кинжалъ въ боковой карманъ и вышелъ изъ лавки, не слушая благодарностей и похвалъ венеціанскаго торговца. Кафе Флоріани, о которомъ преданіе говоритъ, что онъ никогда не закрывается, ни ночью, ни днемъ, ни зимой, ни лѣтомъ, былъ залитъ свѣтомъ и полонъ народа. Лиза направилась къ столику, безцеремонно употребляя въ дѣло свои прекрасныя плечи и локти, и небольшая группа мужчинъ, только что кончившихъ кофе, быстро поднялась, чтобы уступить мѣсто блестящимъ чернымъ глазамъ и яркимъ губамъ, которыхъ не скрывала маленькая бархатная маска. Эти изящныя классическія губы казались еще лучше подъ чернымъ кружевомъ, оттѣнявшимъ ихъ, а бѣлые зубы сверкали, когда она улыбалась на всѣ стороны и благодарила.

Она громко разговаривала и весело смѣялась, прихлебывая шеколадъ. Ванситартъ, немного возбужденный шампанскимъ и нѣсколькими рюмками коньяку, выпитыми въ театрѣ во время антракта, не стыдился громкаго смѣха и безцеремонности Фіорделизы, хотя она обращала на себя всеобщее вниманіе. Красота и живость—не такіе атрибуты, чтобы ихъ стыдиться, даже если ими обладаетъ какая-то кружевница изъ Бурано, переряженная въ богатое бархатное платье.

— Покажите мнѣ вашъ кинжалъ,—сказала она, наклоняясь къ нему и положивъ локти на столъ.

Ванситартъ исполнилъ ея желаніе. Она вытащила кинжалъ изъ ноженъ и внимательно осмотрѣла его. Красныя бархатныя ножны, тисненыя золотомъ, понравились ей гораздо болѣе, чѣмъ дамасскій клинокъ.

Digitized by Google

— Онъ слишкомъ тяжелъ, чтобы носить его въ волосахъ,— проговорила она, бросивъ ножны и приподнимая оружіе.

— Осторожнѣе! лезвіе остро, какъ бритва. Это вовсе не игрушка для туалетнаго стола леди. Я купилъ его для своей экскурсіи въ страну Замбези, о которой думаю уже два года.

— Замбези? — повторила она съ удивленіемъ, — это въ Италіи?

— Нѣтъ, синьорина. Это на безвѣстномъ континентѣ.

Она никогда не слыхала о такой странѣ, но только равнодушно пожала плечами и еще больше перегнулась черезъ столъ, чтобы разглядѣть черную жемчужную булавку, сдѣланную въ видѣ черепа, которую Ванситартъ носилъ въ галстукѣ, причемъ ея улыбающіяся губы приблизились къ его лицу. Пока она разглядывала такимъ образомъ булавку, притрогиваясь къ ней кончикомъ пальца и вопросительно поднявъ глаза, на плечо Ванситарта легла чья-то тяжелая рука и онъ почувствовалъ такой толчекъ, что едва не упалъ со стула.

— Пошелъ вонъ!—произнесъ грубый, пьяный голосъ.

Въ ту же секунду Ванситартъ былъ на ногахъ, лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, такимъ же высокимъ, какъ онъ самъ, но болѣе мясистымъ, съ волосами песочнаго цвѣта и лицомъ, блѣднымъ отъ злобы, за исключеніемъ двухъ красныхъ пятенъ на скулахъ, которыя горѣли, какъ огонь. Онъ имѣлъ угрожающій видъ и задыхался отъ ярости. Лиза вскочила съ мѣста также быстро, какъ Ванситартъ, а ея тетка бросилась къ незнакомцу въ явной тревогѣ.

— Синьоръ Джіованни,—забормотала она трепеща,—кто бы могъ подумать, что вы сегодня возвратитесь?

— Ужь, конечно, не вы, злая, старая вѣдьма! Не вы, обманщица!—закричалъ онъ, взбѣшенный и полупьяный.—Я поймалъ васъ врасплохъ, ничтожная тварь! Вы не могли сидѣть дома, какъ слѣдуетъ порядочной женщинѣ; нѣтъ, вамъ надо было шляться по улицамъ ночью, въ сопровожденіи этого уличнаго шалопая!

— Будьте разборчивѣе въ своихъ выраженіяхъ, когда обращаетесь ко мнѣ или къ этой дамѣ!—произнесъ Ванситартъ тѣмъ пониженнымъ тономъ, который означаетъ наиболѣе опасную степень гнѣва.

Обвивъ рукой Фіорделизу, онъ притянулъ ее къ себѣ, какъ

Digitized by Google

будто она ему принадлежала и онъ былъ обязанъ защищать ее отъ всякаго насилія. Толпа окружила ихъ, возбужденная и заинтересованная, но не желавшая вмѣшиваться, чтобы не лишиться даровaго спектакля. Комедія, которую они видѣли сегодня въ театрѣ Гольдони, была далеко не такъ забавна, какъ эта реальная жизненная комедія—вѣчная, универсальная борьба человѣческихъ страстей. Незнакомецъ кинулся на Ванситарта, осыпая его грубой бранью и пытаясь вырвать дѣвушку изъ-подъ его защиты.

— Я покажу тебѣ, какъ таскаться съ моей...

Фраза окончилась грязнымъ словомъ, и въ то же мгновеніе Ванситартъ ударилъ его въ лицо. Послѣдовала новая брань и новый ударъ. И затѣмъ оба противника вступили въ кулачный бой. Незнакомецъ былъ плотнѣе и, повидимому, привычный боецъ, но зато Ванситартъ былъ не такъ пьянъ. Нѣсколько минутъ перевѣсъ былъ на сторонѣ Ванситарта, но вдругъ противникъ съ бѣшеной силой притиснулъ его къ столу и нанесъ ему жестокій ударъ прямо въ животъ.

Столъ опрокинулся вмѣстѣ съ кофейнымъ приборомъ, и Ванситартъ упалъ. Падая, онъ ударился ладонью объ полъ, и ощутилъ подъ нею холодное лезвіе кинжала, равнодушно брошеннаго на столъ Фіорделизой, когда она убѣдилась, что онъ не годится для украшенія прически.

Взбѣшенный предательскимъ ударомъ, обезумѣвшій при видѣ этого грубаго неожиданнаго нападенія, возбужденный жаркой атмосферой комнаты, гдѣ клубился табачный дымъ и слышался запахъ водки, Ванситартъ вскочилъ на ноги, схватилъ своего врага за воротникъ и погрузилъ кинжалъ ему въ грудь. Въ первые моменты этотъ поступокъ казался естественнымъ, логическимъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ совершоннаго насилія. Но въ слѣдующую же минуту, когда эти гнѣвные глаза стали тусклы и человѣкъ безжизненно свалился на полъ, Ванситартъ почувствовалъ себя трусомъ и убійцей.

Внезапное молчаніе воцарилось надъ толпой, шумной еще минуту назадъ. Молчаніе, туманное, непроницаемое, спустилось, какъ занавѣсъ, надъ жизненной трагикомедіей. «Умеръ»!—произнесъ кто-то возлѣ Ванситарта, въ то время какъ упавшій оставался неподвиженъ.—«Этотъ ножъ угодилъ ему прямо въ сердце»! Раздался крикъ, дикій, пронзительный, и стаканы

Digitized by Google

зазвенѣли въ отвѣтъ. Лиза кинулась къ убитому и пыталась остановить кровь носовымъ платкомъ. Сквозь толпу пробирался какой-то господинъ съ авторитетнымъ видомъ—докторъ, безъ сомнѣнія. Но еще не успѣлъ докторъ пробраться къ убитому, возлѣ котораго стояла на колѣняхъ Лиза, а ея тетка, ломая руки, взывала къ мадоннѣ и всѣмъ святымъ, какъ Ванситартъ почувствовалъ прикосновеніе грубой руки, и мужской голосъ прошепталъ ему по итальянски:—«Бѣгите, бѣгите, пока есть время»! Бѣжать? Да, онъ былъ убійца, и его жизнь принадлежитъ правосудію, если онъ не спасется бѣгствомъ. Быстрѣе молніи проскользнулъ онъ черезъ толпу и устремился къ двери, выходившей на Піаццу. Толпа была занята докторомъ, стоявшимъ на колѣняхъ возлѣ неподвижнаго тѣла, и Фіорделизой, съ ея распущенными волосами, заплаканными глазами и конвульсивно подергивавшимися губами. Ванситартъ былъ уже у двери и вышелъ на улицу, когда какой-то человѣкъ крикнулъ:

— Держите его, держите убійцу!

Разомъ поднялась суматоха, и человѣкъ двадцать кинулось по слѣдамъ бѣглеца, какъ ищейки, движимые, быть можетъ, гораздо болѣе любопытствомъ, чѣмъ ужасомъ при видѣ убійства. Они кинулись бѣжать черезъ Піаццу, и сшибли съ ногъ не одного оторопѣвшаго фланера. Они устремились подъ колоннады Санъ-Марко и Санъ-Теодоро, гдѣ когда-то республика казнила своихъ жертвъ, но гдѣ теперь, при блескѣ солнца и сіяніи звѣздъ, колыхались гондолы, ожидая счастливыхъ путниковъ изъ волшебнаго города. Преслѣдователи совершенно основательно предполагали, что бѣглецъ, прежде всего, долженъ былъ направиться къ водѣ и прыгнуть въ первую гондолу. Но когда они очутились на набережной, гондолъ не было видно нигдѣ. Сегодня всѣ гондольеры были завалены работой, всѣ гондолы собрались на Большомъ каналѣ, разукрашенныя цвѣтными фонарями, освѣщенныя бенгальскими огнями, скользя по каналу, при звонѣ мандолинъ и бренчаніи гитаръ, подъ звуки «Funiculi, funicula», повторявшіеся, какъ эхо, отъ одной лодки къ другой.

— Мы должны схватить его!—крикнулъ самый отчаянный изо всей стаи гончихъ; но едва онъ произнесъ эти слова, какъ невдалекѣ раздался шумный плескъ воды и преслѣдователи догадались, что добыча ускользнула.

Digitized by Google

Венеціанцы, разогрѣтые виномъ, не имѣли охоты принимать импровизированную ванну при свѣтѣ звѣздъ. Они столпились и стали совѣщаться. Потомъ засвистали и закричали, подзывая гондольеровъ, но совершенно безуспѣшно—никто не отзывался. И, наконецъ, съ общаго согласія, всѣ они двинулись къ палаццо дожей, чтобы съ этого пункта осмотрѣть каналъ.

Онъ былъ покрытъ праздничной флотиліей. Далеко, насколько хваталъ глазъ, можно было видѣть нарядныя лодки, скользившія по широкому водному пространству между Ривой и церковью, а среди нихъ, подобно морской крѣпости, вставалъ темный силуэтъ парохода, огни котораго горѣли ярко и высоко надъ фантастическими китайскими фонариками, и шумъ паровыхъ котловъ показывалъ, что онъ сейчасъ отходитъ. Раздался пароходный свистокъ, зашумѣли колеса, запѣнилась вода и гондолы разлетѣлись во всѣ стороны, какъ сухіе листья, уносимые потокомъ.

— Уходитъ!—закричали преслѣдователи Ванситарта, почти забывшіе о немъ и съ удовольствіемъ слѣдившіе за пароходомъ.

— Думаете вы, что онъ успѣлъ сѣсть на пароходъ?—спросилъ одинъ изъ нихъ, подъ словомъ «онъ» разумѣя Ванситарта.

— Нѣтъ, даже еслибъ онъ былъ самый лучшій пловецъ, какого я знаю.

Да, онъ былъ еще лучшій пловецъ, чѣмъ тѣ, которыхъ зналъ этотъ венеціанецъ—по крайней мѣрѣ, онъ плавалъ настолько хорошо, что успѣлъ взобраться на пароходъ, прежде чѣмъ машина начала работать.

Мокрый, съ ногъ до головы, онъ направился къ капитану и быстро объяснилъ ему свое положеніе. У него произошла ссора—пустая, карнавальная ссора—но, желая выбраться изъ Венеціи и зная, что пароходъ отправляется въ Александрію, онъ рѣшилъ пробраться къ нему вплавь.

— Надѣюсь, эта ссора не имѣла ничего опаснаго?—сказалъ капитанъ, нерѣшительно глядя на этого иностранца въ мокромъ платьѣ.

— О, нѣтъ! меня просто ударилъ одинъ человѣкъ въ кафе и я отвѣтилъ ему тѣмъ же.

Digitized by Google

Пароходъ медленно подвигался къ морю, по каналу, такъ медленно и осторожно, что Ванситарту казалось, будто онъ совсѣмъ не движется. Венеція, прекрасная Венеція, горѣвшая праздничными огнями, озаренная звѣзднымъ сіяніемъ, терялась въ отдаленіи, со всѣми ея куполами и башнями, съ ея гондолами и пестрыми фонарями, факелами и ракетами, музыкой и смѣхомъ. Сердце Ванситарта болѣло, когда онъ смотрѣлъ на волшебный городъ, исчезавшій, подобно видѣнію ночи. Онъ такъ любилъ ее, онъ провелъ столько счастливыхъ, веселыхъ, безпечныхъ дней на этихъ волнахъ, въ этихъ улицахъ, похожихъ на лабиринты, смѣясь и болтая съ мелочными торговцами въ Ріальто, находя красоту повсюду—и въ узкихъ запутанныхъ переулкахъ, и въ ея безчисленныхъ мостахъ—веселый и беззаботный. А теперь онъ—преступникъ, бѣгущій отъ правосудія, и никогда не осмѣлится пріѣхать въ Венецію. «Боже мой»!—говорилъ онъ себѣ, холодѣя отъ ужаса и отвращенія, «чтобы я, джентльменъ, зарѣзалъ человѣка, точно австрійскій рудокопъ или пьяный бродяга»!

II.

Размышленія.

Переѣздъ на пароходѣ изъ Венеціи въ Александрію начался при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Погода была прекрасная, море спокойно, и Ванситартъ имѣлъ достаточно времени, чтобы обдумать свой поступокъ и вновь пережить ужасныя волненія этой ночи.

Въ теченіе долгихъ, томительныхъ дней морскаго путешествія, въ его воображеніи рисовалась картина убійства. Однообразіе окружающаго, монотонность безоблачнаго неба, и вѣчно катящіяся волны безграничнаго моря, только усиливали его мрачное настроеніе. Не все ли ему равно, дѣлаетъ пароходъ восемнадцать или двадцать узловъ въ часъ, идетъ ли онъ скорымъ или замедленнымъ ходомъ? Каждый новый день казался ему вѣчностью въ то время, какъ онъ сидѣлъ въ своемъ парусинномъ креслѣ, тупо глядя на восточный горизонтъ, или, мрачно опустивъ голову, меланхолически созерцалъ палубу, ничего не видя, ничего не слыша и раздражаясь каждый разъ

Digitized by Google

когда кто нибудь изъ пассажировъ садился рядомъ съ нимъ и вѣжливо начиналъ разговоръ о погодѣ и т. п. вещахъ.

Капитанъ и каютный слуга были очень добры къ нему. Первый не предлагалъ ему болѣе никакихъ вопросовъ, совершенно удовлетворенный тѣмъ, что новый пассажиръ казался вполнѣ джентльменомъ и, повидимому, владѣлъ денежными средствами; а второй заботливо уложилъ его спать въ лучшей каютѣ, приготовилъ ему горячее питье и высушилъ его платье. Въ этой единственной парѣ платья и одной перемѣнѣ бѣлья, занятой у капитана, Ванситартъ доѣхалъ до Александріи, въ чудный весенній день, озаренный сіяніемъ безоблачнаго неба.

Все время путешествія онъ сидѣлъ на палубѣ, въ самомъ уединенномъ уголкѣ, погруженный въ мрачное раздумье. Для вида онъ держалъ на колѣняхъ раскрытую книгу, и когда кто нибудь проходилъ мимо, онъ принимался читать. Онъ курилъ по цѣлымъ днямъ и сигара была единственнымъ утѣшеніемъ для него въ эти мрачные, тяжелые дни. Онъ ненавидѣлъ, онъ презиралъ себя за эту слѣпую злобу, сдѣлавшую его убійцей, хотя не чувствовалъ особенной жалости къ убитому: это было пьяное, грубое животное, которому гораздо лучше покоиться въ могилѣ, чѣмъ влачить позорное существованіе на землѣ. Бродяга, обманувшій эту хорошенькую, довѣрчивую простушку обѣщаніемъ жениться на ней—обѣщаніемъ, котораго онъ, конечно, никогда не исполнилъ бы. Не смерть, но убійство ужасало его. Онъ убилъ безоружнаго человѣка! Убилъ не въ честномъ бою, но во время ссоры, подъ вліяніемъ вина. Вотъ въ чемъ были ужасъ и стыдъ, и сожалѣніе, раздиравшее ему сердце подобно тысячѣ скорпіоновъ. Въ долгія безсонныя ночи онъ ворочался и вздыхалъ на своей постели, двадцать разъ желая умереть, спрашивая себя, не лучше ли просто кинуться черезъ бортъ и покончить разомъ всѣ эти мученія.

Весьма возможно, что онъ кончилъ бы самоубійствомъ, но его спасла мысль, что онъ не имѣетъ права распоряжаться своей жизнью; она принадлежитъ другимъ. У него была мать, обожавшая его, и къ которой онъ въ свою очередь питалъ самую горячую сыновнюю любовь. Она была вдова и считала сына не только главой дома, но и своимъ единственнымъ утѣшеніемъ. Если онъ умретъ, наслѣдственное имѣніе достанется дядѣ—сухому, престарѣлому холостяку—а его мать принуж-

Digitized by Google

дена будетъ покинуть домъ, въ которомъ прожила всѣ годы своего замужества, и удовольствоваться выдѣломъ вдовьей части. У него была также сестра—прелестное, легкомысленное созданіе, которое онъ любилъ не менѣе матери—сестра, уже представленная королевѣ, возбуждавшая всеобщій восторгъ въ обществѣ и владѣвшая всѣми шансами составить блестящую партію. Бѣдная, маленькая Модъ! Что станется съ Модъ, если онъ бросится съ парохода? Какой ужасный скандалъ! И тѣмъ не менѣе, если онъ останется живъ и какъ нибудь всплыветъ наружу это несчастное убійство въ венеціанскомъ кафѣ—послѣдствія отразятся на Модъ еще тяжелѣе. Въ обществѣ станутъ косо смотрѣть на дѣвушку, у которой братъ—трусъ, предательски поднявшій ножъ противъ своего ближняго. Это будетъ ужасно и унизительно, если его преступленіе сдѣлается извѣстно въ Англіи и станетъ предметомъ всеобщихъ пересудовъ.

Итакъ, съ общественной точки зрѣнія, ему слѣдовало быть какъ можно дальше отъ венеціанской трагедіи. Счастливый случай помогъ ему скрыться изъ города: уйди пароходъ на нѣсколько минутъ ранѣе или позднѣе—спасеніе было бы невозможно. Но что же дальше? Развѣ полиція не можетъ телеграфировать въ Бриндизи или въ Александрію и арестовать его на дорогѣ?

На утро послѣ бѣгства онъ уплатилъ за пассажирскій билетъ и назвался Джономъ Смитомъ изъ Лондона. При этомъ имени, капитанъ посмотрѣлъ на него немного подозрительно, но внѣшность Ванситарта располагала въ его пользу. «Онъ впутался въ какую нибудь исторію»,—подумалъ капитанъ,—«однако смотритъ настоящимъ джентльменомъ и я беру его подъ свою защиту».

— Вы долго пробудете въ Каирѣ?—спросилъ онъ Ванситарта, когда они были уже въ виду Александріи.

— Нѣтъ, недолго. Только получу свой багажъ. Я отправляюсь на Нилъ.

— Ну, вамъ покажется немного жарко во время путешествія!

— О, я не боюсь жары, у меня не пылкій темпераментъ,—безпечно замѣтилъ Ванситартъ, столько же помышлявшій ѣхать на Нилъ, какъ и на луну. Пока они подходили къ пристани,

Digitized by Google

онъ постарался собрать какъ можно болѣе свѣдѣній о всѣхъ пароходахъ, стоящихъ тамъ. Онъ рѣшилъ сѣсть на первый отходящій пароходъ. Но предварительно надо запастись новымъ платьемъ, чтобы явиться передъ новыми спутниками въ болѣе приличномъ видѣ.

Онъ простился съ капитаномъ очень дружески.

— Я не забуду, какъ вы были добры ко мнѣ, — безпечно проговорилъ онъ,—весьма возможно, что вы не услышите обо мнѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Я буду путешествовать вверхъ по Нилу...

— Берегитесь тамошняго климата,—перебилъ капитанъ.

— Но какъ только возвращусь въ Лондонъ, я напишу вамъ. Прощайте.

Онъ зашелъ въ ресторанъ, чтобы посмотрѣть послѣднія газеты. Тамъ оказалось много парижскихъ газетъ— *Galignani*, *Le Figaro*, *Le Temps*, была одна туринская газета и одинъ экземпляръ *Daily Telegraph*, вышедшій двѣ недѣли тому назадъ. Опасаться было нечего. Ванситартъ вздохнулъ свободнѣе и сталъ думать о поѣздкѣ въ Каиръ. Но, по размышленіи, онъ рѣшилъ, что Каиръ былъ слишкомъ англійскій городъ, и что онъ могъ встрѣтить тамъ кого нибудь изъ своихъ знакомыхъ. Лучше держаться прежняго плана и возвратиться въ Англію съ первымъ пароходомъ, на который онъ успѣетъ сѣсть. Онъ подумалъ также о своихъ вещахъ, оставленныхъ въ отелѣ Даніели, и рѣшилъ, что онѣ не могутъ служить уликой, такъ какъ онъ не говорилъ своего имени швейцару и не расписывался въ книгѣ посѣтителей. Въ отелѣ была масса пріѣзжихъ и Ванситартъ былъ извѣстенъ—подобно арестанту—подъ нумеромъ 150, какъ значилось на двери его комнаты. Платье, чемоданъ, туалетная шкатулка, носили только его инициалы—Д. В. Онъ путешествовалъ налегкѣ, не имѣлъ съ собой никакихъ книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя покупалъ дорогой, и всѣ его письменныя принадлежности заключались въ маленькой коробкѣ съ бумагой. Всѣ письма онъ имѣлъ обыкновеніе уничтожать, тотчасъ по прочтеніи — даже письма матери, послѣ того какъ перечиталъ ихъ два или три раза. Визитныя карточки, записная книжка и портмонэ были въ карманѣ его сюртука, когда онъ бросился въ воду. Нѣтъ, онъ не оставилъ у Даніели ничего опаснаго, и также не оставилъ

Digitized by Google

долговъ, потому что утромъ, въ день своего бѣгства, уплатилъ по счету, намѣреваясь ѣхать въ Верону съ раннимъ поѣздомъ. Поразмысливъ, онъ рѣшилъ, что ему нечего бояться газетъ, такъ какъ ни одна газета не могла прибыть ранѣе парохода, на которомъ онъ пріѣхалъ, а преступленіе, совершонное въ Венеціи, не имѣло такого общественнаго интереса, чтобы о немъ телеграфировали въ египетскія газеты. Да, онъ былъ въ безопасности, но все же лучше не терять времени и поспѣшить возвращеніемъ въ Англію.

Ванситартъ сосчиталъ свои деньги и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что ихъ достаточно на дорогу и даже остается небольшая сумма на экстренные расходы. Бо́льшая часть его денегъ заключалась въ англійскихъ банковыхъ билетахъ и, значитъ, съ этой стороны не могло быть никакихъ затрудненій. Онъ отправился на пристань и, узнавъ, что въ этотъ же вечеръ уходитъ въ Англію пароходъ, тотчасъ же сдалъ багажъ и выбралъ себѣ каюту. Онъ купилъ себѣ на дорогу нѣсколько французскихъ романовъ и еще кое-какихъ мелочей, безъ которыхъ цивилизованный человѣкъ чувствуетъ себя дикаремъ. Пароходъ уходилъ въ полночь. Въ началѣ вечера, Ванситартъ былъ уже на пароходѣ и прохаживался на палубѣ среди благоуханной темноты, любуясь освѣщеннымъ городомъ, массивными набережными, свидѣтельствующими о предпріимчивости англичанъ, Фаросомъ—гигантскимъ брекватеромъ, озарявшимъ волны длиннымъ рядомъ яркихъ бѣлыхъ огней,—всѣмъ, что̀ дѣлаетъ теперешній египетскій портъ достойнымъ древней Александріи, когда ея близнецы-обелиски возносились къ небу и когда самое ея имя означало все, что̀ было величайшаго въ блестящемъ античномъ мірѣ. Ванситартъ глядѣлъ тупымъ, холоднымъ взглядомъ на звѣздное небо, на городъ, освѣщенный фонарями, и тяжесть, давившая его мозгъ, дѣлала его равнодушнымъ ко всему прекрасному и новому, что̀ еще такъ недавно пробуждало въ немъ живѣйшій интересъ. Какъ часто, въ жаркій іюльскій полдень, грезилъ онъ Египтомъ, лежа на бархатной лужайкѣ Гэмпшира, а возлѣ него въ травѣ валялся старый томъ Геродота или другаго, болѣе новаго путешественника. Сколько разъ давалъ онъ себѣ слово провести зиму въ этой древней исторической странѣ! Онъ жаждалъ видѣть дворцы, статуи, крѣпости и гробницы, служив-

Digitized by Google

шіе историческими памятниками. Египетъ былъ страной, гдѣ онъ мечталъ разсѣяться и насладиться, куда могъ бѣжать, если когда нибудь ему прискучитъ волшебная и обожаемая Италія.

Снова и снова принимался онъ ходить по палубѣ, при свѣтѣ звѣздъ, и опять вставало передъ нимъ изъ мрака лицо убитаго, вставало такимъ, какимъ онъ видѣлъ его въ тотъ ужасный моментъ, когда изъ полуоткрытыхъ губъ вырвался крикъ: — «Боже»! — и человѣкъ упалъ на землю, какъ пораженный громомъ. Когда онъ упалъ, въ лицѣ его не произошло никакой перемѣны: ни смертельной блѣдности, ни конвульсій. Когда онъ лежалъ тамъ, уставивъ глаза въ потолокъ, никто бы не подумалъ, что онъ мертвъ. Жестокій ударъ ножемъ проникъ прямо въ сердце и достаточно было одного мгновенія, чтобы прекратить жизнь этого сильнаго человѣка.

Обратный путь показался Ванситарту очень долгимъ и томительнымъ. Мрачныя мысли не покидали его, между тѣмъ какъ вокругъ начиналось лѣто: лѣто въ Генуѣ, лѣто во всей Ривьерѣ. Золотистыя мимозы распустились въ садахъ, окружавшихъ виллы, и бѣлые паруса сверкали на солнцѣ.

Онъ думалъ о Фіорделизѣ, и это были самыя горестныя мысли. Онъ не сомнѣвался, что лишилъ бѣдняжку единственнаго покровителя, который содержалъ ее вмѣстѣ съ теткой. Быть можетъ, ей предстоитъ теперь голодная смерть или что нибудь еще хуже. Можетъ ли она возвратиться на островъ Бурано, чтобы снова сдѣлаться кружевницей, по прежнему бѣгать въ стоптанныхъ башмакахъ, жить на три пенса съ половиной въ день, питаться полентой, послѣ того какъ она отвѣдала вкусныхъ блюдъ подъ вывѣской «Черной шляпы»? Можетъ ли она возвратиться въ деревню и опять сдѣлаться крестьянкой, послѣ того какъ гуляла на Піаццѣ въ пышномъ бархатномъ платьѣ и каталась въ гондолѣ, играя на своей мандолинѣ?

Онъ зналъ женское сердце и среду, въ которой выросла эта дѣвушка, а потому считалъ невозможнымъ ея возвратъ къ прошлому. Первый шагъ на ложный путь ведетъ за собой другой, и эти открытые, смѣлые, прекрасные глаза, это лебединое горло и стройное тѣло скоро найдутъ себѣ новаго владыку. Кто нибудь другой будетъ платить маленькому старичку-учи-

Digitized by Google

телю и съ восторгомъ слушать, какъ поетъ Лиза подъ нѣжный акомпанементъ мандолины.

Можетъ быть, этотъ высокій, широкоплечій человѣкъ, съ волосами песочнаго цвѣта, сдержалъ бы свое обѣщаніе и женился на ней, не будь онъ убитъ. Кто знаетъ? А что онъ любилъ Фіорделизу, въ этомъ не могло быть сомнѣній. Его бѣшеная ревность доказывала страстную силу любви этого цивилизованнаго дикаря.

Увы, бѣдная Фіорделиза! На самой зарѣ жизни она уже вдова. И тотъ, кто сдѣлалъ ее несчастной, ничѣмъ не можетъ помочь ей. Онъ не смѣетъ даже протянуть ей руку. Его интересы и судьба близкихъ ему людей требуютъ, чтобы онъ порвалъ всѣ нити, связывающія его съ несчастной катастрофой въ Венеціи. Онъ ничего не можетъ сдѣлать для Фіорделизы. Онъ радъ бы отдать ей половину своего дохода, но не смѣетъ выслать даже десятифунтовый билетъ. Она должна сама или выплыть, или погибнуть.

Въ Марсели онъ остановился. Здѣсь также было лѣто—лѣто во всемъ его ослѣпительномъ блескѣ, съ лазурнымъ небомъ и глубокой, темной, сверкающей синевой моря. Улицы были полны шума и благоуханія, цвѣточницы осаждали Ванситарта, предлагая ему букеты изъ розъ и блѣдныхъ пармскихъ фіалокъ, въ то время какъ онъ шелъ съ набережной къ желѣзнодорожному отелю. Было время, когда зрѣлище этого южнаго порта волновало его, опьяняло и радовало, когда онъ не могъ достаточно налюбоваться живописнымъ городомъ и широкимъ заливомъ, съ его скалами и маяками, гдѣ раздѣлялись два водяные пути — налѣво Индустанъ, Китай, Японія; направо—новый свѣтъ и западъ; два пути на безграничномъ голубомъ просторѣ океана, которые вели, казалось, въ страну чудесъ.

И вотъ онъ возвратился изъ этой страны чудесъ, изъ этого восточнаго міра, полнаго блеска и тайны, отъ гробницъ фараоновъ, отъ праха Клеопатры, возвратился усталый, ко всему равнодушный.

Онъ вошелъ въ одинъ изъ большихъ кафе, стоявшихъ на правой сторонѣ улицы, сѣлъ за столикъ въ отдаленномъ углу и принялся торопливо просматривать газеты. «Да, вотъ здѣсь есть объ *этомъ*—въ «Фигаро».

Digitized by Google

«На прошлой недѣлѣ, во вторникъ, поздно вечеромъ, въ одномъ изъ венеціанскихъ кафе, помѣщающихся на Піаццѣ, произошла кровавая ссора. Двое англичанъ вступили въ дикую схватку изъ-за венеціанской дѣвушки, которая пришла въ кафе въ сопровожденіи одного изъ нихъ. Оба противника были, оказалось, очень пьяны и угостили другъ друга кулаками по англійской модѣ, послѣ чего младшій, болѣе приличный съ виду, выхватилъ ножъ и ударилъ своего врага прямо въ сердце. Смерть была почти мгновенная. Пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, убійца скрылся въ праздничной толпѣ, наводнявшей Піаццу. Предполагаютъ, что онъ кинулся въ воду и, достигнувъ первой гондолы, поспѣшилъ на желѣзнодорожную станцію или утонулъ, но послѣднее предположеніе едва ли вѣрно, такъ какъ весь каналъ былъ покрытъ лодками. Старанія венеціанской полиціи открыть какіе нибудь слѣды бѣглеца остались безъ успѣха. Имя убитаго—Джонъ Смитъ. Онъ жилъ въ Венеціи довольно долго, но пользовался дурной славой и былъ кругомъ въ долгу, особенно среди мелкихъ торговцевъ Ріальто. Подробности его жизни никому неизвѣстны и даже дѣвушка, изъ-за которой онъ погибъ, ничего не знаетъ о его прошломъ».

Джонъ Смитъ! Имя вымышленное, безъ сомнѣнія, какъ и то, которымъ Ванситартъ назвалъ себя капитану парохода. Перечитывая это извѣстіе въ «Фигаро», онъ убѣдился, что преступленіе не произвело такого шума, какъ онъ предполагалъ. Повидимому, онъ дешево отдѣлался и могъ совершать свой жизненный путь, не боясь, что его когда нибудь призовутъ къ отвѣту за этотъ роковой ударъ ножемъ.

Онъ пообѣдалъ въ шумномъ станціонномъ ресторанѣ съ апетитомъ, какого не чувствовалъ уже давно, взялъ мѣсто въ купэ скораго поѣзда, не соблазняясь удобствами «спальнаго» вагона, и приготовился къ длинному ночному путешествію въ Парижъ, чувствуя себя, въ первый разъ послѣ той роковой ночи, немного спокойнѣе. Въ Авиньонѣ, когда поѣздъ остановился, онъ выглянулъ въ темноту и опять увидѣлъ суровый непривѣтливый мартъ—предвѣстникъ свѣтлаго праздника; а въЛіонѣ потянуло съ двухъ рѣкъ еще болѣе рѣзкимъ холодомъ и Ванситартъ почувствовалъ, что возвращается домой.

Ко времени предобѣденнаго чая онъ былъ уже въ Чарльзъ-Стритѣ, и сидѣлъ въ хорошенькой гостинной рядомъ съ ма-

Digitized by Google

терью и сестрой, окруженный ласками и вниманіемъ, какихъ только можетъ требовать самолюбивый молодой человѣкъ. Онъ былъ въ разлукѣ съ матерью почти цѣлый годъ. Сестра была на семь лѣтъ моложе его—хорошенькое, молодое, легкомысленное существо, мысли котораго рѣдко останавливались на чемъ нибудь болѣе серьезномъ, чѣмъ фасонъ послѣдняго бальнаго платья, модная прическа для волосъ, или красивая бездѣлушка для туалетнаго стола. Да, и эта хорошенькая, легкомысленная дѣвушка по своему обожала Джека Ванситарта и еще не начинала обожать никого другаго. Комната была наполнена цвѣтами, стариннымъ китайскимъ фарфоромъ, столиками, загроможденными серебромъ, эмалью, дрезденскими шкатулками, ножами изъ слоновой кости для разрѣзыванія книгъ,—а книги виднѣлись повсюду, гдѣ только можно было ихъ помѣстить. Это была старинная гостинная, съ низкимъ потолкомъ и стѣнами подъ панель стариннаго, немного обветшалаго дома, принадлежавшаго еще дѣду м-съ Ванситартъ, правителю восточной Индіи. Мебель была семидесятилѣтней давности и представляла оригинальную смѣсь стариннаго англійскаго стиля съ индійскими издѣліями, настоящей старой Индіи, когда еще тамъ не начинали фабриковать поддѣлокъ для довѣрчивыхъ англичанъ. Тутъ было и бомбейское черное дерево, украшенное богатой рѣзьбой, и слоновая кость, и экраны изъ чернаго дерева съ золотомъ, пестрыя вышивки, сохранившія, не смотря на время, всю яркость цвѣтовъ, фарфоровые кувшины, эмалевыя вазы, а рядомъ строгая простота розоваго дерева и блѣднаго кретона. Нѣсколько превосходныхъ акварелей на стѣнахъ и масса цвѣтовъ повсюду дѣлали гостинную м-съ Ванситартъ уютнымъ гнѣздышкомъ для самой элегантной женщины и для самой прелестной дѣвушки въ мірѣ.

Лондонскій домъ былъ наслѣдственной собственностью м-съ Ванситартъ; домъ въ Гэмпширѣ принадлежалъ ея сыну и она, смѣясь, называла себя и дочь—экономками.

— Когда вы женитесь,—говорила Модъ, вздергивая хорошенькую головку, украшенную блѣднымъ золотомъ волосъ, завитыхъ по модному,— мы съ мамой покинемъ васъ. Потому что какую бы неряху ни вздумалось вамъ полюбить, она все же будетъ хозяйкой въ Мервудѣ.

— Съ чего вы взяли, что я полюблю неряху?

Digitized by Google

— О, по теоріи противоположностей. Вы сами такой строгій, акуратный, серьезный человѣкъ, что навѣрно полюбите какую нибудь дикарку, дріаду съ прекрасными глазами и полвершкомъ грязи на подолѣ платья.

— Какъ бы ни были прекрасны глаза, полвершка грязи послужили бы предостереженіемъ, котораго я не могъ бы игнорировать. Но я не имѣю претензій быть серьезнымъ и акуратнымъ. Ирландская кровь моего отца слегка нарушила невозмутимость моей англосаксонской натуры.

И теперь, въ этотъ яркій апрѣльскій день, Джека Ванситарта опять ласкали двѣ милыя любящія женщины, не зная, чѣмъ выразить ему свою нѣжность послѣ долгой разлуки. Едва давъ ему время вымыть руки и стряхнуть кентскую пыль съ волосъ и платья, онѣ заставили его сѣсть возлѣ себя и приняться за чай. Онъ долженъ былъ увѣрить ихъ, что уже позавтракалъ въ Калѣ, что не хочетъ ничего, кромѣ чаю, и не желаетъ, чтобы для него накрывали столъ внизу, въ столовой.

— И вы сюда прямо черезъ Марсель?—спросила м-съ Ванситартъ.—Какое ужасное путешествіе!

— Да, матушка, знойное и пыльное; но туристы этого не боятся. Впрочемъ, вы вѣдь такая домосѣдка.

— Къ моему несчастію,—заявила Модъ, надувъ губки.— Я не имѣю понятія, на что похожа наша планета. Приходится вѣрить на слово, что она круглая.

— Вашу телеграмму изъ Марсели, — начала м-съ Ванситартъ,—мы получили сегодня въ два часа, когда возвратились отъ м-съ Маунтинъ. Обрадованная, что скоро увижу васъ, я порѣшила дать вамъ одну недѣлю повеселиться въ Парижѣ.

— Парижъ всегда веселъ,—отвѣчалъ ея сынъ, — но меня утомили скитанія, захотѣлось домой. И вотъ я дома, счастливый, безопасный, не то что бѣдный, старый Одиссей. Кстати, матушка, ваша итальянская болонка выказывала явное намѣреніе укусить меня, когда я шелъ по лѣстницѣ, а вѣдь когда-то мы были съ ней такими друзьями. Собачій темпераментъ измѣнился со временъ почтеннаго Аргуса.

— Какъ это глупо съ ея стороны! Черезъ нѣсколько дней она будетъ по прежнему любить васъ. А теперь, Джекъ, разскажите мнѣ, гдѣ вы были и что видѣли, съ тѣхъ поръ какъ покинули Мервудъ. Вы такой лѣнивый корреспондентъ, что

Digitized by Google

мы ничего не знали о вашихъ дорожныхъ впечатлѣніяхъ, и не будь я знакома съ вашимъ характеромъ, меня очень тревожило бы это молчаніе.

— Вотъ видите, какъ хороша моя система,—замѣтилъ онъ, смѣясь:—будь я хорошій корреспондентъ, вы не могли бы пробыть безъ моихъ писемъ и одной недѣли. Я слыхалъ про словоохотливыхъ молодыхъ людей, которые пишутъ роднымъ аккуратно разъ въ недѣлю или ведутъ дневникъ и отсылаютъ его два раза въ мѣсяцъ для семейнаго чтенія. Но такъ какъ вы съ Модъ знаете мою ненависть къ перепискѣ, то васъ нимало не тревожитъ отсутствіе писемъ.

— Ошибаетесь, Джекъ,—со вздохомъ отвѣтила его мать.— Я часто безпокоилась о васъ. Но теперь нечего горевать, когда вы опять со мной, и надолго, надѣюсь.

— Да, надолго,—какъ эхо, повторилъ Джекъ. — Мнѣ надоѣло странствовать.

Въ его тонѣ слышалась непритворная усталость.

— А теперь разсказывайте намъ свои приключенія.

Эта фраза кольнула его, какъ острый ножъ.

— У меня ихъ не было. Въ наши дни не бываетъ приключеній. Двѣ недѣли провелъ я въ Средиземномъ морѣ, на яхтѣ своего друга, американца. Погода была скверная, впрочемъ, все обошлось благополучно. Я прожилъ цѣлый мѣсяцъ въ Монте-Карло, перестрѣлялъ множество павлиновъ и прозѣвалъ ихъ еще больше; игралъ немного, съ перемѣнчивой удачей, но не проигрался; въ общемъ даже выигралъ, хотя не богъ вѣсть какъ много, но совершенно достаточную сумму, чтобы купить солитеры для хорошенькихъ ушей Модъ,—тутъ онъ ущипнулъ маленькое ушко, находившееся у него какъ разъ подъ рукой, потому что дѣвушка сидѣла рядомъ на низенькомъ креслѣ.—Нѣтъ, у меня не было приключеній. Я видѣлъ все знакомыя мѣста. Откуда я писалъ въ послѣдній разъ?

— Изъ Болоньи, сто лѣтъ назадъ; противное, крошечное письмо,—отвѣчала Модъ.

— Ахъ, да: послѣ Флоренціи, я провелъ нѣсколько дней въ Болоньѣ. Мнѣ нравится Болонья.

— А затѣмъ? Куда вы поѣхали изъ Болоньи? Вы были тамъ еще около двухъ мѣсяцевъ назадъ.

Digitized by Google

— О, я отправился въ Падую и... и въ Верону,—отвѣчалъ онъ беззаботно, — потомъ опять въ Геную, исколесилъ Ривьеру, останавливаясь кое-гдѣ на день или два, такъ до самой Марсели, и вотъ — я здѣсь. Такова моя исторія, и я не прочь выпить другую чашку чаю.

Модъ налила ему чаю, пододвинула бисквиты, вкусный тортъ, потомъ нѣжно обвила его шею рукой, лаская густые волосы, волнами обрамлявшіе широкій лобъ Джека.

— Боже, какъ вы загорѣли!—воскликнула она.—Можно подумать, что вы долго ѣхали моремъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Меня пригрѣло солнце на Средиземномъ морѣ; а мартовское солнце Ривьеры грѣетъ еще жарче.

— Итакъ, вы были въ Болоньѣ и Падуѣ и не заглянули въ свою обожаемую Венецію?—сказала м-съ Ванситартъ.—Вѣдь вы такъ любили Венецію, не правда ли?

— Да, я восхищался ею, но мнѣ хотѣлось еще разъ побывать на Ривьерѣ, гдѣ столько солнца и воздуха.

— И вы покинули Италію, не видѣвъ Венеціи?—вскричала Модъ, столько разъ слышавшая восторженные разсказы брата объ этомъ чудномъ городѣ.

Въ первый разъ въ жизни онъ солгалъ, и притомъ солгалъ тѣмъ, кто вѣрилъ ему безгранично—матери и сестрѣ. Онъ презиралъ себя за это и тѣмъ не менѣе рѣшилъ упорно отстаивать свою ложь. Онъ не былъ въ Венеціи. Никто не смѣлъ уличить его во лжи, и онъ готовъ былъ дать клятву, что весной 1886 г. его не было въ Венеціи. Съ какою радостью думалъ онъ о томъ, что никому не сказалъ своего имени у Даніели, и что тамъ его не зналъ никто, потому что въ прежніе свои пріѣзды онъ всегда останавливался въ отеляхъ на Grando Canale. И онъ сказалъ себѣ, что никто не убѣдитъ его, будто Джекъ Ванситартъ былъ въ этомъ фатальномъ городѣ во время прошлаго карнавала.

— А теперь, когда вы слышали исторію моихъ скитаній...

— Нечего сказать, интересная исторія!—вскричала Модъ.—У васъ, мужчинъ, совсѣмъ нѣтъ способности описывать. Когда Люси Колдеръ возвратилась изъ Италіи послѣ медоваго мѣсяца, она по цѣлымъ часамъ разсказывала мнѣ о томъ, что видѣла.

— Хорошенькая трещетка! Уже не хотите ли вы, чтобы я повторялъ цѣлыя страницы изъ Муррея и Джонса? Въ наше

Digitized by Google

время, дорогая Модъ, всѣ путешествія похожи одно на другое, а комфортъ и удовольствія находятся въ зависимости отъ хорошаго устройства желѣзныхъ дорогъ и отелей. Мы покончили съ романтическими приключеніями. Во всей Европѣ жизнь удивительно однообразна. А теперь скажите мнѣ, что вы сами подѣлывали: жизнь дѣвушки въ началѣ ея перваго сезона представляетъ гораздо болѣе интереса, чѣмъ всѣ города Европы, взятые вмѣстѣ.

— Прежде всего,—начала Модъ, скромно сложивъ руки,—въ февралѣ я была представлена королевѣ. Разумѣется, передъ этимъ я выѣзжала немного, въ ноябрѣ, но это не въ счетъ: самое главное начинается только послѣ представленія королевѣ.

— Ну, и что же? ваше платье было прелестно, и королевскія высочества благосклонно взирали на васъ, когда вы присѣдали?

— На мѣстѣ королевскихъ высочествъ легко могли бы фигурировать восковыя куклы—я ничего не замѣтила бы. Я не видѣла лицъ—только облака перьевъ, блескъ брильянтовъ, волны бархата и шолка, и все это волновалось, двигалось, неясное, туманное, какъ видѣніе сна. Но кое-какъ все обошлось благополучно, и мама увѣряетъ, что я не сдѣлала никакой безтактности.

— А платье?

— О, платье было такъ прекрасно, какъ только можно требовать; это была идея матушки. Каждая деталь тщательно обсуждалась съ м-lle Marie. Мама находила недостаточнымъ знать, что леди Люсиль Плантагенетъ носила такое-то платье, а леди Гвендолена Тюдоръ—такое-то. Надо было изобрѣсти платье необычайное, которое было бы достойно только меня, Модъ Ванситартъ. Трэнъ и лифъ были сдѣланы изъ бѣлаго атласа—того самаго атласа, который можно видѣть на старинныхъ картинахъ, атласа, въ которомъ столько глубины и нѣжныхъ сѣро-стальныхъ тѣней, бѣлыхъ струй и серебристаго блеска;—а затѣмъ, вмѣсто юбки, воздушное облако, драпированное такъ, какъ только Marie умѣетъ драпировать ткани, и въ этомъ облакѣ кое-гдѣ виднѣлись пучки ландышей. Газеты—въ особенности дамскіе журналы—пришли въ восторгъ отъ моего платья.

— А что сказали дамскіе журналы насчетъ обладательницы платья?

Digitized by Google

— О, нѣкоторые изъ нихъ были настолько добры, чтобы признать меня не самой плохой дебютанткой этого года и похвалить мою прическу—я даже слышала, что нашъ французъ парикмахеръ имѣлъ дерзость увѣковѣчить ее подъ именемъ «куафюры Ванситартъ».

— Неслыханная дерзость! Ну, а теперь, когда вы «представлены» и официально вступили въ свѣтъ, вамъ кажется, не правда ли, что Лондонъ—довольно пріятное мѣстечко, особенно когда сидишь подъ крыломъ матери?

— О, настоящіе выѣзды начнутся еще не скоро—послѣ Святой, не ранѣе. Впрочемъ, мы уже были на многихъ обѣдахъ и завтракахъ, имѣемъ кучу приглашеній на май, а въ Лондонѣ много нашихъ гэмпширскихъ друзей, такъ что скучать не придется.

— Среди вашихъ гэмпширскихъ друзей не случалось ли вамъ встрѣчать своего іоркширскаго друга, сэра Губерта Гертлея?

— Какъ же. Сэръ Губертъ здѣсь.

— И онъ видѣлъ васъ, Модъ, въ вашемъ туалетѣ для представленія королевѣ?

— Да, мама пригласила въ этотъ день гостей къ чаю, было много народу—и, конечно, сэръ Губертъ.

— И, конечно, это совершенно доканало его?

— Доканало! О, Джекъ, что за выраженія! Я не понимаю, что̀ вы хотите сказать.

— Конечно, нѣтъ. Ну, хорошо, я не скажу болѣе ни слова о моемъ старомъ другѣ Губертѣ.

— Ахъ!—вздохнула Модъ,—какъ грустно видѣть, что человѣкъ изъ такого почтеннаго сословія въ глубинѣ души—либералъ.

— Да онъ, конечно, заблуждается,—замѣтилъ Джекъ,—но это не наше дѣло.

М-съ Ванситартъ съ легкимъ вздохомъ пригладила пушистые волосы дочери, сидѣвшей на низенькомъ креслѣ между матерью и братомъ.

— Моя Модъ желаетъ,—проговорила она,—чтобы ея друзья были одинаковыхъ съ ней убѣжденій, а вѣдь она у меня такой ярый консерваторъ и такъ много понимаетъ въ политикѣ!

— Во всякомъ случаѣ, понимаю настолько, чтобы ненави-

Digitized by Google

дѣть радикаловъ и то, что̀ принято называть прогрессомъ,— заявила Модъ.—Прогрессъ заставляетъ разрушать древніе историческіе дома, расширять узкія, живописныя улицы, изрѣзывать рельсами восхитительныя долины и превращать романтическія озера въ резервуары.

— И прогрессъ же иногда заставляетъ кормить голодныхъ, учить безграмотныхъ, — добавила м-съ Ванситартъ,—строить хорошія, теплыя квартиры для бѣдняковъ, которые прозябаютъ въ грязи и нищетѣ. Я думаю, Модъ, что и виги, и тори одинаково признаютъ необходимость реформъ.

— О, конечно!—отозвалась Модъ,—о бѣдныхъ надо заботиться прежде всего, и я ужасно горжусь нашими чистыми, просторными коттэджами.

— Это дѣло матушкиныхъ рукъ,—замѣтилъ Ванситартъ.— Ея заботы видны во всемъ.

— Сэръ Губертъ говорилъ мнѣ,—продолжала Модъ,—что въ Гертлеѣ есть очень хорошіе коттэджи, но трудно вообразить себѣ что нибудь удобное или живописное въ двадцати миляхъ отъ Шеффильда.

— И, однако же, тамъ есть прелестные, романтическіе уголки,—возразилъ братъ.

Позже, вечеромъ, мать и сынъ остались вдвоемъ въ комнатѣ, принадлежавшей Ванситарту, — уютной, маленькой комнаткѣ нижняго этажа. Здѣсь бесѣда сдѣлалась серьезнѣе, чѣмъ за чаемъ, гдѣ царствовала легкомысленная Модъ, еще не подозрѣвавшая, что жизнь приноситъ не однѣ только радости и есть на свѣтѣ нѣчто посерьезнѣе новыхъ платьевъ и новыхъ поклонниковъ.

— Дорогой Джекъ,—со вздохомъ начала мать, любовно глядя на загорѣлое лицо юноши, молча курившаго трубку,— теперь, когда вы опять дома, я надѣюсь, вы совсѣмъ остепенитесь и подумаете о томъ, какъ бы устроить свою жизнь.

— Остепениться?—повторилъ онъ,—что̀ вы хотите сказать, матушка? Ужь не собираетесь ли вы женить меня!

— Вы и сами женитесь, мой дорогой, когда придетъ пора. Я торопить васъ не стану, не потому, чтобы мнѣ хотѣлось подольше хозяйничать въ Мервудѣ, но потому, что такіе поспѣшные браки рѣдко бываютъ счастливыми.

— Ну, это устарѣлый взглядъ. Я вѣрю въ любовь съ пер-

Digitized by Google

ваго взгляда и вѣчное супружеское счастье. Вѣрю въ сродство душъ и знаю, что въ этомъ обширномъ мірѣ есть та, которая только одна и можетъ сдѣлать меня счастливымъ. Не бойтесь, матушка, я еще не встрѣтилъ свою нареченную, но до тѣхъ поръ, пока этого не случится, пока не забьется мое сердце при видѣ ея лица, при видѣ ея голоса, до тѣхъ поръ я не женюсь. Я не могу жениться только потому, что старые опытные люди совѣтуютъ мнѣ это, или ради того, чтобы посадить красивую женщину во главѣ стола. Нѣтъ, я предпочитаю сидѣть за круглымъ столомъ, гдѣ нѣтъ никакой главы.

— Я не думала о вашей женитьбѣ, Джекъ. Мнѣ только хотѣлось, чтобъ вы принялись за какое нибудь дѣло, подумали о своей карьерѣ. Грустно подумать, что вы всегда будете вести такую безцѣльную, праздную жизнь: скучать во время лондонскаго сезона, ѣздить на яхтѣ въ августѣ, стрѣлять немного въ сентябрѣ, охотиться съ гончими въ октябрѣ и на всю зиму уѣзжать въ Ниццу или Монте-Карло. Съ вашими средствами и независимостью вы могли бы нѣсколько лучше устроить жизнь и примѣнить къ дѣлу свои таланты.

— Мои таланты—сокровище, неизвѣстное никому. Сомнѣваюсь даже, чтобы кто нибудь, кромѣ любящей матери, считалъ меня особенно умнымъ.

— Я помню, Джекъ, какимъ вы были ребенкомъ и какъ хорошо учились въ школѣ.

— О, тогда была особенная атмосфера школьной жизни. Я былъ влюбленъ въ Грецію. Это были младенческія грезы. Самолюбіе школьника давно прошло. Въ этомъ направленіи я уже ничего не сдѣлаю.

— Можетъ быть. Вы слишкомъ много работали во время студенчества. Но мнѣ хотѣлось бы видѣть васъ въ парламентѣ.

— Милѣйшій изъ льстецовъ, признайтесь, что вамъ хотѣлось бы видѣть меня первымъ министромъ. Не сомнѣваюсь, что по вашему мнѣнію отъ меня самого зависитъ принять постъ лорда-канцлера въ болѣе молодые годы, чѣмъ Уильямъ Питтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Джекъ, не смотря на всю мою любовь къ вамъ, я не такая глупая мать. Но я знаю, что у васъ есть способности, и хочу, чтобы онѣ приносили пользу. Мнѣ хотѣлось бы видѣть васъ въ парламентѣ. Столько добра можно сдѣ-

Digitized by Google

лать теперь, когда созидается новая Англія—Англія просвѣщенная и гуманная—и мнѣ хочется, чтобы на этомъ плугѣ государственной и политической жизни лежала также и рука моего сына.

— Я согласенъ, что нива, по которой проходитъ этотъ плугъ, достаточно широка, но сильна ли настолько моя рука, чтобы провести борозду?

— Вы можете помогать, Джекъ; каждый на это способенъ.

— Матушка, я увѣренъ, что въ душѣ вы радикалка.

— Не думаю, чтобы только радикалы желали народу просвѣщенія и пользы. Нѣтъ, Джекъ, именно потому, что я не радикалка, я и желаю видѣть васъ въ парламентѣ. Вы богаты, хорошей фамиліи, хорошо воспитаны и слегка консервативны. Вы легко найдете себѣ мѣсто, которое, въ противномъ случаѣ, можетъ быть занято какимъ нибудь авантюристомъ-радикаломъ, смотрящимъ на парламентскую жизнь, какъ на средство сдѣлать себѣ карьеру.

— Если по какой нибудь случайности изберутъ меня, консерватора, вмѣсто воображаемаго авантюриста-радикала,—который навѣрно оказался бы гораздо лучшимъ ораторомъ, чѣмъ я, и имѣлъ бы за себя больше избирателей,—что же? я былъ бы очень радъ. Я не чувствую особеннаго отвращенія къ парламенту, но—о хитрѣйшая изъ матерей!—я отлично понимаю, для чего вамъ такъ хочется видѣть на моихъ карточкахъ внушительныя слова: «членъ парламента». Вы думаете: «Если мнѣ удастся запереть его вмѣстѣ съ другими овцами въ палатѣ общинъ, онъ перестанетъ рыскать по свѣту». Вѣдь правда, матушка, вы это говорили себѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Джекъ. Мнѣ ужасно хочется видѣть васъ дома, возлѣ себя, но я хитрю. Больше всего на свѣтѣ я желаю, чтобы у васъ была опредѣленная цѣль въ жизни, а не одна только погоня за удовольствіями. Я желаю гордиться своимъ сыномъ.

Она придвинула стулъ свой ближе къ нему и взяла его сильную, широкую руку въ свои тонкіе, слабые пальцы. Въ ея глазахъ онъ былъ идеаломъ всего, что только могутъ представлять мужество и юность. Она уже гордилась имъ, хотя онъ еще ничего не сдѣлалъ для своей славы. Она гордилась его ростомъ и силой, его пріятной наружностью, его мужествомъ

Digitized by Google

и добродушіемъ—всѣми качествами, которыя составляютъ принадлежность англійскаго джентльмена.

— Гордиться мной!—повторилъ онъ, какъ эхо.—Бѣдная матушка!—Онъ отдернулъ руку, вспомнивъ, что она обагрена кровью ближняго.

III.

Горныя феи.

Прошло около трехъ лѣтъ со времени той роковой ночи въ Венеціи. Была средина зимы, только что миновало рождество и м-съ Ванситартъ вмѣстѣ съ сыномъ гостила за двадцать миль отъ Мервуда.

Модъ Ванситартъ успѣла превратиться въ Модъ Гертлей, но, прежде чѣмъ согласиться на предложеніе своего обожателя, она взяла съ него слово, что онъ купитъ помѣстье гдѣ нибудь по близости отъ Мервуда, гдѣ она родилась и выросла, гдѣ все такъ живо напоминаетъ ей рано умершаго любимаго отца, гдѣ она провела счастливые годы своего дѣвичества вмѣстѣ съ обожаемой матерью. У сэра Губерта было прекрасное помѣстье среди дикихъ іоркширскихъ горъ, въ получасовомъ разстояніи отъ Шеффильда, и тамъ солидный каменный домъ, въ стилѣ Георга, построенный еще прадѣдомъ, но Модъ не соглашалась сдѣлать это отдаленное жилище своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ, а такъ какъ ея женихъ былъ настолько богатъ, что могъ безъ труда купить новое помѣстье, какъ другіе покупаютъ новую лошадь, то ему и оставалось только найти по близости домъ, который могъ бы понравиться Модъ.

Такой домъ былъ найденъ. Не слишкомъ старинный и не слишкомъ новый, онъ стоялъ на склонѣ Блэкдауна, въ той богатой и живописной мѣстности, которая лежитъ между Петвортомъ и Гесльмеромъ. Это просторное, хорошо построенное зданіе, называвшееся Редвольдъ-Товерсъ, совершенно удовлетворяло понятія Губерта Гертлея о домашней фермѣ, которую онъ думалъ завести, не перенося, однако же, главной квартиры изъ своихъ гертлейскихъ владѣній, гдѣ у него было много богатыхъ полей и пастбищъ, на которыхъ паслись дорогія породы рогатаго скота и рабочихъ лошадей, цѣнившихся на вѣсъ зо-

Digitized by Google

лота, по заявленію Модъ, потому что, случалось, за одно животное платили по шести и семисотъ фунтовъ стерлинговъ.

Мервудъ, перешедшій къ Джону Ванситарту послѣ смерти его отца, находился въ Гэмпширѣ. Длинный и низкій господскій домъ стоялъ на краю холма, поросшаго сосной, и глядѣлъ своимъ фасадомъ на дикую, живописную долину, не приносившую никакой пользы въ сельскомъ хозяйствѣ, но за то струившую благоуханіе лѣсовъ, разукрашенную пурпуромъ и золотомъ дрока и вереска. А за вершиной холма начинались сочныя пастбища и плодоносныя нивы.

Модъ вышла замужъ около двухъ лѣтъ назадъ и уже на свѣтъ появился ребенокъ, въ дѣтской Редвольда, такъ какъ сэръ Губертъ желалъ, чтобы его первенецъ увидѣлъ свѣтъ непремѣнно въ старой фамильной спальнѣ гертлейскаго замка, въ этой патріархальной спальнѣ, гдѣ родились и умирали его предки, гдѣ его добрый старый прадѣдушка въ послѣдній разъ закрылъ глаза и спокойно перешелъ къ вѣчному сну. Къ несчастью, Модъ ненавидѣла Гертлей и соглашалась только на мѣсяцъ пріѣзжать туда во время охотничьяго сезона, въ видѣ уступки лучшему изъ мужей.

— Разумѣется,—говорила она брату,—я всегда знала, что буду его женой: онъ былъ единственный человѣкъ, который мнѣ нравился хоть сколько нибудь. Но мнѣ было жаль Лондона и успѣховъ свѣтской жизни. Мнѣ нравилось, когда обо мнѣ говорили и называли меня хорошенькой миссъ Ванситартъ. Я была когда-то ею, Джекъ! Не смѣйтесь надо мной. И я любила дѣлать несчастными молодыхъ людей, водить ихъ за носъ, ничего въ сущности не обѣщая.

— Много было у васъ жертвъ? Стрѣлялись изъ-за васъ?

— Не говорите глупостей. Вы знаете, что нынѣшняя молодежь неспособна къ истинной любви. Нѣкоторые изъ нихъ были готовы жениться на мнѣ. И,—добавила она съ неожиданной серьезностью,—я могла бы пріобрѣсть графскую корону, еслибы захотѣла воспользоваться случаемъ.

— Потускнѣвшую корону, вѣроятно, которая нуждалась въ позолотѣ...

— Нѣтъ, сэръ. Такія короны золотятъ въ Америкѣ. Моя корона была бы непотускнѣвшая и богатая, но это оказалось невозможнымъ,—добавила Модъ съ легкимъ вздохомъ.—Я не

Digitized by Google

могла отказать Губерту. Онъ былъ такъ смѣшно влюбленъ въ меня.

— Былъ? Продолжаетъ быть, надѣюсь.

Этотъ разговоръ происходилъ въ одинъ снѣжный день, подъ вечеръ послѣ рождества, когда Джекъ и его сестра возвращались домой въ обществѣ охотниковъ, съ которыми рыскали цѣлый день по горамъ.

— Да, онъ все еще обожаетъ меня, бѣдняга, хотя уже давно разгадалъ меня.

— Разгадалъ васъ? Какъ это?

— О, ему кажется, что я легкомысленна, эгоистична и вообще не стою ничего съ нравственной точки зрѣнія. Онъ находитъ также, что хотя я люблю хорошенькіе коттэджи, окруженные садиками, но не особенно интересуюсь ихъ обитателями и не знаю, о чемъ съ ними говорить. Онъ находитъ, что я никогда не принимала близко къ сердцу интересы бѣдняковъ. Короче, онъ убѣдился, что я тори, до мозга костей, а не пылаю радикализмомъ, какъ онъ самъ. Боюсь, что намъ вовсе не слѣдовало жениться. Это все равно, что пытаться соединить огонь и воду.

— О, я думаю, что вы прекрасно уживетесь вмѣстѣ, не смотря на разницу въ политическихъ убѣжденіяхъ. Да къ тому же вы едва ли много знаете по части политики.

— Вы правы, совсѣмъ ничего не знаю. Никогда не читаю парламентскихъ преній, и чувствую отчаянную скуку, если при мнѣ заводятъ политическіе разговоры. Но мой консерватизмъ постоянно сталкивается съ радикализмомъ Губерта: въ обращеніи съ прислугой, въ отношеніи къ друзьямъ, въ нашихъ вкусахъ, взглядахъ, религіозныхъ вопросахъ. Я даже руки пожимаю бѣднякамъ совсѣмъ не такъ, какъ онъ. Я пыталась подражать ему, но никакъ не могу чувствовать себя съ мужиками равной, а у него это выходитъ такъ просто и непринужденно. И что бы я ни дѣлала, не могу избавиться отъ чувства ложнаго стыда, при мысли объ этомъ прадѣдушкѣ Губерта, который началъ свою карьеру въ Шеффильдѣ безъ гроша за душой и затѣмъ, благодаря какому-то открытію—совершенно ничтожному на мой взглядъ—положилъ основаніе богатству Гертлеевъ. Я не прочь, чтобы всѣ забыли этотъ эпизодъ изъ фамильной исторіи, которымъ бѣдный Губертъ

Digitized by Google

особенно гордится. Онъ показываетъ каждому гостю портретъ своего прадѣда въ рабочемъ платьѣ, которое онъ носилъ тогда, какъ сдѣлалъ свое знаменитое открытіе. Но такъ какъ мой мужъ джентльменъ, то я довольна,—закончила Модъ.—Я увѣрена, что въ цѣлой Англіи не найдется джентльмена лучше моего Губерта, не смотря на весь его радикализмъ.

Модъ Гертлей была очень счастлива въ замужствѣ. Мужъ любилъ и баловалъ ее съ безграничной нѣжностью, исполнялъ ея малѣйшія прихоти, считалъ ее очаровательной, необыкновенной женщиной, которая достойна была сдѣлать гораздо лучшую партію. Она могла издерживать денегъ сколько хотѣла; у нея былъ домъ, гдѣ она всѣмъ распоряжалась по своему вкусу, не касаясь лишь привилегій, дарованныхъ престарѣлымъ слугамъ гертлейскаго замка, служившимъ съ самаго рожденія своего барина, и гордость которыхъ заключалась въ томъ, что сэръ Гертлей выросъ у нихъ на глазахъ, что они видѣли, какъ у него прорѣзался первый зубъ и какъ онъ привезъ домой молодую жену. Странно, что радикалы проводятъ иногда въ своей семьѣ очень консервативные взгляды.

Сэръ Губертъ Гертлей былъ небольшаго роста, темноволосый и смуглый, какъ будто дымъ Шеффильда, который вдыхалъ его прадѣдъ день за днемъ, въ теченіе полувѣка, окрасилъ этимъ темнымъ цвѣтомъ кровь Гертлеевъ. Онъ былъ подвижный, хорошо сложенный для своего небольшаго роста, живой, энергичный человѣкъ; считался превосходнымъ стрѣлкомъ и наѣздникомъ, любителемъ всякаго спорта и дикихъ животныхъ, даже тѣхъ, которыхъ убивалъ на охотѣ, интересуясь ихъ нравомъ, восхищаясь ихъ силой и красотой. Въ остальномъ онъ былъ щедръ и благотворителенъ безгранично, отличался добротой, отзывчивостью, гостепріимствомъ, гордился своимъ домомъ въ лучшемъ смыслѣ слова, и Джекъ Ванситартъ, не смотря на свое болѣе аристократическое происхожденіе, любилъ и уважалъ его. Они были почти однихъ лѣтъ, вмѣстѣ учились въ Итонѣ и Оксфордѣ, и Джекъ зналъ своего друга, какъ самого себя. Онъ не могъ бы выбрать лучшаго мужа для сестры и лучшаго зятя для себя. Иногда ему казалось, что даже роднаго брата онъ не могъ бы любить больше, чѣмъ любилъ Губерта Гертлея.

Джекъ Ванситартъ еще не принимался за дѣло. Онъ ко-

Digitized by Google

кетничалъ съ политиками, позволялъ говорить о себѣ, какъ о молодомъ человѣкѣ, который былъ бы завиднымъ пріобрѣтеніемъ для консерваторовъ, но самъ еще не примыкалъ ни къ кому.—«Партія довольно сильна и безъ меня»,—говорилъ онъ,—«я подожду общихъ выборовъ и тогда выступлю. Надо попытать счастья въ Іоркширѣ, выставить кандидатуру противъ Губерта и всѣхъ его молодцовъ. Я могу выступить въ Бортборо, аттаковать Гертлея въ его собственной твердынѣ».

Бортборо былъ маленькій торговый городокъ, гдѣ закупали провизію для гертлейскаго замка. Гертлеи уже два поколѣнія служили представителями Бортборо, но Губертъ удалился съ политической арены и находилъ гораздо болѣе интереса въ кормовыхъ овощахъ и цѣнномъ рогатомъ скотѣ, чѣмъ въ парламентскихъ преніяхъ и системѣ законодательства. Онъ не отличался ораторскимъ искусствомъ и считалъ, что исполнилъ свой долгъ, какъ помѣщикъ и гражданинъ, обезпечивъ для представительства отъ Бортборо честнаго либерала. Женитьба еще болѣе охладила его къ политикѣ. Онъ любилъ свой домъ, свою конюшню и сады, свою ферму и лѣса, свою хорошенькую жену и начинавшаго лепетать ребенка. Джонъ Ванситартъ находилъ его счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

«У него все есть,—думалъ Ванситартъ,—онъ не чувствуетъ неудовлетворенныхъ желаній. Его совѣсть чиста, онъ можетъ смотрѣть людямъ прямо въ глаза и говорить:—«Я никому не сдѣлалъ зла».—Я же не могу и никогда не буду имѣть права сказать это. На каждомъ поворотѣ дороги я ожидаю встрѣтить тѣхъ, кому сдѣлалъ зло: мать, которая, быть можетъ, любила *его*, также какъ моя мать любитъ меня; сестру, которая лишилась въ *немъ* брата и покровителя. У каждаго человѣка есть близкіе. Каковъ бы онъ ни былъ, но, погибая, онъ губитъ вмѣстѣ съ собой и другихъ». Потомъ онъ начиналъ думать о Фіорделизѣ, съ ея пламенными итальянскими глазами, такъ довѣрчиво принимавшей все, что̀ угодно было судьбѣ бросить передъ ней на дорогу: квартиру въ Ріальто, уроки на мандолинѣ, бархатное платье, вкусные обѣды. Она принимала всѣ эти дары, какъ манну небесную, и ужь, конечно, не строгія правила и не латинскій катехизисъ удержатъ ее отъ новыхъ поисковъ за этой манной. «Что̀ сталось съ ней за эти годы», думалъ онъ,—«когда мое преступленіе сдѣлалось лишь

Digitized by Google

воспоминаніемъ? Служитъ ли она натурщицей или чѣмъ нибудь еще хуже? Въ наши дни, когда искусство подавлено фотографіей, прекрасное лицо Фіорделизы не имѣетъ такой цѣны, какъ въ золотой вѣкъ Тинторетто и Веронеза».

Онъ дѣлалъ все возможное, чтобы забыть сцену въ кафе Флоріани, но образъ Фіорделизы часто возвращался къ нему, принося печаль и муки горькихъ сожалѣній. Воспоминаніе о томъ, что онъ испортилъ ей жизнь, вызывало въ его сердцѣ такую острую боль, какъ еслибы онъ сдѣлалъ зло беззащитному ребенку. Ея простодушіе и одиночество вызывали въ немъ безконечную жалость и даже старая тетка, такъ невозмутимо примирявшаяся съ судьбой племянницы, не казалась ему такой странной, какой показалась бы англичанка при такихъ же условіяхъ.

Оглядываясь на прошлое, онъ припомнилъ одинъ эпизодъ изъ своего юношества, когда подъ вліяніемъ гнѣва совершилъ поступокъ, очень встревожившій его мать. Это произошло въ то время, когда онъ усиленно занимался при помощи учителя, готовясь къ поступленію въ Оксфордъ. Онъ узналъ, что грумъ нехорошо обращается съ его лошадьми, и жестоко избилъ за это виновнаго слугу. Хотя и слуга, и баринъ были одинаково сильны, но на сторонѣ Ванситарта оказалось искусство ученаго боксёра, и когда гнѣвъ прошелъ, Ванситартъ почувствовалъ мучительный стыдъ за свою несправедливость. Затѣмъ огорченіе матери такъ сильно подѣйствовало на него, что онъ попросилъ извиненія у потерпѣвшаго, чѣмъ необычайно возвысился въ мнѣніи конюшеннаго персонала.

— Много найдется господъ, которые за потасовку не прочь сунуть въ руку бѣдному малому соверенъ, но только настоящій, воспитанный баринъ можетъ сказать:—«Простите меня, Бэтсъ, я ошибся»,—замѣтилъ на это старый фамильный кучеръ, который помнилъ крестины мастера Джека.

Бремя, тяготившее совѣсть Ванситарта, сдѣлалось старымъ за эти годы, и онъ былъ способенъ выносить его тяжесть, такъ что никто не подозрѣвалъ, что эта пріятная, открытая внѣшность свѣтскаго человѣка скрываетъ мрачную тайну. Онъ былъ добрый сынъ, ласковый любящій братъ, справедливый къ своимъ слугамъ и благородный господинъ. Его жизнь была безупречна передъ свѣтомъ.

Digitized by Google

«Но дамокловъ мечъ виситъ надъ головой и упадетъ, когда я менѣе всего ожидаю»,—говорилъ онъ себѣ въ минуту мрачныхъ воспоминаній.

Въ эту зиму онъ довольно весело провелъ рождество въ Редвольдъ-Товерсѣ и леди Гертлей называла его душой своего общества.

— Вы не увлекаетесь охотой и всякимъ спортомъ, какъ другіе мужчины,—говорила она.—Вы удостоиваете насъ своимъ вниманіемъ въ скучные часы между завтракомъ и обѣдомъ, между тѣмъ какъ остальные кавалеры уходятъ куда-то въ своихъ ужасныхъ толстыхъ сапогахъ, еще ранѣе, чѣмъ я успѣю спуститься въ столовую, и я не вижу ихъ до самаго обѣда.

— Боюсь, что моя любезность къ дамамъ доказываетъ только, что я старѣюсь и дѣлаюсь лѣнивымъ.

— Можетъ быть, вы слишкомъ долго жили на континентѣ и забыли спортсменскія удовольствія. Губертъ повсюду нашелъ бы себѣ дѣло: въ Канадѣ онъ ловилъ бы рыбу, въ Африкѣ—охотился за львами. Ему непремѣнно надо кого нибудь убивать. Но вы совсѣмъ другой, у васъ нѣтъ кровожадныхъ инстинктовъ.

— Ни малѣйшихъ,—отвѣчалъ Джекъ со смѣхомъ,—хотя я настолько англичанинъ, что не признаю охоты безъ крови.

— О, я знаю, что вы прекрасно ѣздите верхомъ и не чужды пристрастію англичанъ къ охотѣ и стрѣльбѣ, но все же вамъ далеко до Губерта. Стоитъ только взглянуть на его сапоги, чтобы понять его самого. Вся эта коллекція спортсменской обуви, эти непромокаемые рыболовные сапоги ужасающаго вида, широкіе, подбитые гвоздями, напоминаютъ орудія пытки, бывшія въ модѣ при Тюдорахъ и Плантагенетахъ. Говорятъ, что можно узнать характеръ человѣка по его почерку, а я могу узнать характеръ каждаго по сапогамъ.

— Итакъ, вы меня причисляете къ женоподобнымъ особамъ въ тонкихъ ботинкахъ?—спросилъ Джекъ, чѣмъ вызвалъ единодушный смѣхъ всего дамскаго персонала, уютно размѣстившагося вокругъ огня, за исключеніемъ одной трудолюбивой матроны, которая, сидя у окна, занималась рукодѣльемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! я вовсе не считаю васъ женоподобнымъ. Вы никогда не сдѣлаетесь услужливымъ другомъ дома. Но ваши сапоги имѣютъ болѣе культурный видъ, чѣмъ у Губерта;

Digitized by Google

вы любите искусство, книги, музыку, до которой Губерту нѣтъ никакого дѣла.

— Онъ интересуется тѣмъ, что̀ гораздо важнѣе музыки,— замѣтилъ Ванситартъ. — Его занимаютъ гуманныя цѣли, онъ постоянно думаетъ о томъ, какъ бы улучшить положеніе тѣхъ, кто зависитъ отъ него. Его гертлейскіе коттэджи могутъ служить моделями для подобныхъ построекъ, и все въ нихъ, до послѣднихъ мелочей, обдумано имъ самимъ.

— Да, онъ самъ архитекторъ своихъ построекъ, и его планы очень удачны, хотя, на мой взглядъ, имъ не достаетъ красоты. Можетъ быть, наши здѣшніе коттэджи не такъ удобны, какъ гертлейскіе, но зато они гораздо живописнѣе, эти милые, старинные домики съ высокими средневѣковыми кровлями.

— И лишенные свѣта и воздуха, прибавлю я. На такіе домики пріятно любоваться издали, но не жить въ нихъ.

Общество, находившееся въ гостинной, состояло: изъ трехъ миссъ Чемперноунъ, дочерей корнваллійскаго баронета, красивыхъ, изящныхъ, элегантныхъ,—словомъ, вполнѣ достойныхъ того, чтобы м-съ Ванситартъ выбрала которую нибудь изъ нихъ себѣ въ невѣстки и изъ м-съ Бэддингтонъ, сидѣвшей у окна за шитьемъ и до такой степени погруженной въ свою работу, что каждому невольно приходило на умъ, не лучше ли было бы почтенной леди остаться дома и тамъ безъ помѣхи заниматься рукодѣльемъ. Впрочемъ, присутствіе этой дамы объяснялось тѣмъ, что ея мужъ былъ хорошій стрѣлокъ и веселый товарищъ, такъ что скучную м-съ Бэддингтонъ приглашали ради ея веселаго мужа.

Остальныя дамы были—м-съ Ванситартъ и миссъ Гринъ, молодая леди, придававшая какое-то особенное значеніе тому, что она принадлежала къ фамиліи Гринъ—Гринъ изъ Педлингтона. Миссъ Гринъ была невзрачна, но умна, и гордилась своей невзрачностью столько же, сколько своимъ хорошимъ старинымъ именемъ. Ея родные были богаты и она получила наслѣдство отъ холостяка-дяди, завѣщавшаго ей свое богатство подъ тѣмъ условіемъ, что она можетъ выйти замужъ только за того человѣка, который согласится принять фамилію Гринъ. Исключеніе могло быть сдѣлано только для пэра. Но даже и въ томъ случаѣ, еслибъ она сдѣлалась женой пэра, ея второй сынъ обязанъ былъ носить фамилію Гринъ и наслѣдо-

Digitized by Google

вать фамильныя богатства Гриновъ. Миссъ Гринъ была разсчетлива до скупости и гордилась своей разсчетливостью. Она была истиннымъ наказаніемъ для всѣхъ своихъ знакомыхъ дамъ, потому что принимала слишкомъ горячее участіе въ ихъ домашнемъ хозяйствѣ, знала цѣну всѣхъ продуктовъ, и всѣмъ надоѣдала практическими совѣтами.

Такова была женская половина общества, присутствовавшая въ Редвольдъ-Товерсѣ, и благосклонность которой успѣлъ завоевать Джонъ Ванситартъ. Онъ восхищался работой м-съ Бэддингтонъ и удивилъ эту леди своимъ знаніемъ по части древняго флорентинскаго шитья. Онъ прогуливался съ дѣвицами Чемперноунъ по Блэкдоуну, не взирая на вѣтеръ и дождь, и также мало чувствовалъ охоты влюбиться въ которую нибудь изъ трехъ сестеръ, какъ и въ началѣ своихъ прогулокъ. Онъ обсуждалъ съ миссъ Гринъ способы одѣваться роскошно на пятьдесятъ фунтовъ въ годъ и позволилъ ей убѣдить себя, что Грины изъ Педлингтона—болѣе древняя фамилія, чѣмъ Плантагенеты. Сегодня онъ также остался любезничать съ дамами въ гостинной и каждую изъ четырехъ молодыхъ леди пригласилъ танцовать съ нимъ на охотничьемъ балу въ маленькомъ захолустномъ городкѣ, куда они всѣ отправлялись сегодня вечеромъ.

— Это будетъ ужасное путешествіе,—сказала Модъ Гертлей,—подумайте только, каково будетъ ѣхать по горамъ въ такую погоду.

Въ этомъ году рождество было настоящими старинными святками, и изъ оконъ гостинной Редвольдъ-Товерса весь міръ казался закутаннымъ въ снѣжный покровъ.

— Лошади привыкли къ здѣшнимъ дорогамъ,—отвѣтилъ Ванситартъ,—и вашъ кучеръ сказалъ мнѣ, что не боится горъ. Онъ хотѣлъ запречь четверку.

— И я увѣрена, что бѣдныя животныя съ усиліемъ будутъ тащить большой экипажъ, переполненный людьми, по этимъ ужаснымъ холмамъ,—замѣтила его сестра.

— Если вамъ такъ жаль лошадей, то можно идти пѣшкомъ,—проговорилъ Джекъ.

— Что? Въ нашихъ атласныхъ туфляхъ? Это было бы восхитительно!

Никто не рѣшился идти пѣшкомъ въ десять часовъ вечера,

Digitized by Google

когда карета, нагруженная молодежью, выѣхала изъ воротъ замка и четверка лошадей весело застучала копытами по дорогѣ, скованной морозомъ. Мелодично позванивала сбруя, вороные кони бѣжали крупной рысью съ холма на холмъ, какъ будто и сами радуясь этому путешествію посреди полей и пастбищъ, недвижныхъ и бѣлыхъ, озаренныхъ луннымъ свѣтомъ, между тѣмъ какъ въ каждомъ оврагѣ, за каждымъ холмомъ, темнѣли дубы и каштаны, молчаливые, таинственные. Они обогнули Бекслей-Гиллъ, проѣхали спящія тихія деревни и пустынный выгонъ для скота.

— Что, скоро мы пріѣдемъ?—спросила Гильда Чемперноунъ.

— Едва ли мы проѣхали половину дороги, — отвѣчала леди Гертлей.—Вѣдь я говорила, что это будетъ ужасное путешествіе.

Внутри кареты горѣла лампа, освѣщавшая трехъ миссъ Чемперноунъ въ облакахъ газа и кружевъ, бѣлыхъ, какъ дѣвственный снѣгъ, и ярко озарявшая три каштановыя головки, три пары прекрасныхъ глазъ, три вишневыхъ ротика и три лебединыхъ шеи, окруженныхъ страусовыми перьями. Лампа освѣщала также и красный съ золотомъ плащъ Модъ Гертлей, опушенный мѣхомъ голубой лисицы, и брильянты въ ушахъ Модъ, сверкавшіе, какъ сверкаетъ роса на утреннемъ солнцѣ.

Это было очень веселое общество. Майоръ Бэддингтонъ и Губертъ сидѣли на козлахъ, закутанные до самыхъ ушей въ теплыя шапки и мѣховые плащи, и съ наслажденіемъ курили на свѣжемъ воздухѣ. Джекъ и еще двое молодыхъ людей сидѣли внутри кареты, посреди женскаго общества, которое было въ душѣ очень довольно такимъ прибавленіемъ мужскаго элемента, но дѣлало видъ, что боится, какъ бы въ тѣснотѣ не измялись пышные бальные туалеты.

— У меня есть мрачное предчувствіе, — начала Клавдія Чемперноунъ,—что всѣ танцующіе кавалеры успѣютъ ангажировать дамъ на весь вечеръ, пока мы доѣдемъ.

— Это невозможно, если только они знаютъ, что тамъ будутъ миссъ Чемперноунъ,—отозвался м-ръ Тиветтъ, молодой человѣкъ, обладавшій очень тоненькимъ голоскомъ и репутаціей всеобщаго любимца.

Digitized by Google

— Кто станетъ нами интересоваться?—спросила Клавдія.—Мы здѣсь чужія.

— Я думаю, найдутся кавалеры, которые подождутъ меня и моихъ гостей,—замѣтила Модъ.—Я извѣстна тѣмъ, что всегда привожу на балы самыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ.

Теперь они начали взбираться на самый крутой холмъ. Подъемъ былъ почти оконченъ, когда карета внезапно остановилась, и въ морозномъ воздухѣ прозвенѣлъ гдѣ-то взрывъ серебристаго смѣха.

— Горныя феи!—вскричалъ Ванситартъ.

— Кто это смѣется, и зачѣмъ мы остановились?—спросила миссъ Чемперноунъ.—И безъ того мы страшно запоздали!

Слышались голоса—два или три женскихъ голоса—и потомъ Губертъ имъ что-то отвѣтилъ. Новый смѣхъ. Сэръ Губертъ, вмѣстѣ съ грумомъ, спустился съ козелъ и подошелъ къ дверцамъ кареты.

— У васъ не найдется мѣста для трехъ дамъ?—спросилъ онъ.

— Не найдется даже для мыши,—отвѣчала его жена.—Мы уже и такъ стѣснены. Я увѣрена, что наши платья совсѣмъ измяты.

— Въ такомъ случаѣ, не бѣда, если они изомнутся еще немного болѣе. Послушайте: вы, трое мужчинъ, можете сѣсть на козлахъ. Будетъ тѣсновато, но мы какъ нибудь устроимся, а три леди займутъ ваши мѣста. Ночь дивная. Никто изъ васъ троихъ не страдаетъ бронхитомъ, надѣюсь.

— У меня хроническій, отъ самой колыбели,—пропищалъ м-ръ Тиветтъ.

— О, Тиветтъ можетъ остаться. Онъ служитъ самымъ точнымъ воплощеніемъ эвклидовой линіи: долгота безъ широты.

Джекъ Ванситартъ, между тѣмъ, вышелъ изъ кареты и Реджи Гудсонъ, воинственный молодой человѣкъ, послѣдовалъ за нимъ. Дамы недовольно сдвинулись вмѣстѣ. Каждая хотѣла бы одна завладѣть каретой.

— Не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, для кого мы освобождаемъ мѣста,—проворчала Модъ.

— Я увѣрена, что мы пріѣдемъ ужасно поздно!—вздохнула Клавдія.

— Эй, послушайте вы, добрые люди — крикнулъ изъ ка-

Digitized by Google

реты галантный Тиветтъ: — входите поскорѣе, пожалуйста! Скоро уже одиннадцать, а мы вѣдь не на пикникъ ѣдемъ.

Но его слова потерялись въ пространствѣ. Только съ вершины холма снова прозвенѣлъ смѣхъ эльфовъ. Между тѣмъ сэръ Губертъ, Ванситартъ и майоръ Бэддингтонъ собрались вокругъ экипажа—дряхлаго допотопнаго ландо, запряженнаго одной лошадью, которое развалилось отъ ветхости и теперь безпомощно лежало на вершинѣ холма.

— Мы знали, что рессоры ослабѣли, — звенѣлъ чистый, какъ серебро, голосъ изъ глубины пуховаго капюшона.—Онѣ съ каждымъ годомъ становились все слабѣе и слабѣе, но никто не подозрѣвалъ, что и оглобли едва держатся.

— Оглобли были въ исправности, миссъ, когда мы выѣхали,—проворчалъ кучеръ глухимъ голосомъ, потому что его ротъ былъ закутанъ шарфомъ, какіе носятъ деревенскіе кучера.—Виною всему ваша тяжесть, которую пришлось тащить въ гору.

— Моя тяжесть!—вскричалъ пуховой капюшонъ, эластично вскакивая на ноги.—Неужели я такъ тяжела?

При этомъ движеніи, капюшонъ откинулся назадъ, и Ванситартъ увидѣлъ, при яркомъ лунномъ свѣтѣ, женщину, къ которой дѣйствительно подходило шутливое восклицаніе, вырвавшееся у него. Да, это горная фея стояла передъ нимъ на вершинѣ холма, прекрасная, ослѣпительно бѣлая на фонѣ лунной ночи, «какъ свѣтъ въ свѣтѣ», волшебная, достойная имени Титаніи. Она была очень высока, но такая тонкая и гибкая, что казалась сильфидой—королевой сильфовъ, быть можетъ. Она была ослѣпительно прекрасна и ея головку окружалъ вѣнецъ блѣдно-золотыхъ волосъ, въ которыхъ сверкалъ млечный путь брильянтовыхъ звѣздъ.

— Оглобли сломались, — заговорила другая юная особа, закутанная до самаго носика краснымъ пледомъ, какіе носятъ жены фермеровъ, отправляясь на рынокъ,—оглобли сломались и лошадь упала. Я думала, что мы всѣ будемъ убиты.

— И этого не случилось только потому, что я догадался сразу остановиться и соскочить на землю,—произнесъ кучеръ.—Нельзя гонять лошадь по такимъ проклятымъ дорогамъ; будь я хозяинъ, я не позволилъ бы этого.

— Не безпокойтесь высказывать свои мнѣнія, другъ мой,—

Digitized by Google

замѣтилъ сэръ Губертъ, небрежно кинувъ флоринъ ворчливому кучеру.—Лучше отведите бѣдное животное домой и выпейте сами чего нибудь горячаго. Я позабочусь о миссъ Мерчентъ и ея сестрахъ.

— О, вы безконечно добры,—воскликнула Титанія,—но пусть лучше за нами пришлютъ кабріолетъ послѣ бала. Мы не допустимъ, чтобы вы еще отвозили насъ и домой.

— Почему же нѣтъ? Мы, разумѣется, отвеземъ васъ и домой. Пойдемте; я боюсь, что вы простудитесь, разговаривая на морозѣ.

Сэръ Губертъ направился къ своей каретѣ въ сопровожденіи трехъ дѣвушекъ: старшей—Титаніи—въ бѣломъ, съ ногъ до головы, средней—въ черномъ кружевномъ платьѣ, виднѣвшемся изъ-подъ ея огромнаго краснаго пледа временъ Стюартовъ, и младшей, закутанной въ голубой плащъ и голубой вязаный башлыкъ.

— Миссъ Мерчентъ просятъ вашего гостепріимства,—обратился сэръ Губертъ къ женѣ, и она отвѣтила граціозно:

— Ахъ, бѣдняжки, какое для васъ безпокойство! Входите, пожалуйста, какъ вы озябли, должно быть! Вашъ экипажъ сломался? Это ужасно! Боюсь, что наши грѣлки остыли (жара внутри кареты была почти тропическая) но все же здѣсь достаточно тепло, и я надѣюсь, что вы немного обогрѣетесь.

— Какое ужасное нашествіе!

— Мы врываемся къ вамъ цѣлой толпой!

— Какъ вы должны насъ ненавидѣть! — кричали разомъ три юные, свѣжіе голоска.

Три миссъ Чемперноунъ и миссъ Гринъ хранили упорное молчаніе. Четыре пары глазъ холодно оцѣнивали вошедшихъ—ихъ наружность, платье, общественное положеніе, все до мельчайшихъ подробностей. Прекрасная, высокая дѣвушка, похожая на Титанію, была очень хороша. Самый строгій и придирчивый судья не могъ бы отрицать этого. Была ли эта ослѣпительная красота дѣломъ искусства, этого нельзя было различить при слабомъ свѣтѣ каретнаго фонаря. Но даже если эта алебастровая кожа выработана при посредствѣ бѣлилъ, глаза не могли быть поддѣльными — чудесные, живые, голубовато-сѣрые глаза, осѣненные густыми, темными рѣсницами. Носъ былъ шедѣвромъ въ безконечномъ ряду человѣческихъ

Digitized by Google

носовъ; ротъ и подбородокъ — совершенство, и она смотрѣла вокругъ, на незнакомыя лица, съ самой очаровательной улыбкой, какъ будто ей никогда не приходилось страдать отъ свѣтскихъ предразсудковъ и незаслуженнаго презрѣнія. Ея младшія сестры были того же типа, но не такъ хороши собой. Дѣвица въ голубомъ была въ веснушкахъ и загорѣлая, а дѣвица въ красномъ стюартовскомъ пледѣ — слишкомъ блѣдна. Титанія получила львиную долю фамильной красоты.

Но что касается ихъ нарядовъ, то они представляли богатую пищу для насмѣшницъ. Капюшоны изъ лебяжьяго пуха носили во время крымской войны; голубой башлыкъ и оперный плащъ ярко-голубаго цвѣта доказывали очень дурной мѣщанскій вкусъ ихъ обладательницы; и въ какой обстановкѣ должна была воспитываться дѣвушка, если родные позволяли ей отправляться на охотничій балъ въ какомъ-то ужасномъ пледѣ!

— Насъ никто не провожаетъ,—весело сказала Титанія.— М-съ Понто будетъ нашей руководительницей на балу.

М-съ Понто была жена стряпчаго, жившаго въ Мендельфордѣ, маленькомъ городкѣ, гдѣ долженъ былъ состояться балъ. Это былъ первый охотничій балъ въ Мендельфордѣ, со времени основанія города, и устройствомъ этого бала граждане были всецѣло обязаны предпріимчивости мѣстнаго токаря, который вздумалъ построить общественную залу позади своей лавки и такимъ образомъ положилъ основаніе культурному развитію города—концертамъ, любительскимъ спектаклямъ, лекціямъ оксфордскихъ и кембриджскихъ профессоровъ, гипнотическимъ сеансамъ и церковному пѣнію.

Послѣ этой краткой бесѣды, наступило молчаніе; миссъ Чемперноунъ и миссъ Гринъ продолжали изображать изъ себя каменныя изваянія, а Модъ Гертлей находила, что она исполнила долгъ хозяйки. Карета весело катилась по замерзшей дорогѣ, и подковы четырехъ лощадей наполняли тишину зимней ночи такимъ гуломъ и топотомъ, словно приближалась кавалерія. Можетъ быть, это молчаніе длилось бы до самаго Мендельфорда, еслибъ не выручилъ маленькій Тиветтъ, сидѣвшій между двухъ миссъ Чемперноунъ и почти утонувшій въ волнахъ бѣлаго газа и страусовыхъ перьевъ, откуда онъ, какъ бѣлка изъ мшистаго гнѣзда, глядѣлъ съ самымъ живѣйшимъ

Digitized by Google

любопытствомъ на три хорошенькихъ личика, помѣщавшихся противъ него.

— Не знаю, леди Гертлей, чѣмъ я заслужилъ такую немилость, что вы меня считаете недостойнымъ представиться этимъ юнымъ леди,—произнесъ, наконецъ, добрый маленькій человѣкъ.

— Мой дорогой м-ръ Тиветтъ, извините за оплошность. Я совсѣмъ забыла, что вы еще не встрѣчались съ миссъ Мерчентъ. Конечно, вы умираете отъ желанія познакомиться съ ними. Миссъ Мерчентъ, позвольте мнѣ представить вамъ м-ра Тиветта, неизмѣннаго поклонника прекраснаго пола, знающаго гораздо болѣе о женскихъ нарядахъ, вкусахъ и привычкахъ, чѣмъ сами женщины.

— Дорогая леди Гертлей,—протестовалъ Тиветтъ своимъ тонкимъ голоскомъ,—миссъ Мерчентъ подумаетъ, что я какой-то выродокъ, и обратится въ бѣгство.

— Она очень скоро убѣдится, что вы самый добрѣйшій и услужливый изъ людей, и, я увѣрена, будетъ къ вамъ также расположена, какъ и я.

— Милѣйшая леди Гертлей, какъ любезно съ вашей стороны говорить это!—вскричалъ м-ръ Тиветтъ съ кокетливымъ смѣхомъ.—А теперь, миссъ Мерчентъ, когда вы слышали мой аттестатъ, не пожертвуете ли вы мнѣ одинъ танецъ?

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчала Ева, мысленно спрашивая себя, не будетъ ли она черезчуръ смѣшна, кружась по бальной залѣ съ этимъ забавнымъ маленькимъ человѣкомъ, едва виднѣвшимся изъ-за складокъ платья миссъ Чемперноунъ.—Который танецъ?

— О, самый первый вальсъ, а ваши сестры, я надѣюсь, протанцуютъ со мной два слѣдующихъ.

— Очень рада,—отозвалась дѣвушка въ красномъ пледѣ.—Не думаю, чтобы у меня было слишкомъ много кавалеровъ.

М-ръ Тиветтъ критически посмотрѣлъ на лица трехъ сестеръ. Старшая была гораздо красивѣе, но у всѣхъ замѣчалось фамильное сходство. Всѣ три лица—одного типа и всѣ хорошенькія. Нѣжное сердце м-ра Тиветта болѣло при мысли, что такія прелестныя дѣвушки такъ плохо одѣты, между тѣмъ какъ миссъ Чемперноунъ, которыя были всегда рѣзки съ нимъ и которыхъ онъ ненавидѣлъ, блистаютъ въ свѣжихъ туалетахъ изъ

Digitized by Google

Бондъ-Стрита. Леди Гертлей нисколько не преувеличивала его преданности прекрасному полу. Онъ любилъ общество молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, считалъ счастьемъ оказать какую нибудь услугу семейнымъ леди, и приходилъ въ совершенный восторгъ, если къ нему обращались съ вопросомъ по части этикета или костюмовъ. Онъ пользовался репутаціей человѣка съ тонкимъ вкусомъ, умѣвшаго держаться въ обществѣ съ тактомъ. Когда его знакомыя дамы ссорились между собой, онѣ дѣлали его своимъ повѣреннымъ, и онъ умѣлъ выслушивать противницъ, не измѣняя ни той, ни другой. Онъ не былъ спортсменомъ и, ссылаясь на слабую грудь, вездѣ пользовался мягкими креслами, уютными уголками въ будуарахъ и гостинныхъ, и мѣстомъ въ экипажѣ, въ то время какъ другіе мужчины шли пѣшкомъ. Его христіанское имя было Августъ, но онъ былъ всѣмъ извѣстенъ какъ Гусъ или Гусси. Представленный старшей сестрѣ, м-ръ Тиветтъ черезъ пять минутъ былъ уже въ дружбѣ со всѣми тремя дѣвушками, и они вчетверомъ весело болтали всю дорогу, причемъ леди Гертлей, изъ вѣжливости, по временамъ вмѣшивалась въ разговоръ, а четыре остальныя миссъ продолжали хранить враждебное молчаніе.

— Я такъ и знала, что мы опоздаемъ!—вскричала наконецъ Клавдія Чемперноунъ, когда карета остановилась у ярко освѣщеннаго подъѣзда, гдѣ уже виднѣлись безконечные ряды экипажей, наполнявшіе улицу изъ конца въ конецъ.

Миссъ Гринъ и миссъ Чемперноунъ тотчасъ же направились въ уборную, помѣщавшуюся надъ лавкой, и леди Гертлей послѣдовала за ними. Миссъ Мерчентъ остались позади въ вестибюлѣ или, говоря по просту, въ старой лавкѣ токаря, наскоро превращенной въ вестибюль съ помощью пестрыхъ драпировокъ и вьющихся растеній. Миссъ Мерчентъ понимали, что гостепріимство леди Гертлей должно было кончиться въ дверяхъ бальной залы, и что онѣ поступили бы безтактно, оставаясь возлѣ нея цѣлый вечеръ.

— Я думаю, намъ лучше всего дождаться здѣсь м-съ Понто,—сказала Ева, когда Модъ, поднявшись по ступенькамъ, обернулась къ ней.—Безконечно благодарна вамъ, леди Гертлей, за вашу любезность.

— Не стоитъ благодарить за такіе пустяки. Помните, что я васъ отвезу домой. Въ три часа вы насъ найдете здѣсь.

Digitized by Google

«Въ три часа, — подумала Дженни, закутанная въ красный пледъ,—это все равно, что сказать: а до того времени мы васъ не знаемъ».

Столпившись, онѣ ожидали у самой лѣстницы, и видѣли, какъ миссъ Чемперноунъ спустились изъ уборной, прекрасныя, великолѣпныя, сіяющія въ своихъ прелестныхъ нарядахъ, а рядомъ съ ними прошла миссъ Гринъ въ своемъ желтомъ шолковомъ платьѣ, безъ шлейфа, плотно облегавшемъ ея фигуру, и съ дорогимъ изумруднымъ ожерельемъ на толстой шеѣ. И леди Гертлей появилась вслѣдъ за ними въ легкихъ облакахъ блѣдно-голубаго платья, служившаго какъ бы фономъ для ея брилліантовъ. Они сверкали на ней повсюду, въ видѣ мотыльковъ, звѣздъ, сердечекъ, подковокъ, переливались на груди и плечахъ въ голубоватомъ туманѣ пышнаго газа,—брилліанты въ волосахъ, въ ушахъ и на рукахъ. И, не смотря на это, она не казалась вульгарной. Изящество и грація фигуры, нѣжный цвѣтъ лица и шеи гармонировали съ блескомъ брилліантовъ.

Въ то время какъ компанія леди Гертлей собиралась войти въ гостинную, на порогѣ вестибюля показалась дородная матрона, въ красномъ шолковомъ платьѣ, съ черной кружевной отдѣлкой, закутанная въ бѣлую шотландскую шаль. Она тотчасъ же направилась къ сестрамъ Мерчентъ и по очереди перецѣловала ихъ всѣхъ.

— Надѣюсь, милочки, вамъ не пришлось долго ждать,— проговорила она грубымъ, добродушнымъ голосомъ. — Понто былъ въ Гесльмерѣ, по дѣлу, и возвратился только въ девять часовъ вечера.

Изъ-за ея плеча улыбался достопочтенный м-ръ Понто, красный, отдувающійся, съ пунцовой камеліей въ петлицѣ.

— О, нѣтъ, мы только что пріѣхали,—отвѣчала Ева, встревоженная тѣмъ надменно-пристальнымъ взглядомъ, который устремила младшая миссъ Чемперноунъ на м-съ Понто съ порога бальной залы, словно видѣла передъ собой нѣчто забавное. И, конечно, эта молодая леди, въ своемъ свѣжемъ вечернемъ платьѣ, только что вынутомъ изъ картона, могла изумляться при видѣ благодушной м-съ Понто въ ея красномъ полинявшемъ атласѣ, недавно отдѣланномъ новыми нотингэмскими кружевами и замѣтно выпущенномъ по всѣмъ швамъ, вслѣдствіе увеличившейся полноты его обладательницы.

Digitized by Google

Сестры Мерчентъ, подъ предводительствомъ м-съ Понто, вошли въ бальную залу. Компанія изъ Редвольдъ-Товерса, выдѣлявшаяся даже въ блестящей толпѣ, направилась прямо къ центру, гдѣ господствовали двѣ мѣстныя аристократки, жоны пэровъ, собравшія вокругъ себя нѣчто въ родѣ придворной свиты. М-съ Понто устремилась къ задней скамейкѣ, которая шла возлѣ стѣнъ, вокругъ всей залы, и размѣстила тамъ своихъ питомицъ.

— Если мы теперь же не займемъ мѣста,—пояснила м-съ Понто,—намъ не придется сидѣть цѣлый вечеръ. А вѣдь зала-то полнехонька! Ну, теперь, мои дорогія, я буду сидѣть здѣсь до самаго ужина, такъ что вы можете оставить у меня свои вѣеры, и въ антрактахъ между танцами приходить сюда отдыхать. Я уже пила чай дома и мнѣ незачѣмъ идти въ буфетъ. А здѣсь красиво, не правда ли?

Вальсъ только что окончился. Зала была полна, хотя не всѣ танцовали; кое-гдѣ можно было замѣтить дѣвушекъ, которыя сидѣли, и группы молодыхъ людей, предпочитавшихъ стоять и смотрѣть на танцующихъ.

Мѣстная аристократія сгруппировалась въ дальнемъ концѣ комнаты, откуда бальная зала была видна очень хорошо. Леди Гертлей сидѣла возлѣ леди Мендельфордъ, престарѣлой вдовы съ сѣдыми волосами, матери лорда Мендельфорда, извѣстнаго своимъ богатствомъ и важнымъ значеніемъ въ округѣ. Ева встряхнула свое бѣлое старое платье. Оно было сдѣлано изъ какой-то нѣжной шерстяной ткани и тщательно вымыто старой няней, Нанси. На этой высокой, стройной фигурѣ, простое бѣлое платье сидѣло прекрасно, и чудная золотистая головка, осыпанная поддѣльными брилліантовыми звѣздами, не могла бы казаться очаровательнѣе, еслибы на ней были старые бразильскіе алмазы, какъ у леди Мендельфордъ, а не простыя стекла бирмингамскаго издѣлія. Ея младшія сестры, въ своихъ шолковыхъ платьяхъ, сшитыхъ по модному,—одна въ голубомъ, другая въ красномъ,—казались слишкомъ ярко одѣтыми. Скромный бѣлый нарядъ Евы могъ выдержать самую строгую критику. Въ этой толпѣ, въ дальнемъ концѣ залы, стоялъ нѣкто, думавшій, что она прекрасна, какъ мечта,—тотъ самый человѣкъ, который любовался ея красотой при лунномъ свѣтѣ, полчаса назадъ, и говорилъ себѣ тогда, что это прелестное су-

щество принадлежитъ какому нибудь волшебному міру, а не нашей скучной прозаической землѣ. Онъ смотрѣлъ на нее теперь сквозь толпу танцующихъ, въ то время какъ она скромно сидѣла въ уголку, выдѣляясь своей алебастровой бѣлизной посреди яркихъ нарядовъ. Взявъ подъ руку сэра Губерта, Ванситартъ шепнулъ:

— Когда вы окончите свой разговоръ съ миссъ Чемперноунъ, представьте меня миссъ Мерчентъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Но здѣсь три миссъ Мерчентъ. Которой вы желаете быть представленнымъ?

— Прекрасной дѣвушкѣ въ бѣломъ.

— Ахъ, это старшая. Онѣ всѣ прекрасны, но, конечно, старшая лучше всѣхъ. Въ такомъ случаѣ, идемте. Модъ сказала,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ,—что я долженъ танцовать лансье съ леди Мендельфордъ.

Сэръ Губертъ былъ одѣтъ въ охотничьи цвѣта́ — красный кафтанъ съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и бѣлыми атласными обшлагами—вслѣдствіе чего сознавалъ, что обязанъ принести жертву въ этотъ вечеръ, называвшійся охотничьимъ баломъ.

— Не забудьте, м-ръ Ванситартъ, что вы ангажировали насъ,—строго сказала миссъ Гринъ.—Изъ восемнадцати танцевъ вы взяли слово на восемь. Три танца уже окончены. Можете распорядиться, какъ знаете, остальными семью, но сначала вы должны исполнить свой долгъ относительно насъ.

Онъ совсѣмъ забылъ о томъ, что ангажировалъ дамъ поутру въ гостинной. Восемь танцевъ съ молодыми дѣвушками, которыя совсѣмъ не нравились ему и возбуждали въ немъ почти презрѣніе своей фамильярностью! А Ева Мерчентъ, между тѣмъ, сидитъ въ уголку безъ кавалера. Но, нѣтъ, несовсѣмъ безъ кавалера: едва онъ успѣлъ взглянуть на нее, какъ м-ръ Тиветтъ приблизился къ ней съ побѣдоноснымъ видомъ и повелъ ее среди танцующихъ, въ то время какъ музыка заиграла вальсъ.

Ванситартъ, съ видомъ отчаянія, взялъ изъ рукъ миссъ Гринъ ея бальную программу.

— Начнемъ сейчасъ же, если вы не приглашены, — сказалъ онъ.

— Какой у васъ плачевный видъ!—сказала она, смѣясь, и встала, чтобы принять его руку.

Digitized by Google

— Въ такомъ случаѣ, мой видъ обманчивъ. Я никогда не былъ радостнѣе, чѣмъ теперь.

Тѣмъ временемъ они медленно подвигались среди танцующихъ и, наконецъ плавно закружились подъ музыку. Миссъ Гринъ обладала тѣмъ, что охотники называютъ быстрымъ ходомъ. Мужчины любили танцовать съ нею по тремъ причинамъ: она была богата, хорошо вальсировала и имѣла злой языкъ, который забавлялъ ея кавалеровъ. Для нея было наслажденіемъ смѣяться надъ хорошенькими женщинами, отыскивать въ нихъ недостатки, слабости, пустоту, дурной вкусъ.

— Видали вы что нибудь смѣшнѣе этихъ миссъ Мерчентъ?—прошептала она тихимъ, но яснымъ шопотомъ, выработаннымъ ею спеціально для того, чтобы говорить дурно о людяхъ въ ихъ собственномъ присутствіи.—Эта голубая дѣвица!.. эта красная дѣвица!.. Не знаю, которая хуже! Голубое платье съ одной стороны немного короче, чѣмъ съ другой, благодаря чему можно видѣть голубую туфлю, которая не подходитъ къ платью, и голубой чулокъ, который не подходитъ къ туфлѣ. Но красная дѣвушка... Обратите вниманіе на кружевную отдѣлку корсажа. Дѣвица, конечно, не горбата, но эти нелѣпыя кружевныя сборки топорщатся въ видѣ горба.

— Какъ вы наблюдательны, миссъ Гринъ! Съ какой быстротой подмѣчаетъ вашъ взоръ самыя ничтожныя подробности!

— Теперь я смотрю на ихъ спутницу—колоссальную особу въ полиняломъ пунцовомъ атласѣ. Когда-то оно, быть можетъ, служило подвѣнечнымъ платьемъ для нея. Ужь эту леди вы, конечно, не считаете ничтожной подробностью?

— По размѣрамъ, не считаю, но съ вашей умственной точки зрѣнія она должна казаться ничтожной. Сознайтесь, миссъ Гринъ, вѣдь вы считаете этихъ дѣвушекъ такими смѣшными и неинтересными только потому, что онѣ не богаты?

— Я просто нахожу ихъ ужасно забавными. Только въ глуши провинціи можно встрѣтить подобные типы. Посмотрите на эти стеклянныя звѣзды въ волосахъ самой высокой изъ миссъ Мерчентъ! Видали вы что нибудь болѣе нелѣпое?

— Не все ли равно, стекло это или алмазы самой чистѣйшей воды? Драгоцѣнности всего міра не могли бы сдѣлать ее болѣе подобной прекрасной сильфидѣ—ундинѣ... Титаніи.

Digitized by Google

— Ваши сравненія несовсѣмъ лестны для интеллекта молодой леди. Ундина—глупа и бездушна. Титанія—если вѣрить Шекспиру—была тупоумная маленькая особа, отчаянно влюбленная въ осла.

Ихъ вальсъ окончился, но миссъ Гринъ захотѣла покушать чаю или мороженаго, или перейти въ другую комнату, чтобы освѣжиться—словомъ, она старалась удержать возлѣ себя Ванситарта какъ можно долѣе. Онъ принужденъ былъ сидѣть съ нею, пока она медленно прихлебывала чай и высмѣивала всѣхъ проходящихъ. Она не отпустила его и тогда, когда м-ръ Тиветтъ подвелъ Еву Мерчентъ къ буфету, и та, весело смѣясь и болтая, стала ѣсть мороженое. Какъ восхитительно ѣла она этотъ розовый снѣгъ, съ какимъ граціознымъ движеніемъ нѣжной руки! Ванситартъ имѣлъ время изучить каждый поворотъ головы, каждую линію ея стройной фигуры, между тѣмъ какъ миссъ Гринъ тараторила у него надъ ухомъ. Иногда онъ усмѣхался, чтобы вознаградить ее за усилія быть остроумной. Миссъ Мерчентъ долго кушала мороженое и была, повидимому, заинтересована бесѣдой м-ра Тиветта. Ванситартъ смотрѣлъ на нее, какъ очарованный, и не чувствовалъ ни малѣйшей ревности къ Тиветту. Но когда она, покончивъ мороженое и поставивъ пустое блюдечко на столъ, направилась къ дверямъ, съ нею столкнулся какой-то человѣкъ въ охотничьемъ камзолѣ, и остановилъ ее съ такимъ властнымъ видомъ, что Ванситартъ покраснѣлъ отъ гнѣва, какъ будто самъ получилъ оскорбленіе.

— Надѣюсь, миссъ Мерчентъ, вы оставили для меня нѣсколько танцевъ?—проговорилъ незнакомецъ развязно и безпечно.

— Не знаю,—отвѣчала Ева нерѣшительно.—То есть я хотѣла сказать, что приглашена на такое количество вальсовъ, что едва ли буду въ состояніи танцовать сверхъ этого.

— А вотъ мы увидимъ, — сказалъ онъ, взявъ у нея изъ рукъ бальную программу. — Ахъ, вы прекрасная обманщица! да вѣдь ваша программа похожа на исторію Оливіи: совершенно пуста! Въ такомъ случаѣ записываю себя на седьмой нумеръ и на одиннадцатый, и—пожалуй—на пятнадцатый?

Онъ былъ красивой наружности, темноволосый, темноглазый, хорошо сложенъ, а охотничій камзолъ выгодно обрисо-

Digitized by Google

вывалъ его фигуру,—словомъ эффектный кавалеръ для танцевъ. Но было очевидно, что Ева желаетъ избавиться отъ него. Она казалась болѣзненно смущенной и даже гнѣвной, при видѣ его настойчивости.

— Мои кавалеры здѣсь не записаны,—сказала она,—и я увѣрена, что найдется множество дамъ, съ которыми вамъ гораздо удобнѣе танцовать, чѣмъ со мной.

— Это ужь мое дѣло. Я далъ себѣ слово танцовать съ вами, по крайней мѣрѣ, три раза.

— Тогда я съ величайшимъ сожалѣніемъ должна разочаровать васъ: я приглашена на всѣ указанныя вами числа.

— Но тогда остальныя свободны? Скажите мнѣ, какія?

— Это м-ръ Сефтонъ изъ Шедлича,— конфиденціально шепнула миссъ Гринъ.—Довольно красивъ, не правда ли? Его не долюбливаютъ въ сосѣдствѣ; но онъ съ миссъ Мерчентъ, повидимому, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Ева удалилась изъ комнаты съ м-ромъ Тиветтомъ, а м-ръ Сефтонъ пошелъ вслѣдъ за ними. Ванситартъ долго слѣдилъ за этими тремя фигурами, пока онѣ не исчезли въ толпѣ, наполнявшей бальную залу.

— Вы такъ думаете?—холодно спросилъ онъ.—Мнѣ, напротивъ, кажется, что джентльменъ вовсе не пользуется расположеніемъ молодой леди.

— Еслибы вы видѣли ихъ въ сочельникъ на каткѣ, то пришли бы къ другому заключенію. Онъ училъ ее кататься и казался совсѣмъ влюбленнымъ; она же была очень весела. Это была бы отличная партія для нея, но, боюсь, онъ слишкомъ опытенъ, чтобы попасться на удочку изъ-за смазливаго личика. Онъ мѣтитъ повыше миссъ Мерчентъ.

— Кто онъ такой?

— Онъ принадлежитъ къ хорошей старинной суссекской фамиліи и владѣетъ прекраснымъ помѣстьемъ на той сторонѣ Блэкдауна. Говорятъ, что онъ не глупъ, но пользуется дурной славой. Отъ него какъ-то сторонятся. О немъ разсказываютъ всякія безобразныя исторіи, которыя неловко слушать женщинамъ, и это сдѣлало его непопулярнымъ въ округѣ, особенно среди низшихъ классовъ и среди его собственныхъ фермеровъ. Однако, начинается лансье, а я приглашена какимъ-то безусымъ юношей, который пріѣхалъ съ Мендельфордами.

Digitized by Google

Она поспѣшно встала, покинувъ недопитый чай, къ великому облегченію измученнаго Ванситарта, а въ то же время въ дверяхъ показался вышеупомянутый юноша, очень хорошенькій и нарядный, въ своемъ новенькомъ розовомъ камзолѣ.

— Ахъ, миссъ Гринъ, я ищу васъ повсюду,—воскликнулъ юноша, и они отправились занимать мѣста.

Ихъ vis-à-vis были м-ръ Сефтонъ и миссъ Мерчентъ.

«Въ концѣ концовъ, она все же танцуетъ съ нимъ»,—подумалъ Ванситартъ, чувствуя непонятное раздраженіе.—«Varium et mutabile semper femina»!

IV.

Прелюдія.

Пока танцовали веселое, шумное лансье, такъ оживляющее бальную залу, Ванситартъ, не думая о томъ, что онъ еще обязанъ танцовать съ тремя миссъ Чемперноунъ, отправился разыскивать м-ра Тиветта, чтобы, при содѣйствіи маленькаго, добродушнаго человѣчка, въ слѣдующемъ антрактѣ представиться миссъ Мерчентъ.

Онъ нашелъ достопочтеннаго Тиветта въ передней—аппартаментѣ, особенно излюбленномъ тѣми, кто хотѣлъ отдохнуть, или парочками, искавшими уединенія,—гдѣ маленькій, безобидный человѣкъ былъ занятъ пріятнымъ дѣломъ прикалыванія кружевъ къ платью дородной матроны въ желтомъ атласѣ, не настолько, впрочемъ, дородной, чтобы отказываться отъ легкихъ танцевъ, вслѣдствіе чего ея лицо приняло угрожающій багровый оттѣнокъ.

— Дорогая леди, можете успокоиться насчетъ вашего платья,—проговорилъ Тиветтъ, вкалывая послѣднюю булавку.—Ничего не испорчено, только распоролся шовъ. Ваше прелестное кружево совершенно цѣло.

— Но все таки онъ—неповоротливый медвѣдь! Какъ вы милы, дорогой м-ръ Тиветтъ! Тысяча благодарностей. А теперь я поспѣшу, или мой кавалеръ потеряетъ меня.

И матрона, задыхаясь, устремилась въ бальную залу, гдѣ ее снова съ усиліемъ началъ кружить въ вальсѣ высокій юноша, который очень любилъ вкусные завтраки и обѣды въ лучшей части Бельгравіи.

Digitized by Google

— Ахъ вы, маленькій счастливчикъ!—вскричалъ Ванситартъ, когда леди ушла.—И юный, и зрѣлый возрастъ оказываютъ вамъ одинаковое расположеніе. Вы спасли отъ гибели драгоцѣнныя кружева м-съ Фотерингей и будете танцовать первый вальсъ съ царицей бала.

Тиветтъ самодовольно хихикнулъ и весело погрозилъ Ванситарту.

— Хорошенькая дѣвушка, эта миссъ Мерчентъ, не правда ли? И нисколько не надута,—воплощенная наивность! Еслибъ вы слышали, какъ она и ея сестры болтали въ каретѣ, въ то время какъ Чемперноуны сидѣли мрачнѣе тучи.

— Вы ужасный лицемѣръ; я увѣренъ, что этотъ вашъ бронхитъ—чистѣйшая выдумка. Вы остались въ каретѣ нарочно, чтобы ухаживать за этими дѣвушками. Ну, идемте, Тиветтъ, вы должны меня представить миссъ Мерчентъ.

— У нея что-то есть съ этимъ черномазымъ малымъ. Не люблю я отбивать чужую добычу.

— Глупости. Онъ ей вовсе не нравится. Она не хотѣла танцовать съ нимъ. Я буду Ивангоэ и спасу ее отъ чернобородаго тампліера.

— Я несовсѣмъ ее понимаю,—замѣтилъ Тиветтъ.—Повидимому, она не хотѣла танцовать съ нимъ и, однако же, позволила увлечь себя. Мнѣ кажется, между ними есть какая-то тайна. Безъ сомнѣнія, этотъ малый — отчаянный волокита, добавилъ Тиветтъ со своимъ кокетливымъ хихиканьемъ, какъ будто онъ самъ былъ такой же волокита.

Миссъ Мерчентъ и Сефтонъ вошли въ переднюю во главѣ процессіи танцующихъ. Пользуясь суматохой, происшедшей отъ того, что въ маленькой комнатѣ столпилось столько народу, Ванситартъ приблизился къ миссъ Мерчентъ. Она оставила руку Сефтона и, улыбаясь, обернулась къ Тиветту. Черезъ минуту состоялось представленіе Ванситарта, между тѣмъ какъ Сефтонъ былъ задержанъ старшей миссъ Чемперноунъ, съ которой ему предстояло танцовать слѣдующій танецъ.

Бальная программа миссъ Мерчентъ была все еще пуста, и она позволила Ванситарту записать свое имя на нѣсколько вальсовъ. Онъ предложилъ ей руку и они медленно направились въ бальную залу, разговаривая о тѣхъ пустякахъ, какими всегда начинаются даже самыя роковыя знакомства. Ванситартъ

Digitized by Google

говорилъ о томъ, какъ было холодно и далеко ѣхать; дѣлалъ замѣчанія по поводу убранства танцовальной залы, съ ея красными и бѣлыми панелями и различными эмблемами охоты; обращалъ вниманіе на толпу, на лица и наряды. Ванситартъ находилъ Еву немного молчаливой, даже застѣнчивой. Но она вальсировала чудесно, и никогда еще Ванситартъ не чувствовалъ за танцами такого счастія, какъ теперь, когда его рука обвивала эту гибкую талію, а эта прекрасная, божественная головка, осыпанная хрустальными звѣздами, была почти на одномъ уровнѣ съ его головой—такъ высока и стройна была Ева.

Вальсъ окончился, и съ послѣднимъ тактомъ онъ повелъ свою даму пройтись черезъ переднюю и чайную комнату, которыя сообщались между собой прохладнымъ коридоромъ; потомъ возвратился съ нею же въ бальную залу и отвелъ ее на прежнее мѣсто, подъ защиту почтенной матроны въ красномъ платьѣ, гдѣ уже сидѣли двѣ остальныя миссъ Мерчентъ, счастливыя, если имъ удавалось танцовать одинъ танецъ изъ трехъ. Онѣ хорошо понимали, что хотя ихъ приглашаютъ на вечера и пикники, но онѣ все же не принадлежатъ къ высшему обществу и не должны ожидать, что лучшіе кавалеры, изъ-за которыхъ спорятъ даже аристократки, будутъ оказывать имъ исключительное вниманіе. Пригласивъ Еву на вальсъ, который назначался послѣ ужина, и вспомнивъ свои «домашніе» ангажементы, онъ съ усиліемъ разстался съ миссъ Мерчентъ и направился въ тотъ конецъ залы, гдѣ группировалось лучшее общество, и гдѣ сидѣла также его сестра. Миссъ Чемперноунъ прохаживались въ сопровожденіи своихъ кавалеровъ, и только миссъ Гринъ сидѣла возлѣ леди Мендельфордъ, забавляя мягкосердую старую даму циничнымъ злословіемъ, которое принято считать остроуміемъ.

Ванситартъ напомнилъ миссъ Гринъ, что теперь предстоитъ ему танцовать съ нею, и отправился разыскивать миссъ Чемперноунъ. Онъ нашелъ Клавдію вмѣстѣ съ м-ромъ Сефтономъ въ укромномъ уголку прихожей, гдѣ они дружески бесѣдовали, и скрылся отъ нихъ.

Младшая миссъ Чемперноунъ оказалась въ чайной комнатѣ. Она сохранила для него нѣсколько нумеровъ. Онъ записалъ также и въ программѣ ея сестры два вальса на свое имя.

Digitized by Google

Если прибавить къ этому миссъ Гринъ и Клавдію, съ которыми онъ тоже долженъ былъ танцовать, ему почти не оставалось времени посидѣть возлѣ миссъ Мерчентъ. Онъ страстно хотѣлъ поговорить съ ней хоть четверть часа, хотѣлъ съ ней подружиться, хотѣлъ, чтобы она болтала съ нимъ также непринужденно, какъ съ маленькимъ Тиветтомъ. Только въ концѣ вечера ему посчастливилось исполнить это желаніе. Онъ танцовалъ съ миссъ Чемперноунъ какъ разъ въ ту минуту, когда аристократическая часть общества устремилась въ столовую ужинать. По окончаніи вальса, онъ принужденъ былъ предложить своей дамѣ руку, чтобы вести ее къ столу, и она тотчасъ же согласилась.

— Тамъ, конечно, ужасная толпа,—замѣтила она,—но мы первые получимъ устрицъ, да и въ толпѣ такъ весело.

Черезъ часъ онъ танцовалъ вальсъ съ Евой Мерчентъ.

— Вы будете еще танцовать?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я, къ счастью, не приглашена.

— Такъ перейдемте въ эту маленькую гостинную. Вы, конечно, ужинали?

Миссъ Мерчентъ, краснѣя, созналась, что не ужинала.

— Бѣдная, милая м-съ Понто такъ долго сидѣла въ своемъ углу, что я попросила своего кавалера вести ее къ столу,— сказала она.

— И бѣдный, милый кавалеръ,—добавлю я. Какая жертва съ его стороны! Вы должны быть страшно голодны, и я боюсь, что всѣ устрицы съѣдены.

— Я легко могу обойтись безъ устрицъ.

— Можете? А младшая миссъ Чемперноунъ готова была за нихъ сражаться и смѣялась надъ тѣми, которые ждали очереди.

— Миссъ Чемперноунъ привыкла къ такой роскоши, какъ устрицы, потому и не можетъ обойтись безъ нихъ,—засмѣялась Ева.—Я съ сестрами была воспитана въ болѣе суровой школѣ.

— Курьезно, не правда ли, до чего мѣняется мода?—продолжалъ Ванситартъ, подводя ее къ хорошенькому маленькому столику въ дальнемъ концѣ комнаты, словно нарочно поставленному для нихъ.—Современники Байрона находили страннымъ, если молодая женщина думала о ѣдѣ, или имѣла хорошій апетитъ. Теперь, напротивъ, для дѣвушки считается ши-

Digitized by Google

комъ много ѣсть. Но что же вамъ принести,—майонезъ изъ омаровъ, индѣйку съ трюфелями, цыпленка?

Она выбрала цыпленка и принялась грызть крылышко, между тѣмъ какъ Ванситартъ наливалъ шампанское, очарованный, что она принадлежитъ ему всецѣло въ этомъ уголку, желая, чтобы танцы продолжались вѣчно, и рѣшивъ не думать о томъ, что за нимъ еще осталось нѣсколько вальсовъ.

— Вы, конечно, танцовали все время?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Я сидѣла почти все время возлѣ м-съ Понто.

— Возможно ли, чтобъ у васъ не было кавалера?

— М-ръ Сефтонъ приглашалъ меня, но я сказала ему, что утомлена.

— Я не ошибся, предполагая, что вы не особенно расположены къ м-ру Сефтону?

— Да, онъ мнѣ не симпатиченъ, но онъ всегда былъ къ намъ добръ и позволяетъ моему отцу охотиться на своей землѣ, такъ что мнѣ не слѣдуетъ обращаться съ нимъ грубо.

— По этой причинѣ вы и пошли танцовать съ нимъ лансье, не смотря на свой отказъ?

— Почему вы знаете, что я отказала ему? Ахъ да, припоминаю: вы сидѣли тогда въ чайной комнатѣ. Вы, конечно, слышали весь нашъ разговоръ.

— Все, до единаго слова.

— Какъ это лестно для той леди, которая съ вами тогда бесѣдовала!

— Добрѣйшая миссъ Гринъ? Она нисколько не обидѣлась. Ей такъ нравится свой собственный голосъ, что для нея безразлично, слушаютъ ее или нѣтъ. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ леди, которыя каждое утро пожимаютъ себѣ руку и говорятъ: «Моя безцѣнная! вы, дѣйствительно, самая умнѣйшая, остроумнѣйшая, даровитѣйшая, и если не самая прекрасная, то самая очаровательная женщина въ мірѣ». Съ этимъ счастливымъ сознаніемъ она, улыбаясь, идетъ завтракать и не старается скрыть, какими ничтожными существами кажемся мы ей.

— Я вижу, м-ръ Ванситартъ, что вы можете быть злы. Вы не похожи на леди Гертлей, у которой для каждаго найдется ласковое слово.

Digitized by Google

— Да, такова манера моей сестры. Она всегда отдѣлывается ласковыми словами.

— Нѣтъ, не одними только словами. Она приглашаетъ насъ лѣтомъ на свои чудные пикники, и всегда рада видѣть насъ.

— Еще бы не радоваться, когда у нея бываютъ такія прелестныя леди. Пикники только тогда интересны, когда въ толпѣ гостей мелькаетъ лицо красавицы, возбуждающей всеобщій интересъ. Но возвратимся къ м-ру Сефтону. Я интересуюсь имъ.

— Почему?—спросила она съ наивнымъ удивленіемъ.

— По многимъ причинамъ. Наши отцы были когда-то друзьями. Кромѣ того, онъ землевладѣлецъ, важное лицо въ округѣ, а такіе люди всегда интересны.

— Да, у него хорошее состояніе, его считаютъ богатымъ, но онъ не такъ популяренъ, какъ былъ его отецъ. Я помню стараго м-ра Сефтона, блестящаго джентльмена. Но мой отецъ очень друженъ съ молодымъ м-ромъ Сефтономъ.

— Вы сказали, что онъ былъ добръ къ вамъ. Въ чемъ именно?

— Онъ приглашаетъ отца на охоту, присылаетъ намъ дичь, виноградъ, ананасы. Я нахожу всѣ эти презенты тягостными, потому что намъ нечѣмъ отплатить ему. Софи даже придумала въ благодарность вышить ему туфли, словно онъ викарій. Нелѣпо! А маленькія сестры обѣщали вышить скатерть русскими крестиками.

— Ну, онъ, кажется, не такой человѣкъ, чтобы оцѣнить подарокъ вашихъ сестеръ. Вотъ м-ръ Тиветтъ обрадовался бы такому вниманію. Этотъ милый маленькій человѣкъ цѣнитъ самую ничтожную ласку и вниманіе.

— Онъ, дѣйствительно, милый, маленькій человѣкъ. Какъ весело слушать его разсказы про Лондонъ и лондонскіе балы.

— И вамъ захотѣлось испытать удовольствія лондонскаго сезона?

— Не знаю; конечно, пріятно побывать тамъ хоть разъ въ жизни, но я совершенно счастлива и дома, пока... пока...— она колебалась съ минуту,—пока отецъ счастливъ и доволенъ.

Онъ почувствовалъ въ этой фразѣ намекъ на семейныя огорченія. Губертъ Гертлей успѣлъ сказать ему дорогой, что полковникъ Мерчентъ — негодяй, человѣкъ, съ которымъ трудно ладить.

Digitized by Google

— Мнѣ всегда было жаль его дочерей,—заключилъ сэръ Губертъ.

— Хорошо, что вы любите деревенскую жизнь,—сказалъ Ванситартъ.—Эта жизнь самая счастливая. Мои лучшіе годы протекли въ Мервудѣ, нашемъ помѣстьѣ близь Лиса. Кстати, вы знаете Лисъ?

— Конечно, нѣтъ. Впрочемъ, слыхала, что гдѣ-то близь Портсмута есть такой городъ.

— Вамъ навѣрно случалось проѣзжать мимо. Смѣю думать, что вы дѣлаете лѣтомъ небольшія экскурсіи по окрестностямъ или на островъ Уайтъ?

— Вы смѣете думать слишкомъ много,—отвѣчала она со своимъ непринужденнымъ дѣвичьимъ смѣхомъ.—Мы не дѣлаемъ никакихъ экскурсій лѣтомъ. Мы живемъ въ своемъ домѣ круглый годъ. Бѣдный человѣкъ, обремененный пятью дочерьми, не можетъ возить ихъ по морскимъ купаньямъ, гдѣ, какъ я слышала, все ужасно дорого во время сезона. Кажется, намъ пора идти въ бальную залу. Я приглашена на слѣдующій вальсъ.

— Я также танцую, и моя дама чрезвычайно требовательна.

Вальсъ уже близился къ концу, и Гильда Чемперноунъ, замѣтивъ, что они вошли въ бальную залу рука объ руку, веселые и счастливые, приняла оскорбленный видъ.

— Не стоило приходить вамъ,—сказала она сухо.—Вальсъ только что кончился.

— Я думалъ, что онъ еще не начинался.

— Это доказываетъ только, что вы думали совсѣмъ о другомъ.

— Я избавилъ отъ смерти молодую леди, которая безъ меня навѣрно умерла бы съ голоду.

— Глупости! Эта молодая леди была миссъ Мерчентъ, которую вы провозгласили царицей бала. Мнѣ сказалъ объ этомъ Тиветтъ.

— На такомъ многолюдномъ собраніи, какъ сегодня, гдѣ можно видѣть цвѣтъ англійской аристократіи, найдется не одна царица бала,—сказалъ Ванситартъ.—Угодно вамъ пройтись по комнатамъ, если не желаете танцовать?

Леди встала и приняла его руку, немного смягченная. Во время этой прогулки, которая была непродолжительна, благо-

Digitized by Google

даря тѣснотѣ комнаты, она отрывисто разспрашивала Ванситарта про миссъ Мерчентъ. Нравятся ему ея манеры? Показалась она ему умна или глупа?

— Бѣдняжки нигдѣ не бываютъ, какъ я слышала, кромѣ никниковъ, гдѣ онѣ совсѣмъ незамѣтны въ толпѣ всякаго сброда. Какое жалкое зрѣлище представляли онѣ, сидя возлѣ этой женщины въ ужасномъ красномъ платьѣ. Зачѣмъ эти дѣвушки ѣздятъ по баламъ, если имъ приходится терпѣть такое униженіе? Я скорѣе предпочла бы позорный столбъ, какъ Даніель Дефоэ, чѣмъ перспективу сидѣть цѣлый вечеръ въ углу съ пунцовой леди.

— О, но онѣ очень много танцовали и ваше сожалѣніе къ нимъ совершенно напрасно.

— Въ самомъ дѣлѣ?—многозначительно протянула миссъ Чемперноунъ.—Очень рада, если нашлись сострадательные кавалеры. Каждый разъ, когда мнѣ случалось взглянуть на нихъ, онѣ сидѣли въ своемъ углу.

Спустя часъ, Чемперноуны и Мерченты встрѣтились въ комнатѣ, гдѣ висѣло верхнее платье, и на этотъ разъ леди Гертлей представила Мерчентовъ надменнымъ Чемперноунамъ, надѣясь, что, благодаря этому, дѣвицы будутъ разговорчивѣе. Напрасная надежда! Чемперноуны и миссъ Гринъ, какъ только сѣли въ карету, тотчасъ же стали дремать. Такимъ образомъ, Тиветтъ и миссъ Мерчентъ по прежнему одни вели бесѣду, въ которую изрѣдка вставляла замѣчаніе ласковая хозяйка, непритворно спавшая и даже видѣвшая сонъ, что она путешествуетъ съ дѣвицами Мерчентъ по Италіи, и что ея карету остановили разбойники.

Атаманомъ разбойниковъ оказался ея собственный грумъ, который открылъ дверцу, чтобы помочь молодымъ леди выйти изъ кареты у садовыхъ воротъ ихъ дома. Но ему пришлось только держать дверцу, потому что Ванситартъ уже стоялъ на дорогѣ, покрытой снѣгомъ, готовый принять на свои руки миссъ Мерчентъ и ея сестеръ. И онѣ спустились на землю легкія, какъ посланницы небесъ.

— Дорогая леди Гертлей, мы не находимъ словъ, чтобы выразить вамъ свою благодарность,—сказала Софи, въ то время какъ Модъ пожимала ей руку, прощаясь.

Ева немного сдержаннѣе выразила свою благодарность, а

Digitized by Google

самая младшая пробормотала что-то неясное изъ-подъ складокъ стюартовскаго пледа. Ванситартъ отворилъ низенькія деревянныя ворота. Домъ рѣзко выдѣлялся на фонѣ яснаго неба, озаренный луннымъ свѣтомъ. Но Ванситартъ не имѣлъ времени разглядывать домъ, потому что съ величайшей осторожностью велъ Еву по скользкой дорожкѣ черезъ садъ, въ то время какъ грумъ конвоировалъ ея сестеръ. Дорожка была покрыта льдомъ, гладкимъ, какъ зеркало, и Ванситартъ почти несъ Еву на рукахъ, медленно поднимаясь на горку, ведущую къ дому.

Дверь отворила старуха и дѣвушки скрылись въ темномъ коридорѣ, гдѣ въ отдаленіи мерцала тусклая свѣча.

— Мы очень поздно, Нанси?—спросила Ева.

— Не позже, чѣмъ я ожидала,—отвѣтила старуха съ сѣвернымъ акцентомъ, и Ванситарту ничего больше не оставалось, какъ пожелать тремъ дѣвушкамъ спокойной ночи и возвратиться къ каретѣ, гдѣ сэръ Губертъ уже начиналъ выказывать нетерпѣніе, что лошади такъ долго стоятъ на морозѣ.

— Вы могли бы поскорѣе проводить миссъ Мерчентъ до дверей,—сказалъ сэръ Губертъ, когда, наконецъ, Ванситартъ занялъ свое мѣсто.

— И уронить ее на этой скользкой дорожкѣ,—проворчалъ Ванситартъ.—Путь несовсѣмъ безопасенъ для молодой леди въ атласныхъ туфляхъ.

— Бѣдная дѣвушка! быть можетъ, она въ послѣдній разъ щеголяла въ атласныхъ туфляхъ.

— Развѣ полковникъ такъ бѣденъ?

— Очень бѣденъ, я полагаю, потому что онъ кругомъ въ долгу даже у здѣшнихъ мелкихъ торговцевъ.

— И только изъ-за этого вы смотрите на трехъ бѣдныхъ дѣвушекъ, какъ на прокаженныхъ. Для меня нестерпима такая провинціальная мелочность!

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

Въ дорогѣ.

Я помню: клубились туманы
Надъ степью глухой.
Я помню: въ нѣмомъ отдаленьѣ
Видиѣлись сѣдые курганы;
А тамъ, подъ горой,
Чуть-чуть пробуждалося пѣнье...

И первыя трели звенѣли,
Какъ утру—привѣтъ,
Какъ гимнъ появленью денницы
Въ лазурной ея колыбели...
И ночи ужь нѣтъ:
Погасли на съ небѣ зарницы!

И шагомъ тащила лошадка
Телѣгу мою.
Чужая страна, но казалась
Родною!.. Мнѣ было такъ сладко
Въ томъ свѣтломъ краю,
Такъ счастьемъ душа загоралась!..

Перистыя тучки блуждали
По небу толпой,
И всюду душистой прохладой
Зефирныя волны дышали...
И міра покой
Казался—страданью наградой...

Легко мнѣ... А сердце такъ билось,
Что, еслибъ я могъ
Отвѣтить на эти объятья
Природы,—сказалъ бы: «Свершилось!
Мной пройденъ порогъ—
Забыты людскія проклятья!..

Digitized by Google

Забыты и зависть, и злоба
Тѣхъ жадныхъ сердецъ,
Что жизнь сожигаютъ страстями!..
Спокойно я буду ждать гроба...
Отнынѣ, Творецъ,
Я знаю: есть счастье... и съ нами»!..

В. Булгаковъ.

Digitized by Google

ОЧЕРКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Творческая производительность и потребность ея распространенія.—Книга Стапфера о литературной извѣстности.—Отчего зависитъ успѣхъ произведенія?—Слава и случайность.—Знаменитыя и забытыя репутаціи.—Писатели и дѣятели.—Американки-проповѣдницы и калужская филантропка.—Англійскій публицистъ и французскій декадентъ.—Что нужнѣе: благотвореніе или образованіе?—Книга о маленькихъ религіяхъ французскаго интеллигентнаго общества.—Нѣмецкая книга о сектахъ русскаго простонародья.—Новыя изслѣдованія о Людовикѣ XVII. — Паденіе и продажность парижской періодической печати.

Зачѣмъ всѣ мы, журналисты, литераторы, публицисты, пишемъ и печатаемъ свои произведенія: для самихъ себя или для другихъ? Чувствуемъ ли мы потребность высказать родившіяся въ насъ мысли, ощущенія, убѣжденія, или необходимость передать нашимъ собратамъ плоды обуявшаго насъ творческаго вдохновенія? Вопросъ этотъ рѣшался различнымъ образомъ. Эстетики говорили, что писатели не переставали бы создавать, еслибы никто не зналъ объ ихъ трудахъ; и дѣйствительно, такихъ невѣдомыхъ міру тружениковъ было немало. Критики утверждали: что еслибы не было читателей, то никто ничего не писалъ бы. Но такъ какъ человѣкъ, хотя и хищное, но, всетаки, общественное животное и притомъ одаренное разумомъ, хоть медленно, но все таки достаточно развившимся въ теченіе его четырехъ-пятитысячелѣтняго сознательнаго существованія, то понятно, что онъ считаетъ естественнымъ подѣлиться съ другими людьми открытіями своего разума. Вопросъ о выгодѣ, о славѣ можетъ быть оставленъ въ сторонѣ, даже извѣстность можетъ быть тутъ на второмъ планѣ, хотя объ ней собственно явилась въ концѣ прошлаго года любопытная книга одного изъ французскихъ философовъ. Два года тому назадъ, умеръ въ Парижѣ 90-лѣтній публицистъ, швейцарскій посланникъ во Франціи, оставшійся потомъ въ Парижѣ и бывшій лѣтъ пять редакторомъ газеты «National». Ученикъ Кузена и Жуфруа, онъ перевелъ драмы Гёте и его имя стоитъ въ 1830 году подъ протестомъ журналистовъ противъ указовъ Карла X; онъ далъ образованіе своему племяннику Полю Стапферу, сдѣлавшемуся потомъ профессоромъ иностранной и французской литературъ въ Бордо. Онъ началъ свое поприще съ критическихъ

Digitized by Google

этюдовъ, разбиралъ Мольера, Стерна, Шекспира, исторію французской литературы, Расина, Гюго, Гёте—и теперь издалъ объемистый томъ размышленій о шансахъ и условіяхъ долговѣчности литературныхъ произведеній. Въ наше время странно составлять книгу о мнѣніяхъ, не основанныхъ на положительныхъ фактахъ и научныхъ данныхъ, а только на общепринятыхъ убѣжденіяхъ. Въ книгѣ нѣтъ анекдотовъ, ничего реально-неопровержимаго; это все идеологія и между тѣмъ она очень любопытна. Стапферъ не добивается никакихъ результатовъ; для него достаточно, если выводы изъ его положеній возможны. Очень много у него туманныхъ разсужденій о весьма спорныхъ предметахъ, но видно, что авторъ старается добиться въ нихъ истины; помимо всякихъ другихъ соображеній, сужденія его не лишены юмору.

Судьба книгъ и писателей всегда занимала человѣчество. Когда-то литераторы толковали серьезно о безсмертіи; теперь они понемногу убѣждаются, что и созданія ихъ на землѣ также не вѣчны, какъ они сами. Почему одни успѣваютъ, другіе—нѣтъ? это очень сложный вопросъ, въ которомъ случайность играетъ важную роль, гораздо больше, чѣмъ талантъ автора, хотя послѣдній, конечно, можетъ вліять на успѣхъ и на публику. Дѣйствительно ли Иліада и Одиссея безсмертны или обязаны этимъ только стеченію случайныхъ обстоятельствъ, напримѣръ: погибели современныхъ имъ произведеній, болѣе цѣнныхъ и поэтичныхъ? Открытыя недавно сокровища микенскихъ древностей отодвинули далеко назадъ гомерическую эпоху. Кто читаетъ теперь «Освобожденный Іерусалимъ» или «Генріаду»? Авторъ ли дѣлаетъ свою книгу безсмертною, или книга дѣлаетъ его безсмертнымъ? Не зависитъ ли больше извѣстность старыхъ поэтовъ отъ традицій, чѣмъ отъ ихъ внутренняго достоинства? Это все тотъ же устарѣлый вопросъ и въ литературѣ, какъ и въ жизни: Александръ Македонскій и Наполеонъ оттого ли выиграли много сраженій, что были военными геніями, или они сдѣлались этими геніями потому что выигрывали сраженія? Геній—не простая ли схоластическая форма успѣха, нѣчто въ родѣ virtus dormitiva опіума? Оттого ли Расинъ написалъ «Гофолію», что былъ геніемъ; или оттого «Гофолія» геніальна, что написана Расиномъ? Пьесы Скриба пользовались когда-то огромнымъ успѣхомъ—потому ли, что Скрибъ былъ умнымъ писателемъ, или потому что публика и не требовала отъ него бо̀льшаго, и его сдѣлала великимъ посредственность, вполнѣ отвѣчавшая весьма низменнымъ требованіямъ его времени? Онъ бы гораздо менѣе подходилъ къ этой буржуазіи, еслибъ былъ болѣе глубокимъ и тонкимъ писателемъ, но тогда, гораздо болѣе заслуживая извѣстности, онъ не достигнулъ бы ея.

Digitized by Google

Есть книги, выдвигаемыя впередъ обстоятельствами и выдвигающія потомъ въ свою очередь авторовъ; иногда книга дѣлается извѣстна сама по себѣ. Сатиру Менипея знаетъ всякій, но кто помнитъ имена ея авторовъ, добрыхъ буржуа Леруа, Жильё, Рапена? Почти также относятся и къ автору Манонъ Леско.

Стапферъ распространяетъ эту анонимность авторовъ даже на Шекспира и говоритъ, что публика знаетъ только Гамлета, Отелло, Макбета, Ромео. Для массы имя Шекспира—отвлеченный, общій, идеологическій терминъ, припоминающій конкретныя личности. Для учениковъ живутъ Телемакъ, Гулливеръ, Робинзонъ Крузо, а не Фенелонъ, Свифтъ, Дефоэ; есть другіе писатели, имена которыхъ у всѣхъ въ памяти, какъ Паскаль, Монтэнь, но что̀ именно написали они, для многихъ неясно. Рабле живетъ только своею книгою; Дидро, Руссо, Вольтеръ—своимъ именемъ. Иногда авторы являются символомъ идеи; такъ Боссюэтъ олицетворяетъ гнетъ абсолютизма и преслѣдованія папской власти. Дидро, Вольтеръ, Руссо—символическія выраженія революціонныхъ и демократическихъ началъ. Иногда одно имя напоминаетъ цѣлую легенду, какъ смерть Роланда; иные писатели дѣлаются слишкомъ скоро извѣстны, потому что льстятъ вкусамъ публики, или потому, что въ это время не являются великіе писатели. Потомство кассируетъ извѣстность такихъ лицъ, какъ Скюдери, Жанъ-Батистъ Руссо, Делиль, но когда оно задумаетъ реабилитировать какого нибудь забытаго автора, это ему не всегда удается. Больше ли читаютъ Ронсара, Обинье съ тѣхъ поръ какъ критика указала на ихъ достоинства? Писателей, переживающихъ свой вѣкъ, немного, и если Мольеръ также близокъ къ намъ, какъ Ожье, то Скарронъ и даже Корнель уходятъ все дальше въ глубь вѣковъ. Чтобы быть современнымъ, надо раздѣлять идеи своего вѣка, да и тутъ каждый по своему оцѣниваетъ писателя. Для многихъ древніе Гомеръ, Виргилій—далеко не безсмертны; даже при имени Вольтера высказываются сомнѣнія, какъ при именахъ Бальзака, умершаго 40 лѣтъ назадъ, или Виктора Гюго, со смерти котораго прошло 10 лѣтъ. А сколько оттѣнковъ существуетъ между забвеніемъ, извѣстностью и славой? Никакихъ степеней и правилъ для этого не существуетъ; тутъ чаще всего рѣшаетъ случай. Еслибы Ламартинъ не нашелъ издателя для своихъ первыхъ стихотвореній, продолжалъ ли бы онъ писать ихъ? Въ наше время успѣху много содѣйствуетъ реклама. Взмышленныхъ репутацій теперь немало; это очень хорошо знаютъ Сарду и модные романисты. Реклама замѣняетъ теперь критику. Въ 1802 году никакая критика не убила «Духа христіанства»; теперь сужденія Леметра, Сарсэ и другихъ критиковъ не мѣшаютъ успѣху скандинав-

Digitized by Google

скихъ писателей. Тэнъ воскресилъ Стендаля—но надолго ли? Извѣстность Буржэ, Лоти, Онэ отцвѣла слишкомъ скоро. Журнальные отзывы часто придаютъ большое значеніе произведенію, но обо всѣхъ ли хорошихъ книгахъ говорятъ они, да и о дѣйствительно ли хорошихъ, и не главную ли роль тутъ играетъ кумовство? Кто теперь вспоминаетъ о Делавинѣ и Понсарѣ? Лѣтъ 20 назадъ, романъ Октава Фёлье былъ событіемъ. Говорятъ, что даже часть романовъ Золя устарѣла, также какъ три четверти Бальзака и Жоржъ Занда. Изслѣдованія извѣстности объясняютъ только вкусъ и стремленія своего времени.

Общій тонъ книги Стапфера довольно печальный. За критикой онъ не признаётъ никакого права на безсмертіе—почему? Развѣ отыскать достоинства произведеній, указать и оцѣнить ихъ легче, чѣмъ самому явиться авторомъ? Вѣдь безъ критики невозможна ни исторія, ни литература, ни эстетическіе выводы изъ духа вѣка и данныхъ эпохи, загроможденной созданіями человѣческаго творчества. Стапферъ допускаетъ только значеніе критики, обнимающей цѣлый историческій періодъ, цѣлую философскую или эстетическую систему. Исторія развитія литературнаго вкуса во Франціи съ эпохи возрожденія разработывалась Малербомъ, Буало, Вольтеромъ, Дидро, Викторомъ Гюго, Тэномъ, Сентъ-Бёвомъ; этихъ именъ достаточно для прославленія критики; по слѣдамъ ихъ идутъ Леметръ и Фагэ. Обязанность критики—помочь распространенію извѣстности. Критикъ остается тутъ, конечно, на второмъ планѣ, но онъ все таки необходимъ; извѣстностямъ, понятно, не хочется умирать, и самъ Стапферъ не хочетъ примириться съ мыслью, что на землѣ нѣтъ ничего прочнаго. Смѣшно надѣяться наполнить своимъ именемъ не только свой вѣкъ, но и послѣдующіе вѣка. Стремленіе къ извѣстности онъ объясняетъ себѣ вѣчно безпокойнымъ духомъ человѣчества, постоянно стремящагося къ прогрессу, къ неизвѣданному; но это безпокойство можетъ выразиться и въ другихъ формахъ, а не только въ развитіи дара слова и творчества. Книгопечатаніе не существуетъ и пяти вѣковъ, а уже сколько книгъ погибло навсегда и никогда не воскреснетъ вмѣстѣ съ именами ихъ авторовъ. Мы живемъ въ вѣкѣ, когда трудно серьезно стремиться къ безсмертію. Стремленіе это основано на вѣрѣ, а много ли у насъ вѣрующихъ? Заботится о будущемъ, пожалуй, немало лицъ, но все это на шаткихъ и нелогичныхъ основаніяхъ. Тѣмъ болѣе дипломы литературнаго безсмертія должны раздаваться съ большою осмотрительностью. Многіе довольствуются популярностью, да и то скоро преходящею. При толкахъ о будущей славѣ, являются недовольныя гримасы. Извѣстность признаётся славою, размѣненною на мелкія монеты.

Digitized by Google

Результатъ книги Стапфера все таки тотъ, что онъ не нашелъ точныхъ или опредѣленныхъ законовъ, въ силу которыхъ книга достигаетъ долговѣчности. Нынѣшнія книги должны исчезать еще быстрѣе, чѣмъ прежде, когда онѣ писались на пергаментѣ. Теперь онѣ печатаются на непрочной бумагѣ, уже черезъ полвѣка превращающейся въ прахъ. Способъ сужденія публики бываетъ различный, смотря по тому, складывается ли ея мнѣніе коллективно, или изолированно, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Только пьесы на сценѣ слушаются совокупно всѣми зрителями, взаимно вліяющими другъ на друга и чаще всего совершенно безсознательно. Сужденіе публики раздробленной, конечно, прочнѣе и справедливѣе, но и оно нерѣдко ошибочно; поэтому-то, видя шаткость вліянія литературы на прогрессъ, современные мыслители совѣтуютъ замѣнить писательство дѣятельностью частныхъ лицъ, такъ какъ дѣятельность правительствъ имѣетъ въ виду совершенно другія цѣли, весьма далекія отъ прогресса.

И, дѣйствительно, въ послѣднее время отдѣльныя лица не довольствуются поученіемъ своихъ братьевъ, а стараются направить ихъ на путь практической дѣятельности. Одинъ изъ молодыхъ французскихъ писателей, Рафаэль Шандосъ, слѣдившій за этимъ новымъ направленіемъ современнаго общества, сообщаетъ объ немъ любопытные факты, скрывая только имена этихъ новыхъ подвижниковъ человѣчества. Въ парижскомъ кварталѣ Монсо живетъ молодая, чрезвычайно красивая и богатая американка А. Потерявъ мужа три года назадъ, она вдругъ отказалась отъ свѣтской жизни; обо ней говорили, что она намѣрена основать новую религію, но она объяснила фельетонисту: «я еще не помѣшалась для этого, но нахожу, что нравственныя правила для людей необходимы; основы ихъ есть въ ученіи Будды, Брамы и др. Хотя догматы ихъ противорѣчивы, но и въ нихъ признаются справедливость и милосердіе. Эти истины говорятъ: что прежде всего надо думать о другихъ, а не о себѣ; быть въ высшей степени правдивымъ, побѣждать свои страсти и слабости. Если я живу въ богатомъ парижскомъ кварталѣ, то потому, что не хочу проповѣдывать въ пустынѣ, что въ наше время и безполезно: никто не сталъ бы слушать меня, еслибы я явилась оборванной, истощенной проповѣдницей; роскошь моя придаетъ мнѣ своего рода авторитетъ, и притомъ во мнѣ нѣтъ столько силы, чтобы сдѣлаться святою, а онѣ есть и въ наше время. Одна изъ моихъ родственницъ въ Мичиганѣ прославилась подвигами милосердія, но она не хочетъ никакой извѣстности, считая ее предосудительною въ дѣлахъ благотворительности; она только помогаетъ бѣднымъ, больнымъ, страдальцамъ во всякое время, когда бы

Digitized by Google

ее ни призвали. Она заставляетъ работать лѣнивыхъ и ея собственный примѣръ дѣйствуетъ гораздо больше, чѣмъ ея проповѣди. Сама она довольствуется чрезвычайно малымъ; она не твердитъ ни о небесномъ правосудіи, ни о людскомъ братствѣ, она просто говоритъ всѣмъ: «будьте добрыми»! Это главная основа ея ученія, и она вполнѣ награждена за это даже въ здѣшнемъ мірѣ. Презирая тѣлесныя немощи, она съумѣла побѣдить ихъ; голодъ, жажда, холодъ, сонъ не имѣютъ для нея значенія. Она дѣлаетъ почти чудеса: до того изумительны производимыя ею исцѣленія. Мнѣ—прибавила американка—еще далеко до ея совершенствъ». Философія давно уже давала совѣты побѣждать свое тѣло, но она не давала примѣровъ.

Другая подвижница, родственница петербургскаго инженера, живетъ въ Парижѣ въ другихъ условіяхъ—въ самой скромной обстановкѣ, въ холодной комнатѣ. Она схватила лихорадку, помогая бѣднякамъ въ нездоровой мѣстности. Русская энтузіастка говорила много о голодѣ, бывшемъ въ Россіи, и сознавалась, что теряла аппетитъ, видя сцены голоданія. У нея недоставало храбрости переносить ихъ—именно храбрости; потому что нуженъ особаго рода героизмъ, чтобы соразмѣрять свои поступки со своими чувствами; это гораздо труднѣе, чѣмъ лишать себя необходимаго въ пользу неимущихъ. «Я не соціалистка, не нигилистка,—прибавила она:—это большею частью честолюбцы, въ свою очередь желающіе угнетать другихъ. Но матеріальную помощь слѣдуетъ приносить людямъ, не затрогивая ихъ убѣжденій».

Въ отелѣ «Континенталь» живетъ англичанинъ, почти постоянно путешествующій и вездѣ дѣлающій добрыя и полезныя дѣла; онъ уже не молодъ и, говоря о женскихъ взглядахъ на жизнь, утверждаетъ, что достаточно даже одного желанія дѣлать добро, лишь бы усилія, которыя ведутъ къ этому, были не безплодны. Міръ исправятъ не фразы и проповѣди, а факты; отдѣльный человѣкъ тутъ ничего не сдѣлаетъ,—нужны ассоціаціи, чтобы бороться съ величайшими бѣдствіями на землѣ: войною, бѣдностью, невѣжествомъ, преступленіями. Только практическія усилія могутъ повести къ желаннымъ результатамъ, а не мистическіе принципы; 10 копѣекъ—сумма ничтожная, но еслибы всѣ въ Европѣ откладывали ее всякій мѣсяцъ, это составило бы 500 милліоновъ въ годъ, а сколько можно было бы сдѣлать хорошаго на эту сумму,—создать кооперативныя ассоціаціи, успѣшно бороться съ алкоголизмомъ, милитаризмомъ, анархизмомъ; все дѣло въ томъ, чтобъ соединить въ одно цѣлое ничтожныя силы и суммы, чтобы молодежь отдала все свое свободное время, старики свое знаніе, всѣ свои

Digitized by Google

усилія достигнуть цѣли. Дѣйствовать, бороться, осуществлять свои планы—какая блестящая цѣль жизни; не достигаетъ ее одинъ—его замѣняетъ другой. Огромныя предпріятія, начатыя съ ничтожными средствами, размножаются съ каждымъ годомъ, хотя и не такъ быстро. У ливерпульскихъ рабочихъ, составившихъ въ 1873 году ассоціацію съ грошевыми средствами, теперь огромные дворцы и капиталы; можетъ и одно лицо сдѣлать многое, но для этого нуженъ особенный темпераментъ; надо въ одно время хотѣть и умѣть. Еслибы истратить свои средства на благотворенія, какъ мичиганскія американки или калужская филантропка, нельзя было бы создавать газетъ, брошюръ, обществъ, кооперацій, этихъ моральныхъ силъ; большинство понимаетъ уже теперь всѣ преимущества мира, всѣ блага справедливости, и стремится къ соединенію, но массы апатичны, лѣнивы, равнодушны, озабочены личными интересами, постоянно возникающими въ обыденной жизни; разбудить ихъ, придать имъ энергію—дѣло передовыхъ людей. Другіе поведутъ ихъ, куда нужно, научатъ, что сдѣлать. Помогай самъ себѣ и братьямъ, потому что чудо тебѣ не поможетъ; для освобожденія человѣка нужны человѣческія силы.

Стало быть, форма современной дѣятельности, проявляющейся на Волгѣ и Миссисипи, въ формѣ самоотверженной благотворительности,—на Темзѣ является въ видѣ кооперацій, ассоціацій, публицистики. Такъ ли думаютъ на мутной Сенѣ? Свѣтская жизнь потеряла тамъ давно даже признаки обаянія; хотя изъ нея и не выходятъ святые и подвижники, но сознаніе низменности человѣческихъ чувствъ и стремленій уже явно высказывается въ печати; лѣнь уже не прикрывается предлогомъ необходимаго отдыха, сплетни—откровенностью; заискиваніе и лесть не называются воздаяніемъ заслугъ, осужденіе нашихъ слабостей не считается клеветою; нарушеніе интересовъ—личнымъ оскорбленіемъ; только не проявляется сознанія въ эгоизмѣ и самомнѣніи. Да и всѣ наши моральныя качества запятнаны лицемѣріемъ. Кто же вѣритъ въ клятвы любви, расточаемыя передъ женщиною, а между тѣмъ исканіе идеала сдѣлалось общею потребностью, не смотря на то, что родъ человѣческій все таки измельчалъ. Но недостатки современнаго общества ясны для всѣхъ, и понятно, что исцѣленія ихъ ищутъ не въ нездоровой мистикѣ и психологіи, а въ милосердіи, самоотверженіи, въ полезной дѣятельности. Изъ четырехъ вчерашнихъ типовъ, взятыхъ съ натуры парижскимъ фельетонистомъ и нисколько не преувеличенныхъ, видно, что все общество во всѣхъ націяхъ склоняется къ тому, что въ наше время слѣдуетъ не только писать и проповѣдывать, но и дѣйствовать. О необходимости благотворитель-

Digitized by Google

ности и распространенія образованія уже не спорятъ, а толкуютъ только о томъ, съ чего надо начинать, хотя это вопросъ второстепенный.

Для того, чтобы полудикарь понялъ, чего отъ него требуютъ, надо, конечно, чтобы онъ былъ сытъ, хотя и тутъ ясному пониманію его прежде всего являются помѣхою всякаго рода предразсудки, начиная съ религіозныхъ, приносящихъ особенный вредъ. Многіе въ стремленіи современнаго интеллигентнаго общества къ религіи видятъ отрадную борьбу съ безвѣріемъ, овладѣвшимъ настроеніемъ массъ, но вѣдь и избытокъ религій не замѣняетъ недостатка религіи, и нелѣпости разныхъ культовъ, которыми занимаются теперь во всѣхъ столицахъ Европы, немного говорятъ въ пользу ея умственнаго прогресса. Вышла любопытная книга Жюля Дюбуа: «О маленькихъ религіяхъ Парижа», гдѣ изложена сущность ученія главныхъ сектъ въ высшихъ сферахъ общества. Въ то время, когда официальная Франція систематически изгоняетъ всякое понятіе о Богѣ изъ школъ и изъ административныхъ сношеній, а масса населенія относится съ грубѣйшимъ индиферентизмомъ ко всякой морали и религіи, Дюбуа приводитъ сцену, гдѣ въ модномъ ресторанѣ являются представители всѣхъ сектъ, объясняющіе свои доктрины. Буддистъ надѣется со временемъ сдѣлаться богомъ, доведя до крайнихъ предѣловъ свое презрѣніе ко всѣмъ тлѣннымъ предметамъ этого міра. Теософъ ставитъ въ основу своего ученія всемірное братство и обѣщаетъ со временемъ подарить человѣчество двумя новыми чувствами, необходимыми для дополненія ихъ сравнительно съ семью первоначальными цвѣтами и музыкальными тонами. Послѣдователи религіи свѣта толкуютъ о возможности войти въ сношенія съ дивами Индіи, амшаспандами Персіи, зефиротами Кабалы, херубами Халдеи. Есть лица, заявляющія прямо, что они принадлежатъ къ поклонникамъ черной магіи, антихриста, Люцифера, ученія Мисраима, Мемфиса, кавалера Кадоша и др. Пессимисты заявляютъ открыто объ отсутствіи всякихъ надеждъ на будущее. Немало и сведенборгистовъ, признающихъ за каждымъ человѣкомъ четырехъ духовъ, изъ которыхъ двое наблюдаютъ за его умомъ, двое за сердцемъ, и изъ нихъ двое ангеловъ, и двое нечистыхъ. Можно представить себѣ, какія трагедіи разыгрываются въ группѣ каждаго изъ этихъ пяти лицъ, стремящихся къ разнымъ цѣлямъ. Эссеніанцы претендуютъ на извлеченіе сущности изъ христіанства; гностики признаютъ три породы людей: животную, психическую и «пневматическую»; къ послѣдней они относятъ вдохновенныхъ лицъ, входящихъ въ сношеніе съ небеснымъ Параклетомъ. Поклонники Изиды признаютъ въ ней не только всеобщую праматерь, но и олицетвореніе всемір-

Digitized by Google

наго милосердія. Встрѣчаются между религіозными психопатами и чистые язычники.

Видя въ интеллигенціи такую сутолоку въ воззрѣніяхъ, что же удивляться развитію всякаго рода сектъ и ересей въ простомъ народѣ? Наши раскольники поражаютъ болѣе всего дикостью своихъ взглядовъ и обрядовъ, но чего же ждать отъ этихъ дикарей, не имѣющихъ и понятія о таинствахъ религіи? У насъ еще недавно начали изучать эти странныя секты, изумляющія особенно иностранцевъ. На русскомъ языкѣ нѣтъ полнаго, стройнаго очерка всѣхъ раскольничьихъ разновидностей.

Какой-то румынъ Фольтисинеано издалъ книгу о положеніи русскихъ сектъ (*Die Secten in Russland*). Это, по крайней мѣрѣ, серьезное изслѣдованіе, съ которымъ мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателей. Русскій народъ, по словамъ автора, представляетъ психологическую задачу, разрѣшеніе которой тѣмъ труднѣе, что населеніе имперіи раздѣляется на двѣ неравныя части. Высшіе образованные и полуобразованные классы общества, знакомые Европѣ, рѣзко отдѣляются отъ низшихъ слоевъ общества даже своимъ особымъ характеромъ. Высшіе слои переходятъ попеременно отъ грубѣйшаго матеріализма къ дикому мистицизму, то дѣлая изъ народа какихъ-то полубоговъ, обладающихъ какими-то изумительными патріархальными нравами, то возбуждающихъ въ немъ революціонное направленіе, то отчаиваясь въ будущемъ Россіи, то превращаясь въ панславистовъ. Они большею частью погружены въ бездѣйствіе и апатію. Вовсе не такъ настроены крестьяне: въ нихъ гораздо болѣе жизненности, хоть они и увлекаются въ расколъ, не представляющій, впрочемъ, никакого неизлѣчимаго, болѣзненнаго явленія. Хотя основанія раскола большею частью нелѣпы, но поступки раскольниковъ нерѣдко приносятъ имъ честь. Самое упорство въ ихъ заблужденіяхъ доказываетъ ихъ независимость и самостоятельность ихъ взглядовъ, которые, конечно, разовьются впослѣдствіи, когда народъ пойметъ, что религія—не единственный идеалъ въ жизни. Споры за обрядную сторону ея доказываютъ своеобразность сужденій народа. Мощное зданіе русской православной церкви подкапывается множествомъ сектъ, плохо изучаемыхъ и различаемыхъ даже въ самой Россіи. И всѣ эти секты, какъ мистическія, такъ и раціоналистическія—до сихъ поръ очень мало извѣстны въ Европѣ. Расколъ произошелъ, какъ извѣстно, въ XV и XVI вѣкѣ отъ исправленія литургическихъ книгъ, искаженныхъ переписчиками. Народъ увидѣлъ въ этомъ исправленіи покушеніе на религію: для него вся она заключалась въ обрядахъ. Понятно поэтому, почему невѣжественная масса приписывала такое значеніе двукрат-

Digitized by Google

ному или троекратному провозглашенію аллилуій и хожденію посолонь, двуперстному или трехперстному крестному знаменію, Ісусу или Іисусу и пр. Но патріархи настаивали на этихъ нововведеніяхъ и народъ не захотѣлъ подчиниться ихъ приказаніямъ. Возникнувшій изъ-за церковныхъ обрядовъ расколъ принялъ вскорѣ политическое направленіе. Противники Никона утверждали, что патріархъ хочетъ уничтожить вѣру отцовъ ихъ. Расколъ вскорѣ началъ играть роль и въ народныхъ движеніяхъ. Возстаніемъ въ 1689 году Хованскій подкапывался подъ власть Петра I именемъ раскола. Чтобы поднять стрѣльцовъ противъ царя, увѣряли даже, что Петръ—сынъ Никона. Энергія молодаго царя положила конецъ религіозно-политическому движенію. Петръ жестоко преслѣдовалъ раскольниковъ. Оппоненты церковнымъ обрядамъ превратилась въ противниковъ государства и нерѣдко съ оружіемъ въ рукахъ сопротивлялись его распоряженіямъ. Вожди противодѣйствія явились даже изъ народа. Началась вражда и между образовавшимися сектами, какъ напр., между поповцами и безпоповцами, не признававшими ни церкви, ни причащенія, ни крещенія. Развитію раскола много содѣйствовало шаткое положеніе правительства. Екатерина II до Пугачева покровительствовала раскольникамъ, потомъ взгляды ея на расколъ измѣнились, какъ и вообще на всѣ государственныя дѣла.

Старѣйшая и болѣе распространенная секта старовѣровъ отличается особенною нетерпимостью не только въ обрядовыхъ вопросахъ, но и въ частной жизни. Она до сихъ поръ упорно считаетъ Петра антихристомъ. Въ періодъ отъ 1719 по 1736 годъ, болѣе полумилліона старовѣровъ было изгнано изъ ихъ деревень. Многіе изъ нихъ предпочли самосожженіе покорности царскимъ приказаніямъ. Этотъ странный способъ разставанія съ жизнью практиковался, впрочемъ, еще и прежде; такъ, въ 1679 году въ Тобольскѣ сожгли себя 1600 человѣкъ, въ 1680 году въ Ярославлѣ 1687, да въ Олонцѣ 2000. Другіе, удалясь въ пустынныя мѣста, основали колоніи, приходившія въ цвѣтущее положеніе, но постоянно разрушаемыя мѣстными властями. Съ теченіемъ времени, нравы, старовѣровъ нѣсколько смягчились, они допустили уже надзоръ за воспитаніемъ своихъ дѣтей. Имущество секты раздѣляется на частное и общинное; къ послѣднему принадлежатъ земля, скотъ и земледѣльческія орудія. Старовѣры вообще—хорошіе работники и любятъ трудиться. Бѣдные, больные и странники встрѣчаютъ у нихъ христіанскій пріемъ. Благотворительныхъ учрежденій для этихъ лицъ немало въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ губернскихъ городахъ. Но между этими сектами слишкомъ много пророковъ, святыхъ, фанатиковъ. Они признаютъ, что земля—царство грѣха, суеты и

Digitized by Google

страданій, и абсолютно отвергаютъ устройство современнаго общества и государства. Секта бѣгуновъ ведетъ полукочевую жизнь. Попадаются, впрочемъ, группы ихъ и на постоянныхъ мѣстахъ, представляющихъ лабиринтъ подземныхъ ходовъ и тунелей, сообщающихся съ другими и выходящихъ въ другіе дома и въ лѣсъ. Паспорты считаютъ они дьявольскимъ изобрѣтеніемъ; вступающихъ въ ихъ секту подвергаютъ вторичному крещенію и неофитъ даетъ клятву никогда не подчиняться властямъ, не платить податей и не имѣть постояннаго мѣста жительства. Все современное общество и правительство— слуги антихриста, таинства унижаютъ религію, молиться должно въ уединеніи, бракъ есть смертный грѣхъ. Нравственность бѣгуновъ находится на самой низкой степени. Они также вѣрятъ въ то, что антихристъ, освобожденный изъ ада черезъ тысячу лѣтъ послѣ Христа, не разъ дѣлался монархомъ. Бѣгуны—страшные фанатики, и еще недавно въ Вологдѣ крестьянинъ Самаринъ опрокинулъ чашу въ алтарѣ, стремясь къ мученическому вѣнцу. Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, секта эта сильно развилась, но теперь явно клонится къ упадку, хотя уничтожить ее очень трудно, такъ какъ полиція на предписанія — взять такого-то фанатика — отвѣчаетъ обыкновенно, что его никогда не было въ этихъ мѣстахъ. Главная причина развитія мистицизма — общее недовольство положеніемъ дѣлъ, распространяющееся особенно въ низшихъ классахъ. Отъ этого возникаютъ и такія секты, какъ во Владимірѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, проповѣдующія уничтоженіе плоти. Такъ какъ душу создалъ Богъ, а дьяволъ тѣло, то оно должно умерщвляться всѣми средствами, къ чему и стремятся сектанты. «Дѣти Господа» присвоиваютъ его только себѣ однимъ. Божество присутствуетъ въ человѣкѣ, а поэтому онъ самъ — часть божества. Христосъ только по своей святости сдѣлался Богомъ, и этого можетъ достигнуть всякій человѣкъ. Святой Духъ сходитъ въ каждую общину, приходящую въ экстазъ послѣ танцевъ, играющихъ главную роль въ обрядахъ секты. Пляшутъ въ бѣлыхъ, длинныхъ рубашкахъ, какъ дервиши въ Скутари, выдѣлывающіе свои упражненія подъ припѣвъ «Аллахъ иль Аллахъ!» но у русскихъ сектантовъ религіозныя оргіи оканчиваются зачастую свальнымъ грѣхомъ, а дервиши даже не пускаютъ женщинъ на свои представленія. Основные принципы секты полны аскетизма, но «племянницы Господа», какъ сектанты называютъ женщинъ, ведутъ очень распущенную жизнь. Еще бо̀льшимъ обоготвореніемъ пользуются женщины у скопцовъ, но основа ихъ ученія формулирована положительно сумашедшими. Они, однако, богаче всѣхъ другихъ сектъ, что̀ указали процессы Кудрина въ Москвѣ въ 1871 году и Плотицына въ

Digitized by Google

Моршанскѣ въ 1878 году. Симферопольскій процессъ, гдѣ судилось 130 скопцовъ, свидѣтельствуетъ что распространеніе этой возмутительной секты не уменьшается.

Авторъ доказываетъ, что увеличенію самоубійствъ въ Россіи способствуетъ ипохондрическій и пессимистическій характеръ населенія. Истерическая нервозность,—національная болѣзнь русскихъ. Но мы плохо вѣримъ въ исторіи о деревенскихъ самоубійствахъ, приводимыя авторомъ, безъ означенія времени и мѣста. Разсказы о добровольныхъ убійствахъ крестьянъ, пожелавшихъ покинуть этотъ міръ лжи и обмана, довольно фантастичны, также какъ и подробности о томъ, какъ желающій умереть добровольно подвергается задушенію посредствомъ положенной ему на голову подушки, на которую садится палачъ, не вставая, пока трупъ не остынетъ. Авторъ называетъ нѣкоторыхъ изъ этихъ палачей-добровольцевъ, какъ напр., Зыковъ, Щеткинъ, но не говоритъ, когда и гдѣ ихъ судили. Сомнѣваемся также, чтобы любимѣйшимъ родомъ смерти у русскихъ было распятіе и чтобы существовала секта «нѣмыхъ», ищущая спасенія души въ молчаніи, хотя авторъ опредѣляетъ мѣстомъ ея развитія—Саратовъ. Секта «прыгуновъ» возникла всего 25 лѣтъ назадъ. Основателемъ ея, конечно, былъ самъ Богъ, вызывавшій прыжками сошествіе Святаго Духа. Любопытно, что во время своихъ операцій «прыгуны» въ продолженіе двухъ часовъ цѣлуются между собою—мужчины съ женщинами. Крещенія, браки, похороны совершаются у нихъ безо всякихъ обрядовъ и безъ священниковъ. Они чуждаются всѣхъ свѣтскихъ удовольствій, не ѣдятъ мяса, не пьютъ вина, не поютъ и не танцуютъ, а только прыгаютъ. Въ послѣднее время секта раздѣлилась на двѣ: «Сіонское царство» и «Сіонскій царь», и основатель послѣдней, мужикъ Рудометкинъ, набралъ себѣ двѣнадцать красивыхъ королевъ. Принципы его склоняются къ комунизму. Нынѣшній глава этой секты, Поповъ, сосланъ недавно въ Сибирь. Въ церкви сектанты видятъ учрежденіе, мѣщающее умственному развитію. Мистическое направленіе сектъ авторъ приписываетъ круглому невѣжеству женщинъ и наклонности ихъ вѣрить во все невозможное и сверхъестественное, а между тѣмъ онѣ играютъ главную роль въ распространеніи раскола.

Наконецъ, въ книгѣ, сквозь шкуру румынскаго автора, проглядываютъ еврейскіе пейсы: онъ очѣнь хвалитъ жидовствующую секту Схаріи, въ Новгородѣ, и говоритъ, что отъ нея произошли штундисты, молокане и духоборцы. Въ южной Россіи раціонализмъ давно нашелъ себѣ прибѣжище и идеи Гуса и Лютера развивались въ ней, когда внутренняя и сѣверная Россія открещивалась отъ европейскаго вліянія. Духоборцы еще съ прошлаго столѣтія распространились

Digitized by Google

въ харьковской и екатеринославской губерніяхъ. Въ лицѣ Колесникова, духоборцы отвергали всѣ церковные обряды и церемоніи. Богу слѣдуетъ молиться въ духѣ и истинѣ; каждый долженъ носить въ своемъ сердцѣ духовнаго Бога. Человѣчество и божество — тожественны. Троицу нужно-де понимать такъ: Богъ отецъ—это память, Богъ сынъ—разумъ, Богъ духъ—воля. Нѣтъ никакого ни рая, ни ада. Эти сектанты дѣятельны, зажиточны, здоровѣе другихъ крестьянъ и оканчиваютъ свои споры, не прибѣгая къ суду. Чиновниковъ они считаютъ необходимымъ зломъ, войну—непростительной жестокостью. Николай I сильно преслѣдовалъ ихъ, но они устроили въ Сибири, на Кавказѣ и въ восточныхъ провинціяхъ цвѣтущія населенія; теперь ихъ тамъ до 150 тысячъ. Самая распространенная раціоналистическая и цвѣтущая секта—«молокане». Авторъ производитъ названіе ихъ оттого, что, вопреки церковнымъ постановленіямъ, они употребляютъ въ посты молоко. Главнымъ основаніемъ ихъ ученія, какъ и у всѣхъ подобныхъ сектъ—библія, но они почерпаютъ изъ нея только то, что имъ нравится: церковь и іерархію они отвергаютъ и обходятся безъ храмовъ. Бракъ считается у нихъ простымъ договоромъ между двумя равноправными сторонами. Женщины ихъ почти всѣ грамотны, не носятъ платьевъ яркихъ цвѣтовъ, серегъ и всякихъ украшеній, и вообще отличаются чистотою нравовъ и одежды. Нищихъ между ними нѣтъ. Десятая доля ихъ приходовъ откладывается для неимущихъ. Алкоголь, вино, табакъ они ненавидятъ. Похожая на нихъ секта «немоляки» распространена между донскими казаками. Основатель секты Шишкинъ, взятый властями, отрицалъ существованіе Бога и необходимость молитвы. Штундисты, или евангелическіе братья, составляютъ отрасль древнихъ баптистовъ. Постовъ они не соблюдаютъ, чтобы не ослабить крѣпости тѣла, жизнь ведутъ правильную, не пьютъ и не курятъ; въ ихъ ученіи ясны комунистическія стремленія. Похожи на нихъ «шалопуты», секта которыхъ основалась въ 1860 году. Въ жизни они руководствуются больше своею совѣстью и умомъ, чѣмъ библіею. Къ новѣйшей, хотя и достаточно распространенной сектѣ принадлежатъ «сутаевцы», названные такъ по имени основателя ихъ Василія Сутаева. Они отвергаютъ духовенство и относятся къ

Самъ Сутаевъ говоритъ, что онъ хочетъ только
ть настоящими христіанами. Въ ангеловъ и чорта
акже какъ и во все сверхъестественное, о будущей
ываютъ никакого мнѣнія, такъ какъ, говорятъ
нихъ не былъ на небесахъ. Графъ Л. Толстой былъ
онникомъ Сутаева.

, приводимыя нѣмецкимъ авторомъ, достаточно вѣр

Digitized by Google

но гдѣ же нашелъ онъ въ раціоналистическихъ сектахъ слѣды жидовства, самаго фанатическаго и человѣконенавистнаго ученія? Сужденія автора, что русскіе рабочіе больше склонны къ раціонализму, чѣмъ къ соціализму—можно принять.

Въ области исторіи обратили на себя вниманіе новыя изслѣдованія о роли сошедшаго со сцены потомка династіи Бурбоновъ. О сынѣ Людовика XVI, умершемъ въ Тамплѣ, составилось не меньше легендъ, чѣмъ о желѣзной маскѣ. Многіе легитимисты упорно поддерживали сказку, что десятилѣтній мальчикъ, смерть котораго въ 1795 году удостовѣрена официальными документами, былъ подмѣненъ болѣзненнымъ сверстникомъ, похищенъ роялистами и жилъ еще долго, скрываясь подъ разными именами, сначала отъ Наполеона, потомъ отъ Бурбоновъ. Нѣсколько авантюристовъ даже пробовали заявить свои мнимыя права на имя Людовика XVII, но не могли ничѣмъ подтвердить своихъ притязаній, несостоятельность которыхъ обнаруживалась при первыхъ шагахъ серьезнаго изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе, въ защиту ихъ издано много книгъ, появляющихся и до настоящаго времени. Въ 1884 году де-Вареннъ напечаталъ, подъ псевдонимомъ Эдуарда Бертона, обширное сочиненіе для доказательства, что баронъ де-Ришмонъ былъ настоящій сынъ казненнаго короля, а другіе конкуренты: часовщикъ Наундорфъ, Матюренъ Брюно и Гервагъ—жалкіе самозванцы. Черезъ шесть лѣтъ, въ новомъ изданіи своей книги, тотъ же авторъ доказывалъ, что Ришмонъ жилъ и подъ именемъ Гервага и Брюно, и такимъ образомъ послѣдній французскій дофинъ являлся, какъ церберъ, о трехъ головахъ. Теперь англичанка Елизавета Эвансъ издала объемистую книгу и сочинила другую легенду о Людовикѣ XVII (*The story of Louis XVII of France*). Очевидно незнакомая съ книгой Варенна, она посвящаетъ двѣ трети своего сочиненія опроверженію претензій трехъ претендентовъ и прибавляетъ къ нимъ четвертаго, Ришмона, а въ остальныхъ главахъ доказываетъ, что дѣйствительнымъ сыномъ Людовика XVII былъ Элеазаръ Вильямсъ, принадлежавшій къ индѣйскому племени тикондерога, начальникъ котораго усыновилъ этого юношу. Какимъ образомъ онъ попалъ изъ Тампля въ Соединенные Штаты, авторъ не объясняетъ, и говоритъ только, что онъ явился въ Альбани съ г-жею Жарденъ, выдавшею себя за фрейлину Маріи Антуанеты и доказывавшею американцамъ свои роялистскія чувства тѣмъ, что пѣла передъ ними марсельезу. У Вильямса оказался восковой медальонъ, снятый съ дофина, которому было шесть мѣсяцевъ, но на портретѣ онъ изображенъ съ черными волосами и смуглыми чертами мулата, что совершенно противорѣчитъ всѣмъ портретамъ, снятымъ съ Людо-

Digitized by Google

вика XVII. Эвансъ сознается, что Вильямсъ былъ полуидіотъ и не помнилъ рѣшительно ничего изъ своего пребыванія во Франціи, не зналъ ни одного слова роднаго языка. Но все это произошло отъ жестокаго обращенія съ нимъ тюремщика Симона, колотившаго мальчика по головѣ. Потомъ однако, по словамъ Эвансъ, къ нему возвратились умственныя способности, послѣ того какъ онъ однажды на охотѣ упалъ съ лошади и разбилъ себѣ голову. Отъ потери крови просвѣтился его мозгъ. Луи-Филиппъ былъ будто бы сильно озабоченъ появленіемъ этого претендента и потому отправилъ за нимъ, въ 1841 году, въ Америку принца Жуанвильскаго, съ цѣлью заманить его во Францію, гдѣ ему готовъ былъ царскій пріемъ и, вѣроятно, бокалъ вина Борджіевъ. Но Вильямса охраняли католическіе миссіонеры. Эвансъ описываетъ свиданіе, происшедшее между нимъ и принцемъ, и рѣшительный отказъ претендента отъ всѣхъ своихъ правъ и отъ поѣздки въ Европу. Но индѣецъ высказалъ тутъ же свой взглядъ на захватъ власти орлеанской династіей и на ея участіе въ интригахъ противъ Бурбоновъ, и «принцъ выслушалъ упреки въ почтительномъ молчаніи».Они разстались, однако, съ дружелюбными чувствами. Въ 1848 году Вильямсъ сообщилъ всѣмъ, что онъ французскій дофинъ и въ одномъ сѣверо-американскомъ журналѣ 1853 года Гансонъ напечаталъ объ этомъ обширную статью. Нумеръ былъ отправленъ принцу Жуанвильскому и секретарь его отвѣчалъ, что принцъ въ Америкѣ бесѣдовалъ со многими лицами объ основаніи въ странѣ французскихъ колоній, но не слыхалъ ни о какихъ фантастическихъ претендентахъ. На случай, еслибы Франція задумала перемѣнить свою форму правленія, миссъ Эвансъ обязательно сообщаетъ адресъ сына и семьи Вильямса, живущихъ въ Ошкомѣ, въ штатѣ Висконсинъ. Остается только ожидать любезнаго приглашенія...

Прошедшій годъ окончился, въ центрѣ европейскаго просвѣщенія, въ Парижѣ, самымъ позорнымъ скандаломъ для періодической печати. И въ другихъ странахъ она поднимала противъ себя, въ послѣднее время, громкое и справедливое негодованіе, но французская журналистика ославила себя одновременно самыми крупными скандалами, обнаружившими всю ея продажность и наглость. Обо всѣхъ этихъ процессахъ упоминается въ хроникѣ этой книжки, гдѣ представлено вліяніе общественной жизни столицы Франціи на ходъ ея политическихъ дѣлъ. Здѣсь, набрасывая бѣглый очеркъ этихъ явленій, отражающихся на литературѣ, какъ на крупнѣйшемъ факторѣ этой жизни, мы не можемъ умолчать о томъ удручающемъ впечатлѣніи, какое производятъ органы, обязанные быть хранителями общественной морали. Впечатлѣніе это высказывается ясно и опредѣленно, общество не только не довѣряетъ печати, но презираетъ ее

Digitized by Google

и имѣетъ на это вѣскія основанія. Есть въ этихъ порицаніяхъ доля несправедливости и озлобленія, но публика перестала вѣрить въ честность печати и убѣждена, что въ ней все продается и все покупается, не исключая молчанія. Надъ свободой печати всѣ смѣются и утверждаютъ, что она упала гораздо ниже, чѣмъ въ Турціи. Опозоренные публицисты сваливаютъ часть своей вины на обычай рекламы и публикаціи, но вѣдь публика очень хорошо знаетъ, что, платя десять сантимовъ за газетный листъ, она и безъ того уплачиваетъ пять сантимовъ за объявленія, т. е. въ пользу редактора; за что же еще съ нея деретъ реклама, шантажъ, вымогательство? Вѣдь публика должна же различать въ газетѣ мнѣнія редакціи отъ расхваливанія спекулякторомъ своего товара. Это различіе прежде строго опредѣлялось подписью редактора на четвертой страницѣ, за которой уже слѣдовали платныя объявленія. Мало по малу они перешли и на всѣ остальныя страницы нумера, и теперь нѣтъ статьи въ газетѣ, которая не отзывалась бы продажностью въ той или другой формѣ. Сначала откровенно объявляли: что такой-то—обыкновенно финансовый—отдѣлъ отданъ на откупъ; потомъ отдѣлъ театральный взяли на откупъ директоры театровъ—и исчезла безпристрастная оцѣнка пьесъ и игры актеровъ. Отдѣлы свѣтской и вседневной жизни и друг. сдѣлались также сплошною рекламою. Теперь честныя редакціи попадаются также рѣдко, какъ честные люди. Публика привыкла не вѣрить ни одной газетной строкѣ.

Колоссальнымъ мошенничествомъ явилась стачка почти всей періодической печати для восхваленія акцій панамской компаніи, разорившей мелкихъ капиталистовъ. Въ палатѣ требовали, чтобы газеты отвѣчали за восхваляемыя ими акціонерныя предпріятія; печать называла это требованіе неслыханной тираніей. Одна газета подала судебное взысканіе въ нанесенныхъ ей убыткахъ экспертомъ, опредѣлившимъ сумму, за которую она продалась рекламистамъ. Сумма эта, по мнѣнію газеты, была назначена слишкомъ ничтожная. Недавно умершій редакторъ «Фигаро» Маньяръ, явный взяточникъ и вымогатель, доказывалъ невозможность для редакцій убѣдиться въ достовѣрности посылаемыхъ статей и документовъ: «Придется печатать возраженія противъ лѣкарствъ, не принесшихъ пользы больному, противъ прочности товаровъ, восхваляемыхъ мануфактуристомъ». Но редакція не обязана опровергать печатаемыхъ ею платныхъ объявленій, если они только являются на своемъ мѣстѣ, а не въ текстѣ газеты. И вѣдь не можетъ же быть довольна публика, зная, что редакторъ получилъ деньги за то, чтобы ее обманывать. Теперь дѣло дошло уже до того, что газеты живутъ преимущественно этими рекламами, вымогательствами, и безъ нихъ не могутъ суще-

Digitized by Google

ствовать, но кто же виноватъ въ этомъ?! Газетчики имѣли и безъ того даровые билеты въ театрахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, во всѣхъ зрѣлищахъ, выставкахъ, получали даромъ акціи на разныя предпріятія, но имъ было этого мало: захотѣлось болѣе крупныхъ кушей и началось повальное мошенничество. А вѣдь можно же устроить иначе журнальное дѣло. Въ Англіи и даже въ Америкѣ существуютъ періодическія изданія, выходящія безъ рекламы и вымогательствъ, и редакторы ихъ получаютъ министерскіе оклады. Секретъ этотъ очень простъ: это журналы честные. Печальнѣе всего, что нахальству и разнузданности французской печати болѣе всего содѣйствовало само правительство:—уже и теперь начинаетъ обнаруживаться, что, при всей личной неподкупной честности Карно, онъ прикрывалъ своимъ авторитетомъ весьма сомнительные поступки своихъ министровъ и изъ нежеланія развивать скандалы скрывалъ множество некрасивыхъ дѣлъ своего управленія. Такъ, прогнавъ за явное участіе въ панамскихъ кражахъ разныхъ Фрейсинэ, Флокэ, Флурансовъ, въ палатѣ замяли имена ихъ сообщниковъ-депутатовъ и не позволили судебному вѣдомству подробно изслѣдовать панамскія кражи, а 90-лѣтняго обманщика Лессепса даже и вовсе не преслѣдовали послѣ состоявшагося надъ нимъ судебнаго приговора. Это снисхожденіе придало еще болѣе наглости панамистамъ и мошенничающіе заодно съ ними журналисты теперь только были публично заклеймены съ трибуны палаты. Вспомнили, что засадили въ тюрьму одного министра, а редактора вліятельной газеты, получившаго посредствомъ шантажа взятку въ 1.300,000 франковъ съ умиравшаго панамскаго общества, только принудили обѣщать возвратить эту сумму, чего онъ однако и до сихъ поръ не сдѣлалъ. Но болѣе всего, во всѣхъ этихъ взяткахъ и плутняхъ, виновато само общество, слишкомъ снисходительно относящееся ко всѣмъ мошенникамъ, если они только крадутъ милліоны. Поэтому, даже такіе завѣдомые воры, какъ баронъ Портлисъ, были за панибрата съ министрами и спокойно совершали свои продѣлки лѣтъ 20 сряду; мелкихъ шантажистовъ сажали подъ замокъ, а Портлисъ пожималъ руку Карно и ни одинъ судебный приговоръ, уличавшій его въ плутняхъ, не былъ приведенъ въ исполненіе. И теперь, не испугайся онъ личнаго тюремнаго заключенія и не скройся изъ Парижа, ему удалось бы какъ нибудь вывернуться отъ уличенія въ шантажѣ его милой газеты: «XIX Вѣкъ».

Вл. Зотовъ.

Digitized by Google

НАША ЖУРНАЛИСТИКА.

I.

Въ одномъ изъ предшествующихъ обозрѣній журналистики, я говорилъ о неподобающей роли, которую часто принимаютъ на себя наши газеты. Теперь мнѣ предстоитъ коснуться не менѣе интереснаго и поучительнаго вопроса—нелѣпостей и крайностей, до которыхъ дошли русскія иллюстрированныя изданія.

Припоминаю здѣсь разговоръ съ однимъ изъ хитроумнѣйшихъ издателей этого сорта «лѣтиратуры». Издатель жаловался на русскихъ рисовальщиковъ, невѣжественныхъ, бездарныхъ и недобросовѣстныхъ.

— Они ничего не знаютъ,—говорилъ онъ. — Нарисуетъ вамъ художникъ адъютанта и непремѣнно помѣститъ аксельбанты не съ той стороны, гдѣ слѣдуетъ. У дьякона его затрудняетъ орарь. Иллюстрируя историческій романъ, онъ пишетъ бояръ старшими дворниками или малафѣевскими статистами. Въ виньетку арабскаго стиля непремѣнно вкатитъ узоръ эпохи возрожденія. Можете представить: даже о лучшихъ, знаменитѣйшихъ нашихъ писателяхъ рисовальщики имѣютъ самое смутное понятіе. Нужно, положимъ, изобразить сцену послѣдняго объясненія Татьяны съ Онѣгинымъ. Если вы предварительно не «пройдете» съ нимъ «Онѣгина» отъ начала до конца, онъ нарисуетъ безсмыслицу, горше которой нельзя придумать. Теперь судите, какъ справляются эти «художники» съ самостоятельными работами! Вы скажете: относясь къ художникамъ строго, предъявляя къ нимъ всегда опредѣленныя требованія, легко заставить ихъ работать искуснѣе и добросовѣстнѣе. Увы — ничего подобнаго! Если я забракую рисунокъ, онъ понесетъ его къ другому, третьему, четвертому; наконецъ пошлетъ въ какую нибудь «Родину», гдѣ хоть жалкіе гроши, да заплатятъ. Существованіе массы иллюстрированныхъ журналовъ обезпечиваетъ существованіе самыхъ ничтожныхъ и безталанныхъ художниковъ.

Выслушавъ эту филиппику, я естественно поинтересовался узнать, неужели же такъ-таки и нѣтъ способныхъ рисовальщиковъ,

Digitized by Google

а все неучи да бездарности. Собесѣдникъ мой признался, что таланты встрѣчаются, но неучи—почти всѣ.

— Отчего же вы не займетесь талантливымъ человѣкомъ? Вы, кажется, немножко понимаете искусство и могли бы въ собственныхъ же интересахъ помочь выработаться способному работнику.

— Когда же, помилуйте! Развѣ у меня есть время переучивать художниковъ! Я слѣжу за тѣмъ, чтобы не прозѣвать «событій дня», во-время достать портретъ тріумфатора, юбиляра, или знаменитаго покойника, воспѣть радость родины и пролить слезы о ея горѣ, купить новыя интересныя клише за границей, получить право воспроизведенія нашумѣвшей у передвижниковъ или академистовъ картины, заказать романъ лихачу-беллетристу, изобрѣсти сенсаціонную премію, запастись матеріаломъ для приложеній, составить объявленіе о полугодовой подпискѣ и обдѣлать еще тысячу дѣлъ, о которыхъ вы не имѣете и понятія.

Издатель, съ которымъ я бесѣдовалъ, владѣетъ не захудалымъ иллюстрированнымъ журналомъ, но онъ никогда не возбуждалъ моей зависти. Эта постоянная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, эта боязнь, что кто нибудь придумаетъ «премію», которая выпуститъ его конкурентовъ послѣ завтра въ трубу, эта погоня не за подлиннымъ дѣломъ, а за призраками милліона дѣлъ обращала юркаго человѣка въ бѣлку, безплодно суетящуюся, чтобы вертѣть колесо, *сознательно* не пригоняя его ни къ какой цѣли. Въ то же время меня преслѣдовали соображенія слѣдующаго характера.

Дѣйствительно, иллюстрированные журналы, сколько они ни раздуваютъ себя, неизмѣнно остаются предпріятіями, построенными на пескѣ. Редакторъ иллюстрированнаго журнала можетъ трудиться самымъ добросовѣстнымъ образомъ, но, если въ концѣ года выдаваемая имъ премія не понравится подписчикамъ, добросовѣстный трудъ его развѣется прахомъ и подписка неминуемо падетъ. Я видѣлъ это на примѣрѣ журнала, очень недурно редактировавшагося, но имѣвшаго несчастіе «не заслужить» передъ читателями преміей.

Спрашивается, кто виноватъ въ этомъ? Очевидно, сами «иллюстрированные издаватели», и никто болѣе. Премія—альфа и омега ихъ изобрѣтательности. Они съ такимъ азартомъ напираютъ на премію и тысячу «совершенно безплатныхъ приложеній», что подписчикъ невольно въ преміи и видитъ всю сущность дѣла. Очевидно, разъ премія плоха, подписчикъ негодуетъ и перекочевываетъ къ издателю, дающему больше «приложеній» и болѣе заманчивую премію.

Вторымъ козыремъ, послѣ «преміи», являются «имена».

Объ этомъ стоитъ поговорить подробнѣе.

Digitized by Google

Для чего иллюстрированному журналу нужны «имена»? Для того же, для чего и преміи. «Имена» привлекаютъ, «имена» сулятъ «дорогое» эстетическое наслажденіе, пріобрѣтаемое за грошъ. Съ даннаго пункта начинается перечень подлинныхъ преступленій «иллюстрировщины».

Когда г. Марксъ началъ издавать «Ниву», у него съ большимъ успѣхомъ сходилъ за знаменитость сочинитель историческихъ романовъ, г. Вс. Соловьевъ [1]). И, право, на г. Соловьевѣ слѣдовало, что называется, забастовать. Между тѣмъ г. Марксъ Соловьевымъ не удовлетворился. Одинъ Соловьевъ надлежащаго *литературнаго* успѣха не далъ, нужны были дѣйствительно громкія имена. Такъ какъ въ то время обладателями якобы «громкихъ именъ» еще не привыкли таскаться по прихожимъ иллюстрировщиковъ,—издателю «Нивы», очевидно, предстояло измыслить серьезную приманку. Такою приманкой явился—увы!—чудовищно-огромный гонораръ (свободно выплачиваемый изъ «почтовой экономіи» по пересылкѣ журнала): двѣ-три сотни за листъ авторамъ, лишь *иногда* за небольшія вещи срывавшимъ по сту рублей. Второю приманкой явился самъ г. Марксъ, нужно думать, очень компетентный цѣнитель беллетристики, хотя кажется, онъ и до сего дня не очень свободно владѣетъ русскимъ языкомъ. «Громкія имена» могли давать г. Марксу какую угодно залежь, ибо онъ заботился не о качествѣ пріобрѣтеннаго «матеріала», а исключительно объ «имени». Извѣстны случаи, когда писателямъ не то что съ громкими, но даже съ громчайшими именами редакторы толстыхъ журналовъ возвращали рукописи, прося здѣсь измѣнить, тамъ сократить, тутъ вставить новую сцену. Объ именахъ «громкихъ» лишь въ воображеніи иллюстрировщиковъ и говорить нечего. Носители ихъ не рѣшались и нести въ *литературный* журналъ вещи, которая имъ самимъ казалась слабою. Въ отношеніи *макулатурныхъ* журналовъ, подобныхъ церемоній существовать не могло и нельзя удивляться, что авторы нашли удобнымъ сбыть, на первыхъ порахъ, г. Марксу болѣе или менѣе низкосортныя, завалявшіяся «произведенія».

«Важенъ первый шагъ». Дальше дѣло пошло удобнѣе и легче. Привычка,—какъ говорятъ французы,—была сдѣлана. Соблазнившись высокими гонорарами и низкими требованіями, извѣстные писатели одинъ за другимъ начали совершать паломничества во вновь открытую Мекку, такъ что теперь гораздо удивительнѣе—нежеланіе

[1]) Объ этомъ типичномъ «иллюстрированномъ беллетристѣ» въ «Наблюдателѣ» была особая статья К. П. Медвѣдскаго, въ февралѣ текущаго года. Разъ г. Вс. Соловьевъ могъ создать себѣ «репутацію» среди публики, читающей журналы съ картинками, легко уже понять, что̀ это за публика и каковы ея понятія о литературѣ.

Digitized by Google

извѣстнаго писателя сотрудничать въ иллюстрированномъ журналѣ, нежели обратное явленіе.

Еслибы дѣло ограничивалось тѣмъ, что, давая свои работы въ иллюстрированные журналы, извѣстные писатели смотрѣли на это, какъ на компромиссъ, на малодушную уступку—особенной бѣды не произошло бы. Но они смотрятъ иначе. Они дорожатъ щедростью иллюстрировщиковъ и поставляютъ имъ столько «матеріала», сколько иллюстрировщики требуютъ. По внутреннему побужденію, громадное большинство современныхъ писателей не могло бы плодить того множества романовъ, повѣстей, разсказовъ, этюдовъ и новеллъ, которое оно плодитъ по заказу иллюстрированныхъ журналовъ. Писатель—человѣкъ и ничто человѣческое ему не чуждо. Его просятъ написать романъ въ то время, когда онъ рѣшительно не расположенъ и не знаетъ, что̀ писать. Сдѣлавъ извѣстное усиліе, онъ, конечно, въ состояніи приняться за работу, а разъ работа сулитъ лишнюю тысячу-другую, то отказаться отъ нея очень трудно.

И вотъ писатель разъ дѣлаетъ надъ собою усиліе, другой разъ, третій. Я убѣжденъ, что первой написанной «съ усиліемъ» вещи онъ стыдится, считаетъ ее неудачной и безцвѣтной, но затѣмъ чувство снисходительности къ самому себѣ беретъ мало по малу верхъ, требовательность уменьшается и писатель «творитъ» не только безъ усилія, но даже съ сознаніемъ, что это электрическое творчество не лишено извѣстныхъ крупныхъ достоинствъ.

Иллюстрированные журналы положительно виноваты въ томъ, что многіе талантливые, интересные и добросовѣстные писатели сдѣлались, въ концѣ концовъ, и неинтересными, и неряхами. Беллетристы, пріобрѣвшіе кое-какую цѣнность на журнальномъ рынкѣ, «производятъ» больше, чѣмъ могутъ производить естественнымъ порядкомъ, повторяются, размазываютъ ничтожнѣйшія подробности, трактуютъ ничтожнѣйшіе сюжеты, продѣлываютъ сотни очень грубыхъ и очень банальныхъ фортелей, при помощи которыхъ легко плодить страницы, но еще легче совершенно обезплодить талантъ.

Наблюдается затѣмъ и такое явленіе. Писатель, сравнительно недавно и съ очень спорнымъ успѣхомъ выступившій въ литературѣ, проникаетъ какъ нибудь въ иллюстрированный журналъ. Тамъ ему платятъ, конечно, не столько, сколько знаменитостямъ, но все же больше, чѣмъ въ настоящихъ литературныхъ изданіяхъ. Новоиспеченная мнимая «извѣстность» сразу же поднимаетъ голову. Она и въ настоящій журналъ является съ «категорическими» требованіями, она уже менѣе полутораста рублей за листъ «не беретъ», потому что ей разъ дали полтораста рублей.

Digitized by Google

Я не редакторъ и не издатель. Я такой же «полистный» труженикъ и, конечно, предпочитаю крупный гонораръ—ничтожному. Но меня до глубины души возмущаютъ эти господа, «не берущіе» меньше такой-то и такой-то суммы. Все должно явиться въ свое время, все должно быть заслужено, пріобрѣтено по праву. Не дѣлаетъ чести редакціи, которая, при большихъ средствахъ, пользуясь деликатностью талантливаго стараго сотрудника, не имѣетъ порядочности увеличить ему плату за трудъ, но тутъ уже другаго рода вопросъ. Тутъ на лицо должны быть и серьезныя заслуги, и неоспоримая польза, и талантливость, и добросовѣстная, постоянная работа. А у этихъ скороспѣлыхъ «извѣстностей» за душою только случайно полученная, сдуру заплаченная сотня за три четверти листа.

Впрочемъ, можно побѣдить отвращеніе къ слишкомъ алчному новичку, если онъ обнаруживаетъ, по крайней мѣрѣ, хоть задатки дарованія и обѣщаетъ быть впослѣдствіи честнымъ литературнымъ работникомъ. Къ величайшему несчастію, изъ тысячи алчныхъ новичковъ вы едва ли встрѣтите и одного, надѣленнаго подобными, смягчающими вину, качествами. Сплошь и къ ряду это люди «съ искрой», которой не суждено разгорѣться сколько нибудь яркимъ пламенемъ.

Попробуйте урезонить инаго литературнаго дебютанта. Онъ забросаетъ васъ аргументами совершенно особеннаго свойства. Насчетъ добросовѣстности работы онъ приведетъ вамъ поучительный примѣръ писателя, «распространяющаго» въ иллюстрированномъ журналѣ вещицу, ранѣе того напечатанную въ газетѣ, или не менѣе поучительный примѣръ писателя, сокращающаго для иллюстрированнаго журнала большую, бывшую уже въ печати, повѣсть—въ вещицу. Оправдываясь «по обвиненію въ алчности», онъ сошлется на X или Z, которые рѣшительно ничѣмъ не выдаются, сомнительно извѣстны, а получаютъ 200—250 рублей за листъ. Отчего же ему не требовать полутораста? Строченіе за одинъ присѣстъ онъ не можетъ признать недостаткомъ, ибо г. Григоровичъ, напримѣръ, ужь, разумѣется, своего «Порфирія Кукушкина» не за одинъ присѣстъ написалъ, а кто же восторгается «Порфиріемъ Кукушкинымъ»?

Чтобы спорить противъ такихъ и подобныхъ, съ позволенія сказать, парадоксовъ, вы должны пересоздать вашего оппонента, должны измѣнить всю систему его понятій,—короче, произвести работу, на которую, очевидно, у васъ не станетъ ни времени, ни силъ.

II.

Итакъ, иллюстрированные журналы, гоняясь за «именами», очень мало заботятся о качествѣ подносимаго ими литературнаго «мате-

Digitized by Google

ріала». Происходитъ это, какъ я уже сказалъ, оттого, что успѣхъ иллюстрированныхъ журналовъ обезпечивается успѣхомъ «премій», а не какого нибудь романа или повѣсти. Слѣдовательно, быть школою для молодыхъ писателей или нравственной поддержкой для писателей уже опытныхъ—они не могутъ. Между тѣмъ, они раскидываютъ свою сѣть все назойливѣе и назойливѣе. Принявъ основаніемъ для своихъ литературно-комерческихъ операцій принципы дешевки, иллюстрированныя изданія стремятся давать не только дешевое, но и «сенсаціонное». Не правда ли, это вѣдь очень сенсаціонно дать «совершенно безплатно», сочиненія Достоевскаго, или Писемскаго, или Золя, или Мопассана? Къ тому же, находясь въ привилегированномъ положеніи относительно почты, которой они уплачиваютъ несравненно меньше за пересылку пятидесяти двухъ нумеровъ, нѣсколькихъ десятковъ книжекъ, альбомовъ и картинъ, нежели уплачиваетъ толстый журналъ, пользующійся услугами почты только двѣнадцать разъ въ годъ,—иллюстровщики могутъ не стѣсняться количествомъ разсылаемой ими бумаги. Но матеріальную сторону дѣла, какъ она ни важна, мы оставимъ пока въ сторонѣ. Нравственная сторона дѣла несравненно внушительнѣе.

Скажите на милость: мыслимо ли предпринять широкое распространеніе такого, напримѣръ, писателя, какъ Достоевскій, не взвѣсивъ самымъ тщательнымъ образомъ всѣ шансы и противъ этого предпріятія?

Можно очень и очень спорить относительно пользы широкаго распространенія Достоевскаго, исходя уже изъ того безспорнаго положенія, что основные мотивы его произведеній требуютъ сложныхъ коментаріевъ, что образованнѣйшіе читатели могутъ понимать Достоевскаго совершенно различно, ибо этотъ писатель излагалъ свои мысли даже въ публицистическихъ статьяхъ крайне сбивчиво, безпрестанно противорѣчилъ себѣ,—а главное: питалъ пристрастіе къ такимъ явленіямъ жизни, которыя никто не рѣшится назвать нормальными. Всѣ романы Достоевскаго сверху до низу начинены уголовщиной и, право, смѣшно думать, что полуинтеллигентный, въ массѣ, подписчикъ «Нивы» будетъ выискивать среди безчисленныхъ кровавыхъ подробностей «великую основную идею» автора «Преступленія и наказанія». Не станетъ онъ этого дѣлать и не въ состояніи сдѣлать, потому что самому Достоевскому его «основная идея» была не ясна а—главное—потому еще, что для подобной трудной умственной работы полуинтеллигентный читатель не подготовленъ. Остранивъ же (спорную или безспорную—все равно) основную идею «Карамазовыхъ», «Бѣсовъ», «Преступленія и нака-

Digitized by Google

занія», «Идіота» и т. д., мы получимъ *безусловно нездоровый матеріалъ для чтенія*, широко распространяемый безъ всякаго толка и соображенія, единственно въ виду выгодности подобной литературной аферы. Теперь возьмите далѣе Золя или Мопассана, или какого нибудь другаго автора въ томъ же родѣ. Развѣ эти авторы—*для всякой публики?* Развѣ они пригодны для семейнаго чтенія, о которомъ такъ хлопочутъ гг. иллюстрировщики? Очевидно, ихъ хлопоты обращаются на одинъ только предметъ: на увеличеніе подписки во что бы то ни стало, какими угодно способами.

Нужно подчеркнуть это *новое* стремленіе «иллюстрированныхъ издавателей» ловить публику на приманки *чисто-литературнаго характера*. Подите, разъясните толпѣ, для васъ совершенно очевидную, но въ существѣ дѣла тонкую разницу между изданіемъ, преслѣдующимъ *литературныя задачи*, и изданіемъ, всячески *спекулирующимъ на литературу*. Вотъ гдѣ страшное зло, вотъ что особенно опасно! Вѣдь представленіе о томъ, *что такое журналъ*, стало за послѣднее время полузабытымъ представленіемъ вообще. На журналъ смотрятъ такъ: «выходитъ періодически, печатаетъ стишки, разсказы, романы, различныя обозрѣнія, научные этюды, смѣсь, фельетоны—слѣдовательно, это журналъ». Кто думаетъ о руководящей идеѣ журнала? Кто задумывается надъ стройностью и опредѣленностью направленія журнала? Кто слѣдитъ за преемственностью вопросовъ въ журналѣ? Приходится стать на перекресткѣ и проповѣдывать: журналъ, милостивые государи, отличается отъ періодически выходящаго—тощаго или толстаго—сборника стишковъ, повѣстушекъ etc. тѣмъ, что онъ преслѣдуетъ опредѣленныя литературныя и общественныя задачи, а періодическій сборникъ о нихъ представленія не имѣетъ; что у него есть *направленіе*, а въ сборникѣ только «фамиліи»; что онъ по извѣстному плану разрабатываетъ тѣ или другіе вопросы искусства, экономической и соціальной жизни страны, религіи, философіи и т. д., и т. д., а сборникъ, или альманахъ, занятъ однимъ вопросомъ: наловитъ онъ будущемъ году подписчиковъ, или нѣтъ?

Совершенно понятно, что журналъ, въ подлинномъ смыслѣ слова, не только не долженъ, но и не можетъ, не роняя своего значенія, пристегивать къ себѣ преміи и приложенія, будь онѣ хоть трижды литературныя. Журналъ не долженъ и не долженъ *торговать*, не долженъ и не можетъ *спекулировать*. Это правило распространяется не на одни толстые журналы, но на всѣ журналы *безъ исключенія*. Лишь при соблюденіи его, журналы имѣютъ право на существованіе.

Digitized by Google

III.

Въ принципѣ рѣшительно ничего нельзя имѣть противъ иллюстрированныхъ журналовъ. У нихъ своя сфера дѣятельности, трудясь въ которой они могутъ принести извѣстную пользу обществу и процвѣтать не по внѣшности только, а въ дѣйствительности. Но для этого необходимо, чтобы каждый иллюстрированный журналъ существовалъ *для чего нибудь*, а не для одного собиранія подписныхъ денегъ.

Въ настоящее время иллюстрированные журналы существуютъ именно неизвѣстно для чего. То, что въ нихъ печатается, не привлекаетъ вниманія даже провинціальныхъ литературныхъ обозрѣвателей, какъ будто между ними состоялось безмолвное, но прочное соглашеніе: помѣщаемое въ иллюстрированныхъ журналахъ—не литература и говорить о немъ не стоитъ. Какой писатель сдѣлалъ себѣ имя, благодаря иллюстрированному журналу? Я желалъ бы полюбоваться на этого феномена! Самое дѣло изданія иллюстрированнаго журнала, какъ легко судить отсюда, не является дѣломъ литературнымъ. Сама власть, разрѣшающая иллюстрированные журналы, смотритъ на нихъ иными глазами, нежели на журналы общественные и политическіе. Получить разрѣшеніе на изданіе иллюстрированнаго журнала сравнительно легко, также легко... какъ и утратить его, не выпустивъ въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ ни одного нумера.

Какимъ же, однако, требованіямъ долженъ отвѣчать иллюстрированный журналъ, чтобъ имѣть безспорное право на существованіе? Я представляю себѣ, что иллюстрированный журналъ прежде всего долженъ слѣдить за текущею жизнью и давать возможно полное изображеніе ея «перомъ и карандашемъ». Перо должно быть остроумнымъ и бойкимъ, а карандашъ—талантливымъ, умѣющимъ схватить не одну внѣшность, но и смыслъ явленія. Затѣмъ, печатая беллетристическія произведенія, журналъ непремѣнно долженъ иллюстрировать ихъ, пользуясь каждымъ эпизодомъ, просящимся подъ карандашъ художника. Именно эти иллюстраціи и цѣнны. Онѣ способны придать интересъ даже не особенно талантливой вещи, такъ какъ на помощь автору здѣсь является художникъ, и они уже совмѣстной работой дѣйствуютъ на читателя. Иллюстрированный романъ или повѣсть пріобрѣтаютъ цѣнность, которая одинаково понятна и малоразвитому читателю, и читателю вполнѣ интеллигентному. Въ свою очередь и писатель, отдавая произведенія въ иллюстрированный журналъ, будетъ преслѣдовать не одну лишь матеріальную

Digitized by Google

выгоду. Я даже допускаю, что можно увлечься идеей написать разсказъ или этюдъ спеціально съ цѣлью дать художнику оригинальный и интересный матеріалъ. То же самое нужно сказать и о стихахъ. Полная граціи и мысли виньетка способна вдохновить стихотворца; въ свою очередь, талантливое стихотвореніе заставитъ художника взяться за карандашъ.

Знакомя публику съ копіями картинъ, помѣщающихся на выставкахъ и находящихся въ музеяхъ, иллюстрированные журналы также точно принесли бы громадную пользу, оспаривать которую рѣшительно никто не станетъ. Вызывая художниковъ на серьезный, полный яснаго смысла трудъ, они очень скоро изъ неучей и неряхъ сдѣлали бы добросовѣстныхъ и свѣдущихъ работниковъ. Вѣдь тогда нашлось бы время поговорить о каждомъ рисункѣ, тогда для редакторовъ это стало бы первою заботой, да и авторы иллюстрируемыхъ произведеній охотно пришли бы имъ на помощь.

Вотъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, задачи, которыя долженъ преслѣдовать иллюстрированный журналъ. Преміи и приложенія ему не нужны. Обременяя издателей лишними—громадными—расходами, они теперь являются совершеннѣйшимъ балластомъ для интеллигентныхъ читателей, сознающихъ ничтожество *собственно журнала*, и вредною затѣей въ отношеніи читателей мало интеллигентныхъ, которые даже не знаютъ, что̀ такое журналъ. Деньги, расходуемыя по преміи, получатъ тогда иное назначеніе. Вѣдь нынче, смѣшно сказать, въ иллюстрированномъ журналѣ *иллюстрированное беллетристическое произведеніе—рѣдкость*! И «Нива», и «Живописное Обозрѣніе», и «Сѣверъ», и «Всемірная Иллюстрація», и всѣ мелкіе листки съ картинками составляются по одному и тому же шаблону: «литературный отдѣлъ»—самъ по себѣ, «художественный»—самъ по себѣ. А между тѣмъ въ соединеніи, въ гармоніи этихъ отдѣловъ и заключается задача иллюстрированнаго журнала!

Заботясь исключительно о «преміяхъ», иллюстрированные журналы наполняютъ свои нумера всякимъ хламомъ. Чаще всего они пользуются заграничными клише, ибо это много удобнѣе и дешевле. Копіи съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ даются безъ всякой системы, случайно. «Оригинальные» рисунки до крайности банальны и неинтересны. Излюбленные мотивы—«по грибы», «заблудились», «стадо на водопоѣ», «дѣвочка съ цвѣткомъ», «дѣвочка безъ цвѣтка», «цвѣтокъ безъ дѣвочки», «закатъ», «осенній вечеръ», «лѣтній вечеръ», «зимній вечеръ», «весенній вечеръ», «ночь на югѣ», «ночь на сѣверѣ», «ночь зимой», «ночь лѣтомъ», «болото», «нива», «роща», «вода», «облако» и т. д., и т. д., и т. д. Въ этомъ перечнѣ нѣтъ ни малѣйшей утрировки и, право, не хочется даже шу-

Digitized by Google

тить надъ убожествомъ *оригинальнаго* художественнаго отдѣла въ нашихъ иллюстрированныхъ журналахъ. Онъ, пожалуй, еще больше, чѣмъ отдѣлъ литературный, свидѣтельствуетъ объ укорененіи самой дикой и нелѣпой рутины въ этой злополучной области. Ясно, что, даже *желая* поддержать свое званіе *иллюстрированныхъ* журналовъ, наши иллюстрированныя изданія не могутъ сдѣлать этого: до такой степени они запутались съ преміями, приложеніями, «именами» и всякимъ вздоромъ, стоющимъ денегъ, но не стоющимъ даже злой пародіи.

Необходимо, неотложно-необходимо русской «иллюстровщинѣ» свернуть съ избраннаго ею невѣрнаго пути и попытаться вступить на новый путь, отвѣчающій ея природѣ. Литература не можетъ относиться къ ней теперь сочувственно, хотя бы она давала цѣлыя библіотеки знаменитѣйшихъ авторовъ, въ видѣ «самыхъ безплатныхъ приложеній». Чѣмъ дальше забираются иллюстрированные журналы въ не принадлежащую имъ сферу, чѣмъ настойчивѣе преслѣдуютъ не отвѣчающія ихъ назначенію задачи,—тѣмъ ничтожнѣе ихъ положеніе, тѣмъ вреднѣе они въ литературѣ, тѣмъ не обезпеченнѣе ихъ собственная участь. Будемъ надѣяться, что за дѣло изданія иллюстрированныхъ изданій станутъ, наконецъ, браться люди, одушевленные иными стремленіями, нежели большинство нынѣшнихъ предпринимателей. Мы отдаемъ должное каждой попыткѣ въ новомъ направленіи, но подобныхъ попытокъ мало, онѣ слабы и нерѣшительны, и рутина все таки царитъ надо всѣмъ безраздѣльно. И публикѣ тоже пора бы отстать отъ отвратительной привычки пытаться, то здѣсь, то тамъ, купить на копѣйку пятачковъ. Копѣйки всегда копѣйки, и всегда ихъ въ пятачкѣ пять. Если же копѣйку берутъ съ обѣщаніемъ дать за нее пятачокъ, значитъ: или пятачокъ будетъ фальшивый, т. е. копѣйки не стоющій, или же это пятачокъ въ туманѣ, т. е. простая плутня.

Мы изъ кожи лѣземъ, чтобы сдѣлаться вполнѣ культурными, да еще самобытно-культурными. И вдругъ цѣлая отрасль печатнаго дѣла коснѣетъ въ дикомъ торгашескомъ невѣжествѣ, вредномъ не только для нея, но и для другихъ отраслей. Неужели это долго еще продлится и неужели это мало кому понятно? Газетамъ положительно слѣдовало бы сдѣлать изъ неправильной постановки иллюстрированнаго издательства—особый вопросъ. Изъ массы богъ вѣсть зачѣмъ поднимаемыхъ вопросовъ, подобный вопросъ безспорно выдѣлится, и выдѣлится своей осмысленностью, важностью, «злободневностью».

Digitized by Google

Молебенъ въ деревнѣ.

Не соловьиная дробная трель,—
Нѣжно рокочетъ пастушья свирѣль,
И по селенью, изъ зимнихъ хлѣвовъ,
Ей отвѣчаетъ мычанье коровъ...
Слышится лязгъ по желѣзу дойницъ,
Ласковый окрикъ дѣвчатъ, молодицъ;
Воздухъ увлаженъ слегка вѣткомъ,
Пахнетъ пріятно парнымъ молокомъ...
Чу, раздуются удары бича!
Идутъ на выгонъ коровы, мыча,
И за околицу съ ними спѣшатъ
Шумно толпы молодицъ и дѣвчатъ.
Тамъ по землѣ не прошелъ еще плугъ,
Свѣжъ зеленѣющій бархатный лугъ,
Много, межъ старыхъ вишневыхъ кустовъ,
Аленькихъ, синихъ и желтыхъ цвѣтовъ...
Глазъ различаетъ деревья вдали,
Синія горы поля облегли,
Но развернувшійся мощно просторъ
Словно бѣжитъ отъ излучистыхъ горъ...
А на лугу, близь колодца, народъ
Жарко, подъ бременемъ вешнихъ заботъ,
Молится, чтобъ гулевыя мѣста
Были обильны травой для скота.
Набожно старый пастухъ креститъ лобъ,
Священнодѣйствуетъ сѣденькій попъ.
Солнце играетъ на ризахъ иконъ,
Ладономъ воздухъ кругомъ напоенъ...
А надъ землей, въ вышинѣ голубой,
Служитъ молебенъ, торжественно, свой
Ясному солнышку птичка, звеня
Въ радостномъ блескѣ весенняго дня.

Н. Пановъ.

Digitized by Google

ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.

(Путевыя впечатлѣнія) [1]).

I.

Индѣйцы; ихъ образъ жизни, вѣрованія и обычаи.

Въ первый разъ я увидалъ «свободнаго», а не «балаганнаго», индѣйца недалеко отъ самаго Чикаго, когда мы ѣхали штатомъ «Индіана», на какой-то маленькой станціи. Нѣсколько статныхъ индѣйцевъ, въ своихъ живописныхъ лохмотьяхъ, съ важностью разспрашивали о чемъ-то монументальнаго полицейскаго. Публика тотчасъ же обступила ихъ и принялась безъ церемоніи чуть не ощупывать, какъ то дѣлаютъ цыгане при покупкѣ лошадей. Первобытные обитатели штатовъ, признаюсь, давно интересовали и меня.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что человѣкъ обиталъ на территоріи Соединенныхъ Штатовъ еще въ тѣ отдаленныя времена, когда жилъ мамонтъ и другіе гиганты ледниковаго періода. Первобытныхъ обитателей Америки наука причисляетъ къ одной расѣ съ современными эскимосами, и археологи новаго свѣта, подобно нашимъ, заняты раскопкой кургановъ, разсѣянныхъ по территоріи штатовъ. Съ потомками этихъ первобытныхъ обитателей мы всѣ знакомы по увлекательнымъ разсказамъ Купера и соблазнительнымъ романамъ Майнъ-Рида и Густава Эмара, сманившимъ въ лѣсъ не одну буйную гимназическую голову. Число этихъ, то полныхъ поэзіи, то полныхъ ужаса, краснокожихъ Америки, ко времени прибытія туда европейцевъ, опредѣлялось въ 600,000 душъ; нынѣ это число уменьшилось почти втрое и зачастую можно встрѣтить американца, который никогда не видалъ краснокожаго, какъ петербурженъ или даже житель Иркутска никогда не видалъ какого нибудь гиляка, гольда или манегра. Индѣйцы, которые встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ штатовъ, очень похожи другъ на друга, и кто-то справедливо замѣтилъ, что достаточно увидать одного индѣйца, чтобы видѣть ихъ всѣхъ. Цвѣтъ кожи у дѣтей—желтый и только съ воз-

[1]) См. «Наблюдатель» 1894 г., №№ 2, 4, 6 и 9. Каждая изъ этихъ статей имѣетъ свой самостоятельный интересъ.

Digitized by Google

растомъ пріобрѣтаетъ тотъ оттѣнокъ, за который ихъ называютъ «краснокожими». Куперовскіе герои разъѣзжаютъ нынѣ и даютъ представленія въ балаганахъ и на открытыхъ сценахъ по всей Европѣ, и разноцвѣтная окраска лица и тѣла свирѣпаго индѣйскаго воина, гурона или команча, пугаетъ развѣ малаго ребенка. Индѣйскій «вигвамъ» также демонстрированъ европейской публикѣ и вся его внутренняя обстановка утратила прелесть первобытной простоты и новизны. Кто не читалъ этой «Иліады» краснокожихъ, которую написалъ талантливый авторъ «Послѣдняго изъ могиканъ», и кто не проникся съ тѣхъ поръ глубокимъ уваженіемъ передъ чудесными основными чертами характера краснокожаго, его несравненнымъ краснорѣчіемъ и самообладаніемъ, хотя онъ и обвѣшивалъ свой поясъ скальпами блѣднолицаго человѣка? Недаромъ многіе американскіе миссіонеры считаютъ краснокожаго индѣйца самымъ мягкимъ, симпатичнымъ и справедливымъ существомъ, какое только имѣется на свѣтѣ.

Нынѣ индѣецъ въ Америкѣ почти превращается въ нѣчто подобное нашему европейскому цыгану, съ тою, впрочемъ, существенною разницею, что у насъ цыгане плутуютъ и обманываютъ, а въ Америкѣ не считается грѣхомъ обмануть и ограбить бѣдняка краснокожаго. Вырожденіе индѣйскихъ племенъ составляетъ фактъ, не подлежащій нынѣ ни малѣйшему сомнѣнію, и американскіе политики прямо объясняютъ это обстоятельство роковымъ послѣдствіемъ соприкосновенія низшей культуры съ высшею. Но, конечно, этотъ роковой законъ представляетъ ничто иное, какъ оправданіе тѣхъ невѣроятныхъ беззаконій, которыя творятся американцами по отношенію къ туземному населенію. Правда, извѣстно, что цѣлыя племена краснокожихъ вымирали отъ кори и оспы, причемъ знатоки дѣла выражаютъ ужасное подозрѣніе, что эти болѣзни получены были не отъ простаго сосѣдства съ бѣлыми, а отъ умышленнаго распространенія среди аборигеновъ Америки зараженнаго тряпья и платья. Факты эти такъ ужасны, что имъ отказываешься вѣрить, хотя они и подкрѣпляются авторитетомъ безпристрастныхъ ученыхъ [1]).

Кому неизвѣстны тѣ пріемы, помощью которыхъ новые поселенцы рѣшились освободиться отъ туземнаго населенія. Повсемѣстно

[1]) Такъ Бертонъ сообщаетъ, что въ пустынѣ Юты всѣ колодцы, которыми пользовались индѣйцы, были отравлены стрихниномъ. Когда, въ тридцатыхъ годахъ, между индѣйскимъ племенемъ «пали» хотѣли распространить оспу, то оставляли въ лѣсахъ одежды умершихъ отъ скарлатины и оспы. Наивные дикари прельщались этой одеждой, надѣвали ее на себя и приносили заразу въ свое жилище. Такихъ примѣровъ имѣется въ литературѣ великое множество.

Digitized by Google

бѣлый человѣкъ эксплуатировалъ слабость краснокожаго по отношенію къ «огненной жидкости» — водкѣ—спаивалъ его, ссорилъ одно племя съ другимъ, самъ объявлялъ имъ войну по первому ничтожному поводу и подвергалъ массовому истребленію. Когда какое либо племя не соглашалось уступить американцамъ своей территоріи, то у него отбирали ее силой, а индѣйцевъ выселяли въ какую нибудь нездоровую мѣстность. Ни одинъ трактатъ, заключенный съ индѣйцами, никогда не соблюдался. При покупкѣ индѣйскихъ земель, половина денегъ никогда не доходила до владѣльцевъ и расхищеніе нашихъ башкирскихъ угодій составляетъ блѣдную пародію того, что подъ сѣнью законовъ продѣлывалось съ краснокожими Америки [1]).

«Бѣлый человѣкъ ведетъ за собою оспу, виски, порохъ, пули и смерть» — говоритъ индѣйская пословица, которая прекрасно резюмируетъ отношеніе колонизаторовъ къ первобытнымъ дикарямъ. Законъ, вотированный въ 1887 году, уничтожаетъ, въ сущности, всѣ запасныя индѣйскія территоріи и предоставляетъ президенту право раздѣлить всю землю на правильные участки, по 65 десятинъ въ каждомъ, которые будутъ розданы по жребію представителямъ извѣстной семьи. Пока еще этого президентскаго указа не послѣдовало, но съ его обнародованіемъ—прощай индѣйскія земли, прощай индѣйцы-охотники, которые всѣ обречены будутъ на жизнь цыганъ и настоящихъ бродягъ! Индѣйцы упорно ждутъ своего мессію, который придетъ освободить ихъ отъ притѣсненій бѣлаго человѣка, а покуда имъ приходится кочевать на манеръ дикихъ животныхъ въ лѣсныхъ звѣринцахъ, въ тѣхъ запасныхъ территоріяхъ, которыя въ шутку называютъ закрытыми казенными пансіонами. Любимой поговоркой американскаго піонера было, что «индѣецъ хорошъ, лишь когда онъ повѣшенъ».

По правдѣ сказать, мы, русскіе, плохіе колонизаторы, но даже въ Азіи я не видалъ ничего подобнаго. Нигдѣ, въ самыхъ трущобахъ Кавказа, гдѣ продѣлывались, якобы, самыя дикія попытки обрусенія, нельзя замѣтить и сотой доли той забитости, которую яркимъ клеймомъ наложила американская цивилизація на своего краснокожаго, одѣвъ его въ какое-то рубище и отбросы европейскаго костюма. Мнѣ приходилось видѣть гиляковъ и орочоновъ на нашемъ дальнемъ востокѣ, и они производили лучшее впечатлѣніе, чѣмъ тѣ краснокожіе, которые, въ качествѣ коренныхъ обитате-

[1]) Въ теченіе пятидесяти лѣтъ, (1789—1840) американское правительство выплатило за купленную у индѣйцевъ землю не менѣе 110 милліоновъ металлическихъ рублей, а войны, которыя приходилось въ тотъ же періодъ времени вести съ индѣйцами,—стоили вдвое больше.

Digitized by Google

лей штатовъ, пользуются привилегіей безплатнаго проѣзда по американскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Не пугайтесь, впрочемъ! Дальше площадки вагоновъ—этихъ обладателей желѣзнодорожныхъ жетоновъ всѣхъ обществъ ни одинъ благовоспитанный кондукторъ не пуститъ и, чтобы видѣть индѣйца на полной свободѣ и въ сравнительно благопріятной обстановкѣ, нужно ѣхать или въ Канаду, или забраться въ какой нибудь дальній уголокъ «запасной территоріи». Я такъ и сдѣлалъ. Въ бытность мою на Ніагарѣ, я свелъ знакомство съ однимъ нѣмецкимъ эмигрантомъ, который со всею семьею, лѣтъ 20 тому назадъ, переселился въ новый свѣтъ и пустилъ здѣсь прочные нѣмецкіе корни. Если правда, что англичанинъ повсюду возитъ съ собою свою родину, то для нѣмца отчизна—тамъ, гдѣ ему хорошо. И милѣйшая семья Лохеровъ изъ Саксоніи отлично устроилась на Ніагарѣ. Папаша, съ неизмѣнной трубкой въ зубахъ, содержалъ «bar», т. е. заведеніе съ продажей питей преимущественно на мѣстѣ, а мама Лохеръ завела небольшую гостинницу, гдѣ всѣ комнаты были до того вылощены и отполированы, что имъ могла бы позавидовать палуба любаго военнаго броненосца въ праздничный день на рейдѣ. Три дочки Лохеровъ, уже настоящія изящныя американочки, даже плохо говорящія по нѣмецки, усердно помогали своимъ родителямъ въ борьбѣ за существованіе. И что̀ за милыя дѣвочки—эти стройныя, граціозныя, вѣчно веселыя хохотуньи! Старшей было едва 19 лѣтъ, она окончила среднюю школу, но дальше не пошла. Средства семьи тогда еще не позволяли подобной роскоши, какъ высшее образованіе, и миссъ Кэтъ, храбро засучивъ рукава, своими хорошенькими ручками помогала матери наводить глянецъ на палубу своего гостиннаго корабля, помогала ей по кухнѣ, прислуживала за обѣдомъ и обшивала всю семью. Средняя, Ида, 17-ти лѣтъ, самая хорошенькая, была слушательницей философскаго факультета торонтскаго университета, что̀ не мѣшало ей, однако, взять на себя дома спеціально прачешную часть. Хорошенькій философъ съ лукавой усмѣшечкой показывалъ мнѣ свой крошечный мизинчикъ, пострадавшій при стиркѣ грубыхъ простынь для кроватей заведенія мамы Лохеръ. Философъ прекрасно танцовалъ и пресквернo пѣлъ, и когда мы узнали про эти таланты, то, безъ всякаго малѣйшаго признака жеманства, Ида согласилась протанцовать для насъ и спѣть нѣсколько веселыхъ американскихъ пѣсенокъ. Поднялись на верхъ, отперли изящный «salon-room», одна сестра усѣлась за фортепіано, а философъ съ такимъ увлеченіемъ принялся за хореографію, что мама Лохеръ, въ отчаяніи, нѣсколько разъ прибѣгала сказать, что у нея всѣ работы остановились въ гостинницѣ, некому

Digitized by Google

убирать комнатъ, служить гостямъ и готовить на кухнѣ. Я впервые находился въ нѣдрахъ американской семьи и, признаюсь, глубоко былъ пораженъ всѣмъ видѣннымъ. Ничего подобнаго, конечно, не увидишь въ старомъ свѣтѣ, а тѣмъ болѣе въ Россіи. Какая студентка станетъ нести на себѣ все бремя тяжелыхъ физическихъ работъ по гостинницѣ, по кухнѣ и безъ всякаго слѣда горделиваго помѣшательства станетъ не только болтать съ обыкновеннымъ смертнымъ, но даже учить его танцовать какой-то старомодный американскій менуэтъ? Третья Лохеръ, Роза, 16-лѣтняя довольно полненькая блондиночка, завѣдывала счетоводствомъ, конторскими книгами, а въ то же время посѣщала колледжъ, доила 2-хъ коровъ и также исполняла всѣ черныя работы, потому что хотя папа Лохеръ считался уже въ 100 тысячахъ долларахъ, но семья по прежнему *прислуги не держала* и всѣ домашнія работы продолжала выполнять сама, изрѣдка нанимая на нѣсколько дней поденщицу, въ разгаръ ніагарскаго сезона. Единственный сынъ Лохеровъ, бравый 25-лѣтній парень, родившійся еще въ Германіи, стоялъ у отца за прилавкомъ, ходилъ за лошадьми, но видимо тяготился домашней работой и, не стѣсняясь, объявлялъ, что при первомъ удобномъ случаѣ онъ удеретъ добывать, на свой страхъ и рискъ, привлекательные свѣтлые доллары. Онъ уже уходилъ однажды на три года изъ дому, но «долларовъ не сдѣлалъ», а поступилъ на военную службу и ходилъ воевать съ индѣйцами, т. е. усмирялъ одинъ изъ ихъ бунтовъ. Вотъ онъ-то и взялся свезти насъ въ ближайшую индѣйскую деревушку, гдѣ у него были пріятели между индѣйцами.

Рано утромъ Іоганъ подалъ намъ пару здоровенныхъ сытыхъ коней, запряженныхъ въ американскую колымагу съ нѣсколькими рядами поперечныхъ скамей. Сверху колымага защищалась отъ солнца колоссальнымъ зонтикомъ. Мы поѣхали вчетверомъ,—я, мой русскій спутникъ, съ которымъ мы неразлучно бродили по штатамъ, Іоганъ и хорошенькій философъ, котораго, однако, пришлось заполучить чуть ли не съ бою. Мамахенъ затѣяла наканунѣ стирку и безъ философа оставалась какъ безъ рукъ. Но я, въ качествѣ «знатнаго иностранца», съумѣлъ отстоять и отвоевать цѣлый трехдневный отпускъ для милой дѣвочки, которая такъ шумно радовалась, такъ забавно хлопала въ ладоши, что я едва преодолѣлъ искушеніе перецѣловать всѣ ея крѣпенькіе розовые пальчики, чѣмъ, конечно, страшно бы скандализировалъ всю компанію. День былъ удушливо жаркій, а я имѣлъ неосторожность нарядиться въ крахмальную рубашку и изящный бѣлоснѣжный галстукъ. Зонтикъ не спасалъ отъ палящихъ солнечныхъ лучей, и скоро мои алебастровыя манжеты и бѣло-мраморный воротничокъ представляли изъ себя

Digitized by Google

нѣкое подобіе мокраго компресса и, по удачному замѣчанію философа—превратились въ тряпку, которой мама Лохеръ полируетъ свой корабль. Питье содовой воды, которой мы запаслись на дорогу, ничуть не облегчало положенія; утолить жажду не было никакой физической возможности: чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше хочется пить, и все выпитое тотчасъ же выступаетъ наружу въ видѣ испарины. Я, впрочемъ, не жалѣлъ, что мой крахмалъ такъ быстро раскисъ; мы превесело болтали всю дорогу, какъ не умѣютъ болтать въ европейскихъ гостинныхъ, гдѣ крахмальный воротничокъ не обращается въ мокрую тряпку и гдѣ прачки не бываютъ философами и не умѣютъ поддерживать разговора о Шопенгауэрѣ и крейцеровой сонатѣ Толстаго, которую нашъ философъ проштудировалъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

Къ индѣйцамъ мы пріѣхали только на другой день, а вечеръ провели у старшей замужней сестры философа, къ которой заѣхали на ночлегъ, сдѣлавъ около 70 километровъ и покормивъ всего одинъ разъ нашихъ бодрыхъ коней. Сестры Иды мы не застали дома, а застали ея супруга, милѣйшаго нѣмецкаго учителя музыки, преподававшаго въ сосѣдней семинаріи. Учитель всего полгода какъ отряхнулъ прахъ старой Европы со своихъ сандалій и за этотъ короткій періодъ времени успѣлъ не только жениться, но выучился недурно болтать по англійски и получилъ уже уроки музыки въ семинаріи, гдѣ все преподаваніе ведется на англійскомъ языкѣ. Философъ увѣрялъ даже, что учитель взялъ его сестру замужъ съ эгоистической цѣлью усовершенствовать свой англійскій діалектъ, на что тотъ лукаво посмѣивался и увѣрялъ, что Ида не пригодна и для этого. Отдыхали мы отлично и рано утромъ на слѣдующій день тронулись дальше. Жара спала и мы занялись окрестными пейзажами. Дѣйствительно, виды одинъ лучше другаго развертывались по обѣимъ сторонамъ дороги. Казалось, что ѣдешь по тульской или орловской губерніи, надъ которыми волшебствомъ продѣланы какія-то таинственныя превращенія. Вмѣсто убогихъ деревень и разоренныхъ хатъ, всюду разбросаны хорошенькіе домики фермеровъ, утопающіе въ цвѣтахъ и зелени. Ни одной неопрятной соломенной крыши,—всюду черепица, шиферъ или желѣзо. Ѣдешь точно по большому безконечному парку, гдѣ пышные луга смѣняются чудесными яблонями, грушами и вишневыми садиками. Воздухъ напоенъ ароматомъ какого-то особеннаго, не русскаго, сладкаго сѣна; по временамъ виднѣются и косари, но какъ они не похожи на нашихъ!.. Въ полдень мы приблизились уже къ цѣли нашего путешествія. Переѣхавъ въ бродъ небольшую рѣчку, мы внезапно, безъ всякой подготовки, очутились въ странѣ индѣйцевъ. Сразу, какъ

Digitized by Google

на сценѣ, открылась своеобразная обстановка, появились хижины совершенно инаго типа, чѣмъ тѣ, къ которымъ привыкъ глазъ... Домики индѣйцевъ похожи скорѣе на какіе-то оштукатуренные сараи съ низкой крышей и хорошими чистыми окнами. Меблировка у пріятеля Іогана оказалась вполнѣ приличной,—нѣсколько стульевъ, желѣзныя кровати и швейная машина Зингера. Въ рѣдкой хижинѣ индѣйца я не встрѣчалъ этой машины, причемъ, конечно, прошу не забывать, что мы имѣли передъ собою не номадовъ-индѣйцевъ, а осѣвшихъ уже землепашцевъ. Очагъ въ каждой хижинѣ — того же примитивнаго устройства, которое мы видѣли въ Румыніи, въ минувшую русско-турецкую войну. Заглянешь къ верху и сквозь отверстіе въ крышѣ видишь чудесное голубое небо. Этимъ, пожалуй, и ограничивалось все сходство жилища осѣдлаго индѣйца съ традиціоннымъ «вигвамомъ», котораго искало наше, воспитанное на Куперѣ, воображеніе. Въ деревнѣ жило пятьдесятъ двѣ семьи изъ племени делаваровъ. Собственно говоря, это уже не чистые индѣйцы. Близость съ американцами значительно видоизмѣнила самый типъ краснокожаго. Истинный краснокожій не имѣетъ, какъ извѣстно, ни бороды, ни усовъ, а между тѣмъ нѣсколько индѣйцевъ, видѣнныхъ здѣсь нами, да и самъ пріятель Іогана,—называвшійся «Козою», на которую онъ вовсе не былъ похожъ,—имѣлъ отнюдь не козлиную, а настоящую европейскую бороду. Въ «пріятелѣ» несомнѣнно чувствовалось присутствіе европейской крови, которая широкой струей занесена была въ это селеніе. Все это страшно меня разочаровывало; я приготовился увидать скальпы, дикія пляски, охотниковъ безъ головы, словомъ, всѣ ужасы Майнъ-Рида и кровопролитныя сцены изъ Эмара, а взамѣнъ того видѣлъ благоустроенную деревню, которой, конечно, могла бы позавидовать любая самая зажиточная русская деревня. Только по праздникамъ делавары одѣваются въ чудесный традиціонный костюмъ индѣйскаго воина, а въ будни ихъ по костюму ничѣмъ не отличишь отъ простаго американскаго рабочаго. Женщины, впрочемъ, одѣваются нѣсколько иначе и оказываются, по части измѣненія вѣковыхъ традицій, болѣе консервативными, чѣмъ мужчины. Меня увѣряли даже, что индѣйская молодежь въ этой деревнѣ перестаетъ говорить на своемъ національномъ языкѣ и что любители американской филологіи скоро должны будутъ изучать языкъ делаваровъ по работамъ первыхъ миссіонеровъ. Вообще христіанство совсѣмъ преобразовало осѣдлыхъ индѣйцевъ и, не будь индѣецъ по натурѣ многоженцемъ, они окончательно во многихъ мѣстахъ слились бы съ американцами. Вся Канада полна примѣрами этого рода. Многоженство составляетъ громадную преграду и для введенія христіанства, а потому не удиви-

Digitized by Google

тельно, что миссіонеры въ штатахъ исключительно направляютъ свою дѣятельность на воспитаніе индѣйской молодежи. Почти всѣ миссіонеры, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать въ штатахъ, согласно увѣряли, что для индѣйца христіанство отнюдь не представляетъ отвлеченнаго мертваго обряда и сухой формулы; наоборотъ, наивный дикарь вкладываетъ самую искреннюю трогательную вѣру и любовь во всѣ положенія новаго ученія. Червь сомнѣнія не гложетъ его ума. Меня увѣряли, что среди индѣйцевъ-христіанъ имѣется немало лицъ, которые своей евангельскою жизнью напоминаютъ знаменитаго «бѣднаго дядю Тома» изъ извѣстнаго романа Бичеръ-Стоу... Но водочку—эту «огненную воду»—и христіане-индѣйцы любятъ до самозабвенія. Питейные дома въ подобныхъ селеніяхъ запрещаются и вообще, по закону, американскому гражданину не дозволяется продавать водку индѣйцу. Но законъ этотъ ежеминутно и ежечасно нарушается. Нашъ Іоганъ привезъ своему пріятелю «Козѣ» бутылку огненной виски, и нужно было видѣть то блаженство, съ которымъ «Коза» принялъ этотъ подарокъ. Во-первыхъ онъ выпилъ ее почти однимъ махомъ и препотѣшно выражалъ свое удовольствіе. Право, кажется, женихъ не сталъ бы смотрѣть на невѣсту съ бо́льшею любовью, чѣмъ онъ глядѣлъ на опустѣвшую бутылку, но по деликатности индѣйской натуры онъ не попросилъ у насъ больше. А мы, не желая его доканать, сдѣлали видъ, что не догадываемся, чего жаждетъ его душа. Въ каждомъ индѣйцѣ чувствуется что-то гомеровское или библейское, какое-то чисто первобытное восточное величіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что жизнь землепашца, сельчанина и даже кочевника больше соотвѣтствуетъ натурѣ человѣка, чѣмъ искусственная и сидячая жизнь горожанина. Жизнь сообразно законамъ природы несомнѣнно ближе къ правдѣ, чѣмъ условная жизнь псевдо-культурнаго общества, и эта жизнь въ правдѣ налагаетъ на каждаго индѣйца печать особой симпатичности.

Нижеслѣдующая индѣйская легенда лучше всякихъ коментаріевъ обрисовываетъ душевный складъ этой симпатичной народности, которая, по мнѣнію Э. Реклю, не только не вырождается въ нѣкоторыхъ пунктахъ Америки (при осѣдломъ житьѣ) но даетъ несомнѣнные признаки процвѣтанія и благополучія.

Однажды въ мѣстности «Пони-крикъ», жили мужчина и женщина, которые очень любили другъ друга. Мужчину звали Бигъ-Гавкъ, а его жену—Ки-ри-ки. У нихъ былъ сынъ, который назывался Ка-титъ. Они были очень счастливы, потому что въ поляхъ родилось много кукурузы и у нихъ было много лошадей и собакъ. Мальчикъ росъ и вмѣстѣ съ отцомъ ходилъ на охоту за бизонами;

Digitized by Google

нерѣдко они возвращались домой нагруженные богатой добычей. И они становились все богаче и богаче. Ка-титъ былъ примѣрнымъ сыномъ. Онъ обожалъ свою мать и никогда не забывалъ приносить ей съ охоты какой нибудь гостинецъ: напр., нарядную птичку, чтобы она украсила себя ея перышкомъ. И онъ говорилъ ей: «когда я выросту большимъ, я пойду воевать съ команчами и принесу тебѣ много хорошихъ вещей и украшеній». И Ки-ри-ки радовалась, глядя на своего сына; она также хотѣла, чтобы ея сынъ былъ прекрасенъ; очень гордилась имъ и вышила ему шелками и бусами чудесныя мокассины (валенки) чтобы онъ смотрѣлъ на нихъ, когда ходитъ съ отцомъ на охоту, и думалъ про мать.

Однажды вечеромъ, отецъ возвратился одинъ съ охоты и сказалъ: «Я думаю, что нашъ сынъ умеръ, потому что я долго его кликалъ и онъ мнѣ не отвѣчалъ. Я долго звалъ его, обыскалъ весь лѣсъ и не могъ его найти. Возьмемъ собакъ, заступы и пойдемъ вмѣстѣ—обыщемъ тотъ уголокъ лѣса, гдѣ мы охотились; быть можетъ, мы и найдемъ его».

Тогда Ки-ри-ки отвѣтила ему. «Въ твое отсутствіе, насъ постигло большое несчастіе. Пришли команчи и угнали нашихъ лошадей. Мы теперь нищіе, но если *Ти-ра-ва* поможетъ намъ отыскать нашего сына, мы снова будемъ богаты, потому что Ка-титъ—наше главное богатство». И Бигъ-Гавкъ согласился съ женой. Онъ и его подруга ушли пѣшкомъ на поиски за ребенкомъ, потому что у нихъ не осталось ни одной лошади. Ки-ри-ки не была старухой, но она была слаба и очень устала, прежде чѣмъ дошла до мѣста, гдѣ охотился ихъ сынъ. Она упала отъ изнеможенія. Но ей все казалось, что Ка-титъ призываетъ ее и она ему отвѣчала: «иду». Послѣ долгихъ поисковъ, они нашли своего сына. Онъ былъ убитъ стрѣлой команча, которая попала ему прямо въ грудь, и Ки-ри-ки много рыдала надъ нимъ. Потомъ отецъ взвалилъ на плечи своего сына. Онъ хотѣлъ одинъ нести его, но жена сказала: «и я понесу». Тогда они понесли его вдвоемъ, причемъ одинъ несъ за голову, а другой—за ноги. Былъ уже день, когда они возвратились домой, потому что происками сына всю-ночь. Хотя они и потеряли всѣ свои богатства, но Бигъ-Гавкъ и его жена устроили своему ребенку прекрасныя похороны. Прошли годы, Ки-ри-ки плакала такъ часто, что ея глаза не переставали быть красными. Человѣкъ и его жена оставались бѣдными. Бигъ-Гавкъ былъ всегда молчаливъ и начиналъ признавать, что не легко жить безъ лошадей и съ женой, которая безъ конца плачетъ. Однажды вечеромъ онъ ей сказалъ: «Кананъ, вождь команчей, прислалъ мнѣ сказать, что онъ не прочь подѣлиться со мной. Онъ хочетъ вернуть

Digitized by Google

мнѣ угнанныхъ лошадей, если я соглашусь жениться на его дочери». Когда Ки-ри-ки услыхала эти слова, она заплакала еще сильнѣе и Бигъ-Гавкъ замѣтилъ ей: «я усталъ оставаться бѣднякомъ, и рѣшилъ сдѣлать ее своей второй женой, но тебя я не лишу также моей дружбы». Ки-ри-ки ничего не отвѣтила, но, когда пришла ночь, пошла на могилу къ сыну, зарытому недалеко отъ ихъ хижины, и долго съ нимъ разговаривала. Затѣмъ она вернулась домой и больше не проронила ни одной жалобы.

Спустя нѣсколько дней, Бигъ-Гавкъ женился на дочери вождя команчей и ему вернули его лошадей. Онъ сталъ веселъ, но Ки-ри-ки продолжала плакать. А вторая жена, которая была молода и красива, смѣялась вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Ки-ри-ки готовила кушанья, варила кукурузу и потрошила дичь, которую приносилъ мужъ съ охоты. Иногда ночью, вторая жена ей говорила: «перестань разговаривать, твой разговоръ мѣшаетъ мнѣ спать». Но Ки-ри-ки продолжала говорить съ сыномъ и призывала его.

Однажды ночью она подошла къ изголовью мужа, разбудила его и сказала: «нашъ мальчикъ здѣсь, онъ желаетъ съ тобою поговорить». Онъ отвѣчалъ ей: «ты помѣшалась, иди спать». Но она повторяла: «Ка-титъ здѣсь». Тогда отецъ всталъ и увидалъ своего сына. И онъ спросилъ его: «что тебѣ нужно, Ка-титъ»? Ка-титъ показалъ ему пальцемъ на спящую вторую жену и отвѣтилъ ему: «я хочу, чтобы моя мать была счастлива, пусть уйдетъ отсюда эта чужая женщина».

Но Бигъ-Гавкъ не хотѣлъ снова лишиться своихъ коней и возразилъ: «я не могу ее отослать къ отцу, потому что она уведетъ съ собою всѣхъ лошадей». Тогда Ка-титъ взялъ свою мать за руку. Она не испугалась, потому что любила своего сына. Онъ сказалъ ей: «мать, хочешь идти ко мнѣ въ сырую землю, или оставаться у огня съ той женщиной, отецъ которой меня убилъ?» И онъ показалъ ей большую рану въ груди, изъ которой сочилась кровь. Ки-ри-ки успокоила его, сказавъ, что охотно за нимъ послѣдуетъ, и, хотя рука сына была холодна, какъ ледъ, она прижала ее къ своимъ губамъ. Затѣмъ они оба вышли изъ хижины.

На утро, на мѣстѣ хижины нашли однѣ развалины. Огонь истребилъ все, и это сдѣлалъ богъ Ти-ра-ва. Лошади также всѣ разбѣжались, никто не могъ ихъ словить и онѣ скоро одичали. По ночамъ и теперь еще можно видѣть Ки-ри-ки объ руку съ сыномъ; они ходятъ по лугамъ, и это доказываетъ, что есть и другая жизнь, тамъ, за гробомъ.

Дѣйствительно, трудно придумать что либо болѣе трогательное, чѣмъ эта наивная легенда, и просто не вѣрится въ возможность

Digitized by Google

вырожденія народности, которая такъ широко исповѣдуетъ безсмертіе души и проникнута такими благородными чувствами. Осѣдлые индѣйцы, какъ мы уже замѣтили, отнюдь не вырождаются. Обратившись отъ охоты къ земледѣлію, измѣнивъ кочевой образъ жизни на жизнь фермера, эти индѣйцы не представляютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ вырожденія. Такъ, знаменитое племя ирокезовъ, по переписи 1863 года, состояло приблизительно изъ 11 тысячъ человѣкъ; нынѣ ихъ насчитываютъ уже 16 тысячъ человѣкъ, хотя они сильно слились съ жителями нѣкоторыхъ мѣстечекъ Канады и штата Нью-Іоркъ. Могучее племя сіу учетверилось въ теченіе настоящаго столѣтія. Осѣдлые индѣйцы, проживающіе на индѣйской территоріи (ихъ называютъ, въ отличіе отъ дикихъ, «цивилизованными»), не смотря на постоянныя войны, изгнаніе и всевозможныя невзгоды, продолжаютъ размножаться. Такихъ цивилизованныхъ племенъ считаютъ пять: широки, хохтавы, крики, шикосавы и семинолы. Въ 1863 году ихъ насчитывалось 47,000 человѣкъ, а по переписи 1890 года ихъ уже было 66,000. За этотъ же періодъ времени, число скота у нихъ утроилось и они стали обрабатывать 370,000 акровъ земли взамѣнъ прежнихъ 70,000.

Много лѣтъ тому назадъ, на фронтонѣ вашингтонскаго капитолія скульпторъ Крафордъ (Crawford), какъ бы служа выразителемъ чувствъ американской націи, изобразилъ индѣйскую женщину, которая рыдаетъ надъ могилой. И, не смотря на это, индѣйцы не желаютъ умирать. Элизэ Реклю прямо предсказываетъ, что они ускользнутъ отъ огня и меча американскаго колонизатора и будутъ жить въ немъ самомъ, разбавляя своею кровью кровь бѣлаго человѣка, ассимилируясь съ нимъ и видоизмѣняя черты и натуру пресловутой «кавказской» расы, т. е. своихъ побѣдителей. Почти въ каждой хижинѣ, въ которую насъ водилъ пріятель Іогана, мы заставали множество женщинъ, занятыхъ производствомъ своеобразныхъ предметовъ, находящихъ сбытъ или въ лавки торговцевъ рѣдкостей, или прямо въ руки иностранцевъ. Это совершенно особенная и притомъ женская отрасль индустріи, которая широко развита во всѣхъ «цивилизованныхъ» индѣйскихъ поселеніяхъ. Подобно «articles de Paris», индѣйскія женщины изготовляютъ «индѣйскіе articles». Тутъ и разныя плетеныя корзиночки, и шитыя бусами и разноцвѣтными шелками мокасины, тутъ и работы изъ перьевъ, деревянныя трубки («трубки мира»), томагавкъ и другое индѣйское оружіе, и, наконецъ, цѣлые индѣйскіе костюмы. Сами женщины очень некрасивы и неинтересны. Всѣ онѣ — какія-то не то тучныя, не то приземистыя, короткія. У всѣхъ огромныя отвислыя груди и длинныя, какъ палки, косы, вымазанныя какимъ-то очень

Digitized by Google

неаппетитнымъ масломъ. Особенно оригинальны на нихъ растопыренныя юбки, напоминающія блаженной памяти кринолины, но не имѣющія съ ними ничего общаго. Весь секретъ состоитъ въ необыкновенной толщинѣ самодѣльной шерстяной ткани, которую нельзя ни смять, ни пригладить. Поверхъ юбки очень искусно надѣвается огромный платокъ или одѣяло, въ которое индѣйскія дамы драпируются съ необычайной ловкостью. Въ этомъ одѣялѣ дама и спитъ, въ него же заворачиваетъ своихъ младенцевъ, когда тащитъ ихъ за спиною или переноситъ какія либо тяжести, которыя въ дорогѣ, какъ и у насъ въ Россіи, всегда несетъ на себѣ баба, а не мужикъ. Сходство съ русской бабой довершается отсутствіемъ обуви, и большинство индѣйскихъ дамъ предпочитаетъ всякой обуви собственныя бронзовыя подошвы. Въ праздники, на ноги до колѣнъ надѣваются лосинныя штаны, украшенныя иглами дикобраза и привязанныя къ поясу кожаными ремешками. Сверху зимой надѣваются мокасины, играющіе роль нашихъ валенокъ; онѣ дѣлаются изъ мягкой оленьей кожи и украшаются стеклянными и иными бусами.

Въ индѣйскомъ поселеніи оказалась даже собственная типографія и въ моей коллекціи имѣется газета, напечатанная на делаварскомъ языкѣ [1]). Но меня тянуло къ индѣйцамъ-кочевникамъ и я удовлетворился только тогда, когда мнѣ удалось побывать въ «вигвамѣ» у племени сіу. Не рѣдкость встрѣтить индѣйца громаднаго роста, но видъ самаго свирѣпаго воина не только не грозный, а скорѣе бабій. Это объясняется крайне малой выпуклостью ихъ мышцъ, длинными волосами, безбородыми отвислыми щеками и развѣвающейся по вѣтру одеждой. Но въ характерѣ краснокожаго напрасно было бы искать женскихъ чертъ, свойственныхъ наружному виду. Костюмъ номада-индѣйца не всегда состоитъ изъ отбросовъ костюма европейскаго пролетарія. Въ своихъ преріяхъ они и до сихъ поръ облекаются въ звѣриныя шкуры, тутъ и поднесь фигурируютъ въ качествѣ одежды шкуры оленя и бизона, а въ качествѣ украшеній орлиныя перья, лисьи хвосты и иглы дикобраза. При видѣ воина-индѣйца, знатоки по одному костюму могутъ сказать, къ какому онъ принадлежитъ племени; по костюму же можно опредѣлить цѣль его прихода, т. е. является ли онъ вѣстникомъ войны или мира, или желаетъ войти съ какимъ нибудь комерческимъ предложеніемъ. Въ смитсоніевскомъ музеѣ, на

[1]) Пріятель Іогана увѣрялъ насъ, что у нихъ въ деревнѣ имѣются индѣйцы, обладающіе капиталомъ въ 20,000 долларовъ. Одинъ собирается открыть ткацкую фабику и уже выписалъ всѣ нужныя машины. Другой устроилъ лѣсопилку.

Digitized by Google

чикагосской выставкѣ, а также въ антропологическомъ ея отдѣлѣ, была выставлена масса этнографическихъ группъ всевозможныхъ индѣйскихъ племенъ: тутъ были и сіу, и апахи, и ирокезы, и всѣ остальные представители грозной индѣйской народности. Самыя краски, которыми индѣецъ мажетъ себѣ лицо, и татуировка имѣютъ всегда строго опредѣленный смыслъ и значеніе.

Жилище «нецивилизованнаго» индѣйца различно, смотря по мѣстности; но излюбленнымъ жильемъ индѣйца-охотника остается традиціонный «вигвамъ», или коническая палатка. Кто не видалъ, по крайней мѣрѣ, на рисункѣ этого «вигвама», безъ котораго теперь рѣдко обходится какая либо международная выставка? «Гдѣ бизонъ, тамъ и индѣецъ», говоритъ пословица, и въ тѣ времена, когда бизоны тысячами бродили въ американскихъ преріяхъ, вигвамы дѣлались изъ бизоньей кожи; теперь ихъ строятъ изъ березовой коры (отсюда и слово wigwam), а еще чаще изъ грубаго полотна, на которомъ индѣйцы рисуютъ странныя изображенія и знаки. Почти всѣ индѣйскія племена избираютъ себѣ особаго вождя на извѣстный срокъ. Рѣдко власть переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну. Но нельзя не сознаться, что обычай выбирать на постъ «вождя»—воина, отличающагося храбростью, обиліемъ содранныхъ скальповъ, мудростью и, наконецъ, краснорѣчіемъ, начинаетъ упадать и переходить въ область преданій. Давно миновало то золотое время, когда вождь являлся «первымъ между равными»; теперь онъ превратился въ нѣчто подобное нашему разжирѣвшему волостному старшинѣ. Съ вождемъ союзная власть ведетъ военные и торговые переговоры, и вожди безжалостно эксплуатируютъ и обираютъ своихъ согражданъ.

Замѣчательно, что на индѣйскихъ діалектахъ нѣтъ слова, обозначающаго понятія: «царь»,—и президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ индѣецъ называетъ «великимъ отцомъ». Судебныхъ институцій индѣйцы совершенно не знаютъ; весь ихъ уголовный кодексъ можетъ быть сведенъ къ формулѣ: «око за око, зубъ за зубъ», причемъ всякій является для самого себя главнымъ верховнымъ судьею. Но любопытно при этомъ, съ какимъ уваженіемъ индѣецъ относится къ приговорамъ суда. Разсказываютъ, что пока сами бѣлые не подорвали своего авторитета передъ наивными дикарями ложью и коварствомъ, индѣйцы съ глубокимъ уваженіемъ относились къ приговорамъ американскаго суда. Извѣстно много случаевъ, гдѣ индѣецъ, приговоренный къ смертной казни, всегда самъ отдавался въ руки своихъ судей. Послѣ произнесенія приговора, его отпускали на свободу, «пока въ пятый разъ не взойдетъ солнце на небѣ». И ни разу не было случая, чтобы бѣднякъ не вернулся въ руки па-

Digitized by Google

лачей и замаралъ бы безчестіемъ свою семью, какъ человѣкъ, не сдержавшій даннаго слова. Чувство уваженія къ чужой собственности такъ развито среди индѣйцевъ, что бывали случаи смерти отъ голода въ вигвамѣ, наполненномъ съѣстными продуктами, принадлежащими отсутствующему товарищу. Разсказываютъ, что компанія молодыхъ индѣйскихъ воиновъ, отправляясь въ опасную экспедицію, поклялась не отступать ни передъ какимъ препятствіемъ, могущимъ встрѣтиться имъ на пути. Вскорѣ пришлось переходить рѣчку, покрывшуюся тонкимъ слоемъ льда, и когда юный вождь, шедшій во главѣ банды, провалился и пошелъ ко дну, то товарищи все таки не отступили отъ данной клятвы. Одинъ за другимъ, они, не замедляя шага, бросались въ холодную могилу, и когда половина этихъ новыхъ Деціевъ исчезла подъ ледянымъ покровомъ рѣки, прибѣжали «старики» и сняли съ остальныхъ героевъ данную ими клятву, чѣмъ спасли ихъ отъ вѣрной смерти. Подобный «закалъ» пріобрѣтается всѣмъ извѣстнымъ искусомъ, который долженъ вынести всякій молодой индѣецъ, прежде чѣмъ онъ попадетъ на положеніе равноправнаго воина и члена родной общины. «Индѣйское тѣло» не боится ни голода, ни холода, ни ранъ, ни какихъ либо терзаній, и юноша съ раннихъ поръ научается молча, безъ звука, безъ стона, переносить любое страданіе. Помнится, что у насъ при Петрѣ была открыта одна крупная компанія заговорщиковъ. По тогдашнимъ временамъ, розыскъ начинался и оканчивался жестокой пыткой. Но сколько ни пытали молодцовъ, ни одинъ не пикнулъ ни слова. Ни стоновъ, ни жалобъ, ни разоблаченій! Это такъ заинтересовало великаго Петра, что онъ самъ явился на розыскъ посмотрѣть и убѣдиться, не мирволятъ ли палачи обвиняемымъ. Результатъ получился не лучшій. То же гробовое молчаніе. Тогда Петръ обнялъ и расцѣловалъ одного изъ молодыхъ страдальцевъ и ласково просилъ его повиниться. Тотъ сейчасъ же во всемъ и признался. Оказалось, что въ тайное общество поступали и принимались въ члены лишь люди, продѣлавшіе надъ собою индѣйскую «закалку» тѣла. Принимали только тѣхъ, кто умѣлъ молчать во время пытки; ласка и нѣжность не были предусмотрѣны статутами общества—и ихъ не выдержалъ арестантъ, у котораго все тѣло превратилось въ сплошную рану. Это новая черта, сближающая русскій народный духъ съ характеромъ первобытнаго индѣйца. Военныя экспедиціи современнаго индѣйца во многомъ утратили свою недавнюю еще невѣроятную жестокость въ обращеніи съ плѣнными. Культура и тутъ сдѣлала свое дѣло, и индѣйскія женщины не вырываютъ болѣе глазъ, языка и ногтей у своихъ плѣнниковъ, не расчленяютъ ихъ на части, какъ дѣлаютъ это другъ съ другомъ

Digitized by Google

дерущіеся нынѣ китайцы и японцы, и не зажигаютъ у нихъ костровъ на животѣ. Теперь даже и въ плѣнъ индѣецъ никого не беретъ, но отъ привычки скальпировать все еще отстать не можетъ. Убивъ врага, индѣецъ и теперь непремѣнно сниметъ съ него скальпъ, вырѣзавъ на темени нѣчто въ родѣ тонзуры католическаго патера. Дѣлается это крайне ловко: однимъ взмахомъ ножа производится круговая обрѣзка кожи, которая затѣмъ отдирается за волосы отъ черепныхъ костей. «Ça va tout seul»—какъ говорятъ французы. Еще всего какихъ либо десятокъ лѣтъ тому назадъ, въ одной нью-іоркской газетѣ разсказанъ былъ эпизодъ нападенія индѣйцевъ на служащихъ тихо-океанской желѣзной дороги. Тѣла убитыхъ были перевезены въ Омаху и замѣчательно, что среди нихъ оказался одинъ англичанинъ, по имени Вильямъ Томсонъ, который вовсе не былъ мертвъ, какъ извѣщали газеты, а найденъ былъ живехенькимъ... Но въ какомъ ужасномъ положеніи находился бѣдняга: несчастный былъ скальпированъ! Страшно было смотрѣть на эту голову, лишенную кожи и волосъ. Вотъ какъ разсказываетъ самъ Томсонъ про свое несчастіе. «Въ среду, около девяти часовъ вечера, мы выѣхали со станціи Плумъ-Крикъ для починки испортившейся телеграфной линіи. Лишь только мы принялись за работу, какъ изъ кустовъ выскочила, съ дикимъ воемъ, толпа индѣйцевъ и яростно набросилась на насъ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ револьвера, мы всѣ бросились бѣжать. За мною погнался громадный индѣецъ верхомъ на лошади и почти въ упоръ выстрѣлилъ въ меня изъ ружья. Пуля пробила мнѣ лѣвую руку и я упалъ. Затѣмъ индѣецъ взялъ ружье за дуло и съ размаху ударилъ меня по головѣ ружейнымъ прикладомъ. Потомъ онъ соскочилъ съ лошади, взялъ ножъ въ руку, черкнулъ меня имъ по горлу и, захвативъ крѣпко въ другую руку мою шевелюру, принялся меня скальпировать. Я испытывалъ жесточайшую боль и невыразимый ужасъ, но сохранилъ полное присутствіе духа понимая, что нужно притворяться мертвымъ: спасеніе мое и получилось этою цѣною. А между тѣмъ индѣецъ продолжалъ меня скальпировать. Это была невыносимая пытка: казалось, что онъ хочетъ сорвать мнѣ всю голову. Наконецъ, операція была окончена и индѣецъ, сѣвъ на лошадь, поскакалъ въ галопъ, увозя съ собой мою шевелюру и, конечно, не сомнѣваясь, что я былъ мертвъ».

Желающіе и понынѣ могутъ видѣть г. Томсона, который живъ и здравъ, и проживаетъ въ Омахѣ; да и вообще среди американскихъ піонеровъ было немало бѣлыхъ, которые отдали свои скальпы индѣйцамъ и коротали свой вѣкъ въ уродливыхъ парикахъ. Индѣецъ, скальпируя врага, добивается прежде всего получить на-

Digitized by Google

глядный документальный аттестатъ своей храбрости и, кромѣ того, индѣйская миѳологія признаётъ, что райскія врата, ведущія въ елисейскія преріи краснокожихъ, закрыты для всѣхъ, утратившихъ на землѣ свой скальпъ. Райскій привратникъ ни за что не пуститъ въ ворота ни одного лысаго субъекта.

Во многомъ индѣйцы напоминаютъ дѣтей,—прежде всего любовью къ украшеніямъ. Оспа,—т. е. слѣды ея на лицѣ,—приводитъ дикаря въ полнѣйшее отчаяніе: грозные воины лишали себя жизни, перенеся эту болѣзнь и убѣдившись, что лицо ихъ навѣки обезображено. Больше всего любятъ они красный цвѣтъ, этотъ символъ радости и силы, и на фонѣ красной краски кладутъ синія, желтыя и другія пятна, полоски, звѣзды и пр. Женщины и старцы красятся только по большимъ праздникамъ. Смерть почитается у нихъ великой тайной и умирать они мастера не хуже русскихъ людей. До сихъ поръ у племени сіу дряхлыхъ стариковъ убиваютъ собственныя ихъ дѣти, воздавая имъ тѣмъ послѣдній долгъ уваженія и почтенія. Церемоніи похоронъ я не стану описывать; замѣчу лишь, что вѣрованія индѣйца сводятся къ тому, что покойника трактуютъ, какъ отправившагося въ долгое и длинное путешествіе, а потому кладутъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу любимое оружіе, убиваютъ вѣрнаго коня, а подчасъ и жену.

Съ болѣзнью индѣецъ борется самымъ энергичнымъ образомъ. Злаго генія смерти стараются отпугнуть всѣми средствами отъ постели больнаго. Когда, при моемъ посѣщеніи племени сіу, узнали, что я врачъ, меня тотчасъ же пригласили въ вигвамъ къ одному тяжело-больному. Больной умиралъ и былъ близокъ къ агоніи (жестокая форма тифа); я засталъ вокругъ него цѣлую компанію колдуновъ, которые неистово стучали въ барабаны и еще неистовѣе вопили какую-то мрачную пѣснь. Одинъ завывалъ: «отецъ идетъ», другой подхватывалъ: «мать идетъ», третій тянулъ: «братъ идетъ» и такъ дальше, не измѣняя словъ и мотива. Не успѣваетъ больной умереть, какъ трупъ его выносятъ изъ вигвама, но не черезъ дверь, а черезъ отверстіе въ стѣнѣ; огни тушатъ и весь вигвамъ сносятъ до основанія. Получается самая основательная дезинфекція бывшаго жилища и новый очагъ зажигаютъ отъ огня, взятаго у совершенно здоровой семьи. Миѳологическія вѣрованія индѣйцевъ полны самыхъ курьезныхъ идей; они не чужды даже антропофагическихъ вожделѣній, и еще надавно, въ послѣднее возстаніе племени сіу, происходившее на нашихъ глазахъ, знаменитый вождь этого племени *Sitting-Bull* вскрывалъ грудную клѣтку павшихъ въ битвѣ федеральныхъ офицеровъ и съѣдалъ ихъ сердца, чтобы, какъ онъ говорилъ, набраться храбрости. Немногимъ извѣстенъ трагическій

Digitized by Google

конецъ этого «послѣдняго изъ могиканъ»: его покончилъ извѣстный полковникъ *Cody* (Buffulo Bill), который давалъ въ Чикаго и по всей Европѣ свои представленія съ бродячей труппой индѣйцевъ. Эти представленія «Wild-West'a» очень популярны въ штатахъ, да и всюду въ Европѣ они дѣлали огромные сборы.

Кажется, племя сіу считаетъ, что оно явилось на свѣтъ божій вслѣдствіе брачной связи улитки съ бобромъ. Въ силу этой традиціи, оба животныя почитаются священными и какъ бы неприкосновенными. Но бѣлый человѣкъ заставилъ бѣдняка-индѣйца стать и смертоубійцей, и святотатцемъ. Пришлось убивать бобра, такъ какъ бѣлый человѣкъ назначилъ за него высокую плату, а въ компенсацію за это великое прегрѣшеніе индѣйцы удвоили свой респектъ передъ улиткой, которая, къ счастію, не нужна этимъ развратителямъ «блѣднолицымъ».

Примитивная религія индѣйцевъ есть смѣсь политеизма съ некромантіей. Для нихъ все въ природѣ одушевлено не только жизнью, но также идеей,—и птица, которая порхаетъ съ дерева на дерево, и собака, которая лаетъ, и медвѣдь, и звѣзды, и облака. Въ ихъ вѣрованіяхъ сохранилось также сказаніе о потопѣ. Всѣ эти безчисленные духи и силы неба и земли сливаются во образѣ двухъ верховныхъ существъ: *Манито* и *Манита*,—геніяхъ добра и зла. Миѳологическія легенды индѣйцевъ полны граціи и добродушія. Приведу одну изъ нихъ, которая выясняетъ происхожденіе на землѣ временъ года.

Первоначально на свѣтѣ царствовала вѣчная зима. Около Верхняго озера жилъ одинъ человѣкъ, который былъ такъ ученъ, что для него не было ничего невозможнаго. Его считали «манито», т. е. великимъ духомъ. У него были жена и ребенокъ, которыхъ онъ нѣжно любилъ. Ребенокъ былъ до того чувствителенъ къ холоду, что не могъ стрѣлять изъ лука: его крошечныя ручки замерзали на морозѣ и онъ возвращался съ охоты съ пустыми руками. Однажды ребенокъ съ плачемъ возвращался домой, но тутъ его остановила бѣлка, сидѣвшая на деревѣ, и сказала, что она знаетъ средство прекратить этотъ дьявольскій холодъ, который и ее лишаетъ пищи. «Стоитъ лишь,—сказала она,—пойти хорошенько поплакать и разжалобить твоего отца, для котораго все возможно, и не отставать отъ него до тѣхъ поръ, пока онъ не пообѣщаетъ завести для земли болѣе теплую погоду».

Мальчикъ такъ и сдѣлалъ, и его отецъ Манито пообѣщалъ ему, съ опасностью для собственной жизни, вырвать у неба болѣе теплые вѣтры и болѣе жаркія времена года. Въ сообществѣ съ тремя другими такими же «манито», какъ и онъ самъ, папаша мальчика

Digitized by Google

пустился въ путь. Послѣ долгаго странствія по горамъ, они добрались до неба. Здѣсь компанія принялась своими стрѣлами выбивать дыру въ небесной тверди, что̀ имъ и удалось послѣ долгихъ усилій. Тогда черезъ дыру они забрались на небо и папа Манито поспѣшилъ выпустить черезъ то же отверстіе жаркое лѣто со своими веселыми птичками. Духи неба, какъ только замѣтили похищеніе, набросились на авантюристовъ, но тѣ успѣли выскочить, за исключеніемъ папы Манито, который пустился бѣжать не въ томъ направленіи. Сперва духи пытались задержать убѣгающее отъ нихъ лѣто, но оно уже на половину выскользнуло. И, чтобы не потерять его все цѣликомъ, они его перерѣзали, оттого оно и спустилось на землю испорченное съ обоихъ концовъ, и концы эти носятъ названіе весны и осени. Послѣ этой операціи, духи погнались за папой Манито и кончили тѣмъ, что убили его. Прежде чѣмъ испустить духъ, онъ сказалъ: «и все же мой мальчикъ не будетъ болѣе страдать отъ холода. Я умираю счастливымъ».

Вашингтонское правительство, въ видахъ поддержанія добрыхъ отношеній съ индѣйскими племенами, періодически отправляетъ къ нимъ своихъ комисаровъ. Заранѣе устанавливается мѣсто свиданія, опредѣляется день и часъ, и съ небольшими варіантами разыгрывается одна и та же комедія, повторяются однѣ и тѣ же клятвы и обѣщанія, которыя нарушаются при первомъ удобномъ случаѣ. Собираются вожди разныхъ апаховъ, гуроновъ и пр., а комисары союза, разные Гунты, Тейлоры и Гарнеи, произносятъ примѣрно слѣдующій официальный и традиціонный спичъ:

«Мы всѣ братья... вашъ великій отецъ (президентъ Соединенныхъ Штатовъ) прислалъ насъ изъ Вашингтона спеціально узнать отъ васъ, на что вы жалуетесь, чѣмъ недовольны. Бѣлые заняли вашу страну, чтобы разрабатывать минеральныя ея богатства, пролагать дороги, строить фабрики... Число бизоновъ, за которыми вы охотитесь, быстро уменьшается... Желательно было бы, чтобы вы указали намъ ту часть вашихъ земель, которую вы намѣрены оставить въ исключительное свое пользованіе, другую же часть правительство намѣрено у васъ купить. Въ вашей запасной территоріи мы выстроимъ вамъ домъ для вашего агента, кузницу, ферму, мельницу, лѣсопильню и школу; затѣмъ мы снабдимъ васъ также всѣми орудіями для обработки земли, дабы вы могли безобидно существовать, когда всѣ бизоны будутъ истреблены. Кромѣ того, особые подарки для васъ уже высланы изъ Вашингтона и находятся теперь въ дорогѣ. Теперь мы желали бы выслушать съ своей стороны ваши заявленія, желали бы узнать ваши нужды, которыя напередъ можемъ пообѣщать привести къ полному удовлетворенію».

Digitized by Google

Индѣйскій вождь пускаетъ изъ своей «трубки мира» послѣднее облако дыму и, будь онъ «*Коза*» или «*Черная нога*», или «*Медвѣжій зубъ*», отвѣчаетъ приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Отцы, прошу вниманія. Верните вашу молодежь, которая разбрелась по всей нашей странѣ: она уничтожаетъ наши лѣса, вытаптываетъ траву и предаетъ огню наши земли. Отцы, ваша молодежь обращаетъ въ пустыню всю страну и истребляетъ нашихъ животныхъ: оленя, антилопу и бизона. Они бьютъ ихъ не для утоленія голода, а ради удовольствія, и звѣрь гніетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ застигла его пуля бѣлаго человѣка. Отцы, что сказали бы вы, еслибы индѣйцы пришли въ ваши земли и стали убивать вашъ скотъ? Не признали ли бы вы насъ неправыми и не взялись ли бы за оружіе? Отцы, вы совѣтуете намъ обрабатывать землю и заниматься скотоводствомъ. Но индѣецъ не нуждается въ подобныхъ совѣтахъ. Я выросъ на охотѣ за бизонами, я ее люблю» и т. д.

Неизмѣнно обѣ стороны говорятъ на разныхъ языкахъ, хотя и на одну тему, и расходятся крайне недовольные другъ другомъ. Индѣйцы обвиняютъ колонистовъ въ захватѣ земель, не желаютъ продавать союзному правительству свою территорію, не желаютъ заниматься земледѣліемъ, не желаютъ знать ремеслъ, не желаютъ посылать дѣтей въ школу или въ церковь и т. д. Пробовали приглашать въ Вашингтонъ, въ гости къ президенту, главныхъ вождей наиболѣе обиженныхъ или недовольныхъ племенъ. Но и это не помогало дѣлу. Генералъ Грантъ немало повозился съ депутатами отъ племени сіу. Онъ выкурилъ съ ними въ Бѣломъ домѣ трубку мира; «Коза» также былъ въ числѣ приглашенныхъ, онъ не нахвалится пріемомъ, сдѣланнымъ «великимъ отцомъ». «Коза» получилъ на память отличную пѣнковую трубку, а жена президента подарила ему серебряную спичечницу и фунтъ табаку. «Коза» сожалѣлъ лишь объ одномъ, что въ Бѣломъ домѣ президента индѣйцамъ, взамѣнъ виски и рому, разносили шербетъ и мороженое. На все окружающее ихъ великолѣпіе вожди и депутаты взирали съ самымъ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Никакія красоты искусства и чудеса науки ихъ не трогали. «Коза» помнитъ, что былъ въ театрѣ, но почти всѣ депутаты тамъ заснули. Великолѣпное помѣщеніе, которое имъ отвели въ лучшемъ отелѣ города, они такъ загадили, что хозяинъ отеля клялся, что правительство его не поймаетъ въ ловушку на другой разъ. Культурная задача вполнѣ осталась не рѣшенной, и дикари ушли такими же «отрѣзанными ломтями», какими и явились.

У индѣйцевъ мы разстались и съ философомъ, и съ ея братомъ; они вернулись домой на Ніагару, нашъ же путь лежалъ къ Соленому озеру, къ мормонамъ.

В. Святловскій.

Digitized by Google

ДЕШЕВАЯ АРТЕЛЬ.

(Плотничья легенда).

I.

Пахомъ Терентьевичъ Загриваевъ сталъ строить себѣ домъ. Дешево обошлась ему собственность—онъ купилъ за полцѣны участокъ земли, пріобрѣлъ за безцѣнокъ лѣса, оставшіеся отъ огромнаго каменнаго зданія въ центрѣ города, и сходно договорилъ плотника.

— Я тебя не обижу, Силантій,—увѣрялъ онъ.—Ряди рабочихъ и, сколько будетъ стоить, плати изъ моего кармана. А когда окончишь домъ, то за твое смотрѣніе и усердіе я награжу тебя:—меньше двухъ катенекъ домой не повезешь.

Силантій поклонился и поблагодарилъ. Это былъ основательный мужикъ съ рыжей бородой лопатою, съ красными лѣзущими впередъ скулами, со вздернутымъ широкимъ носомъ и съ густыми темноватыми бровями, которыя, нависая, скрывали до половины глаза. Словно изъ двухъ темныхъ пещеръ, свѣтились эти глаза, гдѣ-то въ глубинѣ, какъ два тусклыхъ огонька. Желтые волосы его были подрѣзаны въ скобку, какъ соломенная крыша, и онъ былъ сутуловатъ. Одѣвался онъ, какъ всѣ рабочіе, носилъ серебряные часы на шейной, тоже серебряной, цѣпочкѣ и длинный жилетъ, похожій на пиджакъ, а изъ-подъ жилета виднѣлась кумачная рубаха; за мягкимъ голенищемъ сапога былъ засунутъ складной аршинъ.

Плотникъ Силантій не пилъ и не курилъ, строго соблюдалъ праздники и въ свободное время усердно читалъ какія-то старинныя книги въ кожаныхъ переплетахъ и съ мѣдными застежками. Былъ слухъ, и земляки Силантія утверждали, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ «зачитался», но потомъ «отошелъ». Неизвѣстно, въ чемъ заключался этотъ таинственный

Digitized by Google

случай и какъ именно и чѣмъ зачитался Силантій. Самъ онъ объ этомъ никогда не говорилъ. Когда же его спрашивали, какія книги онъ читаетъ, онъ отвѣчалъ:—«разныя». А на вопросъ, задаваемый подъ пьяную руку инымъ балагуромъ, видалъ ли кто чорта—вопросъ, сопровождаемый улыбками, смѣхомъ и шутками,—одинъ Силантій угрюмо молчалъ.

Такъ какъ онъ былъ хорошимъ хозяиномъ, не терпѣлъ нужды, имѣлъ на черный день деньги, не сидѣлъ безъ работы, понималъ въ планахъ не хуже казеннаго архитектора, былъ справедливъ и не обсчитывалъ рабочихъ, выбирая опытныхъ и разумѣющихъ свое дѣло поденщиковъ, то его уважали и побаивались. Половина деревянныхъ домовъ за Невской заставой выстроена имъ. Давно могъ бы онъ стать подрядчикомъ, ничего не дѣлать и только наблюдать за работами, но ему скучно было безъ топора, и онъ предпочиталъ быть старшимъ въ плотничьей артели, а не ея хозяиномъ.

II.

Загриваевъ каждый день пріѣзжалъ на постройку и любовался, какъ быстро и правильно растетъ рубка. Скоро Силантій сдѣлалъ крышу, обшилъ ее тесомъ, настлалъ полы и вставилъ въ окна и въ двери косяки. Это было въ началѣ лѣта. Сравнилъ купецъ свой домъ съ другими сосѣдями и нашелъ, что его—лучше и солиднѣе. Плотнику нечего было больше дѣлать: его замѣнилъ столяръ, и рано утромъ онъ пришелъ въ лавку Пахома Терентьевича за разсчетомъ.

— Зайди послѣ обѣда,—сказалъ Пахомъ Терентьевичъ.

Вечеромъ Силантій явился къ купцу на квартиру.

— Что ты ночью тревожишь меня?—ласково сказалъ Пахомъ Терентьевичъ.—Я сейчасъ уѣзжаю съ женою на острова и о дѣлахъ не могу говорить. Приди завтра.

Пришелъ Силантій.

— Это ты, Силантій? Ахъ, голубчикъ Силантій! Неужели ты такъ нуждаешься? Не даешь ты мнѣ покою? Подожди, сдѣлай милость. Я даже чаю не успѣлъ напиться. Кажется, всѣмъ рабочимъ до копѣйки заплачено!

— Слова нѣтъ, Пахомъ Терентьевичъ, но я о себѣ хлопочу.

Digitized by Google

— Подумай, что я израсходовалъ, и сколько мнѣ еще предстоитъ затратъ! Посчитай печника, маляра, столяра, слесаря! А самъ знаешь, какая торговля лѣтомъ. Не радъ, что и домъ этотъ затѣялъ. Нѣтъ въ немъ настоятельной надобности.

— Объ этомъ не намъ знать, Пахомъ Терентьевичъ.

— Работа у тебя есть еще? — подумавъ, спросилъ Загриваевъ.

— Какъ не быть. Взялся я еще строить дачу въ Лѣсномъ.

— До осени хватитъ?

— Какъ не хватить!

— Повремени до осени, Силантій. Не безпокойся, я ублаготворю тебя! Я къ тому времени поправлюсь. Да и тебѣ ѣхать въ свое мѣсто не съ пустыми руками. А у меня деньги все равно, что въ банкѣ. Право, цѣлѣе будутъ!

Деньги въ банкѣ, обыкновенно, приносятъ проценты. Силантій подумалъ объ этомъ, но ничего не возразилъ, «сдѣлалъ уваженіе» купцу и согласился подождать. Купецъ такъ обрадовался, что угостилъ Силантія чаемъ и подарилъ ему двадцать копѣекъ.

Силантій ушелъ, и только передъ Покровомъ навѣдался онъ къ Загриваеву.

III.

Пахомъ Терентьевичъ жилъ уже въ новомъ домѣ, который стоялъ посреди двора, окруженный службами и садомъ.

— Чѣмъ не хорошъ домъ?—спросилъ Силантій, войдя въ кабинетъ и поздоровавшись.

— Худъ ли, хорошъ ли—надо жить!—отвѣчалъ Пахомъ Терентьевичъ.—Ты, однако, зачѣмъ, Силантій?—продолжалъ онъ, искоса глянувъ на плотника, такъ какъ сидѣлъ почти спиною къ нему и притворялся, будто занятъ счетами—желтыя и черныя косточки такъ и бѣгали по мѣднымъ проволокамъ подъ его проворнымъ пальцемъ, украшеннымъ толстымъ золотымъ кольцомъ со стертой рѣзьбой.

— Хочу въ свою губернію ѣхать.

Купецъ долго молчалъ и стучалъ косточками.

— Счастливой дороги,—произнесъ онъ.

Digitized by Google

Силантій погладилъ бороду и сталъ терпѣливо ждать, пока освободится купецъ. Но косточки стучали и стучали, и не было имъ конца.

— Ваше степенство, отпустите меня,—сказалъ онъ.

— А? Что?—встрепенулся купецъ, словно съ просонья.— Ты, Силантій? Что скажешь еще?

— Осенью изволили обѣщать ублаготворить, — серьезно проговорилъ Силантій.

Пахому Терентьевичу не понравилось, что онъ при этомъ пристально посмотрѣлъ своими впалыми глазами.

— У меня голова идетъ кругомъ отъ дѣлъ! — закричалъ онъ, вскакивая и избѣгая взгляда Силантія.—О какомъ ублаготвореніи ты вспомнилъ? Говори толкомъ!

— Неужели же забыли, Пахомъ Терентьевичъ? удивляюсь я этому, право. Слѣдуетъ мнѣ съ васъ получить двѣсти рублей, а что сверхъ, на то будетъ милость ваша.

— Ты не сошелъ съ ума, голубчикъ?

— Никакъ нѣтъ. Я по тысячамъ получалъ и ума не лишался.

— Больно ты прытокъ, Силантій! Скажи, видано ли гдѣ, чтобы плотникъ, кромѣ поденщины, требовалъ еще эдакихъ денегъ?

— Я за старшо́го былъ и планъ я же велъ, и вашу копѣйку берегъ. Я по условію—лишняго не прошу.

— Подрядчикъ построилъ бы дешевле!

— Не дешевле, а хуже.

— Посмотрю, какъ будетъ зимою, — началъ Пахомъ Терентьевичъ.—Что, если придется перестраивать? Возьми двадцать и убирайся къ чертямъ.

— Не годится *ихъ* поминать, Пахомъ Терентьевичъ,— строго сказалъ Силантій.—Двадцати рублей вашихъ не надо. А насчетъ, ежели не довольны рубкой, то есть у меня знакомая артель:—я могу прислать хоть сейчасъ плотничка четыре—и ничего не возьмутъ съ вашего степенства. Они эдакихъ купцовъ очень любятъ и даромъ готовы на нихъ работать.

— Вонъ!—заревѣлъ Пахомъ Терентьевичъ.—Ты еще издѣваться надо мной? Мѣднаго пятачка отъ меня не увидишь, если тебѣ мало на чай двухъ красненькихъ. Вонъ!

— Какъ бы потомъ не пожалѣли, Пахомъ Терентьевичъ,—

Digitized by Google

кротко замѣтилъ Силантій, хотя глаза его горѣли, какъ у волка въ темную ночь.—До пріятнаго свиданья!

— Вонъ!

IV.

Весь день купецъ былъ въ дурномъ расположеніи духа. Деньги остались у него, но что-то тяжелое легло на его сердце. Непріятнѣе всего ему было, что жена подслушала его бесѣду съ Силантіемъ. Она была изъ образованныхъ барышенъ, читала книжки и все старалась втолковать Пахому Терентьевичу, что честность выгоднѣе плутовства.

— Пахомъ Терентьевичъ, вы опять не остереглись, — сказала она ему съ упрекомъ.—Послушайте, силъ моихъ не хватаетъ. Я брошу васъ и объясню всѣмъ родственникамъ, знакомымъ и на судѣ, что̀ заставило меня такъ поступить. Дѣтей возьму къ себѣ, потому что имъ надо быть подальше отъ такого дурнаго отца!

Еслибы жена Загриваева не вложила въ торговлю своихъ приданныхъ денегъ и еслибы братъ ея не былъ извѣстнымъ адвокатомъ, онъ зналъ бы, какъ слѣдовало отвѣтить женѣ. Онъ бы научилъ ее, какъ вмѣшиваться въ мужнины дѣла! Но теперь онъ только нахмурился и даже не спалъ послѣ обѣда, а вечеромъ отправился въ клубъ, сѣлъ играть въ мушку и съ горя проигралъ и пропилъ тѣ двѣсти рублей, которые не отдалъ Силантію.

V.

Вернулся Пахомъ Терентьевичъ поздно и едва легъ, размышляя о томъ, что въ старину лучше было и что приходятъ послѣднія времена, какъ послышался топотъ ногъ, стукъ сбрасываемыхъ на земь досокъ, зазвенѣли топоры, завизжали пилы и раздались неясные голоса: «Давай на ходъ! Пази! Еще разикъ! Тукъ! Тукъ! Тукъ! Стуки—тукъ»!

«Что̀ за дьявольщина?—подумалъ Пахомъ Терентьевичъ.—Всѣ работы у меня кончились, на дворѣ ночь, а топоры стучатъ? Положимъ, я пьянъ, но пять пальцевъ на рукѣ я еще сосчитаю»!

Digitized by Google

Зажегъ онъ свѣчу, накинулъ на плечи теплый халатъ, вышелъ. Никого нѣтъ, тишина мертвая. Холодный вѣтеръ гналъ по небу свинцовыя тучи. На востокѣ блѣднымъ, продолговатымъ пятномъ проступала утренняя заря. Собака спала на крыльцѣ, положивъ голову на лапы.

Плюнулъ купецъ и вернулся къ себѣ. Хотѣлъ разбудить жену, да стыдно стало. Она подумаетъ, что онъ допился до чортиковъ. Между тѣмъ, въ домѣ продолжали стучать топоры, звонкими отголосками отдавались ихъ удары по сухимъ сосновымъ бревнамъ и невидимки-рабочіе дѣятельно надъ чѣмъ-то трудились, переговариваясь и перебраниваясь между собою.

Пахомъ Терентьевичъ закутался въ одѣяло съ головой. Но трескъ отдираемой отъ стѣнъ обшивки былъ невыносимъ и заснуть не было возможности. Страхъ обуялъ Пахома Терентьевича. Онъ крестилъ лобъ и обливался холоднымъ потомъ. Разсвѣло. Дворникъ выѣхалъ съ бочкой на Неву. «Шабашъ, ребята»!—сказалъ кто-то. Шумъ прекратился, и только тогда сомкнулись глаза измученнаго Загриваева. Онъ проспалъ до двухъ часовъ и пропустилъ выгодный аукціонъ, на которомъ могъ бы нажить, по крайней мѣрѣ, тысячу. Барыши очутились въ карманѣ его конкурента.

VI.

Весь остальной день угрюмо молчалъ Пахомъ Терентьевичъ. Жена дулась на него; наконецъ спросила, обезпокоившись, не боленъ ли онъ? (Все таки она его любила).

—А что?

— Желтый ты какой-то!

Вечеромъ къ Загриваевымъ пріѣхали гости и танцовали подъ механическое піанино. Купецъ разсѣялся и стало ему веселѣе. Послѣ ужина, проводивъ гостей, онъ осторожно освѣдомился у жены, стараясь улыбаться:

— Ты ничего не слыхала сегодня ночью?

— Я крѣпко спала.

— Гмъ!

Жена, разумѣется, не догадалась, а мужъ опять посовѣстился разсказать ей о томъ, что̀ ему чудилось. Онъ былъ совершенно трезвъ и на сонъ грядущій прочиталъ всѣ мо-

Digitized by Google

литвы. Жена даже удивилась, что на него нашла такая набожность. Она не преминула распечь его за клубъ, но онъ солгалъ ей, что выигралъ много денегъ, и супруги примирились.

Не прошло десяти минутъ, какъ начался стукъ и звонъ по всему дому. Пахомъ Терентьевичъ вскочилъ и, дрожа, растолкалъ жену.

— Успокойся, Пахомъ Терентьевичъ. Бѣлая горячка у тебя, что ли? Я за докторомъ пошлю!

Пахомъ Терентьевичъ чуть не плакалъ. Грохотали бревна и грузно падали на землю со втораго этажа. Невидимая сила ломала доски, вколачивала гвозди, била по стѣнамъ. Поднималась пыль, и нечѣмъ было дышать. Таинственные плотники затянули унылую пѣсню. Словъ нельзя было разобрать, но она надрывала душу. Волосы встали дыбомъ на головѣ Пахома Терентьевича.

Такъ продолжалось до утра.

VII.

Загриваева много разъ раскаивалась, что она вышла замужъ за неразвитаго и почти дикаго человѣка. Ей большаго труда стоило убѣдить мужа пригласить извѣстнаго психіатра. Тотъ изслѣдовалъ больнаго и прописалъ бромъ. Онъ могъ убѣдиться въ нормальности природнаго ума Пахома Терентьевича, разсмотрѣвъ дома полученную отъ него бумажку. Она была склеена изъ двухъ разныхъ половинокъ. Докторъ нашелъ, что Загриваевъ здоровъ, и больше къ нему не поѣхалъ. А плотники нисколько не испугались брома и по прежнему не давали Пахому Терентьевичу спать. День превратился у него въ ночь. Въ лавкѣ онъ почти не бывалъ, торговля стала идти плохо, прикащики воровали, и, недавно еще черная, борода его посѣдѣла.

То, что Пахомъ Терентьевичъ сначала скрывалъ даже отъ жены, перестало быть тайной для его знакомыхъ. Всѣ узнали, что въ новомъ домѣ Загриваевыхъ творится что-то неладное. Пахому Терентьевичу посовѣтовали обратиться за помощью къ одному спеціалисту-чертовѣду. Но чертовѣдъ запросилъ несообразную цѣну, а за успѣхъ все таки не ручался. Образо-

Digitized by Google

ванная жена Пахома Терентьевича сначала возмущалась сношеніями мужа съ знахаремъ, наконецъ, махнула рукой и согласилась, что вся эта нечисть напущена Силантіемъ, который «знаетъ слово». Согласилась она также, чтобы мужъ поѣхалъ лично, не смотря на зимнее время, къ Силантію и умолилъ его «снять слово». До того надоѣлъ ей Пахомъ Терентьевичъ своимъ полубумнымъ видомъ и безсонницей, что она, при всей своей образованности, даже радостно перекрестила его, когда онъ сѣлъ въ вагонъ.

VIII.

Силантій жилъ далеко. Сутки ѣхалъ Пахомъ Терентьевичъ и сошелъ на маленькой станціи, гдѣ нанялъ троечника. До деревни Силантія было верстъ тридцать пять. Дорога лежала черезъ холмистую мѣстность. Выпалъ снѣгъ, и кибитка на полозьяхъ ныряла по ухабамъ и скользила съ горки на горку. На горизонтѣ темнѣлись лѣса. Иногда ямщикъ останавливался передъ кучей покосившихся избъ, слѣзалъ, стучалъ въ оконце и кричалъ:

— Костя, а Костя! деньги тебѣ и письмо.

Или:

— Иванъ! получи, сдѣлай милость, шесть гривенъ. Дочка тебѣ кланяется и проситъ родительскаго, навѣки нерушимаго, благословленія!

Выходилъ Митяй или Иванъ въ изорванномъ зипунѣ, или просто къ красной рубашкѣ, со всклоченной головой, кланялся въ поясъ и, въ свою очередь, передавалъ какую нибудь посылку въ сосѣднюю деревню.

Удивлялся Пахомъ Терентьевичъ, который родился и выросъ въ Петербургѣ, что русскія деревни такія бѣдныя и жалкія—не приглядѣе болотныхъ кочекъ—и еще онъ удивлялся, что въ этой сторонѣ такой довѣрчивый народъ. Простой ямщикъ получаетъ деньги и передаетъ безъ всякихъ расписокъ.

— И честно у васъ всегда? Ни-ни?

Ямщикъ не понялъ даже, о какой честности говорилъ купецъ. Онъ только съ недоумѣніемъ обернулся и посмотрѣлъ на него.

— А чѣмъ занимаются у васъ?—допрашивалъ купецъ.

— Земледѣліемъ, а, главное: у насъ—плотничать уходятъ.

— Если всѣ плотники, отчего же избы такія плохія?

Digitized by Google

— Оттого что города строятъ, а самимъ нѣкогда, — чай, знаешь. Да и заработки скудные сдѣлались. Прежде руками пилили, а теперь все пошла машина. Подати тяжелыя, водка одолѣваетъ.

— Что, каковъ у васъ мужикъ Силантій?—перемѣнилъ Пахомъ Терентьевичъ разговоръ.

— Мужикъ ничего. Онъ—чудиновскій.

— Никого онъ не обижаетъ?

— Справедливый мужикъ. Даромъ не обижаетъ. Въ Чудиновѣ жить можно.

— Ну, а если за что взъѣстся?

— Ничего не знаю. Однова заозерскій баринъ лягушку съ молокомъ проглотилъ—Силантій—точно что ослобонилъ. А о прочемъ не знаю,—нехотя сказалъ ямщикъ и замолчалъ.

Природа становилась все угрюмѣе, по мѣрѣ того какъ приближалась тройка къ деревнѣ, гдѣ жилъ Силантій. Возвышались горы, и внизъ съ откоса страшно было глядѣть. По обѣимъ сторонамъ дороги валялись булыжники, круглые, какъ черепа. Съ крутизны сани спустились на озеро, и ледъ зазвенѣлъ подъ копытами лошадей.

— Озеро большое?—съ испугомъ спросилъ купецъ.

— Версты четыре. Ничего. Опасно, да не всегда. Только шибко ѣхать надо. Слышь, трещитъ.

— Съ нами крестная сила!

Троечникъ пустилъ возжи и лошади легли, что называется, брюхомъ на ледъ, вытянувшись въ струнку.

— Давно ужь не было несчастья,—началъ онъ, желая разогнать тоску сѣдока.—А случалось. Скоро пять лѣтъ на Николу, какъ пошли ко дну чудиновскіе мужики. Тоже плотники были. Всѣ потонули, какъ есть вся артель, и уцѣлѣлъ только Силантій. Вонъ на томъ, почитай, мѣстѣ, гдѣ туманъ мрѣетъ. Вишь, ключъ тамъ, оттого ледъ не проченъ. Даже на крещеніе, ужь на что морозы, а туманъ все стоитъ надъ этимъ поганымъ мѣстомъ.

— Гони, братъ, лошадей!—взмолился купецъ.

IX.

Кибитка взъѣхала на берегъ, промчалась вдоль улицы села Чудинова и остановилась у воротъ высокой избы. Тутъ и жилъ

Digitized by Google

Силантій. Онъ выглянулъ въ оконце и, словно ожидая Загриваева,—нисколько не удивился его пріѣзду.

— Я къ тебѣ, Силантій, — началъ купецъ, входя въ избу.

— Вижу, ваше степенство. Привелось и вамъ побывать въ нашей странѣ. Обогрѣйтесь. Чайку не угодно ли?

Потеръ купецъ руки, сорвалъ ледяныя сосульки съ бороды, покрестился на образа, распоясался, досталъ ключъ и отперъ чемоданъ.

— Я тебѣ привезъ, Силантій, петербургскихъ гостинцевъ—суконца на кафтанъ лучшаго, какое нашлось въ моей лавкѣ, морозовскихъ ситцевъ для твоей хозяйки и ребятишекъ, часы серебряные, фунтъ чаю и голову сахару. Прими и не обезсудь.

— На этомъ благодаримъ вашу милость. Какое дѣльце ваше будетъ?

— Что объяснять? Ты лучше моего знаешь,—сказалъ купецъ съ тяжелымъ вздохомъ.

Силантій вопросительно посмотрѣлъ на него своими впалыми глазами.

— Плотнички работаютъ?—произнесъ онъ.

— Сними заклятіе, Силантій! Измаялъ ты меня.

— Предупреждалъ я васъ, что пожалѣете—отчего не послушались?

— Кто жь тебя зналъ, что ты такой?

— Не падо было обижать меня.

— Возьми, что хошь—избавь только. Прости несправедливость мою.

— Деньги привезли?

— Какъ не привезъ! Будь роднымъ отцомъ, Силантій, еще въ ноги тебѣ поклонюсь.

— Побалуемся чайкомъ, закусимъ и потолкуемъ. Я чужаго не люблю, но не терплю, чтобы и мое пропадало.

Гость и хозяинъ напились чаю. Развязалъ Пахомъ Терентьевичъ кожаную сумочку, досталъ двѣ толстыхъ пачки рублевыхъ бумажекъ и положилъ на столъ. Усмѣхнулся Силантій и спросилъ:

— Всѣ?

— Вѣрно, какъ въ аптекѣ.

Пересчиталъ Силантій, — нѣтъ одной бумажки, — и опять усмѣхнулся.

Digitized by Google

— Ваша милость полагали, что я съ васъ вдвое потребую, и было приготовлено вами четыре пачки. На рубля не разбогатѣете, купецъ.

Пахомъ Терентьевичъ смутился и поскорѣе приложилъ недостающій рубль.

— Отдохните, и, чуть свѣтъ, можете ѣхать домой безъ всякаго сумлѣнія,—сказалъ Силантій. — Только впредь, Пахомъ Терентьевичъ, не обсчитывайте чудиновскихъ плотниковъ. Строилъ я также, какъ у васъ, большѣнный домъ одному барину безъ всякаго условія на бумагѣ. Кончилось лѣто, требуетъ артель разсчета, а баринъ давай ныть, вотъ, какъ и ваша милость, что домъ ему безполезенъ,—даромъ что онъ въ сырыя квартиры жильцовъ поспѣшилъ пустить,—и денегъ намъ не заплатилъ. Сразу не отказалъ, а за носъ два мѣсяца водилъ. Мы—жаловаться, но, извѣстно, дѣло въ судѣ проиграли. Пошли мы въ Чудиново ни съ чѣмъ—на чугунку не хватило. Мы по шпаламъ шли. А тутъ ужь зима и лютые морозы. Натерпѣлись мы горя. Наконецъ, добрались до своего озера. Ужь верста остается. Я впереди иду со своякомъ Евграфомъ. Рано утромъ это было. Вдругъ ледъ затрещалъ и всѣ провалились. Одного меня Богъ миловалъ. Жестоко напугался я, явился въ волость весь обледенѣлый, слова сказать не могу, и сдѣлалась со мной горячка. Озеро наше глубокое, и какъ ни искали весной, ни одного плотника не нашли. Дѣйствительно, въ воду канули. Но какъ я былъ боленъ, не отходилъ отъ меня покойный Евграфъ, за руку держалъ и очень весело трубочку свою покуривалъ. Все говорилъ: «Эхъ, Силантій, оставайся ты все таки у насъ старшимъ и, какъ выздоровѣешь, посылай нашу артель даромъ работать на скупыхъ и несправедливыхъ хозяевъ. Нѣтъ худа безъ добра, а много пользы будетъ отъ насъ тебѣ и прочимъ землякамъ». Пришелъ я въ себя и думалось мнѣ, грѣшному человѣку, что это такъ—глупости. Но минулъ годъ, возвращаюсь я по льду, какъ и въ тотъ разъ, и вспомнилось мнѣ все несчастье наше. Смотрю, изъ тумана выходитъ Евграфъ и спрашиваетъ: «Неужели, Силантій, нигдѣ дармовой работы нѣтъ и топоры наши безвинно ржавчина ѣстъ? Почто такъ»? Удивительно, не обомлѣлъ я и говорю свояку: «Ладно, поищу—должна быть». — «Прощай, Силантій! Какъ понадобится, только выдь на озеро въ пол-

Digitized by Google

ночь, да кликни насъ—всѣ станемъ передъ тобою, какъ листъ передъ травою. Ни харчей не потребляемъ, ни водки не пьемъ, а топоры хлѣба не просятъ. Счастливо оставаться»! Соображаю я, что это сурьезно. Хотя Евграфъ при жизни и словоохотливый былъ парень и мастеръ былъ на всякія прибаутки, но не сталъ бы онъ шутить шутки въ эдакомъ видѣ. Слышу затѣмъ, жалуются плотники на того, на другаго хозяина. Въ одномъ мѣстѣ не доплатили, въ другомъ оштрафовали. Я къ Евграфу. На первыхъ порахъ жутко было, это правда, ваша милость, а послѣ, конечно, пріобыкъ. Главное, что польза огромная намъ, чудиновцамъ, отъ этой артели. Бабы словно побѣлѣли и лошади у насъ, ты видѣлъ, какія? Такъ-то, ваше степенство, въ короткое время завелись въ нашемъ мѣстѣ новыя избы, заплатили мы всю недоимку, открыли школу и украсили храмъ божій. Съ бѣсами я не знаюсь, но не всякое чудо отъ бѣсовъ. Они зла хотятъ и на зло наущаютъ, а моя артель правды добивается. Благодарю за компанію, за посѣщеніе и подарки. Спите, Пахомъ Терентьевичъ, спокойно, а какъ вернетесь въ Петербургъ, потрудитесь разсказать о томъ, что̀ случилось съ вами, всѣмъ совѣстливымъ людямъ.

X.

Было темно, и ярко горѣли звѣзды на небесахъ, когда троечникъ подалъ кибитку. Силантій разбудилъ купца, напоилъ его чаемъ и снарядилъ въ дорогу. Жена Силантія напекла гостю пряженіковъ. Надо же было не ударить лицомъ въ грязь передъ петербургскимъ гостемъ.

— Истинно доволенъ вашимъ гостепріимствомъ,—сказалъ купецъ.—Послушай, Силантій,—обратился онъ къ плотнику, сидя уже въ кибиткѣ,—дѣйствительно стало легче на душѣ, но что̀, если мнѣ придется опять ворочаться въ Чудиново? Какъ я узнаю, что ты снялъ слово навсегда?

— А вотъ какъ узнаешь, ваше степенство: будешь отъ меня ѣхать и ужь гдѣ нибудь на дорогѣ вамъ непремѣнно повстрѣчаются мои плотнички,—отвѣчалъ Силантій.—У тебя работало всего четыре человѣка, а веселый Евграфъ-прибаутчикъ—за старшо̀го. Ихъ ты и увидишь—зипунишки на нихъ отрепаные, сапоги развалившись, всѣ туго подпоясаны съ голодухи,

Digitized by Google

чтобъ въ животѣ не томило, въ котомкахъ пусто, а топоръ за кушакомъ. Спросишь: откуда?—они тебѣ объявятъ. Прощайте, Пахомъ Терентьевичъ.

«Прощай, чтобъ тебя рòзорвало», — подумалъ купецъ, и тройка подхватила его.

Снѣгъ заскрипѣлъ подъ полозьями и зазвенѣлъ подъ копытами ледъ.

Ямщикъ, подобравъ возжи, спустился съ пригорка, гикнулъ, привсталъ на облучкѣ и развелъ руки. Лошади понеслись, какъ три стрѣлы. Пока дѣло было въ заливѣ, ледъ былъ крѣпокъ; но въ открытомъ озерѣ онъ такъ трещалъ и кололся, что куща била лихорадка. Ямщикъ молчалъ, знай только раставлялъ руки.

Между тѣмъ, небо словно озарилось великимъ пожаромъ. До утра было далеко. Это не могло восходить солнце. Блѣдно-красные, зеленоватые, голубые, желтые, лиловые и всякихъ цвѣтовъ лучи расходились во всѣ стороны, переливаясь, какъ въ радугахъ, то выростая до тѣхъ звѣздъ, что свѣтятъ надъ головою, то сокращаясь и бросая на гладкую, пустынную бѣлую равнину озера причудливые отблески. Это ужь потому не могло быть утренней зарей, что солнце никогда не восходитъ на сѣверѣ. Это было сѣверное сіяніе.

Высунувшись до половины изъ кибитки и забывъ о некрѣпкомъ льдѣ, смотрѣлъ купецъ на огненные столбы и соображалъ, что такое они могли предвѣщать. Не для него ли вспыхнуло это сіяніе? Что, если кибитка наконецъ провалится?

Онъ сталъ креститься. Показалось сѣдое облачко надъ озеромъ. Слабый небесный свѣтъ пронизывалъ его, и оно шевелилось, хотя вѣтра не было. У Пахома Терентьевича душа ушла въ пятки, потому что онъ вспомнилъ про дешевую артель Силантія.

— О, Господи правый, не дай погибнуть безъ покаянія!— горячо прошепталъ онъ.

Смотритъ Загриваевъ,—какъ и говорилъ Силантій,—идутъ гуськомъ четыре плотничка въ оборванныхъ зипунишкахъ, туго подпоясаны съ голодухи; топоры за плечами, отчищенные отъ ржавчины, тускло блестятъ, а веселый Евграфъ-прибаутчикъ—впереди за старшòго. Ясно выдѣлялись ихъ темныя фигуры на свѣтломъ заревѣ сѣвернаго сіянія.

Digitized by Google

— Здравствуйте, ребята! — закричалъ купецъ не своимъ голосомъ.—Откуда идете?

— Изъ Петербурга, — хрипло отвѣчалъ веселый Евграфъ, не останавливаясь.

— А что дѣлали?

— Даромъ работали у вашей милости.

Пахомъ Терентьевичъ откинулся въ глубину кибитки и обмеръ.

А когда онъ пришелъ въ свои чувства, уже было утро и впереди виднѣлась высокая кровелька желѣзнодорожной станціи.

Пріѣхалъ Пахомъ Терентьевичъ въ Петербургъ на другой день. Образованная жена его обрадовалась, что онъ выздоровѣлъ, такъ какъ съ этихъ поръ сталъ онъ спокойно спать по ночамъ. Правда, ее огорчало, что совсѣмъ побѣлѣла борода у Пахома Терентьевича. Но вѣдь не съ бородою жить, а съ человѣкомъ. Что же касается того, пересталъ ли онъ обманывать народъ и усчитывать рабочихъ, то объ этомъ неизвѣстно. Только съ чудиновцами онъ больше дѣла не имѣлъ.

І. Ясинскій.

Digitized by Google

ВЪ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОМЪ МІРѢ.

(Очерки и картинки.)

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ».

Авторъ этихъ записокъ—странный человѣкъ. Странный и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичный. Странный—по своей крайней непрактичности и симпатичный—по непосредственной искренности и широкой отзывчивости, Онъ занималъ хорошее мѣсто въ одномъ богатомъ желѣзнодорожномъ обществѣ. Его положенію нѣкоторые даже завидовали, хоть и удивлялись, какъ онъ можетъ «служить», т. е. приспособляться. Служилъ онъ на желѣзной дорогѣ, кажется, лѣтъ семь. Мы,—т. е. всѣ его знакомые,—наконецъ привыкли къ этому, и въ нашемъ кружкѣ онъ слылъ подъ именемъ «желѣзнодорожника». Обыкновенно этотъ человѣкъ всегда былъ занятъ и хлопоталъ: постоянно искалъ работы и мѣстъ для нуждающихся; бѣдняковъ снабжалъ на проѣздъ даровыми билетами, устраивалъ подписки и проч. Мы думали, что человѣкъ занятъ, угомонился и ему живется «такъ себѣ». Но въ одно прекрасное утро онъ пришелъ ко мнѣ блѣдный, взволнованный и, вручивъ, довольно объемистую рукопись, проговорилъ: «Это мои записки! прочтите, и, если найдете что интересное—напечатайте!.. Я писалъ ихъ не съ цѣлью обличать кого либо, не раскрашивалъ фактовъ, а имѣлъ въ виду одну только голую правду,—то, что видѣлъ и что перечувствовалъ... Организація желѣзнодорожнаго хозяйства; какіе люди входятъ въ составъ его; ихъ характеры и отношенія—вотъ что занимало меня главнымъ образомъ. Я покинулъ службу и уѣзжаю изъ Москвы. Прощайте!» Странный человѣкъ изчезъ неизвѣстно куда. Я предлагаю его записки вниманію читателя, — почти въ томъ же видѣ, какъ онѣ написаны, немного нервно и не совсѣмъ послѣдовательно.

I.

Я всегда, — не знаю почему, — чувствовалъ нѣкоторый страхъ передъ разными дѣловыми учрежденіями и тѣми офиціальными отношеніями, которыя обязательны, какъ на казенной, такъ и на

Digitized by Google

всякой частной службѣ. Впрочемъ, это, кажется, характерная черта всякаго русскаго человѣка.

Я не боялся, но, напротивъ, искалъ работы, труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ я смутно сознавалъ, что «тамъ», на службѣ, собственно работа на второмъ планѣ, а первое мѣсто занимаютъ «отношенія» къ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ зависитъ служебная карьера. Впослѣдствіи я не ошибся въ этомъ. Именно эти *отношенія* и опредѣлили довольно скоро мое положеніе. Мнѣ было уже за тридцать лѣтъ, когда я пожелалъ получить опредѣленное мѣсто съ опредѣленнымъ содержаніемъ. Но какъ быть? Нужно было искать мѣста, просить работы. Именно «просить», а не надѣяться, что ее предложатъ. Я былъ не спеціалистъ, а просто образованный русскій человѣкъ. Кому нужны такіе люди?! Да, надо было «просить», «хлопотать». И я началъ думать, у кого и гдѣ просить. Вспомнивъ, что со мной въ гимназіи учился нѣкто NN., теперь вліятельный желѣзнодорожникъ, я пошелъ къ нему. Но меня не приняли. Тогда я написалъ ему письмо, въ которомъ просилъ, если онъ не забылъ меня, свиданія «по одному дѣлу». Я ждалъ отвѣта, но случилось нѣчто другое. Въ одно прекрасное утро, предо мной стоялъ болѣе чѣмъ приличный молодой человѣкъ въ костюмѣ «съ иголочки» и съ замѣтной лысиной.

— Позвольте представиться .. секретарь NN... Угодно вамъ передать просьбу... я спеціально посланъ вслѣдствіе вашего письма...— При этихъ словахъ, секретарь своей выхоленной рукой сдѣлалъ движеніе, словно хотѣлъ достать изъ кармана бумажникъ.

— Я хотѣлъ просить у г. NN. мѣста на желѣзной дорогѣ... — холодно проговорилъ я.

— Какого рода занятіе желали бы вы имѣть?

— Я, право, не знаю—что нибудь...

— Окладъ какой?—безучастно, но вѣжливо спросилъ меня щеголеватый господинъ.

Я былъ поставленъ въ затрудненіе и проговорилъ:

— Я не могу самъ себѣ назначать...

— Прехрасно... я передамъ!—заторопился секретарь и быстро началъ натягивать на правую руку перчатку. Онъ ушелъ, точно скользя, также легко и тихо, какъ и вошелъ въ мою квартиру.

Я задумался. «Начинается»! мелькнуло въ моей головѣ. «Да, скоро я буду имѣть службу и опредѣленное «содержаніе». Вѣдь этого я искалъ, къ этому стремился... Дѣло устроится, повидимому, скоро и хорошо... Но отчего же мнѣ такъ грустно? Отлично я помню то настроеніе и чувство томительной тоски, наполнившей мое сердце, точно я измѣнялъ чему или покидалъ кого!.. Обычная работа не

Digitized by Google

спорилась. Я бездѣйствовалъ въ ожиданіи. Такъ прошло два дня. Снова передо мной секретарь. Отъ него вѣетъ тонкими англійскими духами и своей до приторности нѣжной, съ маленькими веснушками, рукой онъ подаетъ мнѣ большую визитную карточку NN. со словами:

— Эту карточку вы передадите управляющему дорогой и съ нимъ покончите... Онъ уже о васъ освѣдомленъ... Желаю всякаго успѣха.

— Благодарю... Вѣроятно, увидимся еще, если я буду служить...

— Очень пріятно,—проговорилъ онъ, раскланиваясь, но я секретарь домашній... конечно, бываю на дорогѣ, но рѣдко!..

«Домашній», подумалъ я, «оттого ты, братъ, такой и чистенькій»!

Въ управленіи я, конечно, безъ всякаго труда разыскалъ управляющаго желѣзной дорогой, который тотчасъ же принялъ меня въ своемъ кабинетѣ. Это былъ еще не старый, очень плотный, лѣтъ сорока инженеръ. Общее впечатлѣніе онъ производилъ скорѣе пріятное—голосъ, манеры, лицо неглупаго дѣловаго человѣка. Но глаза, выпуклые, бѣгающіе, а особенно выраженіе ихъ говорили, что передъ вами хищникъ упрямый и холодный.

— Хотите у насъ работать? Очень пріятно!—заговорилъ Бугаевъ (фамилія управляющаго) показывая мнѣ кресло.—Нигдѣ не изволили служить?

— Нѣтъ, не служилъ,—отвѣчалъ я.

— Это ничего... даже лучше... Вы человѣкъ свѣжій, образованный, привыкнете скоро... У насъ, вѣдь, народъ...—и онъ засмѣялся:—сами увидите!.. Да, какъ вамъ сказать?.. дѣйствительно; нужно бы обновить составъ, да куда ихъ дѣть? тоже и жалко: къ нашей службѣ привыкли, другаго ничего дѣлать не могутъ, на дорогѣ выросли, воспитались... Вотъ увидите, какой народъ... хе! хе!.. А обновить надо, надо... Я радъ образованному элементу, радъ, очень радъ.

Бугаевъ пожалъ мнѣ руку.

— Какъ же мнѣ васъ устроить?—пытливо посмотрѣлъ на меня мой собесѣдникъ и задумался.—Вотъ что,—продолжалъ онъ черезъ минуту,—я думаю устроить васъ по службѣ движенія. Это будетъ хорошо. Во-первыхъ, въ этой службѣ спеціальныхъ знаній не требуется, техникомъ быть не нужно... Все можно изучить, опытъ вамъ все покажетъ... Поработать придется порядкомъ, не скрою отъ васъ...

— Я радъ; работы я не боюсь...

— Знаю, знаю. Увѣренъ,—перебилъ меня Бугаевъ.—Ну, вотъ и отлично... такъ по движенью.

— Мнѣ все равно,—отвѣчалъ я,—вѣдь я незнакомъ съ желѣзнодорожной службой и выбирать не могу...

Digitized by Google

— Да, конечно, конечно!.. Я васъ устрою, беру это на себя... Меня NN. объ этомъ просилъ...

Бугаевъ снова пытливо посмотрѣлъ на меня. Признаюсь, на этотъ разъ мнѣ крайне не понравился взглядъ Бугаева,—его выпученные глаза, въ которыхъ по временамъ пробѣгало что-то недоброе.

— Конечно —продолжалъ управляющій, понижая голосъ,—конечно, вы будете «нашъ»... нашей партіи... Впрочемъ, что объ этомъ говорить!?

Недоумѣвая, я не зналъ, что ответить. «Вашъ... нашъ!» мелькало въ головѣ. «Значитъ, они меня покупаютъ... Вѣрно, въ дѣловомъ мірѣ всегда такъ»...

— Вотъ моя программа,—говорилъ Бугаевъ.—Вы поступите, мѣсяца на два, на три, на товарную станцію конторщикомъ; окладъ не будетъ превышать сорока рублей въ мѣсяцъ... Тамъ вы начнете съ азбуки, а когда освоитесь съ дѣломъ отправки, пріема товаровъ, когда всю эту механику постигнете, тогда я дамъ въ ваше распоряженіе маленькую станцію, понимаете?..

Я понималъ, но уже рѣшилъ уклониться отъ такого предложенія.

— Когда управитесь съ маленькой станціей, дадимъ побольше, а тамъ назначимъ начальникомъ первоклассной станціи, потомъ помощникомъ начальника движенія... вотъ вамъ и карьера!..

Я былъ смущенъ. Перспектива быть начальникомъ станціи, окунуться съ головой въ желѣзнодорожную сферу, бросить все и всѣхъ, надѣть красную шапку, и день и ночь выбѣгать къ поѣздамъ, выслушивать сплетни—все это не входило въ мои соображенія. Не такого искалъ я мѣста, не хотѣлось «продать» себя совсѣмъ! Я искалъ и хотѣлъ работы—все равно, тяжелой и трудной, несимпатичной, но такой, отъ которой мнѣ оставался бы часъ, два свободнаго времени. О «карьерѣ» я не думалъ вовсе, о большомъ вознагражденіи тѣмъ болѣе. Я отдавалъ чуждому для меня дѣлу свои силы, свои способности, но не душу, и хотѣлъ все таки «жить» своей жизнью, своимъ міромъ, который составляли близкіе мнѣ люди. Не знаю, но мнѣ кажется, что я желалъ немногаго и во всякомъ случаѣ не фантастическаго.

Я не согласился на предложеніе Бугаева, объяснивъ свое несогласіе семейными обстоятельствами.

— Напрасно,—сухо проговорилъ управляющій.—Я вамъ предлагаю карьеру. Жить на линіи вовсе не дурно. Вы будете имѣть приличную квартиру, отопленіе, прислугу... Впрочемъ, какъ хотите... это, конечно, ваше дѣло!

Digitized by Google

Мнѣ казалось, что ему хотѣлось добавить: «я предполагалъ, что имѣю дѣло съ неглупымъ человѣкомъ, а это какой-то блаженный: хочетъ служить и на первыхъ порахъ отъ карьеры отказывается»!

Это онъ навѣрно думалъ, когда, прощаясь со мной, прибавилъ:— До завтра; приходите въ это же время; найдемъ, можетъ быть, для васъ занятіе здѣсь, въ конторѣ.

Помню, что я съ удовольствіемъ покинулъ кабинетъ дѣловаго человѣка, и когда вышелъ на улицу, мнѣ стало легко и хорошо. Я испытывалъ знакомое мнѣ чувство гимназиста, только что оставившаго сѣрое офиціальное зданіе гимназіи, гдѣ такъ бездушно и непривѣтливо,—оставилъ и свободенъ до слѣдующаго дня. Странно, но это правда.

На другой день фактически совершилось мое поступленіе на желѣзнодорожную службу. Мнѣ дали мѣсто конторщика по производству дѣлъ въ пенсіонномъ комитетѣ. Окладъ жалованья—60 р. въ мѣсяцъ. Время занятій—отъ 10 утра до 4 часовъ дня. Однимъ словомъ, я получилъ то, что мнѣ было нужно и чего я искалъ — получилъ мѣсто съ опредѣленнымъ содержаніемъ.

II.

Я началъ ходить ежедневно на службу и сталъ къ этому привыкать. Человѣкъ, говорятъ, ко всему можетъ привыкнуть, даже къ тюрьмѣ. Я привыкалъ и присматривался. Порой мое рабочее время проходило скоро и я, бодрый, возвращался домой; иногда же часы тянулись медленно и мнѣ было грустно. Первые мѣсяцы службы не оставили во мнѣ никакихъ особенно непріятныхъ воспоминаній. Я ходилъ, работалъ, знакомился съ дѣломъ и съ товарищами-сослуживцами. Мое дѣло было неотложное. Я составлялъ протоколы засѣданій пенсіоннаго комитета. Протоколы эти читались въ засѣданіи и по каждому пункту присутствующіе члены давали свое заключеніе или дѣлали постановленіе. Затѣмъ эти протоколы подписывались членами и входили въ силу, т. е. слѣдовала выдача пенсій и пособій.

Мои сослуживцы были люди добродушные, но крайне неразвитые, хотя и интересующіеся кой-чѣмъ и помимо службы: любили театръ, читали книги и даже интересовались политикой. Никогда я не забуду одного эпизода съ этой «политикой». Эпизодъ характерный: онъ просто, но ярко рисуетъ ограниченный кругозоръ желѣзнодорожника. Однажды при мнѣ заговорили въ конторѣ о пресловутомъ во Франціи дѣлѣ Вильсона и о томъ, какъ это дѣло ста-

Digitized by Google

рались замять, вслѣдствіе родственныхъ отношеній аферіста къ президенту республики Гревй.

— Я не понимаю, чего же тутъ смотритъ правительство?.. какъ можно потворствовать и допускать такія дѣла... почему не раздѣлаться какъ слѣдуетъ съ этимъ Вильсономъ!..

Такъ говорилъ начальникъ цѣлаго отдѣленія, авторитетъ своего рода, говорилъ съ апломбомъ, громко, и торжественно-грозно посматривая на насъ.

— Скомпрометированъ въ этомъ дѣлѣ президентъ... Вильсонъ ему родственникъ... женатъ на дочери Гревй.

— Ну, что жъ изъ этого?—усмѣхнулось начальство,—ну, родственникъ...

— Родственникъ президента республики,—добавилъ я.

— Ну, знаю,—рѣзко перебилъ меня авторитетъ,—я говорю о томъ, какъ допускаетъ правительство... ну, кто у нихъ тамъ, король или императоръ...

— Во Франціи республиканское правленіе, — возразилъ я, изумленный.

— Знаю,—еще сердитѣе перебила меня «персона» или, какъ говорятъ желѣзнодорожники, «шишка».—Знаю, что республика, да вѣдь король-то долженъ быть, я вотъ о чемъ!.. У насъ показали бы... родственника!..

— Позвольте, какъ король?—недоумѣвалъ я;—во Франціи національное собраніе, парламентъ, президентъ...

— «Ну, король или императоръ... не все ли равно?!. Я и безъ васъ знаю, что тамъ парламентъ, — произнесла «шишка», важно удаляясь и гремя многочисленными брелоками на цѣпочкѣ. Все это было сказано такимъ авторитетнымъ тономъ,—тономъ увѣреннымъ, не допускающимъ возраженія,—что многіе смутились, а нѣкоторые очень недовѣрчиво посматривали на меня, когда я говорилъ, что во главѣ республики стоитъ не король и не императоръ, а президентъ, выбранный на время представителями народа.

Это фактъ. Вообще, за рѣдкими исключеніями, желѣзнодорожники—народъ крайне неразвитый, хотя попадаются между ними люди умные, способные, но они до такой степени заняты своимъ дѣломъ и картами, что, кромѣ служебныхъ разговоровъ, анекдотовъ, вы отъ нихъ ничего не требуйте. Развѣ какое нибудь выдающееся общественное явленіе или кровавое событіе на минуту отвлечетъ ихъ вниманіе и они задумаются, но и то на самое короткое время, а потомъ, сердито махнувъ рукой, непремѣнно скажутъ: «ну, что намъ до этого?!. это насъ не касается»!..

Тѣмъ не менѣе, новый человѣкъ изъ другаго міра, когда онъ

Digitized by Google

дѣлается желѣзнодорожникомъ, интересуетъ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, на первое время. Съ нимъ стараются сойтись, узнать его характеръ и опредѣлить къ нему свои служебныя отношенія.

Въ началѣ, къ новичку почти всѣ предупредительны, вѣжливы. Мнѣ казалось даже, что ко мнѣ всѣ относятся искренно и по товарищески, и я былъ доволенъ. Къ моему удивленію, я не находилъ рѣзкой разницы въ отношеніяхъ между служащими, поставленными съ одной стороны въ положеніе начальствующихъ, а съ другой—подчиненныхъ. Простой, дѣловой тонъ; ни крика, ни брани! Но, къ сожалѣнію, это было только мое первое впечатлѣніе, впечатлѣніе несовсѣмъ правильное, хотя оно было довольно продолжительно, такъ что я начиналъ успокоиваться и съ удовольствіемъ думалъ, что «служить» вовсе не такъ трудно и не такъ непріятно. Мое нравственное чувство не возмущалось и я спокойно посѣщалъ «контору». Впослѣдствіи, когда я совершенно успѣлъ ознакомиться съ желѣзнодорожнымъ строемъ и отношеніями, когда уловилъ и понялъ ту возмутительную дисциплину—дисциплину «копѣйки», «рубля»—да, тогда я понялъ, что ошибался...

Моей ошибкѣ и сравнительно хорошему первому впечатлѣнію способствовали два обстоятельства. Первое—это мое гимназическое воспитаніе съ NN., который былъ представителемъ правленія и внѣшнимъ образомъ относился ко мнѣ по товарищески. Мы даже говорили другъ другу «ты». Самъ собой разумѣется, ко мнѣ и «при мнѣ» всѣ отношенія служащихъ пріобрѣтали нѣкоторый иной колоритъ, который мнѣ казался искреннимъ. Другое обстоятельство—это близкое сосѣдство техническаго отдѣленія (при правленіи) которое находилось въ завѣдываніи инженера Б., нынѣ умершаго, но очень ученаго, симпатичнаго человѣка и притомъ талантливаго работника.

Признаюсь, это былъ рѣдкій экземпляръ инженера путей сообщенія, съ которымъ я когда либо встрѣчался. Его уважали всѣ, даже тѣ, на которыхъ онъ смотрѣлъ крайне подозрительно.

Повторяю, это былъ хорошій человѣкъ и способный техникъ. Мнѣ разсказывали, какъ онъ работалъ, какъ былъ требователенъ къ инженерамъ, справедливъ къ рабочимъ.

Молодые инженеры-путейцы,—эти гражданскіе гусары,—боялись попадать къ нему на практику и съ ужасомъ, хотя и священнымъ, упоминали его имя.

Его рабочее отдѣленіе находилось по сосѣдству съ нашимъ. Въ первое время меня пріятно озадачилъ веселый здоровый смѣхъ, который часто и неудержимо несся изъ техническаго отдѣла.

Наконецъ, я полюбопытствовалъ и мнѣ разсказали приблизи-

Digitized by Google

тельно то же, что̀ я передалъ читателю, впрочемъ, прибавивъ, что у него работать трудно, но выгодно, потому что онъ грудью стоитъ за своихъ.

Послѣ я лично познакомился съ Б. и его подчиненными, и самъ убѣдился, насколько искренни и просты ихъ отношенія.

Вскорѣ, впрочемъ, Б. былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ занялъ видное положеніе въ министерствѣ. Въ послѣдній разъ я видѣлся съ нимъ на похоронахъ М. Е. Салтыкова-Щедрина, котораго онъ былъ горячимъ поклонникомъ и, больной, разстроенный, пріѣхалъ отдать послѣдній долгъ великому художнику-публицисту.

Заговоривъ о Щедринѣ, я не могу не остановиться на одномъ интересномъ эпизодѣ. Когда въ Москвѣ была получена телеграмма о кончинѣ сатирика, у насъ на желѣзной дорогѣ, среди двухъ-трехъ служащихъ, людей университетскихъ и еще молодыхъ, возникла мысль собрать денегъ и почтить память покойнаго возложеніемъ вѣнка на его гробъ. Узнавъ, что я ѣду въ Петербургъ на похороны, они обратились ко мнѣ, чтобы я открылъ подписку. Я согласился. Когда же я началъ предлагать своимъ товарищамъ подписаться на вѣнокъ покойному, то одни спрашивали меня: кто такой Щедринъ? какой нибудь важный и извѣстный желѣзнодорожникъ? другіе пожимали плечами и смотрѣли на меня съ недоумѣніемъ... Подписка не имѣла успѣха; вечеромъ я долженъ былъ ѣхать и времени оставалось немного. Вдругъ у меня блеснула мысль—начать подписку съ самого предсѣдателя правленія, и я пошелъ къ нему. Сначала онъ отъ моего предложенія пришелъ въ недоумѣніе, выразившись, что желѣзнодорожники никакого отношенія къ писателю Щедрину не имѣютъ и это просто будетъ неловко... Не возражая предсѣдателю, я все таки замѣтилъ, что свое участіе къ потерѣ Россіею талантливаго человѣка мы можемъ выразить, какъ образованные русскіе люди и почитатели его таланта. Это подѣйствовало и предсѣдатель подписалъ 25 р. на вѣнокъ Салтыкову-Щедрину.

Я былъ въ восторгѣ. Подписной листъ сталъ быстро покрываться подписями. Никто не спрашивалъ, видя во главѣ листа подпись предсѣдателя: кто былъ Щедринъ, почему нуженъ вѣнокъ; всѣ подписывались съ удовольствіемъ и я даже многимъ долженъ былъ отказать, потому что денегъ набралось болѣе, чѣмъ достаточно. Былъ купленъ роскошный вѣнокъ, на лентахъ котораго значилось: «талантливому художнику-публицисту отъ почитателей его могучаго таланта».

Въ газетахъ, между тѣмъ, появились замѣтки объ этомъ вѣнкѣ съ поясненіемъ, что вѣнокъ поднесенъ отъ желѣзнодорожниковъ.

Digitized by Google

Эти замѣтки послужили причиной моего объясненія, по возвращеніи изъ Петербурга, съ предсѣдателемъ, который горячо заявилъ мнѣ, что я скомпрометировалъ его и желѣзнодорожное общество тѣмъ, что вѣнокъ былъ возложенъ отъ нихъ, ничего общаго со Щедринымъ не имѣющихъ. Я поспѣшилъ съ этимъ согласиться, но прибавилъ, что это несовсѣмъ вѣрно, и прочелъ ему копію съ надписи на лентахъ...

— Но какъ же?!. въ газетахъ было написано, что вѣнокъ поднесенъ отъ служащихъ на желѣзной дорогѣ?!.

— За газеты я не отвѣчаю.—Мнѣ было больно и досадно.

— Все таки жаль, что такъ случилось! я думалъ, это дѣло домашнее, до газетъ не дойдетъ...

— Я жалѣю не менѣе,—проговорилъ я и поспѣшилъ уйти, такъ какъ чувствовалъ, что раздраженіе готово было вырваться у меня наружу... Послѣ этого эпизода, я старался какъ можно рѣже встрѣчаться съ моимъ товарищемъ и предсѣдателемъ... Между нами окончательно порвалась тонкая, еле связывавшая насъ, нить гимназическихъ воспоминаній; общаго между нами ничего, кромѣ служебныхъ отношеній, не было. По крайней мѣрѣ, я такъ думалъ и былъ этому очень радъ.

Онъ, должно быть, забылъ объ этомъ эпизодѣ, потому что при встрѣчѣ съ мною продолжалъ держать себя товарищески-фамильярно. Время шло, я свыкался вообще со своимъ положеніемъ и привыкалъ къ своимъ товарищамъ, съ которыми, однако, не старался сближаться и былъ знакомъ только по службѣ. Внѣ занятій я продолжалъ жить по прежнему своимъ міркомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ желѣзнодорожнымъ.

Тѣмъ не менѣе я иногда не отказывался проводить время съ нѣкоторыми изъ служащихъ, желавшихъ, повидимому, войти со мной въ болѣе близкія отношенія. Мѣстомъ такихъ свиданій и бесѣдъ обыкновенно былъ вокзалъ или ресторанъ, гдѣ мы обѣдали послѣ занятій.

Право, желѣзнодорожники—любопытные люди, и я не знаю, почему на нихъ, до сихъ поръ, художественная литература не обратила должнаго вниманія. Это міръ особый, съ особенными условіями, съ ярко выраженнымъ, ему лишь присущимъ, индивидуализмомъ; міръ, положительно, не связанный съ общимъ теченіемъ какъ городской, такъ и сельской жизни.

Инженеры и капиталисты,—эти два элемента, слившіеся, между собою и дополняющіе другъ друга,—стоятъ во главѣ дѣятельной организаціи, душу которой составляютъ коренные, истые желѣзнодорожники, особаго рода дѣльцы, пронырливые, ловкіе, смѣлые и

Digitized by Google

даже нахальные. Эти типичные дѣльцы родились, выросли и воспитались на традиціяхъ чугуна, желѣза и стали... Въ дѣтскіе годы локомотивъ представляется имъ грознымъ божествомъ; въ безконечную даль уходящая полоса рельсовъ—тѣмъ таинственнымъ путемъ, который ведетъ куда-то далеко, далеко, гдѣ самый конецъ свѣта... Даже телеграфные столбы оживали въ воображеніи дѣтей и казались имъ суровыми сторожами, охранявшими линію. Ихъ отцы, братья и дѣды, всѣ связанные съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ, казались важными жрецами и исполнителями велѣній неумолимой и грозной силы, которая царила и ночью, и днемъ, и которую дѣти чувствовали постоянно. Подъ свистки паровоза маленькіе желѣзнодорожники видѣли фантастическіе сны, слышали, какъ вели между собой разговоръ гиганты-паровозы и какъ перешептывались телеграфные столбы... Свистки локомотивовъ будили дѣтей, подъ рожки стрѣлочниковъ они засыпали. Игры ихъ были тоже особенныя, желѣзнодорожныя.

Вообще воображеніе дѣтей постоянно было населено локомотивами, вагонами, стрѣлками и проч. Депо, гдѣ по особымъ стойламъ стояли паровозы, представлялось имъ храмомъ, гдѣ проводили таинственные часы эти гиганты. Иной міръ, міръ непосредственной природы, этихъ дѣтей не интересовалъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: снѣгъ закрывалъ своимъ бѣлымъ покровомъ линію, снѣгъ мѣшалъ правильному движенію поѣздовъ и переводу стрѣлокъ; трава, которую, конечно, вырывали съ корнями, тоже нарушала безжизненную гармонію линіи. Дѣти любили и играли въ камешки, которыми усѣяна линія. Среди кремнезема и кварца часто попадали красивые куски гранита и другихъ породъ. Дѣти выбирали такіе камни и хранили ихъ у себя... Изъ кремней они ловко высѣкали огонь, подкладывали подъ проходящіе поѣзда мѣдныя монеты, которыя сплющивались колесами вагоновъ въ уродливыя формы. Не хуже начальниковъ станцій дѣти знали расписаніе поѣздовъ и называли каждый поѣздъ по нумеру... У каждаго изъ нихъ былъ любимый паровозъ, машинистъ и оберъ-кондукторъ... Маленькіе желѣзнодорожники своимъ дѣтскимъ живымъ умомъ замѣчали все, вокругъ нихъ совершающееся... Отклоненія отъ правильной жизни на линіи также волновали ихъ, какъ начальство волнуетъ нарушеніе дисциплины.

Дѣти прекрасно, досконально знали обязанности каждаго агента, отъ начальника станціи или депо до самаго послѣдняго рабочаго. Конечно, большинство дѣтей всего болѣе привлекала дѣятельность машиниста—управлять машиной и ѣздить, ѣздить скоро, стремительно!.. Что можетъ быть лучше и завлекательнѣе?.. Даже дышать

Digitized by Google

на паровозѣ копотью и парами, смѣшанными съ растопленнымъ саломъ, казалось имъ неизъяснимымъ блаженствомъ. Часто, вслѣдствіе какой нибудь порчи, паровозъ уходилъ въ ремонтъ. Тогда дѣти справлялись объ его здоровьѣ, искренно жалѣли того машиниста, который долженъ ѣздить не на своемъ паровозѣ, и радовались благополучному выходу изъ ремонта своего любимца.

Съ того времени, когда ребенокъ начиналъ сознавать себя и все окружающее,—другой жизни, другаго міра, кромѣ желѣзнодорожнаго, онъ уже не хотѣлъ и замѣчать. Сначала все концентрировалось на паровозѣ, на рельсахъ, а послѣ объемъ его наблюденій увеличивался и останавливался на живыхъ элементахъ этого міра, т. е. на желѣзнодорожникахъ. Характеръ послѣднихъ, ихъ привычки, добродѣтели и пороки, надежды и огорченія—однимъ словомъ, вся жизнь линіи и вокзала воспитывала, по своему, будущаго ловкаго и опытнаго дѣльца. Мальчикъ не думалъ, ему и въ голову не могло прійти выбрать иную карьеру, кромѣ желѣзнодорожной. Дѣвочка, а послѣ дѣвица, мечтая о мужѣ, искала его среди того же, ей близкаго, міра. Молодой начальникъ станціи, ловкій оберъ-кондукторъ — вотъ *предметы*, которые наполняли ея воображеніе. Да, это среда крѣпкая, обособленная, члены которой отлично понимаютъ другъ друга съ полунамека, съ одного слова; среда, въ которой свѣжій человѣкъ теряется и часто ничего не понимаетъ, не можетъ оріентироваться въ отношеніяхъ, выработанныхъ цѣлыми годами, десятками лѣтъ, въ сферѣ желѣзнодорожной жизни.

Если когда нибудь читателю приходилось сталкиваться съ типичнымъ «желѣзнодорожникомъ» и съ «желѣзнодорожной дамой», сталкиваться въ обыкновенномъ обществѣ, то онъ непремѣнно замѣтилъ въ нихъ особенный родъ удальства, даже пренебреженія, впрочемъ, ни къ кому опредѣленно не относящагося,—какую-то nonchalance, свойственную человѣку инаго общества, иныхъ привычекъ. «Желѣзнодорожная дама» рѣзка, смѣла и слишкомъ самостоятельна. Достаточно посмотрѣть, какъ она играетъ въ карты, непремѣнно «въ стуколку»—это ея стихія; здѣсь она скажется вся.

«Желѣзнодорожникъ» въ обществѣ держится не безъ такта, хотя ужь очень развязно, пьетъ много, и мало пьянѣетъ, играетъ въ карты «по всякой». Желѣзнодорожникъ—это своего рода демократъ; никакихъ другихъ качествъ, кромѣ сметки и пронырливой ловкости, онъ не признаётъ, авторитетовъ для него тоже не существуетъ; на литературу онъ смотритъ, какъ на веселое, но пустое занятіе, но любитъ иногда побаловаться чтеніемъ чего нибудь веселаго и пикантнаго. Единственно-благоговѣйное и, такъ сказать, трогательное чувство онъ проявляетъ лишь передъ начальствомъ,

Digitized by Google

которое онъ признаётъ всегда, ночью и днемъ, признаётъ всѣмъ своимъ существомъ, всей семьей, всѣми чадами настоящими и, кажется, даже будущими. Начальство—это все! это начало и конецъ его карьеры, всей его желѣзнодорожной жизни, всего благополучія... Начальство—это идолъ, которому желѣзнодорожникъ можетъ принести всякую жертву. Всѣ, какія бы ни были, приказанія начальства для него священны; онъ долженъ все дѣлать, во всемъ повиноваться. Это называется «желѣзнодорожной дисциплиной»... Не только чисто служебныя, но всякія другія приказанія, даже касающіяся женскихъ капризовъ супруги начальства,—всѣ, повторяю, подлежатъ немедленному и точному исполненію не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Ловкій, настоящій «желѣзнодорожникъ» обязательно справляетъ всякія дѣла своего патрона, покупаетъ все для его обихода по дешевымъ цѣнамъ, ѣздитъ въ банкъ и слѣдитъ,—если таковое имѣется,—за имѣніемъ и хозяйствомъ своего начальства.

Я не могу назвать другой среды, въ которой самая грубая лесть имѣла бы такое огромное значеніе.

Я описываю голые факты, ничего не преувеличивая и ничего не скрашивая... Да и зачѣмъ?!. И, наконецъ, документы говорятъ сами за себя. У меня сохранилось письмо секретаря къ управляющему, и я смотрю на него, какъ на историческій документъ льстиво-іезуитскихъ отношеній между желѣзнодорожникомъ и его начальствомъ. Оба—начальникъ и его секретарь—были въ отпуску и встрѣтились на военно-грузинской дорогѣ. Вотъ какъ описана эта встрѣча секретаремъ: «Не доѣзжая двухъ верстъ до станціи Казбекъ, изъ окна мальпостной кареты я вдругъ замѣтилъ коляску четверней. Удивленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ радость охватили меня, когда въ колескѣ я встрѣтилъ ваше веселое и довольное лицо. Вы съ кѣмъ-то весело разговаривали. Я закричалъ кондуктору: остановить карету, началъ звать васъ, махалъ вамъ, но, очевидно, за страшнымъ ревомъ Терека въ этомъ мѣстѣ никто не разслышалъ и мнѣ не удалось обнять васъ послѣ двухмѣсячной разлуки»...

Далѣе этотъ Молчалинъ подробно разсказываетъ, какъ онъ, «по данному слову, сдалъ и окончилъ всѣ важныя дѣла», какъ онъ лѣчится и пр. Обо всемъ онъ разсказываетъ такъ, какъ почтительный ученикъ отвѣчаетъ урокъ учителю, прибавляя, что: «если нужно, раньше срока явлюсь на помощь къ моему доброму начальнику». Въ концѣ посланія изображено: «Не скрою, меня очень бы интересовало узнать о васъ лично: могу ли я пользоваться моимъ курсомъ (лѣчебнымъ) совершенно спокойно, не заботясь о ходѣ дѣлъ въ канцеляріи? Вы теперь возвратились и, вѣроятно, всту-

Digitized by Google

пили въ должность; слѣдовательно, можете одной только строчкой поставить меня въ извѣстность, такъ какъ за эти дни вы уже au courant... А ужь какъ я-то былъ бы обрадованъ: *вѣдь два мѣсяца руки вашей не видалъ*».

Не видалъ автографа начальника... Великолѣпно!.. Развѣ лесть, подобострастіе, можетъ идти дальше?!. Изъ Кисловодска, русскій интеллигентъ изъ дворянъ, побывавшій въ университетѣ, среди горъ и и чуднаго неба вспоминаетъ о *рукѣ* своего *начальника*, какъ о нѣжной ручкѣ любимой женщины!

Это — желѣзнодорожная политика и высшая интеллигенція!.. Интеллигенція, читающая и слѣдящая за прессой, разумѣется, со своей желѣзнодорожной точки зрѣнія. А эта точка — угодить начальству. «Желѣзнодорожный Молчалинъ», читая газету, выискиваетъ только такія статейки, которыя пришлись бы по душѣ его «доброму начальнику».. Найдетъ такую, сейчасъ отмѣтитъ ее синимъ карандашемъ, положитъ въ карманъ, и выберетъ, —да, непремѣнно выберетъ—минуту, когда начальнику именно пріятно прочесть эту, а не другую статейку. «Лови моментъ»!

Начальникъ доволенъ, пріятная улыбка осѣнила его жирное лицо; Молчалинъ смѣется, почтительно задыхаясь и заглядывая въ глаза патрона взоромъ трехлѣтняго младенца. Но вотъ кончили смѣяться... Дѣла не ждутъ. Секретарь докладываетъ. Посмотрите на него теперь. Въ рукахъ бумага, злые огоньки бѣгаютъ въ глазахъ, тонкія губы сжаты, подбородокъ выдвинулся... Теперь онъ читаетъ нѣчто въ родѣ доноса. «Молчалинъ» выбралъ удобную минуту, чтобы сразить своего врага, уничтожить совершенно какого нибудь агента или въ крайнемъ случаѣ лишить его довѣрія и поставить на такую дорожку, съ которой нетрудно столкнуть его впослѣдствіи. Начальникъ слушаетъ, мечтаетъ, иногда удивляется и начинаетъ слабо протестовать, но это рѣдко, обыкновенно же соглашается съ заранѣе положенной резолюціей своего докладчика. Это значитъ— умѣть докладывать, а умѣть — значитъ подготовить почву, найти такую минуту, когда начальство, такъ сказать, загипнотизировано молчалинскими чарами.

III.

Вотъ одинъ изъ подмѣченныхъ мной типовъ желѣзнодорожника,—типъ, который встрѣчается больше по канцеляріямъ и конторамъ, типикъ юркій, всегда смотрящій вамъ въ глаза и крѣпко, не выпуская, жмущій ваши руки... Но берегитесь—это одинъ изъ тѣхъ, про кого говорятъ: «мягко стелетъ, да жостко спать». Мол-

Digitized by Google

чалины прекрасно культивировались на желѣзныхъ дорогахъ. Они приняли разныя внѣшнія оболочки, сохранивъ въ неприкосновенной чистотѣ свою молчалинскую душу. Есть желѣзнодорожники-Молчалины съ виду грубые, какъ будто откровенные; есть спокойные, тихіе, есть всякіе, но душа, нутро у нихъ одинаковы... Есть Молчалины—инженеры, техники, секретари и даже, къ сожалѣнію, есть Молчалины изъ рабочихъ, преимущественно «дорожные мастера».

Разлагающая желѣзнодорожная «молчалиновщина» коснулась даже трудоваго крестьянскаго класса, изъ котораго дошлые субъекты, не видя никакого толка въ каторжной работѣ и понимая, что трудомъ и честностью ничего не возьмешь, начинаютъ «приспособляться» къ общему духу, къ такъ называемой дисциплинѣ, т. е. неукоснительному соблюденію «своихъ» желѣзнодорожныхъ интересовъ и въ этомъ приспособленіи находятъ для себя благо.

Начальство такихъ отличаетъ, возвышаетъ; товарищи боятся и ненавидятъ. Такимъ образомъ, ряды желѣзнодорожниковъ пополняются свѣжими силами и «изъ народа», и изъ своихъ собственныхъ нѣдръ, изъ которыхъ выходятъ самые дорогіе перлы.

Разскажу о послѣднихъ. «Желѣзнодорожный мальчикъ», обучившись въ школѣ чтенію, письму и ариѳметикѣ, опредѣляется, по просьбѣ отца-желѣзнодорожника, или въ контору рублей на 10 въ мѣсяцъ или—и это бываетъ чаще — въ ученики по службѣ телеграфа... Въ самомъ дѣлѣ, настоящему дѣловому желѣзнодорожнику нужно умѣть самому сноситься по телеграфу. Мало ли какіе бываютъ случаи, и отъ непосредственнаго разговора иногда зависитъ многое... Во время нахожденія ученикомъ, юный желѣзнодорожникъ знакомится со «службой движенія», видитъ и подмѣчаетъ своимъ свѣжимъ умомъ закулисную сторону дѣла, замѣчаетъ, кто и какъ можетъ имѣть вліяніе и силу, оцѣниваетъ по своему желѣзнодорожныя свойства счастливаго Молчалина, завидуетъ ему въ «тиши ночной» и, нервно работая, создаетъ себѣ изъ него идеалъ, къ которому надо стремиться, которому надо служить и дѣломъ, и словомъ,—служить, умѣя, все замѣчая и даже въ извѣстныхъ случаяхъ «направляя» своего желѣзнодорожнаго идола, о которомъ онъ уже собралъ всѣ справки, изучилъ до тонкости его характеръ и вполнѣ освоился съ его біографіей... Да, вѣдь это и не трудно: условія жизни и воспитанія у обоихъ одинаковы.

Идутъ года, крѣпнетъ и мужаетъ юный дѣлецъ... Онъ ловокъ, хорошо одѣтъ, пріобрѣлъ желѣзнодорожную осанку (нѣчто среднее между нахальствомъ лавочника и внушительностью Держиморды) хотя получаетъ еще, буквально, гроши. Но это первые задатки. Такой юнецъ

Digitized by Google

пойдетъ далеко. На маленькой станціи, занимая ничтожную должность, онъ уже замѣченъ: начальство, проѣзжая, ищетъ его глазами и благосклонно отвѣчаетъ на его привѣтствіе, иногда даже подзываетъ къ себѣ и предлагаетъ вопросы, въ большинствѣ случаевъ ничтожные, но это означаетъ многое, а именно: «мы тебя знаемъ, ты у насъ на виду».

Юнецъ понимаетъ, что̀ это значитъ, и радостно, безъ страха смотритъ впередъ, съ твердой вѣрой въ грядущіе дни...

Конечно, онъ повышается медленно, но идетъ впередъ, онъ уже владѣетъ секретами и самымъ лучшимъ пониманіемъ желѣзнодорожной практики. Еще проходитъ время и онъ изучилъ желѣзнодорожное счетоводство. Онъ понялъ, *куда* и *когда*, и *что̀* нужно «снести»; по какой статьѣ слѣдуетъ этотъ расходъ и по какой—принять тѣ работы. Что̀ выдать по квитанціямъ и что̀ по «книгѣ». Онъ прекрасно знаетъ, какіе проценты получилъ съ поставщика тотъ или другой желѣзнодорожникъ. Послѣдній тоже понимаетъ юнаго дѣльца, чувствуетъ, что съ нимъ нужно держать ухо востро, что онъ «пойдетъ», составитъ себѣ карьеру... Его приглашаютъ въ буфетъ солидные агенты, съ нимъ не стыдятся выпить и закусить. Молодой человѣкъ не отказывается, онъ пьетъ, пьетъ много, сколько угодно, но пьетъ для начальства, пьетъ изъ политики, инстинктивно сознавая, что отказаться—значитъ обидѣть «желѣзнодорожную шишку». Между тѣмъ самъ лично онъ чувствуетъ отвращеніе къ пьянству, съ товарищами пить не станетъ и къ ихъ приглашенію отнесется свысока. Дома живетъ онъ скромно, по «спартански», у него уже имѣется запасецъ рублей хоть въ пятьдесятъ; но откуда же имѣть больше, если онъ получаетъ въ мѣсяцъ сорокъ цѣлковыхъ? Важно то, что основаніе положено. Что будетъ дальше?..

А дальше вотъ что: дальше, какъ по маслу. На дистанцію назначается молодой инженеръ-путеецъ, по протекціи, прямо со скамьи института. Это еще совершенно неопытный юноша съ одними теоретическими знаніями желѣзнодорожной техники и съ розовыми надеждами на открывающуюся передъ нимъ желѣзнодорожную карьеру. На желѣзнодорожнаго птенца возлагается отвѣтственность за цѣлое хозяйство дистанціи. А это немало. Дистанція простирается верстъ на 60—100; все находящееся въ этомъ районѣ:—путь, всѣ зданія, обстановка и проч., находится въ вѣдѣніи начальника дистанціи, всѣ работы по постройкамъ и ремонту на участкѣ—въ его рукахъ. Подрядчики, рабочіе—это почти его рабы; съ ними онъ распоряжается самовластно. Власти у него много, но опытности мало. Вотъ въ такихъ случаяхъ подобному инженеру дается опытный счетоводъ. Счетоводъ бойкій, расторопный, умѣю-

Digitized by Google

щій смотрѣть въ оба и за начальникомъ, и за дѣлами. Такой счетоводъ долженъ слѣдить, чтобы ловкіе люди не уронили авторитета начальника и чтобы самъ начальникъ входилъ въ «курсъ» и былъ на высотѣ своего призванія. Счетоводу, и вмѣстѣ съ тѣмъ секретарю начальника дистанціи, въ такомъ положеніи работы много, дѣлъ по горло. Онъ долженъ за всѣмъ слѣдить, во все совать свой носъ, все провѣрять, соображать и взвѣшивать.

Каждый докладъ, каждую бумагу, каждый счетъ онъ долженъ проштудировать, прежде нежели подать къ подписи. Начальнику онъ разъясняетъ только въ чемъ дѣло и, не спрашивая его мнѣнія, требуетъ его подписи. Такимъ образомъ, мало по малу эти два человѣка, совершенно разные по воспитанію и привычкамъ, сливаются въ одно цѣлое, нераздѣльное. Начальникъ и подчиненный не могутъ жить другъ безъ друга. Одинъ другаго дополняя, начальникъ начиняется опытностью, а подчиненный вкушаетъ отъ плодовъ власти. При такихъ обстоятельствахъ, желѣзнодорожный дѣлецъ крѣпнетъ, округляется; изъ выраженія заискивающе-стремительнаго физіономія его принимаетъ задумчиво-нахальное и нѣсколько мечтательное выраженіе. «Молчалинъ» почувствовалъ подъ собой почву. Теперь онъ гордъ, гордъ передъ всѣми; онъ склоняетъ теперь свою главу только передъ начальствомъ перваго сорта, передъ инженерами главными и важными, а съ начальниками дистанцій онъ играетъ въ винтъ.

Конечно, его благосостояніе повышается и онъ уже ищетъ жену съ приданымъ. Женихъ завидный; впереди открыта дорога, да еще какая дорога! Все трудное—работа, нужда—остаются позади, а перспектива довольной, сытной жизни манитъ Молчалина своими прелестями. Ему представляется домъ—полная чаша, пухлая, покорная жена, солидная родня, относящаяся къ нему съ уваженіемъ; именины, крестины, полненькія, красивыя дѣтишки. Каждое, даже семейное, событіе упрочиваетъ его положеніе, расширяетъ его дѣловыя связи.

Въ самомъ дѣлѣ, кто крестить его дѣтей?.. кто теперь постоянный и довольный гость на его торжественныхъ обѣдахъ и вечерахъ?.. разумѣется, начальство, съ которымъ онъ связанъ непоколебимыми и неразрывными узами. Теперь въ немъ уже заискиваютъ высшіе агенты, его «домъ» считается и приличнымъ, и желательнымъ для посѣтителей. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ начальства, въ лицѣ инженера-начальника дистанціи, въ квартирѣ Молчалина собирается все дѣловое, все выдающееся изъ желѣзнодорожниковъ линіи... Конечно, это общество постоянно дополняется подрядчиками (изъ крупныхъ) и мѣстной администраціей, съ которой желѣзнодорожники находятся въ ладахъ.

Digitized by Google

Вся администрація, къ сожалѣнію, даже судебная, съ которой соприкасаются желѣзнодорожные интересы, постоянно и неуклонно снабжается даровыми билетами и всякими иными любезностями со стороны желѣзнодорожниковъ. Ихъ семействамъ всегда готовы «купэ»; къ ихъ услугамъ контролеры, оберъ-кондукторы. Сколько разъ мнѣ приходилось видѣть, какъ выталкивали, буквально, въ шею изъ вагона какого нибудь ремонтнаго рабочаго, сѣвшаго безъ билета на одинъ проѣздъ, и какъ широко распахивались двери I класса передъ женой *не* желѣзнодорожнаго администратора, ѣдущей безплатно и даже безъ билета на «дешевые» товары въ Москву.

Однако, я удаляюсь и забываю своего Молчалина, который, впрочемъ, спокойно ждетъ своей очереди, своего «пути»...

Но вотъ, наконецъ, произошло!.. На линіи заговорили о перемѣнахъ. Сначала глухо, потомъ опредѣленнѣе.

Стали называть лица, имена. Мало по малу выяснялись причины ухода, намѣчались кандидаты. Въ правленіи и управленіи кипѣла работа, интрига въ искусныхъ рукахъ давала себя знать даже вліятельнымъ лицамъ. Шла борьба партій, изъ которыхъ каждая желала посадить на мѣсто главнаго инженера—«своего человѣка». Эта борьба, эта неопредѣленность отражалась на линіи, и отражалась страннымъ образомъ, именно «по желѣзнодорожному». Разсказывались нелѣпые анекдоты, сочинялись глупые стихи, вышучивалось и осмѣивалось начальство; осмѣивалось пошло и грубо, но въ то же время, если хотите, и оригинально. «Молчалины» къ этому не прислушивались и не обращали вниманія на легкомысленный говоръ и шутки линіи. Они выжидали, «держали носъ по вѣтру». Мнѣ кажется, Молчалинъ-желѣзнодорожникъ выработалъ эту способность и развилъ ее въ себѣ почище самаго породистаго сеттера. Но вотъ Молчалинъ сдѣлалъ стойку. Онъ замеръ въ восхищеньѣ. Его патронъ назначенъ главнымъ инженеромъ, начальникомъ ремонта, пути и зданій. Что значутъ протекціи, связи?!. Молодой, самый младшій начальникъ дистанціи—и вдругъ такое повышеніе!.. По линіи пронеслось глухое недовольство, прочіе инженеры очевидно были обижены и громко высказывали свое недовольство. Но что изъ этого, когда въ правленіи уже утвержденъ докладъ и состоялось назначеніе?

Торжествуй, Молчалинъ!.. Посмотрите теперь на него: сколько прибавилось важности и въ его фигурѣ, и въ лицѣ... Сослуживцы уже поздравляютъ его съ повышеніемъ, съ переходомъ въ Москву, и просятъ ихъ не забывать... Молчалинъ будетъ завѣдывать счетоводствомъ «службы пути», Молчалинъ будетъ теперь сила, которая можетъ сократить даже всякаго начальника дистанціи. Молчалинъ

Digitized by Google

будетъ участвовать въ составленіи смѣты, онъ будетъ на виду у желѣзнодорожныхъ заправилъ. Молчалинъ заведетъ связи и еще какія! Мало ли въ управленіи бываетъ народу, изъ Петербурга, изъ министерства... Весело, съ легкимъ сердцемъ покидаетъ Молчалинъ уютно устроенное гнѣздо, гдѣ прошло столько счастливыхъ дней и гдѣ собственно создавалось и окрѣпло его положеніе. Насмѣшливая улыбка бродитъ по его лицу, когда жена, несовсѣмъ обрадованная вѣстью о перемѣнѣ и переѣздѣ, жалѣетъ распускающіеся въ палисадникѣ цвѣты и съ грустью посматриваетъ на весело шумящую березовую рощу. «Какая дура»! мелькаетъ въ головѣ мужа. Но какъ бы въ утѣшенье, онъ вслухъ прибавляетъ: «глупая!.. каждый день въ пассажъ будешь ходить»!

Но пойдемъ дальше по пути благополучнаго восхожденія Молчалина. Въ Москвѣ онъ сразу составилъ себѣ репутацію «преданнаго дѣлу» человѣка... За высокой конторкой, съ яснымъ взоромъ, немного нервный, онъ, казалось, нѣсколько лѣтъ сидитъ здѣсь, въ углу этой высокой комнаты. Все въ порядкѣ, всѣ на мѣстахъ; дѣловой, короткій тонъ, сухой прерывистый звукъ счетовъ, изрѣдка спѣшное, легкое покашливанье, звонки, быстрые расторопные разсыльные; самый воздухъ конторы пропитанъ желѣзнодорожной «дисциплиной».

— Зачѣмъ звалъ?.. ну, что?!.—спрашиваетъ разсыльный Муринъ своего товарища.

— Дьяволъ чистый!.. съ этимъ, братъ, не пообѣдаешь!..—на ходу произноситъ послѣдній.

Муринъ задумывается, устремляя глаза на красивую, стеганную шолкомъ, подкладку молчалинскаго пальто... Въ его умѣ мелькаютъ мысли: *чѣмъ* и *какъ* угодить новому начальнику, — сдѣлаться для него нужнымъ человѣкомъ?! А не сдѣлаешься, не попадешь «въ точку», тогда прощай мѣсто и иди богъ знаетъ куда съ малыми дѣтьми, да съ больной, вѣчно недовольной женой... У Молчалина порядокъ строгій, требовательность большая; онъ все знаетъ, да такъ знаетъ, какъ будто самъ былъ старшимъ разсыльнымъ.

Молчалинъ обладаетъ талантомъ угодить начальству и потому не мудрено, что самъ къ себѣ отъ своихъ подчиненныхъ онъ требуетъ такого же отношенія.

Время идетъ, связи Молчалина расширяются, довѣріе къ нему растетъ не по днямъ, а по часамъ. Теперь не только онъ, но и его жена приняты у управляющаго, какъ свои люди... Молчалинъ уже посвященъ во многіе секреты. Онъ знаетъ, что затѣвается постройка, что въ Петербургѣ хлопочутъ, что для этого спеціально приглашенъ на службу «нѣкоторый человѣчекъ», имѣющій связи

Digitized by Google

и знающій всѣ «ходы и выходы». «Человѣчку» назначенъ окладъ тысячъ чуть ли не въ двадцать, онъ сдѣланъ начальникомъ цѣлаго отдѣла... Но не въ отдѣлѣ дѣло, а въ постоянныхъ разъѣздахъ, таинственныхъ хлопотахъ и совѣщаніяхъ въ правленіи...

Молчалинъ быстро, съ одного слова, съ одного взгляда понимаетъ ходъ дѣлъ: онъ чувствуетъ, какъ поднимаются шансы и растетъ успѣхъ милліоннаго предпріятія. Молчалинъ живетъ полной, счастливой жизнью. Сонъ его крѣпокъ, апетитъ прекрасный, расположеніе духа превосходное, ровно бьется сердце и не безумныя мечты, а дѣйствительность сулитъ ему довольство,—то довольство, о которомъ даже не осмѣлятся и мечтать разныя мелкія сошки. Теперь Молчалинъ гордъ, онъ не налюбуется на себя, сознавая свою силу и проницательность... Дѣло доходитъ даже до того, что иной разъ онъ противорѣчитъ своему начальству и не соглашается съ его мнѣніями... Но при этомъ онъ съумѣетъ такъ не согласиться, что начальство дѣлается отъ него безъ ума и разсказываетъ «важнымъ» людямъ, какой у него твердый и надежный человѣкъ.

— Я бы васъ просилъ, Николай Николаевичъ, взять къ себѣ въ контору молодаго человѣка... Князь Ленскій очень просилъ, а онъ, сами знаете, человѣкъ нужный...

— Нужный-то нужный, да не очень... Впрочемъ, если вы желаете...—И на глазахъ Молчалина появляется благоговѣйная рѣшимость...

— Да, надо бы сдѣлать!.. Молодой человѣкъ, кажется, способный, притомъ изъ университета...

Выраженіе физіономіи Молчалина быстро мѣняется... Насмѣшливое удивленіе смѣняется дѣловой сухостью. Онъ даже застегнулъ сюртукъ и оправилъ манжеты рубашки...

— Я полагалъ бы отклонить ваше предложеніе, какъ не подходящее для моей конторы...

— Почему?—спрашиваетъ начальство.

— Потому что лицо изъ университета нарушитъ стройность установленной мною дисциплины.—Дисциплины?—переспрашиваетъ начальство.

— Да,—твердо отвѣчаетъ главный счетоводъ. — Я ничего не имѣю противъ образованныхъ людей, даже очень радъ имѣть съ ними дѣло... но только не въ моей конторѣ...

Начальство на минуту задумывается.

— Пожалуй, вы правы, это дѣйствительно можетъ нарушить весь ходъ, порядокъ, заведенный вами?!.

— Именно, вотъ это самое и можетъ случиться... Я очень люблю студентовъ... у меня даже одинъ живетъ... очень пріятный, ми-

Digitized by Google

лый человѣкъ... Мы часто проводимъ съ нимъ свободные вечера... А моя жена такъ прямо отъ него безъ ума... Вы не думайте, чтобы я когда нибудь шелъ противъ образованія... Боже сохрани!.. Но въ контору взять... воля ваша!.. я не согласенъ.

— Жаль... а я обѣщалъ князю!..

— Къ управляющему можно... тамъ вакансія есть, да и лучше, тамъ на виду, дѣла въ канцеляріи не важныя... тамъ образованный человѣкъ подойдетъ... тамъ онъ для обстановки нуженъ, а у насъ ни къ чему.

— Вѣрно, вѣрно... Я объ этомъ и не подумалъ, беру свою просьбу назадъ...

И оба, довольные другъ другомъ, крѣпко жмутъ руки и разстаются, конечно, на непродолжительное время. Все чинно, благородно.. Стройная система дисциплины не нарушается ни однимъ чуждымъ элементомъ. Нѣтъ на дорогѣ никакихъ инцидентовъ. Идетъ работа на линіи, занимаются по конторамъ. Поѣзда ходятъ, машинисты маются, кондукторы не досыпаютъ, не доѣдаютъ, стрѣлочники исправны, сторожа тоже... Благодушное настроеніе охватываетъ и само начальство.

Посмотрите на милыя, жирныя лица за столикомъ въ вокзалѣ, на ихъ непринужденную осанку, на ихъ желѣзнодорожное величіе... Эти сѣдобородые субъекты, съ многочисленными брелоками и жетонами на золотыхъ цѣпочкахъ; эти игривые, нахальные мужи—крупные агенты, желѣзнодорожные представители. Направо, стриженый подъ гребенку, съ большими выпученными глазами—начальникъ движенія... Онъ держитъ въ рукахъ небольшія книжечки квитанцій; онъ смѣется, получая деньги и отрывая листики изъ книжки.

Начальникъ движенія—членъ всевозможныхъ благотворительныхъ обществъ, не только простой, но и почетный членъ... Почти всѣ его подчиненные обложены налогомъ благотворительности. Каждый вноситъ свою скудную лепту. Солидные, впрочемъ, куши отваливаютъ подрядчики и купцы-отправители...

Начальникъ движенія за свою дѣятельность, конечно, получаетъ чины, ордена, а подчиненные, содѣйствующіе благотворительному сбору, у него «на виду» и подъ его покровительствомъ. Молчалинъ, какъ только переѣхалъ въ Москву, сейчасъ же сдѣлался дѣйствительнымъ членомъ одного изъ благотворительныхъ учрежденій. Онъ понялъ, что это выгодно и нужно, и обязался вносить по сту рублей ежегодно. Молчалинъ бережливъ, даже скупъ, но такой расходъ онъ позволилъ себѣ, во-первыхъ, имѣя въ виду будущее (выйти изъ податнаго состоянія, изъ мѣщанъ), а, во-вторыхъ, это принято, потому что всѣ, и начальникъ тракціи, и начальникъ магазина, однимъ словомъ, всѣ «шишки» принадлежатъ къ тому или другому

Digitized by Google

благотворительному обществу... Да и фуражка съ кокардой, которую онъ имѣетъ теперь право носить, только можетъ способствовать дисциплинѣ и затыкать «нѣкоторымъ» рты... Я говорю о тѣхъ, кто знаетъ о молчалинскомъ происхожденіи... По переѣздѣ въ Москву, мало того, что Молчалинъ заручился кокардой, онъ неукоснительно сталъ пріобрѣтать хорошія манеры и измѣнять обороты рѣчи... Продолжая быть рѣзкимъ и опредѣленнымъ въ своихъ сношеніяхъ съ подчиненными и въ дѣлахъ, онъ въ то же время старался быть галантно-любезнымъ съ лицами *не* желѣзнодорожнаго міра. Съ ними у него не сходило съ языка: «мы будемъ любезны... мы оказали любезность» и пр. Мнѣ кажется, что, во время вечернихъ разговоровъ съ живущимъ у него студентомъ, Молчалинъ выбиралъ изъ его рѣчей нѣкоторыя подходящія для обихода фразы и пускалъ ихъ въ оборотъ.

IV.

Такимъ образомъ шлифовался и цивилизовался Молчалинъ въ Москвѣ. Успѣхи его шли быстро, чему отчасти способствовало и такое обстоятельство. Какъ-то разъ приглашенный къ управляющему по дѣлу на домъ, Молчалинъ принужденъ былъ прождать его нѣкоторое время въ кабинетѣ...

Разсматривая сначала, отъ нечего дѣлать, мебель и обстановку, Молчалинъ остановилъ свой взглядъ на книгѣ, очевидно, только что оставленной управляющимъ на столѣ около кушетки.

«Любопытно,—мелькнуло въ головѣ Молчалина,—что такое читаетъ Александръ Ивановичъ»? Взявши въ руки раскрытую книгу, Молчалинъ прислушался, а потомъ быстро отвернулъ корешокъ и посмотрѣлъ на заглавіе. Тамъ стояло крупными буквами: «Какъ надо держать себя въ обществѣ». Онъ замѣтилъ годъ, изданіе и инціалы автора.

Сердце Молчалина забилось отъ удовольствія. Да и въ самомъ дѣлѣ, такой рѣдкій экземпляръ книги,—это получше студента, еще бы!.. Не только одному, но и цѣлой полдюжинѣ студентовъ не сочинить тѣхъ блестящихъ салонныхъ выраженій, которыя теперь мелькали передъ глазами растроганнаго Молчалина.

Дрожащей рукою онъ вынулъ карандашъ и записалъ заглавіе дорогой книги. Конечно, авторитетъ самого управляющаго ручается за доброкачественность изданія—это самая лучшая рецензія!

Съ тѣхъ поръ книга «хорошаго тона» сдѣлалась постояннымъ другомъ Молчалина. Въ первое время, днемъ, онъ носилъ ее въ боковомъ карманѣ сюртука, а ночью, послѣ прочтенія нѣкоторыхъ «блистательныхъ» фразъ, хранилъ подъ подушкой... Вы помните

Digitized by Google

Александра Великаго, который не разставался съ Гомеромъ!.. Такимъ образомъ полировался Молчалинъ. Столица этому способствовала немало. Людей, дѣйствительно, приходилось видѣть много и отъ нихъ кое-чему научиться... На бенефисныхъ спектакляхъ въ Маломъ театрѣ, Молчалинъ появлялся въ ложахъ съ семействомъ, а лично самъ предпочиталъ болѣе Омона и загородные рестораны, предпочиталъ не потому что чувствовалъ особую склонность къ «легкости нравовъ», но потому, что въ тѣхъ мѣстахъ всегда почти встрѣчалъ людей дѣловыхъ и нужныхъ, съ которыми сходился ближе, на товарищескую ногу. Послѣ трудовъ и разныхъ гешефтовъ, дѣловаго человѣка не тянетъ слушать драму или что либо серьозное... онъ, какъ невинный младенецъ, говоритъ: «этихъ самыхъ драмъ у насъ довольно и безъ театра... Намъ бы чего нибудь веселенькаго, чтобы, значитъ, отлегло отъ сердца, да и выпить удобнѣе, а въ театрахъ антракты короткіе, къ буфету добраться трудно».

Въ самомъ дѣлѣ, кто составляетъ контингентъ посѣтителей загородныхъ и др. кафе-шантановъ?.. Преимущественно дѣловой и солидный людъ... Кромѣ комерсантовъ, вы увидите въ этихъ веселыхъ мѣстахъ архитекторовъ, желѣзнодорожниковъ, адвокатовъ, биржевиковъ и проч. Повѣрьте, немало крупныхъ дѣлъ и сдѣлокъ, если не было заключено, то намѣчалось и зарождалось именно тамъ, въ «отдѣльномъ кабинетѣ».

И весело, и сытно, и кругомъ свои люди, съ которыми можно не только перемолвить словечко, но даже и дѣло начать... А то— драма?!..Пусть супружницы проливаютъ слезы, глядя на Ермолову или Гореву,—имъ дѣлать все равно нечего... днемъ ходятъ по пассажамъ, а вечеромъ въ театрѣ, ну, и пусть... не ворчали бы только!..

При этомъ, мнѣ вспомнился случай, бывшій со мной еще въ началѣ моего поступленія на службу...

Въ Маломъ театрѣ готовилась къ постановкѣ въ бенефисъ Ермоловой «Марія Стюартъ» Шиллера. На этотъ спектакль у меня случайно оказался лишній билетъ. Попасть въ театръ было тогда очень трудно, и я предложилъ желающему лишній билетъ партера. Билетъ,—и, повидимому, охотно,—взялъ помощникъ начальника движенія, вынулъ кошелекъ, чтобы вручить мнѣ деньги, но вдругъ задумался и спросилъ:

— А какая идетъ пьеса?

— Марія Стюартъ,—отвѣчалъ я.

— Что это веселенькая вещица?

— Трагедія Шиллера,—продолжалъ я въ недоумѣніи.

— Не изъ легкихъ, стало быть?

— Помилуйте...

Digitized by Google

— Ну, такъ извольте билетикъ обратно... Вотъ если пойдетъ что нибудь веселенькое, тогда съ удовольствіемъ...

Это фактъ.

Этотъ же господинъ впослѣдствіи попалъ на одно представленіе гастролирующей артистки Э. Дузе и остался недоволенъ. А знаете, почему?

«Вышла... худенькая такая... шея тонкая... и въ люстриновомъ платьѣ... Помилуйте, люстринъ 25 к. аршинъ... а я, дуракъ, 5 р. за мѣсто заплатилъ!.. Хороша артистка... изъ-за границы пріѣхала... ха! ха!..»

Вотъ они «цѣнители и судьи!» Избави отъ нихъ Богъ не только артистовъ, но и меня грѣшнаго!

Однако я опять уклонился и покинулъ Молчалина, котораго долженъ показать во всемъ его блескѣ.

Карьера его идетъ быстро. Въ желѣзнодорожномъ мірѣ такъ всегда бываетъ. Если кто нибудь нуженъ, если кто съумѣетъ приспособиться и выказать въ тонкости родникъ своихъ пріятныхъ качествъ, тогда онъ шагаетъ быстро, подобно Наполеону. Способный и честный труженикъ не двигается впередъ и не повышается; онъ постоянно въ тѣни и объ немъ всегда забываютъ, когда открывается вакансія... Его цѣнятъ, какъ работника, но относятся благодушно-насмѣшливо, прибавятъ нѣсколько десятковъ рублей къ годовой наградѣ—и только!.. Труженикъ молчитъ и никогда не суется, а тянетъ свою лямку терпѣливо, какъ выносливая лошадь. Такой человѣкъ дослужится до 1,500 р. оклада и на немъ промаячитъ до самой смерти... Живое желѣзнодорожное *дѣло* съ подрядами, процентами, идетъ мимо него,—онъ только мертвый винтъ механизма.

Другое дѣло—карьера Молчалина. Она ясна, какъ божій день, свѣтла и прозрачна, какъ горный ручей. Для нихъ впереди широкая дорога, и чѣмъ дальше, тѣмъ имъ легче все достается, потому что они дѣлаются все нужнѣе и незамѣнимѣе...

Я упомянулъ здѣсь о Молчалинѣ во множественномъ числѣ, потому именно, что я не имѣю въ виду какое нибудь извѣстное лицо, счастливаго желѣзнодорожнаго карьериста—нѣтъ, далеко нѣтъ!.. Это *типъ*, въ которомъ собраны мною самыя характерныя черты желѣзнодорожника, черты, разбросанныя по мелочамъ, по частямъ среди единицъ, составляющихъ цѣлый желѣзнодорожный механизмъ, который они, эти Молчалины, одухотворяютъ и придаютъ ему своеобразную и рѣзкую физіономію...

Не подумайте, читатель, что я пишу фотографіи или карикатуры. Положимъ, много комичнаго въ этомъ мірѣ, но это—такой комизмъ, сквозь который видятся слезы. «Кошкѣ игрушки—мышкѣ

Digitized by Google

слезки». Трудна, тяжела жизнь нашихъ агентовъ; неустойчиво и слишкомъ зависимо ихъ положеніе... но объ нихъ потомъ... Нужно кончить съ Молчалинымъ, низвести его съ того пьедестала, на который онъ возведенъ современными желѣзнодорожниками...

Фактически Молчалинъ завѣдуетъ теперь всѣмъ желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ. Онъ знаетъ досконально всѣ цѣны, всѣ подвохи и хитрости подрядчиковъ и поставщиковъ. Отъ его «хозяйственнаго глаза» не укроется ни винтъ, ни ржавый гвоздь... Вездѣ всеонъ откопаетъ, найдетъ, обнаружитъ... Начальство не нарадуется и даетъ ему званіе «золотаго человѣка»... Но этотъ золотой человѣкъ тѣмъ временемъ не забываетъ и себя. Изрѣдка, то здѣсь, то тамъ, по дешевой цѣнѣ прикупитъ онъ то лѣсокъ, то хуторокъ. Пріобрѣтаетъ такъ просто, такъ незамѣтно, мимоходомъ. Пришла весна... глядишь, ему возятъ и лѣсъ на постройку... и какой еще лѣсъ, отборный! Потихоньку да полегоньку, гляди, и домъ готовъ. Выстроенъ солидно, красиво, удобно, а стоитъ грошъ, потому что построенъ «хозяйственно», умно. Молчалинъ начинаетъ округлять свои владѣнія, обзаводится скотомъ, инвентаремъ... Въ погребѣ у него всегда прекрасныя закуски, въ подвалѣ хорошія вина; прекрасный вкусный столъ, радушный пріемъ и благодушіе...

Въ своемъ Монрепо Молчалинъ отдыхаетъ, изображая изъ себя помѣщика, помѣщика новой формаціи, котораго «чумазый» ужеотнюдь не слопаетъ, который самъ проглотитъ двухъ «чумазыхъ» и не подавится.

Время идетъ; подростаютъ дѣти, ихъ обучаютъ, отдаютъ въ гимназіи, а оттуда, конечно, дальше... однимъ словомъ, они должны быть инженерами... Молчалинъ—на вершинѣ своего благополучія, Молчалинъ и съ капиталомъ, и съ недвижимымъ... Молчалинъ начинаетъ тяготиться службой, онъ думаетъ заняться подрядами, вообще комерціей. Это и легче, и приличнѣе...

Начальство смущено и озабочено; ему и невыгодно, и жутковыпустить изъ рукъ золотаго человѣка... Идутъ разговоры, переговоры, Молчалинъ соглашается, упрямится, ссылается на болѣзнь, на свои заслуги, и дѣло доходитъ до компромисса. Онъ остается, но ему даютъ другое мѣсто, совсѣмъ покойное, и Молчалинъ продолжаетъ руководить всѣми хозяйственными операціями... Въ то же время его благосостояніе растетъ не по днямъ, а по часамъ...

Сталъ Молчалинъ толстъ, важенъ и нахаленъ... Теперь онъ богатъ и знать никого не хочетъ, великодушно уступая дорогу другимъ, уже готовымъ, но голоднымъ Молчалинымъ... Итакъ, все по порядку, строго, «по дисциплинѣ».

С. Васюковъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

ИЗЪ-ЗА ОКЕАНА КЪ ДОМАШНЕМУ ОЧАГУ.

Быль.

Гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ, Александръ Николаевичъ Чилюкъ, лежалъ на диванѣ и самъ себѣ не вѣрилъ: неужели онъ опять въ Россіи, въ захолустной деревушкѣ своего отца, въ томъ самомъ домѣ, откуда, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, ушелъ онъ въ свое всесвѣтное бродяжничество?

Да... и даже ничего не измѣнилось съ тѣхъ поръ въ этой тихой обители. Тѣ же темные поблекнувшіе обои, тѣ же кожаные диваны, тѣ же портреты генераловъ и архіереевъ по стѣнамъ... все старое! точно и не уѣзжалъ. Недостаетъ только, чтобы по дому раздавались быстрые, тяжелые шаги и рѣзкій бранчивый голосъ матери Чилюка, умершей въ его отсутствіе... Чилюкъ поморщился; ему припомнилось, какъ здѣсь, въ этой комнатѣ, гдѣ теперь наслаждается онъ послѣобѣденнымъ отдыхомъ, разыгралась, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, горькая, тяжелая сцена.

Мать ненавидѣла его; а ужь если мать ненавидитъ свое дитя, то ненависть бываетъ ужасна и безпощадна. У Чилюка морозъ по кожѣ пробѣгалъ при воспоминаніи о дѣтствѣ — голодномъ, холодномъ, полномъ слезъ и безчеловѣчныхъ истязаній. Другой бы ребенокъ не вынесъ, но онъ унаслѣдовалъ, точно на зло матери, ея богатырское сложеніе и выросъ молодцомъ. И головой его Богъ не обидѣлъ. Шесть классовъ гимназіи прошелъ онъ въ первомъ разрядѣ, а тутъ и попуталъ грѣхъ: Чилюкъ переслалъ, во время extemporale, записку слабому товарищу,—выручить хотѣлось. Вспыльчивый педагогъ, подмѣтивъ эту штуку, обмолвился... назвалъ Чилюка мерзавцемъ, а Чилюкъ отвѣтилъ — пощечиной... Выгнали съ волчьимъ паспортомъ, и хорошо еще, что только тѣмъ кончилось дѣло.

— Поздравляю, Александръ Николаевичъ, съ повышеніемъ. Теперь вамъ уже и до арестантскихъ ротъ недалеко...

И Чилюку стало немножко жутко, когда онъ воскресилъ въ памяти свою мать—тучную пожилую женщину, съ желтымъ лицомъ, искаженнымъ отъ гнѣва на ненавистнаго сына. Щоки у нея тряслись, и глаза остановились, какъ у одержимой столбнякомъ,

Digitized by Google

когда она говорила эти злыя, не материнскія слова. Но тогда Чилюкъ не сробѣлъ, самъ по волчьи сверкнулъ онъ на мать своими, похожими на ея, глазами и также злобно и презрительно отвѣтилъ ей:

— Сами не попадите туда раньше меня!

Отецъ, при этой фразѣ, испуганно зажалъ уши и выбѣжалъ изъ комнаты.

Александръ Николаевичъ улыбнулся: отецъ ничуть не измѣнился за двѣнадцать лѣтъ. Все тотъ же сырой, рыхлый мужчина съ кислымъ, никогда не глядѣвшимъ молодо, но зато и почти не старѣющимся бабьимъ лицомъ. По прежнему охотникъ читать и не дочитывать умныя книжки, по прежнему фрондируетъ подъ шумокъ по поводу властей предержащихъ и совершенно безпричинно труситъ колокольчика и форменной фуражки исправника въ предѣлахъ своей усадьбы. По прежнему женолюбивъ, слабъ и не можетъ жить безъ опеки. Александру Николаевичу очень не понравилась, по первому взгляду, особа, смѣнившая въ домѣ его мать,— эта Александра Кузьминишна... или какъ тамъ ее? словомъ, «мой лучшій другъ», по рекомендаціи отца. У нея фигура крупичатой уѣздной поповны, а лицо старой дѣвы—носъ башмакомъ и злые сѣрые глаза буравчиками; если она разсердится, они, вѣроятно, станутъ зелеными. Такіе глаза бываютъ только у скверныхъ людей. Отецъ, повидимому, у нея въ полномъ подчиненіи: что ни вздумаетъ онъ сказать, сперва взглянетъ на Александру Кузьминишну, точно спроситъ позволенія. Влюбленъ, какъ котъ, и подъ башмакомъ,—ясное дѣло. Каково-то уживается съ избранницей его сердца сестра Катя?

— Угораздило же ее такъ некстати уѣхать къ какой-то подругѣ, да еще въ саратовскую губернію, да еще на цѣлый мѣсяцъ! Эдакъ и не увидишь ея, пожалуй... Черезъ мѣсяцъ я опять за тридевять земель уѣду. А хотѣлось бы повидать...

Когда, противъ воли порѣшивъ съ гимназіей, Александръ Николаевичъ въ отчаяніи бросился въ заманчивую, полную тревогъ и переворотовъ, жизнь авантюриста и уѣхалъ добровольцемъ къ Черняеву, Катя одна искренно плакала о немъ. Мать и проститься не захотѣла съ нимъ, отецъ благословилъ его какъ-то наскоро и смущенно, словно втайнѣ радъ былъ, что отдѣлался отъ «мерзавца»—сына, съ которымъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать дальше. Катѣ тогда было двѣнадцать лѣтъ; теперь она уже двадцатичетырехлѣтняя дѣвушка и, вѣроятно, красавица; дѣвочкой она обѣщала много. Но Александръ Николаевичъ не могъ вообразить ее взрослою. Онъ вспомнилъ ея бѣлое и румяное личико съ большими черными глазами, ясными, чистыми и правдивыми, и у него потеплѣло

Digitized by Google

на душѣ. Это личико часто грезилось ему, какъ послѣдній обломокъ немногихъ пріятныхъ воспоминаній о родинѣ, и въ грозныя ночи на Алексинацкихъ редутахъ, и когда онъ стоялъ вольнонаемнымъ матросомъ на вахтѣ парохода, уносившаго его изъ Марселя въ Соединенные Штаты, и въ баракѣ, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ десятками товарищей-землекоповъ, на линіи тихоокеанской желѣзной дороги, лежалъ въ жестокомъ припадкѣ маларіи. Сколько онъ видѣлъ, испыталъ, пережилъ и перечувствовалъ въ эти двѣнадцать лѣтъ! Чѣмъ только не былъ онъ «въ странѣ свободы и гражданства»! Землекопъ, разносчикъ газетъ, посыльный, мелкій бакалейщикъ, матросъ, дрогистъ, распорядитель общества похоронныхъ процессій, адвокатъ, коми-вояжеръ и, наконецъ,—для того чтобы увѣнчать эту лѣстницу состояній,—сперва прикащикъ, а потомъ счастливый компаньонъ крупной мануфактуры, для которой онъ съ чисто-россійской сметкой, почти что нечаянно, изобрѣлъ какое-то приспособленіе, дорого оцѣненное на рынкѣ: вотъ изъ сколькихъ званій и положеній составилось прошлое Александра Николаевича.

Дверь скрипнула.

— Саша, можно къ тебѣ?

На порогѣ стоялъ отецъ Чилюка—Николай Евсеевичъ.

— Разумѣется, папенька!

Старикъ вошелъ, тщательно заперъ дверь и опустилъ мѣдный язычокъ на замочную скважину. Александръ Николаевичъ наблюдалъ родителя не безъ изумленія.

— Что это, папенька? къ чему такія предосторожности?

Старый Чилюкъ сдѣлалъ многозначительную гримасу и подсѣлъ къ сыну.

— Видишь ли, другъ мой!—пожевавъ губами, началъ онъ очень тихимъ голосомъ,—ты меня извини, пожалуйста, что я потревожилъ твой сонъ...

— Да я не спалъ...

— Тѣмъ лучше... Но мнѣ надо говорить съ тобой объ очень важномъ дѣлѣ и... и секретно: главное, чтобъ она не слыхала!

— Кто она? Александра Кузьминишна, что ли? А вы, добрѣйшій папа, какъ я замѣчаю, имѣете къ ней немалый решпектъ.

Николай Евсеевичъ покраснѣлъ.

— Но... какъ же иначе? Она не кто нибудь, а дѣвушка хорошей фамиліи, съ образованіемъ и, притомъ... гмъ!.. притомъ... хоть это несовсѣмъ-то ловкое признаніе со стороны отца сыну, но ты, какъ человѣкъ бывалый, наблюдательный, не могъ самъ не замѣтить, что... что она мнѣ очень дорога!

— Не могъ не замѣтить; вы правы. Что же дальше?

Digitized by Google

— Саша!—трагически воскликнулъ Чилюкъ послѣ нѣкотораго молчанія,—признайся: очень ты меня презираешь?

— Васъ? за что?.. До вашихъ сердечныхъ тайнъ мнѣ нѣтъ дѣла. Я—отрѣзанный ломоть, отдѣленъ отъ васъ и морями, и горами, и рѣками. На такомъ почтенномъ разстояніи мы можемъ существовать, ничуть не нуждаясь въ мнѣніи другъ друга.

— Ты говоришь, какъ посторонній человѣкъ, Саша!—продолжалъ Николай Евсеевичъ,—я знаю, что потерялъ право видѣть въ тебѣ члена семьи... Но какъ посторонній человѣкъ?..

Сынъ пожалъ плечами.

— Что жъ? Вамъ всего пятьдесятъ лѣтъ, и вы не святой. Если вашъ романъ никому не приноситъ зла, никто не станетъ судить васъ строго. Меня же прошу уволить отъ отвѣта. Какой я вамъ судья? Я только что пріѣхалъ, ни къ чему еще и не приглядѣлся. Можетъ быть, дама вашего сердца—ангелъ, а, можетъ быть, и дьяволъ; можетъ быть, ея присутствіемъ создается рай въ домѣ, а, можетъ быть—адъ. Какъ она уживается съ Катей? Вотъ вамъ—судья настоящій, по праву, компетентный, съ основаніями и доказательствами. Къ Катѣ и обратитесь. А мнѣ что? Такъ-то, папа!

Александръ Николаевичъ засмѣялся, но старикъ не развеселился, а, напротивъ, сидѣлъ, какъ въ воду опущенный.

— Я долженъ тебѣ признаться,—пробормоталъ онъ, запинаясь и багровѣя,—что... это, конечно, очень странно... но Катя не живетъ у меня больше.

Александръ Николаевичъ внимательно взглянулъ въ смущенное лицо отца.

— То есть?

— Она ушла отъ насъ.

— Какъ ушла? куда?

— Совсѣмъ ушла. Не поладила съ Александрой Кузьмишной и не захотѣла оставаться съ нею подъ одной крышей... вотъ потихоньку и ушла. Ты знаешь Теплую слободу—тутъ близко, подъ городомъ? Тамъ ея кормилица Ѳедосья живетъ... кружевница,—помнишь? У Ѳедосьи и поселилась...

Александръ Николаевичъ вскочилъ съ дивана...

— Это бредъ какой-то!—вскричалъ онъ,—неужели вы это говорите серьезно? Да у васъ въ домѣ эпидемія, что ли? То сынъ сбѣжалъ въ Сербію, то дочь куда-то ушла къ чорту на кулички. И потомъ: я помню Катю смирной, кроткой дѣвочкой. Я думаю, надо было неистово оскорбить ее, чтобы она рѣшилась на такую штуку!

— Александра Кузьминишна, дѣйствительно, была рѣзка съ нею...

Digitized by Google

— А у васъ не хватило характера вступиться за дочь?—презрительно замѣтилъ Александръ Николаевичъ.

— Ты напрасно такъ думаешь, Саша! Я, конечно, не смѣю хвалиться: я далеко не богатырь воли, но все таки помню свои обязанности и... и не далъ бы Катю въ обиду. Но Катя сама была въ этомъ случаѣ словно сумашедшая. Она возненавидѣла Александру Кузьминишну, едва та вошла въ домъ. Надо тебѣ сказать, что, предъ смертью твоей покойницы-матери, Катя съ ней была хороша, совсѣмъ не такъ, какъ раньше. Ты помнишь, что у Глаши былъ ужасный, тяжелый характеръ. Ревновала ли Катя Александру Кузьминишну къ памяти Глаши, просто ли чувствовала антипатію къ ней, но сцены слѣдовали за сценами. Я былъ мученикомъ между этими двумя женщинами, клянусь тебѣ...

— Охотно вѣрю. Дальше.

— Ну, въ одно прекрасное утро онѣ поссорились сильнѣе обыкновеннаго, и Катя исчезла, оставивъ мнѣ самую рѣзкую записку, какую только можно вообразить.

— Гмъ!

— Ты не вѣришь? напрасно! Взгляни!

«Папа, — прочиталъ Александръ Николаевичъ,— мнѣ тяжело въ вашемъ домѣ, такъ что больше я терпѣть не въ силахъ. Я буду жить одна у добрыхъ людей. Тамъ, по крайней мѣрѣ, меня никто обижать не посмѣетъ. Мнѣ ничего не надо, никакихъ денегъ, но не требуйте меня домой. Выгнать Александру Кузьминишну вы не рѣшитесь, а жить вмѣстѣ съ этой подлой женщиной я не стану,— лучше умру. Не сердитесь на меня за это, а я не сержусь. Ваша Катя».

— Позвольте, папа: въ этой запискѣ ни одного знака препинанія нѣтъ, мерзкій почеркъ, «вмѣстѣ» черезъ два *е* написано, не «посмеитъ» вмѣсто не «посмѣетъ»... Неужели это Катя такъ писала?

— Другъ мой, ты знаешь, какъ туга она была на науку... а въ послѣдніе годы она и книги въ руки не брала.

— Но все таки... Кстати: вы ее гдѣ учили?

— Домашнимъ воспитаніемъ.

Александръ Николаевичъ досадливо махнулъ рукой.

— То-то она и пишетъ, какъ прачка!.. Но что она можетъ дѣлать тамъ, у этой Ѳедосьи? Ну, я помню ее — отличная женщина, но не станетъ же она держать Катю на хлѣбахъ даромъ. Вы говорите, Катя денегъ не взяла?

— Ни копѣйки, и все, что я ни посылалъ, возвращала.

— А звать ее назадъ пробовали?

Digitized by Google

— Да, но она рѣзко отклонила мои просьбы, а потомъ и...

— И Александра Кузьминишна запретила. Эхъ!.. Необразованная, воспитанная бѣлоручкой,—на что годится она тамъ?!

— Ахъ, Саша!—Николай Евсеевичъ прослезился, — мнѣ передавали, будто она ужасно опустилась, стала совсѣмъ comme une paysanne; одѣвается по ихнему, также работаетъ, какъ онѣ...

— Ну, это еще—куда ни шло! я самъ цѣлыхъ шесть лѣтъ состоялъ хуже, чѣмъ въ пейзанахъ, пока не выбился въ люди...

— Но, Саша! — прибавляютъ, будто она очень дурно ведетъ себя, что она забыла всякій стыдъ и женственность...

— Катя?!

— Да, cher... Et on parle enfin, что у нея, что у нея есть... un amant... а? каково это слышать?!.

— Продолжайте!—наморщивъ лобъ, мрачно сказалъ сынъ.

— Другіе говорятъ, что ихъ не одинъ, а много... Чего же тебѣ еще? Я все сказалъ...

— Дѣйствительно, и этого вполнѣ достаточно.

— Позволь! куда же ты?—вскрикнулъ Николай Евсеевичъ, видя, что сынъ взялся за шляпу.

— Въ Теплую слободу, разумѣется. Надо мнѣ взглянуть на Катю. Что ей сказать отъ васъ?

— Я... я не знаю... такъ неожиданно... я совсѣмъ не затѣмъ говорилъ,—залепеталъ старый Чилюкъ.

— Не могу же я оставить свою сестру чортъ знаетъ въ какомъ положеніи!

— Да, чортъ знаетъ въ какомъ... Какъ это странно, однако: вообрази,—я считалъ тебя демократомъ!..

— Къ чему вы это?—изумился Александръ Николаевичъ на недоумѣлую улыбку отца.

— Нѣтъ, такъ...

- Хотите вы, чтобъ я вернулъ ее къ вамъ?

Старикъ замялся.

— Другъ мой! знаешь ли... по моему, это неудобно... Конечно, и какъ отецъ... но она такъ компрометировала мое имя и потомъ... потомъ, если правда, что говорятъ объ ея поведеніи, то, какъ хочешь, держать ее въ домѣ совсѣмъ неприлично... смѣяться будутъ.

— А теперь надъ вами не смѣются развѣ? Я думаю, хохочутъ по всей губерніи!

— Увы! увы! ты совершенно правъ, мой другъ... и вотъ поэтому-то я имѣю къ тебѣ просьбу... большую, очень большую. Уговори ты Катю уѣхать!

— Куда?

Digitized by Google

— Да чѣмъ дальше, тѣмъ лучше, — чтобы забыли про нее въ здѣшнихъ мѣстахъ. Согласись, что я въ ужасномъ положеніи: вѣчно подъ бокомъ живой упрекъ, и всякій это видитъ... Наконецъ, чѣмъ же я виноватъ, если она убѣжала?!

— Я вотъ что сдѣлаю,—задумчиво выговорилъ Александръ Николаевичъ,—я предложу ей уѣхать со мною!

— Въ Америку?!—обрадовался Николай Евсеевичъ.

— Зачѣмъ въ Америку?! Я отлично могу устроить ее въ Петербургѣ, у однихъ моихъ друзей... Денегъ я предложу ей отъ себя, потому что отъ васъ, какъ я замѣчаю, она, пожалуй, и не возьметъ.

— Не возьметъ, ни за что не возьметъ! она гордая... Ахъ, Саша, еслибы ты это устроилъ,—я бы тебѣ, хоть ты и сынъ мнѣ, въ ножки поклонился!—прочувствованнымъ тономъ говорилъ Николай Евсеевичъ, пожимая руку сына,—ты и ее, несчастную, спасешь...

— И вамъ руки развяжу?

— Да, освободишь мою совѣсть... Саша! скажи: очень ты меня сейчасъ презираешь?

Александръ Николаевичъ отвернулся. Ему было жаль отца...

— Эхъ, папа!—выразительно вырвалось у него.

Онъ махнулъ рукой, взялъ шляпу и вышелъ.

II.

«Все таки спасибо матери,—думалъ Александръ Николаевичъ, идя узкимъ проселкомъ между двухъ волнующихся морей желтой ржи,—спасибо, что она родила меня похожимъ на нее, а не на отца. Распущенность, безхарактерность, барство... это чортъ знаетъ что такое! особенно, если долго ихъ не видишь и поотвыкнешь... Право, если подумать, что при другой, болѣе нѣжной маменькѣ и изъ меня, пожалуй, развилось бы что нибудь эдакое расплывчатое,—можно извинить покойницѣ всѣ ея порки, затрещины и колотушки».

Александръ Николаевичъ шелъ пѣшкомъ, потому что не хотѣлъ брать въ Теплую слободу вмѣстѣ съ повозкою и кучера, чтобы не сдѣлать, въ его лицѣ, всю отцовскую прислугу свидѣтелями свиданія—несовсѣмъ ловкаго, какъ онъ ожидалъ. Короткую дорогу до Теплой слободы онъ отлично помнилъ: въ дѣтствѣ ему часто случалось бѣгать въ этотъ бойкій пригородъ поглазѣть на воскресный базаръ, на дѣвичьи хороводы и подвыпившихъ мужиковъ. Теплая слобода была мѣстомъ шумнымъ и люднымъ, — на шоссейномъ трактѣ, съ постоялыми дворами, трактиромъ, панскими лавками, кузницами. Народъ здѣсь жилъ богатый, больше мастеровой и тор-

Digitized by Google

говый, чѣмъ земледѣльческій, но не пьяный, — по крайней мѣрѣ, не слишкомъ пьяный: полъ-слободы было заселено старовѣрами-безпоповцами какой-то мелкой не пьющей секты. Ковачи, бабы-кружевницы и огороды. Теплой слободы далеко славились. Стукъ кузнечныхъ молотовъ встрѣтилъ Александра Николаевича далеко за слободской околицей. Въ чертѣ селенія онъ сталъ почти нестерпимымъ для ушей. Слободская улица открывалась цѣлымъ рядомъ коваленъ, дымныхъ и грязныхъ, гдѣ кузнецы двигались, черные, какъ черти въ аду.

— Богъ на помочь! — сказалъ Александръ Николаевичъ дюжему мастеру, возившемуся съ топоромъ на ветхой крышѣ лошадинаго станка,—здравствуйте!

— Здравствуйте и вы!—отвѣтилъ мастеръ, не отрываясь отъ работы.

— А гдѣ здѣсь, почтенный, живетъ Ѳедосья Ивановна?..

— Которая Ѳедосья Ивановна? три ихъ у насъ... старостиха—разъ, лавочница—два, а третья—тетка Ѳедосья, кружевница...

— Ее-то мнѣ и надо,

— А зачѣмъ вамъ тетку Ѳедосью?—возразилъ мастеръ, сопровождая свой вопросъ цѣлымъ дождемъ щепокъ, брызнувшихъ изъ-подъ топора.

Чилюкъ усмѣхнулся.

— Милый, вѣдь тебя не теткой Ѳедосьей зовутъ? съ чего же я буду тебѣ разсказывать, что мнѣ надо!

Мастеръ воткнулъ топоръ въ крышу и по столбу спустился наземь.

— Нѣтъ, я вѣдь почему спросилъ, — добродушно извинился онъ,—еще здравствуйте... почему спросилъ? Тетка Ѳедосья Ивановна-то—родная тетка мнѣ выходитъ... вотъ оно что. Я у нея замѣсто сына сызмалу принятъ.

Александръ Николаевичъ, живя съ джонъ-булями и янки, заразился отъ нихъ любовью къ физической силѣ, свойственной западнымъ народамъ гораздо въ большей степени, чѣмъ намъ, русскимъ. Чилюкъ и самъ былъ крѣпышъ, точно изъ мѣди отлитой, но такихъ богатырей, какъ стоявшій предъ нимъ мастеръ, онъ и не видывалъ. Лицо мастера было запачкано сажею, такъ что трудно было составить о немъ понятіе; только большіе голубые глаза весело и ясно улыбались на этой темной маскѣ. Рукава рубахи мастеръ засучилъ и обнажилъ такіе мускулы, что Чилюку даже весело стало.

— Здоровъ же ты, братъ,—сказалъ онъ богатырю.

— Что мнѣ дѣлается? — отвѣтилъ тотъ, широко и добро улыбаясь,—а тетки-то нѣту. Вы за кружевомъ, вѣрно?

Digitized by Google

Александръ Николаевичъ нашелъ, что ему подсказано хорошее incognito...

— Да, за кружевомъ.

— Нѣту ея. Въ городъ ушла, плетеное продавать. Нынче въ городѣ базаръ, — четвергъ на дворѣ. Да вы—ничего—пройдите... Коли заказать надо, такъ и Катерина Николаевна принять можетъ... жилица у насъ, — пояснилъ онъ въ скобкахъ,—и, что готоваго есть, покажетъ... Я вамъ мальчонку дамъ, онъ проводитъ...

Дворъ кружевницы былъ затворенъ. На калиткѣ висѣлъ замокъ. Мальчонка перевалился черезъ плетень и предложилъ Чилюку послѣдовать его примѣру. Чилюкъ исполнилъ это гимнастическое упражненіе съ ловкостью, заслужившей полное одобреніе его черномазаго вожатая...

— Добрѣ сигаешь, баринъ...—сказалъ онъ,—ты посиди часокъ на крылечкѣ, а я за Катериной побѣгу... на огородахъ она...

Ѳедосьина усадебка была изъ самыхъ исправныхъ въ Теплой слободѣ, а Теплая слобода — изъ самыхъ исправныхъ великорусскихъ пригородовъ. Во дворѣ чувствовалось то, что̀ крестьяне называютъ полной чашей; Чилюкъ видѣлъ и понималъ это относительное, невзыскательное довольство, но, съ отвычки отъ русской деревни, ему все таки казалось, что кругомъ и бѣдно, и грязно...

«Впрочемъ, я и не въ такихъ мурьяхъ живалъ,—не безъ самодовольства подумалъ онъ.—Дивны дѣла твои, Господи!.. Вотъ ужъ не подумалъ бы я, мѣсяцъ тому назадъ, что переплываю океанъ затѣмъ, чтобы сидѣть теперь между плетней, смотрѣть на сорный дворъ съ курами и этимъ бравымъ пѣтухомъ... ишь оретъ—какой красный чортъ!—и все это въ ожиданіи таинственной сестрицы, не то барышни, не то мужички, которая еще богъ знаетъ кѣмъ окажется и какъ приметъ мое появленіе»...

Загремѣлъ замокъ. Скрипнула калитка. Во дворъ вошла высокая дѣвушка. У Чилюка задрожало сердце и судорога подошла къ горлу отъ быстраго прилива волненія.

— Здравствуйте. Вамъ кружевовъ? Не осудите на жданьѣ... клубнику брала... сходитъ она у насъ...—говорила дѣвушка высокимъ звонкимъ голосомъ, приближаясь къ Чилюку и на ходу вытирая руки о фартукъ. Александръ Николаевичъ всталъ ей на встрѣчу.

— Вы Катя Чилюкъ?—спросилъ онъ нѣсколько сдавленнымъ голосомъ и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ.—А я Александръ Чилюкъ... вашъ братъ изъ-за границы...

Катя выпустила изъ рукъ фартукъ; на лицѣ у нея отразилось болѣе смущенія, чѣмъ радости... Она застѣнчиво сказала:

Digitized by Google

— Братецъ Саша!

Она видимо не знала, какъ поступить при такой неожиданной встрѣчѣ. Александръ Николаевичъ обнялъ ее и поцѣловалъ. Онъ съ любопытствомъ всматривался въ нее, напрасно стараясь найти въ чертахъ стоявшей предъ нимъ крестьянки черты Кати, такъ памятной и дорогой его воображенію.

— Не смотрите, братецъ,—конфузливо смѣясь, сказала Катя,—я съ огорода, чучелой... вѣдь нынче будни... Войдите въ хату. Я самоваръ вамъ наставлю и приберусь, пока вскипитъ.

Въ хатѣ было чисто и просторно,—сразу видно, что это—жилье семьи съ достаткомъ и не слишкомъ людной. Полъ не дальше, какъ третьяго дня, мытый, печь свѣже выбѣленная, бревенчатыя стѣны не черныя, а только бурыя: значитъ, есть смотрѣніе за домомъ; ни паутины, ни таракановъ. Серебряныя ризы на иконахъ; на одной стѣнѣ пятачковыя хромолитографіи: царь, царица, наслѣдникъ, катастрофа въ Боркахъ, государи Европы на одномъ листѣ, Скобелевъ въ гробу. Катя исчезла за перегородку, раздѣлявшую хату пополамъ отъ печи до двери, и послѣ недолгихъ сборовъ вышла къ брату принаряженною, въ кумачѣ и бусахъ.

— Теперь хоть на человѣка похожа,—сказала она.

Александръ Николаевичъ похвалилъ ея красоту и нарядъ, вглядѣлся въ нее и подивился. Совсѣмъ не видно «барышни» въ Катѣ,—словно она и родилась въ этой избѣ, и вѣкъ здѣсь прожила, а не два только года. Красавица—да! но красавица дикая, деревенская, «съ румянцемъ сизымъ на щекахъ»,—какъ пѣлъ нѣкогда Фетъ,—большая, статная и съ такимъ могучимъ развитіемъ молодаго здороваго тѣла, что при каждомъ движеніи платье, какъ говорится, трещитъ и врозь лѣзетъ на груди и въ плечахъ. Лицо—подъ золотистымъ загаромъ, слегка огрубѣвшее отъ вѣтра и солнца. Силы и здоровья здѣсь больше, чѣмъ красоты, или, вѣрнѣе сказать, въ нихъ-то здѣсь и красота.

Разговоръ между братомъ и сестрой не клеился. Оба искали удобнаго случая, чтобы заговорить, какъ и почему они, послѣ долгой разлуки, встрѣтились при такихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ, и Чилюку хотѣлось, чтобы начала рѣчь объ этомъ Катя, а Катѣ,—чтобы началъ Чилюкъ.

— Да...—рѣшился, наконецъ, перейти къ дѣлу Александръ Николаевичъ,—много воды утекло... перемѣнъ въ нашей семьѣ и не сосчитать... О себѣ я ужь не говорю: моя исторія старая. Но ты вотъ... признаюсь, никакъ я не ожидалъ тебя встрѣтить здѣсь.

— Братецъ!—перебила его Катя и на минутку глянула совсѣмъ прежнею Катей; черные глубокіе глаза ея широко открылись и за-

Digitized by Google

искрились, лицо стало откровеннымъ и довѣрчивымъ,—вы не судите меня строго... право же, мочи моей не стало, братецъ... я, вѣдь, долго терпѣла...

— Я не про то говорю, Катя,—сказалъ Александръ Николаевичъ,—я очень хорошо понимаю, что положеніе твое могло быть невыносимымъ, что надо было уйти. Меня удивляетъ, зачѣмъ ты *сюда* ушла?

Катя не отвѣтила; она сидѣла у обѣденнаго стола, потупившись, и молча перебирала складки фартука...

— Послушай,—заговорилъ братъ, послѣ короткаго молчанія,—ты извини меня... я, можетъ быть, мѣшаюсь не въ свое дѣло; вѣдь мы свои только по имени, по крови... я тебя оставилъ малюткой, безъ меня ты выросла и имѣешь право считать меня чужимъ. Но у меня объ одной лишь тебѣ—маленькой дѣвочкѣ—осталась хорошая память отъ всего нашего дома. Я тебѣ очень благодаренъ за это. Если тебѣ непріятно, ты можешь не отвѣчать, но, повѣрь,—я спрашиваю тебя, потому что хочу тебѣ хорошаго и желалъ бы устроить твою жизнь, какъ тебѣ угодно, и какъ только я могу лучше. Будь со мною откровенна.

Катя подняла свои довѣрчивые глаза:

— Да я и не скрываюсь, братецъ,—сказала она,—я потому вамъ ничего не отвѣтила, что, боюсь, не съумѣю вамъ объяснить... вѣдь я дурочка—несовсѣмъ дурочка, а около того.. Меня маменька аспидной доской—ребромъ да угломъ—по головѣ много била... Сама про себя я много думаю и, что̀ скажутъ мнѣ, соображаю какъ слѣдуетъ... а вотъ говорить—смерть моя. Тоже памяти нѣтъ. Вѣрите ли?—чему меня учили, все я позабыла. Писать стану,—буквы путаю... Ну... да вотъ видите!

Она подняла руку ко лбу, на которомъ мелкими каплями выступила легкая испарина; лицо ея нѣсколько поблѣднѣло,—большаго напряженія стоила ей долгая обдуманная рѣчь. Александръ Николаевичъ наблюдалъ ее съ удивленіемъ и жалостью.

— Гмъ!.. вотъ что,—задумчиво протянулъ онъ,—это для меня новость, объ этомъ отецъ мнѣ не говорилъ... Говорилъ, что у тебя не было способностей,—и только...

— Особеннаго ничего и нѣтъ, мнѣ даже докторъ одинъ сказалъ, что я въ своемъ умѣ весь вѣкъ доживу, а вотъ именно, что способностей у меня никакихъ...

— Ну, хорошо. Послѣ объ этомъ. Вернемся къ старому. Вотъ—вижу я тебя въ этой избѣ, въ этомъ нарядѣ; руки у тебя рабочія... Замѣтно, что ты здѣсь недаромъ живешь и отъ труда не бѣгаешь. Не подумай, что я корю тебя. Я самъ прошелъ рабочую школу,

Digitized by Google

какой тебѣ не испытать. Ручной трудъ я уважаю столько же, какъ и умственный. Но люди нашего класса берутся за него только въ крайней необходимости, чтобъ уйти отъ него при первой возможности, какъ и я постарался уйти. А тебѣ не было неизбѣжной надобности выбирать его—да еще въ такой тяжелой формѣ: у насъ есть родные, навѣрно ты имѣешь знакомыхъ, даже друзей, тебѣ было бы легко найти себѣ какое нибудь мѣсто—компаньонкой, чтицей, продавщицей въ магазинъ, наконецъ... А ты ни къ кому не обратилась: ушла сюда къ Ѳедосьѣ. Отчего?

— Да все оттого же, братецъ.

— Способностей нѣтъ?..

— Да.

Александръ Николаевичъ пожалъ плечами.

— Видите ли, братецъ,—съ разстановкою продолжала Катя, и опять мелкія росинки выступили у нея надъ бровями,—я изъ дома давно задумала уйти, какъ только эта Сашка...—съ нескрываемой ненавистью проговорила она противное ей имя, необыкновенно живо напомнивъ Чилюку его грозную мать,—эта Сашка у насъ проявилась. Вотъ тогда я передумала о всемъ, что̀ вы говорите. Магазиновъ у насъ въ городѣ нѣтъ, такъ и продавщицъ не требуется. Стала я пытать себя, гожусь ли куда—въ гувернантки ли, въ учительши... Въ акушерки очень хотѣлось мнѣ. Нѣтъ,—словно каменная у меня голова, ничего-то къ ней не пристаетъ, ничего въ ней не держится. Что̀ сегодня выучу, завтра... какое тамъ завтра!—черезъ полчаса забуду. Всѣ слова улетятъ, одинъ только туманъ остается. Тутъ мнѣ докторъ этотъ подвернулся. «Ни на что,—говоритъ,—вы не надѣйтесь; у васъ не всѣ дома. Вы и здравомыслящая, и все; но у васъ способности къ ученью отшиблены»... Оно и впрямь, какъ не отшибить?—все тѣмъ же ровнымъ голосомъ вставила она, взяла руку брата и положила ее на свою голову,—чувствуете, какой шрамъ?.. У меня тутъ даже плѣшка, съ семитку, пожалуй, а не то больше; волосами зачесываю; хорошо, что густые,—не видать... «Такъ,—говоритъ докторъ,—и знайте, что дальше не лучше, а хуже будетъ»... насчетъ памяти, то есть. Ну, тогда я себя и порѣшила... Скажите, братецъ, вѣдь стыдно человѣку безъ всякаго дѣла жить, на даровомъ хлѣбѣ?

— Стыдно, Катя...

— Да еще, когда этотъ хлѣбъ такъ дорого, такихъ обидъ стоитъ, что поперекъ горла становится... Я и пустилась своего хлѣба искать. Головой не могу найти,—думаю, руками найду...

— Извини, Катя,—поспѣшно перебилъ ее братъ,—ты Толстаго не читала ли?

Digitized by Google

— Нѣтъ... какой-такой Толстой?—спросила Катя съ такимъ откровеннымъ недоумѣніемъ, что литературное невѣдѣніе ея стало ясно для Александра Николаевича. Раньше ему запало было въ мысль сомнѣніе: ужь не имѣетъ ли онъ дѣло съ «идейнымъ опрощеніемъ» по прославленному на весь свѣтъ рецепту графа Льва Николаевича.

— Толстой—писатель. Онъ почти то же говоритъ, что́ и ты. Только онъ вовсе умственный трудъ отметаетъ... всѣхъ зоветъ къ ручному...

— Нѣтъ, я бы учительшей, либо акушеркой больше хотѣла быть, чѣмъ какъ теперь,—вдумчиво молвила Катя,—хорошо, у кого въ умѣ свѣтло... Но какъ я ничего не могу, то, стало быть, и состоять мнѣ при ручномъ дѣлѣ. Заходила я иной разъ къ мамѣ Ѳедосьѣ,—вѣдь она кормила меня, помните, братецъ?—нравилось мнѣ, какъ она живетъ, кружевничаетъ... работа хорошая, тонкая. Мама Ѳедосья была ко мнѣ добра... Какъ-то я и выплакала ей свою бѣду, что у папаши я жить не могу, а идти некуда. Либо я зарѣжу Сашку, либо домъ сожгу, либо сама утоплюсь... Мама Ѳедосья мнѣ и говоритъ: «нѣтъ, ты, Катя, не рѣжь ея и сама не топись, а, какъ станетъ тебѣ невтерпежъ, приди ко мнѣ; я тебѣ что нибудь и присовѣтую»...

— Подожди, Катя,—перебилъ ее опять Александръ Николаевичъ,—эта Александра Кузьминишна мнѣ самому показалась противна... но съ чего, собственно, у тебя началось такое озлобленіе?

Катя всплеснула руками.

— Братецъ! да какъ же иначе? Вѣдь она—какъ у насъ проявилась? Когда мамашу разбилъ параличъ, и отнялись у нея ноги,—она меня ни на шагъ отъ себя не отпускала; по хозяйству хлопотать было некому; вотъ и взяли въ домъ эту проклятую... Мамаша съ мѣста двинуться не можетъ, а она—безстыдная! въ ея же домѣ... Нѣтъ, братецъ! вы со мной про это не говорите, а то я тутъ сбиваюсь,—сказала она съ потемнѣвшимъ лицомъ, но вдругъ сама близко наклонилась къ Александру Николаевичу:

— Братецъ, а вѣдь она мамашу удушила!..

Чилюкъ невольно отшатнулся. Мурашки пробѣжали у него по спинѣ.

— Что ты, Катя? Богъ съ тобою...

— Удушила, братецъ!—стояла на своемъ дѣвушка.—Доктора говорятъ, будто мамаша померла отъ втораго удара... а отчего же этотъ ударъ приключился какъ разъ въ ту ночь, когда я у мамаши въ спальнѣ не спала?.. Прокралась, подлая, въ спальню, да подушкой и задушила. Вы моему слову вѣрьте. У меня есть въ сердцѣ

Digitized by Google

такое, что́ меня никогда не обманетъ. Мамаша, хоть и безъ ногъ, а еще бы десять лѣтъ прожила: она была крѣпкая...

— Бредишь ты, Катя...

— Всѣ такъ говорятъ, всѣ!—съ горечью возразила Катя,—и папаша, и даже мама Ѳедосья, на что́ уже всякому моему слову вѣритъ. А я врать не умѣю. Вы слушайте: я въ маменькиной комнатѣ, когда покойницу на столъ убирали, сашкину подвязку нашла и спрятала... Тогда у меня и подозрѣнія никакого не было. Послѣ—много послѣ—папаша какъ-то разъ говоритъ мнѣ, чтобъ я его простила, если онъ женится на Александрѣ Кузьминишнѣ. Тутъ мнѣ въ виски такъ и стукнуло,—такъ все мнѣ и просвѣтлѣло... и, какъ мнѣ дѣло представилось, такъ я все и выложила папашѣ. Онъ разсердился, затопалъ на меня ногами и прогналъ съ глазъ долой. А въ скорости прилетаетъ ко мнѣ сама Сашка,—лица на ней нѣтъ!—и давай на меня кричать, какъ я смѣю клеветать на нее... А я вынула изъ ящика подвязку и спрашиваю: «это—что»?.. Она вся побѣлѣла, прыгъ ко мнѣ,—выхватила подвязку изъ рукъ, да въ карманъ ее... Я къ ней бросилась, а она... охъ, братецъ!..

Катя, блѣдная, какъ мертвецъ, опять пригнулась къ брату, почти уронивъ голову ему на плечо.

— Она меня по щекѣ два раза ударила!—глухо прошептала она. Чилюкъ ничего не сказалъ, но такъ ударилъ кулакомъ по столу, что доски затрещали, и вздрогнула посуда на надстольныхъ полкахъ. Онъ всталъ и медленно прошелся по избѣ. Потомъ наклонился къ сестрѣ и поцѣловалъ ее въ голову. Катя почувствовала теплую слезу, упавшую на ея волосы, и покраснѣла; взоръ ея засверкалъ благодарнымъ восторгомъ и слезами... Послѣ нѣкотораго молчанія, кое-какъ справившись съ волненіемъ, она продолжала:

— Я тогда обезумѣла, къ пруду бросилась... да на самомъ берегу вспомнила маму Ѳедосью: «не топись, а приходи, посовѣтуйся»... Такъ, въ чемъ была, и прибѣжала къ ней, и выплакалась... «Утро вечера мудренѣе»,—говоритъ мама,—напоила меня малиной, уложила спать, а Максима,—племянникъ ея, кузнецъ,—послала въ нашу усадьбу сказать, чтобы не безпокоились, что барышня-де у нея отдыхаетъ. Поутру рано, съ зорькою, будитъ меня мама Ѳедосья. «Вставай, Катюша, обряжай вотъ эту одежу,—платье мнѣ простенькое припасла,—да пойдемъ-ка мы съ тобой къ Пафнутію въ Боровскъ, помолимся; авось, въ мозгахъ-то у тебя посвѣтлѣетъ; увидимъ, какъ тебѣ дальше быть»... Цѣлую недѣлю до Боровска шли, тамъ три дня пробыли. Назрѣло у меня въ душѣ—пойти къ мамѣ Ѳедосьѣ въ жилички... Дальше,—какъ сами видите.

Катя умолкла.

Digitized by Google

— Катя!—сказалъ Александръ Николаевичъ крѣпко взволнованный,—ты молодецъ... только все это кончить надо. Что себя мучить? Я тебя увезу отсюда...

Катя, не глядя на брата, покачала головой.

— Ты не хочешь?.. значитъ, довольна?..

— Довольна, братецъ. Я здѣсь при дѣлѣ. Привыкла.

— Дѣло будетъ и въ другомъ мѣстѣ; привыкнешь и къ другому мѣсту.

— Что, братецъ, какъ слышно, войны не будетъ?—не отвѣчая, спросила Катя.

— Нѣтъ, кажется, а что?

— Я бы въ милосердныя сестры пошла... А такъ, просто—куда мнѣ ѣхать, братецъ? зачѣмъ...

— Я тебя устрою въ Петербургѣ къ хорошимъ людямъ...

— Что же я у нихъ дѣлать буду?

— Что понравится, что знаешь...

— Да я же ничего не знаю... а что умѣю, тому здѣсь мѣсто, а въ Петербургѣ оно ни къ чему... Даромъ я хлѣба ѣсть не хочу... дурочкой между людей жить тоже не согласна... у меня гордость есть. Нѣтъ, братецъ,—вы только не обижайтесь, родной!—оставьте меня, какъ нашли, не ворошите... И мнѣ, вѣдь, придется привыкать къ новымъ людямъ, и новымъ людямъ ко мнѣ; полюбимся ли другъ другу, еще бабушка на-двое сказала, — а здѣсь уже дѣло вѣрное. И я люблю, и меня любятъ...

Въ умѣ Александра Николаевича мелькнула быстрая мысль...

— Позволь, Катя,—остановилъ онъ ее,—я вижу, что ты честная дѣвушка, и тебя не слѣдовало бы объ этомъ спрашивать, но отецъ намекалъ мнѣ о какихъ-то дурныхъ слухахъ...

— Я знаю, что на усадьбѣ про меня говорятъ,—спокойно сказала Катя, глядя прямо въ глаза Александру Николаевичу,—что у меня любовникъ есть. Вы не вѣрьте—лгутъ! Никакого у меня любовника нѣтъ. Чудные! коли на меня плохо надѣются, хоть мамушкѣ повѣрили бы: она у насъ строгая, святая,—всѣ знаютъ... Вотъ...—она улыбнулась, застыдилась и покраснѣла,—замужъ я, можетъ быть, точно пойду...

— За кого же? за здѣшняго?

— Да... Максимъ, мамушкинъ племянникъ...

— Ты его любишь?

Катя задумалась.

— Люблю,—несовсѣмъ смѣло начала она и потомъ гораздо рѣшительнѣе договорила:—очень ужъ онъ хорошій человѣкъ, мало такихъ на свѣтѣ, и меня крѣпко любитъ...

Digitized by Google

— Совсѣмъ, значитъ, свяжешь себя съ Теплой слободой?

— Совсѣмъ... что же? я вѣдь съ нею разставаться и такъ не собираюсь,—сказала Катя, и вдругъ неожиданно прибавила:—онъ меня изъ воды вытащилъ... случилось тутъ... тонула я одинъ разъ...

— Какъ же случилось?

— Такъ... вы не думайте, что я нарочно... просто, на плоту мыла бѣлье, да и сорвалась. Плавать я хорошо умѣю, да меня подъ плотъ затянуло. Другія дѣвушки закричали; Максимъ подоспѣлъ, бухнулъ въ воду и вытащилъ... Послѣ того мы съ нимъ и поладили, чтобы повѣнчаться.

— Конечно, дай тебѣ Богъ счастья, но... Скажи, пока жила ты у отца, ты ни разу не собиралась замужъ идти?

— Нѣтъ... Маменька послѣдніе годы больная была,—какъ мнѣ отъ нея было уйти? А женихи тогда были. Александра Кузьминишна тоже подыскивала мнѣ жениховъ,—сбыть меня ей хотѣлось, да какъ же можно за нелюбимаго человѣка замужъ идти? зачѣмъ?..

— А никто не нравился?

Катя промолчала.

— Не уживаются въ нашей глуши хорошіе люди изъ нашего сословья,—сказала она потомъ,—скучно имъ тутъ; къ большимъ городамъ ихъ тянетъ... за пьяницу, либо бездѣльника, либо слабодушника,—хоть бы и полюбился на грѣхъ,—какая радость выйти? Былъ одинъ,—тихо сказала она,—докторъ... хорошій человѣкъ... шибко мнѣ нравился, и я ему... Только я этому доктору сама сказала: вы меня оставьте! я не для васъ... Я вамъ не пара...

— Почему же, Катя?

— Умный онъ былъ, очень образованный. Всѣ говорили, что ему въ столицѣ большая дорога будетъ, когда онъ земскій срокъ отслужитъ. Ну... на что ему такая жена, какъ я? Неучъ, безпамятная. Всюду бы я его осрамила, всякіе бы пути ему заказала. Соколъ въ небо рвется, а я ему—путы на ножки... что хорошаго? И богъ вѣсть, надолго ли бы его любви хватило?.. кандалы, хоть изъ золота ихъ слей, милы не будутъ. Да и любовь ли еще была? Глушь вѣдь у насъ... скука... а я не уродъ собой; къ тому же, видѣлъ онъ, что меня крѣпко обижаютъ... вотъ и пожалѣлъ. Подумала я такъ-то ночку, другую, поплакала,—и отказала. А очень любила.

— Тяжело тебѣ было!—участливо отозвался Александръ Николаевичъ.

— Не-хо-ро-шо,—раздумчиво протянула Катя,—что же? не все

Digitized by Google

медъ пить, напьешься и водицы. Прошло уже, забылось... Онъ теперь въ Петербургѣ. Жениться собрался, письмо прислалъ... хорошее письмо, только лучше бы его не писать было! А то что такое? Точно благодаритъ: спасибо, что меня не погубила...

Катя засмѣялась—и звонкій звукъ смѣха свидѣтельствовалъ, что неудачный романъ не оставилъ въ ея душѣ никакой горечи...

— Ахъ, Катя, Катя!—улыбаясь, говорилъ Александръ Николаевичъ,—видалъ я чудныхъ людей, а такихъ, какъ ты, и не видывалъ. Такъ не поѣдешь со мной?

— Нѣтъ, братецъ... простите: не поѣду. Отъ добра добра не ищутъ.

— Какъ хочешь, дитя мое,—неволить я тебя не буду. Насильнаго счастья не бываетъ. Я довольно пожилъ на свободѣ, чтобы не знать этого. Но я богатъ. Позволь мнѣ помочь тебѣ. Вы...—онъ окинулъ глазами убранство хаты,—не слишкомъ-то здѣсь роскошничаете...

— Вы денегъ хотите мнѣ дать?—спросила Катя.

— Если позволишь...

— Денегъ мнѣ дайте, если богаты. Мы оттого и свадьбу не играемъ, что надо новую хату ставить, а денегъ у насъ немного... Я вамъ скажу, братецъ, правду, что мама Ѳедосья стала на старости къ безпоповцамъ клонить, и они ее очень почитаютъ. Ну, а намъ съ Максимомъ что же ее тяготить? Въ одной хатѣ двѣ вѣры... не хорошо... ссориться станемъ.

— Да. Возьми, сколько хочешь. Ты у меня одна,—мнѣ не жалко.

— Чай, женитесь, братецъ!

— Женюсь ли, нѣтъ ли, это еще вилами на водѣ писано... А вѣдь твоего Максима я уже видѣлъ!—весело воскликнулъ Чилюкъ, глядя въ окно,—право, видѣлъ; онъ станокъ починялъ... Вѣдь это онъ идетъ по двору?

Когда молодой кузнецъ показался на порогѣ хаты, въ ней сразу стало какъ будто тѣсно. Думалось,—шевельнется этотъ богатырь, и либо плечомъ стѣну высадитъ, либо головой потолокъ проломитъ. Вымытое лицо, чистыя руки и мокрые волосы показывали, что, по дорогѣ изъ кузницы, онъ забѣжалъ на прудъ искупаться. Александру Николаевичу богатырь показался почти красавцемъ, со своимъ румянымъ лицомъ, рыжеватой бородой и веселыми голубыми глазами, которыми онъ съ великимъ недоумѣніемъ уставился на Катю: что это молъ за гость?

— Максимъ, это мой братъ, Александръ Николаевичъ, изъ-за границы пріѣхалъ,—улыбаясь, сказала Катя,—не забылъ меня, спасибо ему; пришелъ навѣстить...

Digitized by Google

Улыбка Кати отразилась на лицѣ кузнеца такъ свѣтло, быстро и широко, что, казалось, онъ весь засвѣтился: и глаза какъ будто стали ярче, и румянецъ алѣе, и борода рыжѣе. Онъ низко поклонился и несмѣло протянулъ руку Чилюку. Рука была пожата крѣпко, привѣтствія сказаны горячо, но затѣмъ наступило неловкое молчаніе. Александръ Николаевичъ съ досадою чувствовалъ, что, при всей своей опытности, при всемъ своемъ навыкѣ къ обращенію съ самыми разнообразными людьми, онъ не находитъ—ни о чемъ бы заговорить съ будущимъ зятемъ, ни тона, которымъ надо говорить. Они смотрѣли другъ на друга, какъ люди разныхъ міровъ—съ любопытствомъ, но безъ участія, и съ нѣкоторою боязнью. Всѣмъ троимъ было неловко. Александръ Николаевичъ видѣлъ, какъ дрожала рука Кати, мнимо-небрежнымъ жестомъ положенная на столъ—какъ бы ради того, чтобы засвидѣтельствовать полную непринужденность, полное безразличіе Кати къ происходящему предъ ея глазами,—это было очень неудачное притворство. Чилюку стало совсѣмъ нехорошо. Пробормотавъ нѣсколько вялыхъ фразъ, шаблонныхъ и безцвѣтныхъ, о своей робости за сестру, о своей увѣренности, что выборъ ея палъ на хорошаго человѣка, онъ рѣзко оборвалъ рѣчь, всталъ и началъ прощаться. Максимъ, слушавшій Александра Николаевича съ конфузливымъ испугомъ въ глазахъ, былъ видимо радъ, когда Чилюкъ замолчалъ. Катя не удерживала брата.

— Я приду въ городъ проводить васъ,—сказала она, любовно глядя въ глаза Александру Николаевичу, и онъ по взгляду ея понялъ, что она отлично чувствуетъ, какъ неловко ему между нею и Максимомъ, но извиняетъ ему это, не сердится.—Въ усадьбу мнѣ нельзя, а въ городъ приду. Вы дайте мнѣ знать, когда будете уѣзжать.

— Завтра вечеромъ я уѣду...

— Скоро такъ?—грустно отозвалась Катя.

— Эхъ!—искреннимъ вздохомъ вырвалось у Александра Николаевича,—что мнѣ тутъ дѣлать, Катя? У васъ здѣсь, на Теплой слободѣ—все свое, новое; тамъ, на усадьбѣ—тоже свое, хоть и старое; и здѣсь, и тамъ я лишній, чужой человѣкъ: отъ стараго отвыкъ, къ новому не привыкъ; старое, Катечка, мнѣ противно, новое непонятно. А времени разбираться нѣту. Жизнь у меня — въ дѣлѣ: какъ вода въ котлѣ, ключемъ кипитъ. Прощай, другъ Катя! шелъ я тебѣ помочь, а отчасти, каюсь, и поругать тебя за твои странности, но крѣпко ты мнѣ полюбилась. И жаль мнѣ тебя оставлять здѣсь, и думается мнѣ, что ты хорошо себя понимаешь и устроишь свою судьбу лучше, чѣмъ устроилъ бы я. Оставайся и

Digitized by Google

живи, какъ знаешь. Пусть тебя другіе, какъ хотятъ, судятъ, я же тебѣ не судья. Вижу, что ты честная дѣвушка и ничего безчестнаго не то, что сдѣлать, даже подумать не въ состояніи... тѣмъ хуже для тѣхъ, кто будетъ тебя порочить! А плохо тебѣ придется—напиши! чѣмъ могу, словомъ ли, деньгами ли, всегда выручу... А завтра приходи въ городъ; я тебѣ кое-что хорошее скажу...

Максимъ и Катя проводили Александра Николаевича далеко за околицу. Оглядываясь, онъ долго видѣлъ ихъ стоящими на придорожномъ бугрѣ, надъ золотымъ потопомъ ржи.

Когда предъ Чилюкомъ поднялись изъ-за кудрявой рощи красныя кровли отцовской усадьбы, ему стало не по себѣ. Онъ не повѣрилъ тому, что Катя говорила о смерти матери, но провести ночь подъ одной крышей съ Александрой Кузьминишной, послѣ этого разсказа, показалось ему чѣмъ-то невыносимо-гадкимъ... Едва ступивъ на крыльцо дома, онъ уже распорядился, чтобъ ему готовили лошадей въ городъ. Николай Евсеевичъ по лицу сына угадалъ, на чьей онъ сторонѣ, и сконфуженно развелъ руками... Александръ Николаевичъ коротко передалъ ему подробности своего свиданія съ Катей, свое намѣреніе поддержать ее денежно, и заключилъ:

— А отъ васъ, папа, прошу одного: оставьте вы ее совсѣмъ въ покоѣ, не мѣшайте ей быть счастливой. Мы съ вами слишкомъ мало сдѣлали для нея, чтобъ имѣть право на вмѣшательство въ ея жизнь.

— Воля твоя... я этого не понимаю,—бормоталъ старикъ,—ты сочти, сколько жертвъ она приноситъ: выйти изъ сословія, выйти изъ семьи, изъ своего общества... и для чего же? для благосостоянія, комфорта, покоя? Нѣтъ, для добровольной каторжной работы, для удовольствія перебиваться съ хлѣба на квасъ, въ хатѣ... Чортъ знаетъ, какіе люди на свѣтѣ родиться стали... И.. и извини меня: ты мнѣ кажешься еще чуднѣе Кати. Ея странности я могу объяснить хоть тѣмъ, что ее мать по темени аспидной доской била. Но ты—сильный, неглупый, образованный человѣкъ—и вдругъ вторишь этой безумной. Ради чего? что ты находишь въ ней отраднаго?

— Видите ли, папа,—перебилъ Александръ Николаевичъ,—семья, въ которой житья нѣтъ, общество, членомъ котораго имѣешь право быть, но не имѣешь возможности реализировать по человѣчески это право; сословіе, значенія котораго не понимаешь,—вовсе не такія драгоцѣнности, чтобъ отъ нихъ не отказался человѣкъ, когда его чутьемъ потянетъ къ личному счастью, за предѣлами этихъ перегородокъ. Катю потянуло,—она и ушла. Вы говорите о *покоѣ*... Покой хорошъ только какъ отдыхъ; его знаютъ только тѣ,

Digitized by Google

кто устаетъ. Люди не работающіе знаютъ не покой, а оцѣпененіе. И живой душѣ въ этомъ мірѣ оцѣпененія жутко. Вырвется она за его границы и уйдетъ, куда попало,—все равно, на счастье или на несчастье, лишь бы и то и другое были свои, добытыя своею волею, своими руками, своей головой. Вѣдь только это-то и называется жизнью. Я знаю это, потому что на себѣ испыталъ. И не пробуйте понимать чужаго счастья: не поймете. Я самъ катинаго счастья не понимаю, и мнѣ ее какъ-то жалко,—а между тѣмъ я видѣлъ ее искренно счастливою. Оставьте ее... Кромѣ вреда, мы съ вами ничего ей не принесемъ... она не наша—своя. Пусть же чудачка и будетъ счастливою по своему!

А. Амфитеатровъ.
(Old Gentleman).

Digitized by Google

ЭПОХА УВЛЕЧЕНІЙ.

(Изъ воспоминаній русскаго гарибальдійца).

I.

Я помню, въ 50-хъ годахъ, когда еще не была проложена желѣзная дорога на югъ Россіи, на тульскомъ шоссе кипѣла жизнь день и ночь. То и дѣло тянулись длинными вереницами обозы ломовыхъ извощиковъ отъ Москвы до Харькова и обратно, мчались коляски, кареты, дормезы, поднимая облака пыли; неслись тарантасы, перекладныя кибитки съ чиновниками, военными людьми и статскими; красовались пестрые постоялые дворы съ зелеными ставнями, пѣтухами на конькахъ и длинными навѣсами со всѣхъ четырехъ сторонъ двора. Отъ тульскаго шоссе къ селу Краснымъ Тонямъ шелъ старый алексинскій трактъ, усаженный развѣсистыми березами и ветлами. Бѣлая церковь издалека виднѣлась на темной зелени лѣсовъ, окружавшихъ село, и свѣтлая рѣчка красиво опоясывала бугоръ съ желтыми песчаными откосами, на которомъ стояла барская усадьба. Красныя Тони въ крѣпостное время принадлежали моему отцу, отставному полковнику. Мужицкія избы въ селѣ попадались даже двухъэтажныя, скота было много, отъ села вѣяло привольемъ. Оно было оброчное, мужики владѣли всѣми пашнями, выгонами, лугами и пользовались хворостинникомъ для топлива; оброкъ они платили умѣренный, но все же отецъ жилъ безбѣдно, домъ его былъ полной чашей и онъ пользовался уваженіемъ сосѣдей, между прочимъ, какъ хлѣбосолъ. Онъ былъ меланхолическаго нрава и могъ по цѣлымъ часамъ простаивать передъ окномъ, держа дымящуюся трубку въ рукѣ; трубка погаснетъ, а онъ все смотритъ въ даль, на ветлы и березы алексинскаго тракта. У него было круглое лицо, съ черными усами и сѣдыми подъусниками, толстый вздернутый носъ и большіе каріе, вѣчно влажные глаза. До смерти матери моей онъ тосковалъ, что можетъ ея лишиться; послѣ смерти—что онъ ея лишился. Единственнаго сына своего, меня, онъ поручилъ дѣдушкѣ и бабушкѣ,—отцу и матери моей покойной матери,—которые жили

Digitized by Google

въ Москвѣ, на Малой Никитской, въ собственномъ домѣ. Дѣдушка и бабушка принялись за мое воспитаніе и я поступилъ прямо во второй классъ одной изъ московскихъ гимназій; тамъ я жилъ въ пансіонѣ.

Помню, наканунѣ каждаго праздника, за мной въ пансіонъ являлся ливрейный лакей, и, если у меня были хорошія отмѣтки, меня привозили на Малую Никитскую. Дѣдушка и бабушка очень меня баловали, покупали разныя игрушки и сласти; когда же я подросъ, дѣдушка подарилъ мнѣ маленькое англійское сѣдло съ уздечкой и клѣтчатымъ чепракомъ. Подарокъ мнѣ очень понравился; вылощенная желтая скрипящая кожа, свѣтлыя металлическія стремена, даже кожаный запахъ, напоминавшій собою ароматъ молодой конопли, заставляли пріятно биться мое сердце, и я мечталъ о Красныхъ Тоняхъ, куда поѣду на лѣто, засѣдлаю своего пони и буду носиться по полямъ, какъ настоящій жокей. Я любилъ дѣдушку и бабушку, но Красныя Тони предпочиталъ всему на свѣтѣ. Радостно вздрагивалъ я и готовъ былъ визжать отъ счастья, когда мнѣ объявляли, что пріѣхали изъ деревни. Стремглавъ бросался я по лѣстницамъ внизъ, на дворъ, прямо въ конюшню, цѣловалъ кучера Остапа, лакея Платона и даже всѣхъ четырехъ лошадей—воронаго, бурую кобылу, караковаго и рыжаго. Запахъ дегтя пріятно щекоталъ мои ноздри. Я обходилъ кругомъ коляски и осматривалъ каждую гайку, каждую пряжку, садился на козлы, дотрогивался до фартука, до подушекъ, до ремней и басоновъ. Я считалъ уже не часы, а минуты. Наконецъ наступалъ отъѣздъ.

II.

Обыкновенно дѣдушка отправлялъ меня въ дорогу послѣ обѣда. Къ вечеру мы пріѣзжали въ Подольскъ. Новая обстановка плѣняла меня. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на разношерстныхъ лошадей, привязанныхъ къ яслямъ подъ навѣсомъ постоялаго двора и таскавшихъ сѣно изъ подъ рѣшетки, гремя бубенцами; прислушивался къ воркованью голубей, сидѣвшихъ и летавшихъ вверху подъ соломенной крышей, къ хрюканью откормленнаго борова, зарывшагося въ грязи закуты. Все меня занимало,—и тарантасы съ неподвижно поднятыми оглоблями, и телѣги, нагруженныя кладью посреди двора, и хозяинъ, широкоплечій рыжій мужикъ съ длинной бородой, въ красной александрійской рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ и обнаженной лохматой грудью, на которой блестѣлъ широкій мѣдный крестъ, и пестрая собака, ласково кидавшаяся подъ ноги бабѣ,

Digitized by Google

выливавшей помои изъ лахани, и бѣлоголовые ребятишки, жившіе среди постояннаго шума и движенія постоялаго двора. Все меня развлекало. Въ комнатѣ, гдѣ Платонъ приготовлялъ для меня постель, на стѣнахъ красовались картинки божественнаго, патріотическаго и любовнаго характера. На одной изъ нихъ былъ изображенъ грѣшникъ, и на немъ верхомъ ѣхалъ въ тартарары чортъ съ рогами и хвостомъ, похожимъ на крендель; внизу стояла подпись: «пострадахъ до конца, излякохся». На другой картинкѣ красовался русскій генералъ, гарцовавшій на конѣ, который попиралъ копытами цѣлую толпу турокъ въ чалмахъ. Столь же выразительно были изображены суздальскимъ художникомъ и всѣ трагическіе моменты «кавказскаго плѣнника» и «шествіе дѣвы, по пустыннымъ мѣстамъ, съ плодомъ любви несчастной въ трепетныхъ рукахъ». Пока я разсматривалъ картинки, громко читая надписи въ стихахъ и въ прозѣ, Платонъ державъ въ рукѣ подсвѣчникъ съ сальной свѣчей; я громко читалъ на стѣнѣ надписи такого содержанія: «Два сердца, одинъ духъ. Люблю тебя, мой друхъ». «Я здѣсь былъ, пиво и медъ пилъ, 13 мая 1854 г.». «Пойми, пойми меня, цвѣтокъ души моей благоуханный!» и т. д. Все это было нацарапано или написано карандашемъ между картинами. Между тѣмъ, изъ коляски приносили коробокъ съ провизіей; покрывался скатертью столикъ, баба въ панёвѣ приносила тарелки съ солеными огурцами, ломтями хлѣба и соли, и я садился ужинать. Потомъ, помолясь Богу на большіе образа въ широкомъ кіотѣ, ложился въ постель и сладко засыпалъ, не смотря на то, что всю ночь подъ окнами звенѣли колокольчики и ухарски покрикивали ямщики. На другой день въ полдень мы останавливались въ Лопаснѣ, а вечеромъ пріѣзжали въ Серпуховъ, гдѣ опять ночевали. Тѣ же дворы съ навѣсами, тѣ же разношерстныя лошади съ гремящими бубенчиками, тѣ же телѣги и тарантасы съ поднятыми оглоблями, пестрыя собаки, тѣ же занимательныя картинки.

— Скоро Алексинскій трактъ?

— Скоро баринъ; слава богу, сейчасъ.

Запестрѣли нарядныя лужайки, усѣянныя цвѣтами, послышалось веселое пѣніе поднебесныхъ пташекъ, треньканье кузнечиковъ. Перекликались перепела. Вонъ вдали сверкнула звѣздочка—крестъ краснотоньской церкви. Показался сѣрый силуэтъ роднаго дома. Коляска мчалась, а я все таки торопилъ кучера. По пріѣздѣ въ усадьбу, отецъ выходилъ на крыльцо, цѣловалъ меня и говорилъ:

— Обѣдъ тебя давно ждетъ; супъ простылъ. Благополучно ли доѣхалъ? — спрашивалъ онъ меня за обѣдомъ.—Какъ ты выросъ! Ты совсѣмъ молодой человѣкъ.

Послѣ обѣда, отецъ становился съ трубкой у окна, а я летѣлъ

Digitized by Google

въ садъ, бѣгалъ по липовымъ аллеямъ, заглядывалъ въ парники и справлялся у садовника, скоро ли поспѣютъ ягоды.

Однообразно, но быстро проносились мои юные годы. Учился я недурно—меня выручали способности. Во мнѣ была врожденная наклонность къ мечтательности, къ задумчивой лѣни. Шестнадцати лѣтъ я пріѣхалъ уже въ деревню къ отцу въ сюртукѣ съ синимъ воротникомъ.

— На какой факультетъ ты поступилъ?—спросилъ отецъ.

— На медицинскій.

Отецъ меланхолически посмотрѣлъ вдаль и, улыбнувшись, спросилъ:

— Хочешь, я подарю тебѣ двустволку и собаку Діанку?

— Подари.

О Діанкѣ я давно мечталъ. Вольнонаемный поваръ Семенъ Аѳанасьевичъ, большой пьяница и страстный охотникъ, скоро выучилъ меня стрѣлять даже въ летъ. Я весь отдался охотѣ. Лѣто мелькнуло, какъ сплошной сладострастный кошмаръ.

III.

Опишу хоть одну изъ охотъ. Стоялъ іюль мѣсяцъ. Рано утромъ, едва показался огненный край солнца изъ-за лиловой черты далекаго лѣса и на зеленомъ лугу засверкали капли утренней росы, какъ бриллианты, разсыпанные пригоршнями,—я и поваръ Семенъ Аѳанасьевичъ направились къ кустамъ, расположеннымъ на пригоркѣ, по той сторонѣ рѣки, верстахъ въ двухъ отъ села. Діанка, конечно, шла съ нами. Собака весело виляла хвостомъ и радостно дрожала. Семенъ Аѳанасьевичъ былъ одѣтъ въ холщевый пиджакъ и такія же брюки, вправленныя въ невысокія рыжія голенища сапогъ, и его толстый, красный носъ торчалъ изъ-подъ козырька ватнаго картуза съ ушами. Черезъ плечо на немъ болтался потертый ягташъ съ сѣткой; на груди пистонница, дробовникъ и пороховница; въ рукахъ онъ несъ длинное-длинное одноствольное ружье; такія ружья и тогда встрѣчались довольно рѣдко. Поваръ больше походилъ на пожилую крестьянскую бабу, чѣмъ на егеря; но онъ выступалъ важно и самоувѣренно, и когда посматривалъ на меня, то, казалось, говорилъ: «Ты еще молокососъ, а все дѣло во мнѣ. На тебѣ зеленая шведская куртка, серебряная пистонница, патронташъ съ готовыми патронами и на головѣ у тебя бѣлая англійская шапочка; ботфорты, братъ, у тебя по бедра, и не ружье, а игрушечка о двухъ стволикахъ! Но только ты слушайся меня, ахъ, слушайся повара Семена, Аѳанасьева сына, перваго егеря въ околодкѣ»!

Digitized by Google

Перейдя узкую рѣчку, черезъ которую пастухъ, гналъ лѣниво бродившее точно спросонья, стадо,—мы поднялись въ гору, миновали березовую рощу и вышли на поляну, заросшую мелкимъ кустарникомъ.

— Что, еслибы здѣсь оказались тетеревиные выводки! — говорилъ я.

— А вы пошлите собаку; они должны здѣсь быть непремѣнно,— отвѣчалъ Семенъ Аѳанасьевичъ.

— Шершъ, Діанка! шершъ!—командовалъ я.

Діанка махнула хвостомъ, какъ-то нехотя прошла впередъ и начала обнюхивать мокрые кусты.

— Ищи, ищи! нечего смотрѣть-то,—строго сказалъ Семенъ Аѳанасьевичъ, крикнувъ на собаку.

Діанка обернулась на него черезъ плечо, быстрѣе завиляла хвостомъ и побѣжала въ кусты. Мы шли впередъ. Дичи не было признака, а Діанка все обнюхивала каждый кустикъ. Мы прошли уже съ версту. Вдругъ Діанка заторопилась, сдѣлала кругъ, съ лихорадочной привѣтливостью взглянула на насъ, подняла морду къ верху, вытянулась, перестала махать хвостомъ и тихо начала подвигаться впередъ.

— Причуяла... ведетъ! Берегите!—шепнулъ поваръ.

У меня загорѣлись глаза. Діанка, какъ магнитъ, тянула къ себѣ, подвигаясь впередъ, наконецъ, совсѣмъ остановилась, точно замерла на мѣстѣ; уши ея приподнялись. Мы никакъ не могли разглядѣть дичь; кромѣ кустовъ и зеленой травы, ничего не было видно.

— Авансъ!—крикнулъ я.

Собака продолжала стоять съ поднятой передней лапой.

— Пиль!—еще громче закричалъ я, сжимая въ рукѣ ружье.— Пиль, анаѳема!

Собака не двигалась, только мускулы ея морды какъ-то стали напряженнѣе. У меня сердце колотилось такъ сильно, что тѣснило грудь, было трудно дышать; вотъ-вотъ ружье выпадетъ изъ рукъ. А Діанка все стояла на трехъ ногахъ.

— Да пиль же, негодная!—закричалъ я.—Тебѣ говорятъ!—и я толкнулъ Діанку ногой.

Собака какъ бы проснулась, опустила на землю переднюю лапу, вся съёжилась и, какъ кошка, внезапно прыгнула впередъ; съ шумомъ, будто изъ-подъ земли, поднялся тетеревиный выводокъ. Я вскинулъ ружье и выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ разомъ. Одна изъ птицъ упала на траву.

— Молодой!—сказалъ я, спрятавъ тетеревёнка въ ягташъ.

— Надо подозвать старку,—посовѣтовалъ Семенъ Аѳанасье-

Digitized by Google

вичъ. — Здѣсь на полянѣ паслись, мать въ рощу вела! Давайте-ка подкликать. Умѣете?

Я началъ жалобно подсвистывать. Тетеревята откликнулись вдали, потомъ ближе. Изъ рощи заквохтала стàрка. Я время отъ времени переставалъ подсвистывать, когда слышался голосъ стàрки. Перекличка продолжалась нѣсколько минутъ. Отбившійся птенчикъ точно просилъ помощи, а мать отвѣчала: «не бойся, не бойся, сейчасъ выручу». Старая тетерька, наконецъ, выбѣжала изъ чащи съ распущенными крыльями и бросилась на крикъ. Мы смотрѣли сквозь вѣтки куста и боялись дышать. Діанка смирно сидѣла съ напряженнымъ вниманіемъ и поднятымъ къ верху носомъ. Она, какъ вѣжливая собака, понимала, что тутъ дѣло обойдется безъ нея, и сидѣла смирно. Выбѣжавъ на открытое мѣсто, старка на мгновеніе остановилась, а я опять свиснулъ. Тетерька бросилась бѣжать прямо на кустъ, подбѣжала и громко заквохтала. Свистъ замолкъ, тетерька еще громче заквохтала и приблизилась къ самому кусту, тревожно поворачивая голову направо и налѣво. Но вдругъ, вмѣсто своего дѣтеныша, она почти наткнулась на насъ и на собаку; крылья ея внезапно опустилась, голова судорожно двинулась впередъ. Но и мы не менѣе ея были поражены; Діанка задрожала, какъ въ лихорадкѣ; я хотѣлъ выстрѣлить и не могъ: мнѣ стало жаль птицу. Семенъ Аѳанасьевичъ презрительно посмотрѣлъ на меня. Тетерька пришла въ себя, взмахнула крыльями, высоко поднялась и улетѣла. Поваръ вспылилъ:

— Помилуйте, какой же вы егерь! Изъ-подъ носа упустили,— горячился онъ.

— А самъ-то ты чего не стрѣлялъ?

— Я на васъ понадѣялся, а вы нюни распустили!—злобно проворчалъ старый охотникъ, предпочитавшій всегда тратить зарядъ по сидящей дичи, а не въ летъ.

— Представь, у меня не хватило духу.

— Духу!—повторилъ старикъ.—Боялись, что промахнетесь! Не безпокойтесь, я бы ее срѣзалъ. Ахъ, срамота!

Я слушалъ, сознавая свою вину. Выкуривъ папироску, мы встали и снова пошли бродить по кустамъ, смотря на привскакивающую Діанку. Вдругъ вылетѣлъ шумовóй тетеревъ. Я вскинулъ ружье, выстрѣлилъ и птица упала. Спустя нѣсколько секундъ, выпалилъ Семенъ Аѳанасьевичъ изъ своей саженной одностволки.

— Пожалуйте!—съ торжествомъ вскричалъ онъ,—вотъ какъ я его ловко срѣзалъ!

— Какъ ты срѣзалъ?..—съ удивленіемъ возразилъ я.—Ты выстрѣлилъ, когда чернышъ лежалъ уже на землѣ.

— Зачѣмъ такъ говорить? Вы пропуделяли, а я убилъ!.. вѣрно!

Digitized by Google

— Ну, знаешь что, Семенъ Аѳанасьевичъ, такого наглаго врунa я еще не видалъ,—отвѣчалъ я, разсердившись.

— Наглый врунъ! Знаю я васъ. Чужими руками жаръ загребать вы мастера. Ничего, кладите въ ягташъ, хвастайтесь!

— Послушай, но это ужь наконецъ возмутительно!

— Знаемъ мы васъ, какой вы есть егерь,—продолжалъ старикъ.— Я набью вашъ ягташъ-то, а вы придете домой да похвастаетесь. Со мной ваше дѣло не *попретъ*, вамъ еще далеко до меня. Вотъ попробуйте изъ-подъ моего ружья убить хоть одну птицу. Ну, тогда я согласенъ буду на пальцѣ ее жарить.

— Въ такомъ случаѣ убирайся отъ меня прочь!—закричалъ я, выведенный изъ терпѣнія.

— Что же, пойду. Эка невидаль! Вы думаете, весело мнѣ считать ваши пуделя-то?

Онъ ушелъ. Я остался одинъ. Вдругъ Діанка причуяла дичь и позади меня послышался сдавленный, трепещущій голосъ Семена Аѳанасьевича:

— Пожалуйте. Что же вы ротъ-то разинули? Собака ведетъ!— Повторялась та же исторія: Семенъ Аѳанасьевичъ стрѣлялъ, когда птица уже лежала на землѣ, и торжественно объявлялъ, что «*онъ ее срѣзалъ*». Я уже не спорилъ и не раздражался, не желая огорчать наивнаго старика. Въ полдень мы возвратились домой съ полными ягташами.

IV.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Красныхъ Тоней находилось большое имѣніе Домнино, принадлежавшее статскому совѣтнику Михаилу Андреевичу Соршину. Онъ служилъ когда-то въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и былъ на хорошемъ счету у начальства; въ чинѣ статскаго совѣтника онъ сочетался бракомъ съ дочерью одного богатаго степнаго помѣщика и вышелъ въ отставку. Владѣлъ онъ нѣсколькими тысячами душъ крестьянъ и любилъ, когда его называли *генераломъ*, хотя былъ еще только на порогѣ этого почетнаго ранга. Имѣнія его были запущены. Онъ и жена его, Наталья Яковлевна, были люди добрые, мягкосердечные, и сосѣди обыкновенно приводили ихъ въ примѣръ, когда надо было доказать, что мягкость и доброта въ обращеніи съ крестьянами—большое зло и только разоряютъ крестьянъ. Самъ онъ не сознавалъ своихъ недостатковъ, постоянно хлопоталъ, строилъ тутъ мельницу, тамъ фабрику, заводилъ порядки, и все кончалось еще пущими безпорядками. Въ неурожайный годъ онъ затѣялъ вырыть у себя въ саду громадный

Digitized by Google

прудъ, чтобы дать возможность крестьянамъ заработать на хлѣбъ. Отъ пруда стала распространяться сырость и Наталья Яковлевна жаловалась, что у нея болятъ зубы. На слѣдующій годъ, большихъ денегъ и усилій стоило засыпать прудъ, сравнять его съ землей и засадить цвѣтами. Михаилъ Андреевичъ былъ поклонникомъ «Русскаго Вѣстника» и англійскаго самоуправленія. Въ обширномъ дворѣ его собирались крестьянскія сходки; онъ выходилъ къ мужикамъ и отбиралъ голоса.

«Справедливый господинъ»,—говорили о немъ крестьяне,—«золотой человѣкъ». «Глупъ, глупъ человѣкъ»!—добродушно прибавляли нѣкоторые.

У него было двѣ дочери и одинъ сынъ. Ольга Михайловна была старшая, и ей уже исполнилось семнадцать лѣтъ, а Машенька ходила еще въ коротенькихъ платьицахъ и училась. Мальчикъ воспитывался въ Москвѣ, звали его Викторомъ.

Ольга Михайловна была прехорошенькая барышня, тоненькая, высокая смуглянка съ черными, какъ вороново крыло, волосами, съ большими темными глазами и съ улыбкой, которая очаровывала всѣхъ. Образованія она была домашняго, отлично знала общую исторію и плохо русскую, могла рѣшать ариѳметическія задачи, много читала про городъ Парижъ, свободно болтала по французски и по нѣмецки, пѣла и играла, была знакома съ греческой миѳологіей и кое-что слышала о естественныхъ наукахъ.

Въ то время, только что освободили крестьянъ. Помѣщики ждали большаго прилива денегъ за выкупъ крестьянскихъ надѣловъ и не всѣ горевали. Михаилъ Андреевичъ, какъ либералъ, утверждалъ даже, что новая эра наступила не только для бывшихъ крѣпостныхъ рабовъ, но и для помѣщиковъ, которые, проникшись идеей законности и равноправности, по неволѣ должны будутъ заботиться о томъ, чтобы стать первымъ сословіемъ въ государствѣ путемъ личныхъ заслугъ. Дворня оставалась жить въ Домнинской усадьбѣ и не уменьшилось ни число поваровъ, ни число кучеровъ, горничныхъ и комнатныхъ дѣвчонокъ, а лакейская по прежнему была населена сытыми тунеядцами въ бѣлыхъ галстукахъ и съ жирными икрами. Домъ Михаила Андреевича строенъ былъ еще при Павлѣ I однимъ изъ приближенныхъ капризнаго императора. Онъ былъ довольно мраченъ, въ чистомъ стилѣ empire,—т. е. съ колоннами, со львами, съ классическими барельефами,—просторенъ и даже великъ. Павловскій вельможа, вскорѣ очутившійся въ опалѣ, на досугѣ занимался литературой, и его домнинская библіотека была, вѣроятно, одною изъ лучшихъ въ губерніи; начиная съ XVII вѣка, въ ней были собраны всѣ замѣчательныя сочиненія филосо-

Digitized by Google

фовъ, историковъ и поэтовъ, преимущественно на французскомъ языкѣ. Переплетенныя въ кожу, золотообрѣзныя, солидныя и почтенныя, какъ сѣдая старина, они занимали полки двѣнадцати шкафовъ, которые всѣ были краснаго дерева съ золоченными бронзовыми украшеніями. Между шкафами, на равномъ разстояніи другъ отъ друга, стояли мраморные бюсты великихъ людей; а посрединѣ библіотеки, подъ стекляннымъ потолкомъ, — откуда сверху падалъ свѣтъ яркими снопами,—незыблемо, словно впущенный въ паркетъ, помѣщался большой старый столъ тоже краснаго дерева, на вычурныхъ грифахъ, оклееный зеленымъ марокеномъ съ тонкими золотыми тисненіями. Два глобуса—небесный и земной—украшали собою столъ, вмѣстѣ съ тяжелой бронзовой чернильницей; посрединѣ на металическомъ ободкѣ чернильницы вырѣзана была латинская надпись: «veritas est in puteo» («истина въ колодцѣ»). Купивъ лѣтъ двадцать тому назадъ Домнино, Михаилъ Андреевичъ не сдѣлалъ никакихъ перемѣнъ въ обстановкѣ усадьбы. Былъ онъ человѣкъ со вкусомъ и понималъ, что есть вѣчныя моды; къ тому же стиль empire нравился его чиновничьей душѣ. Библіотека стала съ нѣкоторыхъ поръ любимой комнатой Ольги Михайловны. Читала она много и безпорядочно. Въ то время всѣ читали такъ... Бываютъ въ жизни націй настроенія, подготовленныя работой предъидущихъ поколѣній и внезапно охватывающія потомковъ. Неожиданно, какъ съ облаковъ, слетаетъ жажда благородныхъ подвиговъ, потребность занять умъ высокими мыслями, страсть къ знанію и пренебреженіе матеріальными благами. Михаилъ Андреевичъ думалъ, что на его Олю сильно повліяла Жоржъ Зандъ. Но романы Жоржъ Зандъ были только одною изъ безчисленныхъ причинъ той *тоски обновленія*, которая одушевляла въ шестидесятыхъ годахъ русское общество. Отецъ мой, видя, что я черезчуръ увлекаюсь охотой и даже похудѣлъ отъ нея, посовѣтовалъ мнѣ съѣздить къ сосѣдямъ. Онъ далъ мнѣ порученіе къ Михаилу Андреевичу Соршину и я поѣхалъ въ Домнино.

Владѣлецъ Домнина, переговоривъ со мной, представилъ меня своей женѣ и старшей дочери. Встрѣча моя съ Олей произошла въ библіотекѣ.

— Что вы читаете? — спросилъ я барышню послѣ первыхъ фразъ, которыми мы обмѣнялись.

Толстая книга лежала передъ Ольгой Михайловной разрѣзанная до половины.

— Я читаю Бокля.

— Я не читалъ этой книги.

— Хотите, я пришлю вамъ, когда прочитаю?

Digitized by Google

— Пожалуйста.

— И вы мнѣ скажете ваше мнѣніе. Здѣсь не съ кѣмъ поговорить. Главный мой собесѣдникъ—папа, но онъ часто занятъ... да и его убѣжденія я не всегда раздѣляю. Онъ очень хорошій, хорошій человѣкъ,—поспѣшила прибавить Оля:—онъ добрый, но все же мы рѣдко понимаемъ другъ друга...

— Мы съ ней часто споримъ,—съ улыбкой произнесъ Соршинъ.—Она горячая голова. Пріѣзжайте къ намъ.

— Но вы у насъ останетесь обѣдать?—пригласила Ольга Михайловна.

— Конечно, останетесь обѣдать,—потвердилъ Соршинъ.

Я провелъ почти весь день въ Домнинѣ и уѣхалъ влюбленный въ Ольгу Михайловну. Охота вдругъ вытѣснена была изъ моей головы прелестной барышней, разсуждающей о Боклѣ. Черезъ недѣлю я получилъ Бокля и началъ его читать, читалъ двѣ ночи подъ рядъ, и, когда осталось двѣ страницы, велѣлъ закладывать фаэтонъ. Покончивъ съ послѣдней страницей, я взялъ книгу и помчался въ Домнино.

— Чудная книга!—сказалъ я, пожимая руку Ольгѣ Михайловнѣ.

— Не правда ли?

— Сколько новыхъ оригинальныхъ идей!

Глаза Ольги Михайловны сверкали; румянецъ игралъ на ея открытомъ нѣжномъ лицѣ. «Конечно, что̀ можетъ быть лучше Бокля!» думалъ я, съ восторгомъ глядя на Ольгу Михайловну.

— Послушайте, вы меня застали на мѣстѣ преступленія,—начала она.—Вы не боитесь тифа? Я бы предложила вамъ проводить меня въ деревню. Одна бѣдная дѣвочка страшно больна; мать ея и братья въ полѣ, а ей некому даже подать напиться. Я хотѣла отнести ей морсу. Правда, она уже поправляется; но, говорятъ, въ это время болѣзнь особенно бываетъ прилипчива. Ни папа, ни мама, разумѣется, не должны знать, что мы пошли къ тифознымъ,—шопотомъ пояснила она.

Отчего бы не пойти къ тифознымъ съ Ольгой Михайловной? Съ удовольствіемъ можно было бы пойти даже къ холернымъ и въ самое гнѣздо моровой язвы. Ольга Михайловна позволила мнѣ нести банку съ морсомъ и картузикъ съ сахаромъ. Идя по пустыннымъ улицамъ подъ палящимъ солнцемъ, мы продолжали разговаривать о Боклѣ.

— Вотъ здѣсь,—сказала Оля и первая вошла въ темную избу.

Я увидѣлъ на палатяхъ дѣвчонку-подростка, прикрытую рваным тулупомъ. Блѣдное личико ея со спутанными свѣтлыми волосами засіяло радостью; она болѣзненно улыбнулась Ольгѣ Михайловнѣ.

Digitized by Google

— Что тебѣ лучше?—спросила барышня.

— Луч-чши.

— Я тебѣ лѣкарство принесла, Проня, и привела доктора. Это докторъ, слышишь?

— Попробуйте ея пульсъ.

Я взялъ Проню за пульсъ.

— Ну, что, нормальный пульсъ?

— Несовсѣмъ,—покраснѣвъ, отвѣчалъ я.

— Позвольте, я посмотрю,—сказала Ольга Михайловна.—Но ей гораздо лучше,—продолжала барышня, подержавъ дѣвочку за руку.—Ты напрасно такъ укрываешься. Я сейчасъ сдѣлаю тебѣ питье. Когда захочется, пей, но понемногу. На тебѣ сахару. Ты ужь можешь вставать?

— Ноги еще слабенькія.

— Какъ душно здѣсь! Сколько мухъ!—сказалъ я.

— А, давайте выгонимъ мухъ,—предложила Ольга Михайловна.—Спугнемъ ихъ сначала съ этого угла, сгонимъ на окно, вдругъ раскроемъ и... Пошли вонъ! Пошли вонъ!

Она стала махать своимъ раздушеннымъ платкомъ. Я тоже. Мы выгнали побѣдоносно нѣсколько десятковъ мухъ, запыхались и намъ было весело.

— До свиданья, Проня. Будь здорова!—сказала барышня и поцѣловала дѣвочку въ лобъ.

— Благодарю васъ, — начала она на улицѣ и крѣпко пожала мнѣ руку.—Еслибы вы чаще бывали въ Домнинѣ, вы всегда были бы моимъ провожатымъ въ такого рода, какъ это говорится?—экскур-сі-яхъ,—по слогамъ протянула она.

Черезъ нѣсколько шаговъ, она со вздохомъ промолвила:

— Ахъ, Владиміръ Николаевичъ, въ какой нищетѣ живутъ эти люди... У многихъ нѣтъ даже самаго необходимаго! Кто долженъ помочь имъ?

— Разумѣется, передовое сословіе.

— Но какъ? Научите!

— Развѣ вы не помогаете ближнимъ?

— Хороша помощь!—горячо вскричала Ольга Михайловна.—Жалкая помощь!

Вернувшись домой, мы съ самымъ серьезнымъ видомъ часа два говорили о ближнихъ, сидя въ роскошной прохладной библіотекѣ. Но, говоря о ближнихъ, мы чувствовали потребность ко взаимному сближенію; мы были ближе другъ къ другу, чѣмъ неимущій къ намъ...

Я сталъ бывать въ Домнинѣ каждый день. Отецъ покуривалъ

Digitized by Google

трубку, и меланхолическое лицо его всегда прояснялось при моемъ появленіи изъ Домнина.

Родители Ольги Михайловны, руководствуясь смутнымъ предчувствіемъ какой-то необыкновенной свободы, которая должна скоро настать вообще, предоставляли дочери дѣлать, что ей вздумается. Она брала съ собой гувернантку и сама отправлялась въ Красныя Горки къ намъ, гдѣ оставалась часто до вечера, а потомъ я провожалъ ее обратно въ Домнино, и вмѣстѣ мы любовались луной, выплывавшей изъ-за лѣса, вдыхали ароматъ скошеннаго сѣна или поспѣвающей гречихи и даже находили время прогуляться по обширному домнинскому парку.

— Пойдемте, пойдемте; что за бѣда! Мнѣ надо кое-о-чемъ спросить васъ!—говорила Ольга Михайловна однажды, когда мы поздно засидѣлись въ паркѣ и старая гувернантка ея, madame Портье д'Аркъ, заснула на садовой скамейкѣ, впрочемъ, въ хитрой педагогической позѣ, такъ какъ, засыпая, ей хотѣлось показать, что отъ нея ничего не можетъ ускользнуть. На востокѣ уже обозначалась розовая полоса зари, и яркій мѣсяцъ поблѣднѣлъ. Какой-то прекрасный тонкій ядъ одновременно влился въ наши юныя сердца и заставилъ насъ быть чуткими къ красотѣ ночи, къ нѣгѣ сумрака къ мистическому сладострастію лунныхъ лучей. Ольга Михайловна и я насилу разстались.

— Завтра, не правда ли?

— Завтра.

V.

По случаю празднованія дня рожденія Натальи Яковлевны Соршиной, въ Домнинѣ былъ заданъ парадный обѣдъ, а вечеромъ—деревенскій балъ. Въ усадьбу наѣхало множество помѣщиковъ въ модныхъ вѣнскихъ и допотопныхъ каретахъ, коляскахъ, тарантасахъ и линейкахъ, обитыхъ краснымъ сукномъ. Барышни въ свѣтлыхъ кисейныхъ платьяхъ, перетянутыя въ рюмочку и подпоясанныя разноцвѣтными лентами, носились по залѣ, какъ бабочки; и я невольно сравнивалъ ихъ съ Ольгой Михайловной—какая разница! На ней было то же самое простое платье, но вмѣсто искусственныхъ цвѣтовъ и золотыхъ колосьевъ, какіе были тогда въ модѣ, она зашпилила въ волосы свѣжіе цвѣты.

— Прелестна, какъ ангелъ, и очаровательна, какъ фея,—сказалъ о ней пожилой губернскій франтъ, носившій сѣдые усы и бородку à la Napoléon.

Я очень увлекался красотой барышни и ея честными стремле-

ніями. Я не могъ не замѣтить, что эта Ольга Михайловна—прехорошенькая, что ея красивые глаза очень часто горятъ страстью, что молодая грудь неровно дышетъ и кисея лифа обнаруживаетъ учащенное біеніе сердца. Сознаюсь, я влюбился въ красавицу-сосѣдку и, также какъ всѣ герои шестидесятыхъ годовъ, считавшіе себя реалистами, не хотѣлъ сознать того, что было такъ ясно для всѣхъ. Отъ экзальтаціи Ольги Михайловны Соршиной и безотчетнаго моего увлеченія, природа, само собой разумѣется, не измѣнила своихъ законовъ: насъ тянуло другъ къ другу. Въ концѣ вечера, послѣ бѣшеныхъ танцевъ, т. е. самыхъ страстныхъ объятій подъ музыку, Ольга Михайловна сказала мнѣ:

— Пройдемтесь немножко въ паркъ, здѣсь ужасно душно.

Я подалъ руку барышнѣ, мы сошли съ балкона и направили свои шаги по густой липовой аллеѣ, ведущей къ парку. Была чудная лѣтняя ночь; вся .природа точно погрузилась въ сладкое забытье; темное южное небо, усѣянное міріадами звѣздъ, также будто дремало; запахъ цвѣтовъ и недавно скошенной травы своимъ ароматомъ пріятно щекоталъ нервы; по мѣрѣ того какъ мы удалялись отъ дома, долетавшіе до насъ звуки музыки дѣлались мягче, нѣжнѣе. Дойдя до конца аллеи, Ольга Михайловна сказала:

— Сядемъ здѣсь, мнѣ хочется немножко отдохнуть и подышать чудеснымъ воздухомъ.

Мы сѣли на скамью и нѣкоторое время хранили молчаніе. Ольга Михайловна была въ нервномъ настроеніи духа. Обмахиваясь вѣеромъ, она разсѣянно бросала взгляды на все окружающее. Я попробовалъ было заговорить о Боклѣ, о какой-то статьѣ Чернышевскаго, но собесѣдница не поддержала разговора, какъ это было до сихъ поръ, и отвѣчала односложными: «да, нѣтъ». Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на Ольгу Михайловну и не узнавалъ ея: до такой степени я еще не былъ реаленъ, чтобы понять дѣйствіе музыки на молодые воспріимчивые нервы. До сихъ поръ, гуляя съ Ольгой Михайловной, я не замѣчалъ ничего подобнаго, потому что не было тѣхъ стимуловъ, возбуждающихъ нервную систему, которые являются въ ярко освѣщенной залѣ, при танцахъ съ молодыми людьми, подъ звуки музыки, всегда кажущейся соблазнительной, какъ бы эта музыка ни была плоха сама по себѣ. Я было попробовалъ заговорить о больныхъ крестьянахъ, объ охотѣ, о природѣ, но бесѣда не клеилась. Ольга Михайловна молча смотрѣла на меня, иногда улыбалась, но разговора не поддерживала; это обстоятельство наконецъ сконфузило меня, и я замолчалъ. Барышня продолжала смотрѣть на меня въ упоръ, въ ея глазахъ порой вспыхивалъ какой-то особенный огонекъ. Я это замѣтилъ и еще болѣе

Digitized by Google

сконфузился. Такимъ образомъ, нѣкоторое время мы сидѣли молча; наконецъ, Ольга Михайловна встала и предложила пройтись по парку. Когда горячая рука ея коснулась моей руки, мнѣ показалось, что походка ея не такая, какъ обыкновенно; она шла неровными шагами, черезчуръ сильно опираясь на мою руку. Между тѣмъ, кругомъ все такъ было хорошо; на горизонтѣ всплывала полная луна, эта вѣчная нѣмая свидѣтельница всѣхъ романическихъ людскихъ приключеній. Въ куртинахъ парка было темно; высокія деревья имѣли какую-то фантастическую форму; въ камышѣ, въ концѣ пруда, лѣниво кричалъ коростель; гдѣ-то недалеко въ травѣ, точно спросонья, подалъ голосъ сверчокъ и замолкъ; по временамъ нѣжные звуки музыки доносились до нашего слуха. Сдѣлавъ нѣсколько туровъ по аллеѣ, Ольга Михайловна сказала:

— А знаете, что мнѣ пришло въ голову: поѣдемте кататься по пруду на лодкѣ.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ я, приходя въ себя.

Мы окружили прудъ и подошли къ купальнѣ, около которой была привязана лодка. Ольга Михайловна начала развязывать веревочку въ двери купальни и никакъ не могла этого сдѣлать; у нея почему-то дрожали руки.

— Позвольте я развяжу, вы не умѣете,—сказалъ я.

И дѣйствительно я скоро развязалъ веревочку, отворилъ дверь и мы вошли въ купальню. Вмѣсто того чтобы прямо сѣсть въ яликъ, Ольга Михайловна опустилась на скамью и, обращаясь ко мнѣ, сказала:

— Посидимъ, здѣсь такъ хорошо, прохладно.

Я сѣлъ рядомъ съ барышней, пристально взглянувъ на нее, и самъ не знаю отчего — страшно сконфузился, опустилъ глаза и молчалъ. Ольга Михайловна, собравъ вѣеръ, играла имъ, пристально глядя на меня, что меня конфузило еще болѣе. Между тѣмъ полная луна уже взошла на небѣ, въ купальнѣ былъ полумракъ, съ пруда по временамъ вѣяло прохладой; маленькая лодочка, привязанная къ лѣсенкѣ, тихо, едва замѣтно, колыхалась; какъ будто изъ нѣдръ земли слышался глухой концертъ лягушекъ, акомпанируемый звуками музыки. Ольга Михайловна не спускала съ меня глазъ и улыбалась; я потерялъ всякую способность къ краснорѣчію. Бокль, Маколей, Чернышевскій, а равно и манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, были забыты. Я съ восторгомъ созерцалъ дивную красоту Ольги Михайловны и страшно конфузился. Положеніе насъ обоихъ было самое критическое; наше молчаніе въ этой обстановкѣ имѣло что-то страстное, жгучее, молодое. Наконецъ, я не выдержалъ и сказалъ:

Digitized by Google

— Ольга Михайловна, вы, кажется, хотѣли кататься въ лодкѣ?

— Ахъ, да и то правда! — отвѣчала барышня, точно пробуждаясь отъ сладкаго сновидѣнія:—сядемъ въ лодку.

— Но, позвольте, сначала я развяжу веревку и васъ посажу

Сказавъ это, я прыгнулъ въ лодку, привелъ въ порядокъ весла, расправилъ ремешокъ руля и, обращаясь къ барышнѣ, сказалъ:

— Дайте вашу руку, прыгайте въ лодку.

Ольга Михайловна подала мнѣ руку; одной ногой она стала на бортъ, а другой прыгнула въ середину, отчего лодка заколыхалась сильнѣе и барышня потеряла равновѣсіе; я поспѣшилъ ее поддержать; при этомъ наши лица очутились очень близко одно отъ другаго, глаза юной красавицы смотрѣли прямо на меня; она улыбалась. Я уже почувствовалъ струю ея горячаго дыханія, и хотя опасность уже давно миновала и лодка перестала колебаться, но я продолжалъ держать ее въ объятіяхъ: ея улыбка и блескъ выразительныхъ глазъ производили на меня чарующее впечатлѣніе. Въ свою очередь, я улыбнулся и, самъ не сознавая, что дѣлаю, прильнулъ своими губами къ губамъ Ольги Михайловны. Она восторженно, страстно отвѣчала на мой поцѣлуй, точно хотѣла сжечь всю мою душу; отъ этого движенія лодка опять заколебалась еще сильнѣе; изъ дома слышались звуки музыки, и мы точно танцовали польку, слившись въ одномъ страстномъ поцѣлуѣ. Въ это самое время, вдругъ на противоположномъ берегу пруда раздались крики старой гувернантки:

— Оля, Владиміръ Николаевичъ, гдѣ вы?

— Мы здѣсь, около купальни; захотѣли покататься въ лодкѣ,— отвѣчала Ольга Михайловна, быстро отскакивая отъ меня.

— Какіе вы сумашедшіе!—говорила гувернатка,—развѣ можно ночью кататься по пруду: онъ такой глубокій! Идите домой, скоро сядутъ ужинать.

Возвратясь въ домъ, Ольга Михайловна отправилась въ уборную, привела въ порядокъ свой туалетъ и вышла къ ужину, какъ ни въ чемъ не бывало. Только лицо ея нѣсколько поблѣднѣло, что, впрочемъ, дѣлало ее еще болѣе интересною. За ужиномъ я непремѣнно хотѣлъ сѣсть рядомъ съ предметомъ моего обожанія, но это мнѣ не удалось. Ольга Михайловна помѣстилась около своей матери и старой гувернантки. Послѣ ужина, я также потерпѣлъ неудачу въ моемъ намѣреніи прогуляться съ Олей по парку; она видимо меня избѣгала и все время сидѣла рядомъ съ матерью. Я былъ въ отчаяніи и, видя, что гости всѣ разъѣзжаются, взялъ шапку и въ свою очередь сталъ прощаться. Ольга Михайловна холодно подала мнѣ руку

Digitized by Google

и даже не взглянула на меня; я уѣхалъ съ самыми мрачными думами... Что же за причина перемѣны Ольги Михайловны? Причину объяснить легко. Ольга Михайловна въ одинъ вечеръ перечувствовала многое. Обстановка бала, музыка, танцы, ночная прогулка возбудили нервы ея страстнаго молодаго организма до самозабвенія. Она расцѣловалась со мной, кого избрала ея душа, и, еслибы не помѣшала гувернантка, поцѣлуй этотъ могъ имѣть роковыя послѣдствія; влюбленная барышня увлеклась, но это былъ лишь моментъ, невольная дань молодому страстному организму. Впослѣдствіи, быть можетъ, она бы и полюбила меня серьезно; но поцѣлуй испортилъ все: идею свою Ольга Михайловна любила болѣе, чѣмъ меня. Когда послѣ бала она пришла къ себѣ въ комнату и осталась одна, она вспомнила сцену въ лодкѣ, свое увлеченіе—и вдругъ ей стало страшно совѣстно: «значитъ всѣ эти бесѣды о міровыхъ вопросахъ, о страданіяхъ человѣчества, о цивилизаціи, о прогрессѣ, о свободѣ, клонились лишь къ тому, чтобы я съ нимъ расцѣловалась»,—думала барышня:—«фу, какой позоръ!» Дѣйствительно, еслибы Соршина встрѣтилась со мной при другихъ условіяхъ, не тревожа ни Бокля, ни Маколея, ни Дрепера, ни манифеста объ освобожденіи крестьянъ, встрѣтилась бы просто, какъ встрѣчаются всѣ молодые люди, побуждаемые такъ называемыми благородными намѣреніями, если не теперь, то по окончаніи курса въ университетѣ я могъ бы жениться на ней. Я былъ единственный сынъ у отца, извѣстнаго, не бѣднаго помѣщика, да и самъ на хорошей дорогѣ,—чѣмъ не женихъ? Она также богатая невѣста, прекрасно воспитанная барышня. Мы могли обвѣнчаться и составить прекрасную пару. Но на меня Ольга Михайловна смотрѣла не такъ, какъ на *партію*. Она заинтересовалась мною, потому что я сочувствовалъ ея идеямъ, и вдругъ это сочувствіе такъ пошло кончилось — заурядным поцѣлуемъ! Насколько правильны были сужденія Ольги Михайловны, вопросъ сторонній; я подчеркиваю только фактъ, что эта дѣвушка шестидесятыхъ годовъ хотя и читала всевозможныя умныя книги, но идея ея была безусловно святая. Ольга Михайловна, заинтересовавшись мною, не «увлеклась», не смотря на свои радикальныя, даже матеріалистическія убѣжденія. Воспользовавшись ея увлеченіемъ, я сразу упалъ въ ея глазахъ; она сдала меня въ разрядъ *самцовъ*—и отвернулась. Все это произошло потому, что барышня была дѣйствительно увлечена жаждою дѣлъ великихъ, что въ глазахъ многихъ можетъ показаться—особенно въ наше время—смѣшнымъ. Въ эту знаменательную для Россіи эпоху, всѣхъ больше шокировали общество такъ называемыя нигилистки; ихъ всѣхъ огуломъ сдали въ одинъ разрядъ пошлыхъ авантюристокъ. Но дѣйствительно ли всѣ онѣ были пошлыми, или только такими каза-

Digitized by Google

лись?—этотъ вопросъ строгіе судьи до сихъ поръ не взяли на себя труда разрѣшить. Этихъ женщинъ можно было назвать сбитыми съ толку, иногда до смѣшнаго жалкими, но никакъ не пошлыми. Каждая изъ нихъ несомнѣнно обладала извѣстной суммой душевной силы; къ сожалѣнію, сила эта была нерѣдко направлена на дурное. Во всѣ времена и вѣка, женщина была раба или забава въ рукахъ мужчины; общество требовало отъ нея одной добродѣтели—половой неприкосновенности. Въ шестидесятыхъ же годахъ, когда повѣялъ духъ свободы, нѣкоторые кружки, куда попала ищущая свободной мысли женщина, потребовали отъ нея совершенно противоположнаго тому, что было въ старину—т. е. половой распущенности. Въ первомъ случаѣ, общество создавало тупую рабу, самку; во второмъ—русскую гетеру на соціально-политической подкладкѣ... Либерализмъ частенько обращался на нашей почвѣ въ либертинажъ. Однако, далеко не всѣ женщины шестидесятыхъ годовъ поддались софизмамъ *развивателей*, проповѣдывавшихъ, что половая распущенность является какъ бы продуктомъ свободы и протестомъ противъ общества, поработившаго свою женскую половину. Многія женщины, по чувству природной нравственной опрятности, съ омерзеніемъ отвернулись отъ грязи и пошли по своей собственной дорогѣ, искренно желая быть полезными обществу, служить ему всѣми силами своей души,—какъ и служили онѣ во время турецкой войны, въ качествѣ врачей и сестеръ милосердія. Имъ воздалъ справедливость и императоръ Александръ Николаевичъ, лично видѣвшій ихъ труды и подвиги.

VI.

Крѣпостное право уже давно здравомыслящими людьми считалось язвою россійскаго государства. Еще при императорѣ Александрѣ I, правительство нашло необходимымъ прекратить награжденіе сановниковъ землями, населенными свободными крестьянами, что, какъ извѣстно, при Екатеринѣ, Павлѣ и предшествовавшихъ имъ государяхъ, практиковалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Десятки тысячъ свободныхъ людей закрѣпощались въ вѣчное потомственное владѣніе придворныхъ фаворитовъ. Императоръ Николай I также сознавалъ необходимость уничтоженія крѣпостнаго права, но приближенные этого государя, большинство которыхъ состояло изъ крупныхъ помѣщиковъ, не сочувствовали освобожденію крестьянъ, и пугали царя революціей. Тѣмъ не менѣе императоръ принималъ уже мѣры, косвенно клонившіяся если не къ отмѣнѣ крѣпостнаго права, то, по крайней мѣрѣ, къ его ограниченію и упорядоченію; сюда относятся: учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ, съ

Digitized by Google

просвѣщеннымъ Киселевымъ во главѣ, установленіе системы «инвентарей» въ юго-западномъ краѣ и пр.

Это были уже важные шаги къ тому, что̀ совершилъ наслѣдникъ императора Николая I, Александръ II. Предсказанія сановниковъ-консерваторовъ не сбылись. Съ обнародованіемъ манифеста объ отмѣнѣ крѣпостной зависимости, революція не разразилась въ Россіи, но произошла великая безурядица по всему нашему обширному государству, какъ это бываетъ вездѣ и повсюду при коренныхъ реформахъ, т. е. въ переходную эпоху. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ по воцареніи императора Александра II, комитеты, устроенные для обсужденія крестьянскаго вопроса, работали почти открыто: ни для кого не было тайною, что государь окончательно рѣшилъ отмѣнить крѣпостное право. Казалось бы, общество должно было привыкнуть къ мысли, что не сегодня-завтра крестьянамъ дадутъ свободу, тѣмъ не менѣе, по обнародованіи манифеста, въ мартѣ 1861 года, началась, дѣйствительно, великая безтолочь повсюду. Лучшіе, образованнѣйшіе помѣщики сами добивались освобожденія крестьянъ, сами предлагали надѣлить ихъ землею, но значительная часть дворянства начала кричать, что правительство, освобождая крестьянъ, посягаетъ на собственность ихъ, помѣщиковъ; крестьяне, въ свою очередь, совсѣмъ потеряли голову; а тутъ же непрошенные дѣятели, задавшись задачей насколько возможно испортить эту великую реформу, стали увѣрять крестьянъ, что земля принадлежитъ имъ вся, даже безъ выдѣла въ пользу помѣщика, распустили въ народѣ слухъ о какой-то «золотой грамотѣ» съ двумя печатями, и говорили, что изданный манифестъ—фальшивый, а настоящій царскій—спрятали помѣщики. Въ университетахъ, гдѣ при императорѣ Николаѣ I учили маршировкѣ, гдѣ за каждое неосторожное слово студентъ шелъ подъ красную шапку, гдѣ, наконецъ, число учащихся было ограничено,—при обнародованіи манифеста произошли самыя прискорбныя волненія. Молодежь перестала заниматься наукой и посвятила себя какой-то своеобразной, младенческой политикѣ.

Въ одно очень ведряное весеннее утро, на дворъ къ отцу явилось нѣсколько крестьянъ-стариковъ, пожелавшихъ говорить съ помѣщикомъ.

— Здравствуйте, братцы,—привѣтствовалъ крестьянъ отецъ,—что̀ скажете хорошенькаго?

— Мы пришли къ тебѣ насчетъ воли потолковать.

— Да вѣдь вамъ читали манифестъ; о какой же тамъ волѣ мы будемъ разговоры вести?—спрашивалъ отецъ.

— Читать-то читали, да этотъ манифестъ—баютъ—не настоящій царскій,—отвѣчали, почесываясь, старики.

Digitized by Google

— Вы, братцы, совсѣмъ одурѣли; какого же вамъ еще настоящаго манифеста нужно?

— А того самаго, гдѣ прописано, что вся земля и усадьба помѣщицкая—наша крестьянская.

— Такого манифеста не было, да и не могло быть.

— Быть-то онъ былъ,—настаивали мужики.

— Куда же онъ дѣвался?

— Начальство и господа спрятали.

— Вотъ что̀, братцы,—отвѣчалъ отецъ, выведенный изъ терпѣнія этой нелѣпицей,—я вамъ совѣтую пустымъ слухамъ не вѣрить и съ подобными глупостями ко мнѣ не ходить.

Мужики, однако, не удовольствовались этимъ объясненіемъ, и та же *депутація* отправилась въ уѣздный городъ къ исправнику.

— Будь отецъ родной,—говорили депутаты исправнику,—покажи намъ золотую грамоту.

— Какую золотую грамоту?—съ удивленіемъ спрашивалъ исправникъ.

— А гдѣ настоящая воля прописана, съ двумя печатями.

— Кто же вамъ говорилъ, что такая грамота есть?

— Слухомъ земля полнится, Ѳедоръ Ѳедоровичъ; народъ бо̀лтаетъ, что, вишь, этотъ манифестъ, который намъ читали, не настоящій царскій, а тотъ, который царь пожаловалъ, господа спрятали.

Исправникъ мигомъ понялъ, въ чемъ дѣло, и посовѣтовалъ мужикамъ не вѣрить пустымъ слухамъ; царской грамоты никто не можетъ спрятать,—ни господа, ни начальство. Мужики, повидимому, убѣдились доводами исправника, но нашли необходимымъ повидаться и съ посредникомъ, отъ котораго, разумѣется, получили тотъ же отвѣтъ, что никакой грамоты съ двумя печатями не было и не могло быть. Такимъ образомъ, депутація, не добившись ничего въ уѣздномъ городѣ, отправилась обратно въ село. На другой день собрали міръ, обсудили дѣло и рѣшили вновь отправить къ помѣщику депутацію и просить его, по доброй волѣ, исполнить то, что̀ прописано въ золотой грамотѣ.

— Мы опять къ тебѣ, Николай Васильевичъ,—говорили мужики отцу.

— Что вамъ, братцы, надо?

— Да все насчетъ того же:—усадьбу намъ отдай и всю землю, а самъ ступай себѣ съ Богомъ.

— По какому же праву вы отъ меня требуете моей собственности и выгоняете изъ роднаго угла? Вы же слышали царскій манифестъ?

Digitized by Google

— Точно, слышали. Да онъ не настоящій царскій. Ты лучше уѣзжай, Николай Алексѣевичъ; мы тебѣ по душѣ совѣтуемъ, а то міръ хочетъ по бревешку разобрать всю твою усадьбу, а тебя самого повѣсить въ саду на березѣ.

— Что же я вамъ, братцы, дурнаго сдѣлалъ, за что вы хотите разорить и убить меня?

— Нѣтъ, ничего, помилуй Богъ, мы худа отъ тебя не видали; надо правду говорить, никакой обиды ты намъ не дѣлалъ, да вишь такъ въ золотой грамотѣ прописано, что вся земля и усадьба должна быть крестьянская, и коли помѣщикъ начнетъ супротивничать, лишить его живота.

Отецъ увидалъ, что тутъ резоны никакіе не помогутъ. Подумавъ немного, онъ сказалъ:

— Дайте, братцы, мнѣ хоть три дня сроку для сборовъ.

— Это можно,—снисходительно отвѣчали мужики и разошлись. Въ ту же ночь отецъ уѣхалъ въ губернскій городъ и сообщилъ губернатору о своемъ критическомъ положеніи; черезъ три дня, въ село Красныя Тони явилась военная команда съ возомъ розогъ. Началась порка, мужики страшно перепугались, бабы заголосили, мальчишки изъ-за угловъ хныкали. Когда десятка два самыхъ горячихъ сторонниковъ золотой грамоты были высѣчены, одинъ изъ бывшихъ депутатовъ,—тотъ самый, который такъ благодушно объявилъ отцу, что онъ будетъ повѣшенъ на березѣ,—подошелъ къ нему и, отозвавъ въ сторону, тихо сказалъ:

— Кормилецъ, Николай Алексѣевичъ, защити!

— Что же я могу теперь сдѣлать?

— Будь отецъ родной, замолви словечко.

— Я вѣдь вамъ говорилъ: не глупите,—отвѣчалъ отецъ,—добивались какой-то золотой грамоты, ну, вотъ и добились.

— Что толковать? зря болтали, мы теперь и сами видимъ. Эхъ, дѣло наше темное, безграмотное; совсѣмъ сбилъ насъ съ толку солдатъ прохожій.

— Ну, вотъ видите ли, солдатъ-то васъ смутилъ, а самъ остался въ сторонѣ, поди теперь, ищи его, а вы терпите, къ отвѣту васъ притянули.

— Что ужь толковать, дѣло совсѣмъ не гожее!—отвѣчалъ бывшій депутатъ.

Стараніями отца дальнѣйшая экзекуція была прекращена и мужики мирно разошлись по избамъ, убѣжденные, что «служивый», котораго они встрѣтили въ кабакѣ, зря болталъ о золотой грамотѣ. «Потому,—говорили мужики,—еслибы эта самая грамота доподлинно была, то пороть розгами народъ не посмѣли бы». Въ сосѣднихъ се-

Digitized by Google

*

лахъ иногда разыгрывались сцены гораздо прискорбнѣе. Изъ простаго недоразумѣнія крестьянъ господа карьеристы дѣлали бунты, употребляя не только розги, но пули и штыки. Всѣ эти факты давно отмѣтила исторія въ разныхъ мемуарахъ; намъ остается лишь подтвердить мнѣніе, выраженное всей Европой. Процедура освобожденія крестьянъ—эта капитальнѣйшая реформа—прошла въ Россіи такъ, какъ нигдѣ въ цѣломъ мірѣ. Никакой революціи не разразилось; были нѣкоторыя, дѣйствительно прискорбныя недоразумѣнія, благодаря *прохожимъ солдатамъ*, но недоразумѣнія эти были мѣстныя, а не общія, и скоро разрѣшались. Во всякомъ случаѣ, толчокъ былъ данъ; *подлый народъ* сдѣлался народомъ-гражданиномъ...

VII.

Сильно захандрилъ я, видя такую рѣзкую перемѣну въ Ольгѣ Михайловнѣ. Мнѣ казалось, что я не подалъ повода ни къ чему подобному. Напрасно Семенъ Аѳанасьевичъ звалъ меня на охоту, клялся всѣми святыми, что подъ Чернолѣскомъ есть два тетеревиныхъ выводка. Напрасно Діанка ухаживала за мной, привѣтливо махала хвостомъ, прыгала, точно звала подъ Чернолѣсокъ. Мнѣ было не до охоты; я цѣлые дни ходилъ, какъ въ воду опущенный, пробовалъ ѣздить въ Домнино, хотѣлъ объясниться съ Ольгой Михайловной, но этого мнѣ никакъ не удавалось. Барышня видимо избѣгала оставаться со мной вдвоемъ, а если и случалось застать ее гдѣ нибудь въ крестьянской избѣ, то Ольга Михайловна обдавала меня такимъ холодомъ, отъ котораго я чуть не терялъ разсудокъ. Тщетно я заводилъ бесѣду объ умныхъ книгахъ и освобожденіи крестьянъ,—барышня разговора не поддерживала; вмѣсто прежняго оживленія, на губахъ ея появилась ироническая улыбка. Наконецъ, я рѣшился съ нею объясниться.

— Что съ вами сдѣлалось, Ольга Михайловна?—спросилъ я одинъ разъ, когда мы возвращались изъ села въ усадьбу.

— Какой странный вопросъ! со мной ничего не сдѣлалось,—холодно отвѣтила Соршина.

— Но, помилуйте, вы болѣе не отзываетесь на тѣ вопросы, которые, еще такъ недавно, были близки и дороги вашему сердцу. Теперь Россія переживаетъ замѣчательную эпоху: крестьяне получили свободу, все зашевелилось, именно теперь мы могли бы съ вами осуществить наши идеалы.

— А вы, Владиміръ Николаевичъ, развѣ *серьезно* сочувствуете этимъ идеаламъ?—насмѣшливо спросила Ольга Михайловна.

Digitized by Google

— Конечно... неужели въ этомъ можетъ быть сомнѣніе?!.

— Представьте себѣ, а мнѣ кажется совершенно напротивъ. Эти, какъ вы называете, «святые вопросы» и «идеалы» служатъ лишь средствомъ для достиженія вами *личныхъ* интересовъ,—отрѣзала молодая дѣвушка.

— Но, Боже мой!—вскричалъ я,—чѣмъ же я заслужилъ такое ужасное мнѣніе?

— Для меня оно не кажется ужаснымъ,—отвѣчала Соршина.— Почему?—позвольте не объяснять. Да и вообще, Владиміръ Николаевичъ, я бы просила васъ и на будущее время не вести со мной подобныхъ разговоровъ, потому что они, увѣряю васъ, ровно ни къ чему не поведутъ,—добавила Ольга Михайловна, войдя на балконъ дома.

Я увидалъ, что здѣсь уже все кончено, и смутно сталъ догадываться, что поцѣлуй въ лодкѣ испортилъ все дѣло: мнѣ не слѣдовало пользоваться порывомъ Ольги Михайловны. Теперь одно мнѣ осталось,—искать утѣшенія въ наукѣ и въ осуществленіи того идеала, къ которому стремилась моя душа. Ольга Михайловна была ко мнѣ несправедлива; она и тутъ увлеклась, и увлеклась только одной стороной дѣла. Я расцѣловалъ ее, когда она упала ко мнѣ въ объятія, прыгая въ лодку, что было совершенно естественно съ моей стороны. Хорошенькая Оля мнѣ нравилась, притомъ же она сама была всему причиной: предложила прогулку въ паркѣ, потомъ катанье въ лодкѣ и, наконецъ, этотъ роковой прыжокъ, окончившійся поцѣлуемъ... Иначе и быть не могло, и это нисколько не доказываетъ, чтобы я былъ пошлымъ ухаживателемъ и, какъ выразилась Ольга Михайловна, разыгрывалъ роль передоваго человѣка, сочувствующаго всему прекрасному, для достиженія своихъ «личныхъ цѣлей». Но что же прикажете дѣлать?—у женщинъ есть своя собственная логика; разубѣдить ихъ въ томъ, что онѣ забрали себѣ въ голову, почти невозможно. Я увидалъ, что романъ мой *отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть*; простился съ отцомъ и поспѣшилъ въ Москву, въ университетъ, гдѣ должны были начаться лекціи. Въ шестидесятыхъ годахъ, во всѣхъ университетахъ—и въ особенности московскомъ—было очень шумно. Большинство молодежи посѣщали лекціи, но серьезно наукой не занимались; они были озабочены устройствомъ судьбы простаго русскаго народа. Въ аудиторіяхъ открыто читали «Колоколъ», «Полярную звѣзду», «Будущность христіанской религіи», Фейербаха, «Матерія и сила» Бюхнера и т. п. сочиненія. Появилась масса возмутительныхъ листковъ самаго оригинальнаго содержанія. Всѣхъ больше шумѣли второй и первый курсы, гимназисты и гимназистки. Студенты старшихъ курсовъ,

Digitized by Google

хотя на словахъ и сочувствовали *общему движенію*, но активнаго участія въ немъ не принимали въ виду скораго полученія диплома. Случались факты по истинѣ комичные; передамъ хотя одинъ изъ нихъ. Студентъ А., юридическаго факультета, главный коноводъ *общаго движенія* своего кружка, видя всю непрактичность пропаганды, во-время прекратилъ свою дѣятельность, вышелъ сухимъ изъ воды и благополучно окончилъ курсъ. Вновь испеченному кандидату-юристу приглянулась дочь одного изъ частныхъ приставовъ города Москвы. Молодой человѣкъ объяснился съ барышней въ любви, сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ согласіе, какъ отъ нея, такъ и отъ ея родителя. Кандидатъ-юристъ былъ греческаго происхожденія и очень ловкій малый. Въ виду такихъ несомнѣнныхъ достоинствъ, родитель барышни, частный приставъ, подполковникъ Х., благословилъ свою дочь, и бывшій политическій дѣятель и ярый республиканецъ сочетался законнымъ бракомъ съ дочерью частнаго пристава. Молодые зажили прекрасно. Грекъ-юристъ заполучилъ много кліентовъ и сталъ зарабатывать хорошія деньги. Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, семья пристава сидѣла за самоваромъ; чай разливала «молодая». Разсуждая о служебныхъ треволненіяхъ, полицейскій штабъ-офицеръ, между прочимъ, сказалъ:

— Какъ мнѣ надоѣли эти глупыя прокламаціи! каждый день мои помощники таскаютъ ихъ цѣлыми тюками.

— Это доказываетъ ревность въ исполненіи службы полицейскихъ офицеровъ. Тебя это должно радовать,—замѣтилъ кандидатъ, принимая отъ жены стаканъ чаю.

— Чему тутъ радоваться?—вскричалъ частный приставъ:—этихъ бумажонокъ никто не читаетъ, ихъ велѣно жечь въ печкѣ; вотъ еслибы мнѣ удалось найти самую печатную машину, тогда бы другое дѣло—я могъ бы получить крестъ,—добавилъ со вздохомъ подполковникъ.

— Что же ты, батюшка, давно мнѣ объ этомъ не сказалъ?—отрѣзалъ бывшій политическій дѣятель, закуривая папироску:—если тебѣ такъ нужна печатная машина, возьми ее,—она у жены подъ кроватью стоитъ.

— Какъ?!—вскричалъ, обомлѣвъ отъ ужаса, частный приставъ.

— Да такъ, очень просто: печатная машина, которую ты ищешь, стоитъ у моей жены подъ кроватью,—повторилъ, ехидно улыбаясь, бывшій дѣятель.

Приставъ, не медля ни минуты, своеручно раскололъ ненавистную машину, дерево сжегъ въ каминѣ, а наборъ бросилъ въ помойную яму. Такъ ему и не удалось получить крестъ за отличіе по службѣ.

Digitized by Google

Эта эпоха въ особенности отличалась студенческими волненіями въ московскомъ университетѣ. Бывшій инспекторъ студентовъ Шестаковъ говорилъ, что всѣ эти обстоятельства произошли будто бы отъ «упадка дисциплины» среди студентовъ. Профессора просто боялись студентовъ, ставили чуть не всѣмъ хорошія отмѣтки, пожимали имъ руки и безъ всякой уважительной причины сами пропускали лекціи по двѣ, по три недѣли. Литографированіе лекцій было въ полномъ ходу, не смотря на то, что профессора всѣ были противъ этого; но студенты желаютъ, какъ же имъ возбранить?— Нечего дѣлать—позволяютъ; а вмѣстѣ съ литографированіемъ лекцій тайно литографировали Фейербаха и Бюхнера. Какая же можетъ быть дисциплина, когда въ университетѣ тонъ даютъ и распоряжаются не профессора, а студенты? O tempora, o mores! — восклицаетъ Шестаковъ. «Внимательное наблюденіе за студентами»,—говорилъ онъ далѣе,—«постоянныя сношенія съ ними, привели меня къ заключенію, что съ каждымъ отдѣльнымъ студентомъ можно имѣть дѣло, можно дѣйствовать словомъ, убѣжденіемъ; но когда они собираются въ массѣ, когда дѣлаютъ сходку съ какою нибудь, заранѣе опредѣленною, цѣлью,— тогда они теряютъ чувство мѣры и приличія, тогда никакія убѣжденія на нихъ не дѣйствуютъ, логика для нихъ не существуетъ,—они преисполнены увѣренности въ силѣ своей массы». Въ сороковыхъ годахъ, о студенческихъ сходкахъ и помину не было. Какъ же студенты пришли къ мысли о сходкахъ и убѣдились, что массою дѣйствовать удобнѣе, выгоднѣе? Самымъ компетентнымъ свидѣтелемъ въ этомъ дѣлѣ является совѣтъ московскаго университета, объясняющій такъ начало сходокъ: — «До конца 1857 года, въ студентахъ московскаго университета не было замѣтно никакого особеннаго движенія. Въ это время случилась извѣстная исторія съ московской полиціей. Студенты были оскорблены. Судъ и высочайшая воля рѣшили дѣло въ ихъ пользу. Виновные были наказаны по закону. Это событіе въ первый разъ вызвало въ студентахъ мысль о своемъ единствѣ. До тѣхъ поръ, у нихъ не было общихъ дѣлъ, а потому не было ни сходокъ, ни депутатовъ. Студенты не думали считать себя корпораціей, но у нихъ всегда былъ, какъ и всегда будетъ, духъ товарищества, который естественно вытекаетъ изъ ихъ положенія, составляетъ самую жизнь университета. Насиліе, совершонное надъ товарищами, почувствовалось, какъ оскорбленіе всѣхъ. Такъ какъ первоначально не было принято мѣръ для наряженія слѣдствія и все дѣло грозило кончиться ничѣмъ, то весь университетъ взволновался. Каждый день собирались сходки. Тогда г. попечитель предложилъ студентамъ выбрать съ каждаго курса по два депутата, которые могли бы по-

Digitized by Google

стоянно сноситься съ начальствомъ для наблюденія за ходомъ дѣла. Это первое студенческое движеніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Студенты видѣли, что назначеніе слѣдственной комисіи было вызвано тѣми требованіями, которыя они предъявляли массою. Съ этихъ поръ укоренилась въ нихъ привычка къ сходкамъ и депутаціямъ. Вскорѣ къ этому присоединилось основаніе студенческой кассы, которая управлялась выборными. Итакъ, первая сходка, собравшаяся въ 1857 году въ стѣнахъ московскаго университета, по случаю избіенія нѣсколькихъ студентовъ полиціею, была родоначальницей студенческихъ сходокъ». Съ этихъ поръ, въ нихъ укоренилась привычка къ сходкамъ. Убѣдившись фактически въ томъ, что ихъ требованія, заявляемыя массою, достигаютъ цѣли, они производятъ гоненія на нѣкоторыхъ профессоровъ и успѣваютъ добиться ихъ выхода изъ университета. Естественно, что профессора стали побаиваться студентовъ, чѣмъ и объясняется излишнее снисхожденіе на экзаменахъ и другія уступки. Уступчивость профессоровъ служила къ усиленію студенческой притязательности. У студентовъ явилось желаніе играть въ университетѣ роль хозяевъ. Они доходятъ до того, что требуютъ къ суду своему даже ректора. Въ петербургскомъ университетѣ,—какъ видно изъ статьи профессора В. Д. Спасовича, напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» 1870 года,—само начальство взяло на себя трудъ устроить то студенческое корпоративное самоуправленіе, внезапное уничтоженіе котораго, по мнѣнію г. Спасовича, и послужило поводомъ къ катастрофѣ 1861 года. Студенческое общество устроилось и, во все время попечительства князя Щербатова, существовало очень мирно и спокойно, говоритъ г. Спасовичъ. Съ выходомъ въ отставку князя Щербатова, попечительская власть перестала вникать въ дѣла студенческаго общества. Съ 1860 года идетъ поэтому цѣлый рядъ маленькихъ происшествій, произвольныхъ движеній, вспышекъ и столкновеній съ попечительской властью. Конецъ февраля и начало марта 1861 года прошли въ новыхъ столкновеніяхъ между студентами и властью, принимавшихъ все болѣе крупные размѣры. Профессора до того времени оставались совершенно въ сторонѣ, такъ какъ уставъ 1835 года не давалъ совѣту никакого административнаго вліянія на студентовъ. Но безпорядки въ мартѣ приняли такой характеръ, что дальнѣйшее устраненіе отъ дѣла для профессоровъ стало уже нравственною невозможностью. Съ другой стороны, и сама власть сочла полезнымъ призвать профессоровъ къ содѣйствію. Въ мартѣ составлена была комисія, которой предоставлено было упорядочить студенческую общину и составить проэктъ устава или правилъ для студентовъ, которыя объяснили бы имъ ихъ права, а

Digitized by Google

вмѣстѣ и обязанности. Комисія пригласила къ себѣ, для выслушанія желаній студентовъ, восемь человѣкъ, выбранныхъ студенческимъ обществомъ. Но въ то время какъ проэктъ правилъ, дававшій студентамъ корпоративное устройство на извѣстныхъ условіяхъ, былъ представленъ на утвержденіе министра,—въ концѣ мая и въ началѣ іюня 1861 года, внезапно перемѣнились обстоятельства и личный составъ управленія. Новое министерство рѣшило составить новый проэктъ, въ основаніе котораго должны были лечь начала, утвержденныя 1-го мая 1861 года. Эти новыя начала содержали отмѣну форменной одежды и ограниченіе числа освобождаемыхъ отъ взноса за слушаніе лекцій двумя студентами на каждую изъ губерній, входящихъ въ составъ учебнаго округа. Можно было предвидѣть, что внезапное упраздненіе студенческихъ учрежденій, уже несовмѣстныхъ съ распоряженіями 31-го мая, не обойдется безъ сопротивленія и безпорядковъ при открытіи курсовъ, послѣ каникулъ; а ограниченіе числа освобождаемыхъ отъ платы за слушаніе лекцій возбудитъ ропотъ въ массѣ ихъ товарищей. Въ началѣ учебнаго года, попечитель петербургскаго округа распорядился открыть курсы 17-го сентября, хотя новыя правила для студентовъ не только не были имъ объявлены, но не были даже и напечатаны. Студентамъ представлялась, такимъ образомъ, полная возможность защищаться неизвѣстностью о новыхъ, вводимыхъ начальствомъ, порядкахъ. Курсы открыты были въ воскресенье 17-го сентября. Послѣ молебствія, студенты составили сходку и отправили депутацію къ попечителю, прося его пожаловать на сходку и ходатайствуя о поясненіи имъ: въ чемъ состоятъ новые порядки? Попечитель отвѣчалъ депутатамъ иронически, что онъ не ораторъ, и совѣтовалъ имъ лучше заняться науками, а не сходками. На слѣдующій день, 18-го сентября, читались лекціи, но сходка все таки собралась въ одной изъ пустыхъ аудиторій; то же происходило во вторникъ и среду, четвергъ и пятницу, съ тою только разницею, что въ каждый послѣдующій день собранія были шумнѣе и волненіе возрастало. Не зная, какъ поступить, мѣстная власть показывала видъ, что она ничего не знаетъ о происходящемъ. На всѣ запросы И. И. Срезневскій отвѣчалъ, что ему о сходкахъ ничего не извѣстно. Ни инспекторъ, ни субъ-инспекторъ не показывались на сходкахъ; наконецъ, въ пятницу послѣдовало распоряженіе запереть на ключъ тѣ аудиторіи, гдѣ лекціи не читаются, чтобы сходкѣ негдѣ было собраться. Нашедши пустыя аудиторіи запертыми, студенты поднялись на верхъ, къ дверямъ большой актовой залы. Двери уступили давленію множества рукъ, распахнулись; молодежь хлынула въ залу и стала разсуждать,ославъ депутацію къ Срезневскому (исполнявшему долж-

Digitized by Google

ность ректора за отсутствіемъ Плетнева) приглашая его пожаловать въ залу. На этотъ разъ студенты толковали только объ участи своихъ товарищей, которые по бѣдности не могли болѣе пользоваться правомъ дароваго слушанія лекцій, и желали просить ректора именно по этому дѣлу. И. И. Срезневскій явился, успокоивалъ ихъ, но не успѣлъ заставить разойтись; до него доносилось не одно непріятное выраженіе. Въ четыре или пять часовъ вечера, когда университетъ опустѣлъ, происходило, въ присутствіи попечителя, совмѣстно съ университетской полиціей, освидѣтельствованіе дверей залы: написанъ былъ протоколъ о слѣдахъ взлома. По докладу попечителя, рѣшено было тогда же прекратить чтеніе лекцій, закрывъ на время университетъ. «Въ тотъ же день, 22-го сентября,—повѣствуетъ Шестаковъ—(въ пятницу) управляющій московскимъ учебнымъ округомъ, помощникъ попечителя В. А. Дашковъ, пригласилъ меня вечеромъ къ себѣ, по случаю полученія изъ Петербурга офиціальной телеграммы, извѣщающей, что петербургскій университетъ закрытъ вслѣдствіе студенческихъ волненій и что петербургскіе студенты послали эмисаровъ въ Москву для возбужденія безпорядковъ въ московскомъ университетѣ.. По прочтеніи телеграммы, я немедленно сдѣлалъ распоряженіе объ усиленіи надзора въ университетѣ и приказалъ слѣдить, не явятся ли завтра въ университетъ чужіе. На другой день, т. е. въ субботу, 23-го сентября, какія-то личности дѣйствительно порывались войти въ зданіе новаго университета; но, замѣтивъ, что на нихъ посматриваютъ подозрительно, поспѣшили уйти. Къ сожалѣнію, принятая мною мѣра не предупредила студенческихъ волненій. Полякъ Кольнико [1]), бывшій «президентъ польскаго общества студентовъ», уже принесъ студенту перваго курса Гижицкому прокламацію петербургскихъ студентовъ. Чтеніемъ этой прокламаціи передъ первою лекціею и начались безпорядки». Далѣе Шестаковъ передаетъ о сходкахъ, бывшихъ въ саду стараго университета; на этихъ сходкахъ преобладалъ польскій элементъ. Наши наивные юнцы дошли до того, что поляки съумѣли увѣрить ихъ, будто самъ императоръ французовъ Наполеонъ III обращаетъ вниманіе на волненіе въ московскомъ университетѣ. Исторія уже знаетъ, что Наполеонъ III обманулъ поляковъ также, какъ и его дядюшка, Наполеонъ I, но здѣсь прискорбнѣе всего, что многіе молодые люди шестидесятыхъ годовъ пострадали, благодаря своей наивной довѣрчивости. Польскіе панычи науськивали ихъ плясать по своей дудкѣ. Развѣ это не безтолочь? Но, дѣлая обзоръ университетскихъ волненій шестидесятыхъ годовъ, безпристрастный

[1]) Кольнико въ 1863 году дѣйствовалъ одновременно съ Сѣраковскимъ въ Жмуди, гдѣ они собрали многочисленныя скопища.

Digitized by Google

историкъ, — кромѣ довѣрчивости и наивности, столь свойственной студенческой молодежи,—долженъ отмѣтить рядъ крайне безтактныхъ поступковъ и со стороны начальства. Теперь, когда все это принадлежитъ исторіи, читаешь официальные документы и глазамъ своимъ не вѣришь. Рядъ паліативныхъ и противорѣчивыхъ мѣръ, только усиливавшихъ студенческія волненія, весьма естественно не могъ повести къ порядку, и эти распоряженія въ московскомъ университетѣ повели къ такимъ же печальнымъ послѣдствіямъ, какъ и распоряженія, сдѣланныя въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Варшавѣ, гдѣ за каждую уличную религіозную процессію взимался штрафъ въ размѣрѣ десяти рублей. Кто же не знаетъ, что эти процессіи, въ которыхъ принимали участіе ксендзы и паны, и были ближайшимъ поводомъ къ возстанію въ 1863 году? Отмѣчаемъ этотъ фактъ, между прочимъ, и обращаемся снова къ нашему разсказу.

Н. Поповъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

Памяти Почившаго.

Онъ зналъ давно свою судьбу,
Но умеръ, какъ герой,
Ведя безтрепетно борьбу
Съ болѣзнью роковой.

И въ часъ кончины свѣтлый ликъ
Въ страданьяхъ не погасъ.
Онъ былъ торжественно великъ
Въ тяжелый этотъ часъ.

И всякій думалъ: почему
Неумолимый рокъ
Былъ такъ безжалостенъ къ нему
И къ міру такъ жестокъ?

И покориться тяжело
Неправедной судьбѣ,
Взглянувъ на ясное чело
Погибшаго въ борьбѣ.

Зачѣмъ покинулъ насъ герой,
Народовъ, царствъ кумиръ?..
И надъ загадкой роковой
Задумался весь міръ...

Digitized by Google

Чѣмъ обязана Императору Александру III русская историческая наука?

Въ многочисленныхъ и разнообразныхъ отзывахъ отечественной и заграничной печати о личности и дѣяніяхъ почившаго императора Александра III только мимоходомъ, въ немногихъ словахъ, упоминалось о той *любви къ родной исторіи*, которая помогла ему явиться на престолѣ истинно-русскимъ царемъ, выразителемъ народнаго идеала; о томъ уваженіи, съ которымъ онъ относился къ талантливымъ представителямъ русской исторической науки, русскаго искусства и литературы; о томъ значеніи, которое онъ придавалъ безпристрастному, серьезному научному изученію нашего прошлаго. Какъ знаменательно признаніе цесаревича Александра Александровича, въ 1869 г., въ рескриптѣ на имя И. И. Лажечникова, въ день пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности, что «Послѣдній новикъ», «Ледяной домъ» и «Басурманъ», вмѣстѣ съ романами Загоскина, были, въ первые годы молодости, любимымъ чтеніемъ будущаго императора, и что «писатель, оживляющій исторію своего народа поэтическимъ представленіемъ ея событій и дѣятелей, въ духѣ любви къ родному краю, *способствуетъ къ оживленію народнаго самосознанія* и оказываетъ немаловажную услугу *не только литературѣ, но и цѣлому обществу*». Какъ знаменательна телеграмма, полученная въ 1886 г. вдовой И. С. Аксакова, перенесшаго въ журналистикѣ столько тяжелыхъ испытаній, и гласившая, что государь и императрица уважали покойнаго знаменитаго публициста, «какъ честнаго человѣка, преданнаго русскимъ интересамъ».

Если несомнѣнно, что любовь къ отечественной исторіи развилась въ покойномъ государѣ подъ вліяніемъ С. М. Соловьева, читавшаго въ 1865—66 годахъ лекціи наслѣднику цесаревичу Александру Александровичу; если общеніе съ царственнымъ ученикомъ автора «Исторіи Россіи» не прекращалось до смерти послѣдняго, то также несомнѣнно, что «всегда памятные уроки и наставленія въ исторіи нашего отечества», по выраженію рескрипта цесаревича, въ 1879 году, на имя вдовы знаменитаго историка,—нашли благодарнѣйшую

Digitized by Google

почву и только укрѣпили задатки тѣхъ природныхъ высокихъ душевныхъ качествъ, обаяніе которыхъ было неотразимо и покорило міръ. Прочно только то, что̀ дѣлается по влеченію сердца, что̀ находитъ гармоничный откликъ въ душѣ и что̀ отвѣчаетъ прирожденнымъ склонностямъ. Любовь ко всему русскому была отличительной органической чертой благороднаго характера почившаго государя и, между прочимъ, ярко сказалась въ его отношеніяхъ къ русской исторической наукѣ, которая обязана своему августѣйшему покровителю слишкомъ многимъ, чтобы не хранить о немъ благодарной памяти. Двадцать семь лѣтъ онъ былъ почетнымъ предсѣдателемъ и мудрымъ, попечительнымъ руководителемъ «Русскаго историческаго общества» (съ 1873 г.—«императорскаго»), оказавшаго отечественной исторіи неоцѣненныя услуги изданіемъ, до настоящаго времени, 93-хъ томовъ своего «Сборника», заключающаго въ себѣ массу новыхъ архивныхъ матеріаловъ. Если въ бытовомъ отношеніи жизнь послѣ-петровской Россіи можетъ быть возсоздана по многочисленнымъ запискамъ современниковъ и воспоминаніямъ, появившимся за послѣднія тридцать лѣтъ, то въ политическомъ отношеніи XVIII вѣкъ сталъ возможнымъ для научной разработки—въ значительной степени, а по нѣкоторымъ вопросамъ исключительно, благодаря новымъ документамъ, извлеченнымъ изъ государственнаго и заграничныхъ архивовъ и появившимся на страницахъ «Сборника», ежегодно издаваемаго въ количествѣ нѣсколькихъ томовъ разнообразнаго содержанія.

По значенію для русской исторической науки, императора Александра III можно сравнить только съ императрицею Екатериною II, говорившей, что, «*не зная прошлаго народа, можно ли принимать какія либо мѣры для него въ настоящемъ и будущемъ*», усердно, до вступленія на престолъ, занимавшейся русской исторіею и явившейся составительницею «Записокъ касательно русской исторіи»,—съ императрицею, въ царствованіе которой были впервые напечатаны многія наши лѣтописи, по приказанію которой увидѣла свѣтъ «Исторія Россійская» Татищева, а при непосредственномъ участіи—начатъ Новиковымъ «Повѣствователь древностей россійскихъ».

Учредителями «Русскаго историческаго общества», уставъ котораго утвержденъ 23-го мая 1866 г., явились двѣнадцать слѣдующихъ лицъ: извѣстный профессоръ с.-петербургскаго университета, нынѣ академикъ, *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*; извѣстный военный историкъ, генералъ-лейтенантъ *М. И. Богдановичъ*; главный редакторъ лѣтописей и членъ археографической комисіи, экстраординарный академикъ нынѣ членъ государственнаго совѣта,

Digitized by Google

и директоръ императорской публичной библіотеки *А. Ѳ. Бычковъ*; извѣстный поэтъ князь *П. А. Вяземскій*; членъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ (нынѣ посланникъ въ Швейцаріи) *А. Ѳ Гамбургеръ*; старшій совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, извѣстный писатель по внѣшней политикѣ баронъ *А. Г. Жомини*; директоръ государственнаго и с.-петербургскаго главнаго архива *К. К. Злобинъ*; предсѣдатель департамента законовъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь баронъ *М. А. Корфъ*; попечитель при наслѣдникѣ цесаревичѣ Александрѣ Александровичѣ, генералъ-адъютантъ графъ *Б. А. Перовскій*; оберъ-прокуроръ четвертаго департамента сената, впослѣдствіи государственный секретарь, а нынѣ статсъ-секретарь и членъ государственнаго совѣта *А. А. Половцевъ*; министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ св. синода, (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ) графъ *Д. А. Толстой* и чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія, впослѣдствіи редакторъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» (нынѣ начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати) *Е. М. Ѳеоктистовъ*. Съ основанія общества до дня своей смерти (10-го ноября 1878 года) предсѣдателемъ его состоялъ князь П. А. Вяземскій, а секретаремъ—А. А. Половцевъ; затѣмъ, въ 1879 г. предсѣдателемъ былъ избранъ А. А. Половцевъ, а секретаремъ—Г. Ѳ. Штендманъ, состоявшій съ 1875 г. дѣйствительнымъ членомъ общества.

Еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1866 г., наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ удостоилъ принять званіе почетнаго члена общества вмѣстѣ съ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Позднѣе званія почетныхъ членовъ приняли: наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ, нынѣ царствующій Государь Императоръ, съ 6-го мая 1884 г.; великій князь Константинъ Николаевичъ (17-го марта 1880 г.) и августѣйшій президентъ императорской академіи наукъ, великій князь Константинъ Константиновичъ (27-го февраля 1892 г.).

7-го февраля 1867 года, въ 2 часа дня, въ Аничковомъ дворцѣ, наслѣднику цесаревичу представлялась депутація отъ общества, въ составѣ предсѣдателя, князя П. А. Вяземскаго, помощника его М. И. Богдановича, членовъ совѣта: К. К. Злобина, А. Ѳ. Бычкова, А. Ѳ. Гамбургера и секретаря А. А. Половцева, и просила его высочество принять общество подъ свое почетное предсѣдательство, на что цесаревичъ изъявилъ согласіе. Въ томъ же мѣсяцѣ, 28-го числа, состоялось въ Аничковомъ дворцѣ первое общее собраніе, въ которомъ князь П. А. Вяземскій обратился къ августѣйшему почетному предсѣдателю со слѣдующими замѣчательными, по своей смѣлости, искренности и правдивости, словами:

Digitized by Google

«Позвольте имѣть честь принести отъ имени «историческаго общества» и, смѣю сказать, отъ имени всей русской литературы и науки глубочайшую признательность вашему императорскому высочеству за милостивое принятіе вами званія почетнаго предсѣдателя нашего общества. Благодаримъ васъ и за честь, оказанную обществу, присутствіемъ и участіемъ вашимъ въ нынѣшнее засѣданіе. Надѣемся, что, съ легкой руки вашей, труды принесутъ желаемую пользу. Ваше высокое вниманіе будетъ служить намъ поощреніемъ. Вниманіе ваше намъ драгоцѣнно и лестно, но оно и легко объясняется. Отечественная исторія намъ всѣмъ родная, но для вашего высочества она имѣетъ еще прелесть и назиданіе семейной хроники. Мы всѣ—дѣти великихъ царствованій Екатерины II, Александра I, Николая I. Но вы—ихъ прямой и законный наслѣдникъ. Вамъ преимущественно предстоитъ священная обязанность, великая, но и трудная задача внести въ свою очередь, съ честью и пользою, имя ваше въ сію семейную царственную хронику и передать память о себѣ народнымъ скрижалямъ. Теперь, вмѣстѣ съ вашимъ высочествомъ, мы съ любовью и благоговѣніемъ отыскиваемъ сохранившіеся, но мало извѣстные слѣды минувшихъ государственныхъ событій, слѣды именитыхъ дѣятелей, которые въ нихъ участвовали. и славными личностями своими, такъ сказать, олицетворили замѣчательныя историческія эпохи. Будущіе члены и труженики нашего «общества», которому дай Богъ долголѣтія на русской землѣ, съ такою же любовью и признательностью отыщутъ въ свое время и участіе благодушной, плодотворной дѣятельности вашей на поприщѣ просвѣщенія, преуспѣянія и славы любезной намъ Россіи. Мы всѣ—только временные члены сего «историческаго общества», но ваше императорское высочество, вы одни навсегда принадлежите ему: нынѣ вашимъ милостивымъ благоволеніемъ, позднѣе—дѣлами, которыя сохранятся въ памяти народной и будутъ возстановлены трудами исторіи и науки. Карамзинъ, въ посвященіи историческаго творенія своего императору Александру, сказалъ: «Исторія народа принадлежитъ царю». Либералы того времени осуждали эти слова и видѣли въ нихъ выраженіе раболѣпства. Взглядъ ихъ былъ ошибоченъ и буквально близорукъ. Они не понимали ни Александра, ни Карамзина. Разумѣется, мысль писателя заключалась не въ томъ, что исторія есть, такъ сказать, казенная собственность царей, изъ которой могутъ они сдѣлать все, что имъ угодно. Карамзинъ видимымъ образомъ говорилъ, что исторія народа есть нераздѣльная принадлежность царскаго званія, т. е., что цари должны преимущественно предъ прочими изучать минувшую исторію своего народа, чтобы въ настоящей и будущей занять почетное и незабвенное мѣсто».

Digitized by Google

Слова князя П. А. Вяземскаго, что труды общества съ легкой и благосклонной руки наслѣдника цесаревича принесутъ желаемую пользу, оказались пророческими: благодаря покровительству и заботамъ августѣйшаго предсѣдателя, для общества вскорѣ открылись всѣ важнѣйшіе архивы не только русскіе, но и иностранные—въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, и на свѣтъ начали появляться документы первостепенной важности и высокаго историческаго значенія. Дѣятельными исполнителями предначертаній высокаго покровителя, помимо членовъ-учредителей, являлись, вступавшіе въ члены общества, многіе изъ представителей нашей высшей администраціи и выдающіеся ученые—историки. Изъ первыхъ необходимо назвать государственнаго канцлера князя А. М. Горчакова, состоявшаго съ 1867 года почетнымъ членомъ общества, министра иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирса, оберъ-прокурора св. синода К. П. Побѣдоносцева, нашего посла въ Вѣнѣ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, управляющаго дѣлами комитета министровъ А. Н. Куломзина, управлявшаго II отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи князя С. Н. Урусова, министра юстиціи графа В. Н. Панина, нашего посланника въ Парижѣ князя Н. А. Орлова, графа С. Д. Шереметева, графа А. С. Уварова, директора московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ барона Ѳ. А. Бюлера, гофмейстера князя П. П. Вяземскаго, основателя «Общества любителей древней письменности», и др. Изъ вторыхъ нельзя не упомянуть: С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, Н. В. Калачева, Ѳ. Ѳ. Веселаго, Я. К. Грота, А. Н. Попова, П. П. Пекарскаго, Г. Ѳ. Карпова, Д. В. Полѣнова, Н. Ѳ. Дубровина, В. И. Сергѣевича, Ѳ. Ѳ. Мартенса и др. Членами-корреспондентами общества состояли: профессоръ въ Марбургѣ Эрнестъ Германъ и профессоръ въ Лондонѣ Ральстонъ, а нынѣ состоятъ: извѣстный профессоръ въ Парижѣ Альфредъ Рамбо и архиваріусъ вѣнскаго государственнаго и придворнаго архивовъ, профессоръ, докторъ философіи Карлъ Шрауфъ. При такомъ составѣ бывшихъ и наличныхъ членовъ, при знаніи дѣла и любви къ нему бывшаго секретаря, а теперешняго предсѣдателя А. А. Половцева, не жалѣющаго средствъ на изданія общества, которое получаетъ всего 5,000 рублей ежегодной субсидіи, при исключительной преданности наукѣ нынѣшняго секретаря Г. Ѳ. Штендмана, издавшаго подъ своей редакціей болѣе 20 томовъ «Сборника»,—общество не могло не оказаться достойнымъ своего почетнаго предсѣдателя, не могло не выполнить весьма успѣшно намѣченной, при его основаніи, цѣли—«собирать, обработывать и распространять въ Россіи матеріалы и документы, до отечественной исторіи относящіеся, какъ хранящіеся въ правительственныхъ и частныхъ

Digitized by Google

архивахъ и библіотекахъ, такъ равно и находящіеся у частныхъ людей». По уставу, положено было помѣщать въ «Сборникѣ» матеріалы «въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ архивахъ и у частныхъ лицъ, съ объясненіями, примѣчаніями, коментаріями, которые признаны будутъ совѣтомъ общества необходимыми». Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшено было: документы и акты, писанные на иностранныхъ языкахъ, печатать въ подлинномъ текстѣ съ переводомъ на русскій языкъ.

Если на первыхъ порахъ томы «Сборника», при всемъ интересѣ содержанія, отличались отсутствіемъ опредѣленной системы, то это можетъ быть объяснено исключительно новизною дѣла: общество не успѣло еще получить доступъ въ архивы и заняться систематическимъ извлеченіемъ изъ нихъ новыхъ документовъ, по царствованіямъ. Въ первыхъ томахъ «Сборника», за исключеніемъ четвертаго, печатались отдѣльные документы или небольшія группы ихъ, сообщенные членами общества или частными лицами. Нельзя не упомянуть при этомъ, сообщенныхъ августѣйшимъ почетнымъ предсѣдателемъ, высокоинтересныхъ писемъ императора Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. И. Лагарпу. Письма эти хранились въ Швейцаріи, у одного изъ родственниковъ Лагарпа, Генриха Монода, который согласился принести ихъ въ даръ только императорскому дому. Тогда наслѣдникъ цесаревичъ удостоилъ г. Монода собственноручнымъ письмомъ, вслѣдствіе котораго вся переписка и поступила въ собственность его высочества. Хотя Лагарпъ сохранилъ у себя не всѣ письма, но и въ томъ, что уцѣлѣло и напечатано въ пятомъ томѣ «Сборника», достаточно рельефно обрисовывается характеръ взаимныхъ отношеній швейцарскаго наставника и его царственнаго ученика, и вѣрно опредѣляется степень вліянія Лагарпа на умственное и нравственное развитіе императора Александра I. Несомнѣнно, что эта драгоцѣнная переписка, безъ содѣйствія и желанія августѣйшаго предсѣдателя общества, не скоро, а, можетъ быть, и совсѣмъ не увидѣла бы свѣта.

Выдающееся историческое значеніе имѣли появившіеся въ первыхъ томахъ «Сборника»: записка о министерствахъ Д. П. Трощинскаго — этого убѣжденнаго противника Сперанскаго, серьезнаго критика его отрывочныхъ преобразованій, предлагавшаго свой проэктъ реформъ, по которому слѣдовало бы въ значительной степени ограничить власть министровъ и точными инструкціями опредѣлить право ихъ дѣйствовать отъ своего лица [1]); рескрипты и письма императрицы Екатерины II на имя графа А. Г. Орлова, письма

[1]) О замѣчательной запискѣ Трощинскаго см. статью *А. П. Пятковскаго* въ газетѣ В. Ѳ. Корша: «Сѣверный Вѣстникъ» (1878 г. № 75).

Digitized by Google

той же государыни къ принцу Нассау-Зигенъ и г-жѣ Жоффренъ; новые документы по дѣлу Н. И. Новикова; бумаги изъ дѣла о самозванкѣ Таракановой; письма императора Александра I къ княгинѣ З. А. Волконской; записка графа I. Каподистріа о его служебной дѣятельности; письма адмирала Чичагова къ императору Александру I; бумаги графа П. И. Панина о пугачевскомъ бунтѣ; государственные доходы и расходы въ царствованіе императрицы Екатерины II, и проч.

Можно думать, что при чтеніи и просмотрѣ всѣхъ этихъ, хотя и драгоцѣнныхъ, но отрывочныхъ матеріаловъ, относящихся преимущественно къ мало изученному въ то время царствованію Екатерины II, августѣйшій предсѣдатель общества пришелъ къ убѣжденію, что оно должно обратить особенное вниманіе на изданіе бумагъ екатерининскаго царствованія. Эта счастливая мысль, можно полагать, укрѣпилась еще болѣе послѣ появленія въ 1869 году четвертаго тома «Сборника», въ которомъ, подъ редакціею Д. В. Полѣнова, напечатаны: «Историческія свѣдѣнія о екатерининской комисіи для сочиненія проэкта новаго уложенія», извлеченныя изъ архива II отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Впервые были опубликованы дневныя записки засѣданій большаго собранія комисіи, мнѣнія депутатовъ, читанныя въ большомъ собраніи, и подлинные наказы, данные депутатамъ отъ всѣхъ сословій имперіи. Если четвертый томъ пополнилъ крупный пробѣлъ въ исторіи нашего законодательства,—такъ какъ о комисіи существовали раньше только свѣдѣнія неполныя, отрывочныя и большею частью ошибочныя,—то послѣдующіе несомнѣнно должны были освѣтить и объяснить многія темныя, непонятныя стороны какъ въ личности, такъ и въ дѣяніяхъ великой императрицы.

9-го марта 1870 года, наслѣдникъ цесаревичъ написалъ князю А. М. Горчакову письмо, въ которомъ выразилъ желаніе видѣть изданными хранившіяся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ бумаги своей августѣйшей прабабки. Государственный канцлеръ съ живѣйшимъ вниманіемъ и участіемъ отнесся къ желанію цесаревича, обѣщалъ сдѣлать всѣ зависѣвшія отъ него распоряженія и, между прочимъ, прибавилъ въ отвѣтномъ письмѣ, что съ осуществленіемъ этого «патріотическаго предпріятія» исполнятся «давнишнія надежды всѣхъ, кому дорога слава Россіи». 21-го марта князь А. М. Горчаковъ испросилъ высочайшее соизволеніе на изданіе собственноручныхъ бумагъ Екатерины II. Приготовленіе ихъ къ печати было возложено на академика П. П. Пекарскаго. Одновременно, по желанію своего августѣйшаго предсѣдателя, общество обратилось къ россійскимъ посольствамъ съ просьбою извлечь, по

Digitized by Google

возможности, изъ иностранныхъ архивовъ хранящіяся въ нихъ письма императрицы а также донесенія и депеши посланниковъ, находившихся въ Россіи не только въ ея царствованіе но и въ царствованія: Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны, во время регентства Бирона и правленія Анны Леопольдовны.

Въ 1871 году появился первый томъ бумагъ Екатерины II, и былъ принятъ съ особеннымъ сочувствіемъ и представителями науки, и органами современной печати, и всѣми вообще, кому дорога отечественная исторія. По письмамъ, рескриптамъ и запискамъ великой императрицы къ разнымъ лицамъ, по замѣткамъ ея сдѣлалось возможнымъ возсоздать ея величавый обликъ и обстоятельно познакомиться съ разными мѣрами и распоряженіями, касавшимися внутренняго управленія имперіею. Послѣ смерти Пекарскаго, изданіе екатерининскихъ бумагъ, занявшихъ пять томовъ «Сборника», продолжали Я. К. Гротъ и Г. Ѳ. Штендманъ, издавшій подъ своимъ наблюденіемъ 4-ый и 5-ый томы и снабдившій документы подробными научными коментаріями. «Указаніемъ на соотвѣтствующую литературу, не только русскую, но и иностранную, разнообразіемъ подстрочныхъ примѣчаній и объясненій издатель этихъ томовъ,— по вѣрному замѣчанію проф. Брикнера,—превзошелъ своихъ предшественниковъ». Извлеченная изъ государственнаго архива, замѣчательная переписка императрицы Екатерины II съ Мельхіоромъ Гриммомъ и отвѣтныя письма послѣдняго заняли три отдѣльные тома, приготовленные къ печати Я. К. Гротомъ. Переписка эта, снабженная обширнымъ предисловіемъ издателя, продолжалась, какъ извѣстно, съ 1774 года до самой смерти императрицы, касалась самыхъ разнообразныхъ предметовъ и вопросовъ, и поэтому заключаетъ важный матеріалъ для характеристики привлекательной личности и отчасти дѣятельности Екатерины II. Для пониманія отношеній ея къ великому князю Павлу Петровичу и великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ необходимо прочитать письма императрицы изъ архива дворца въ городѣ Павловскѣ, напечатанныя въ 9-мъ томѣ «Сборника» съ разрѣшенія великаго князя Константина Николаевича. Для исторіи отечественнаго искусства большую цѣнность представляетъ напечатанная въ 17-мъ томѣ «Сборника» переписка Екатерины съ Фальконетомъ, талантливымъ творцомъ памятника Петру Великому въ С.-Петербургѣ, на Сенатской площади,—переписка, полученная отъ русскаго посла въ Парижѣ А. Ф. Будберга и дополненная письмами Фальконета къ императрицѣ изъ государственнаго архива. Въ обширномъ предисловіи къ этому тому, изданному въ 1876 г. подъ наблюденіемъ А. А. Половцева, тогдашній секретарь, а нынѣшній предсѣдатель общества, изложилъ любопытную исторію сооруженія

Digitized by Google

памятника въ связи съ характеристикою личности и дѣятельности его творца. Для оцѣнки нуждъ, воззрѣній и идеаловъ дворянства прошлаго вѣка, равно какъ и городскихъ жителей, видное значеніе имѣютъ матеріалы екатерининской законодательной комисіи, три первыхъ тома которыхъ изданы Д. П. Полѣновымъ, а послѣдующіе—проф. В. И. Сергѣевичемъ. Исторія финансоваго управленія въ екатерининское царствованіе можетъ быть написана на основаніи собранныхъ и изданныхъ на свой счетъ А. Н. Куломзинымъ цѣнныхъ матеріаловъ, которымъ въ 28-мъ томѣ «Сборника» предпослано обстоятельное введеніе, заключающее обозрѣніе и очеркъ финансоваго законодательства за эту эпоху. Трудъ Н. И. Григоровича: «Канцлеръ князь Безбородко въ связи съ событіями его времени», удостоенный преміи академіею наукъ и помѣщенный въ 26 и 29 томахъ, по обилію собранныхъ авторомъ—въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ—актовъ, документовъ и писемъ, даетъ множество свѣдѣній для изученія своеобразнаго быта наиболѣе видныхъ представителей русскаго общества конца XVIII столѣтія. При ознакомленіи съ внутренней политикой Екатерины II, нельзя миновать переписки князя Репнина за время его управленія Литвою, въ 1794—96 годахъ. По вѣрному замѣчанію Н. И. Костомарова, издателя этой переписки, наполнившей весь 16-й томъ «Сборника», не менѣе фактическихъ свѣдѣній драгоцѣнны въ ней взгляды умнаго, опытнаго государственнаго человѣка на все совершавшееся вокругъ него въ эпоху его многотрудной политической дѣятельности. Таковы, въ общихъ чертахъ, матеріалы и документы, обнародованные обществомъ для изученія геніальной личности и внутреннихъ дѣяній императрицы, тридцатичетырехлѣтнее царствованіе которой оставило въ исторіи Россіи неизгладимый и во многомъ благотворный слѣдъ.

Обращеніе общества къ россійскимъ посольствамъ съ просьбою сообщать изъ иностранныхъ архивовъ матеріалы для «Сборника» имѣло весьма важныя послѣдствія: изъ Стокгольма, Берлина, Вѣны, Штутгарта, Лондона было получено много цѣнныхъ документовъ, объяснявшихъ внѣшнюю политику Екатерины II и подчасъ существенно дополнявшихъ, на основаніи свидѣтельствъ просвѣщенныхъ очевидцевъ, прежнія свѣдѣнія о событіяхъ политической и общественной жизни Россіи въ прошломъ столѣтіи. Съ нѣкоторыми перерывами появилось семь томовъ «Сборника», заключавшихъ въ себѣ дипломатическую переписку разныхъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ въ екатерининское царствованіе. Два тома заняла, изданная подъ наблюденіемъ и съ предисловіемъ А. А. Половцева, переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ съ 1762 по

Digitized by Google

1776 годъ включительно; въ двухъ другихъ томахъ напечатаны донесенія графа Мерси д'Аржантó императрицѣ Маріи Терезіи и государственному канцлеру графу Кауницу-Ритбергу; три тома посвящены дипломатической перепискѣ прусскаго короля Фридриха II съ графомъ Сольмсомъ, посланникомъ при русскомъ дворѣ. Послѣднія пять томовъ изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Въ 20-мъ томѣ «Сборника» появилась въ высшей степени интересная переписка императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II. Копіи съ хранящихся въ берлинскомъ архивѣ писемъ императрицы сообщены тогдашнимъ имперскимъ канцлеромъ княземъ Бисмаркомъ, а королевскія письма напечатаны съ разрѣшенія государственнаго канцлера князя А. М. Горчакова. Едва ли нужно говорить, какую цѣну для науки представляетъ этотъ обмѣнъ мыслей между двумя могущественными въ XVIII вѣкѣ государями. Немало свѣта пролили на международныя отношенія екатерининскаго времени пять томовъ, носящихъ заглавіе: «Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II». Томы эти изданы барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ при содѣйствіи В. А. Ульяницкаго и заключаютъ документы, извлеченные изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и отчасти с.-петербургскаго государственнаго. Кромѣ личной переписки съ иностранными царствовавшими особами и государственными дѣятелями, сюда вошли инструкціи и рескрипты русскимъ дипломатическимъ агентамъ и командующимъ войсками, а также протоколы конференцій и резолюціи императрицы по разнымъ дѣламъ, касающимся внѣшней политики. Наконецъ, цѣнныя данныя для характеристики екатерининской дипломатіи можно почерпнуть въ 47-мъ томѣ «Сборника», гдѣ нашли себѣ, между прочимъ, мѣсто бумаги Я. И. Булгакова (1779—1798) за время пребыванія его посланникомъ въ Константинополѣ въ то время, когда рѣшался вопросъ о присоединеніи къ Россіи Крыма и Кубани, равно какъ и въ 65-мъ, содержащемъ дипломатическіе акты, относящіеся до тешенскаго конгресса, на которомъ князь Н. В. Репнинъ съ достоинствомъ и тактомъ выполнилъ возложенное на него императрицею трудное порученіе—умиротворить Германію.

Вотъ краткій перечень того, что сдѣлано обществомъ для царствованія великой Екатерины; вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе тѣхъ тридцати слишкомъ томовъ «Сборника», въ которыхъ обнародованы архивные матеріалы для выясненія многихъ неизвѣстныхъ дотолѣ сторонъ и фактовъ внѣшней и внутренней политики екатерининской эпохи; вотъ неоцѣненный вкладъ общества въ сокровищницу отечественной исторической науки; вотъ настоящій нерукотворный памятникъ, достойный продолжательницы дѣлъ великаго

Digitized by Google

Петра—памятникъ, величіе и значеніе котораго было оцѣнено съ высоты престола еще въ то время, когда онъ былъ только что начатъ. Въ день торжественнаго открытія въ Петербургѣ, 24 ноября 1873 года, другаго памятника Екатеринѣ II, августѣйшій предсѣдатель общества получилъ высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

«Ваше императорское высочество. Состоящее подъ предсѣдательствомъ вашимъ Русское историческое общество, въ теченіе семилѣтняго существованія своего, оказало немаловажныя услуги русской исторіи разысканіемъ и обнародованіемъ многихъ важныхъ документовъ, относящихся до XVIII столѣтія. Въ нынѣшній день, посвященный памяти императрицы Екатерины II, мнѣ пріятно вспомнить, что труды общества обращены были преимущественно на сохраненіе актовъ достославныхъ ея дѣяній, клонившихся къ благосостоянію и славѣ Россіи. Желая явить обществу знакъ моего благоволенія къ трудамъ его, повелѣваю ему именоваться впредь *Императорскимъ* Русскимъ Историческимъ обществомъ. *Искренно любящій Васъ* ***АЛЕКСАНДРЪ***».

Заслуги общества предъ русской исторической наукой не ограничиваются, однако, однимъ екатерининскимъ царствованіемъ; историкъ до-петровской Руси XVI и XVII столѣтій не можетъ обойтись безъ тѣхъ томовъ «Сборника», въ которыхъ напечатаны памятники дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ иностранными державами. Цѣнные документы опубликованы обществомъ относительно эпохи Петра Великаго; немало новыхъ подробностей найдетъ изслѣдователь относительно царствованій Екатерины I и Петра II, Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны, регентства Бирона и правленія Анны Леопольдовны; XIX столѣтіе также нашло видное мѣсто въ изданіяхъ общества, посвятившаго нѣсколько томовъ царствованіямъ: Александра I (особенно его внѣшней политикѣ) и Николая I, а также воспитанію и годамъ ученія императора Александра II.

По желанію своего августѣйшаго предсѣдателя, общество ходатайствовало въ 1876 году о разрѣшеніи продолжать, пріостановленное II отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи, изданіе «Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными». Князь С. Н. Урусовъ входилъ по этому поводу со всеподданнѣйшимъ докладомъ, и императоръ Александръ II не только исполнилъ просьбу общества, но и разрѣшилъ отпускать ему на изданіе памятниковъ по 2,000 рублей ежегодно. Появившіеся шесть томовъ этихъ важныхъ документовъ (одинъ томъ из-

Digitized by Google

данъ подъ наблюденіемъ К. Н. Бестужева-Рюмина, остальные — подъ наблюденіемъ и съ обширными предисловіями Г. Ѳ. Карпова) знакомятъ со сношеніями московскаго государства: съ Польшею въ царствованіе Ивана III, съ Англіею (съ 1581 по 1604 годъ), съ Крымомъ, Казанью, ногайцами и Турціею за время Ивана III и Василія III, съ нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи, съ польско-литовскимъ государствомъ (съ 1533 по 1570 годъ). Особенную важность для русской исторической науки имѣютъ документы о сношеніяхъ Ивана III съ Крымомъ, начинающіеся 1474 годомъ и представляющіе первоначальныя формы нашихъ дипломатическихъ актовъ, по которымъ можно прослѣдить ихъ постепенное развитіе. Весьма любопытенъ также первый международный трактатъ, заключенный между Россіею и Пруссіею 10 марта 1517 года. Документъ этотъ помѣщенъ въ 53-мъ томѣ «Сборника», въ которомъ напечатаны матеріалы для характеристики дипломатическихъ сношеній московскаго правительства съ нѣмецкимъ орденомъ. Серьезнымъ пріобрѣтеніемъ для науки явился 24-й томъ «Сборника», въ которомъ напечатаны документы изъ нидерландскихъ архивовъ, собранные еще по повелѣнію королевы нидерландской Анны Павловны и относящіеся къ 1615 и 1616 гг., т. е. ко времени заключенія при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Столбовскаго мира. Томъ этотъ озаглавленъ: «Донесенія нидерландскихъ посланниковъ о ихъ посольствѣ въ Швецію и Россію въ 1615 и 1616 гг.».

Помимо четырехъ томовъ донесеній французскихъ посланниковъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ, а равно отчетовъ о пребываніи русскихъ пословъ, посланниковъ и дипломатическихъ агентовъ во Франціи за все время царствованія Петра Великаго; помимо трехъ томовъ дипломатической переписки англійскихъ посланниковъ, находившихся въ Россіи съ 1704 по 1719 годъ, когда, вслѣдствіе неудовольствія Петра Великаго на недоброжелательное вмѣшательство Англіи въ наши сношенія съ сѣверными державами, наступило охлажденіе между русскимъ и великобританскимъ правительствами, сопровождавшееся отозваніемъ дипломатическихъ агентовъ,—помимо этихъ любопытныхъ матеріаловъ, общество весь 11-й томъ «Сборника» посвятило письмамъ, указамъ и замѣткамъ великаго преобразователя, въ числѣ свыше 600, доставленнымъ кн. И. Д. Волконскимъ и Н. В. Калачевымъ, и извлеченнымъ изъ сенатскаго архива А. Ѳ. Бычковымъ, подъ наблюденіемъ котораго и напечатанъ этотъ томъ. Кромѣ того, нельзя не упомянуть объ изданномъ графомъ С. Д. Шереметевымъ 25-мъ томѣ, въ который вошли бумаги, относящіяся до государственной дѣятельности одного изъ славныхъ сподвижниковъ Петра Великаго, фельдмаршала Б. П. Шереме-

Digitized by Google

тева, а также нѣсколько документовъ, касающихся его семейныхъ дѣлъ.

Основательное изученіе русской исторіи за время царствованія Екатерины I и Петра II невозможно безъ пользованія протоколами и журналами верховнаго тайнаго совѣта, возникшаго 8-го февраля 1726 и просуществовавшаго до 4-го марта 1730 года, когда императрица Анна возстановила правительствующій сенатъ. Постепенно расширяя свою дѣятельность, тайный совѣтъ распространилъ свою власть на всѣ дѣла, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія: безъ разрѣшенія его не выдавались даже прогонныя деньги командируемымъ лицамъ. Въ трудахъ тайнаго совѣта сохранилась вѣрная картина положенія Россіи въ теченіе четырехъ лѣтъ послѣ смерти Петра Великаго, и весьма понятно, почему общество рѣшило извлечь его протоколы, журналы и указы изъ архивовъ: государственнаго, московскаго главнаго, министерства иностранныхъ дѣлъ, и сенатскаго въ С.-Петербургѣ, и поручить ихъ изданіе Н. Ѳ. Дубровину. Документы эти, долгое время остававшіеся неизданными, появились на свѣтъ, конечно, благодаря только высокому покровительству отечественной исторіи почившаго императора Александра III. До сихъ поръ напечатано шесть томовъ протоколовъ, журналовъ и указовъ верховнаго тайнаго совѣта. Для внѣшней политики того же времени существенное значеніе имѣютъ изданныя обществомъ, подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана, донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона и повѣреннаго въ дѣлахъ Маньяна, равно какъ и дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ съ 1728 по 1733 г.

Большую цѣнность представляютъ депеши маркиза де-ла-Шетарди, бо̀льшая часть которыхъ была неизвѣстна Пекарскому, автору солиднаго изслѣдованія: «Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи». Теперь, впервые, можно подробно выяснить вопросъ о томъ, какъ относилось французское правительство и министерство къ готовившемуся въ Россіи перевороту 1741 года, съ цѣлью возведенія на престолъ великой княжны Елизаветы Петровны, отъ котораго она такъ долго и несправедливо была устраняема. Переговоры между Шетарди и великою княжною велись чрезъ преданнаго ей хирурга Лестока, который былъ также ея посредникомъ и при переговорахъ съ шведскимъ посланникомъ Нолькеномъ. Швеція, давно готовившаяся начать войну съ Россіею, рѣшила оказать содѣйствіе планамъ великой княжны, требуя, однако, письменнаго обязательства въ томъ, что за такое содѣйствіе Швеціи будутъ возвращены нѣкоторыя изъ ея областей, завоеванныхъ Петромъ Великимъ. Подстрекая Швецію, Франція надѣялась такимъ путемъ утвердить свое вліяніе въ Россіи.

Digitized by Google

Хотя царствованіе Александра I въ дѣятельности общества занимало второстепенное значеніе и ему отведено—если не считать переписки съ Лагарпомъ и различныхъ небольшихъ документовъ, отчасти упомянутыхъ выше,—только девять томовъ, причемъ семь изъ нихъ касаются внѣшней политики; но количество въ данномъ случаѣ не можетъ быть мѣриломъ качества и почти всѣ опубликованные обществомъ матеріалы, относящіеся къ исторіи Россіи за первую четверть XIX столѣтія, составили драгоцѣнное пріобрѣтеніе для науки.

Появившійся въ 21-мъ томѣ «Сборника», изданномъ къ столѣтнему юбилею со дня рожденія императора Александра Павловича, отчетъ М. М. Сперанскаго въ дѣлахъ 1810 года, ввѣренныхъ его вѣдѣнію, отличается особеннымъ интересомъ по откровенности, съ которою государственный секретарь говоритъ о реформахъ въ государственномъ управленіи, задуманныхъ имъ и отчасти исполненныхъ подъ его ближайшимъ руководствомъ. Этотъ документъ важенъ не только для біографіи Сперанскаго, но и вообще для царствованія Александра I. Перечисливъ все сдѣланное въ теченіе 1810 года и охарактеризовавъ дѣятельность государственнаго совѣта, министерствъ, сената, комисіи законовъ, отмѣтивъ исполненныя финансовыя мѣропріятія, коснувшись дѣлъ финляндскихъ, Сперанскій замѣчалъ: «Никогда, можетъ быть, въ Россіи въ теченіе одного года не было сдѣлано столько общихъ государственныхъ постановленій, какъ въ минувшемъ. Въ немъ положены первыя основанія истиннаго монархическаго устройства въ части законодательной, въ устройствѣ министерствъ, и особенно въ финансахъ. Но въ немъ положены *одни первыя основанія*; много начато и ничего еще не кончено. Между тѣмъ опытъ протекшаго года показалъ, что много было потеряно времени, и часто самыя нужныя положенія не выходили къ своему сроку единственно потому, что, стекаясь въ однѣ руки, они не могли быть скоро пріуготовлены». Изданные А. Н. Куломзинымъ въ 45-мъ томѣ «Финансовые документы царствованія императора Александра I», въ числѣ которыхъ особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на планъ финансовъ, предложенный въ 1810 году тѣмъ же Сперанскимъ и представляющій любопытную картину господствовавшихъ въ то время финансовыхъ воззрѣній,—даютъ возможность прослѣдить постепенное развитіе нашихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ по смѣтнымъ предположеніямъ съ 1801 по 1825 годъ, составить полное обозрѣніе дѣйствительнаго поступленія сборовъ и податей, равно какъ и произведенныхъ издержекъ, и провѣрить, такимъ образомъ, результаты принятыхъ въ разное время финансовыхъ мѣръ. Найденная и изданная А. А. Половце-

Digitized by Google

вымъ переписка герцога Ришельё съ императоромъ Акександромъ I, Кочубеемъ, Румянцевымъ, Вязмитиновымъ и другими вліятельными лицами высшаго управленія,—начиная отъ поступленія будущаго новороссійскаго генералъ-губернатора на русскую службу при императрицѣ Екатеринѣ II до назначенія его въ 1815 году первымъ министромъ Франціи,—познакомила, въ правдивомъ и яркомъ освѣщеніи, съ этимъ малоизвѣстнымъ, почти забытымъ, но замѣчательнымъ дѣятелемъ александровскаго царствованія, много потрудившимся на благо Россіи, новороссійскаго края и Одессы.

Предшествовавшія войнѣ 1812 года дипломатическія сношенія Россіи съ Франціею, обратившія въ послѣдніе годы вниманіе какъ русскихъ, такъ и французскихъ ученыхъ, во многихъ отношеніяхъ выяснились обстоятельнѣе и подробнѣе, благодаря обществу, напечатавшему переписку императоровъ Павла I и Александра I съ Бонапартомъ, переписку Талейрана съ Колычевымъ, донесенія русскихъ представителей въ Парижѣ съ 1803 по 1806 годъ, донесенія князя Куракина и полковника Чернышева о приготовленіяхъ Наполеона къ войнѣ съ Россіею, переписку между Наполеономъ, Шампаньи и Саварй и, наконецъ, томъ 89-й, изданный подъ редакціею знатока царствованія Александра I, генералъ-лейтенанта Н. К. Шильдера, и носящій заглавіе: «Посольство графа П. А. Толстаго въ Парижѣ въ 1807 и 1808 гг. Отъ Тильзита до Эрфурта». Документамъ, помѣщеннымъ въ этомъ томѣ, предшествуетъ обширное введеніе, имѣющее значеніе самостоятельнаго историческаго изслѣдованія: въ немъ изложены какъ обстоятельства, вызвавшія свиданіе императоровъ на нѣманскомъ плоту, такъ и весь ходъ переговоровъ въ Тильзитѣ, составляющихъ достопамятную страницу въ исторіи европейской международной политики XIX вѣка. Весьма интересно описаніе тильзитскаго свиданія, сдѣланное Н. К. Шильдеромъ на основаніи донесеній Савари и Коленкура, бывшихъ, по заключеніи мира, представителями Наполеона въ Петербургѣ, а также при помощи обширной литературы, на разныхъ европейскихъ языкахъ, посвященной Тильзиту.

Въ маѣ 1889 года августѣйшій предсѣдатель общества принялъ поднесенныя княземъ Друцкимъ-Соколинскимъ фамильныя бумаги, оставшіяся послѣ смерти графа А. А. Закревскаго, и разсмотрѣніе ихъ возложилъ на А. А. Половцева. Наиболѣе интересная часть этихъ бумагъ, заключающая переписку Закревскаго съ современниками—кн. Волконскимъ, кн. Меньшиковымъ, Ермоловымъ, Сабанѣевымъ, графомъ Растопчинымъ, Денисомъ Давыдовымъ—съ разрѣшенія почившаго государя, напечатана въ двухъ томахъ «Сборника». Матеріалы эти, имѣющіе несомнѣнную цѣнность для нико-

Digitized by Google

лаевскаго царствованія, въ то же время проливаютъ новый благопріятный свѣтъ на личность суроваго въ памяти москвичей генералъ-губернатора, отличавшагося неумолимою строгостью въ исполненіи полицейскихъ мѣръ.—Несравненно болѣе важное значеніе для характеристики царствованія Николая I имѣютъ бумаги секретнаго комитета 6-го декабря 1826 года, появившіяся съ высочайшаго разрѣшенія на страницахъ 74-го и 90-го томовъ «Сборника». Комитетъ этотъ, подъ предсѣдательствомъ графа В. П. Кочубея и въ составѣ членовъ: графа П. А. Толстаго, князя И. В. Васильчикова, князя А. Н. Голицына, графа И. И. Дибича и графа М. М. Сперанскаго, былъ учрежденъ, съ одной стороны, для разсмотрѣнія оставшихся послѣ кончины императора Александра I въ его кабинетѣ бумагъ, а съ другой—для пересмотра государственнаго устройства и управленія, съ цѣлью представленія государю своего заключенія о необходимыхъ преобразованіяхъ. Приступивъ 8-го декабря 1826 г. къ своей дѣятельности, комитетъ исполнилъ въ общихъ чертахъ возложенную на него задачу къ началу 1830 г. Прежде всего комитетъ подвергъ пересмотру устройство и порядокъ дѣйствія нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій, а за ними—и весь административный строй губернскаго правленія, указавъ при этомъ на необходимость нѣкоторыхъ существенныхъ измѣненій, какъ напримѣръ, уничтоженіе чиновъ и замѣну ихъ іерархіею должностей; затѣмъ обсуждались мнѣнія объ уничтоженіи крѣпостнаго права, были выработаны узаконенія: объ управленіи казенными крестьянами, о запрещеніи продавать крестьянъ безъ земли и вольноотпущенныхъ; указаны мѣры для улучшенія дѣятельности духовенства; измѣненъ порядокъ дворянскихъ выборовъ, причемъ обсуждались вопросы объ устройствѣ недѣлимыхъ участковъ, и пр. Всѣ эти работы, удостоившіяся предварительнаго одобренія императора Николая I, должны были поступить на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, но въ дѣйствительности обсуждался только одинъ проэктъ закона о состояніи, не получившій, впрочемъ, осуществленія вслѣдствіе сомнѣній, возбужденныхъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Онъ написалъ по этому поводу двѣ обширныя записки, въ которыхъ много любопытныхъ чертъ для характеристики цесаревича, и настаивалъ на сохраненіи существующаго порядка. Такой неудачный исходъ перваго выработаннаго комитетомъ труда, въ связи съ наступившими политическими событіями, остановилъ дѣятельность комитета, который послѣ 1830 г. изрѣдка собирался еще въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ, а затѣмъ и вовсе прекратилъ свои занятія, хотя формально не былъ закрытъ.

31-го января 1886 года, державному покровителю общества

Digitized by Google

угодно было возложить на него приготовленіе къ печати матеріаловъ, относящихся къ исторіи царствованія и біографіи императора Николая I и собранныхъ высочайше учрежденною, въ 1856 году, комисіею, состоявшею сначала подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря барона Корфа, а затѣмъ—статсъ-секретаря, нынѣ графа, И. Д. Делянова. Въ мартѣ мѣсяцѣ того же года состоялась передача этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ обществу, въ количествѣ 89 томовъ, изданіемъ которыхъ будетъ воздвигнутъ такой же нерукотворный памятникъ Николаю I, какой уже воздвигнутъ обществомъ Екатеринѣ II. Достаточно переименовать хотя бы нѣкоторые изъ матеріаловъ, чтобы понять, что въ сказанномъ нѣтъ преувеличенія; достаточно упомянуть, что пять томовъ занимаетъ переписка Николая I съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ; семь томовъ—современныя записки статсъ-секретаря барона Корфа; четыре тома—извлеченія изъ дѣлъ III отдѣленія (собственноручныя резолюціи; лица, прикосновенныя къ событіямъ 14 декабря 1825 г.; тайныя общества; смѣсь); болѣе двадцати томовъ—высочайшія резолюціи по разнымъ вѣдомствамъ; три тома—цензура съ 1825 по 1855 гг.; по одному тому—переписка Николая I съ графомъ Дибичемъ въ 1831 г. и письма Дибича къ императору въ 1829г., три тома—записки генералъ-адъютанта А. Х. Бенкендорфа, и пр. Мы слышали, что къ столѣтнему юбилею со дня рожденія Николая I, въ 1896 году, общество поручило Н. К. Шильдеру издать томъ «Сборника», въ который войдутъ нѣкоторыя изъ бумагъ этой замѣчательной коллекціи.

Ко дню двадцатипятилѣтія царствованія императора Александра II общество издало два тома, носящіе заглавіе: «Годы ученія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, 1826—1836 г.». Томы эти были представлены Александру II августѣйшимъ почетнымъ предсѣдателемъ общества при всеподданнѣйшемъ докладѣ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Императорское русское историческое общество, создавшееся въ это славное двадцатипятилѣтіе, повергаетъ къ стопамъ вашимъ, государь, скромный трудъ свой по поводу свершающагося нынѣ достопамятнаго торжества. Обращаясь воспоминаніемъ къ лѣтамъ учебныхъ трудовъ вашихъ подъ сѣнью державнаго родителя вашего, императорское русское историческое общество оставалось вѣрнымъ тому коренному чувству всякаго истинно-русскаго, который, справедливо гордясь прошедшимъ, горячо любя настоящее и твердо вѣруя въ будущее Россіи, тѣсно связываетъ въ душѣ своей славныя судьбины родины нашей съ преемственнымъ величіемъ, зиждущагося на любви народной и хранимаго провидѣніемъ, прародительскаго

Digitized by Google

престола вашего». Докладъ этотъ удостоился высочайшей резолюціи: «Благодарить».

Одновременно съ изданіемъ новыхъ архивныхъ матеріаловъ по исторіи XVIII и XIX столѣтій, августѣйшимъ почетнымъ предсѣдателемъ была указана обществу, еще въ 1876 году, другая въ высшей степени полезная задача—составленіе біографическаго словаря русскихъ дѣятелей съ начала русской исторіи до настоящаго времени. Въ годичномъ засѣданіи общества, происходившемъ 17 марта 1880 года въ Аничковомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича, А. А. Половцевъ заявилъ, что онъ рѣшается «личною своею иниціативою предпринять дѣло, не разъ уже коллегіально обсуждавшееся и, не смотря на всѣми сознанную пользу его, признававшееся доселѣ сопряженнымъ съ слишкомъ большими затрудненіями». Сначала рѣшено было составить списокъ именъ русскихъ дѣятелей, имѣющихъ быть помѣщенными въ словарь. Съ этою цѣлью, подъ руководствомъ Г. Ѳ. Штендмана и при дѣятельномъ участіи покойнаго П. Н. Петрова, были пересмотрѣны: мѣсяцесловы, календари съ росписью чиновныхъ особъ гражданскихъ и военныхъ за царствованія: Екатерины II, Павла I и Александра I, списки первыхъ чиновъ гражданскихъ и военныхъ, хранящіеся въ императорской публичной библіотекѣ въ единственномъ экземплярѣ, за царствованія частью Екатерины II и Павла I. Тамъ же, разсмотрѣны брошюры съ біографіями и отдѣльныя біографіи русскихъ дѣятелей, и изъ нихъ составленъ особый списокъ въ азбучномъ порядкѣ. Кромѣ того, сдѣланъ сводный алфавитный перечень авторовъ, помѣщенныхъ въ каталогахъ: Сопикова, Смирдина, Плавильщикова, Ольхина, Генкеля и Глазунова. Когда, наконецъ, въ 60-мъ и 62-мъ томахъ «Сборника» былъ напечатанъ «Азбучный указатель (52,600) именъ русскихъ дѣятелей для составленія русскаго біографическаго словаря», общество разослало свѣдущимъ лицамъ эти тома для просмотра и замѣчаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предсѣдатель общества обратился къ министрамъ и главно-управляющимъ съ просьбою допустить въ архивы министерствъ уполномоченныхъ общества для разсмотрѣнія формулярныхъ списковъ. Наконецъ, для болѣе быстраго изготовленія къ печати текста словаря, наблюденіе за нимъ возложено на трехъ лицъ: 1) секретаря общества Г. Ѳ. Штендмана, отъ А до И, 2) приватъ-доцента с.-петербургскаго университета Н. Д. Чечулина, отъ И до П, и 3) секретаря общества поощренія художествъ Н. П. Собко, отъ П до конца алфавита. Въ настоящее время, сразу печатаются два тома, подъ редакціей Г. Ѳ. Штендмана и Н. Д. Чечулина. Бо́льшую часть перваго тома, болѣе 30-ти печатныхъ листовъ, займутъ біографіи: Але-

Digitized by Google

ксандра I, написанная Н. К. Шильдеромъ, и Александра II, составленная С. С. Татищевымъ. По этимъ двумъ біографіямъ можно судить о размѣрахъ словаря, который несомнѣнно будетъ капитальнымъ трудомъ, достойнымъ всей предшествовавшей дѣятельности общества. Нужно только пожелать, чтобы не изсякла энергія лицъ, стоящихъ во главѣ этого дѣла, и чтобы оно было доведено до конца также хорошо, какъ начато. Почившій императоръ Александръ III съ живымъ сочувствіемъ слѣдилъ за печатаніемъ словаря; главнѣйшія біографіи читалъ въ корректурѣ и дѣлалъ замѣчанія и поправки. Такое вниманіе августѣйшаго предсѣдателя общества придавало, конечно, руководителямъ и сотрудникамъ словаря новыя силы и заставляло еще съ большею энергіею стремиться къ скорѣйшему завершенію трудной, но высоко полезной задачи, указанной почившимъ Державнымъ Покровителемъ русской исторической науки.

С. Трубачевъ.

Digitized by Google

ГОСПОДИНЪ МИНИСТРЪ.

Романъ Кларети.

I.

Третій актъ «Африканки» приходилъ къ концу. Министръ выходилъ изъ директорской ложи и говорилъ съ улыбкой человѣка, свалившаго съ своихъ плечъ тяжелую ношу:

— Ну, что жь? Отправимся, если желаете, въ фойе, г. Гранэ?

— Пойдемте, господинъ министръ.

Надо было пройти черезъ обширную сцену, по которой маневрировали, точно матросы по мачтамъ, машинисты. На сценѣ появлялись и исчезали разные господа въ черныхъ сюртукахъ, въ кокетливыхъ бѣлыхъ галстукахъ и клякахъ на головѣ. Они легко шагали черезъ веревки, протянутыя недалеко отъ самаго центра танцевъ. Эта толпа выходила изъ креселъ и изъ ложъ и, напѣвая аріи изъ баллады Нелуско, переходила изъ залы на сцену, какъ давніе уже завсегдатаи этого театра.

Гарсонъ въ бѣломъ галстукѣ, сидя передъ столикомъ, записывалъ на листкѣ бумаги имена входящихъ на сцену лицъ, и время отъ времени привставалъ съ своего мѣста, вѣжливо раскланиваясь съ разными офиціальными лицами, хорошо ему извѣстными.

— Не видали ли вы г. Водрея, Луи?—спросилъ еще довольно молодой господинъ, съ моноклемъ въ глазу, который, повидимому, былъ тутъ свой человѣкъ.

— Г. министръ въ ложѣ директора,—вѣжливо отвѣчалъ гарсонъ.

— Благодарю васъ, Луи!

И пока этотъ посѣтитель пробирался на сцену, гарсонъ

Digitized by Google

написалъ на упомянутомъ листкѣ своимъ красивымъ почеркомъ служащаго въ бюро: «Г. Гюи де-Лиссакъ».

Министръ, котораго искалъ Лиссакъ, стоялъ въ театрѣ подъ руку со своимъ компаньономъ, г. Гранэ, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на весь этотъ оперный механизмъ, приведенный въ движеніе копошащимися, точно муравьи, рабочими. Все это было совершенно ново для него. Водрей выразилъ при этомъ столько удивленія и какой-то наивности, что его пріятель и коллега по палатѣ, Гранэ, только украдкой посмѣивался въ свои навощенные усы.

— По моему, это интереснѣе самаго представленія,—сказалъ министръ.

Свѣтъ отъ лампъ ложился желтыми пятнами на полъ, и вся громадная сцена походила на большую песчаную площадь. Водрей поднималъ голову вверхъ и разсматривалъ симетрично расположенныя сѣтки, освѣщенныя газомъ и тянувшіяся длинной сверкающей полосой, параллельно фризовымъ драпировкамъ занавѣсей. Въ глубинѣ сцены, на большомъ полотнѣ изображенъ былъ блестящій индійскій пейзажъ, освѣщенный горячимъ солнцемъ, и въ огромномъ пустомъ пространствѣ, между падающей занавѣсью и декораціей, мелькали какія-то черныя прыгающія пятна по желтому полу сцены. То отражались тѣни посѣтителей сцены, похожія издали на китайскія тѣни.

— Это очень забавно, — повторилъ министръ.—Теперь взглянемъ на фойэ танцевъ. Вамъ знакомъ этотъ фойэ, Гранэ?

— Я парижанинъ,—отвѣчалъ депутатъ, не слишкомъ подчеркивая это слово, но смыслъ сказаннаго промелькнулъ въ его тонкой усмѣшкѣ. Его превосходительству, Сюльпису Водрею, нельзя было не понять, что отъ него, по мнѣнію «парижанина», пахнетъ немножко провинціей.

Смущенный Сюльписъ нерѣшительно проходилъ по обширной сценѣ среди крика и гама рабочихъ. Все это походило на какое-то приготовленіе къ бою. Эта быстрая разборка корабля «Африканки», эти кричащіе и снующіе по мачтамъ рабочіе, устраивающіе искусственное качаніе огромнаго судна, диковинки декораціоннаго искусства, — все это зрѣлище дѣйствовало такимъ ошеломляющимъ образомъ на министра, что онъ не замѣтилъ, какъ вправо отъ него опустилась зана-

Digitized by Google

вѣсь, почти коснувшись его платья. Изъ ложъ его отовсюду лорнировали и слышался шопотъ, въ которомъ онъ угадывалъ:

— Это и есть новый министръ внутреннихъ дѣлъ?

— А! ба! это г. Водрей!

— Да, г. Водрей!

И Водрей невольно выпрямился подъ всѣми этими круглыми стеклами лорнетовъ. Гранэ, между тѣмъ, съ улыбкой говорилъ директору хора, стоявшему передъ нимъ во всемъ черномъ:

— Не правда ли, сейчасъ видно, что г. министръ пришелъ сюда въ первый разъ?

И, дѣйствительно, въ первый разъ новый министръ ступилъ ногой за кулисы этой оперы. Онъ вносилъ сюда юношеское любопытство и апетитъ гимназиста. Какъ онъ хорошо сдѣлалъ, что не взялъ сюда съ собой г-жу Водрей, подъ предлогомъ ея болѣзни. Эти взгляды совершенно незнакомаго ему мірка подѣйствовали на него такимъ образомъ, что онъ почувствовалъ въ себѣ приливъ какой-то школьнической рѣзвости. Во всемъ этомъ забавномъ посѣщеніи фойэ былъ для него какой-то перецъ. Позади занавѣси, въ глубинѣ сцены, музыканты въ костюмахъ браминовъ, съ очками на носу, чтобы вѣрнѣе разбирать свои партитуры, лѣниво смотрѣли на свои мѣдные инструменты, которыми они раскачивали, какъ спеленатыми младенцами. Индѣйцы съ разрисованными щеками, въ узкихъ желтыхъ панталонахъ, усталые и изнуренные, лѣниво зѣвали, ожидая своего выхода на сцену. Воины спали, растянувшись на деревянныхъ лавкахъ, разинувъ ротъ, въ каскахъ, надвинутыхъ на самый носъ, какъ забрало. Другіе же, положивъ каски въ ноги, и опираясь о ружья, какъ о палки, расположились поудобнѣе у стѣнъ и тоже дремали, прислонясь къ стѣнѣ головой. Совсѣмъ молоденькія, худенькія, маленькія дѣвушки въ короткихъ юбочкахъ вертѣлись и прыгали на одной ногѣ, напѣвая аріи. Нѣкоторыя изъ нихъ, скрестивъ ноги, граціозно перегибались впередъ, чтобы посмотрѣть, хорошо ли завязаны бантики на ихъ розовыхъ туфелькахъ; нѣкоторыя, въ бумажныхъ каскахъ, весело хохотали, ударяя другъ друга маленькими серебряными цимбалами. Бойкіе мальчики, одѣтые первосвященниками въ желтыхъ платьяхъ съ

Digitized by Google

широкими красными кушаками, проходя мимо нихъ, безцеремонно толкали ихъ, нисколько не извиняясь. Театральный huissier расхаживалъ взадъ и впередъ, въ формѣ, съ цѣпью на шеѣ, угрюмый и степенный среди этихъ хорошенькихъ дѣвушекъ, притомъ довольно дерзкихъ. Въ глубинѣ сцены открывался глазамъ фойэ для танцевъ, задрапированный сѣроватаго цвѣта бархатной занавѣсью, а нѣсколькими ступеньками выше стояли мужчины и болтали съ танцовщицами. Водрей былъ просто ослѣпленъ этой залитой огнями залой, съ огромнымъ зеркаломъ въ глубинѣ, ярко отражавшимъ въ себѣ всю эту мишуру.

Мало по малу, онъ сталъ различать подъ картинами, изображающими античные танцы, и подъ портретами Камаргó или Новерры, какую-то безпорядочную смѣсь газовыхъ юбокъ, бѣлыхъ плечъ, розоватыхъ ногъ, среди которыхъ темнѣли, точно чернильныя пятна, черные сюртуки мужчинъ. Сюльпису Водрею много говорили объ этомъ фойэ танцевъ, но онъ почувствовалъ грубое разочарованіе. Конечно, этотъ яркій свѣтъ съ особеннымъ шикомъ освѣщалъ всевозможныя краски, а также и этихъ хорошенькихъ дѣвочекъ, въ пышныхъ юбочкахъ, съ голыми руками, улыбающихся, съ ножками въ розовыхъ шолковыхъ чулкахъ, которыми онѣ упирались въ перила, обитыя сѣрымъ бархатомъ. Но все на этомъ пыльномъ полу, среди столбовъ пыли повсюду, казалось чѣмъ-то поблеклымъ и сѣрымъ.

— И это все! — вырвалось у министра невольное восклицаніе.

— А вамъ этого мало?—возразилъ Гранэ.—Ну, на васъ трудно угодить.

Когда министръ появился среди этихъ молоденькихъ дѣвушекъ, то въ немъ сейчасъ же пробудилось какое-то кокетливое чувство, вмѣстѣ съ добродушной насмѣшливостью, съ примѣсью любопытства. Его замѣтили въ директорской ложѣ. Тамъ хорошо знали объ его пламенномъ желаніи проникнуть въ фойэ танцевъ. Всѣ они туда идутъ! Примѣты Сюльписа были уже извѣстны публикѣ. На него были устремлены взгляды со всѣхъ сторонъ, а на диванахъ, приставленныхъ къ зеркаламъ, сидѣли какіе-то прилизанные молодые люди, окруженные, можетъ быть, совершенно случайно, тан-

Digitized by Google

цорками, звонко хохочущими, другъ за друга прячущимися, со стыдливо потупленными глазами. Ихъ обступали, главнымъ образомъ, какіе-то плѣшивые старички. Онѣ дѣлали то же, что и всѣ женщины, которыя хотятъ показать, что кого-то не замѣчаютъ, когда прячутъ лицо въ букетъ цвѣтовъ. Министръ, замѣтивъ эту уловку, насмѣшливо улыбнулся. Онъ увидалъ тамъ префектовъ изъ окрестностей Парижа, изъ Версаля, изъ Шартра, любезно озирающихъ Францію съ высоты знаменитаго фойэ танцевъ. Любезные чиновники изъ министерства изящныхъ искусствъ тоже изучали тутъ эстетику во время антрактовъ.

Всѣ чиновники изъ разныхъ вѣдомствъ какъ-то по братски смѣшивались тутъ, добродушно другъ другу усмѣхаясь. Сюльписъ Водрей сдѣлалъ объ этомъ шопотомъ замѣчаніе Гранэ. Старые красавцы второй имперіи съ нафабренными усами, съ просѣдью въ волосахъ, съ прилизанными височками, съ отвислыми, дряблыми щеками, упирающимися въ туго накрахмаленные воротнички и трясущимися, точно студень подъ ножемъ, толклись тутъ же, всѣ вмѣстѣ, съ маленькими царьками республики, которые похаживали съ заносчиво-вздернутымъ носомъ, съ золотистымъ или темнымъ пушкомъ на юныхъ щекахъ, съ густой, хорошо причесанной шевелюрой, — кокетливые, кривляющіеся болтуны, лукавые и развращенные, но немного сконфуженные и не столь развязные, какъ эти старые отбросы, съ солидными манерами, слишкомъ прямой походкой, угрюмые, какъ всѣ старые брюзги.

— Это, вѣрно, вновь вступающіе вмѣстѣ съ отставными?— тихо спросилъ Водрей.

— У васъ мѣткій взглядъ парижанина, господинъ министръ,—отвѣчалъ ему Гранэ.

— Это потому, что и въ провинціи попадаются парижане... провинціальные, такъ сказать, мой милый Гранэ, — отвѣчалъ Сюльписъ, лицо котораго оживилось и пульсъ забился особымъ веселымъ возбужденіемъ.

— А! г. министръ, — проговорилъ толстый бодрый человѣкъ, съ живой, веселой улыбкой, съ бѣлоснѣжными волосами и баками.—Какъ! и вы здѣсь? Какъ это вы сюда попали?

И онъ подошелъ къ министру, раскланиваясь съ нимъ безъ особенно приторной любезности, но съ добродушной фамильяр-

Digitized by Google

ностью, которая пріобрѣтается довольствомъ и деньгами. Жирный и богатый, солидный и здоровый въ шестьдесятъ лѣтъ также, какъ когда ему было сорокъ,—Молина приводилъ свою жизнь такимъ образомъ: послѣ завтрака онъ игралъ на биржѣ, а вечера проводилъ въ фойэ танцевъ. Онъ отчасти командовалъ театромъ и, въ особенности, корифейками сцены; съ послѣдними онъ обращался нѣсколько по отечески, на что давали ему право сѣдые волосы, ради которыхъ онѣ считали нужнымъ относиться къ нему съ уваженіемъ, хотя, въ то же время, деньги, которыя онъ среди нихъ разбрасывалъ, умаляли эту почтительность. Когда-то очень низкаго происхожденія, добившійся впослѣдствіи важнаго положенія, этотъ толстякъ Молина, скупщикъ акцій и завсегдатай оперы, наслаждался теперь избыткомъ своихъ средствъ, какъ человѣкъ, прежде часто голодавшій. Онъ пользовался всѣмъ: и молодыя женщины, и знаменитыя картины, и мраморныя статуи, и всякая роскошь никогда не миновали его рукъ. Онъ съ совершеннымъ безвкусіемъ набиралъ всевозможныя рѣдкости и безъ малѣйшаго увлеченія покупалъ дѣвицъ съ кричащей репутаціей.

Когда было нужно, онъ откапывалъ ихъ и довольствовался тѣмъ, что, посадивъ въ свою коляску какую нибудь недавно пустившуюся въ развратъ дѣвицу, катался съ ней вокругъ озера въ Булонскомъ лѣсу, и съ самодовольствомъ смотрѣлъ на зѣвакъ, немедленно собиравшихся вокругъ его коляски и съ жадностью глазѣвшихъ на свѣжеиспеченную львицу, только потому, что съ ней сидѣлъ Молина. Когда-то въ Марсели, въ какомъ-то жидовскомъ кварталѣ, онъ распродавалъ старое платье матросамъ и всѣмъ служащимъ при портѣ. Теперь же ему доставляло большое наслажденіе видѣть, какъ разные парижскіе бульвардье раскупали его старыхъ любовницъ.

— И вы въ фойэ танцевъ, господинъ министръ? — повторилъ финансистъ. — А! честное слово! я скажу объ этомъ г-жѣ Водрей.

Сюльписъ улыбнулся, немножко удивленный, когда тутъ прозвучало имя его жены. Ему показалось, что, съ произнесеніемъ имени, и ее насильно втаскиваютъ въ эту странную, необычайную обстановку.

То же самое почувствовалъ онъ тогда, когда вскорѣ послѣ женитьбы прочелъ въ одной газетѣ подробное описаніе всего

Digitized by Google

своего домашняго обихода; репортеры не преминули даже описать портретъ обожаемой имъ Адріенны, въ которой была для него вся жизнь.

— Но въ концѣ концовъ придется все таки пріучить ко всему этому и г-жу Водрей. Здѣсь, въ оперѣ—половина политики! Ключъ къ извѣстному положенію очень часто таится за кулисами...—И финансистъ залился звонкимъ хохотомъ разбогатѣвшаго аферіста.

Затѣмъ онъ сталъ посвящать Водрея во всѣ маленькія тайны фойэ, какъ человѣкъ, въ совершенствѣ, и съ незапамятныхъ временъ, постигшій всю премудрость этой маленькой парижской области. Онъ часто легко, однимъ жестомъ, объяснялъ исторію каждой изъ этихъ дѣвочекъ, болтавшихъ, смѣявшихся и расхаживавшихъ взадъ и впередъ по сценѣ, едва касаясь пола своими маленькими, обутыми въ розовыя ботинки, ножками.

Сюльписа все удивляло. И онъ даже не старался скрывать своего удивленія: пусть каждый видитъ, что онъ дебютируетъ здѣсь въ первый разъ!

— А, господинъ министръ!—восклицалъ Молина, восхищенный своей обязанностью чичероне. — Слѣдовало бы вамъ пожить здѣсь. Ничего нѣтъ забавнѣе этого мірка. Здѣсь, на глазахъ у меня, хорошенькія дѣвочки поднимаются и выростаютъ, точно спаржа, и по неволѣ привыкаешь видѣть возлѣ себя этихъ большихъ проказницъ, которыя раскланиваются съ вами, какъ мальчишки, и щелкаютъ орѣхи, какъ мышки. Затѣмъ онѣ обыкновенно уѣзжаютъ попутешествевать на три мѣсяца, т. е. провести сезонъ въ Виши или въ Діеппѣ, а по возвращеніи наступаетъ ихъ полное преобразованіе. Бабочка вылупилась изъ своего кокона. Мальчишка исчезъ. Это ужь не прежняя шалунья-дѣвчонка. Передъ вами настоящая женщина. Насмѣшливые глазки задорно на васъ поглядываютъ съ тѣмъ выраженіемъ, отъ котораго по вашему тѣлу пробѣгаютъ мурашки. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, вы предложили бы ей не больше двухъ копѣекъ на орѣхи, а тутъ всѣ готовы уже подкатить свою карету. Прежде она къ вамъ прыгала на колѣни, а теперь вы бросаетесь къ ней на грудь! Такимъ образомъ, мало по малу присутствуешь при всѣхъ дальнѣйшихъ перипетіяхъ ихъ жизни, съ того времени, когда бѣдняжка впервые выступаетъ по своему жизненному пути, и вплоть до того

Digitized by Google

времени, когда онѣ доходятъ до поры инвалидокъ, начинаютъ твердѣть въ таліи, но все еще подвизаются на своемъ поприщѣ, пока не получатъ болѣзни колѣнки.

— Болѣзнь колѣнки?

— Ну, да. Это спеціальный терминъ, котораго нельзя найти въ словарѣ, господинъ министръ; иначе сказать, съ ними случаются нѣкоторыя несчастія. Въ сущности она довольно интересна, эта боль въ колѣнкѣ. Но въ концѣ концовъ подрѣзывается не нога, а вся карьера!

— А часто случается эта оперная болѣзнь въ колѣнкѣ?

— Ахъ, господинъ министръ! И чего же вы больше хотите? Только подумайте, до чего скользко ремесло этихъ вертушекъ! Вѣдь тутъ совершенно то же, что̀ и въ политикѣ.

И толстякъ Молина̀ расхохотался надъ своей остроумной шуткой, а затѣмъ, повернувшись къ двери, кликнулъ:

— Эй, Марѝ Лоней! Что̀ тамъ у нея въ рукѣ?

Очень хорошенькая и легкая въ своемъ индійскомъ костюмѣ танцовщицы, въ фойэ вошла молоденькая дѣвушка шестнадцати-семнадцати лѣтъ, уже вполнѣ сформировавшаяся, съ большими голубыми, горячими глазами. Она что-то напѣвала и держала длинный листокъ бумаги. Она потряхивала крупными бусами поддѣльнаго жемчуга, точно онѣ ей мѣшали; подпрыгивая, онѣ спадали на ея, еще довольно худощавую, грудь. Очевидно, она отыскивала кого-то въ группѣ танцовщицъ, и затѣмъ вдругъ позвала какую-то полненькую, маленькую брюнеточку, хохотавшую въ толпѣ черныхъ сюртуковъ.

— Эй, Анна! ты еще не подписалась?

Брюнетка скоро освободилась отъ ловкихъ кавалеровъ, осыпа̀вшихъ ее комплиментами, и теперь скорой походкой подходила къ Мари Лоней, протягивавшей ей аллюминіевый карандашъ и листокъ бумаги.

— Что за чортъ?—проговорилъ Молина̀.

— Пойдемъ, посмотримъ,—отвѣчалъ Гранэ.

— А это не будетъ нѣкоторой нескромностью?—возразилъ Водрей полусерьезно.

Но финансистъ былъ уже возлѣ дѣвушекъ и спрашивалъ хорошенькую блондинку: что̀ заключается въ листкѣ, на которомъ брюнетка читала по складамъ? Мари Лоней—изящная и хорошенькая, съ золотистыми кудряшками,—улыбнулась сму-

Digitized by Google

щенной улыбкой еще совсѣмъ невиннаго ребенка, подъ пытливымъ взглядомъ толстяка, и затѣмъ, взглянувъ своими дѣвственными глазами на Водрея и Гранэ, стоявшихъ рядомъ, отвѣчала:

— Это подпи́ска на m-lle Легранъ.

— Постойте, теперь я припоминаю, — сказалъ Молина̀.— Вѣдь вы ей, кажется, подносите какую-то статуэтку?

— Да, правда. Это къ ея отъѣзду. Вся опера подписалась и даже нѣкоторые изъ абонентовъ. Вотъ посмотрите.

И Мари Лоней взяла у своей подруги листокъ, на которомъ значились разныя фамиліи, подписанныя то перомъ, то карандашемъ; тутъ странно перемѣшивались: ученическій почеркъ, со всевозможными грамматическими и орѳографическими ошибками, и небрежный изящный росчеркъ извѣстныхъ лицъ. Молина̀, при взглядѣ на этотъ списокъ, опять разразился своимъ смѣхомъ, напоминающимъ звукъ побрякивающихъ въ кошелькѣ монетъ. Рядомъ съ именами танцовщиковъ и хористовъ, онъ прочелъ имена нѣкоторыхъ habitués.

— Ахъ, г. министръ. Это просто удивительно. Посмотрите только. Амели Дюпуа 2 фр., Жанна Гарно 5 фр., «прекрасный мальчикъ Карлъ»—1 фр. 50 сант., Варнье 1-й 2 фр., Варнье 2-й—2 фр., баронъ Гуманъ—100 фр. Ахъ, баронъ—это одинъ старый префектъ. Взгляните только: баронъ Гуманъ рядомъ съ прекраснымъ мальчикомъ и Жигоннэ! Гуманъ, подписывающійся рядомъ съ такой безграмотной подписью: «Ce sousse — cris pourre ci fran». О! это было бы безподобно, еслибы помѣстить этотъ списокъ въ парижскую газетку «Эхо»! Да не найдется ли тутъ въ настоящую минуту какого нибудь репортера оттуда?

Гранэ съ лукавымъ взглядомъ поглаживалъ свою черную бородку и смотрѣлъ на хорошенькую Мари Лоней и на ея подругу Анну, переконфузившуюся подъ жирнымъ смѣхомъ этого толстаго извощика Молина̀; она смущенно повертывала аллюминіевый карандашикъ въ своихъ маленькихъ пальчикахъ и смотрѣла на Мари, точно хотѣла ей сказать: «ну, что̀ ты подѣлаешь съ такимъ нахаломъ? конечно, я при немъ не подпишусь»!

— Одолжите мнѣ на минутку вашъ карандашикъ, дитя мое!—сказалъ ей Молина̀.

Digitized by Google

Она протянула ему карандашъ, по прежнему смущенная.

— Тамъ, гдѣ прошелъ баронъ, пройдетъ и Молина,—сказалъ финансистъ.

Онъ подвинтилъ и помуслилъ карандашъ, и, поставивъ согнутую ногу въ громадной ботинкѣ на диванъ, положилъ листокъ на колѣно и написалъ карандашемъ быстро, какъ человѣкъ, привыкшій отдавать приказанія на биржѣ:

«Соломонъ Молина—500 франковъ».

— Ахъ! господинъ Молина, — воскликнула Мари Лоней, прочитавъ это. — Вотъ что любезно, такъ любезно съ вашей стороны! Очень, очень мило! Еслибы всѣ были такъ щедры, то мы приподнесли бы m-lle Легранъ золотую статую «Танца».

— Если вы захотите лично для себя группу Карпо, дитя мое,—сказалъ Молина,—то стоитъ вамъ только поискать ее въ моемъ фіакрѣ и... и... ты увезешь ее въ своей каретѣ.

Малютка покраснѣла подъ слоемъ пудры, какъ вишня; даже ея юныя плечи покрылись легкимъ розоватымъ оттѣнкомъ, что производило такое впечатлѣніе, точно она расцвѣтала, распускаясь въ своей прелестной граціи женщины-ребенка. Водрей почувствовалъ, какъ мало по малу онъ сталъ очаровываться и какъ-то странно волноваться въ этомъ прославленномъ мѣстѣ. Въ его воображеніи пронеслись прежніе образы, какія-то видѣнія въ свѣтлыхъ платьяхъ; на него вдругъ пахнуло юностью; какъ будто запахло свѣже-скошенной, зеленой, какъ изумрудъ, травой, какъ будто пронесся запахъ лилій Медона, запахло фіалками изъ Вилль д'Аврей; словомъ, онъ вдругъ вспомнилъ свои веселые студенческіе годы. Эти пышныя юбочки напомнили ему другія воздушныя бѣлыя платья, мелькавшія между кустами орѣшниковъ; эти дѣвочки-танцовщицы напоминали гризетокъ, съ которыми онъ немало повозился, когда ему было двадцать лѣтъ. Онъ въ свою очередь протянулъ руку къ списку, въ который Молина вписалъ свое имя, и сказалъ Маріи Лоней:

— Позвольте, барышня, и мнѣ!

Гранэ улыбнулся.

— Посмотримъ, посмотримъ,—сказалъ онъ,—какъ это вы, министръ внутреннихъ дѣлъ, подпишете свою фамилію подъ фамиліей Жигоннэ?

— Ахъ, вѣдь и правда!—сказалъ, засмѣявшись, Водрей.—

Digitized by Google

Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, но я чуть было не позабылъ совсѣмъ, что я министръ.

— Совершенно то же было со мной, когда я въ первый разъ былъ пожалованъ орденомъ,—замѣтилъ Молина. — Я не довѣрялъ своего верхняго платья портьеркамъ, потому что на немъ мелькала красная ленточка, и мнѣ казалось, что платье чье-то чужое. Но къ этому подъ конецъ привыкаешь!

И тутъ онъ опять засмѣялся своимъ дребезжащимъ металлическимъ смѣхомъ.—Теперь я удивляюсь, что не нахожу красной ленточки на своихъ фланелевыхъ фуфайкахъ.

Мари Лоней съ удивленіемъ смотрѣла на Водрея, благосклонно слушавшаго разсказы Молина, все время вращавшіеся около хореографіи.

Ахъ, еслибы у г. министра было побольше свободнаго времени! Онъ увидалъ бы тутъ презабавныя штуки. Напримѣръ, между танцовщиками былъ одинъ полировальщикъ мрамора, который днемъ велъ торговлю похоронными памятниками, а вечеромъ вытанцовывалъ свои па, весело скаля зубы. Онъ исполнялъ, между прочимъ, всѣ оперныя похороны; весь трауръ былъ на его рукахъ; и эти свои обязанности онъ дѣлилъ между прыжками балетныхъ репетицій. Однажды Молина присутствовалъ на репетиціи танцевъ, и глазамъ его представилось странное зрѣлище: между корифейками обращалъ на себя вниманіе молодой человѣкъ въ сѣромъ платьѣ. Оказалось, это былъ служащій при банкѣ; на головѣ у него надѣта была трехъуголка, а въ рукахъ онъ держалъ мѣдную доску; вечерами онъ репетировалъ въ балетѣ, а днемъ служилъ въ банкѣ. Рядомъ съ нимъ разучивала свою роль танцовщица въ рабочей блузѣ и черной юбкѣ. Молина справился объ ней и удивился. Эта дѣвочка только что лишилась своей матери! О, это огромное оперное зданіе — ничто иное, какъ мѣсто всевозможныхъ превращеній и противоположностей!

Финансистъ продолжалъ свои разсказы и началъ описывать свое путешествіе въ Тимбукту. Но Сюльписъ Водрей слушалъ его уже съ гораздо меньшимъ удовольствіемъ и удивленіемъ. Весь этотъ міръ вокругъ него былъ совершенно новъ и заманчивъ, какъ свѣжій виноградъ, для совсѣмъ еще молодаго человѣка, солиднаго и трудолюбиваго, пріѣхавшаго въ Парижъ ради службы. Онъ зналъ этотъ Парижъ настолько,

Digitized by Google

насколько могъ знать его, проживъ въ немъ свои ученическіе годы, во время пребыванія въ школѣ правовѣдѣнія: партеръ французской комедіи, галереи Люксембурга и Лувра, библіотеки, архивы, балы въ Латинскомъ кварталѣ, дни разныхъ студенческихъ проказъ, два-три посѣщенія маскарада, въ маскахъ, и затѣмъ—ничего, ничего больше! Теперь же, будучи взрослымъ человѣкомъ, онъ явился въ Парижъ изъ Гренобля, съ апетитами отчасти уже искушеннаго парижанина. И вотъ онъ опять въ этомъ фойэ, подъ разстрѣломъ всѣхъ глазъ, видящій почти со смущеніемъ свое отраженіе въ огромномъ зеркалѣ, среди этихъ декольтированныхъ танцовщицъ и всего этого страннаго сборища. И всѣ разсматривали его, разбирали по косточкамъ; одни робко глядѣли на него издали, другіе же съ любопытствомъ толклись къ нему поближе. Какъ же? Вѣдь это новый министръ. Начальникъ всѣхъ этихъ префектовъ, подпрефектовъ, главныхъ секретарей,—это онъ, этотъ самый министръ! Большинство зрителей гнѣздилось на этомъ бархатномъ диванчикѣ, въ этомъ банальномъ фойэ! Большинство этихъ зрителей и посѣтителей были подвѣдомственные ему люди. Конечно, всѣ эти взгляды, перешоптыванія женщинъ, эти хмурыя брови соперниковъ, всѣ эти граціозные, изысканные поклоны сами по себѣ мало доставляли удовольствія Водрею. Но вотъ онъ увидалъ идущаго навстрѣчу и искавшаго его, съ моноклемъ въ глазу, Гюи де-Лиссака, который, увидавъ его, подошелъ и поклонился съ дружескою фамильярностью, не безъ примѣси, впрочемъ, извѣстной щепетильности.

Сюльписъ поторопился устранить эту сдержанность. Онъ подошелъ къ Гюи и весело сказалъ, взявъ его за руку:

— Ты знаешь хорошо, что я тебя ждалъ. Вѣдь ты единственный изъ моихъ друзей, который меня еще не поздравилъ.

— Ты тоже знаешь, мой милый министръ, — въ томъ же тонѣ отвѣчалъ Лиссакъ:—для министра не можетъ быть особенно пріятнымъ, если друзья станутъ бросаться ему на шею и кричать: браво! Ты взошелъ на Капитолій, но онъ не настолько пріятенъ, этотъ Капитолій, чтобы я сталъ освѣщать его à giorno. Я счастливъ, если ты счастливъ. Поздравляю тебя, если ты самъ потираешь радостно руки,—вотъ и все.

Digitized by Google

— Ты, да еще мой старый пріятель Рамель, вы оба такіе оригиналы, какихъ трудно встрѣтить!

— Съ тою только разницею, что Рамель—пуританинъ, антикъ, кусокъ мрамора, а я бульвардье и скептикъ! Твой пріятель Лиссакъ сдѣланъ изъ симилорной бронзы. Доказательствомъ служитъ то, что я уже бѣгаю за тобой, ища твоего фавора!

— Какого, мой милый Гюи?—вскричалъ Водрей съ просіявшимъ лицомъ.—Проси всего, чего хочешь.

— Вотъ видишь ли, я теперь нахожусь въ ложѣ г-жи Марси. Ты не знакомъ съ г-жой Марси? она тебѣ аплодировала въ трибунѣ. При твоемъ назначеніи, она давала всякіе обѣты. Замѣтивъ тебя въ директорской ложѣ, она умоляла меня представить ей тебя или ее представить тебѣ, такъ какъ я еще не знаю хорошенько, соблаговолитъ ли ваше превосходительство пойти на это знакомство?

— Какъ ты сказалъ? г-жа Марси? не вдова ли она живописца? И, кажется, у нея дипломатическій салонъ, у этой г-жи Марси?

— Дѣйствительно, она держитъ салонъ, и въ этомъ отношеніи конкурируетъ съ г-жей Эванъ. Что дѣлать? Аѳинская республика! Но тебѣ это не противно?

— Напротивъ! Мы удержимъ республику только въ союзѣ съ женщинами.

— Такъ пойдемъ къ ней,—воскликнулъ Лиссакъ, захохотавъ.—Политика и почести нисколько тебя не измѣнили.

— Меня, мой милый? Двадцать лѣтъ лишнихъ и меньшее количество волосъ не помѣшали мнѣ остаться такимъ же, какимъ я былъ въ 1860 г.

— Ахъ, все помню, помню! И отель Расинъ въ улицѣ того же имени, и какъ я тогда мечталъ сдѣлаться Мюссэ,—я-то? Такой лакомка? А кѣмъ я сдѣлался? зрителемъ, аматёромъ Парижа! Словомъ, ничѣмъ. Ты же ни о чемъ бо́льшемъ не мечталъ, какъ сдѣлаться Барнавомъ, Верньо или Барбару,—и вотъ ты министръ!

— Да, министръ. Достигъ!—проговорилъ Водрей и какъ ни старался сдѣлать видъ, что эти бархатныя слова не ласкаютъ его самолюбія, но въ его взглядѣ невольно свѣтилась такая наивная радость и такое сильное желаніе на чемъ нибудь из-

Digitized by Google

лить ее, что онъ не могъ сдержать улыбки при этомъ заявленіи стараго товарища объ его тріумфѣ. О, эти строгіе судьи, которымъ были извѣстны всѣ ваши самыя раннія мечты,—вотъ кто постоянно смотритъ на васъ такъ, будто вы утащили у нихъ кусокъ изъ подъ носа!

Впрочемъ, это не могло относиться къ Лиссаку; онъ вовсе не былъ завистливъ.

— Пойдемъ, посмотримъ г-жу Марси, мой милый Гюи,—сказалъ Сюльписъ.—Судя по ея портрету, выставленному на послѣдней выставкѣ въ салонѣ, она должна быть очаровательна.

И онъ удалился подъ руку съ Лиссакомъ, бросивъ послѣдній взглядъ на этотъ знаменитый фойэ танцевъ, гдѣ дѣвушки продолжали еще выдѣлывать свои па, а возлѣ нихъ, подъ старыми картинами, столпились молодые подпрефекты, прикрываясь своими складными шляпами. Гранэ и Молина покинули маленькую Мари Лоней, которая все еще улыбалась смущенно-наивно, послѣ того какъ Молина сказалъ, шутливо опустивъ ей рѣсницы своими грубыми пальцами:—Итакъ, ты захотѣла барвиночковъ, маленькая жаба?

— Господинъ министръ,—сказалъ банкиръ, окидывая двусмысленнымъ взглядомъ его превосходительство,—вы знаете, если что понадобится, то я весь къ вашимъ услугамъ.

— До завтра, въ тюремной комисіи, господинъ министръ,—сказалъ Гранэ. Тамъ и здѣсь раскланивались съ Водреемъ, пока онъ проходилъ со своей всегдашней любезной улыбкой. Водрею надо было пересѣчь весь театръ, чтобы вернуться въ свою ложу. Была поставлена уже новая декорація. Появились буддійскіе храмы, выдѣляясь на голубомъ фонѣ неба своей смѣшанной архитектурой, своими колоссальными статуями; въ глубинѣ же холста появились большія, точно смѣющіяся, розы, среди изумрудной зелени. Волшебное сіяніе, продуктъ электрическаго свѣта, фантастически освѣщало полъ яснымъ и кроткимъ луннымъ сіяніемъ. Сюльписъ невольно улыбнулся, проходя по этой не то скатерти, не то огромному озеру, залитому бѣлымъ свѣтомъ, въ которомъ отражалась его тѣнь.

Ему показалось, что этотъ электрическій блескъ, эта фантастическая апоѳеоза, служили какъ бы волшебнымъ ореоломъ его избранія. Въ то время какъ онъ выходилъ изъ фойе, съ

Digitized by Google

нимъ столкнулся человѣкъ очень суроваго вида, въ черномъ сюртукѣ, застегнутый на всѣ пуговицы, плѣшивый, съ сѣдыми баками около толстыхъ, жирныхъ ушей, съ красными щеками и желтымъ черепомъ. Съ сурово выпученными глазами и съ жадно вздрагивающими ноздрями онъ пробирался въ эту душную, пропитанную ароматомъ, залу. Сюльписъ невольно взглянулъ на него и не могъ воздержаться отъ радостнаго восклицанія, узнавъ этого человѣка, котораго онъ замѣнилъ на площади Бово,—этого протестанта, гугенота, вдовца и отца пятерыхъ дѣтей, величайшаго въ мірѣ моралиста.

— Э! Господинъ Пишерò!

Тотъ наклонилъ свой голый черепъ цвѣта сливочнаго масла, съ такимъ жестомъ, точно ему кто далъ подзатыльникъ, и изъ краснаго сдѣлался малиновымъ, увидавъ Сюльписа, своего преемника по министерству; Сюльписъ, же наоборотъ, очень радушно протягивалъ ему обѣ руки, изящно гантированныя; Гюи де-Лиссакъ пересталъ смѣяться. Оба превосходительства—бывшее и настоящее—стояли одинъ противъ другаго, внизу лѣстницы, которая вела въ фойэ, среди браминовъ, фигурантовъ, негритянокъ, пилигримовъ; оба превосходительства: одно торжествующее и улыбающееся, другое съ недовольной гримасой на лицѣ, очутились подъ разстрѣломъ ироническихъ взглядовъ всего этого мірка.

— А! наконецъ-то я васъ поймалъ, дорогой коллега,— вскричалъ Сюльписъ, забавляясь смущеннымъ видомъ Пишерò, застегнутаго на всѣ пуговицы, какъ квакеръ, въ своемъ черномъ сюртукѣ и мигающаго глазами позади очковъ, подобно пристыженному или уличенному въ чемъ-то пономарю.

— Меня?—пробормоталъ Пишерò.—Но, дорогой министръ, это я васъ... это я именно васъ и искалъ.

— Здѣсь?—спросилъ Водрей.

— Да, здѣсь.

— Правда?

— Да, мнѣ надо было съ вами поговорить, я хотѣлъ...

Несчастный Пишерò въ замѣшательствѣ дергалъ себя за жилетъ, стараясь принять видъ суроваго достоинства, громко отдувался и мямлилъ что-то совершенно непонятное.

— Я хотѣлъ съ вами поговорить объ одномъ, очень важномъ дѣлѣ, а именно о протестантскихъ общинахъ.

Digitized by Google

Сюльписъ покатился со смѣху. Этотъ Пишерò, со своей миной пастора-кальвиниста, бросалъ украдкой изъ-подъ очковъ пламенные взгляды въ большую залу, гдѣ Мари Лоней хохотала надъ шутками толстяка Молинà.

Репортеры, зачуявъ матеріалъ для новостей дня, сновали возлѣ обоихъ министровъ, восходящаго и нисходящаго, стараясь уловить для своихъ газетъ отрывки разговора. Гюи де-Лиссакъ съ насмѣшливымъ любопытствомъ наблюдалъ безпокойный, смущенный видъ Пишерò, который сконфуженно потиралъ руки и старался принять любезный видъ, хотя, по его кислой улыбкѣ, легко было видѣть, съ какимъ наслажденіемъ онъ растопталъ бы, еслибы могъ, своего преемника.

— Итакъ, дорогой коллега,—весело проговорилъ Сюльписъ,—мы когда нибудь поговоримъ въ другомъ мѣстѣ объ вашихъ общинахъ; здѣсь же, при этой обстановкѣ, это несовсѣмъ удобно. Non est hic locus. До свиданія!

— До свиданія, дорогой министръ,—процѣдилъ сквозь зубы Пишерò. Водрей тащилъ уже Лиссака, шепча ему съ подавленнымъ смѣхомъ:

— Ахъ, ахъ! ай да квакеръ? Онъ потерялъ свой портфель, но сохранилъ при себѣ ключъ отъ кулисъ!

— Кажется, такъ,—отвѣчалъ Гюи.—Очевидно, что двери за кулисы служатъ утѣшеніемъ для отставныхъ сановниковъ. Голубые глазки Мари Лоней замѣняютъ цѣлебную мазь для разбившаго себѣ лобъ министра!

— Стало быть, Молинà былъ правъ, разсказывая о болѣзни въ колѣнкѣ, которая, какъ кажется, можетъ быть примѣнена и къ превосходительствамъ, оставшимся «въ меньшинствѣ».

И онъ отъ всей души смѣялся надъ замѣшательствомъ, злобою и доктринерствомъ этого квакера Пишеро, явившагося утѣшаться въ фойэ танцевъ, между тѣмъ какъ шесть его дочерей читаютъ дома англійскіе романы и распѣваютъ религіозные гимны подъ присмотромъ строгой наставницы въ зеленыхъ очкахъ.—Ба!—не велика бѣда упасть, когда падаешь въ объятія танцовщицъ,—весело проговорилъ министръ.

II.

Г-жа Марси ожидала, между тѣмъ, прихода Лиссака изъ фойэ.

Digitized by Google

Какъ только она увидала въ лорнетъ приближавшагося Водрея, въ ней съ новой силой загорѣлось желаніе увидать его въ своемъ новомъ салонѣ. Г-жа Марси была укушена тѣмъ тарантуломъ, который причиняетъ въ новѣйшія времена нѣчто въ родѣ виттовой пляски.

Богатая и еще очень молодая вдова, за которой всѣ ухаживали, которую всѣ ласкали, она во всемъ преслѣдовала цѣль—какъ можно веселѣе провести время. Она была изъ числа тѣхъ женщинъ, которыя вѣчно фигурируютъ въ памятной книжкѣ газетнаго хроникера, какъ передъ приборомъ фотографа.

Объ ея интимной жизни знали очень мало. Но цвѣтъ ея волосъ и глазъ, ея туалеты, адреса ея поставщиковъ, меню ея обѣдовъ, программа ея концертовъ, списокъ ея гостей, адресъ ея отеля,—все это было общеизвѣстно. Втихомолку поговаривали о нѣкоторыхъ романическихъ исторіяхъ въ жизни Сабины Марси. Когда-то, до вдовства, она испортила жизнь Филиппу Марси, живописцу, автору «Милосердія» на которое заглядывались въ Люксембургѣ, когда эта картина фигурировала между «Нимфой» Генера и портретомъ женщины, Каролюса Дюрана.

Хорошенькая, независимая, достаточно богатая послѣ продажи мастерской Филиппа Марси,—самые пустячные этюды котораго продавались на вѣсъ золота въ отелѣ Друо, подъ стукъ молотка г-жи Пиллэ,—Сабина, по окончаніи траура, сейчасъ же открыла свой салонъ. Она оставалась одна, хотя и была всегда окружена друзьями, не давая повода къ ревности среди своихъ многочисленныхъ обожателей, ухаживанія которыхъ она принимала съ замѣчательной холодностью и тактомъ, точно желая показать, что она хочетъ имѣть свой дворъ, но безъ фаворитовъ. У нея былъ сынъ, воспитывавшійся въ лицеѣ, но никто не встрѣчался съ мальчикомъ въ отелѣ его матери, на бульварѣ Малербъ.

Это былъ высокій, блѣдный юноша, который въ своей лицейской формѣ быстро взбѣгалъ по лѣстницѣ къ матери, точно отдавая визитъ совершенно посторонней женщинѣ, и, поздоровавшись съ ней, быстро убѣгалъ, присоединяясь на углу улицы къ ожидавшей его пожилой дамѣ, которая брала его подъ руку и уходила съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣла увезти его подальше отсюда.

То была мать г-жи Марси.

Digitized by Google

Итакъ, сынишка ея воспитывался у бабушки; да еще былъ его наставникомъ нѣкто Франсуа Шаріеръ, веселый зубоскалъ. Это былъ скульпторъ, вся жизнь котораго была посвящена искусству, что въ то же время не мѣшало ему продавать свои произведенія по довольно выгодной цѣнѣ. Напримѣръ, онъ дѣлалъ модели для ламповщиковъ изъ улицы св. Луизы, въ Марэ. Этотъ Шаріеръ былъ наставникомъ и руководителемъ сына своего стараго друга, г-на Марси. Это было нѣчто въ родѣ обязательства, взятаго имъ на себя относительно исчезнувшаго пріятеля.

Никто въ Парижѣ не зналъ ничего изъ частной жизни Филиппа Марси. Всякія маленькія сплетни очень скоро утихаютъ посреди огромнаго шума и суеты міроваго города. Въ концѣ концовъ, при имени Сабины, не возникало ни малѣйшихъ толковъ, развѣ потихоньку, подъ большимъ секретомъ. Ей, конечно, больше всего льстили ради ея богатства, ума и какого-то своеобразнаго очарованія, которое она распространяла вокругъ себя. Въ ея салонѣ носили бѣлые галстуки, но не считали нужнымъ накрахмаливать свой умъ. Словомъ, у этой хозяйки было весело и непринужденно. Про салонъ г-жи Марси стали говорить очень недавно; молва шла объ ея гостепріимствѣ; говорили, что у нея можно встрѣтить кого угодно, также какъ въ коридорахъ театра въ день перваго представленія или на бульварѣ во время гулянья. Этотъ салонъ могъ стать рядомъ съ другимъ, нѣсколько офиціальнымъ и очень моднымъ салономъ, хозяйкой котораго была г-жа Эванъ, а также и съ болѣе тихими, серьезными салонами нѣсколько кальвинистскаго характера высшей эльзасской колоніи. Сабинѣ надо было имѣть много такта, энергіи и упорства, чтобы добиться успѣха, для нея болѣе затруднительнаго, чѣмъ для всякой другой, такъ какъ у нея совсѣмъ не было никакихъ офиціальныхъ связей. Ея свѣтскія отношенія почти всѣ вертѣлись около артистическаго мірка. Но модные живописцы ввели въ ея салонъ нѣсколькихъ политическихъ аѳинянъ, любителей искусства, красивыхъ болтуновъ, охотно проповѣдывавшихъ, также какъ и Водрей, что республика ничего не значитъ безъ женщинъ, что только женщина, напр., создала орлеанизмъ, и вотъ эти милые ораторы доставили въ глазахъ свѣта салону г-жи Марси такую репутацію, что онъ сталъ считаться самымъ гостепріимнымъ и радушнымъ.

Digitized by Google

Къ тому же, въ Парижѣ очень легко завести салонъ, когда кухня находится въ надлежащемъ порядкѣ. Нѣсколько квадратиковъ изъ бристольской бумаги, выгравированныхъ Стерномъ и разосланныхъ по хорошимъ адресамъ, привлекаютъ съ поразительною легкостью цѣлую тучу посѣтителей, алчныхъ до буфета и вертящихся вокругъ него, точно рой мошекъ около медоваго сота. Парижъ точно спеціально созданъ для подобныхъ визитёровъ. Ко всему этому, г-жа Марси была такъ прелестна! Она ухватывалась за всякую вновь восходящую знаменитость, и охотилась за ней, какъ охотникъ за дичью. Она, какъ по заказу, прочитывала ежедневно всѣ отчеты Journal Officiel о преніяхъ въ палатѣ, чтобы угадать въ сегодняшнемъ ораторѣ—завтрашняго министра. Она заранѣе разузнавала, что какой нибудь живописецъ или скульпторъ получитъ золотую медаль за выставленные имъ предметы искусства въ салонѣ, и спѣшила первая пригласить его, чтобы показать, что это она дала ему ходъ. Въ литературѣ она предпочитала новую школу, любя ее за тотъ шумъ, который она производитъ. Она даже намѣревалась придать своему салону именно литературный характеръ съ политической окраской. Словомъ, въ ея салонѣ должны бывать, въ извѣстномъ смѣшеніи, и артисты, и государственные дѣятели.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, она тайно приготовляла пріемъ, которымъ хотѣла доставить сюрпризъ своимъ друзьямъ. Ей разсказывали о японскомъ представленіи, гдѣ-то данномъ, въ другомъ салонѣ, и вотъ она захотѣла устроить и у себя вполнѣ экзотическій вечеръ. Случайно, одинъ изъ пріятелей Гюи-де-Лиссака, нѣкто г. Хозе де-Розасъ, большой разгильдяй, когда-то ея знакомый, вернулся въ Парижъ послѣ кругосвѣтнаго путешествія. Ахъ, какое было бы счастіе, еслибъ г. де-Розасъ согласился разсказать публично, у нея на вечерѣ, о своихъ путешествіяхъ! Какой бы это вышелъ интересный вечеръ и какъ бы она позабавила своихъ друзей!.. Заманить къ себѣ такого оригинала, какъ де-Розасъ—вѣдь это новинка!..

— Графиня д'Орвиль даетъ литературныя утра; у г-жи Эванъ читаютъ поэмы и трагедіи, а у меня будутъ чтенія и разсказы съ научной цѣлью; это оригинально, и это въ модѣ,—говорила Сабина. А если женщина чего захочетъ, того захочетъ и испанскій грандъ. Г. де-Розасъ уступилъ ея насто-

Digitized by Google

ятельнымъ просьбамъ отчасти и ради де-Лиссака, усердно убѣждавшаго его предстать передъ парижской публикой и разсказать ей о своихъ приключеніяхъ. Приглашенія были разосланы. Г-жа Марси заручилась обѣщаніями троихъ министровъ. Она и имъ послала приглашенія и даже проставила ихъ имена первыми въ программѣ. Ей посчастливилось неожиданно получить согласіе самого г. Пишерò, этого завзятаго пуританина и протестанта. Объ этомъ вечерѣ уже разблаговѣстили всѣ газетчики, какъ вдругъ разразился министерскій кризисъ и именно въ то время, когда его меньше всего ожидали. Гранэ пожелалъ занять министерскій постъ, вмѣсто г. Пишеро, и хотя Пишеро провалился, но и Гранэ не досталось его мѣсто. Составилось министерство Коллара, въ которомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ очутился Сюльписъ Водрей. И какъ разъ всѣ министры, наобѣщавшіе г-жѣ Марси быть на ея вечерѣ, провалились въ одно время съ Пишеро!

— Но, стало быть, это было министерство картонныхъ капуциновъ?—свирѣпо вскричала г-жа Марси.

— Вы совершенно точно выразились: именно «министерство картонныхъ капуциновъ»,—отвѣчалъ Гюи де-Лиссакъ.

Сабина была сильно уязвлена. О, этотъ Гранэ! Очень нужно было ему поднять роковой вопросъ какъ разъ въ такое время! Точно онъ не могъ подождать еще нѣсколько дней. Конечно, не менѣе легко было бы ниспровергнуть любое министерство и на другой день послѣ вечера въ ея салонѣ. Гранэ ужь черезчуръ торопился попасть на министерское кресло. А она еще всегда была о немъ такого хорошаго мнѣнія. И вотъ онъ вышелъ просто на просто честолюбецъ. Онъ торжествовалъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ видъ, что торжествуетъ. Она же, какъ нарочно, осталась безъ министровъ, и некѣмъ ей будетъ похвастаться передъ своими гостями.

Сабина не была знакома ни съ однимъ изъ новыхъ министровъ. Ей однажды только представился случай поговорить съ новымъ президентомъ совѣта министровъ, нантскимъ адвокатомъ г. Колларомъ, на пріемѣ въ Елисейскомъ дворцѣ. Колларъ, проходя мимо, нечаянно оборвалъ ей кружево, очаровательно извинившись. Но этого было слишкомъ мало, для того чтобы она могла пригласить его въ свою гостинную. Ея интимная подруга, хорошенькая г-жа Жерсонъ, которая помогала

ей по части пріемовъ гостей и жаждала въ свою очередь посоперничать съ ней, открывъ собственный салонъ и отбивъ у нея нѣкоторыхъ приглашенныхъ,—напрасно утѣшала, что Пишерò сдержитъ свое обѣщаніе и придетъ; что все таки этотъ человѣкъ можетъ со временемъ пригодиться. Къ тому же, вѣроятно, онъ привезетъ съ собой и своихъ прежнихъ сослуживцевъ: по министерству народнаго просвѣщенія и по почтово-телеграфному вѣдомству. Ахъ, этотъ Пишерò! Но теперь онъ вовсе не нуженъ Сабинѣ. Отставной министръ... Только этого еще не доставало, чтобы ея салонъ прозвали «салономъ инвалидовъ», въ родѣ того, какъ прозвали салонъ одной ея пріятельницы—«салономъ отверженныхъ». Нѣтъ, конечно, она ни за что въ мірѣ на это не согласится! А всему виною этотъ нетерпѣливый Гранэ, опрокинувшій вверхъ дномъ всѣ планы Сабины.

И г-жа Марси сидѣла унылая и недовольная, облокотясь о барьеръ ложи. Рядомъ съ прелестнымъ личикомъ очаровательной г-жи Марси, виднѣлось хорошенькое личико маленькой брюнетки, г-жи Жерсонъ. Сабина угрюмо дослушивала первый актъ «Африканки». Г-нъ Жерсонъ тихо и робко разговаривалъ съ Гюи де-Лиссакомъ, невольно раздѣляя всеобщее уныніе, царившее въ ложѣ, какъ вдругъ въ концѣ втораго акта въ директорской ложѣ появилось улыбающееся лицо Сюльписа Водрея, рядомъ съ нафабренными усами Гранэ.

— Ну,—сказалъ Лиссакъ,—вотъ и Водрей! Г-жа Марси замѣтила его издали еще раньше восклицанія Гюи. Она пристально лорнировала новаго министра, свѣтлая выхоленная бородка котораго выдѣлялась въ видѣ двухъ блестящихъ пучковъ на бѣломъ галстукѣ, а тонко закрученные усики придавали ему побѣдоносный видъ. Лицо министра показалось Сабинѣ очень привлекательнымъ; повидимому, ему было около сорока лѣтъ. Волосы на его головѣ были довольно густы, и только посреди черена шла едва замѣтная розоватая полоска.

— Ахъ!—воскликнула Сабина.—Я вѣдь его считала брюнетомъ!

— Нѣтъ, нѣтъ,—замѣтилъ Лиссакъ, — это сильный блондинъ, и къ тому же хорошенькій блондинъ. Онъ славился въ этомъ отношеніи еще въ тѣ времена, когда мы были студентами.

Digitized by Google

Г-жа Марси вдругъ повернулась въ своемъ креслѣ, точно послѣ электрическаго толчка, и обратилась къ Лиссаку всѣмъ своимъ прелестнымъ личикомъ и бюстомъ ослѣпительной бѣлизны.

— Какъ, вы до такой степени близко знакомы съ министромъ?

— Да, такъ близко, какъ только возможно.

— Въ такомъ случаѣ,—вскричала Сабина, — я попрошу васъ, дорогой мой Лиссакъ, оказать мнѣ огромную услугу. Впрочемъ, теперь я васъ буду не просить объ этомъ, а прямо приказывать.

На хорошенькомъ личикѣ андалузянки, г-жи Жерсонъ, промелькнуло насмѣшливое выраженіе.

— Я угадываю, о чемъ будетъ просьба,—проговорила она.

— И я также,—замѣтилъ Лиссакъ.—Вы хотите, чтобы я вамъ представилъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ? Но вѣдь вы уже упоминали объ нѣкоемъ префектѣ?

— Вовсе нѣтъ. Просто на просто, я хочу замѣнить этого Пишеро! Ахъ, мой милый Лиссакъ, мой добрый Лиссакъ, — сказала она очаровательно ласковымъ голосомъ, скрестивъ въ красивомъ жестѣ мольбы свои маленькія, хорошенькія гантированныя ручки, точно ребенокъ, который проситъ игрушки,— уговорите г. министра принять приглашеніе на мой вечеръ и вы будете моей любовью. Лиссакъ, слышите: моей любовью!

Гюи уже всталъ съ мѣста, шумно проглаживая большимъ пальцемъ тулью своей складной шляпы, и, отворяя дверь ложи, сказалъ Сабинѣ:

— Замѣтьте все таки, что я не ставлю вамъ никакихъ условій за то, что̀ вы требуете!

Молодая женщина расхохоталась.

— Ну, это ужь очень большая скромность съ вашей стороны. Въ эту минуту, честное слово, я готова подписать всякія условія.

— Черезъ десять минутъ я приведу къ вамъ вашего министра,—сказалъ Лиссакъ, скрываясь за дверью.

Сабина нервно ожидала. Занавѣсъ опустился послѣ третьяго акта и директорская ложа опустѣла.

По всей вѣроятности, Гюи присоединился къ Водрею, однако, ни министръ, ни его пріятель не показывались. Но вотъ послышался стукъ въ дверь ложи.

Digitized by Google

Г. Жерсонъ, изнемогшій отъ усталости, какъ человѣкъ, падающій подъ бременемъ вечеровъ и пикниковъ, дремалъ въ своемъ углу, когда жена сдѣлала ему знакъ поторопиться открыть дверь. Это постучался живописецъ, старый другъ Филиппа Марси; онъ отрекомендовался Сабинѣ и просилъ ее пріѣхать посмотрѣть одну вещь, которую онъ собирается выставить въ Салонѣ. Сабина приняла его, какъ только могла любезно, и непринужденно обѣщалась непремѣнно пріѣхать посмотрѣть на его картину. Однако, услышавъ, что оркестръ играетъ прелюдію ко второму акту, она нетерпѣливо начала постукивать пальцами по вѣеру. Ну, стало быть, Лиссаку не удалось.

Вдругъ, въ освѣщенной рамкѣ открытой двери, показался стройный силуэтъ Гюи, посторонившагося, чтобы пропустить впередъ господина, любезно улыбавшагося, сзади котораго виднѣлись многочисленные зрители, цѣлой вереницей слѣдовавшіе за нимъ по пятамъ. Онъ вошелъ въ ложу и сдѣлалъ общій поклонъ. Лиссакъ сказалъ Сабинѣ:

— Сударыня, позвольте вамъ представить министра внутреннихъ дѣлъ.

Сабина, вся просіявшая отъ радости, съ трудомъ различала Водрея, пробиравшагося къ ней сквозь толпу черныхъ сюртуковъ и фраковъ. Она пристально въ него всматривалась, затѣмъ поднялась, съ кресла, и когда министръ подошелъ къ ней, она уже встрѣтила его стоя, съ почтительнымъ поклономъ.

Съ одной стороны ея, г-жа Жерсонъ, а съ другой—мужъ тоже низко кланялись министру. Сабина привѣтствовала Сюльписа съ торжествующимъ видомъ, г-жа Жерсонъ съ серьезною миной, а г. Жерсонъ — со льстивой, хотя и полусонной улыбкой.

Водрей усѣлся рядомъ съ Сабиной, съ милой непринужденностью человѣка, восхищеннаго тѣмъ, что онъ доставляетъ удовольствіе такой прелестной, умной, всѣмъ извѣстной женщинѣ,—доставляетъ это удовольствіе по настоянію своего друга, какъ только что вступившій во власть, которая кружила ему голову въ теченіе послѣдующихъ дней. Онъ съ наивнымъ удовольствіемъ шелъ повсюду, предчувствуя, что вездѣ ему воскурятъ ѳиміамъ. Ему казалось, что онъ точно плыветъ по какой-то восхитительной рѣкѣ. Все теперь занимало его. Онъ

Digitized by Google

не могъ никому ни въ чемъ отказать и очень вѣроятно, что такая модная женщина, какъ Сабина, хочетъ его тоже поздравить. Онъ выслушивалъ всѣ комплименты совершенно просто, точно такъ и слѣдовало. Кромѣ того, онъ чувствовалъ себя въ очень симпатичномъ обществѣ, сидя рядомъ съ двумя прехорошенькими женщинами, ласково ему улыбавшимися. Въ особенности очаровывала его истинная парижская грація Сабины.

— Я не знаю, какъ благодарить моего друга де-Лиссака, принявшаго на себя честь уговорить васъ прійти выслушать просьбу челобитчицы.

— Челобитчицы, сударыня?—переспросилъ министръ такимъ тономъ, въ которомъ ясно слышался отвѣтъ: «все, что хотите»...

— Ахъ, Боже мой! дѣло въ томъ, многоуважаемый г. министръ, чтобы вы согласились быть въ собраніи, хотя вполнѣ свѣтскомъ, но и нѣсколько ученомъ.

— Въ ученомъ собраніи?—спрашивалъ Сюльписъ, продолжая улыбаться.

— Развѣ вамъ г. де-Лиссакъ ничего не сказалъ о моемъ проэктѣ?

— Мы съ Лиссакомъ — слишкомъ старые знакомые и друзья, для того чтобы онъ не доставилъ мнѣ удовольствія сказать, чѣмъ я, сударыня, могу быть хоть сколько нибудь полезенъ вамъ и вашимъ друзьямъ.

Сабина улыбнулась, слушая эту ловко составленную фразу, сказанную изысканно-галантнымъ тономъ.

И кто это сочинилъ про Водрея, назвавъ его «провинціаломъ»? Интимный другъ или тайный врагъ? Напротивъ, онъ просто очарователенъ, этотъ Водрей.

— Итакъ, г. министръ, вы будете у меня въ слѣдующую субботу? На этомъ вечерѣ г. де-Розасъ обѣщалъ разсказать намъ о своихъ путешествіяхъ. Конечно, онъ былъ бы очень польщенъ. еслибы зналъ, что въ числѣ его слушателей...

Сюльписъ со скромнымъ видомъ поспѣшилъ деликатно пріостановить потокъ комплиментовъ г-жи Марси. Онъ вѣдь хорошо знаетъ г. де-Розаса. Это очень извѣстный человѣкъ, прославившійся своими переводами персидскихъ поэтовъ. Когда-то

Digitized by Google

они встрѣчались другъ съ другомъ въ ученыхъ обществахъ. Г. де-Розасъ—премилый господинъ, и онъ очень радъ его увидѣть. Вѣдь это—герой романа, ученый, какъ бенедиктинскій монахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ такой прелестный. Онъ въ родѣ Сида, принявшаго образъ бульвардье, по возвращеніи изъ центральной Азіи. Портретъ де-Розаса былъ изображенъ очень умно и метко, и, при каждой новой чертѣ его описанія, Сабина, точно аплодируя, кивала головой. Водрей съ большимъ наслажденіемъ слушалъ ея похвалы и отвѣчалъ улыбкой на ея улыбки. Сидя посрединѣ, между этими очаровательными блондинкой и брюнеткой, онъ видѣлъ всю залу, залитую огнями, съ волнующимся моремъ головъ, и чувствовалъ какое-то пріятное опьяненіе въ этой ароматной разряженной толпѣ, въ которой мелькали обнаженныя руки и плечи. У него кружилась голова отъ всевозможныхъ ароматическихъ испареній, подымавшихся къ нему отъ обнаженнаго женскаго тѣла. На сценѣ кружились тѣ самыя танцовщицы, которыхъ онъ только что видѣлъ, мелькая своими розовыми ножками, въ воздушныхъ юбочкахъ и въ серебряныхъ пояскахъ. Блескъ феерiи заполонялъ всю эту оперную роскошь, все это театральное великолѣпіе, казавшееся ему изъ глубины ложи сказочно-прекраснымъ, какъ будто нарочно устроеннымъ, для того чтобы отпраздновать его собственное торжество.

Тогда, подъ вліяніемъ искренней радости и прелестныхъ звуковъ индійской мелодіи, доносившихся со сцены, онъ совершенно разоткровенничался и сталъ смѣло развивать свои мечты и планы передъ этой женщиной и Жерсонами. Онъ отвѣчалъ восторженной благодарностью на всѣ похвалы Сабины.

— Стало быть,—сказала она,—г. министръ собирается совершить великія дѣла?

И онъ, улыбаясь, съ неопредѣленно счастливымъ взоромъ, погруженнымъ въ сказочный блескъ волшебной феерiи, отвѣчалъ:

— По правдѣ сказать, сударыня, я смотрю на свою министерскую обязанность, какъ на средство дѣлать добро. О, я отъ всей души хотѣлъ бы быть справедливымъ и добрымъ, и вотъ все собираюсь найти какого нибудь удрученнаго несправедливостью судьбы и выдвинуть его въ первые ряды. Если

Digitized by Google

же мы будемъ поступать не лучше своихъ предшественниковъ, то совершенно напрасно было ихъ и устранять.

— Ахъ, чортъ возьми,—воскликнулъ Лиссакъ,—вы со своими коллегами будете, значитъ, праздновать въ вашемъ министерствѣ медовый мѣсяцъ?

— И мы постараемся продлить этотъ медовый мѣсяцъ,— сказалъ, засмѣявшись, Водрей. — Къ тому же я думаю, что въ медовомъ министерскомъ мѣсяцѣ, луна, также какъ и въ бракѣ, заходитъ слишкомъ рано по винѣ самихъ супруговъ.

— О, какъ хитеръ тотъ, кто знаетъ, почему заходитъ и восходитъ луна въ супружествѣ!—замѣтилъ Гюи.

При этихъ словахъ, мысли Водрея невольно унеслись къ этой Адріеннѣ, такой хорошенькой женщинѣ, всецѣло ему принадлежавшей, которая съ нетерпѣніемъ ожидала его теперь въ громадныхъ министерскихъ апартаментахъ, гдѣ они съ непривычки устроились наскоро, точно въ большой гостинницѣ. Тутъ онъ почувствовалъ сильное желаніе ее увидѣть и разсказать ей объ этомъ вечерѣ, ничего не скрывая, даже и своего пребыванія за кулисами. Однако, ему было неловко вдругъ покинуть г-жу Марси, которая инстинктивно угадывала, по замедлившемуся разговору, о желаніи Водрея уйти.

— Я хочу прослушать еще знаменитую фразу, пропѣтую въ унисонъ всѣмъ хоромъ, и затѣмъ уѣду, — сказала она Гюи.

Водрей ничего не отвѣтилъ и дождался, когда Сабина поднялась, чтобы предложить ей руку до ея кареты. Въ проходахъ они сталкивались со множествомъ людей, спѣшившихъ посмотрѣть на новаго министра. На лѣстницѣ имъ кланялись совершенно незнакомые люди. Водрею казалось, что вся атмосфера вокругъ него пропитана симпатіей. Лиссакъ шелъ слѣдомъ за нимъ, ведя подъ руку г-жу Жерсонъ, между тѣмъ какъ ея супругъ, запыхавшись, ковылялъ за ними, вздыхая и сопя отъ прерваннаго сна. Въ воздухѣ чувствовалась свѣжесть январьскаго вечера, и Водрей, запахнувшись въ свою мѣховую норковую шубу, не покидая руки г-жи Марси, ожидалъ ея кареты, слѣдомъ за которой подъѣхала и карета самого министра безъ всякихъ шифровъ. Сюльписъ взглянулъ на предмѣстье оперы, все залитое огнями. При этомъ онъ ощутилъ въ себѣ то мягкое ласкающее чувство, которое только что

Digitized by Google

овладѣло имъ передъ этимъ, когда толпа слѣдовала за нимъ въ проходахъ и по лѣстницѣ, всюду выражая сочувствіе и всячески привѣтствуя его. Каково! Иллюминація въ честь его! Водрей проводилъ Сабину до подножки ея кареты и, помогши сѣсть, приказалъ кучеру ѣхать.

Сабина спросила его еще:

— Не окажетъ ли мнѣ честь и г-жа Водрей — посѣтить меня вмѣстѣ съ вами? Я осмѣлюсь поѣхать завтра къ ней и просить ее объ этомъ лично.

Министръ съ улыбкой склонилъ голову, въ знакъ согласія. Сабина, улыбаясь, выразила ему еще разъ свою благодарность, затѣмъ ея маленькая ручка, затянутая въ перчатку, подняла окно кареты, и лошади понеслись съ громкимъ ржаніемъ.

— Прощай,—закричалъ Лиссакъ Водрею.

— Не хочешь ли сѣсть въ мою карету?

— Нѣтъ, благодарю, я въ двухъ шагахъ отсюда, въ улицѣ Омаль.

Водрей повернулся къ г-жѣ Жерсонъ, кланявшейся ему, и къ ея мужу, отвѣшивавшему особенно низкіе поклоны.

— Не желаете ли, сударыня, чтобы я подвезъ васъ домой?

— Вы очень любезны, г. министръ, но у насъ своя карета.

— До свиданія,—сказалъ Водрей Лиссаку,—пріѣзжай ко мнѣ какъ нибудь позавтракать.

— Съ удовольствіемъ.

— Въ министерство!—приказалъ Сюльписъ кучеру, садясь въ свою карету.

Только теперь почувствовалъ онъ, до чего ему хотѣлось скорѣе остаться одному! Передъ его глазами длинной вереницей проходили событія этого вечера. Онъ еще чувствовалъ одурящій запахъ духовъ въ фойэ танцевъ, въ его глазахъ продолжали прыгать голубые барвиночки маленькой танцовщицы. А всѣ эти взгляды, поклоны, улыбки женщинъ, ласкающій голосъ Сабины, бѣлые зубки г-жи Жерсонъ, и подъ конецъ это веселое торжественное восклицаніе пріятеля: «Ты добился своего»!

Въ ушахъ его еще стоялъ веселый голосъ Гюи. Да,

Digitized by Google

онъ добился. И возможно ли это? Онъ министръ. Теперь онъ командуетъ всѣмъ этимъ чиновничьимъ міромъ,—онъ, адвокатъ изъ Гренобля, который въ десять лѣтъ не смѣлъ мечтать ни объ чемъ иномъ, какъ о томъ, чтобы прославиться въ департаментѣ Изеры. Онъ двигаетъ всей административной машиной! Онъ видѣлъ множество газетчиковъ, снующихъ по бульварамъ съ газетами, въ которыхъ на первомъ планѣ стояло его имя и подробнѣйшимъ образомъ описывалась вся его жизнь.

«Г. Водрей поселился на площади Бовò. Г. Водрей принималъ сегодня утромъ начальниковъ бюро и личный составъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Г. Водрей занятъ теперь разборомъ архивныхъ дѣлъ, вмѣстѣ съ г. Анри Жакье, помощникомъ статсъ-секретаря въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ... Г. Водрей подумываетъ уже о предстоящей реформѣ префектуръ». И вездѣ, во всѣхъ этихъ листкахъ, безъ конца повторялось: «г. Водрей... г. министръ внутреннихъ дѣлъ»!

Все онъ: все его слова, его проэкты, его распоряженія! Вотъ что̀ значитъ достичь высоты положенія, добиться своего. Никогда, въ самыхъ горячихъ и смѣлыхъ мечтахъ своихъ, онъ не смѣлъ думать о такой быстрой карьерѣ. Никогда не смѣлъ онъ надѣяться, что звѣзда его счастья взойдетъ такъ высоко. Пусть-ка его теперь увидятъ на дѣлѣ. Когда-то, въ своемъ маленькомъ городкѣ, въ своихъ защитительныхъ рѣчахъ, потомъ во время франко-прусской войны и въ избирательный періодъ 1871 г.; далѣе въ Версали, въ годы политической борьбы, на трибунѣ, въ парламентскихъ комисіяхъ и подкомисіяхъ, онъ явилъ въ себѣ способности государственнаго человѣка. Но пробнымъ камнемъ для всякой дѣятельности служитъ власть. Выдя изъ темной неизвѣстности на яркій солнечный свѣтъ, онъ теперь всѣмъ покажетъ, на что онъ способенъ. Теперь настало время властвовать, приказывать, создавать... Сообщать цѣлой націи свои воззрѣнія и планы—это не шуточное дѣло! Недаромъ же осуществилась, наконецъ, давнишняя мечта Сюльписа.

Въ то время какъ министерская карета неслась галопомъ къ площади Бовò, Сабина, закутанная въ шубу, отдѣланную голубымъ лисьимъ мѣхомъ, ласково нѣжившимъ ея тѣло, при

Digitized by Google

всемъ своемъ равнодушіи, говорила себѣ, что изъ всѣхъ гостей, которые у нея соберутся на вечерѣ, министръ будетъ самымъ интереснымъ человѣкомъ, какъ мужчина.

— Онъ очень наивенъ, этотъ Водрей, но онъ очарователенъ.

Наконецъ, карета министра подъѣхала къ оградѣ, окружавшей зданіе министерства, и, въѣхавъ во дворъ, сдѣлала кругъ по площадкѣ, усыпанной пескомъ, и остановилась у подъѣзда налѣво, который велъ во внутренніе покои. Сюльписъ вышелъ изъ экипажа. Передъ нимъ открылась входная дверь. На площадкѣ лѣстницы, два лакея въ бѣлыхъ галстукахъ ожидали г. министра. Сюльписъ легко взбѣжалъ по каменной лѣстницѣ, ведущей въ особое помѣщеніе. Въ передней онъ сбросилъ на руки лакею верхнее платье и веселый вошелъ въ маленькую гостинную, гдѣ сидѣла на диванчикѣ, ожидая его, г-жа Водрей и читала Revue подъ лампочнымъ абажуромъ. Видя, какъ это свѣжее, хорошенькое личико повернулось къ нему, съ нѣжными, ласковыми голубыми глазками; видя эту прелестную женщину, услыхавъ этотъ нѣжный голосъ, такой кроткій, немного робкій, когда она спросила его съ оттѣнкомъ безпокойства: «ну, что же?»—онъ поспѣшилъ прижать къ своимъ горячимъ губамъ этотъ милый лобикъ, окруженный легкимъ вѣнчикомъ золотистыхъ кудрей.

— Ну, я очень весело провелъ время, дорогая Адріенна. О, еслибы ты знала, какъ меня все забавляетъ, интересуетъ хотя немножко и пугаетъ! И это привѣтливое ко мнѣ отношеніе всѣхъ окружающихъ, радостно спѣшащихъ поздравить новаго министра, и даже гримасы Пишерò, котораго я сегодня встрѣтилъ... Ты представить себѣ не можешь, о чемъ я теперь думаю, сдѣлавшись министромъ.

— О чемъ же ты думаешь?—спросила молодая женщина, сложивъ руки и глядя своимъ глубокимъ довѣрчивымъ взглядомъ въ лихорадочно блестѣвшіе глаза Сюльписа.

— О чемъ я думаю? Да о томъ, что не велика штука быть министромъ, а надо быть великимъ министромъ. Слышишь ли, Адріенна, великимъ министромъ!—Онъ взялъ въ свои руки ручки Адріенны, и молодая женщина окинула восторженнымъ взглядомъ этого молодаго мужчину, полнаго надеждъ и такъ горячо говорившаго ей: «Я хочу быть великимъ!»

Digitized by Google

Прежде она не мечтала о всей этой славѣ, когда въ ея рукѣ дрожали пальцы ея суженаго, когда Сюльписъ шепталъ ей на ушко одно только слово, отъ котораго такъ радостно билось ея сердце:

— Я буду васъ всегда, всегда *любить*, Адріенна.

III.

Сюльписъ Водрей женился на Адріеннѣ по любви. Едва она вышла изъ гренобльскаго монастыря, какъ принесла ему въ даръ свою невинность молодой дѣвушки и всю прирожденную преданность любящей женщины. Хотя она и осталась сиротой, но состояніе ея было изрядное. Сюльписъ не былъ богатъ, но, прося у опекуна руки дѣвицы Жираръ, онъ вовсе не руководствовался корыстолюбивыми цѣлями. Онъ раньше встрѣчалъ ее, въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ, въ Греноблѣ. Она появлялась тамъ, робкая, молчаливая, немного грустная, съ кроткимъ вопрошающимъ взглядомъ. Нѣсколько словечекъ, украдкой сказанныхъ въ укромныхъ уголкахъ, слушаніе музыки вмѣстѣ, стоя рядомъ,—и вотъ Сюльписъ съ Адріенной полюбили другъ друга. Но больше всего плѣнила его эта прелестная юная головка восемнадцатилѣтней дѣвушки-ребенка, съ робкимъ наивнымъ взглядомъ, съ задумчивой, довѣрчивой улыбкой. Онъ былъ свободенъ, одинокъ и только что проводилъ на кладбище самое дорогое для себя существо въ мірѣ, а именно свою мать, которой онъ былъ сыномъ вдвойнѣ, и по плоти, и по духу. Въ его жилахъ текла ея кровь, а въ душу были глубоко заронены всѣ завѣты и наставленія до безумія любимой имъ матери. Своего отца онъ мало зналъ; помнилъ только его кроткое, задумчивое лицо съ изящными, тонко обрисованными, чертами. Онъ помнилъ его въ черномъ адвокатскомъ сюртукѣ, когда, будучи еще совсѣмъ маленькимъ, съ трудомъ складывалъ и произносилъ четыре буквы: «папа», произнося это слово такъ благоговѣйно, точно читалъ молитву. Находясь въ Греноблѣ, для котораго онъ бросилъ родную деревушку Сенъ-Лоранъ дю-Понъ, онъ чувствовалъ свое одиночество и, встрѣчаясь съ Адріенной, испытывалъ глубокую грусть и желаніе иначе устроить свою судьбу. Ему было тридцать четыре года. Онъ всю почти жизнь прожилъ въ провин-

Digitized by Google

ціи, въ своемъ Дофинэ, за исключеніемъ тѣхъ лѣтъ, которыя онъ провелъ въ Парижѣ, на лѣвому берегу Сены, за изученіемъ права. Онъ выросъ въ этомъ старомъ домѣ въ Сенъ-Лоранѣ, гдѣ каждый уголъ напоминалъ ему какой нибудь случай изъ его дорогаго дѣтства и юности: и большая зала подъ панель, во вкусѣ Людовика XVI, изъ которой открывался видъ на террасу, съ нѣсколькими ступеньками внизъ, и портреты незнакомыхъ предковъ, портреты адвокатовъ въ напудренныхъ парикахъ и черныхъ платьяхъ, которыя носили при Тьерѣ, жирные и розовые, съ двойными подбородками, упиравшимися въ туго-накрахмаленные воротнички; портреты какихъ-то добродушныхъ старушекъ съ какими-то необыкновенными прическами, кокетливо улыбавшихся изъ своихъ деревянныхъ овальныхъ рамокъ. Затѣмъ онъ припоминалъ огромную библіотеку, состоявшую изъ множества старыхъ книгъ, въ старинныхъ переплетахъ, и висѣвшія подъ полками ружья, охотничьи сумки и пороховницы. Вотъ въ этомъ-то самомъ мѣстѣ, о которомъ онъ теперь часто думалъ, хранились слѣды прошлаго, благоухавшаго ароматомъ и поэзіей перваго дѣтства. Передъ нимъ, какъ наяву, предстала большая глиняная кухня, въ которой собиралась прислуга, разсказывавшая другъ другу разныя исторіи; онъ помнилъ и комнату съ длинными саржевыми шторами, въ которой онъ ложился спать, иногда немало напуганный кухонными розсказнями. Рядомъ помѣщалась большая, пустая комната его отца. Луна, прокрадываясь въ просвѣты деревьевъ, стоявшихъ передъ окнами, отражалась на стѣнѣ чудными фантастическими узорами, которые передвигались по стѣнѣ и въ которыхъ Сюльпису чудились крики и бряцанье оружія какого-то летучаго отряда, о которомъ съ ужасомъ разсказывала внизу старая кухарка Катерина. Въ эту деревушку онъ ежегодно ѣздилъ на каникулы изъ гренобльскаго лицея, куда мать имѣла мужество отдать его, окунувъ точно въ холодную воду. И всякій разъ, какъ онъ возвращался къ себѣ въ Сенъ-Лоранъ, она, жалостливо глядя на него, говорила: «О, какой ты сталъ худенькій, мой бѣдный малютка»! И она принималась его откармливать, чтобы пристыдить училищнаго эконома. О, какія пріятныя воспоминанія сохранились въ немъ объ его экскурсіяхъ въ Шартръ, въ горы, залитыя солнцемъ; объ этихъ ручейкахъ, весело бѣгущихъ

Digitized by Google

между утесами; объ этихъ стоянкахъ возлѣ Гіеръ-Мортъ, или подъ деревьями, среди полнаго безмолвія природы, точно изнемогающей подъ гнетомъ зноя. А эти чтенія на пригоркѣ, когда, бывало, разляжешься на травѣ, и прерываешь чтеніе, чтобы помечтать и поглядѣть на бѣлыя облачка, несущіяся по синему небу и принимающія разныя причудливыя формы или вдругъ разлетающіяся въ разныя стороны, точно какая-то невидимая рука схватила бѣлое облачко и разорвала въ клочки, разбросавъ ихъ по всему синему небу. О, какъ хороши были эти утра, полныя истомы и грезъ, убаюкиваемыхъ веселымъ журчаньемъ ручейка, какъ сладкимъ напѣвомъ кормилицы. Тогда Сюльписъ не отдавалъ себѣ отчета, куда онъ пойдетъ, что онъ сдѣлаетъ и что съ нимъ будетъ. Зато въ немъ росла надежда, свѣтлая, какъ это голубое небо, и пробуждалось чувство любви и поэзіи. Въ такія минуты онъ спрашивалъ себя: кѣмъ ему сдѣлаться? Миссіонеромъ или народнымъ трибуномъ? И ему казалось, что его сердце такъ расширялось, точно хотѣло заключить въ себѣ весь міръ. Съ испугомъ онъ спрашивалъ себя: «Но полюбятъ ли меня когда нибудь? — Быть любимымъ, о, какая сладкая мечта!»

Когда онъ однажды предложилъ подобный вопросъ въ коллежѣ Гюи де-Лиссаку, сыну дворянина-помѣщика, сосѣда Сюльписа по имѣнію, то тотъ, разсмѣявшись, отвѣчалъ:

— Дурачокъ! Да вѣдь на свѣтѣ всѣ любимы и всѣ любятъ, иногда даже черезчуръ.

Благодаря старинной патріархальной методѣ воспитанія, Сюльписъ воспринялъ отъ матери нѣчто пуританское, съ примѣсью поэзіи, что потомъ осталось у него въ душѣ на всю жизнь. Во время своей политической борьбы въ Парижѣ, онъ въ мысляхъ часто возвращался къ своему покинутому пепелищу въ Сенъ-Лоранъ дю-Понъ; ему живо представлялось пустое кресло его отца, который не далъ ему ни одного поцѣлуя; въ ушахъ его начиналъ раздаваться голосъ матери, стоящей на большой лѣстницѣ съ дубовыми перилами,—и въ его воображеніи возстановлялось все: знакомый пейзажъ, цесарки сѣро-желтаго цвѣта въ пятнахъ, порхавшія по вѣткамъ вяза; виноградари, возвращающіеся съ работы изъ виноградниковъ, пропитанные одуряющимъ запахомъ винограда, который они прессуютъ и выжимаютъ, спускаясь голыми въ огром-

Digitized by Google

ные чаны. И какъ часто, сдѣлавшись депутатомъ и министромъ, Сюльписъ возвращался мысленно къ своему прошлому, къ этому деревенскому уголку, гдѣ все дышало такимъ мирнымъ спокойствіемъ. О, туда бы опять, въ эту тишь, подальше отъ всего этого гама и парижской сутолоки!

Помѣщики, мечтая сдѣлать изъ своихъ сыновей земледѣльцевъ, съ радостью видятъ, какъ они, окончивъ коллегію, пройдя курсъ права или медицины, бросаютъ въ концѣ концовъ всѣ учебники и своды законовъ, и возвращаются на лоно родительское, начавъ вести жизнь помѣщика. Это славные ребята, съ сильно развитыми, вслѣдствіе гимнастики, мускулами, съ твердой походкой людей, привыкшихъ взбираться по горамъ, живые и бойкіе, отлично охотящіеся и пьющіе на берегахъ Изеры, думающіе больше о хлѣбныхъ сборахъ, чѣмъ о соблазнительныхъ напѣвахъ вѣтра въ травѣ и въ прибрежныхъ рѣчныхъ камышахъ.

У Сюльписа былъ старый дядя,—родня съ отцовской стороны,—который предлагалъ своей золовкѣ всѣ поля, фермы, угодья, словомъ, цѣлое богатство, съ тѣмъ чтобы Сюльписъ только женился на его дочери. Но Сюльписъ отказался. Онъ не хотѣлъ жениться изъ-за денегъ.

— Глупости!—возражалъ дядя его матери.—Все это пустые сантименты. Если сынокъ моего братца будетъ имъ подчиняться, то не пойдетъ далеко.

— Вотъ въ этомъ-то вы и ошибаетесь, любезный шуринъ! То, чего не достигъ мой бѣдный мужъ, достигнетъ его сынъ; онъ будетъ адвокатомъ, краснорѣчивымъ и честнымъ.

— Хорошо, хорошо,—отвѣчалъ дядя,—но тогда онъ не увидитъ моей дочери.

И когда Сюльписъ, окончивъ свое образованіе въ Парижѣ, вернулся въ Гренобль къ матери, въ свой старый домъ, и записался въ адвокатское сословіе, то въ первомъ же процессѣ онъ привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Онъ сдѣлалъ изъ своего дара слова не ремесло, а священнодѣйствіе. Всѣ только удивлялись, почему онъ не остался жить въ Парижѣ? Но къ чему? Онъ такъ любилъ свое помѣстье, берегъ Изеры, поэтическую долину Шартрёзы и снѣга Грандсома. Талантливый человѣкъ украситъ всякое мѣсто и, кромѣ того, онъ считалъ своей священной обязанностью не покидать родной уголокъ, а

Digitized by Google

говорить тамъ свои свободныя, смѣлыя рѣчи. Съ отзывчивымъ, чуткимъ умомъ, Сюльписъ тотчасъ откликался на всякое благородное, возвышенное побужденіе. Такое настроеніе было почерпнуто Сюльписомъ изъ бесѣдъ матери, и изъ прочтенія всей отцовской библіотеки, съ тою «Энциклопедіей»,—купелью свободы, — которой поклонялся старый Раймондъ Водрей и испещрялъ ея поля своими замѣтками. Двадцати четырехъ лѣтъ онъ зачитывался «Національной газетой» того бурнаго времени, которое было ознаменовано горячими, какъ не остывшая лава, рѣчами Мирабо, Барнава и Кондорсэ, сына Гренобля. Читая эти рѣчи, онъ точно захватывалъ ихъ жаръ въ свои руки и голову. Тогда въ его душѣ зажигались пылкія мечты и грудь точно расширялась. Передъ его глазами проносились видѣнія: ликующая толпа, трехцвѣтныя знамена, колыхающіяся въ золотѣ солнечныхъ лучей, кортежи, церемоніальныя шествія, торжество святыхъ истинъ, провозглашаемыхъ съ трибуны и привѣтствуемыхъ радостными кликами.

Мать улыбалась его энтузіазму и не старалась его расхолаживать. Время само по себѣ унесетъ этотъ пылъ, какъ октябрьскій вѣтеръ уноситъ древесные листья. И къ тому же, всѣ эти мечты, всѣ эти видѣнія—о! какъ они были дороги сердцу бѣдной женщины, вполнѣ раздѣлявшей ихъ въ память о миломъ Раймондѣ, котораго давно не было въ живыхъ и который обожалъ все то, чему теперь поклоняется и Сюльписъ. Война и паденіе второй имперіи застигли Сюльписа Водрея въ Гренобле, гдѣ онъ сталъ очень популяренъ и гдѣ всѣ его очень полюбили. Простой народъ считалъ его великодушнымъ, а буржуазія благоразумнымъ,—и въ февралѣ его единодушно избрали уполномоченнымъ въ Бордо, въ національное собраніе. Тогда ему исполнилось тридцать четыре года. Его мать была такъ счастлива, что прожила какъ разъ до того времени, когда ея сыну открывалась уже впереди блестящая карьера. Водрей еще и теперь вспоминалъ съ какимъ-то робкимъ волненіемъ тотъ воскресный февральскій день, дождливый и ненастный, когда онъ возвращался въ крытомъ экипажѣ, въ сопровожденіи товарища, со своей избирательной поѣздки! Еще наканунѣ онъ держалъ рѣчь въ одномъ кабачкѣ собравшимся тамъ крестьянамъ, вначалѣ смотрѣвшимъ на него съ недовѣріемъ, какъ на скотину, которую они осматриваютъ и щу-

паютъ на рынкѣ; но вотъ, мало по малу, они начали ему аплодировать, а при выходѣ изъ трактира, когда онъ пожималъ имъ руки, жосткія, какъ древесная кора, они уже ему говорили: «Вы изъ нашихъ»! Въ то же утро онъ возвращался въ Гренобль, проѣзжая подъ дождемъ черезъ деревушки и мѣстечки, гдѣ повсюду были приклеены полусмытыя дождемъ афиши съ его именемъ и съ именемъ его друзей. Передъ дверями мэрій собирались небольшія группы, совершенно спокойно бесѣдовавшія; а жандармъ разгуливалъ взадъ и впередъ, между тѣмъ какъ нѣкоторые бюллетени валялись въ грязи. Вотъ и все! Ни малѣйшаго волненія. Пульсъ этихъ людей, играющихъ роль избирателей въ своей странѣ, бился нисколько не скорѣе, чѣмъ обыкновенно.

Сюльписъ не могъ удержаться отъ изумленія, видя подобное спокойствіе, и сказалъ про себя, что такое же настроеніе господствуетъ во всей Франціи, хотя не только его имя, но и судьба цѣлаго народа замѣшаны въ этой борьбѣ.

А вечеромъ онъ находился въ состояніи лихорадочнаго опьяненія, присутствуя на повѣркѣ баллотировочныхъ листковъ въ Palais de Justice, переполненномъ толпою съ ея шумомъ. У Сюльписа страшно билось сердце, когда онъ увидалъ, что большинство голосовъ скопляется за него. Депеши прибывали изо всѣхъ деревень и почтальоны держали высоко надъ головой листы, причемъ Сюльписъ слышалъ всеобщій крикъ:—Это списокъ Водрея!—Всѣ кричали «браво», хлопали въ ладоши и окружали Сюльписа. Онъ чувствовалъ, какъ будто его приподымаютъ какія-то волны и держатъ высоко, надъ всѣмъ міромъ.

Пріятель потащилъ его въ дальній уголъ залы и проговорилъ:

— Я не буду васъ просить о многомъ, но попрошу при случаѣ обо мнѣ вспомнить, когда выпадетъ подходящее мѣстечко. Могу я на васъ разсчитывать?

Сюльписъ, растроганный этимъ всенароднымъ благословеніемъ, нисходящимъ на его голову, почти разсердился на этого пріятеля, который въ такую великую минуту преслѣдуетъ однѣ корыстолюбивыя цѣли. Все было уже покончено, и Сюльписъ, единогласно выбранный депутатомъ, почувствовалъ къ пріятелю нѣчто въ родѣ отвращенія.

Digitized by Google

Толпа прослѣдовала за нимъ съ криками торжества вплоть до дверей его дома. Но къ радости Сюльписа примѣшалась и доля безпокойства; онъ чувствовалъ, что долженъ еще что-то сдѣлать. Слѣдуетъ ли подписывать свое имя внизу трактата, обрекающаго Францію на политическое расчлененіе, на потерю Эльзаса и Лотарингіи? И добрую часть ночи онъ простоялъ въ задумчивости у окна, прижимаясь пылающимъ лбомъ къ холодному стеклу. Онъ легъ поздно и всталъ рано, при наступившемъ февральскомъ утрѣ, сѣромъ и дождливомъ, не сомкнувъ глазъ всю ночь.

Онъ взглянулъ на монастырскій садъ, по ту сторону улицы, на обнаженныя деревья, на опушку буксовъ, которую онъ видѣлъ столько разъ. Сестры-монахини медленно и ровно двигались въ своихъ черныхъ платьяхъ на этомъ безотрадномъ пространствѣ. Не увидитъ ужь онъ больше ни этого уютнаго уголка, ни этого унылаго сада, ни всей этой немножко грустной монастырской поэзіи, такъ его плѣнявшей!

Теперь его ждалъ Парижъ, полный страсти и гнѣва, съ атмосферой, точно пропитанной порохомъ. Казалось, самые камни должны были тамъ дымиться. Сюльписъ сгоралъ отъ нетерпѣнія поскорѣе увидѣть себя тамъ, чтобы съ высоко поднятой головой пройти мимо тѣхъ самыхъ мансардъ, гдѣ онъ когда-то мечталъ о своей судьбѣ, будучи юношей-студентомъ. Но все же онъ не разъ вздохнулъ по монастырскому саду, полному спокойнаго величія, гдѣ онъ столько лѣтъ жилъ и работалъ. Когда онъ раскрывалъ свое окно, то мечтательно смотрѣлъ на полетъ птицъ, рѣющихъ въ синей вышинѣ, развернувъ вѣеромъ крылья, а до слуха его доносилось пѣніе монахинь, распѣвавшихъ свои кантаты.

Затѣмъ, въ періодъ между двумя сессіями національнаго собранія, онъ женился на дѣвицѣ Жераръ. Докторъ Ребу, въ восторгѣ отъ того, что ему приходится выдать свою питомицу замужъ за человѣка съ такимъ блестящимъ будущимъ, не сталъ долго задумываться и далъ свое соглосіе на этотъ бракъ. Адріенна очень нравилась Сюльпису, и въ свою очередь была очень счастлива, что ее выбралъ этотъ молодой человѣкъ, такой изящный и добрый, отъ котораго всѣ въ Гренобле были въ восхищеніи, даже его соперники.

Digitized by Google

Онъ былъ блондинъ, а на худощавомъ лицѣ его сверкали

умные, горячіе глаза; небольшая бородка обрамляла это лицо, причемъ высокій лобъ и рѣзкая складка между бровями придавали оживленному выраженію его лица нѣчто серьезно-созерцательное. Да и дѣйствительно, Сюльписъ Водрей былъ обворожителенъ! Это не былъ ни такъ называемый красавецъ-мужчина, ни хорошенькій мальчикъ, но это былъ очень привлекательный, изящный молодой человѣкъ, премилый собесѣдникъ, большой энтузіастъ, всему сочувствующій, все знающій, но безъ всякаго педантизма, и вполнѣ способный внушить молодой дѣвушкѣ глубокую страсть. Адріенна охотно вѣрила, что и онъ проситъ ея руки по любви. Послѣ женитьбы, казалось, вся юность этого человѣка вновь расцвѣла, въ поэтической гармоніи домашняго очага, и онъ позабылъ на время все остальное въ мірѣ:—и бурное ораторствованіе въ Версалѣ, и политическія волненія, и ужасъ передъ грядущимъ, и всѣ эти выборы, которыми онъ былъ недавно такъ поглощенъ, свою борьбу, свои обязанности.

И часто Водрей вспоминалъ, какъ объ яркомъ солнечномъ сіяніи, о томъ днѣ, когда онъ повелъ Адріенну къ алтарю; онъ вспоминалъ о старой церкви, наполненной родственниками и друзьями въ праздничныхъ платьяхъ; ему ясно слышалось ржаніе и стукъ о землю копытъ разукрашенныхъ лошадей передъ дверями открытаго настежь подъѣзда. На нихъ смотрѣли сосѣди изъ оконъ, а уличные мальчишки радостно кувыркались передъ свадебнымъ поѣздомъ. Когда же Адріенна, въ бѣломъ платьѣ, вошла въ большую залу, увѣшанную фамильными портретами, то казалось, что они посылали ей изъ своихъ рамокъ улыбку, а солнце еще ярче заблистало. На головѣ у нея былъ вѣнокъ изъ померанцевыхъ цвѣтовъ, выписанный изъ Парижа, и она имѣла счастливый, немного удивленный видъ юной причастницы, со своей длинной вуалью, окутывавшей ее всю. Сюльписъ нашелъ ее прелестной. Она подошла къ нему вся раскраснѣвшаяся отъ радостнаго смущенія, и такъ мило протянула ему обѣ маленькія ручки, затянутыя въ бѣлыя перчатки! Тогда онъ нѣсколько соскучился отъ присутствія столькихъ постороннихъ лицъ, постоянно ихъ обступавшихъ, и вяло взглянулъ на себя въ зеркало, находя, что у него какой-то фальшивый натянутый видъ, съ этой парикмахерской, старательно устроенной, прической. И какъ онъ потомъ смѣялся,

вспоминая обо всемъ этомъ съ волненіемъ, всякій разъ новымъ. Но въ этотъ день, въ день такой глубокой радости, Сюльпису не хватало его матери, въ особенности въ тотъ моментъ, когда онъ подошелъ съ тяжелой свѣчей въ бархатномъ футлярѣ къ священнику, преподававшему когда-то Адріеннѣ правила катехизиса, и неловко приложился къ дискосу, поднесенному къ его губамъ, что служило въ Греноблѣ диковиннымъ зрѣлищемъ для всѣхъ, кто видѣлъ главу либерализма, стоявшаго во главѣ избирательнаго листа, вѣнчающимся въ церкви, какъ самый заурядный буржуа. А органъ съ нѣжными вибраціями пѣлъ такъ таинственно и трепетно, и чудные звуки его раздавались, какъ аллилуіа изъ глубины вѣковъ... Солнечные лучи скользили по колѣнопреклоненной Адріеннѣ, съ ея дѣтскимъ лбомъ, склонившимся на изящныя руки въ длинныхъ бѣлыхъ перчаткахъ. Казалось, солнце посылало поцѣлуи на ея золотистую головку, на ея талію, обтянутую бѣлымъ шолкомъ, отливавшимъ молокомъ, и на ея длинную юбку, падавшую волнистыми складками на полъ. Отъ всей этой церковной церемоніи у него въ воспоминаніи осталось впечатлѣніе чего-то свѣтлаго, сверкающаго и благовоннаго. Запахъ цвѣтовъ, ласкающее мерцаніе свѣчей, торжественные звуки органа, чуявшееся вокругъ него опьяняющее вѣяніе любви, сулящей ему столько счастія и восторговъ!

Да, давно уже все это было; шесть лѣтъ прошло послѣ того,—шесть лѣтъ борьбы и мытарствъ, въ продолженіе которыхъ Водрей свирѣпо отстаивалъ свои политическія убѣжденія, много работалъ, живя въ Парижѣ и носясь, по прежнему, со своими книгами, переселившимися на Chaussée d'Antin. Ежедневно онъ съ искреннимъ сожалѣніемъ покидалъ Адріенну до вечера, отправляясь на засѣданія въ Версаль и по неволѣ оставляя ее въ одиночествѣ. Но вечеромъ онъ радостно возвращался домой къ своей Адріеннѣ, окончивъ свои политическіе дебаты и сеансы. Только въ эти милые для него вечера онъ и наслаждался настоящей, желанной жизнью.

Адріенна, живя въ Парижѣ, избѣгала всякаго шума, рѣдко выходила, не имѣя другихъ заботъ, кромѣ существованія своего мужа; она была полна мыслью объ его успѣхахъ, объ его работахъ, объ его рѣчахъ, которыя онъ приготовлялъ съ такимъ усердіемъ.

Digitized by Google

Далеко за полночь онъ сидѣлъ надъ книгами, роясь въ разныхъ сборникахъ законовъ и старыхъ парламентскихъ лѣтописяхъ.

Ее часто пугало то рвеніе, какое Сюльписъ прилагалъ къ работѣ. Она отъ всей души желала бы принять въ ней участіе, помочь ему, писать подъ его диктовку, дѣлать справки въ этихъ толстыхъ книгахъ. Она страшно боялась за Водрея, когда наставалъ его чередъ говорить въ палатѣ. Она не рѣшалась пойти туда его слушать; но, зная, что ему все таки придется сказать рѣчь, она не могла усидѣть дома, съ тоской входила въ палату и занимала мѣсто среди публики. Сердце ея учащенно билось; она вся дрожала съ головы до ногъ, когда среди мертваго молчанія раздавались слова президента: «Теперь рѣчь за г. Водреемъ». Голосъ Сюльписа доносился до нея и показался ей измѣнившимся. Она въ испугѣ спрашивала себя: почему у него точно что-то застряло въ горлѣ? Она не смѣла на него взглянуть. Ей казалось, что всѣ надъ нимъ смѣются, нарочно заглушаютъ его слова крикомъ и кашлемъ, что его даже вовсе не слушаютъ. И зачѣмъ только она сюда пришла? Никогда больше не придетъ! Она чувствовала, что холодѣетъ. Но вдругъ до нея доносится оглушительное «браво», какъ сильный взрывъ живѣйшей къ нему симпатіи. Она привставала со своего стула, чтобы лучше видѣть мужа, счастливая, гордая до безумія сознаніемъ, что вотъ этотъ самый человѣкъ, которому такъ аплодируютъ, которымъ всѣ такъ восхищаются, и есть тотъ самый Водрей, имя котораго она носитъ. Сюльписъ, поднявшись во весь ростъ, съ руками или скрещенными, или опирающимися о каѳедру, стоя ниже президента палаты, въ бѣломъ галстукѣ, занимавшаго надъ нимъ мѣсто въ креслѣ,—онъ обращался къ палатѣ съ горячей, энергичной, искренней рѣчью. И вотъ въ такую-то минуту она ощущала желаніе крикнуть всѣмъ, что принадлежитъ ему, что она его обожаетъ, что онъ составляетъ ея гордость, точно также, какъ она—его радость. Ей хотѣлось обнять его, крѣпко прижаться къ нему грудью и повторять ему безъ конца передъ всей этой толпой: «я люблю тебя, люблю»!

Но она сдерживала свой порывъ, припасая его для домашняго камелька; теперь она хотѣла успокоить этого горячаго энтузіаста, этого «великаго человѣка»,—прозвище, данное ему въ Греноблѣ.

Digitized by Google

Для нея же это былъ только большой ребенокъ, котораго она обожала и къ которому относилась съ чисто-материнской заботливостью и деликатностью. Между тѣмъ Водрей, болѣе ревнивый къ пользѣ, имъ приносимой, чѣмъ къ власти, видѣлъ, что время летѣло быстро въ лихорадочной парламентской борьбѣ и въ разныхъ другихъ дѣлахъ, но мало помогало его движенію впередъ, къ намѣченной цѣли. Онъ было уже успокоился, сказавъ себѣ, что человѣку въ тридцать лѣтъ нечего много хлопотать о дальнѣйшей карьерѣ, какъ вдругъ въ одно прекрасное утро ему стукнуло сорокъ лѣтъ.

Сорокъ лѣтъ! Тутъ Сюльписъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ грусти, сосчитывая эти роковые года.

Ему вдругъ надоѣло толочься все на одномъ мѣстѣ, во второстепенной роли общественнаго дѣятеля, и ему страстно захотѣлось поскорѣе стать въ первомъ ряду и выказаться въ полномъ блескѣ. Въ своихъ отношеніяхъ къ Адріеннѣ онъ чувствовалъ себя точно укутаннымъ въ теплое одѣяло и невольно былъ счастливъ ея любовью. Она сдерживала въ немъ излишній энтузіазмъ и приходила иногда въ ужасъ отъ его нервности, гнѣва и иллюзій насчетъ людей и вещей. Сюльписъ часто упрекалъ ее въ томъ, что она обрѣзываетъ крылья у его грёзъ.

— Я-то?—говорила она.—Ошибаешься, милый, это я обрѣзываю крылья у твоихъ вѣтряныхъ мельницъ, дорогой ты мой Донъ-Кихотъ.

Тогда онъ съ улыбкой начиналъ пристально вглядываться въ глаза этой робкой дѣвочки, а она невольно краснѣла, сконфуженная тѣмъ, что осмѣлилась проявить свой умъ. Она хотѣла быть только преданной подругой этого человѣка, во всемъ ее превосходившаго, для котораго, однако, благодаря инстинкту любящей женщины, она была въ дѣлахъ лучшей совѣтницей и чувствовала себя вполнѣ счастливой, когда Водрей иногда выслушивалъ ее.

— Я такъ тебя люблю!—говорила она съ глубокимъ самоотверженіемъ преданнаго бѣднаго созданія, у котораго есть въ свѣтѣ только одна привязанность. Для него же жизнь на половину не была такъ свѣтла; онъ чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ. Его безмятежно протекшіе юные годы, несбывшіяся надежды, внушали ему отвращеніе къ этой политической

Digitized by Google

дѣятельности, полной борьбы и интригъ, и ему часто казалось, что, не смотря на самоотверженную любовь Адріенны, чего-то ему недостаетъ. Ему хотѣлось бы имѣть сына, чтобы его воспитывать, чтобы крѣпко прижать къ себѣ, цѣловать его въ лобикъ, перелить въ него свою душу; чтобы его сынъ никогда не узналъ тѣхъ докучливыхъ заботъ, какія выпали на долю его самого и его поколѣнія. Можетъ быть, для полнаго его счастья только и не хватало сына! Но, очевидно, чего-то недоставало ему. И, однако, онъ все еще былъ влюбленъ въ эту хорошенькую двадцатипятилѣтнюю женщину, такую нѣжную и хрупкую, съ боязнью и наивностью ребенка; она привыкла къ молчанію и одиночеству въ апартаментахъ своего опекуна и въ Парижѣ мало измѣнила свою жизнь, потому что мужъ ея все время работалъ, поглощая въ своемъ кабинетѣ книги, уставы и проэкты. Она пробовала окружать Сюльписа отраднымъ комфортомъ, довольствомъ счастливаго буржуа, потягивающаго ликеръ, сидя въ креслѣ у камелька. Но вотъ, въ одно прекрасное утро, тишина эта была нарушена ошеломляющей политической новостью.

Однажды вечеромъ, Сюльписъ вернулся домой въ очень возбужденномъ нервномъ состояніи, но радостный и счастливый. О немъ вдругъ повсюду заговорили и съ именемъ его связана какая-то министерская комбинація. Его послѣдняя рѣчь насчетъ внутренней политики сразу выдвинула его впередъ и ускорила разрѣшеніе кризиса. Онъ могъ съ часу на часъ сдѣлаться министромъ; его политика торжествовала. Адвокатъ Колларъ (изъ Нанта), котораго прочили въ президенты совѣта, былъ его интимный пріятель; онъ передалъ Водрею по секрету, что ему хотятъ непремѣнно вручить одинъ изъ такъ называемыхъ «большихъ портфелей»—министерства внутреннихъ или иностранныхъ дѣлъ,—тогда какъ министерство просвѣщенія, культивирующее душу народа, и министерство земледѣлія и комерціи, заботящееся о его матеріальныхъ благахъ, считаются во Франціи—«petits portefeuilles».

Сюльписъ разсказалъ объ этомъ Адріеннѣ за обѣдомъ, поѣвъ безъ всякаго апетита, совершенно машинально. Сегодня онъ долженъ быть въ восемь часовъ въ собраніи, а теперь уже шесть и ему слѣдуетъ поторопиться. Адріенна нашла, что онъ очень блѣденъ. У нея шевельнулось отчасти тоскливое чувство

Digitized by Google

Политика такъ часто отнимала у нея мужа и приговорила ее къ такой одинокой жизни, что она спрашивала себя: ужь не приговорятъ ли ее теперь къ еще бо̀льшему одиночеству? Но всякія сомнѣнія оставили ее, когда она увидала радостное лицо Сюльписа. Ему казалось, что въ его жизни наступаетъ рѣшительный моментъ. Раздавшійся въ молчаливомъ ожиданіи звонокъ заставилъ его вздрогнуть. Слуга, отворивъ дверь въ столовую, подалъ Водрею пакетъ съ надписью въ заголовкѣ: *Очень спѣшно*. Сюльписъ узналъ почеркъ. Письмо было отъ Коллара. Адріенна увидала, что ея мужъ весь вспыхнулъ, пока читалъ, и, быстро передавая ей записку, со сверкавшими радостью глазами, сказалъ:—Читай, все кончено!—Адріенна поблѣднѣла. Колларъ извѣщалъ своего «коллегу», что новое министерство, подъ его предсѣдательствомъ, уже составилось. Президентъ ожидаетъ теперь въ Елисейскомъ дворцѣ новыхъ министровъ. Водрею предлагается портфель министра внутреннихъ дѣлъ.

— Министръ!—вскричала Адріенна, сразу повеселѣвшая.

Водрей поднялся съ салфеткой въ рукѣ и машинально сталъ искать чего-то, съ нѣсколько растерянным видомъ.

— Шляпу,—наконецъ сказалъ онъ,—пальто, карету.

Адріенна, сложивъ руки, съ ребяческимъ восторгомъ глядѣла на него, точно онъ передъ ней совсѣмъ преобразовался. Все его существо было поглощено полнѣйшимъ счастьемъ. Онъ обнялъ Адріенну и, безумно расцѣловавъ ее, весело побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ съ легкостью влюбленнаго, спѣшащаго на свиданіе. Этотъ министерскій медовый мѣсяцъ продолжался еще въ тотъ вечеръ, когда восхищенный Сюльписъ разгуливалъ въ фойэ танцевъ, разглядывая всѣ его диковинки. Онъ принималъ власть съ самыми добрыми пожеланіями и съ абсолютной вѣрой въ себя. Ему казалось, что онъ призванъ спасти міръ, преобразовать всю администрацію, уничтожить злоупотребленія.

— Трудно быть министромъ,—говорилъ онъ, улыбаясь,—но нѣтъ ничего легче быть великимъ министромъ. Стоитъ только хотѣть творить добро!

— Да еще: имѣть способность и возможность его творить,—иронически замѣчалъ ему пріятель Гранэ.

Какъ? имѣть способность? имѣть? Но вѣдь нѣтъ ничего

Digitized by Google

легче этого, когда вся власть въ рукахъ у Водрея! Если прежніе министры обманули всеобщія надежды и ожиданія, то только потому, что они были нерѣшительны, не хотѣли дѣлать дѣло какъ слѣдуетъ. Пусть-ка теперь посмотрятъ, что сдѣлаетъ онъ,—и не завтра, не черезъ мѣсяцъ, а сейчасъ! И онъ смѣло, съ какимъ-то милымъ деспотизмомъ, вступалъ въ это министерство, гдѣ горѣлъ желаніемъ все передѣлать, все пересоздать, изучить. Тѣмъ не менѣе онъ всякій разъ съ недоумѣніемъ наталкивался на досадное рутинерство, постоянно зацѣплялся о стальные зубья этой огромной административной машины, переживающей всѣ режимы. Эта упрямая машина никакъ не хотѣла передъ нимъ сдаваться. Ба! онъ все таки правъ: надо только имѣть терпѣніе и прежде всего время!

— Время? Уже!—возразилъ этотъ вѣчный насмѣшникъ Гранэ.

Эта сладостная для самолюбія Сюльписа власть отразилась и на Адріеннѣ, къ ея, впрочемъ, немалому изумленію. Она безъ всякой заносчивости раздѣляла успѣхъ Сюльписа и теперь, какъ бы ни была полна любовью и счастьемъ ея интимная альковная жизнь, ей пришлось жить нѣсколько болѣе показной жизнью: ей слѣдовало чаще выѣзжать, какъ совѣтовалъ Сюльписъ, и въ той атмосферѣ успѣха и лести, которая ее окружала, это доставило ей новое удовольствіе, такъ какъ главнымъ образомъ исходило отъ ея мужа. Когда она входила въ салонъ, то до нея доносился одобрительный шопотъ восторга. Женщины смотрѣли на нее, а мужчины окружали плотнымъ кольцомъ.

— Это г-жа Водрей?

— Жена министра?

— Она прелестна.

— И совсѣмъ еще молоденькая!

— Немножко провинціальный видъ...

— Тѣмъ заманчивѣе.

— А вѣдь это правда! въ ней свѣжесть персика.

Она старалась, своею ласковостью и скромностью обращенія, какъ бы затушевать всеобщій почетъ, которымъ ее окружили, когда она очутилась въ положеніи, о которомъ прежде не смѣла и мечтать. Она выслушивала комплименты, какъ скромная ученица, получающая награду, Ей прощали яркій

Digitized by Google

румянецъ щокъ, потому что у нея была ослѣпительная бѣлизна рукъ.

Находили только, что въ ней есть «немножко Гренобля». Одни называли ее маленькой дофинеткой, другіе же, еще болѣе льстивые—маленькой дофиной.

— Коротко говоря, у нея огромный успѣхъ!—единогласно утверждали всѣ газетные репортеры. Дебютъ хорошенькой свѣтской женщины въ салонѣ уподобляется ежедневно дебютамъ знаменитой актрисы на театральныхъ подмосткахъ.

Не обладая властолюбіемъ, она находилась въ одиночествѣ въ огромныхъ пустыхъ министерскихъ апартаментахъ, окруженная банальной роскошью обсстановки. Часто она даже жалѣла о прежней квартиркѣ въ Шоссе-д'Антень, гдѣ онъ и она наслаждались пріятнымъ tête-à-tête первыхъ мѣсяцевъ ихъ брака. О, эти милыя бесѣды въ Гренобльѣ, эти воспоминанія! Какъ, воспоминанія? уже! Да, уже. Иногда она говорила счастливому, восхищенному Сюльпису:

— Знаешь, мнѣ кажется, что мы здѣсь съ тобой, какъ въ гостинницѣ?

— И ты права,—весело отвѣчалъ ей Водрей,—мы въ гостинницѣ; но въ этой гостинницѣ заключается воля и власть всей Франціи.

— Но, мой дорогой... конечно, разъ ты счастливъ...

— Очень счастливъ. Теперь только я достигъ своего предѣла! Ты увидишь, Адріенна, увидишь, чего я тутъ понадѣлаю и чего достигну черезъ годъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

Изъ дневника.

Не спугнуть ли рой думъ съ утомленной души
И уйти помечтать въ благовонной тиши?
Такъ отрадно въ саду... Даль свѣтла, даль ясна;
Въ небѣ тихо плыветъ, въ небѣ блещетъ луна.
Чуть трепещетъ листва, и гремитъ соловей,
И легко, и свѣтло въ полумракѣ аллей.
Воздухъ дышетъ весной, дышетъ нѣгой мечты...
Окропившись росой, сладко грезятъ цвѣты.
Вѣтерокъ то уснетъ, то струится, дыша
Ароматомъ цвѣтовъ и листвою шурша,
И вольется въ окно, и колышетъ слегка
Огонекъ у свѣчи... Я пишу... Какъ рука
По бумагѣ скользитъ! И подъ шелестъ кустовъ
Слезы жгучей тоски въ звукахъ мѣрныхъ стиховъ
Тихо льются, звеня... И напрасно отъ нихъ,
Ночь, ты манишь меня въ глубь аллей вѣковыхъ.
Не уйду я туда!—Пусть отъ творческихъ думъ
И трепещетъ душа, и волнуется умъ;
Пусть въ ночной полумглѣ, средь сіянья луны,
Вьются роемъ въ саду вдохновенные сны,—
Жгучихъ думъ моихъ блескъ, и страданье, и ядъ
Мнѣ милѣе, чѣмъ ночь, чѣмъ луна или садъ.

П. Тулубъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Повсемѣстное вырожденіе общества. — Недостатокъ государственныхъ людей.—Правительство во Франціи.—Подкупы газетъ и шантажъ журналистовъ. — Плутовскіе подряды. — Жираръ, Камилъ Дрейфусъ, Порталисъ.— Тулузскіе выборы въ палату. — Дѣло капитана Дрейфуса.—Шантажисты конца вѣка.—Предпраздничное закрытіе парламентовъ.—Соціалисты въ германскомъ рейхстагѣ.—Итальянскіе скандалы.—Обвиненіе во взяткахъ Криспи бывшимъ премьеромъ Джіолитти.—Дружба Англіи къ Россіи и къ анархистамъ.—Армянскій вопросъ.

Чѣмъ ближе нашъ вѣкъ подвигается къ своему концу, тѣмъ несомнѣннѣе является его вырожденіе во всѣхъ сторонахъ общественной жизни: въ политикѣ оно выражается недостаткомъ сколько нибудь выдающихся людей, въ правительствѣ—бездарностью и страстью къ наживѣ; въ литературѣ отсутствіемъ дарованія; въ наукѣ мелкими и ошибочными теоріями; въ нравственномъ мірѣ шаткостью убѣжденій и апатіей къ полезной дѣятельности; въ интеллигентномъ обществѣ дряблостью ощущеній и равнодушіемъ ко всякимъ идеаламъ; въ темныхъ массахъ, къ которымъ принадлежитъ $^{9}/_{10}$ человѣчества,—полное невѣжество и нежеланіе образоваться и трудиться. Въ любой отрасли жизни бросается въ глаза отсутствіе сколько нибудь выдающихся личностей, работающихъ если не во имя идеи, то, по крайней мѣрѣ, не изъ личныхъ корыстныхъ разсчетовъ, «Men no measures! давно уже проситъ самый практическій народъ въ мірѣ и съ горестью сознаётся, что людей взять не откуда: все измельчало, опошлилось, обезсилѣло. Нѣтъ и помину о самоотверженныхъ, геройскихъ поступкахъ: ложь, плутни всякаго рода, вымогательства, скандалы, грязныя дѣла,—вотъ чѣмъ полна исторія современныхъ цивилизованныхъ націй да и большинства ихъ правительствъ. Если мы обратимся къ представительницѣ современной европейской культуры, къ Франціи, то увидимъ въ ней такое же разложеніе и искаженіе основныхъ принциповъ. Въ правительственныхъ сферахъ возбуждено множество скандаловъ; управленіе цѣлаго департамента Тулузы распущено по случаю мошенничества при выборахъ въ палату депутатовъ; при этомъ главный виновникъ плутовства, префектъ, по принятымъ правиламъ, только

Digitized by Google

переведенъ въ другой департаментъ. Воровалъ въ одномъ городѣ,—можетъ быть, въ другомъ и не сразу это замѣтятъ. Въ Шамбери также открыты выборныя мошенничества; по поставкамъ на армію фабриканта Аллэ обнаружены крупныя взятки. Капитанъ Дрейфусъ былъ отданъ подъ военный судъ за государственную измѣну. Братецъ его, бывшій депутатъ Камилъ Дрейфусъ, арестованъ за шантажъ въ печати, вмѣстѣ съ другими журналистами. Этотъ послѣдній скандалъ возбудилъ болѣе всего негодованія въ публикѣ; тутъ замѣшано и нѣсколько клубовъ, дававшихъ взятки Порталису, редактору газеты «XIX Вѣкъ»; кромѣ того, онъ бралъ взятки съ разныхъ фабрикантовъ и, между прочимъ, за необнаруженіе поддѣлки какого-то абсента. Взятки журналисты брали съ особенной наглостью, и министерство принялось горячо преслѣдовать этотъ скандалъ, хотя прежніе кабинеты сами выдавали подачки разнымъ мелкимъ и грязнымъ изданіямъ за то только, чтобы они молчали о правительственныхъ злоупотребленіяхъ. На подкупы газетъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ имѣются крупные секретные фонды, о которыхъ министры не говорятъ никогда ни слова въ палатѣ.

Панамскій переполохъ испортилъ газетныя дѣла, но не испугалъ шантажистовъ. Фабрикантъ Аллэ, за недобросовѣстную поставку военному министерству, осужденъ за мошенничество. Шантажисты, образовавшіе уже синдикатъ, потребовали съ Аллэ 100,000 фр. за прекращеніе дѣла и молчаніе печати. Аллэ заплатилъ, но, такъ какъ преслѣдованія продолжались, подалъ въ судъ жалобу на синдикатъ, имѣвшій наглость обратиться къ Дюпюи съ ходатайствомъ о прекращеніи дѣла — въ чемъ было отказано; но любопытно, что все это дѣлалось откровенно и безо всякаго стѣсненія. Члены синдиката привезли сто тысячъ лицу, которое вело переговоры съ Аллэ, и просили, чтобы фабрикантъ взялъ назадъ свою жалобу. Посредникъ отвѣчалъ развязно, что не можетъ сдѣлать этого, такъ какъ уже истратилъ полученныя на его долю деньги; ему предложили возвратить сумму, пришедшуюся на его часть. «Увы!—отвѣчалъ представитель печати:—она гораздо больше, такъ какъ я утаилъ отъ васъ настоящую цифру». Мошенники печати должны были расплачиваться. Объ этомъ происходили пренія и въ палатѣ, вообще, довольно сдержанныя. Предсѣдательствовалъ въ послѣдній разъ передъ своей смертью Бюрдо, на мѣсто котораго выбрали радикала Бриссона.

По дѣлу Порталиса допрашивали бывшаго буланжиста, Габера, и тотъ обвинилъ правительство въ томъ, что оно само плодитъ шантажистовъ. Еще въ 1890 году было постановлено закрыть игорные клубы, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи, но этого не сдѣлано и до сихъ поръ, и Порталисъ спокойно продолжалъ брать взятки съ этихъ клубовъ, хотя въ томъ же году былъ приговоренъ къ шестимѣсячному заключенію за диффамацію, но въ тюрьму не попалъ, пользуясь протекціей полиціи. По-

Digitized by Google

чему не разыскиваютъ Порталиса?—вѣроятно, опасаются его разоблаченій. Дюпюи отвѣчалъ на это надутою и опошленною фразою: «ничьихъ разоблаченій правительство не боится». Министръ юстиціи объявилъ, по крайней мѣрѣ, что по дѣлу Аллэ производится слѣдствіе. Соціалистъ Мильеранъ указалъ на связь между закрытіемъ игорныхъ домовъ въ провинціи и подвигами шамберійскихъ судей, бывшихъ постоянными посѣтителями игорнаго дома въ Э-ле-Бенѣ. Дюпюи опять обѣщалъ принять мѣры, чтобы ничего подобнаго не повторялось,—и такими пустыми, ни къ чему не обязывающими, фразами отдѣлываются всѣ министры! Больше всего шуму надѣлалъ арестъ администратора газеты «XIX Вѣкъ» Жирара; это типъ настоящаго разбойника печати. Однажды онъ пріѣхалъ къ банкиру, служившему предметомъ его нападокъ, и предложилъ прекратить ихъ. Банкиръ сунулъ ему въ руку 30 банковыхъ билетовъ по 1000 фр. каждый и сказалъ: «теперь вы довольны и мы квиты». «Конечно,—отвѣчалъ журналистъ,—но это относительно прошедшаго, а что же въ обезпеченіе будущаго»? Банкиръ съ кислой миной выдалъ ему еще 30 тысячъ.

Но какъ же и не позволять себѣ частнымъ лицамъ, какъ журналисты, всякаго рода наглыхъ продѣлокъ, въ виду того, что происходитъ въ правительственныхъ сферахъ? Противъ нихъ горячо возстаетъ, между прочимъ, депутатъ-соціалистъ Кальвиньякъ, называющій министровъ не иначе какъ «les misérables». Ремесломъ онъ фельдшеръ и присланъ въ палату изъ Тулузы, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ совершенно упразднены всякіе выборы, составляющіе основу представительнаго правленія. Въ день выборовъ, шайка негодяевъ ходитъ изъ одного избирательнаго бюро въ другое и спокойно, на глазахъ мэра, его помощниковъ и муниципалитета, опускаетъ въ урны фальшивые бюллетени. Если и послѣ этого ихъ кандидатъ все таки не получитъ требуемаго числа голосовъ, ему прибавляютъ ихъ сколько нужно, чтобы быть избраннымъ, а у его противника выкрадываютъ соотвѣтствующее число голосовъ. Въ спискахъ же избирателей, имена противниковъ вытравляются хлоромъ и на ихъ мѣсто вписываютъ имена людей не существующихъ, и такихъ лицъ вписывалось не сотни, а по послѣднему, даже неполному, списку до 7-ми тысячъ. Вотъ вамъ и выборное начало, практикуемое не въ одной Тулузѣ, а во многихъ департаментахъ Франціи. И такой-то депутатъ Кальвиньякъ присланъ въ Парижъ, конечно, при содѣйствіи мэра, думы, генеральнаго совѣта, администраціи; значитъ—все управленіе департамента чисто мошенническое. Въ префектуру, т. е. правительству, представлялись списки, передѣланные и попорченные; оно этого не замѣчало. Тулузскія продѣлки открылись по доносу мелкаго чиновника. Какъ могъ городъ, въ 36 тысячъ избирателей, принадлежащихъ къ разнымъ партіямъ, позволить безнаказанно хозяйничать шайкѣ негодяевъ? Какъ могъ префектъ терпѣть такія безобразія? Онъ не хотѣлъ видѣть или возбуждать скандала, но объ немъ зналъ еще бывшій первый министръ Констанъ, и теперь, въ

Digitized by Google

званіи сенатора, покровительствующій префекту, котораго только перевели въ другой департаментъ. Къ этому грязному дѣлу примѣшано еще много подлоговъ, подкуповъ, фальшивыхъ чековъ и документовъ: вотъ почему нельзя было замять дѣло; прогнали только нѣсколько мелкихъ личностей, а къ крупнымъ—судебное слѣдствіе отнеслось очень снисходительно. Префектъ оказался жидомъ Когеномъ, а правительство благоволитъ къ жидамъ, сильно интригующимъ, чтобы замять процессъ братцевъ—шпіона и шантажиста—Дрейфусовъ. Въ юдофильствѣ обвиняютъ и президента Перье, женатаго на племянницѣ Ротшильда и похоронившаго своего друга—жида Бюрдо, вдовѣ котораго самъ Перье назначилъ 12 тысячъ пенсіи; палата утвердила эту сумму, но раздѣлила ее, давъ три тысячи матери Бюрдо и 9—женѣ.

Тулузскіе мошенники, подрывая довѣріе къ республиканскимъ учрежденіямъ, не измѣняли, по крайней мѣрѣ, отечеству, а капитанъ Дрейфусъ оказался прямо государственнымъ плутомъ. Изъ своего военнаго ремесла онъ сдѣлалъ себѣ комерческій гешефтъ и преспокойно продавалъ въ Германію и Италію планы французскихъ крѣпостей, свѣдѣнія о состояніи укрѣпленій, численности и расположеніи отрядовъ и т. п. На судѣ, производившемся при закрытыхъ дверяхъ, это доказано офиціальными документами и шпіона-измѣнника приговорили къ пожизненному заключенію въ крѣпости, такъ какъ по французскимъ законамъ смертная казнь назначается только за нарушеніе дисциплины, за неповиновеніе начальству. Это тоже своего рода военная логика. Но негодованіе противъ измѣнника всеобщее. Военный министръ Мерсье долженъ былъ бороться со страшными препятствіями, чтобы негодяя отдали подъ судъ. До послѣдней минуты, чтобы замять дѣло, хлопоталъ *самъ* Ротшильдъ—нѣжный родственникъ Дрейфуса. Публика ждала на бульварахъ до глубокой ночи произнесенія приговора. Особенно негодовала печать. Поэтъ Коппэ увлекся до такой тирады: «пусть измѣнникъ покажетъ намъ свое мерзкое лицо, чтобы мы всѣ одинъ за другимъ могли плюнуть въ него». Удивительное наказаніе для жида, хотя редакторъ «Gaulois» жидъ Мейеръ, и утверждалъ, что Дрейфуса нельзя считать солидарнымъ съ евреями. Газета «Soleil» утѣшается тѣмъ, что Дрейфусъ принадлежитъ къ племени, у котораго нѣтъ отечества. Теперь всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ суда надъ журналистами и шантажистами, между которыми Камилъ Дрейфусъ занимаетъ выдающееся мѣсто. О настоящемъ значеніи честней печати этимъ мерзавцамъ напомнили даже иностранцы и, между прочимъ, венгерскій премьеръ Векерле, сказавшій недавно, при открытіи въ Пештѣ общества писателей и журналистовъ: «Печать составляетъ въ наше время насущную потребность и никто, за исключеніемъ самой печати, не въ состояніи осуществить ея задачъ. Печать не только распространяетъ и сообщаетъ важнѣйшія свѣдѣнія въ популярной формѣ, но вникаетъ во всѣ подробности повседневной жизни. Въ свободномъ государствѣ печать способствуетъ выясненію

Digitized by Google

общественнаго мнѣнія, служа въ критическіе моменты оплотомъ не только общественныхъ, но и частныхъ интересовъ. Любой государственный человѣкъ долженъ считаться съ этимъ фактомъ. Тотъ, кто придаетъ главное значеніе матеріальнымъ орудіямъ и забываетъ объ умственныхъ, создаетъ лишь уродливость». Эта рѣчь премьера принадлежитъ истинно просвѣщенному человѣку, понимающему, что и тернія печати и гласности приносятъ свою долю пользы и что съ ними приходится мириться во имя интересовъ живой мысли.

Одному изъ «директоровъ» мелкой печати Жераръ заявилъ: «вы печатаете, что я получилъ за поддержку одной грабительской финансовой операціи 200 тысячъ—это не правда. Я получилъ всего полтораста, но самъ распространяю слухъ, что взялъ четыреста, чтобы удержаться въ цѣнѣ». Портелисъ былъ еще болѣе крупнымъ бандитомъ. Болѣе 25 лѣтъ онъ производилъ свои вымогательства, пользуясь административными связями. Принадлежа къ старинной богатой баронской семьѣ, онъ бралъ деньги съ кого можно. Другъ Рошфора, послѣ ареста агитатора на прусскихъ аванпостахъ, Портелисъ сдѣлался возлюбленнымъ женщины, съ которой жилъ Рошфоръ, и имѣлъ отъ нея сына. Она передала ему бумаги журналиста—между ними были документы, компрометирующіе Жюля Фавра. Портелисъ потребовалъ за нихъ 300 тысячъ—Фавръ не далъ, и бумаги были напечатаны; за это Портелисъ былъ преданъ, однако, суду присяжныхъ и осужденъ. Онъ бралъ деньги съ Жерома Бонапарта, съ орлеанскихъ принцевъ, предлагалъ Греви замять дѣло Вильсона, но требовалъ за это милліонъ, и скупой президентъ не рѣшился разстаться съ такою суммою. Подкупленный кабачиками, онъ клеветалъ на городскую химическую лабораторію, добиваясь закрытія этого учрежденія, драгоцѣннаго для здоровья парижанъ. Его осудили за клевету, но онъ продолжалъ вымогать деньги у разныхъ банковъ и всего этого было ему мало. Онъ и теперь отвертѣлся бы отъ всѣхъ обвиненій, еслибы не испугался личнаго ареста и не бѣжалъ въ Америку, но его все таки будутъ судить. Арестованный редакторъ газеты «Paris», Канивэ, и Камилъ Дрейфусъ были приведены къ слѣдователю въ кожаныхъ наручникахъ со стальной цѣпочкой на пухлой выхоленной рукѣ, которою они писали статьи и брали взятки. Дрейфусъ былъ членомъ парижской думы, депутатомъ, секретаремъ Вильсона, начальникомъ департамента въ министерствѣ финансовъ, членомъ разныхъ комисій, офицеромъ запасной арміи, произносилъ съ трибуны патріотическія рѣчи, защищалъ на дуэляхъ свою честь и честь еврейства, хотя самъ сознавался, что ни во что не вѣритъ и вообще—«человѣкъ безъ предразсудковъ». Всѣ его презирали, но боялись его пера и пистолета. Изъ дѣлъ Панамы видно, что онъ стянулъ съ нея 50 тысячъ, но это, конечно, только капля въ морѣ,—и между тѣмъ у него никогда не было гроша въ карманѣ. Въ палатѣ обнаружилась только сотая часть его шантажей и онъ, даже наканунѣ своего ареста, съ благо-

Digitized by Google

родным негодованіемъ возставалъ въ своей газетѣ противъ шантажистовъ и подкупныхъ газетчиковъ. И такія лица играютъ преобладающую роль въ обществѣ и въ современной журналистикѣ, ничѣмъ не стѣсняются и смѣло смотрятъ всѣмъ въ глаза. Чего же ждать отъ такого «конца вѣка»?

При странныхъ условіяхъ закрылись передъ новогодними праздниками всѣ европейскіе парламенты. Германскій рейхстагъ и открылся первою неудачею новаго канцлера принца Гогенлоэ: отдать подъ судъ вождей соціализма Зингера и Либкнехта за то, что въ то время, когда, послѣ императорской рѣчи, парламентъ кричалъ: ура, hoch! въ честь Вильгельма, вся группа соціалистовъ осталась на своихъ мѣстахъ и не привѣтствовала императора. Рейхстагъ внушительнымъ большинствомъ отвергнулъ это покушеніе на парламентскія права и прерогативы. Затѣмъ канцлеръ внесъ проэктъ противъ революціонныхъ партій. Соціалисты не требовали пріостановки засѣданій, но Зингеръ замѣтилъ, что въ засѣданіи не участвуетъ число депутатовъ, необходимое по конституціи для постановленія рѣшеній по такимъ вопросамъ; тогда большинство вдругъ рѣшило отложить засѣданіе на три недѣли. Въ Австріи парламентъ закрылся раньше срока для того, чтобы не возбуждать вопроса о перемѣнѣ венгерскаго министерства; но въ Италіи палату закрыло само правительство, послѣ сильнаго скандала, возбужденнаго премьеромъ Криспи, потребовавшимъ отдачи подъ судъ бывшаго премьера Джіолитти и его сообщниковъ въ дѣлѣ о взяткахъ, какія они вымогали у римскаго банка за сокрытіе злоупотребленій, допущенныхъ директоромъ банка Танлонго, который былъ однако оправданъ по суду. Джіолитти, въ отместку Криспи, представилъ палатѣ множество документовъ, между которыми были и письма жены Криспи, не предосудительнаго, но интимнаго содержанія. За то, что письма эти читались въ палатѣ, Криспи закрылъ ее до срока, нарушивъ конституцію. Палата протестовала.

И въ Берлинѣ послѣднее засѣданіе рейхстага было очень бурное; консерваторы объявили соціалистовъ внѣ закона; Бенигсенъ возсталъ противъ нихъ, потому что въ рейхстагѣ не требуется присяги и они могутъ безнаказанно оскорблять монархическія чувства. Либкнехтъ сказалъ, что еслибы они прокричали hoch! императору, это съ ихъ стороны было бы лицемѣріемъ, но вѣдь Бебель самъ присягалъ въ саксонскомъ сеймѣ, а Фольмаръ—въ баварскомъ—развѣ это не гнусное лицемѣріе? Бебель отвѣчалъ, что «нѣсколько лѣтъ назадъ не вставали въ честь императора, а между тѣмъ тогда правая сторона и не думала кричать имъ: пфуй! и доносить на нихъ. Но времена перемѣнились и теперь для Германіи наступила эпоха Тиверія и процессовъ за оскорбленіе величества. Г-ну Бенигсену я скажу: тому, кто присягалъ на вѣрность королю ганноверскому, а въ 1866 году—королю прусскому, не слѣдовало бы съ легкимъ сердцемъ обвинять другихъ въ лицемѣріи; намъ слѣдовало бы брать примѣръ съ

Digitized by Google

либеральныхъ учрежденій Англіи и Франціи». «Такъ убирайтесь во Францію» закричали оратору. «Эти крики характеризуютъ лучше всего вашу холопскую натуру»—отвѣчалъ Бебель; слова эти произвели адскій шумъ и строгое призваніе оратора къ порядку, но консервативная печать недовольна тѣмъ, что въ послѣднее время особа монарха, названная въ конституціи священною, становится предметомъ партійныхъ споровъ. Національная газета говоритъ прямо: государю не слѣдуетъ постоянно и лично выступать впередъ, какъ это дѣлаетъ Вильгельмъ II. Газета «Zukunft» удивляется, что императоръ счелъ долгомъ въ телеграммѣ ко вдовѣ Лессепса такъ расхвалить человѣка, который былъ однимъ изъ самыхъ гнусныхъ мазуриковъ, и не заслуживалъ ничего, кромѣ каторги. Это сужденіе газеты уже слишкомъ рѣзко, но она права, говоря, что Вильгельмъ недостаточно освѣдомленъ о томъ, что творится вокругъ него, и особенно ничего не знаетъ о постоянно усиливающемся неудовольствіи, какое возбуждаютъ его дѣла и рѣчи. Вотъ теперь онъ очень недоволенъ новымъ зданіемъ, въ которое перешелъ рейхстагъ съ начала новой сессіи. Вильгельмъ назвалъ зданіе верхомъ безвкусицы, велѣлъ снять съ фронтона надпись: «германскому народу», вычеркнулъ имя архитектора Валлота изъ списка награжденныхъ золотою медалью, и приказалъ выдать ее весьма сомнительной художницѣ Вильмѣ Парлаги. Это вмѣшательство императора даже въ художественную оцѣнку было причиною появленія пародіи на гимнъ Эгира, сочиняемый теперь императоромъ,—Der Gesang an Ihr (она—это г-жа Парлаги). Не нравятся также столкновенія императора съ южными нѣмецкими державами; слишкомъ натянутыя отношенія между нимъ и виртембергскимъ дворомъ. Столкновеніе императора съ королемъ произошло на осеннихъ маневрахъ, когда король съ особеннымъ удареніемъ говорилъ о себѣ, какъ о верховномъ вождѣ виртембергской арміи. Королева, принимая одного шваба, сказала ему: «мнѣ пріятно, что вы не забыли своего роднаго языка. Теперь молодые поручики, послѣ двухмѣсячной командировки въ Берлинъ, считаютъ долгомъ по возвращеніи говорить на такомъ берлинскомъ жаргонѣ, на какомъ врядъ ли говорятъ сами берлинцы».

Закрытіе итальянскаго парламента грозитъ, однако, гораздо бо́льшими катастрофами, чѣмъ германскаго; Джіолитти уже бѣжалъ въ Германію, но въ документахъ, посланныхъ имъ въ палату, представилъ такія обвиненія противъ Криспи, противъ которыхъ трудно защищаться. Изъ бумагъ видно, что премьеръ и его жена пользовались не разъ подачками изъ римскаго банка. Криспи утверждаетъ, что всѣ его займы покрыты и возвращены, но, кромѣ премьера, въ это скандальное дѣло замѣшано немало депутатовъ и чиновниковъ. Менотти Гарибальди получилъ съ банка 200,000 франк., министръ просвѣщенія тоже, умершій депутатъ Децерби 3.000,000 франк., писательница Матильда Серао, журналистъ Леви также получали взятки, а для покрытія своихъ злоупотребленій банкъ роздалъ на 1.325,000 фр.

Digitized by Google

взятокъ. Наканунѣ открытія парламента, король Гумбертъ рѣшился наконецъ сдѣлать первый серьезный шагъ къ сокращенію военныхъ расходовъ; цифра сокращенія очень скромная, въ $7^1/_2$ милліоновъ лиръ, но и это уже важный шагъ, котораго добился Криспи, принудивъ короля уступить. Теперь все затормозилъ парламентскій кризисъ.

Англичане продолжаютъ на всѣ тоны свои увѣренія въ дружбѣ къ Россіи, хотя въ нѣкоторыхъ органахъ печати, по временамъ, являются диссонансы противъ этого настроенія. Они опровергли клеветы Вамбери, Кеннана, но евреи высказываютъ неудовольствія противъ участія Ротшильдовъ въ русскомъ $3^1/_2\%$ займѣ. Заемъ этотъ представляетъ небывалое явленіе въ финансовомъ мірѣ. Россія заявила требованіе на 100 милліоновъ. Европа, съ главою лондонской фирмы Ротшильдовъ, болѣе 20 лѣтъ не входившей ни въ какія сношенія съ Россіей, подписалась на пять милліардовъ т. е. покрыла заемъ въ 50 разъ. Евреи въ Сити такъ недовольны этимъ, что имъ пригрозили прекращеніемъ пособій, если они будутъ продолжать свои махинаціи противъ займа. Недовольны также и члены «общества друзей русской свободы», гдѣ соединяются всѣ болѣе или менѣе явные анархисты и наши эмигранты; видя интересъ, возбужденный въ обществѣ всѣмъ, имѣющимъ отношеніе къ Россіи, они вздумали воспользоваться этимъ настроеніемъ и перевели на англійскій языкъ двѣ свои брошюры: Степняка—«Нигилизмъ, какъ онъ есть» и Волхонскаго: «Требованія русскихъ либераловъ». Спенсъ Ватсонъ написалъ предисловіе къ брошюрамъ онѣ остались безъ спроса, а печать изобличила ихъ несостоятельность и лживость. Рѣзче всего отнеслась къ нимъ «Times», возставшая и противъ «друзей свободы». Программа этого общества состоитъ изъ темныхъ, неосуществимыхъ мѣстъ соціальнаго катехизиса. Особенно нападаетъ «Times» на приводимую имъ программу дѣйствій этого общества: «Въ политикѣ мы—революціонеры и признаёмъ не только народныя возстанія, но и военные заговоры, нападенія на дворцы, бомбы и динамитъ». «Стало быть,—прибавляетъ «Times»,—безчеловѣчныя предпріятія нигилистовъ представляются законными мѣрами, хотя они тутъ же сознаются, что крестьянскія массы, въ интересахъ которыхъ предпринимается революція, слишкомъ невѣжественны, чтобы чувствовать свое рабство, и слишкомъ апатичны, чтобы возставать противъ него». А еще мѣсяца два назадъ ни одна англійская газета не печатала русскихъ возраженій, чтобы не раздражать общественнаго мнѣнія и эмигрантовъ.

Одновременно съ дружбой къ намъ, разгорѣлась давно назрѣвавшая англо-германская вражда, эта ненависть двухъ торгашей-соперниковъ, изъ которыхъ каждый считаетъ себя обманутымъ. Кельнская и Крестовая газеты прямо назвали Англію единственною въ мірѣ державою, стремящеюся не сохранить, а нарушить миръ для удовлетворенія своей ненасытной прожорливости, а «Times» объявила открыто, что ни Россія, ни Франція, а толь-

Digitized by Google

ко одна Германія является соперницей Англіи въ торговлѣ и колонизаціи. Надъ пальмерстоновской и биконсфильдовской политикой теперь смѣются. Въ 1870 году англичане желали успѣха Германіи, потому что у нея не было ни флота, ни колоній; теперь они предпочитаютъ Францію, потому что, хотя у нея и много колоній, но она не населяетъ ихъ и не мѣшаетъ ихъ торговлѣ съ Англіей. Нѣмцы же—дѣятельные купцы и колонизаторы, и въ этомъ отношеніи гораздо выше русскихъ. До чего перемѣнились взгляды англичанъ, видно изъ того, что серьезный журналъ «Saturday» объявляетъ прямо, что интересъ Англіи требуетъ обладанія Россіею Дарданеллами. Газета прибавляетъ: удерживая русскихъ отъ выхода въ Средиземное море, англичане заставляютъ ихъ идти въ Индію. Но что же мы, русскіе, будемъ дѣлать тамъ, когда, въ случаѣ столкновенія, англичане, прорвавшись въ Черное море, могутъ напасть на наши берега? Вражда Англіи къ Германіи не допуститъ и австрійскихъ нѣмцевъ хозяйничать на Балканскомъ полуостровѣ и на востокѣ. Въ Африкѣ Англія особенно недовольна, что пруссаки помѣшали осуществить ея проэктъ: соединить свои владѣнія отъ Египта до Капа, и очень негодуетъ на короля Леопольда, уступившаго ей для этой цѣли земли въ Конго, а потомъ опять отобравшаго ихъ обратно по требованію Германіи, вступившейся также за португальцевъ и ихъ владѣнія въ бухтѣ Делагоа. Къ Франціи они относятся снисходительнѣе, хотя «Пончъ» рисуетъ ее въ видѣ волка въ мундирѣ, готовящагося сожрать ягненка (Мадагаскаръ), такъ какъ собака пастуха, т. е. Англія, теперь спитъ. «Фигаро», однако, увѣряетъ серьезно, что немало англійскихъ спортсменовъ отправились на островъ охотиться за «французской дичью». Только въ Африкѣ Англія находится въ миролюбивыхъ отношеніяхъ съ Италіею и что-то затѣваетъ вмѣстѣ съ нею противъ Судана, подбивая итальянцевъ распространять свою эретрейскую колонію и дѣйствовать противъ магдистовъ и дервишей; для этого, конечно, деньги даетъ Англія, а солдатъ—Италія. Противъ этого нельзя было бы ничего возразить, потому что истребленіе магдизма въ Суданѣ весьма желательно; дурно то, что итальянцы уже откровенно заговорили о необходимости присоединенія Абиссиніи къ своимъ владѣніямъ. Было бы не политично подчинить плохому итальянскому управленію такую обширную и расположенную къ намъ страну.

Испытавъ неудачу въ своихъ восточныхъ замыслахъ, Англія вздумала поднять армянскій вопросъ. Въ Европу вдругъ пришли тревожныя извѣстія о страшномъ избіеніи армянъ въ горныхъ округахъ турецкой Арменіи, Мушѣ и Сассанѣ,—сначала курдами, а потомъ и регулярными турецкими войсками, посланными для усмиренія возстанія. Сообщали и о неимовѣрныхъ жестокостяхъ, о пяти—даже о пятнадцати тысячахъ убитыхъ. Оказалось, что все это слишкомъ преувеличено и что возстаніе давно подготовляли и подняли эмисары изъ Лондона, гдѣ армянскій ко-

Digitized by Google

митетъ проявилъ необыкновенную дѣятельность. Дѣло началось съ обычныхъ безпорядковъ при сборѣ податей. Турки брали взятки—жители горной Арменіи имъ не давали, ссылаясь на плохой урожай и грабительства курдовъ. Начались всегдашнія сцены вымогательствъ и преслѣдованія, но, подстрекаемые внѣшними агентами, на этотъ разъ поднялись цѣлые округа и Турція отправила туда свои войска. Они стали грабить не хуже курдовъ; тутъ примѣшались еще и романтическія сцены: начальникъ одного отряда захотѣлъ овладѣть женою армянскаго старшины. Она пришла къ нему, какъ будто на свиданіе, и убила его—это, конечно, усилило преслѣдованіе, но турецкое правительство, считая себя правымъ, согласилось на учрежденіе слѣдственной комисіи изъ консуловъ Россіи, Англіи и Франціи. Не смотря на это, англійская печать требуетъ отъ Турціи строгаго исполненія въ Арменіи реформъ, обѣщанныхъ берлинскимъ конгрессомъ. Реформъ этихъ Европа могла требовать уже пятнадцать лѣтъ назадъ, но отнеслась къ нимъ, какъ и ко всѣмъ обѣщаніямъ конгресса: возвращенію Босніи, Герцоговины, невмѣшательству въ болгарскія дѣла. И почему же это Англія только теперь такъ горячо вступилась за армянскія реформы?

НОВЫЯ КНИГИ.

Элизэ Реклю. **Земля.** Описаніе жизни земнаго шара. Выпускъ I. 1895 г.

Этотъ французскій писатель представляетъ одинъ изъ любопытныхъ типовъ нашего времени. Прежде всего, онъ серьезный, настоящій ученый. Онъ обладаетъ такими огромными, солидными знаніями въ избранной имъ области наукъ, какихъ не встрѣтишь даже у самыхъ глубокомысленныхъ нѣмцевъ, къ которымъ онъ принадлежитъ, — если не по рожденію, то по воспитанію. Онъ—сынъ протестантскаго пастора въ прирейнской Пруссіи, имѣвшаго 12 человѣкъ дѣтей. Образованіе онъ получилъ сначала въ Монтобанѣ, потомъ въ берлинскомъ университетѣ, гдѣ былъ ученикомъ Риттера, но сталъ выше своего знающаго, сухаго и скучнаго профессора, какъ сталъ и выше Гумбольдта—черезчуръ уже фразистаго и вычурнаго писателя, вздумавшаго сдѣлать изъ географіи привлекательную науку. Реклю почти достигнулъ и этого, изложивъ самыя отвлеченныя научныя свѣдѣнія въ блестящей литературной формѣ; какъ писателю, ему нельзя не удивляться, но въ то же время, какъ человѣкъ, онъ является рьянымъ врагомъ современнаго положенія вещей, упорнымъ анархистомъ. Трудно представить себѣ, какъ могли выработаться въ высоко даровитомъ писателѣ крайнія противообщественныя идеи. Принужденный оставить Францію въ 1852 году, онъ вернулся въ нее въ концѣ имперіи и тогда

Digitized by Google

же издалъ 2 тома своего выдающагося сочиненія «Земля», плодъ его долгихъ странствованій. Затѣмъ, въ теченіе почти 20 лѣтъ, явилась огромная всемірная географія въ 17-ти томахъ. На русскомъ языкѣ она вышла подъ редакціею А. А. Ильина, въ 12-ти томахъ, со значительными исключеніями, и стоитъ до 100 рублей (два послѣдніе тома посвящены Россіи). Теперь является и первый трудъ его, заключающій въ себѣ очеркъ земнаго шара. Въ первомъ выпускѣ описана земля въ пространствѣ: суша, равнины, плоскогорія и горы; обѣщаны еще пять выпусковъ, которые должны быть окончены въ нынѣшнемъ январѣ. Немножко поздно является русское изданіе: въ 30 лѣтъ, географія сдѣлала большіе шаги впередъ. Но зато книга Реклю переводится безъ пропусковъ, весьма добросовѣстно, съ учеными примѣчаніями, относящимися къ послѣднимъ открытіямъ. Къ выпуску, съ 26 рисунками и четырьмя картами, приложены: канто-лапласовская гипотеза о происхожденіи міровъ, весьма тщательный указатель разныхъ научныхъ терминовъ и три подробныхъ списка научно-популярныхъ книгъ на русскомъ языкѣ. Все это вноситъ весьма цѣнный вкладъ въ русскую ученую литературу, небогатую подобными, хотя бы и переводными, произведеніями.

Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Руководство къ воспитанію. *Шольца.* Москва. 1894.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, педагоги сильно воюютъ съ докторами. Вопросъ идетъ о томъ: кому изъ нихъ слѣдуетъ раціональнѣе калѣчить нашихъ дѣтей: глубокомысленнымъ наставникамъ или практичнымъ врачамъ? Плохое физическое—не говоря уже объ нравственномъ — развитіе современной молодежи до того бросается въ глаза, что искать причины ея вырожденія—является прямо необходимостью. «Дѣти хирѣютъ отъ того, что ихъ не такъ учатъ»—говорятъ врачи;—«дѣти хирѣютъ отъ того, что ихъ не такъ лѣчатъ»—говорятъ педагоги.—Кто изъ нихъ правъ? Какой-то нѣмецъ, директоръ заведенія для душевно-больныхъ, издалъ руководство къ воспитанію въ школѣ и дома. Сумашедшіе ли навели его на мысль о сходствѣ ихъ съ учениками, или послѣдніе показались ему совершенно ненормальными,—только объ этой *ненормальности* онъ написалъ глубокомысленное изслѣдованіе, которое для чего-то понадобилось перевести и на русскій языкъ; мы говоримъ: «для чего-то», потому что съ первыхъ словъ предисловія авторъ объявляетъ, что книга его служитъ дополненіемъ къ изданной «Діэтетикѣ духа», представляющей изложеніе основныхъ правилъ воспитанія. Можно представить себѣ, какъ пріятно почти въ каждой главѣ книги встрѣчать ссылки на предыдущее сочиненіе? Явилось ли оно на русскомъ языкѣ—мы не знаемъ, такъ какъ «Вѣстникъ воспитанія»,—впрочемъ, очень хорошій педагогическій журналъ въ Москвѣ,—не называетъ этой книги въ числѣ изданныхъ имъ переводовъ. Авторъ утверждаетъ, что при описаніи ненормальностей у дѣтей,

Digitized by Google

ему удалось къ извѣстнымъ типамъ ихъ присоединить наставленія для воспитателей. Но всѣ эти «наставленія» ограничиваются у автора общими мѣстами или весьма сомнительными педагогическими пріемами, въ которыхъ авторъ сначала совѣтуетъ прибѣгать съ дѣтьми къ суровости, а потомъ—относиться къ нимъ снисходительно; мѣстами эти совѣты принимаютъ даже комическій оттѣнокъ. Никакого общаго твердаго вывода нельзя извлечь изъ размышленій и примѣровъ нѣмецкаго психіатра-педагога, толкующаго о законѣ наслѣдственности, объ общихъ задачахъ воспитанія, о ненормальностяхъ у дѣтей въ области чувствъ, впечатлѣній и представленій, а также въ области воли и дѣйствій, причемъ перечисляется 34 типа ненормальныхъ характеровъ. Заключительныя измышленія о воспитаніи духа посредствомъ тѣла, о вазомоторной системѣ, принадлежатъ уже прямо къ туманно-мистическимъ измышленіямъ.

Григорій де-Волланъ. **По бѣлу свѣту.** Путевыя замѣтки. 1895.

В. Витковскій. **За океанъ.** Путевыя записки. 1894.

Нельзя не порадоваться возникшему въ русской публикѣ расположенію къ чтенію серьезныхъ путешествій. Съ появленія книги князя Ухтомскаго о путешествіи Наслѣдника Цесаревича, не смотря на странные парадоксы автора о туранскомъ происхожденіи славянъ, стали пользоваться большимъ успѣхомъ даже гипотезы въ области туманной этнографіи; экскурсіи, предпринятыя съ ученою, даже спеціальною цѣлью въ отдаленныя области, привлекаютъ вниманіе читателей. Членъ нашего астрономическаго и географическаго обществъ В. Витковскій читалъ въ прошломъ году въ этихъ обществахъ свои наблюденія надъ астрономическими и геодезическими учрежденіями Англіи и сѣверной Америки. Чисто спеціальные ученые выводы, собранные имъ во время его путешествія, напечатаны въ запискахъ этихъ обществъ; оставались еще путевыя записки, которыя авторъ велъ въ формѣ дневника во время своихъ четырехмѣсячныхъ экскурсій. Друзья убѣдили его напечатать эти записки и, въ концѣ прошлаго года, явилась любопытная, объемистая книга въ 560 страницъ со множествомъ политипажей, написанная просто, занимательно, языкомъ обыкновеннаго путешественника, а вовсе не спеціалиста. Конечно, исключительная цѣль, съ какою путешествовалъ авторъ, заставляла его останавливаться въ такихъ мѣстахъ, куда не заглядываетъ обыкновенный вояжеръ, но эти мѣстности,—обсерваторіи, геодезическія станціи,—изображены безо всякихъ научныхъ подробностей, а между тѣмъ сами по себѣ очень интересны. Таковы въ Европѣ: Редгиль, Опанъ, Парсонтаунъ; въ Америкѣ: Принстонъ, Ньюгевенъ, Нашвиль, Маниту, Ликовская обсерваторія, Палеальто, Бьютъ. Само собою разумѣется, что и главные центры науки и культуры, какъ Лондонъ, Оксфордъ, Эдинбургъ, Нью-Іоркъ, Вашингтонъ, Чикаго, Бостонъ, Парижъ, не оставлены безъ вниманія авторомъ, сообщающимъ любопытныя подробности и объ этихъ городахъ. Хороши у него также описанія кра-

Digitized by Google

сотъ природы: Рейна, Голландіи, Бельгіи, пещеры Люрей и Мамонтовой, прерій, Змѣиной рѣки, Іеллостонскаго парка, Ніагары. Былъ онъ и у мормоновъ, но не сообщаетъ объ нихъ ничего особеннаго. Вся книга г. Витковскаго проникнута полною правдивостью и какимъ-то добродушіемъ, и возбуждаетъ большой интересъ.—Другая экскурсія въ болѣе отдаленныя страны предпринята и описана Григоріемъ де-Волланомъ и составляетъ вторую часть его путевыхъ замѣтокъ, появившихся въ прошломъ году. Онѣ еще интереснѣе и менѣе учены, чѣмъ книга Витковскаго. Туристъ продолжаетъ свое путешествіе съ исторіи Бирмы, указываетъ на ея различіе съ Индіею, подробно описываетъ Рангунъ, Пегу, Пенангъ,—въ послѣдній уже забрались нѣмцы и орудуютъ тамъ весьма дѣятельно. Торговому значенію Сингапура авторъ придаетъ большое значеніе, хотя на 244,000 его жителей въ немъ всего 744 европейца, а между тѣмъ островъ уже болѣе ста лѣтъ купленъ англичанами у малайскаго раджи. Гораздо прочнѣе устроились голландцы на Суматрѣ, гдѣ финансовое положеніе ихъ достаточно цвѣтущее, хотя жизнь въ Батавіи очень скучна. Изъ Батавіи, хоть и не по дорогѣ, туристъ посѣтилъ Сайгонъ и Гонгъ-Конгъ, гдѣ тогда еще не свирѣпствовала чума; наблюденія надъ китайскою жизнью весьма любопытны, особенно въ Макао, на Кіангѣ, гдѣ, между прочимъ, описывается, хоть и не подробно, русская чайная торговля, въ Шанхаѣ, Амои, Сватоу; оттуда авторъ перебрался въ Тонкинъ и Аннамъ, гдѣ есть уже небольшая желѣзная дорога. О Сайгонѣ и Меконгѣ онъ говоритъ немного, но вездѣ обращаетъ особенное вниманіе на жизнь народа и его обычаи. Въ столицѣ Камбоджи онъ подолгу останавливается на исчезнувшемъ народѣ «кмеры», и его погибшей, когда-то блестящей, культурѣ. Сообщая историческія преданія, онъ говоритъ и о нынѣшнемъ рабствѣ жителей, и о попыткахъ къ новой организаціи. Описанію Сіама посвящено меньше мѣста, только Ангъ-Коръ изображенъ подробнѣе; описаны прежняя и нынѣшняя жизнь Сіама, страна лаосовъ, исторія Сіама, Бангкокъ, жизнь короля и сіамскаго общества, даже администрація страны. Выводы автора объ Индіи не утѣшительны; господство браминовъ пошатнулось, хотя они отовсюду изгоняютъ буддизмъ, твердо водворившійся однако въ Бирмѣ, Сіамѣ, Китаѣ, Кореѣ и Японіи. Китай, не смотря на свое равнодушіе къ религіи, все таки побаивается будущей жизни и старается задобрить Будду, тогда какъ Индія—типичная представительница идеализма и не заботится даже о томъ, чтобы получше устроить практическія условія существованія милліоновъ жителей. Громадная масса ея населенія удерживается, дѣйствительно, только нравственнымъ вліяніемъ Англіи отъ раздоровъ и междоусобій съ мусульманами и своими соплеменниками. Конечно, жаль, что въ руки хотя и просвѣщенныхъ, но ненасытныхъ мореплавателей попадаютъ всѣ эти древнія цивилизаціи дальняго востока, но вѣдь нельзя не сознаться, что ихъ существованіе—съ дикими нравами народовъ и возмутительнымъ

Digitized by Google

деспотизмомъ правителей—не уживается съ европейской цивилизаціей и онѣ должны отбросить свои устарѣлыя вѣковыя формы. А ужь если за это принялись англичане, то пусть ужь они оканчиваютъ взятое ими на себя дѣло.

Клубъ козицкаго дворянства. *Марка Басанина.* 1894.

Романъ этотъ, печатавшійся въ одномъ ежемѣсячномъ журналѣ, произвелъ впечатлѣніе на публику. Имя автора, Марка Басанина, выдвинулось изъ сонмища именъ заурядныхъ беллетристовъ. И, дѣйствительно, это такая вѣрная, меткая и живая картина одной стороны русской—преимущественно московской—жизни, по счастію отошедшей уже въ область прошедшаго, какихъ немного въ нашей современной литературѣ. Романъ изображаетъ жизнь и нравы нигилистовъ послѣдняго наслоенія, устроившихъ себѣ клубъ на Козихѣ, мрачной и грязной московской улицѣ. Между этими своеобразными, небездарными людьми съ неустановившимися понятіями, гибнетъ одна симпатичная дѣвушка и едва не погибаетъ также ея сестра, спасенная только полюбившимъ ее студентомъ, дѣлающимся впослѣдствіи докторомъ. Герои эти вращаются между множествомъ студентовъ, студентокъ и лицъ различныхъ сословій, но съ одинаковыми убѣжденіями, выхваченныхъ изъ жизни, снятыхъ прямо съ натуры. При всей своеобразности ихъ понятій, при дикости убѣжденій, при желаніи рисоваться, оригинальничать,—во всѣхъ этихъ увлекающихся натурахъ столько добродушнаго, теплаго, чисто русскаго элемента, что онѣ невольно привлекаютъ читателя, не смотря на эксцентричность ихъ выходокъ. Охотно прощаешь имъ и крайнія мнѣнія, и нерѣдко комическія выходки, которыя могли бы только обойтись безъ вѣчной водки, безъ одуряющаго табаку и разгула. И сколько бѣдняковъ платится жизнью за эти ранніе кутежи и попойки, наживая чахотку и другія неизлѣчимыя болѣзни, тратя безплодно молодыя силы, которыя могли бы принести столько пользы родинѣ! Въ характерахъ самыхъ испорченныхъ личностей, въ ихъ грязныхъ попойкахъ и нелѣпыхъ идеяхъ являются черты народнаго типа: простодушіе, мягкосердечіе, готовность помочь ближнему. Изъ отталкивающихъ типовъ выведенъ только одинъ негодяй польскаго происхожденія, соблазняющій старшую сестру героини и бросающій ее, когда у нея родится ребенокъ. Онъ, однако, жертвуетъ великодушно на похороны ребенка—пять рублей... Несовсѣмъ естественной кажется сцена, когда этотъ ребенокъ, положенный въ гробъ и оставленный въ пустой комнатѣ, загорается отъ упавшей на него восковой свѣчи, въ то время, когда подвыпившая компанія поетъ подлѣ него вовсе не похоронныя пѣсни. Это и мелодраматично, и не свойственно мягкимъ натурамъ, способнымъ увлекаться, но не забывающимъ о томъ, къ чему ихъ обязываютъ доброе сердце и соблюденіе общественныхъ условій. Языкъ романа сжатъ и естественъ; въ немъ нѣтъ нигилистическихъ крайностей; но—повторяемъ—напрасно авторъ не сократилъ слишкомъ часто встрѣчающихся

Digitized by Google

подробностей о питьѣ водки, затягиваньѣ «пушками» и другими папиросами. Все это не эстетично, не интересно, хотя, къ сожалѣнію, и вѣрно дѣйствительности.

«Вѣстникъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства». За 1894 годъ.

Въ числѣ немногихъ русскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, подающихъ признаки своей жизнедѣятельности, не послѣднее мѣсто занимаетъ «императорское россійское общество садоводства» въ Петербургѣ, имѣющее свои отдѣлы: въ Великихъ Лукахъ псковской губ., Оренбургѣ, Екатеринославлѣ, Псковѣ и Одессѣ. Общество выпускаетъ уже цѣлую четверть вѣка «Вѣстникъ», получающій ежегодно правительственную субсидію, въ размѣрѣ 1,500 р. Этому «Вѣстнику» мы считаемъ необходимымъ посвятить нѣсколько строкъ, въ виду происшедшей въ немъ съ прошлаго года перемѣны. Какъ видно изъ полученнаго нами сообщенія редакціи «Вѣстника», онъ не можетъ жаловаться на излишекъ вниманія къ себѣ со стороны садоводовъ и не имѣетъ средствъ для распространенія свѣдѣній о себѣ въ публикѣ обычнымъ путемъ печатанія дорогихъ (и безобразно возвышающихся, благодаря монополіи, въ своей цѣнѣ) газетныхъ объявленій. Въ виду этого, «общество» рѣшило «кореннымъ образомъ измѣнить программу и условія изданія своего органа», а именно рѣшило «сдѣлать его собраніемъ трудовъ членовъ общества и его провинціальныхъ отдѣловъ». Такую именно форму своего органа общество признаетъ наиболѣе отвѣчающею «особеннымъ условіямъ русской практики и лучше удовлетворяющей потребностямъ нашихъ садоводовъ». Въ результатѣ, въ книжкахъ «Вѣстника» теперь отводится почетное мѣсто подробнымъ протоколамъ общихъ собраній общества и извлеченіямъ изъ отчетовъ его отдѣловъ. Намъ кажется, что такая перемѣна менѣе всего можетъ повести къ измѣненію незавиднаго положенія дѣлъ «Вѣстника». Отъ спеціальнаго изданія, въ большинствѣ случаевъ, прежде всего ждутъ возможности получить свѣдѣнія, приложимыя на практикѣ. Вотъ почему на первое мѣсто должна быть выдвигаема не протокольная часть, а самостоятельныя работы по той отрасли знанія или промышленности, которой посвященъ этотъ журналъ. Затѣмъ, общество садоводства проявляетъ значительное пристрастіе къ цвѣтоводству, въ ущербъ заботамъ о другой отрасли того же хозяйства—плодоводствѣ. Это пристрастіе сказывалось и на содержаніи книжекъ «Вѣстника»: промышленному плодоводству удѣлялось слишкомъ мало мѣста въ журналѣ. То же пристрастіе обусловило и возникновеніе въ Петербургѣ новаго общества—«россійскаго общества плодоводства», по иниціативѣ котораго была устроена нынѣшняя международная выставка. Изъ указаннаго отчасти видно, въ какомъ направленіи слѣдовало произвести «коренную» реформу «Вѣстника» почтенному обществу садоводства. За всѣмъ тѣмъ, вышедшія—послѣ реформы—книжки «Вѣстника» заключаютъ

Digitized by Google

немало интереснаго матеріала. Для примѣра укажемъ на докладъ И. И. Мещерскаго, теперешняго редактора «Вѣстника»: «Лѣсосады и ихъ значеніе для Россіи», на замѣтку г. Червинскаго о выгонкѣ персиковъ въ теплицахъ, и на докладъ барона Витте о мѣрахъ борьбы съ вредными для садовъ насѣкомыми.

Вопросъ о борьбѣ съ вредными насѣкомыми, вообще, весьма горячо интересовалъ общество садоводства, и докладъ бар. Витте вызвалъ въ одномъ изъ собраній оживленныя пренія, также напечатанныя въ «Вѣстникѣ» (№ 1). Въ результатѣ этихъ преній пока было лишь рѣшено передать вопросъ на обсужденіе отдѣловъ общества садоводства и энтомологическаго общества. По поводу такого рѣшенія, предсѣдательствовавшій въ собраніи Н. И. Раевскій съ горечью воскликнулъ: «къ сожалѣнію, когда-то это дѣло рѣшится? Какъ только пойдутъ запросы изъ одного общества въ другое, такъ дѣло умерло». Другое признаніе, не требующее коментаріевъ, было сдѣлано во время тѣхъ же преній И. И. Мещерскимъ. «Большею частью—говорилъ онъ—даже наши энтомологи не знаютъ, какія именно насѣкомыя истребляютъ тѣ или другіе сады. Мы знакомы съ вредными насѣкомыми, главнымъ образомъ, по заграничнымъ руководствамъ, которыя переводятся составителями руководствъ по садоводству и въ формѣ наставленій приподносятся нашимъ читателямъ... Мнѣ приходилось встрѣчать нѣкоторыхъ агрономовъ, получившихъ спеціальное образованіе, которые не могли отличить шелкопряда отъ другихъ насѣкомыхъ» (?!).

Въ собственномъ докладѣ своемъ (№ 3 «Вѣстника») г. Мещерскій проводитъ мысль, что «для развитія нашего плодоводства желательно упростить нѣкоторые пріемы культуры, позаимствовавъ ихъ отчасти отъ лѣсоводовъ, въ тѣхъ видахъ, чтобъ получать болѣе дешевые, хотя, можетъ быть, и менѣе доброкачественные плоды, но въ бо́льшемъ количествѣ». Ближе эта мысль выражена докладчикомъ въ формѣ совѣта создать лѣсосады, т. е. начать разводить въ степяхъ лѣса плодовыхъ растеній. Созданіе лѣсосадовъ является необходимымъ, между прочимъ, и потому, что климатическія условія большей части Россіи не позволяютъ разсчитывать на продолжительный періодъ пользованія культурными плодовыми насажденіями. Ихъ почти обязательно мѣнять черезъ 25—30 лѣтъ. Приходится, поэтому, обратиться къ дико-растущимъ плодовымъ деревьямъ и пользоваться ими посредствомъ прививки для полученія удовлетворительныхъ плодовъ. Опытъ, въ этомъ направленіи, уже произведенъ, напр., въ кубанской области.

Остановившись на нѣкоторыхъ матеріалахъ реформированнаго «Вѣстника императ. росс. общ. садоводства», мы должны указать еще, что весьма полезнымъ отдѣломъ его являются: «Новости по садоводству». Въ заключеніе нашей краткой библіографической замѣтки, отъ души желаемъ и почтенному обществу садоводства, и его журналу—полнаго преуспѣянія. Земледѣльческая Россія такъ нуждается въ работѣ на пользу ея, что

Digitized by Google

приходится быть благодарнымъ даже за всякое дѣяніе, а общество садоводства можетъ оказать, какъ и оказывало уже раньше, очень много цѣнныхъ услугъ одной изъ отраслей сельскаго хозяйства.

Стихотворенія А. Когена. Кіевъ.

Странное явленіе продолжается. Въ нашъ матеріалистическій, архипрозаическій вѣкъ, обильно распускаются цвѣты поэзіи. Сборникъ за сборникомъ появляется, чтобы на утрѣ пасмурныхъ дней увянуть, не успѣвши расцвѣсть! Кто знаетъ имена всѣхъ этихъ нео-поэтовъ, народившихся за послѣднее унылое десятилѣтіе? Кто помнитъ хотя одну ихъ строчку? Чѣмъ отличаются они другъ отъ друга? Печать литературнаго безвременья подогнала всѣхъ ихъ подъ одну мѣрку, выкрасила въ одинъ сѣрый цвѣтъ, остригла подъ одну гребенку. «Мысли блѣдныя, мысли безцвѣтныя, сѣрымъ туманомъ повитыя!.. Мысли короткія, мысли печальныя, вычурнымъ слогомъ прикрытыя!» Вотъ подходящій эпиграфъ ко всѣмъ этимъ сборникамъ. И удивительно, что чѣмъ мысль ничтожнѣе, тѣмъ форма вычурнѣе. Искренности ни на грошъ,—во всемъ одно только позированье.

Стихотворенія г. Когена мало чѣмъ отличаются отъ всѣхъ остальныхъ: тѣ же блѣдныя мысли, та же вычурная форма, плюсъ неразработанная техника стиха, допускающая, ради размѣра и риѳмы, неправильныя ударенія («я думалъ, что вовѣкъ не придетъ часъ разлуки»...) и рискованныя выраженія («*висѣла* *мъ* хмуро ночь»). Неясность мысли, которую поэту желательно выразить непремѣнно стихами, приводитъ къ тому, что г. Когенъ въ первой части стихотворенія «25 декабря», (стр. 30) говоритъ:

Я чуждъ Христу: я караимъ...
Какъ вы смиренно передъ нимъ
Не преклоняю я колѣни...
... Я росъ средь чуждыхъ вамъ идей
И съ той средой *давно сроднился*,
И остаюсь я вѣрнымъ ей.

И тутъ же, рядомъ съ провозглашеніемъ о томъ, что онъ *чуждъ* ученію Христа, что онъ остается *вѣрнымъ* ученію своей вѣры, онъ утверждаетъ:

... «но *всей душой* я—другъ ученія Христа»...

Есть совсѣмъ неудачныя стихотворенія въ разбираемой нами книжкѣ, какъ напр. *** (стр. 61):

... «Яркихъ звѣздъ мерцанье;
Розъ и лилій благовонныхъ
Робкое дыханье;
Вѣтерка живыя волны;
Липъ душистыхъ тѣни,
Сонный воздухъ, тайны полный,
Полный сновидѣній»...

Что это такое какъ не перепѣвы фетовскаго: «Шопотъ, робкое дыханье»?..

Digitized by Google

Какъ на болѣе удачное, по тихой, меланхолической мысли и по красивой формѣ, укажемъ на стихотвореніе на стр. 68:

«Подъ снѣжнымъ пологомъ забытая могила».

Недурны также стихотворенія: «Напрасно силюсь я порой»... и «Танцовщица» (стр. 100 и 112).

Всѣ же остальныя не превышаютъ уровня самой ординарной посредственности.

Книжка издана прекрасно и нужно отдать справедливость кіевскимъ издателямъ:—они часто превосходятъ, хоть въ этомъ отношеніи, своихъ петербургскихъ собратьевъ.

Аполлонъ Коринфскій. Пѣсни сердца. (1889—93 г.). Москва, 1894 г.

Надъ сѣрымъ просторомъ степи повисъ тусклый осенній день. Мутное небо сливается съ мутною далью... Ровной лентой уходитъ въ безконечность пыльная дорога, усаженная чахлыми деревцами. Тишь и безлюдье. Глядишь, и вначалѣ какъ будто нравится этотъ безцвѣтный и скучный пейзажъ; однако, чѣмъ больше глядишь, тѣмъ менѣе находишь въ немъ прелести. Есть что-то снотворное и быстро пріѣдающееся въ утомительномъ однообразіи. Взоръ устаетъ, глаза смыкаются и забываешься невольно въ тяжелой дремотѣ...

Нѣчто подобное мы испытали при чтеніи стиховъ г. Коринфскаго, поторопившагося разбираемой книжкой подвести итогъ своей недавней литературной дѣятельности. Въ «пѣсняхъ сердца» молодой поэтъ, какъ теперь водится, тщательно собралъ все, что только ни выливалось изъ-подъ его пера въ промежутокъ съ 1889 по 1893 годъ,—«да вѣдаютъ потомки православныхъ»... На трехстахъ семидесяти четырехъ страницахъ пріютилось—horribile dictu!—*свыше четырехсотъ* стихотвореній. Прочитать всю книжку отъ доски до доски нѣтъ никакой возможности—«смыкаются рѣсницы и клонится устало голова». Стихи тянутся удручающе-ровно, какъ скучная однообразная степь, риѳмы исправно звенятъ гдѣ черезъ строчку, гдѣ по двѣ въ рядъ, словно чахлыя деревца—бѣда, что ни въ гладкомъ стихѣ, ни въ правильныхъ риѳмахъ незамѣтно проблеска оригинальности, искорки чувства. Одного жаль: въ этой массѣ продуктовъ «дерзкой бѣглости ремесленной руки» изрѣдка попадаются недурныя стихотворенія, подчасъ красиво, хотя и водянисто написанныя. Какъ на таковыя, мы можемъ указать на стихотворенія, помѣщенныя на стр. 25, 49, 90, 163, 194, 224, 266 и нѣкот. др. Въ общей массѣ они незамѣтны; но, быть можетъ, выдѣленныя въ небольшой сборникъ, они произвели бы на читателей лучшее впечатлѣніе и кстати освободили бы критиковъ отъ печальной обязанности разыскивать ихъ въ сорной кучѣ стихотворнаго хлама. Было бы это лучше и для самого г. Коринфскаго, такъ какъ его литературная физіономія выяснилась бы опредѣленнѣе и можно было бы увѣреннѣе

Digitized by Google

рѣшить вопросъ: чего слѣдуетъ ожидать отъ него въ будущемъ? При наличныхъ данныхъ, приходится замѣтить, что онъ поэтъ неустановившійся. Г. Коринфскій чуждъ идейности въ лучшемъ смыслѣ этого слова, если не считать двухъ-трехъ стихотвореній, въ которыхъ онъ случайно обмолвился симпатичной мыслью. Преимущественно его прельщаютъ описанія. Даже въ лирикѣ онъ занимается описаніями—примѣръ стр. 34. Поэтъ говоритъ, что «тумана сѣраго больное трепетанье» рождаетъ въ его душѣ «смутную печаль»; въ слѣдующей строкѣ, къ смутной печали присоединяется «сердца чуткаго неровный перебой» (!) и «шумный рой воспоминаній». Послѣднее слово второй строфы заставляетъ поэта услужливо посвятить ему третью строфу, кончающуюся словами: «возврата нѣтъ». Чему нѣтъ возврата, поэтъ припоминаетъ въ четвертой строфѣ—«возврата нѣтъ и вамъ, цвѣты весны моей, мечты промчавшагося мая»! Слово «май» рождаетъ новую лишнюю строфу, въ заключительныхъ строкахъ которой поэтъ восклицаетъ: «но даже ясныхъ дней весенняго расцвѣта и жаль мнѣ, и не жаль». Очевидно, для поэта слова обладаютъ какою-то накликающей силой:—одно вызываетъ другое, другое—третье, хотя бы прямаго отношенія къ дѣлу они вовсе не имѣли. Не поэтъ владѣетъ образами, а образы имъ. Вотъ почему стихотворенія г. Коринфскаго, сшитыя изъ пестрыхъ лоскутковъ, никогда не производятъ цѣльнаго впечатлѣнія. Въ зависимости отъ указанной причины, даже въ лучшихъ стихотвореніяхъ, растянутость является главнымъ недостаткомъ. Напомнимъ поэту завѣтъ Некрасова — надо писать стихи такъ, «чтобъ словамъ было тѣсно, мыслямъ просторно»—и закроемъ книжку.

Digitized by Google

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Необходимость сведенія «итоговъ» прошлаго и формулированія «надеждъ» на будущее.—Отношенія русской государственной власти къ народу, выработанныя исторіей.—Искренность и правдивость общественнаго мнѣнія обусловливаются только его свободою.—Сознательное отношеніе къ прошлому и будущему требуетъ разсмотрѣнія главныхъ основъ нашей государственной жизни: принциповъ финансовой и экономической политики и степени содѣйствія государства развитію общественной самодѣятельности.—Отчетъ государственнаго контроля за 1893 г.—Наши обыкновенные государственные доходы.—Поступленія доходовъ за 10 лѣтъ.—Ростъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, выражающійся въ 39% своей первоначальной величины.—Общая сумма обыкновенныхъ расходовъ.—Сравненіе расходовъ по росписямъ за послѣднія 10 лѣтъ.

Въ печати существуетъ обычай провожать отходящій годъ сведеніемъ общихъ «итоговъ», а наступающій—встрѣчать «пожеланіями». Смѣна 1894 года—1895-мъ совпала въ Россіи съ концомъ царствованія Александра III и началомъ царствованія Николая II; вотъ почему мы, вступая въ новый годъ и находясь на рубежѣ двухъ царствованій, нашли нужнымъ нѣсколько подробнѣе коснуться этихъ «итоговъ» и «пожеланій». Говоря вообще, такая работа, какъ намъ думается, должна принести несомнѣнную пользу не только общественному сознанію, но и государству, устанавливая извѣстныя отношенія къ прошлому и въ общихъ чертахъ опредѣляя направленіе, въ которомъ должно идти развитіе нашей государственной и народной жизни.

Судьбой стомилліоннаго русскаго народа распоряжается его верховный вождь, которому народъ вручилъ цѣликомъ всю политическую власть, оставивъ себѣ лишь свободу духовной жизни. Такимъ образомъ, по особенностямъ нашего государственнаго устройства, *дѣйствіе* принадлежитъ правительству, а *мысль*—народу. Но между волей и мыслью должна быть извѣстная связь, т. е. власть, какъ представительница дѣйствія, должна знать, чего хочетъ народъ. Эта связь между *народомъ* (въ широкомъ смыслѣ слова) и *государственной властью* создается посредствомъ общественнаго мнѣнія, какъ выразителя чувствъ и мыслей русскаго народа: изъ этого-то мнѣнія государство и узнаётъ, чего желаетъ страна, въ чемъ она нуждается и въ чемъ видитъ удовлетвореніе своихъ нуждъ. Такое отношеніе государства

Digitized by Google

къ народу выработалось у насъ исторически: народъ никогда не стѣснялъ дѣйствій государя, а государь въ свою очередь обращался за содѣйствіемъ къ народу, не стѣсняя его мнѣнія. Сила и крѣпость русскаго государства держались и развились, благодаря именно этому единенію, и когда оно нарушалось—государству угрожали смуты и разрушеніе. Но общественное мнѣніе тогда только можетъ принести надлежащую пользу власти, когда оно, во-первыхъ, не составляетъ монополіи отдѣльныхъ кружковъ или личностей, а принадлежитъ всему народу, и, во-вторыхъ, когда оно искренно, правдиво, а не лицемѣрно и лживо. Какими же средствами располагаетъ государство, чтобы создать въ странѣ правдивость народнаго голоса? Для этого у государственной власти есть одно лишь средство: она должна дать достаточную свободу общественному мнѣнію, такъ какъ безъ свободы, при всей неограниченности государственнаго могущества, власть не можетъ добиться правды и честности. Если сила государства зиждется на принудительномъ законѣ, на дѣйствіи, то сила народа основана на силѣ нравственной — на мнѣніи. Если государственная власть вправѣ поступать, какъ она считаетъ нужнымъ, то и народъ долженъ высказывать свободно свои желанія и стремленія.

Глубоко вѣря въ могущественную силу общественнаго мнѣнія, мы обращаемся къ прошлому, стараясь изъ разсмотрѣнія его «итоговъ» почерпнуть поучительные уроки, которые и должны послужить надежнымъ основаніемъ для нашихъ «пожеланій». Прежде всего мы должны обратиться къ выясненію того, что составляетъ финансовую основу нашей страны и на какія потребности идутъ наши государственныя средства. Во-2-хъ, мы разсмотримъ основныя начала экономической политики государства за послѣднее время, такъ какъ этой политикой опредѣляется матеріальное положеніе русскаго населенія. Какимъ же образомъ государственная политика вліяетъ на экономическую судьбу отдѣльнаго человѣка? Экономическая жизнь общества есть борьба не отдѣльныхъ лицъ, какъ это представляется намъ въ практикѣ, а цѣлыхъ общественныхъ классовъ; въ борьбѣ же интересовъ общественныхъ группъ вліяніе государства сказывается не только въ направленіи результатовъ борьбы, но и въ дѣйствительномъ его вмѣшательствѣ въ самую борьбу, путемъ бо́льшаго или меньшаго содѣйствія той или другой общественной группѣ. Видя назначеніе государства въ защитѣ экономически слабыхъ элементовъ общества, мы постараемся выяснить, на чьей изъ борющихся сторонъ оказывалось государство и приводило ли его вмѣшательство къ уменьшенію шансовъ побѣды сильныхъ надъ слабыми. Въ третьихъ, наконецъ, намъ слѣдуетъ остановиться на выясненіи того, что́ предпринимала государственная власть для развитія общественнаго самосознанія и общественной самодѣятельности, и создала ли она въ обществѣ надежную опору для выполненія своихъ сложныхъ и трудныхъ задачъ? Въ настоящемъ обозрѣніи мы постараемся выяснить лишь финансовую основу нашего государства, для чего мы обратимся къ только что вышедшему отчету государственнаго контроля по исполненію росписи 1893 года.

Какъ видно изъ отчета государственнаго контроля за 1893 г., въ государственную роспись было внесено: *доходовъ*: а) обыкновенныхъ

Digitized by Google

961.222,143 р., в) чрезвычайныхъ 79.236,242 р., всего 1.040.458,385 р. и *расходовъ*: а) обыкновенныхъ 947.690,385 р., в) чрезвычайныхъ 92.768,000 р., всего 1.040.458,385 руб.

Такимъ образомъ, въ поступленіи обыкновенныхъ доходовъ по росписи предполагался *излишекъ* надъ обыкновенными расходами въ размѣрѣ 13.531,758 р., въ поступленіи же чрезвычайныхъ доходовъ (независимо отъ кредитныхъ операцій) ожидался *недостатокъ* противъ предположенныхъ по росписи чрезвычайныхъ расходовъ на сумму 82.094,091 р. За покрытіемъ части этого недобора вышеуказаннымъ излишкомъ доходовъ по обыкновенной росписи, на пополненіе остальной суммы недобора чрезвычайныхъ доходовъ (68.562,333 р.) предполагалось произвести въ 1893 году соотвѣтствующую кредитную операцію. Дѣйствительное же исполненіе росписи 1893 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ. *Обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ* по росписи исчислено къ поступленію 961.222,143 р., въ дѣйствительности же *поступило 1.045.685,471 р. 93 к.*, т. е. болѣе противъ росписи на 84.463,328 р. 93 к. Переборъ этотъ былъ послѣдствіемъ превышенія дѣйствительныхъ поступленій противъ смѣтнаго ожиданія по 28 статьямъ, при недоборѣ по 5 статьямъ. Превышеніе противъ смѣтнаго ожиданія оказалось по слѣдующимъ доходамъ: по таможенному доходу—31.019,036 р. 9 к.; по выкупнымъ платежамъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ 11.883,892 р. 7 к.; по выкупнымъ платежамъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ 9.550,077 р. 15 к.; по лѣсному доходу 5.039,538 р. 77 к.; по доходу отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ 3.956,883 р. 70 к.; по доходу отъ пошлинъ гербовыхъ, судебныхъ, канцелярскихъ и съ записи документовъ 3.600,396 р. 62 к.; по питейному доходу 3.440,161 р. 66 к.; по разнымъ мелкимъ и случайнымъ доходамъ 3.435,289 р.; по сбору съ торговли и промысловъ 2.742,871 р. 60 к.; по сбору съ переходящихъ имуществъ 2.715,093 р. 3 к.; по налогамъ поземельнымъ, съ недвижимыхъ имуществъ и податямъ 2.115.273 р. 44 к.; по табачному доходу 1.765,784 р. 50 к.; по сахарному доходу 1.684,836 р. 2 к.; по возврату ссудъ и другихъ расходовъ 1.009,054 р. 93 к. и др.

Обращаясь къ поступленіямъ обыкновенныхъ доходовъ за 10 лѣтъ, мы получимъ слѣдующую таблицу: въ 1884 г. обыкновенныхъ доходовъ поступило: 706.266,349; въ 1885 г. — 764.477,515; въ 1886 г.—770.546,090; въ 1887 г. — 829.661,423; въ 1888 г. — 898.531,925; въ 1889 г.—927.035,439; въ 1890 г.—943.685,770; въ 1891 г. — 894.263,392; въ 1892 г.—970.164,542; въ 1893 г. — 1.045.685,472.

Для вывода дѣйствительнаго размѣра возрастанія государственныхъ доходовъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, необходимо изъ поступленій 1885—1893 гг. выдѣлить доходы по выкупной операціи, а металлическія поступленія (въ томъ числѣ и серебромъ) въ счетъ росписей 1887 — 1893 гг. переложить въ кредитную валюту по однообразному курсу 1 р. 50 к. за 1 р. метал. Въ такомъ случаѣ движеніе государственныхъ доходовъ за истекшее десятилѣтіе представится въ слѣдующемъ видѣ:

Digitized by Google

		Безъ выкупныхъ платежей съ бывшихъ помѣщич. крестьянъ.	Со включеніемъ выкупныхъ платежей.
Въ 1884 г.	поступило	706.266,349	—
» 1885	»	712.556,482	764.477,515
» 1886	»	721.757,776	770.546,090
» 1887	»	774.806,083	818.091,517
» 1888	»	829.893,220	872.945,329
» 1889	»	867.717,105	910.131,609
» 1890	»	885.107,714	926.074,829
» 1891	»	848.334,460	883.185,404
» 1892	»	925.851,177	961.614,867
» 1893	»	983.080,729	1.025.883,144

Изъ этого сравненія видно, что за десять лѣтъ обыкновенные доходы, не считая выкупныхъ платежей, возрасли на 277 мил. руб. или 39% своей первоначальной величины. Наиболѣе видную роль (на 74½ мил. руб.) въ этомъ ростѣ играетъ доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, составлявшій въ 1884 г. 10,7 мил. руб., а теперь достигшій 85,1 мил. руб.; этотъ приростъ доходовъ поглощается однако сполна эксплуатаціонными расходами (около 46 мил. руб.) по желѣзнымъ дорогамъ, не состоявшимъ въ 1884 г. въ казенномъ управленіи, а также срочными платежами по облигаціоннымъ капиталамъ этихъ дорогъ и по правительственнымъ облигаціямъ, выпущеннымъ при выкупѣ ихъ, взамѣнъ акцій частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ (около 35 мил. руб.). Второе мѣсто въ указанномъ ростѣ государственныхъ доходовъ занимаетъ таможенный доходъ, доставившій излишекъ (считая по курсу 1 р. 50 к. кред. за 1 р. метал.) въ 47½ мил. руб., благодаря введенію въ дѣйствіе съ 1 іюля 1891 года новаго покровительственнаго тарифа.

Остальные, кромѣ таможеннаго, косвенные налоги (питейный, табачный, сахарный, нефтяной и спичечный) дали превышеніе противъ 1884 года каждый въ размѣрѣ отъ 6½ до 18 мил. руб., въ общей же совокупности 69 милл. р.; въ томъ числѣ 23 милл. руб. вслѣдствіе установленія двухъ новыхъ акцизовъ (нефтянаго и спичечнаго), а 46 милл. руб. вслѣдствіе возвышенія размѣровъ трехъ ранѣе существовавшихъ налоговъ. Далѣе, 19 милл. р. превышенія доставили сборы съ торговли и промысловъ, и столько же—пошлины (главнымъ образомъ гербовыя); 17 милл. р. прироста дали казенныя имущества и капиталы, кромѣ желѣзныхъ дорогъ (главнымъ образомъ—лѣсной доходъ); 13 милл. р. излишка образовалось отъ правительственныхъ регалій (главнымъ образомъ, по почтовому и телеграфному доходу) и столько же по сбору съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, впервые включенному въ отчетъ 1885 года. Въ частности, по отдѣльнымъ статьямъ государственныхъ доходовъ, представляется необходимымъ замѣтить слѣдующее:

Налоги поземельные, съ недвижимыхъ имуществъ, и подати поступили въ суммѣ 46.818,522 р., большей противъ предшествовавшаго года на 3.257,323 р., а противъ смѣты на 2.115,273 р. Превышеніе противъ 1892 года объясняется отчасти увеличеніемъ налога съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ на 858,000 р. и вклю-

Digitized by Google

ченіемъ въ роспись 1893 года кибиточнаго сбора съ калмыковъ (186,000); главнымъ же образомъ его слѣдуетъ приписать благопріятному вліянію, какое оказалъ на поступленіе окладныхъ платежей обильный урожай хлѣбовъ въ 1893 году. Что касается превышенія противъ смѣты, то наиболѣе значительную долю его (1.809,078 р.) доставилъ государственный поземельный налогъ, исчисленный по росписи въ цифрѣ на 300,000 р. меньшей противъ суммы годовыхъ окладовъ его; между тѣмъ по многимъ губерніямъ, даже сильно пострадавшимъ отъ неурожаевъ 1891 и 1892 гг. (тамбовской, самарской, симбирской, воронежской, саратовской и казанской), дѣйствительныя поступленія дали весьма значительное превышеніе противъ суммы окладовъ государственнаго поземельнаго налога (242 тыс. р. по тамбовской, 150 тыс. р. по самарской, 146 тыс. р. по симбирской, 135 тыс. р. по воронежской, 124 тыс. р. по саратовской, 93 тыс. р. по казанской).

Сбора съ торговли и промысловъ поступило 40.475,303 р., болѣе противъ предшествовавшаго года на 5.073,643 р. и противъ смѣты на 2.742,872 р. Превышеніе противъ 1892 года объясняется, главнымъ образомъ, дѣйствіемъ закона 21 декабя 1892 г., которымъ, во-первыхъ, увеличенъ процентный сборъ съ чистой прибыли предпріятій, подлежащихъ этому сбору (съ трехъ на пять процентовъ), и, во-вторыхъ, введенъ особый добавочный сборъ въ 1 милл. рублей къ дополнительному раскладочному съ гильдейскихъ предпріятій и дополнительный раскладочный въ 700,000 руб. съ фабрикъ и заводовъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ и обложенныхъ акцизными сборами. Превышеніе же противъ смѣты объясняется усилившеюся еще съ конца 1892 года выборкою торговыхъ документовъ.

Сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ поступилъ въ цифрѣ 13.202,732 р., превысившей поступленіе предшествовавшаго года на 822,228 р. и смѣтное назначеніе на 687,732 р., главнымъ образомъ, вслѣдствіе реализаціи новыхъ государственныхъ займовъ, а также вслѣдствіе увеличенія въ обращеніи количества процентныхъ бумагъ, выпущенныхъ частными обществами.

Питейнаго дохода поступило 260.833,883 р. противъ предшествовавшаго года менѣе на 8 212,324 р., а противъ смѣты болѣе на 3.440,162 руб. Самое потребленіе спирта въ 1893 году даже нѣсколько увеличилось противъ непосредственно предшествовавшихъ ему лѣтъ, а потому недоборъ противъ 1892 года не можетъ быть приписанъ сокращенію потребленія вина и объясняется заблаговременною оплатою заводчиками (въ ноябрѣ 1892 года) большей части наличныхъ запасовъ спирта въ виду ожидавшагося тогда (и послѣдовавшаго съ 1 декабря) возвышенія акциза съ $9^1/_4$ до 10 к. съ градуса чистаго спирта. Общая сумма такихъ досрочныхъ взносовъ, составляющихъ собственно принадлежность 1893 года, простиралась до 15 милл. руб., съ присоединеніемъ которыхъ къ поступившимъ въ отчетномъ году 260,8 милл. руб., общая цифра питейнаго за тотъ годъ дохода опредѣлится въ 275,8 милл. руб., противъ дохода предшествующаго года болѣе на 6,9 милл. руб. Превышеніе же противъ смѣты (на 1,3%) объясняется неизбѣжной не-

Digitized by Google

точностью смѣтныхъ исчисленій при опредѣленіи вѣроятнаго поступленія неокладныхъ сборовъ.

Табачный доходъ поступилъ въ суммѣ 31.808,886 р., большей противъ предшествовавшаго года на 2.329,122 р. и противъ смѣты на 1.765,784 р. Превышеніе противъ 1892 года объясняется введеніемъ, на основаніи высочайше утвержденнаго 14 декабря 1892 года мнѣнія государственнаго совѣта, двухрублеваго дополнительнаго сбора съ табаковъ высшихъ сортовъ (кромѣ махорки) и повышеніемъ на 50%, на основаніи того же закона, существовавшаго ранѣе патентнаго сбора съ табачной торговли, а превышеніе противъ смѣты объясняется осторожностью смѣтнаго исчисленія.

Сахарнаго дохода поступило 30.340,336 р., болѣе противъ предшествовавшаго года на 2.637,700 р. и противъ смѣты на 1.684,836 р. Превышеніе противъ 1892 года объясняется введеніемъ съ 1 сентября 1892 г. дополнительнаго акциза съ рафинада въ размѣрѣ 40 к. съ пуда.

Нефтянаго дохода поступило 16.369,215 р., болѣе противъ предшествовавшаго года на 3.440,020 р., а противъ смѣты на 328,215 р. Превышеніе противъ 1892 года объясняется состоявшимся, на основаніи высочайше утвержденнаго 1 декабря 1892 года мнѣнія государственнаго совѣта, увеличеніемъ акциза съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ на 20 к. съ пуда.

Спичечный доходъ поступилъ въ суммѣ 6.585,630 р., противъ предшествовавшаго года болѣе на 1.422,609 р., а противъ смѣты менѣе на 932,370 р. Превышеніе противъ 1892 г. объясняется взиманіемъ удвоеннаго акциза съ фосфорныхъ спичекъ, на основаніи высочайше утвержденнаго 16 ноября 1892 г. мнѣнія государственнаго совѣта; а недоборъ противъ смѣты объясняется тѣмъ, что дѣйствительное сокращеніе (на 40%) производства фосфорныхъ спичекъ подъ вліяніемъ удвоеннаго акциза оказалось болѣе значительнымъ, чѣмъ предполагалось при опредѣленіи цифры смѣтнаго назначенія.

Таможеннаго дохода поступило 165.989,036 р., противъ предшествовавшаго года (если металлическія поступленія 1892 г. привести къ однообразному съ росписью 1893 г. курсу) болѣе на 27.465,118 р. и противъ смѣты болѣе на 31.019,036 р. Превышеніе объясняется сильнымъ возрастаніемъ привоза иностранныхъ товаровъ по европейской границѣ, достигшаго въ 1893 году цифры 422.000,000 р., превосходящей своимъ размѣромъ ежегодный привозъ иностранныхъ товаровъ ближайшаго девятилѣтія. Явленіе это обусловливается, главнымъ образомъ, общимъ оживленіемъ нашей торговли и промышленности въ связи съ обильнымъ урожаемъ отчетнаго года. Въ частности, какъ на второстепенныя причины, способствовавшія увеличенію обращенія на нашихъ рынкахъ иностранныхъ товаровъ, можно указать: на пониженіе таможенныхъ пошлинъ для произведеній Франціи въ силу заключенной съ нею торговой конвенціи 5 іюня 1893 года; на усиленный наплывъ товаровъ изъ Германіи въ теченіе мая, іюня и іюля, передъ воспослѣдованіемъ временнаго распоряженія о введеніи особо-повышеннаго тарифа на произведенія германской почвы и промышленности и, наконецъ, на

Digitized by Google

увеличеніе спроса на заграничные предметы желѣзнодорожнаго строительства вслѣдствіе приступа къ сооруженію новыхъ линій.

Пошлины гербовыя, судебныя, канцелярскія и съ записи документовъ поступили въ суммѣ 27.913,641 р., большей противъ предшествовавшаго года на 1.248,195 р., а противъ смѣты на 3.600,397 р. Превышеніе противъ 1892 года объясняется, главнымъ образомъ, естественнымъ ростомъ доходовъ отъ гербоваго сбора, въ связи съ постепеннымъ развитіемъ оплачиваемыхъ имъ сдѣлокъ и договоровъ; а превышеніе противъ ожиданія по росписи объясняется приблизительностью смѣтнаго исчисленія.

Пошлинъ съ переходящихъ имуществъ поступило 17.841,093 р., болѣе противъ предшествовавшаго года на 380,381 и противъ росписи—на 2.715,093 р. Столь значительное превышеніе дѣйствительнаго поступленія надъ смѣтнымъ ожиданіемъ относится преимущественно (въ суммѣ 2.249,922 р.) къ крѣпостнымъ пошлинамъ и можетъ быть отчасти приписано: во 1-хъ, распространенію на прибалтійскія и привислянскія губерніи обязательнаго взноса пошлинъ при самомъ совершеніи крѣпостныхъ сдѣлокъ, а не впослѣдствіи (нерѣдко долгое время спустя) при совершеніи ипотечныхъ формальностей (законъ 8 іюня 1893 года), и во 2-хъ, примѣненію законныхъ оцѣнокъ для взиманія пошлинъ при продажѣ недвижимыхъ имуществъ съ публичныхъ торговъ въ тѣхъ случаяхъ, когда состоявшіяся на торгахъ продажныя цѣны ниже названныхъ оцѣнокъ (законъ 14 мая 1893 года); главнымъ же образомъ, переборъ долженъ быть объясненъ не поддающимся исчисленію колебаніемъ въ количествѣ и цѣнности крѣпостныхъ сдѣлокъ.

Сбора съ паспортовъ поступило 4.544,097 р., болѣе предшествовавшаго года на 132,112 р., а противъ росписи на 844,097 р. Значительное превышеніе дѣйствительнаго поступленія надъ цифрою смѣтнаго ожиданія объясняется слишкомъ осторожнымъ исчисленіемъ его (на 655,393 р. ниже поступленія этого сбора въ 1891 году).

Сбора съ пассажировъ и грузовъ большой скорости, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ, поступило 8.608,618 р., менѣе противъ предшествовавшаго года на 457,255 р. и противъ росписи на 191,382 р. Недоборъ объясняется несвоевременнок передачею въ казну поступившихъ суммъ сбора, котораго собственно за 1893 годъ осталось въ недоимкѣ за желѣзными дорогами 2.306,654 р.; всего же выручено этого сбора и подлежало сдачѣ въ казну за отчетный годъ 9.528,045 р.

Сборъ съ застрахованныхъ отъ огня имуществъ поступилъ въ суммѣ 4.338,808 р., болѣе противъ предшествовавшаго года на 90,993 р. и противъ смѣты на 258,808 р., вслѣдствіе непрерывнаго развитія страховаго дѣла.

Пошлинъ разныхъ наименованій поступило 5.533,960 р., болѣе противъ предшествовавшаго года на 841,961 р., а противъ смѣты—на 273,754 р. Въ составъ этихъ пошлинъ входятъ вычеты съ состоящихъ на государственной службѣ лицъ на составленіе пенсіоннаго капитала, въ суммѣ 613,276 р.; независимо отъ этой суммы, при самомъ составленіи смѣтъ и ассигнованіи кредитовъ на содержаніе личнаго состава, въ рессурсахъ государственнаго казначей-

Digitized by Google

ства было удержано 1.671,194 р., такъ что общій итогъ вычетовъ на составленіе пенсіоннаго капитала достигъ въ 1893 году цифры 2.284,470 р.

Горный доходъ поступилъ въ суммѣ 3.797,256 р., болѣе противъ предшествовавшаго года на 399,670 р. (считая по однообразному курсу 1 р. зол.=1 р. 70 к. и 1 р. сер.=1 р. 19 к. кр.), а противъ смѣты на 513,934 р., главнымъ образомъ вслѣдствіе возрастанія добычи золота на пріискахъ олекминскаго и амурскаго округовъ.

Монетнаго дохода поступило 931,090 р., противъ смѣты болѣе на 304,698 р. Превышеніе объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что при перечеканкѣ истертой и проколотой размѣнной монеты (на сумму 2.628,000 р.) получено до 206½ п. прибыли серебра, вслѣдствіе болѣе высокой пробы (72) размѣнной монеты старыхъ чекановъ сравнительно съ монетой новыхъ чекановъ (48 пробы).

Почтовый доходъ поступилъ въ суммѣ 22.928,064 р., на 250,664 р. болѣе противъ смѣты, а *телеграфный и телефонный* въ суммѣ 12.368,808 р., на 418,808 р. болѣе противъ смѣты; противъ предшествовавшаго года почтовый доходъ далъ излишекъ въ 1.036,053 р., а телеграфный и телефонный—въ 493,985 р., вслѣдствіе непрерывнаго развитія почтово-телеграфнаго дѣла.

Оброчныя статьи и промыслы доставили 14.564,672 р. дохода, болѣе противъ предшествовавшаго года на 1.011,257 р. и противъ росписи на 917,390 р. Превышеніе объясняется вліяніемъ обильнаго урожая хлѣбовъ въ 1893 году, особенно въ самарской губерніи, гдѣ сосредоточена главная масса оброчныхъ статей вѣдомства бывшаго департамента земледѣлія и сельской промышленности.

Лѣсной доходъ поступилъ въ суммѣ 21.756,219 р., болѣе противъ предшествовавшаго года на 2.986,861 р., а противъ росписи на 5.039,539 р. Значительное увеличеніе лѣснаго дохода за послѣдніе два года является слѣдствіемъ, съ одной стороны, увеличенія отпуска лѣсныхъ матеріаловъ изъ казенныхъ дачъ путемъ продажи на общихъ основаніяхъ, а съ другой, возрастанія продажныхъ цѣнъ; оно не можетъ быть объяснено усиленіемъ вывоза лѣса за границу, ибо таможенными отчетами не удостовѣряется непрерывный ростъ вывоза (въ 1890 году на 54 милл. р., въ 1891 г. на 43½ милл. р., въ 1892 г. на 49 милл. р., въ 1893 г. на 40½ милл. р.), и должно быть приписано скорѣе всего постепенному распространенію на частные лѣса дѣйствія закона 4 апрѣля 1888 года о сбереженіи лѣсовъ (въ 1890 г. дѣйствіе его въ полномъ объемѣ было распространено на 18,6 милл. десят. лѣсной площади, а въ 1893 г. на 29,6 милл. дес.).

Казенныя желѣзныя дороги дали въ 1893 году 85.145,884 р. валоваго дохода, болѣе противъ предшествовавшаго года на 10.738,227 р. и противъ росписи на 3.956,884 р. Превышеніе противъ 1892 года объясняется главнѣйшимъ образомъ включеніемъ въ роспись отчетнаго года оборотовъ вновь выкупленныхъ казною варшавско-тереспольской и орловско-грязской желѣзныхъ дорогъ, а превышеніе противъ смѣты—сильнымъ развитіемъ грузоваго движенія по желѣзнымъ дорогамъ въ зависимости отъ обильнаго урожая хлѣ-

Digitized by Google

бовъ въ 1893 году. Указанная выше цифра 85,145,884 р. представляетъ собою лишь суммы, сданныя въ доходъ казны частью изъ выручки 1893 года, частью изъ выручки предшествовавшихъ лѣтъ; собственно же выручка за 1893 годъ, со включеніемъ части ея, остающейся еще не перечисленною изъ депозитовъ, достигла въ 1893 году цифры 97.212,429 р. 4 к. по дорогамъ, включеннымъ въ государственную роспись, и 21.680,593 р. 4 к. по дорогамъ, въ росписи 1893 года не показаннымъ и производившимъ эксплуатаціонные расходы непосредственно изъ выручки.

Казенные заводы, техническія заведенія и склады доставили государственному казначейству 10.049,188 р., болѣе противъ предшествовавшаго года на 388,958 р. и противъ смѣтъ на 560,112 р., главнымъ образомъ, вслѣдствіе успѣшной распродажи желѣза уральскихъ горныхъ заводовъ на нижегородской ярмаркѣ.

Отъ принадлежащихъ казнѣ ***капиталовъ и отъ банковыхъ операцій*** поступило 6.800,405 р., менѣе противъ предшествовавшаго года на 15.431,733 р. и противъ росписи на 3.980,354 р. Недоборъ противъ 1892 года объясняется поступленіемъ въ этомъ году коммерческихъ прибылей государственнаго банка за два года (за 1890 г.—4.869,368 р. и за 1891 г. 10.000,000 р.), тогда какъ въ 1893 г. поступили прибыли лишь за одинъ 1892 годъ, да и то не въ полной суммѣ, а за отчисленіемъ изъ общей суммы (5.584,775 р.) большей части (3.122,617 р.) на покрытіе банковыхъ долговъ и мелкихъ убытковъ прежнихъ лѣтъ. Послѣднею причиною объясняется и недоборъ въ поступленіи этого дохода противъ государственной росписи.

Прибыли отъ участія казны въ доходахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ поступили въ суммѣ 4.160,556 р., противъ предшествовавшаго года—менѣе на 344,330 р., а противъ росписи—болѣе на 488,456 р. Недоборъ противъ 1892 года объясняется, главнымъ образомъ, уменьшеніемъ доходности николаевской дороги, вслѣдствіе значительныхъ затратъ изъ эксплуатаціонныхъ средствъ ея на пріобрѣтеніе новыхъ паровозовъ; а превышеніе противъ росписи—лучшими, чѣмъ предполагалось, результатами эксплуатаціи николаевской, лодзинской, московско-курской и московско-ярославской дорогъ.

Доходъ отъ продажи недвижимыхъ имуществъ поступилъ въ суммѣ 866,253 р., противъ предшествовавшаго года менѣе на 242,884 р., а противъ росписи болѣе на 38,533 р.

Выкупные платежи поступили въ суммѣ 98.994,480 р., болѣе противъ предшествовавшаго года на 21.906,206 р. и противъ смѣты на 21.994,480 р. Превышеніе противъ 1892 года объясняется, съ одной стороны, успѣшнымъ поступленіемъ выкупныхъ платежей въ связи съ обильнымъ урожаемъ отчетнаго года, превысившимъ (по вычисленіямъ центральнаго статистическаго комитета) на 20% даже урожай 1888 года, наилучшій въ ряду предшествовавшаго пятилѣтія; а съ другой, значительнымъ недоборомъ выкупныхъ платежей въ 1892 году, вслѣдствіе недорода хлѣбовъ въ этомъ году и предшествовавшаго ему полнаго неурожая 1891 года, которымъ значительно были ослаблены податныя силы населенія въ 19-ти гу-

Digitized by Google

берніяхъ. Что касается превышенія противъ росписи, то для правильной оцѣнки этого явленія необходимо имѣть въ виду, что смѣтное ожиданіе поступленій по выкупнымъ платежамъ было исчислено въ суммѣ меньшей противъ итога годовыхъ окладовъ этихъ платежей на 21.795,535 р., по соображенію съ разстройствомъ крестьянскаго хозяйства. Вслѣдствіе этого, занесенная въ государственную роспись на 1893 годъ цифра почти совпадала съ цифрою дѣйствительнаго поступленія выкупныхъ платежей въ тяжеломъ 1892 году, но съ другой стороны оказалось далеко ниже дѣйствительнаго поступленія ихъ въ отчетномъ году, которое въ общемъ даже превысило, хотя и незначительно, сумму годовыхъ окладовъ.

Тѣмъ не менѣе, общее процентное отношеніе состоявшихъ къ концу отчетнаго года недоимокъ къ общей суммѣ годовыхъ окладовъ осталось тоже, что и къ началу года (94% къ 1 января 1894 года и 94% къ 1 января 1893 года), тогда какъ въ частности по губерніямъ и областямъ въ этого рода отношеніяхъ произошли довольно рѣзкія измѣненія, частію въ сторону уменьшенія, а частію въ сторону увеличенія, какъ это видно, между прочимъ, изъ нижеслѣдующей таблицы, въ которой приведены данныя о размѣрѣ выкупныхъ недоимокъ по 19 губерніямъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ неурожаевъ въ 1891 и 1892 гг. Вліяніе хорошаго урожая 1893 г. сказалось во многихъ губерніяхъ, особенно въ тамбовской, херсонской и курской, значительнымъ уменьшеніемъ недоимокъ, а въ бессарабской почти полнымъ ихъ исчезновеніемъ; напротивъ того, по губерніямъ самарской, оренбургской, казанской, нижегородской, симбирской, пензенской. воронежской, тульской и пермской, по которымъ размѣръ недоимокъ болѣе или менѣе увеличился, не смотря на урожай 1893 года, очевидно, не могли еще вполнѣ оправиться платежныя силы населенія, потрясенныя недородами двухъ предшествовавшихъ лѣтъ. Къ числу особенно пострадавшихъ слѣдуетъ отнести губерніи, по которымъ недоимки въ нѣсколько разъ превышаютъ размѣръ годовыхъ окладовъ, а именно: оренбургскую, гдѣ онѣ превзошли четверной окладъ, самарскую, уфимскую и казанскую—гдѣ онѣ превышаютъ тройной окладъ, симбирскую, пензенскую и нижегородскую съ недоимкой, превышающей два оклада.

Обязательные платежи желѣзнодорожныхъ обществъ поступили въ суммѣ 30.361,423 р., менѣе противъ предшествовавшаго года на 1.828,327 р. и противъ росписи на 358,604 р.

Въ возвратъ ссудъ и другихъ расходовъ поступило 23.177,781 р., болѣе противъ предшествовавшаго года на 1.770,691 р. и противъ смѣты на 1.009,055 р., главнымъ образомъ, вслѣдствіе зачисленія въ доходъ казны 1.400,000 р., поступившихъ въ возвратъ продовольственныхъ ссудъ и впослѣдствіи возвращенныхъ общему по имперіи продовольственному капиталу, на основаніи высочайшаго повелѣнія 22 октября 1893 года.

Пособій государственному казначейству изъ постороннихъ источниковъ поступило 18.730,779 р., противъ предшествовавшаго года болѣе на 1.574,425 р., а противъ росписи менѣе на 477,862 р. Превышеніе противъ предшествовавшаго года объясняется увеличеніемъ размѣра расходовъ, подлежащихъ возмѣщенію изъ земскихъ,

Digitized by Google

городскихъ и другихъ источниковъ; а недоборъ противъ окладовъ (росписи)—главнымъ образомъ, оскудѣніемъ земскихъ кассъ, вслѣдствіе уменьшенія податныхъ силъ населенія послѣ неурожаевъ 1891 и 1892 годовъ. На 1 января 1894 года общая суммма недоимокъ пособій государственному казначейству достигла 11,88 милл. руб., составивъ около 60% годоваго оклада; въ частности же недоимки пособій изъ земскихъ сборовъ составляли 3,38 милл. руб. или 46% оклада, недоимки пособій отъ городовъ 3,13 милл. руб. или 55% оклада и недоимки пособій изъ спеціальныхъ средствъ 2,98 милл. руб. или 125% годоваго оклада.

Доходовъ разнаго рода (штрафовъ и взысканій, недоимокъ по отмѣненнымъ сборамъ, поступленій отъ выморочныхъ имуществъ и отъ продажи негоднаго и ненужнаго движимаго имущества и пр.) поступило 9.848,854 р., противъ смѣты болѣе на 3.435,289 р., главнымъ образомъ, вслѣдствіе зачисленія въ казну значительнаго количества судебныхъ депозитовъ и тарифныхъ переборовъ по истеченіи установленнаго срока ихъ храненія, а также вслѣдствіе поступленія значительной суммы штрафовъ и взысканій.

По росписи 1893 года исчислено было *чрезвычайныхъ доходовъ только 10.673,909 р.*, а именно: военнаго вознагражденія 3.536,335 р., вкладовъ въ государственный банкъ на вѣчное время 1.200,000 р. и спеціальныхъ капиталовъ, обращаемыхъ въ общія средства государственнаго казначейства—5.937,574 р.; сверхъ того, для уравновѣшенія бюджета, предположено было прибѣгнуть къ кредитнымъ операціямъ на сумму 68.562,333 р. Въ дѣйствительности чрезвычайныхъ рессурсовъ поступило 174.374,762 р., болѣе на 95.138,520 р.

Переходя теперь къ обыкновеннымъ государственнымъ расходамъ, мы видимъ, что по росписи 1893 г. ассигновано на *обыкновенные расходы 947.690,385 р.* Къ этой суммѣ причислены: а) 3.574,176 р. 96 к., составившіе превышеніе расходовъ противъ смѣтнаго назначенія при сведеніи счетовъ по исполненію смѣты системы государственнаго кредита; б) 2.648,483 р., ассигнованные сверхсмѣтнымъ кредитомъ на покрытіе перерасходовъ по эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, и в) 4,262,050 р. 78 к., ассигнованные на счетъ суммъ, подлежавшихъ отпуску по смѣтамъ 1888—1892 гг.

Такимъ образомъ, *общая сумма обыкновенныхъ расходовъ*, предстоявшихъ къ выполненію по росписи 1893 г., составила *958.175,095 р. 74 к.*, а за исключеніемъ изъ нихъ 6.690,000 р. 97 к., переведенныхъ на чрезвычайные расходы, и за прибавленіемъ 1.105,150 р., переведенныхъ въ обыкновенный бюджетъ изъ чрезвычайнаго,—*952.590,244 р. 77 к.*

Затѣмъ исполненіе росписи обыкновенныхъ расходовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Дѣйствительно израсходовано:

а) въ теченіе 1893 г.	817.768,325 р.	96 к.
и б) въ 1894 г. (въ теченіе льготнаго срока)	32.498,793 р.	73 к.
продолжено кредитовъ	79.786,862 р.	1 к.
и предстоитъ къ отпуску по кредиторскимъ спискамъ	16.901,035 р.	23 к.
Итого	946.955,016 р.	93 к.

Digitized by Google

Оставшіеся затѣмъ свободными отъ расходовъ кредиты на 5.635,227 р. 84 к. закрыты. Сравненіе исчисленной по росписи 1893 г. суммы обыкновенныхъ расходовъ съ суммами, внесенными въ росписи предшествовавшихъ 9-ти лѣтъ (1884—1892 гг.) приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

	Назначено:	Противъ предшествовавшаго года болѣе на:
по росписи 1884 г.	727.336,286 р.	12.499,213 р.
» 1885 »	789.294,696 »	61.958,410 »
» 1886 »	819.305,492 »	30.010,796 »
» 1887 »	832.927,478 »	13.621,986 »
» 1888 »	853.832,010 »	20.904,532 »
» 1889 »	860.954,828 »	7.122,818 »
» 1890 »	890.050,539 »	29.095,711 »
» 1891 »	898.889,021 »	8.838,482 »
» 1892 »	911.668,066 »	12.779,045 »
» 1893 »	947.690,385 »	36.022,319 »

Повышеніе смѣтныхъ назначеній 1893 г. противъ 1892 г. въ общей суммѣ на 36.022,319 р., произошло: а) отъ увеличенія кредитовъ по смѣтамъ: системы государственнаго кредита на 10.816,342 р., министерствъ: финансовъ на 9.248,892 р., путей сообщенія на 7.147.763 р., военнаго на 4.029,898 р., морскаго на 2.010,570 р., внутреннихъ дѣлъ на 1.439,321 р., государственныхъ имуществъ на 933,830 р., юстиціи на 736,388 р., народнаго просвѣщенія на 542,170 р., иностранныхъ дѣлъ на 477,497 р., вѣдомства святѣйшаго синода на 407,545 р., государственнаго контроля на 181,881 р., главнаго управленія государственнаго коннозаводства на 41,468 р., высшихъ государственныхъ учрежденій на 8,754 р., и особаго фонда на непредвидѣнныя смѣтами экстренныя въ теченіе года надобности на 4.000,000 р.; и б) отъ уменьшенія фонда на покрытіе издержекъ военнаго вѣдомства, вызываемыхъ возвышеніемъ цѣнъ на провіантъ и фуражъ, на 6.000,000 р.

Итогъ дѣйствительно произведенныхъ расходовъ, продолженныхъ кредитовъ и подлежащихъ отпуску суммъ обыкновенныхъ расходовъ (946.955,016 р. 93 к.), по сравненію съ итогомъ кредитовъ, ассигнованныхъ по росписи на 1893 г. (947.690,385 р.), представляетъ уменьшеніе на 735,368 р. 7 к. Если же, при сопоставленіи между собою предположеній росписи и отнесенныхъ на нее расходовъ, исключить изъ разсчета внесенные въ нее для усиленія смѣтныхъ кредитовъ фонды: 10.000,000 р. на экстренныя въ теченіе года надобности и 6.000,000 р. на случай возвышенія цѣнъ на фуражъ и провіантъ, то получится возвышеніе расходовъ противъ предположеній росписи на 14.243,463 р. 75 к.

Этотъ результатъ составляетъ послѣдствіе увеличенія расходовъ по однѣмъ смѣтамъ на 14.618,526 р. 78 к. и уменьшенія ихъ по другимъ на 375,063 р. 3 к.

Увеличеніе расходовъ выразилось по отдѣльнымъ вѣдомствамъ въ слѣдующихъ цифрахъ:

Digitized by Google

по министерству путей сообщенія	4.755,554	р.	41 к.
» военному	3.375,341	»	18 »
» системѣ государственнаго кредита	2.577,540	»	83 »
» министерству финансовъ	1.764,263	»	54 »
» » внутреннихъ дѣлъ	880,253	»	47 »
» морскому министерству	494,044	»	96 »
» вѣдомству святѣйшаго синода	422,455	»	4 »
» министерству юстиціи	197,049	»	30 »
» высшимъ государственнымъ учрежденіямъ	125,186	»	7 »
» государственному контролю	26,837	»	98 »
Итого	14.618,526	р.	78 к.

Уменьшеніе же расходовъ послѣдовало по смѣтамъ:

министерства государственныхъ имуществъ	165,564	р.	9 к.
министерства иностранныхъ дѣлъ	165,141	»	32 »
министерства императорскаго двора	37,731	»	79 »
главнаго управленія государствен. коннозаводства	5,145	»	92 »
министерства народнаго просвѣщенія	1,479	»	91 »
Итого	375,063	р.	3 к.

Дѣйствительно израсходовано въ теченіе 9 лѣтъ: въ 1884 г.— 727.902,675 р., въ 1885 г. — 806.614,346 р., въ 1886 г. — 832.391,851 р., въ 1887 г. — 835.849,860 р., въ 1888 г. — 840.419,494 р., въ 1889 г.—857.881,126 р., въ 1890 г.—877.779,550 р., въ 1891 г.—875.348,831 р., въ 1892 г.—910.684,299 р., въ 1893 г.— 946.955,017 р.

При сопоставленіи указанныхъ въ вышеприведенной вѣдомости цифръ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что значительное увеличеніе расходовъ въ теченіе послѣднихъ девяти лѣтъ (1885—1893 гг.) послѣдовало главнымъ образомъ: отъ сліянія въ 1885 г. оборотовъ выкупной операціи съ прочими оборотами государственнаго казначейства и отъ включенія въ росписи, начиная съ 1887 г., оборотовъ по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій, а также отъ переложенія съ того же года металлическихъ расходовъ въ кредитные по болѣе низкому противъ прежнихъ лѣтъ курсу кредитнаго рубля. Кромѣ того, къ росписямъ 1889 и 1890 гг. были причислены, согласно высочайше утвержденнымъ 12 іюня 1890 г. и 22 января 1891 г. мнѣніямъ государственнаго совѣта, авансовые расходы, произведенные въ 1888 г. для удовлетворенія потребностей будущихъ лѣтъ.

Расходы 1893 г., сравнительно съ расходами 1892 г., по однимъ вѣдомствамъ увеличились на сумму 30.799,916 р., а по другимъ сократились на 643,947 р., такъ что въ окончательномъ выводѣ получается увеличеніе на 30.155,969 р.

Наиболѣе значительное по цифрѣ *повышеніе расходовъ* оказалось по смѣтамъ министерствъ: финансовъ, путей сообщенія, морскаго, государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія, а также по смѣтамъ системы государственнаго кредита и вѣдомства святѣйшаго синода.

Digitized by Google

Уменьшеніе расходовъ въ 1893 г. противъ 1892 г. въ болѣе значительномъ размѣрѣ оказалось по высшимъ государственнымъ учрежденіямъ (на 624,584 р.) главнымъ образомъ вслѣдствіе уменьшенія ассигнованій на единовременные, не предусмотрѣнные смѣтами, расходы.

Разсмотрѣніе государственной росписи 1893 года въ государственномъ и народно-хозяйственномъ отношеніи мы отлагаемъ до слѣдующаго обозрѣнія.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Процессъ Е. Л. Маркова въ петербургской судебной палатѣ.—Обидчивый слѣдователь, безнаказанно обижающій подсудимыхъ.—Возрожденіе *Гамлета щигровскаго уѣзда*.—«Сажать или не сажать»?—Тяжелое положеніе печати при исполненіи ею первѣйшихъ гражданскихъ обязанностей. — Сенатъ, приходящій къ ней на защиту. — Мнѣніе князя В. Ѳ. Одоевскаго о заслугахъ русской прессы.

I.

Конецъ прошлаго года ознаменовался у насъ нѣсколькими процессами, чрезвычайно характерными и поучительными съ разныхъ точекъ зрѣнія. Дѣло о крушеніи парохода «Владиміръ» обнаружило такую бездну пароходнаго неряшества и преступнаго нераченія о судьбѣ пассажировъ, что многіе благоразумные россіяне, пожалуй, предпочтутъ теперь тянуть бичеву вмѣстѣ съ бурлаками по берегамъ нашихъ судоходныхъ рѣкъ, чѣмъ рисковать путешествіемъ на утлыхъ ладьяхъ нашихъ пароходныхъ обществъ. Продѣлки цѣлаго организованнаго скопища жидовъ-контробандистовъ,—продѣлки, совершавшіяся систематически въ теченіе нѣсколько лѣтъ чуть не au clair du jour, — показали до-нельзя вразумительно, что въ то время какъ «таможенные чины» охотились съ ревностью не по разуму за «скрытымъ оружіемъ» (по просту, за палками-стилетами, которыми забавляются всѣ парижскіе школьники, безъ всякаго опасенія со стороны ихъ родителей и опекуновъ) да за лишней дюжиной перчатокъ въ скромномъ багажѣ путешественника, — подъ носомъ у нихъ провозились безданно-безпошлинно такіе фабрикаты, которые если и не нарушали общественной безопасности, подобно ужасной трости съ внутреннимъ кинжаломъ, то во всякомъ случаѣ больше дюжины перчатокъ нарушили «казенный интересъ»...

Digitized by Google

Но еще поучительнѣе, еще любопытнѣе по своему широкому общественному значенію оказался только что отшумѣвшій искъ въ диффамаціи, вчиненный знаменитымъ отнынѣ судебнымъ слѣдователемъ Родиславскимъ—извѣстному литератору и публицисту Е. Л. Маркову.

Фабула этого процесса очень проста, даже грубо-неряшлива, и нужно было черезчуръ много самонадѣянности со стороны обидчиваго слѣдователя, чтобы наклйкать на почтеннаго писателя «судебныхъ скорпіоновъ», а, въ концѣ концовъ,—пострадать отъ нихъ самому. Дѣйствіе происходитъ въ щигровскомъ уѣздѣ курской губерніи,—въ томъ самомъ уѣздѣ, гдѣ нѣкогда жилъ и томился неразрѣшимыми внутренними сомнѣніями пресловутый тургеневскій Гамлетъ. Но времена переходчивы, а люди перемѣнчивы, и если старый щигровскій Гамлетъ бился надъ рѣшеніемъ отвлеченнаго вопроса: «быть или быть»? то новый Гамлетъ того же уѣзда гораздо быстрѣе разрѣшилъ совершенно конкретный и близко касающійся человѣческой шкуры вопросъ: «сажать или не сажать въ кутузку», по первому абцугу, заподозрѣннаго въ уголовщинѣ обывателя? Онъ взялъ да и посадилъ, безъ долгихъ размышленій, подъ замокъ одного изъ мѣстныхъ «нотаблей», обвинивъ его, при отсутствіи всякихъ серьезныхъ основаній, въ поджогѣ собственной риги наканунѣ уборки хлѣба (!) руководствуясь только показаніями какихъ-то случайно набранныхъ свидѣтелей да извѣтами прогнаннаго прикащика, явно мстившаго своему прежнему хозяину.

Любопытная черта: шесть мѣсяцевъ щигровскій Гамлетъ судебнаго вѣдомства оставляетъ на свободѣ заподозрѣннаго въ поджогѣ своей собственной риги; шесть мѣсяцевъ колеблется въ принятіи противъ «преступника» рѣшительныхъ мѣръ. Сажать или не сажать въ кутузку?—«вотъ въ чемъ вопросъ». И вдругъ, черезъ полгода, когда ни въ ходѣ слѣдствія, ни въ поведеніи обвиняемаго не оказалось никакихъ новыхъ сомнительныхъ данныхъ, нашего Гамлета осѣнило тревожное сомнѣніе. Надо посадить, посадить въ тюремный замокъ! а для этого надо арестовать человѣка среди глубокой ночи, забывая, что никуда бѣжать онъ не собирается, что онъ принадлежитъ къ порядочному обществу и былъ много разъ избираемъ на почетныя должности своими согражданами, и что самая вина его—крайне проблематична. Посадить—такъ посадить, и вотъ бывшій земскій гласный, членъ управы, почетный смотритель мѣстнаго уѣзднаго училища, по мановенію волшебнаго слѣдовательскаго жезла, очутился чуть ли не въ общей камерѣ съ завѣдомыми ворами и мошенниками, съ отпѣтыми рецидивистами!

Чтобы оправдать сколько нибудь такую крутую мѣру, называемую въ законѣ «пресѣченіемъ способовъ уклоняться отъ

правосудія», судебному слѣдователю понадобились повести все предварительное слѣдствіе въ направленіи, не соотвѣтствующемъ дѣйствительности. Просьба обвиняемаго объ опросѣ его сосѣдей, объ измѣреніи риги и оцѣнкѣ застрахованнаго имущества экспертами—безцеремонно оставляется внѣ всякаго вниманія, а на сцену выступаетъ какая-то липкая грязь туземныхъ сплетень, долженствующая разыгрывать роль «общественнаго мнѣнія» и «гласа народа». Далѣе, для приданія какой нибудь вѣроятности ничѣмъ не доказанному предположенію о поджогѣ, необходимо оцѣнить знаменитую ригу дешевле, чѣмъ она застрахована (чтобы соблазнъ преступленія становился неотразимѣе!), а чтобы оцѣнить дешевле, необходимо убавить, елико возможно, ея размѣры, съ нарушеніемъ, при этомъ, всѣхъ требуемыхъ закономъ условій для осмотра сгорѣвшихъ зданій. И вотъ является «воображаемая» длина риги—на 20 аршинъ меньше настоящей; устанавливается оцѣнка риги мимо бредущими людьми вчетверо ниже дѣйствительной; является опять таки воображаемое страхованіе риги на одинъ годъ вмѣсто шести; наконецъ, фигурируетъ такая же вѣрная оцѣнка земельной собственности обвиняемаго (въ дѣйствительности, владѣльца 1,000 десятинъ) и его якобы долговъ. Упускается изъ виду даже то примитивное соображеніе, что мнимый поджигатель поджигалъ бы ригу не для собственной корысти, а pour les beaux yeux дворянскаго банка, который бы и заполучилъ въ свою пользу страховую премію.

Въ довершеніе всѣхъ прелестей этого образцоваго предварительнаго слѣдствія, на судебномъ разбирательствѣ почти всѣ свидѣтели показали не то, что записано отъ ихъ имени въ протоколахъ слѣдователя. Юридическая безсодержательность, приказная казуистика и фактическая вопіющая невѣрность предварительнаго слѣдствія, слава богу, выплыли на судѣ—и торжественное оправданіе подсудимаго явилось въ то же время и внушительнымъ назиданіемъ неумѣлому слѣдователю.

II.

Изъ всего этого прискорбнаго событія, осложненнаго еще мало понятными мотивами чисто-мѣстнаго и личнаго характера, или — по выраженію г. Е. Маркова — «партійными вліяніями»—какой выводъ могла сдѣлать независимая, уважающая себя печать, стоящая на стражѣ интересовъ правосудія и общественнаго порядка?

Въ характерѣ этихъ выводовъ нельзя было даже и сомнѣваться: онъ долженъ былъ явиться *порицательнымъ* въ самомъ сильномъ смыслѣ этого слова, и наивно было бы предполагать, что наша серьезная публицистика не только не возмутится оче-

Digitized by Google

видной предвзятостью предварительнаго слѣдствія, этимъ грубымъ хватаніемъ невинныхъ людей за шиворотъ, но объявить еще общественную подписку на поднесеніе золотаго бювара такому талантливому и доблестному служителю правосудія.

«Какой честный человѣкъ—справедливо восклицаетъ г. Марковъ—человѣкъ, дорожащій судьбою нашего правосудія, присутствуя на такомъ громогласномъ крахѣ предварительнаго слѣдствія, на такомъ публичномъ обличеніи несправедливости его, *могъ бы воздержаться и не крикнуть въ порывѣ душевной боли* другимъ честнымъ людямъ: «господа, да подойдите же сюда, да посмотрите же, что̀ тутъ дѣлается»?.. Личность обвиняемаго, личность слѣдователя исчезли сами собою въ глубокой важности общаго вопроса, одинаково касавшагося каждаго изъ насъ, ибо сегодня я—судья, слѣдователь, а завтра—такой же обвиняемый. Если даже менѣе важный вопросъ—о преданіи суду—въ законодательствѣ нашемъ обставленъ такими гарантіями, какъ санкція прокурора окружнаго суда и судебной палаты, то какимъ образомъ — казалось мнѣ — *возможно отдавать на единоличное усмотрѣніе начинающихъ слѣдственныхъ дѣятелей* (а они, замѣтимъ въ скобкахъ, всѣ—«начинающіе», ибо старыхъ, опытныхъ слѣдователей, утвержденныхъ въ должности и потому не смѣняемыхъ по одному желанію прокурора, почти не имѣется въ наличности) *такую страшную власть*, какъ лишеніе человѣка свободы и, соединенное съ этимъ, лишеніе чести? Житейски и юридически неопытный молодой человѣкъ, попавъ въ мало-знакомый ему кругъ дѣлъ и людей, такъ легко можетъ *поддаться духу мѣстныхъ настроеній и пристрастій*, также какъ и собственнымъ человѣческимъ слабостямъ! Сегодня онъ играетъ со мною въ карты, какъ со знакомымъ (а въ провинціи—прибавимъ отъ себя—больше всего занимаются этого рода общественною дѣятельностью и за нею ссорятся и грызутся ежеминутно) а завтра—вдругъ вправѣ посадить меня въ тюрьму по самому бездоказательному подозрѣнію. Какъ хотите, а въ этомъ есть что-то неестественное, *что-то черезчуръ для всѣхъ опасное*. Исполненный такихъ тревожныхъ мыслей, я не могъ вмѣстѣ съ тѣмъ забыть, что *присутствую не въ глухомъ застѣнкѣ старыхъ судовъ, а на публичномъ и гласномъ новомъ судѣ*, что именно эта публичность и гласность составляютъ органическую основу и плодотворный характеръ новаго суда, гарантирующій его правосудность; что и самъ судъ, и общество всегда призывали къ себѣ, какъ манну небесную, эту публичность и гласность, справедливо считая какъ бы неразрывною составною частью новаго судопроизводства широкое участіе въ немъ общественнаго мнѣнія: съ одной стороны, въ лицѣ печати, свободно обсуждающей судебные процессы, а съ

Digitized by Google

другой стороны—въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, которымъ ввѣряется даже самая участь подсудимыхъ. *Могъ ли я подозрѣвать, что совершаю уголовное преступленіе*, высказывая скромныя сужденія свои о фактахъ, получившихъ громкую огласку и на публичномъ судѣ, и на страницахъ многихъ газетъ,—фактахъ, наконецъ, даже офиціально обжалованныхъ предъ судебными властями? Я повторяю: «скромныя сужденія», ибо, по истинѣ, всякій слушатель имѣлъ бы полное нравственное право объяснить себѣ дѣйствія предварительнаго слѣдствія *съ точки зрѣнія, гораздо болѣе обидной для ихъ автора...* Я ограничился только указаніемъ на очевидную предвзятость и неправильные пріемы слѣдствія, *объясняя ихъ самымъ выгоднымъ для слѣдователя предположеніемъ*—возможностью *мѣстныхъ партійныхъ вліяній*, преждевременно убѣдившихъ слѣдователя въ несомнѣнной виновности обвиняемаго и побудившихъ его дѣйствовать *съ излишнею торопливостью и необдуманностью*».

Казалось бы, дѣйствительно, что честный человѣкъ и даровитый публицистъ, какимъ несомнѣнно является въ данномъ случаѣ г. Марковъ, имѣлъ полное право «крикнуть въ порывѣ душевной боли»,—т. е. въ корреспонденціи, напечатанной «Новымъ Временемъ»,—что г. Родиславскій «не по поступкамъ поступаетъ», запрятывая людей въ тюремный за̀мокъ по первому неосновательному подозрѣнію, возбужденному, можетъ быть, какими нибудь «партійными вліяніями», что слѣдствіе произведено имъ слишкомъ «торопливо и необдуманно» и что, наконецъ, гласный судъ, отошедшій отъ преданій стараго застѣнка временъ Шешковскаго, самъ нуждается въ коррективѣ безпристрастнаго общественнаго мнѣнія, независимой печати; самъ долженъ хлопотать о правильномъ контролѣ съ этой именно стороны. Это не значитъ—повиноваться «суду улицы», это значитъ только—не запирать дверей притоку чистаго воздуха, не замыкаться въ своемъ олимпійскомъ величіи, съ грозною связкой бичующихъ скорпіоновъ въ рукѣ... Все это казалось простымъ смертнымъ; все это казалось и намъ, уже отзывавшимся въ свой чередъ на удивительный случай въ странѣ щигровскихъ гамлетовъ; но... «есть вещи, другъ Гораціо, о которыхъ и не снилось мудрецамъ».

«Къ изумленію моему—иронически замѣчаетъ г. Марковъ—и, я увѣренъ, къ изумленію очень многихъ (мы причисляемъ и себя къ числу этихъ «изумленныхъ») преданъ былъ суду *не щигровскій судебный слѣдователь, совершившій эти дѣйствія, а писатель Евгеній Марковъ*, осмѣлившійся упомянуть о нихъ. На склонѣ своихъ лѣтъ, я, никогда до сихъ поръ не вѣдавшій, какъ отворяются двери въ камерѣ мироваго судьи или земскаго начальника, очутился въ роли уголовнаго пре-

Digitized by Google

ступника, подвергнутаго, *по важности своего преступленія*, суду высшей судебной инстанціи. *Меня держатъ больше года подъ угрозою уголовной кары* и заставляютъ, бросивъ свои дѣла (а дѣла у г. Маркова не одни его частныя: онъ управляетъ отдѣленіемъ дворянскаго банка) *совершить не легкое и не дешевое путешествіе, въ два конца, чуть не чрезъ всю Россію*, чтобы отдать отвѣтъ за мое дерзкое сомнѣніе въ основательности и правильности тѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій щигровскаго судебнаго слѣдователя, которыя, не смотря на капризныя опасенія г. Родиславскаго насчетъ подрыва моею статьею довѣрія къ нему, *не препятствуютъ ему благополучно продолжать свою службу въ томъ же мѣстѣ и на той же должности*».

III.

Итакъ, невозможное оказалось возможнымъ, на зло всѣмъ мудрецамъ и теоретикамъ права! Г. Марковъ, за которымъ числятся не однѣ литературныя, но также служебныя заслуги на педагогическомъ и финансовомъ поприщахъ, со свидѣтельской скамьи, гдѣ сидѣлъ онъ въ качествѣ сторонняго лица по вызову обвиняемаго, совершенно неожиданно пересаживается, по жалобѣ «обиженнаго» слѣдователя, на скамью подсудимыхъ и только по особой милости судьбы не попадаетъ въ то крѣпкое мѣсто, откуда еле-еле вырвался, оправданный судомъ, *мнимый* преступникъ.

Но какимъ образомъ могло произойти такое юридическое—скажемъ деликатно—недоразумѣніе? какимъ чудомъ исполненіе обязанностей—первѣйшихъ обязанностей—честнаго публициста познакомило этого публициста со всѣми удобствами и прелестями «нахожденія подъ судомъ?»

Объясняется это очень просто «по формѣ» и весьма загадочно «по существу». Въ нашемъ уголовномъ кодексѣ существуетъ, перенесенная туда изъ Франціи временъ второй имперіи, 1039-я статья, по которой всякое рѣзкое, хотя бы и правдивое, слово въ печати о дѣятельности частнаго или служебнаго лица можетъ быть притянуто къ суду по обвиненію въ *диффамаціи*, т. е. (по русскому переводу) въ «оглашеніи позорящихъ обстоятельствъ». Въ мѣстѣ рожденія этого закона, онъ возникъ съ цѣлью вуалировать дѣйствія наполеоновской администраціи, довольно безцеремонно обращавшейся и съ частными интересами, и съ народнымъ благомъ, но по внѣшности прикрывался намѣреніемъ — оградить *личную домашнюю жизнь* отъ назойливаго вторженія печатнаго шантажа. Въ этихъ послѣднихъ предѣлахъ, законъ о диффамаціи—въ особенности, par le temps qui court—могъ бы даже оказывать нѣ-

Digitized by Google

которую услугу обществу въ борьбѣ съ усилившеюся наглостью «разбойниковъ пера и мошенниковъ печати». Но прилично ли, возможно ли становиться подъ покровительство этого закона судебному дѣятелю по отношенію къ такимъ своимъ дѣйствіямъ, которыя не только не имѣютъ частнаго—тѣмъ болѣе домашняго—характера, но и не должны имѣть его, совершаясь торжественно и открыто на глазахъ всего общества, при полномъ свѣтѣ дня?! Вѣдь одно дѣло—мои домашнія распоряженія, семейныя обстоятельства и частныя предпріятія,—разъ только они не вступаютъ въ область публичнаго права,—и совсѣмъ другое дѣло—мои официальныя служебныя дѣйствія, которыя подлежатъ контролю и суду не одного лишь начальства, но, до нѣкоторой степени, и цѣлаго общества, съ интересами котораго они такъ близко соприкасаются. Здѣсь, въ этой области, мыслима только печатная *клевета*, т. е. формальная ложь, съ злостною цѣлью повредить чьей либо чести и доброму имени, а никакъ не диффамація, какъ *оглашеніе* позорящихъ обстоятельствъ, хотя бы эти обстоятельства и существовали на самомъ дѣлѣ.

Развѣ г. Марковъ виноватъ въ оглашеніи обстоятельствъ, которыя показались г. Родиславскому позорящими его безупречную слѣдовательскую дѣятельность? Вѣдь эти обстоятельства, по закону, приговорены къ оглашенію на публичномъ, гласномъ судѣ и, по самой природѣ своей, не могутъ относиться къ тому «домашнему сору», который, по старой пословицѣ, не выносится изъ избы? За оглашеніе этихъ обстоятельствъ,—если они оказались даже дѣйствительно позорящими для заинтересованнаго лица,—жалобу слѣдовало приносить... на гласность суда вообще и на наши «судебные уставы» въ частности. Но г. Родиславскій сдѣлалъ не такъ: онъ привлекъ къ уголовной отвѣтственности не остававшихся въ живыхъ творцовъ судебныхъ уставовъ, а злополучнаго свидѣтеля, воспользовавшагося неотъемлемымъ правомъ—изложить печатно свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ открытой для всѣхъ судебной залы.

Натурально,—какъ и слѣдовало ожидать отъ гласнаго суда, свято блюдущаго традиціи своихъ прежнихъ доблестныхъ «законоположниковъ»,—извѣтъ г. Родиславскаго улетучился, какъ дымъ, и «свидѣтель» пресловутаго щигровскаго процесса вышелъ изъ судебной палаты также блестяще оправданнымъ, какъ и инкриминированный землевладѣлецъ—изъ окружнаго суда. Нашъ кассаціонный сенатъ давно уже, устами своего талантливаго оберъ-прокурора А. Ѳ. Кони, призналъ за печатью высокую задачу—«*быть невидимымъ и громко вопіющимъ свидѣтелемъ неправды, творимой во тьмѣ и безгласности*»; тѣмъ болѣе эта печать должна стоять на стражѣ государственныхъ и общественныхъ интересовъ, поруганныхъ гласно и все-

Digitized by Google

народно. Тотъ же г. Кони, передъ лицомъ сената, призналъ *нравственнымъ долгомъ писателя*—«вести борьбу, путемъ печатнаго оглашенія, съ проявленіями грубаго произвола и явнаго неисполненія или искаженія должностными лицами обязанностей, налагаемыхъ на нихъ закономъ».

При такихъ выгодныхъ для нашей печати прецедентахъ, при такихъ авторитетныхъ разъясненіяхъ ея правъ и обязанностей, судебная палата не могла постановить иной резолюціи, и г. Родиславскій будетъ только напрасно тратить «labor et oleum», если вздумаетъ, путемъ кассаціи, обратиться къ сенату за повтореніемъ его прежнихъ взглядовъ.

Оканчивая нашу бесѣду съ читателями, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести заключительныя слова изъ прекрасной рѣчи Е. Л. Маркова: «Печать нашу поносятъ часто и много, и у печати нашей есть, безъ сомнѣнія, свои грѣхи, хотя *враговъ у нея гораздо больше, чѣмъ грѣховъ*, и хотя такъ мало еще сознаютъ у насъ *государственныя заслуги печати*. Вамъ, гг. судьи, лучше, чѣмъ кому нибудь, извѣстно, что во всѣхъ великихъ реформахъ и благодѣтельныхъ мѣрахъ нашей государственной и общественной жизни, во всѣхъ спасительныхъ обличеніяхъ нашихъ народныхъ язвъ, русская печать постоянно являлась передовымъ піонеромъ, самоотверженно прокладывавшимъ первые пути и открывавшимъ новые горизонты, тысячеглазымъ стражемъ народныхъ интересовъ. Но печать, гг. судьи, не бумага съ чернилами. Печать — это писатели. Разите своими суровыми приговорами писателей за всякое слово, сказанное не по вкусу тѣхъ, чьи дѣйствія они судятъ; вынуждайте ихъ даже свой жалкій «езоповскій языкъ» замѣнить молчалинскимъ—и печать погибла! *Молчалины и Тартюфы одни выступятъ царствовать въ ней*».

Этою блестящею защитой достоинства и заслугъ нашего печатнаго слова г. Марковъ напомнилъ намъ столь же прекрасно мотивированное мнѣніе одного изъ достойнѣйшихъ дѣятелей нашего судебнаго вѣдомства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и высоко даровитаго русскаго писателя, до сихъ поръ не оцѣненнаго по заслугамъ,—князя В. Ѳ. Одоевскаго.

Свѣтъ свободной мысли и свободнаго слова—говорилъ кн. Одоевскій—какъ свѣтъ солнца, истребляетъ гниль и плѣсень, гнѣздящуюся въ глухихъ и темныхъ закоулкахъ общественной жизни, лишенныхъ притока свѣжаго воздуха; этотъ божій свѣтъ прогоняетъ призраки, страшные только въ сумеркахъ, подъ вліяніемъ разстроеннаго воображенія. *Такого очистительною и, въ основѣ своей, зиждущею силою кн. Одоевскій считалъ свободу прессы*, не смотря на случайныя уклоненія, ошибки и даже злонамѣренность нѣкоторыхъ ея дѣятелей. Злоупотребленія и профанація возможны въ самомъ святомъ

Digitized by Google

дѣлѣ, но они нисколько не роняютъ достоинствъ общаго принципа; даже больше: *злоупотребленія тѣмъ чаще встрѣчаются, чѣмъ ограниченнѣе кругъ дѣйствующихъ лицъ*, чѣмъ больше проникнутъ онъ духомъ кумовства и парціальности. Здравый общественный смыслъ только тогда вступаетъ въ свои права, когда каждый мыслящій человѣкъ можетъ вполнѣ и открыто высказывать въ печати свои мнѣнія по всѣмъ интересующимъ его вопросамъ. При этомъ условіи, никакое кумовство, никакая злонамѣренность не собьютъ съ толку общество, достаточно вооруженное для борьбы съ ними. Подтвержденіе этому В. Ѳ. Одоевскій находилъ въ той долѣ свободы, которая была предоставлена русской печати съ началомъ реформъ Александра II и благодаря которой наши журналы могли не только подготовить общество къ разумному воспріятію этихъ реформъ, но и установить почву для дальнѣйшихъ преобразованій. Эта важная,—можно сказать, государственная—заслуга, принадлежащая русской прессѣ, неизмѣримо превышала, по мнѣнію Одоевскаго, всѣ ея слабыя стороны, ошибки и увлеченія [1]).

Того же мнѣнія держится до сихъ поръ и высшая судебная инстанція въ Россіи, къ великому счастію для нашего, не очень-то покровительствуемаго судьбою и гг. Родиславскими, печатнаго слова.

Ефимъ Простосердовъ.

[1]) См. монографію *А. П. Пятковскаго*: «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія», часть II, стр. 295.

Digitized by Google

Новый годъ.

I.

Надъ туманною столицей
Дни проходятъ вереницей;
Имъ давно потерянъ счетъ...
Годъ прошелъ. Ему на смѣну
Новый выступилъ на сцену;
Что жь съ собою онъ несетъ?
Для меня онъ—единица
На столбцахъ календаря;
На него красотка злится,
Хмурно въ зеркало смотря.
Дровяникъ таитъ желанье
Къ февралю набить мошну;
Эскулапы—упованья
Возлагаютъ на весну.
Бюрократъ къ святой недѣлѣ
Ждетъ въ петличку орденокъ;
Почтальонъ, въ лихомъ удѣлѣ,
Жаждетъ отдыха для ногъ...
Нѣтъ конца предъ годомъ новымъ
Всѣмъ желаньямъ безтолковымъ;
Даль грядущаго темна...
Что бы насъ ни ожидало—
Въ честь его поднявъ бокалы,
Мы осушимъ ихъ до дна!..

II.

Съ Новымъ годомъ!.. Съ вопросами старыми,
Съ «расхищеньемъ» общественныхъ кассъ,
Съ дифтеритомъ, съ холерой, съ пожарами,
Господа, поздравляю я васъ!
Съ увлеченіемъ легкой наживою,
Со сдираньемъ съ людей сотни кожъ,
Съ прежней совѣстью, гибкой и лживою,
И съ продажной душою за грошъ;
Съ порываньями къ благу минутными,
Въ мигъ досуга отъ дрязгъ и заботъ,
И, въ концѣ, съ упованьями смутными,
На иной наступающій годъ...

Хмурый Бардъ.

Digitized by Google

Ради любви.

(Гимнъ влюбленнаго петербуржца).

Полюби меня, дитя!
За любовь (скажу не ложно)
Сдѣлать радъ я, не шутя,
То, что́ вовсе невозможно.
За идеи и за слогъ
Я прославлю князя Точку;
У банкира Шерсти-Клокъ
Я билетъ куплю въ разсрочку
И, надежду сохраня
Жить на свѣтѣ многи лѣта,
Я клянусь *дожить* до дня
Полученія билета...
Мнѣ словесная война
Не страшна: вертясь, какъ флюгеръ,
Нападу на Кедрина
Я смѣлѣй, чѣмъ гласный Крюгеръ.
Я Потапенку пойму,
Имъ занявшись на досугѣ;
Піотровича Ѳому
Позову я при недугѣ...
Я до слезъ пассажныхъ «павъ»
Доведу тирадой жалкой,
А, къ Тумпакову попавъ,
Удалюсь предъ общей свалкой...
Наконецъ, любовью гордъ,
Похудѣвъ при этомъ, кстати,
Я невиданный реккордъ
Совершу на «самокатѣ»:
Я отправлюсь въ Новый свѣтъ,
Предъ трудами не пасуя:
На себѣ велосипедъ
Всю дорогу повезу я...

Невскій Житель.

Саратов. Областная БИБЛИОТЕКА Периодика.

Digitized by Google

XX-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1895 ГОДЪ

НА

„St. Petersburger Herold"

(„С.-Петербургскій Герольдъ")

ИЗДАНІЕ

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Акціонернаго Общества Типографскаго Дѣла въ С.-Петербургѣ.

ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

самая большая газета выходящая въ Россіи на нѣмецкомъ языкѣ.

☛ Газета «ГЕРОЛЬДЪ», по объему даваемыхъ ежедневно свѣдѣній и по распространенію въ Россіи и за границею, считается

ПЕРВЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКѢ ВЪ РОССІИ,

въ виду чего особенно рекомендуется для помѣщенія

ОБЪЯВЛЕНІЙ,

которыя получаютъ обширное распространеніе среди нѣмецкаго и вообще иностраннаго населенія обѣихъ столицъ и всей Имперіи.

ЦѢНА ПОДПИСКИ СЪ ДОСТАВКОЮ:		ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ:	
За годъ . . .	14 руб. — коп.	За строку I-й стр. . .	40 коп.
» 1/2 года .	8 » — »	» » въ отд. рекламъ	20 »
» 1/4 » .	4 » 50 »	» » за текстомъ .	12 »

Подписка и объявленія принимаются у всѣхъ книгопродавцевъ Имперіи по цѣнамъ редакціи.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., д. № 3.

Телефонъ № 514.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 Г. НА ЖУРНАЛЪ

XV г. „ОСКОЛКИ“ г. XV.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И ПРИ ПОСТОЯННОМЪ УЧАСТІИ

Н. А. ЛЕЙКИНА.

Еженедѣльный (52 нумера въ годъ), иллюстрированный юмористическій журналъ «Осколки», съ карикатурами, вступая въ ПЯТНАДЦАТЫЙ годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1895 году подъ той же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1894 году.

Журналъ «Осколки» издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій, помѣщая на своихъ страницахъ въ теченіе года до 1000 юмористическихъ и карикатурныхъ, художественно выполненныхъ рисунковъ, какъ въ краскахъ, такъ и черныхъ, и до 1300 юмористическихъ и сатирическихъ статей, въ стихахъ и въ прозѣ, а именно: легкихъ фельетонныхъ набросковъ изъ текущей жизни, разсказовъ, сценъ, шаржей, пародій, очерковъ, анекдотовъ, шутокъ, изреченій, каламбуровъ, шарадъ, загадокъ и пр.

Время отъ времени, редакція предлагаетъ ребусы, шарады и загадки на премію.

Всѣ годовые подписчики получатъ ВЪ КОНЦѢ 1895 года

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ

ЮМОРЪ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

ВЪ РИСУНКАХЪ.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:		БЕЗЪ ДОСТАВКИ И ПЕРЕСЫЛКИ:	
На годъ съ безпл. премій .	9 руб.	На годъ съ безпл. премій .	8 р.—к.
На полгода безъ преміи . .	5 »	На полгода безъ преміи . .	4 » 50 »
На три мѣсяца безъ преміи .	3 »	На три мѣсяца безъ преміи .	2 » 50 »
За границу на годъ	10 »		

За пересылку преміи приплаты не полагается.

Допускается разсрочка подписной платы черезъ господъ Казначеевъ или по личному соглашенію подписчика съ Главной Конторой журнала «Осколки». Подписавшіеся съ разсрочкой получатъ премію лишь по уплатѣ все подписной суммы.

Подписка принимается: въ Главной конторѣ журнала «Осколки» въ Петербургѣ (*Спасская ул., д. № 17*).

Редакторы-Издатели Н. Лейкинъ и Р. Голике.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

1895 г. НОВЬ 1895 г.

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 12-ти ПЕРЕПЛЕТЕННЫХЪ ТОМОВЪ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО

ЗА 14 РУБЛЕЙ

Подписчики получаютъ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи, безъ всякой доплаты за пересылку преміи:

1) ЖУРНАЛЪ НОВЬ

24 выпуска въ форматѣ наибольшихъ европейскихъ иллюстрацій.

2) Особый иллюстрированный отдѣлъ МОЗАИКА (24 выпуска),

составляющій самостоятельн. журналъ по прикладн. знаніямъ, вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.

3) ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

12 ежемѣсячныхъ книжекъ романовъ и повѣстей.

4) ДВѢ НОВЫЯ КНИГИ ФОРМАТА IN-FOLIO

„ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ“

Отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи,

ВЪ ДВУХЪ РОСКОШНЫХЪ КОЛЕНКОРОВЫХЪ ПЕРЕПЛЕТАХЪ.

5) 12 томовъ новаго изданія полнаго собранія сочиненій

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО

въ 12-ти изящныхъ переплетахъ изъ лучшаго англійскаго краснаго коленкора съ богатыми тисненіями какъ на передней, такъ и на задней сторонѣ, съ красивыми обложками и въ прочномъ папочномъ футлярѣ.

XI (1895) подписной годъ начался съ 1-го Ноября 1894 г.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за всѣ вышеобъявленныя изданія вмѣстѣ съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи . . . . . **14 р.**

безъ всякой доплаты за пересылку преміи.

Допускается подписка на „НОВЬ“ съ разсрочкою платежа.

Подписка принимается исключительно въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ въ С.-Петербургѣ, Гостиный дворъ, № 18; въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, № 12, и въ редакціи «НОВИ» въ С.-Петербургѣ, Васильевск. Островъ, 16 линія, собств. д. № 5—7.

Редакторъ и издатель *Александръ Маврикіевичъ Вольфъ.*

Открыта подписка на 1895 годъ на

АРТИСТЪ

(годъ 7-й).

ЖУРНАЛЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ 1895 году «АРТИСТЪ» будетъ попрежнему выходить
ЕЖЕМѢСЯЧНО по ТОЙ ЖЕ ПРОГРАММѢ.

Въ 1895 году въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи по всѣмъ искусствамъ (живопись, архитектура, скульптура, музыка и театръ), романы, повѣсти и разсказы, преимущественно оригинальные, монографіи о русскихъ писателяхъ, композиторахъ и художникахъ (со снимками съ ихъ произведеній), критическія статьи, статьи по разнымъ вопросамъ русской и иностранной литературы, мемуары и письма писателей, художниковъ и артистовъ, періодическіе обзоры литературной и художественной жизни всей Европы, драматическія произведенія, преимущественно современнаго репертуара, музыкальныя произведенія, корреспонденціи, хроника, рисунки постановокъ пьесъ, портреты и снимки съ картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, исполненные офортомъ, гелiогравюрою, фототипіей, фототипіей въ краскахъ, фототипіей на мѣди, автотипіей и хромографіей.

Въ 1895 году въ беллетристическомъ отдѣлѣ будутъ напечатаны романы и повѣсти гг. А. П. Чехова, Г. А. Мачтета, П. П. Гнѣдича, И. Н. Потапенко, Вас. И. и Влад. И. Немировичъ-Данченко, М. Н. Альбова, А. А. Лугового, Е. П. Гославскаго, И. Л. Щеглова-Леонтьева, В. М. Михеева, А. А. Вербицкой, Н. А. д'Ессаръ, А. М. Васнецова и друг.

Въ журналѣ по прежнему будутъ принимать участіе:

проф. Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскій и гг. Вл. А. Александровъ, Н. Ф. Арбенинъ, А. С. Аренскій, А. Ф. Арендсъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. В. Басинъ, Ю. Безродная, В. А. Бенелишевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. П. Боголюбовъ, К. М. Быковскій, В. М. и А. М. Васнецовы, П. П. Вейнаринъ, В. Л. Величко, В. В. Верещагинъ, П. П. Викторовъ, проф. М. Я. Виллiе, Е. Е. Волковъ, бар. В. Г. Врангель, А. Ѳ. Гельцеръ, А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, А. О. Гунстъ, М. А. Давыдовъ, В. П. Далматовъ, М. М. Дальневичъ, Н. В. Досѣкинъ, Л. М. Жемчужниковъ, П. В. Жуковскій, проф. Д. Н. Зерновъ, И. И. Ивановъ, М. М. Ипполитовъ-Ивановъ, А. И. Ильинскій, Н. В. Казанцевъ, Е. П. Карповъ, Н. Д. Кашинъ, А. А. Киселевъ, Г. Конюсъ, В. Г. Короленко, Н. А. Касатинъ, К. А. Коровинъ, М. П. Клодтъ, Н. Р. Кочетовъ, С. Н. Кругликовъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Ц. А. Кюи, Л. Ф. Лагоріо, К. В. Лемохъ, К. В. Лебедевъ, А. П. Ленскій, В. С. Лихачевъ, проф. П. А. Лященко, А. А. Луговой, В. Е. и К. Е. Маковскіе, В. М. Максимовъ, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Э. Э. Материнъ, В. В. Матэ, Г. А. Мачтетъ, Д. С. Мережковскій, В. М. Михеевъ, проф. Милюковъ, Г. Г. Мясоѣдовъ, Э. Ф. Направникъ, П. М. Невѣжинъ, П. А. Нилусъ, Е. С. Некрасова, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. П. Новицкій, Л. О. Пастернакъ, В. В. Переплетчиковъ, В. В. Подкольскій, В. Д. Поленовъ, И. Н. Потапенко, В. И. Ребиковъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, А. А. Рицдони, И. Е. Рѣпинъ, Г. С. Рыбаковъ, К. А. Савицкій, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, В. Я. Свѣтловъ, А. Ю. Симонъ, А. Н. Сиротининъ, В. Д. Соколовъ, К. М. Станюковичъ, В. В. Стасовъ, А. И. Сомовъ, С. С. Соломко, А. С. Степановъ, В. Я. Суреньянцъ, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), В. С. Сѣрова, Н. И. Тимяевскій, С. Н. Филипповъ, проф. И. В. Цвѣтаевъ, М. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, Вс. и Вас. Чешихинъ, В. А. Чечоттъ, О. Н. Чюмина, В. И. Шенрокъ, А. Н. Шильдеръ, И. И. Шишкинъ, И. В. Шпажинскій, И. Л. Щегловъ-Леонтьевъ, В. Р. Щигровъ, Н. А. Ярошенко, А. А. Ярцевъ, А. Ф. и А. А. Ѳедотовы и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА остается прежняя: безъ доставки въ Москвѣ **10** р., на полгода **6** р.; съ пересылкой и доставкой **12** р., на полгода, **7** р.; съ пересылкой за границу на годъ **14** р., на полгода **8** р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: При подпискѣ 2 р. и ежемѣсячно не менѣе **1** р. до уплаты полной подписной суммы.

Редакція и главная контора: Москва, у Арбатскихъ воротъ, д. Шмитъ.

Отдѣл. конторы: Петровскія линіи № 15—16, магазинъ бывш. П. К. Прянишникова.

Телефонъ редакціи № 890, телефонъ Главной конторы № 1490.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНУЮ ПОЛИТИЧЕСК. ОБЩЕСТВЕНН. И КОММЕРЧЕСК. ГАЗЕТУ

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты — возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Ф. Анненскій, А. Н. Ахмеровъ, А. Н. Барановъ, А. П. Батуевъ, Н. Н. Блиновъ, М. П. Бородинъ, проф. Булдэ, С. И. Васюковъ, Н. Г. Гаринъ, И. А. Гаркави, В. А. Гольцевъ, проф. А. Ѳ. Гусевъ, С. Я. Елпатьевскій, проф. Н. П. Загоскинъ, П. В. Засодимскій, Ивановичъ, А. П. Ивановъ, В. Ильковъ, В. Г. Короленко, проф. М. Я. Капустинъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, Г. Ф. Кудрявцевъ, проф. Любимовъ, К. В. Лаврскій, проф. Л. Б. Мандельштамъ, Н. К. Михайловскій, Н. Е. Михайловскій, А. Д. Мысовская, В. Н. Назарьевъ, К. В. Назарьева, Островская, Онгирскій-Ленскій, М. А. Плотниковъ, В. О. Португаловъ, Посадскій, П. Пчелинъ, А. М. Пѣшковъ, Н. В. Ремезовъ, проф. Н. П. Слугиновъ, Сѣрова, И. И. Степановъ, А. Н. Хардинъ, проф. А. Н. Штукенбергъ, Е. Н. Щепетильникова, проф. Э. П. Янишевскій, Н. Ѳ. Юшковъ, А. М. Ѳедоровъ, проф. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:		ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:
съ доставкой:	безъ доставки:	
На годъ . . . 7 р. — к.	На годъ . . . 6 р. 25 к.	На годъ . . . 9 р. — к.
— полгода. . 4 » — »	— полгода. . 3 » 25 »	— полгода. . 5 » — »
— 3 мѣсяца . 2 » 25 »	— 3 мѣсяца . 1 » 75 »	— 3 мѣсяца . 2 » 75 »
— 1 мѣсяцъ. — р. 75 к.	— 1 мѣсяцъ. — р. 60 к.	— 1 мѣсяцъ . 1 р. — к.

Допускается разсрочка: для иногородныхъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р., для городскихъ — 2 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 р., 1 іюня 1 р.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1895 годъ безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету безплатно со дня подписки до 1-го января 1895 года.

Подписка принимается въ главной конторѣ *Волжскаго Вѣстника* на углу Грузинской и Театральной ул., д. Булыгина, а также въ ея отдѣленіяхъ: при книжныхъ магазинахъ Н. Я. Башмакова (Воскресенская, городской Пассажъ), А. А. Дубровина (Гостинный дворъ № 1), въ зданіи Биржи, у секретаря, и въ правленіи общества приказчиковъ у К. П. Алексѣева, въ Симбирскѣ (Стрѣлецкая ул., д. Романова). Въ Вяткѣ въ книжномъ магазинѣ Тиханова.

Требованія на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакція ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА.

Редакторъ-Издатель Н. Рейнгардтъ.

Digitized by Google

ВТОРОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

XI годъ изданія.

ВОКРУГЪ СВѢТА

50 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ №№ ВЪ ГОДЪ,

по изяществу внѣшности и полнотѣ содержанія не уступающихъ ни одному даже изъ болѣе дорогихъ журналовъ. Каждый № состоитъ изъ 2-хъ печатныхъ листовъ, заключающихъ въ себѣ 16 страницъ текста и отъ 6-ти до 8-ми рисунковъ русскихъ и заграничныхъ художниковъ. Содержаніе каждаго № составляютъ полные захватывающаго интереса романы, изображающіе приключенія и путешествія во всѣхъ частяхъ свѣта, описанія путешествій, интересные повѣсти и разсказы, хроника событій, научныя извѣстія, смѣсь. Въ журналѣ попрежнему будутъ участвовать: *Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. Н. Потапенко, В. И. Немировичъ-Данченко, Н. Н. Каразинъ, С. П. Мечъ, Н. П. Боголюбовъ, К. М. Станюковичъ, Э. Р. Циммерманъ*, проф. *А. Н. Гренъ, С. А. Качіони* и многіе другіе.—*Иностранная литература* путешествій и приключеній будетъ, какъ всегда, представлена въ журналѣ произведеніями ея корифеевъ; такъ, будутъ помѣщены: новый романъ *Жюля Верна*, съ рисунками *Бенетта* и *Ру*; романъ изъ жизни лопарей: «Снѣжная лилія», съ художественными иллюстраціями; романъ изъ эпохи возстанія сипаевъ: «Наслѣдникъ раджи», съ рисунками *Клериса* и мн. др. Очень оригинальный романъ военнаго характера, написанный капитаномъ *Данри* и, кромѣ того, повѣсти, разсказы и очерки *Стивенсона, Киплинга, Райдера-Хаггарда, Андрэ, Лори, Каниве* и другихъ.

Въ приложеніи будетъ помѣщено:

12 ЕЖЕМѢС. ИЛЛЮСТР. ЛУЧШИМИ ЗАГРАНИЧН. ХУДОЖН. КНИГЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ МАЙНЪ-РИДА,

состоящее изъ слѣдующихъ романовъ (безъ сокращеній) этого любимаго писателя: *1) Затерявшаяся гора; 2) Островъ діавола; 3) Квартеронка; 4) Переселенцы Трансвааля; 5) Всадникъ безъ головы; 6) Водяная пустыня; 7) Пропавшая сестра; 8) Морской волкъ; 9) Охотники за черепами; 10) Дочери скваттера; 11) Прогулка боеровъ; 12) Охотники за жирафами.*

Кромѣ того, при доплатѣ 1 р. на упаковку и перес., **годовые подписчики получатъ**

РОСКОШНУЮ ПРЕМІЮ:

огромную, размѣр. 17×27 вер., художественную олеографію, испол. въ 40 крас. въ заведеніи *бр. Кауфманъ въ Берлинѣ.*

„ТЕРЕКЪ ШУМИТЪ“

съ карт. художн. Сахарова.

Эта большая олеографическая картина изображаетъ горный пейзажъ на Кавказѣ. Южная лунная ночь. Пѣнясь и бушуя, мчится Терекъ между горныхъ тѣсninъ. Онъ дикъ и неукротимъ, но человѣкъ все же успѣлъ наложить на него свою руку: черезъ рѣку перекинутъ мостъ, стойко выдерживающій напоръ ея сердитыхъ волнъ.—Таковъ сюжетъ картины. Что касается исполненія, то оно со стороны художественности не оставляетъ желать ничего лучшаго. Эффекты луннаго свѣта, ночное южное небо, пѣнящаяся вода подъ серебряными лучами мѣсяца, громада горъ, уходящая вдаль и въ высь—все это передано съ неподражаемымъ искусствомъ и съ такой художественной правдой, что получается полная иллюзія. Глядя на картину, забываешь, что это—только картина, а не дѣйствительность.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА:

съ романами Майнъ-Рида, съ пересылкою и доставкою:

4 руб. въ годъ; 2 руб. 50 коп. за 1/2 года; 1 руб. 40 коп. за 1/4 года.

Допускается **разсрочка** годовой цѣны по одному рублю въ 3 мѣсяца. Годовые подписчики, уплатившіе при подпискѣ за пересылку преміи, получаютъ ее немедленно, съ первыми №№ журнала.

Адресъ редакціи „Вокругъ Свѣта“: Москва, Валовая улица, домъ Т-ва И. Д. Сытина.

Редакторъ *Е. Н. Киселевъ.* Издатели: *Т-во И. Д. Сытина.*

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1895** Г.

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ

Научно-популярный журналъ, предназначенный для родителей и воспитателей, имѣющій цѣлію—распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ, по слѣдующей программѣ:

1) **Оригинальныя и переводныя статьи.**—2) **Критика и библіографія.**—3) **Мелкія сообщенія** (рефераты).—4) **Хроника.**—5) **Приложенія**—литературно-педогогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. д.—6) **Объявленія.**

Въ «Приложеніяхъ», между прочимъ, будутъ напечатаны: «Мирная армія» (Очерки изъ быта просвѣтителей деревни) *А. В. Круглова.*—«Наблюденія надъ жизнью дѣтей» (Письма къ другу) *Скифа* и др. Къ журналу будутъ прилагаться рисунки.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Сроки выхода в о с е м ь разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года, а въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходить не будетъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., полгода 3 р.; съ пересылкой за границу въ годъ 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на 1 р.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, Софійская Дѣтская больница, кварт. Главн. Д-ра) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала.

1—2 Редакторъ-Издатель д-ръ **Е. А. Покровскій.**

Вышла и поступила въ продажу въ главныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы новая книга:

Сочиненія Ф. Д. НЕФЕДОВА.

Томъ второй. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1895 г. Стр. 4 + 448. Ц. 1 р. 50 к.

Складъ книги у издателя: Москва, Мясницкая ул. Тамъ же можно получить и первый томъ сочиненій того же автора. Ц. 1 р. 50 к. (число экземпляровъ ограничено).

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 1-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

		Стран.
I.	Изъ разсказовъ: «Концы и начала». («Пріютъ для престарѣлыхъ и убогихъ вдовъ и дѣвицъ»). А. Михайлова	11
II.	Два стихотворенія А. В. Круглова	36
III.	Европа во всеоружіи. А. П. Липранди	38
IV.	Разлука. Стихотвореніе М. М. Гербановскаго	55
V.	Свѣту больше! Историческій романъ Д. Л. Мордовцева	56
VI.	Дифтеритъ и новое средство его лѣченія. В. Г. Швецова	104
VII.	Толпа. Стихотвореніе К. М. Фофанова	116
VIII.	Расплата. Романъ В. Свѣтлова	117
IX.	Правда и ложь о еврейскомъ землевладѣніи. А. Н. Котельникова	154
X.	Венеціанки. Романъ миссъ Брэддонъ	165
XI.	Въ дорогѣ. Стихотвореніе В. К. Булгакова	229
XII.	Очерки иностранной литературы. В. Р. Зотова	231
XIII.	Наша журналистика	248
XIV.	Молебенъ въ деревнѣ. Стихотвореніе Н. Панова	258
XV.	Изъ американской жизни. (Путевыя впечатлѣнія). В. Святловскаго	259
XVI.	Дешевая артель. (Плотничья легенда). І. І. Ясинскаго	278
XVII.	Въ желѣзнодорожномъ мірѣ. (Очерки и картинки). С. Васюкова.	292
XVIII.	Изъ-за океана къ домашнему очагу. Быль. А. В. Амфитеатрова. (Old Gentleman)	316
XIX.	Эпоха увлеченій. (Изъ воспоминаній русскаго гарибальдійца). Н. А. Попова	336
XX.	Памяти Почившаго. Стихотвореніе З.	364
XXI.	Чѣмъ обязана Императору Александру III русская историческая наука? С. С. Трубачева	365
XXII.	Господинъ министръ. Романъ Кларети	384
XXIII.	Изъ дневника. Стихотвореніе П. Тулуба	428

Современное обозрѣніе.

XXIV.	Политическая хроника	1
XXV.	Новыя книги	10
XXVI.	Наши внутреннія дѣла	20
XXVII.	Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) «И смѣхъ, и горе». (Литературныя и общественныя замѣтки). Ефима Простосердова	34
	2) Стихотворенія: Хмураго Барда и Невскаго Жителя	43
XXVIII.	Объявленія	1—7

GENERAL BOOKBINDING CO.
74 QUALITY CONTROL MARK
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google